

AF

Ad fontes Выпуск 29

Материалы и исследования
по истории науки

Научный совет серии

д. и. н. Е. Ю. Басаргина, чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуков,
д. и. н. С. Н. Искюль, акад. РАН Н. Н. Казанский,
акад. РАН А. В. Лавров, акад. Гёттингенской АН В. Лефельдт,
акад. РАН С. И. Николаев, чл.-корр. РАН И. Ф. Попова,
чл.-корр. РАН И. В. Тункина (председатель)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕРИЯ AD FONTES

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

ВЫПУСК 29

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ АКАДЕМИКОВ XIX ВЕКА

**Сборник документов и материалов
А — И**

Составители

Е. Ю. Басаргина, М. Н. Додеус, О. А. Кирикова

Редакторы

И. В. Тункина, Е. Ю. Басаргина

РЕНОМЕ

Санкт-Петербург
2025

УДК 001:929
ББК 72.3
И73

*Рекомендовано к изданию Федеральным государственным бюджетным учреждением
«Санкт-Петербургское отделение Российской академии наук»*

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН*

*Издано при финансовой поддержке Федерального государственного бюджетного
учреждения «Санкт-Петербургское отделение Российской академии наук»*

Рецензенты:

к. и. н. Л. Д. Бондарь (СПбФ АРАН),
д. и. н. И. В. Черказьянова (ЛГУ им. А. С. Пушкина)

Интеллектуальные портреты академиков XIX века : сборник документов и материалов. А — И / сост. Е. Ю. Басаргина, М. Н. Додеус, О. А. Кирикова ; ред. И. В. Тункина, Е. Ю. Басаргина ; СПбО РАН ; СПбФ АРАН. — Санкт-Петербург : Реноме, 2025. — xxvi, 526 с. : ил., [20] с. вкл. — (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 29).

ISBN 978-5-00256-135-3

DOI: 10.25990/archiveras.6fwz-pp93

Сборник посвящен просопографии ведущих академических ученых в разных областях знания. На широком круге источников из фондов и коллекций Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) рассматриваются творческие судьбы 30 академиков с фамилиями на буквы А — И. Важной чертой издания по сравнению с традиционными биографическими словарями является то, что это не набор жизнеописаний, а собрание материалов для интеллектуальных портретов. Публикуются официальные документы, фрагменты историко-научного и эпистолярного наследия, воспоминания современников, отклики на труды.

Издание рассчитано на ученую публику, ученых, а также на всех читателей, интересующихся историей отечественной науки.

УДК 001:929
ББК 72.3

© Е. Ю. Басаргина, М. Н. Додеус, О. А. Кирикова,
составление, 2025

© Санкт-Петербургский филиал Архива Российской
академии наук (СПбФ АРАН), иллюстрации, 2025

© ООО «Реноме», редакционно-издательская
подготовка, 2025

ISBN 978-5-00256-135-3

Содержание

Лики академической науки XIX в. (И. В. Тункина)	vii
Протагонисты академической науки XIX века (Е. Ю. Басаргина)	ix
Археографическое предисловие (О. А. Кирикова)	xviii
Хронология избранных ученых в действительные члены и даты, важные для истории Академии наук XIX века (Е. Ю. Басаргина)	xx
Абих Герман Вильгельмович (Е. Ю. Басаргина, О. А. Кирикова)	2
Анучин Дмитрий Николаевич (О. А. Кирикова)	22
Баклунд Оскар Андреевич (Е. Ю. Басаргина)	34
Бейльштейн Федор Федорович (О. А. Кирикова)	49
Бекетов Николай Николаевич (О. А. Кирикова)	63
Белопольский Аристарх Аполлонович (О. А. Кирикова)	76
Бётлингк Оттон Николаевич (М. Н. Додеус, Е. Ю. Басаргина)	90
Брандт Федор Федорович (О. А. Кирикова)	103
Бредихин Федор Александрович (Е. Ю. Басаргина)	118
Бунге Николай Христианович (Е. Ю. Басаргина)	129
Буняковский Виктор Яковлевич (Е. Ю. Басаргина)	143
Бутлеров Александр Михайлович (Е. Ю. Басаргина)	170
Бычков Афанасий Федорович (О. А. Кирикова)	180
Бэр Карл Максимович (М. Н. Додеус, Е. Ю. Басаргина)	193
Васильев Василий Павлович (Е. Ю. Басаргина)	221
Васильевский Василий Григорьевич (Е. Ю. Басаргина)	226
Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович (Е. Ю. Басаргина)	239
Веселовский Константин Степанович (Е. Ю. Басаргина)	244
Вильд Генрих Иванович (О. А. Кирикова)	274
Востоков Александр Христофорович (О. А. Кирикова)	291
Гельмерсен Григорий Петрович (М. Н. Додеус)	307
Гесс Герман Иванович (О. А. Кирикова)	329
Голицын Борис Борисович, кн. (Е. Ю. Басаргина)	348
Грефе Федор Богданович (М. Н. Додеус, Е. Ю. Басаргина)	369
Грот Яков Карлович (Е. Ю. Басаргина)	396
Дорн Борис Андреевич (М. Н. Додеус, О. А. Кирикова)	414
Дубровин Николай Федорович (Е. Ю. Басаргина)	437
Ернштедт Виктор Карлович (Е. Ю. Басаргина)	456
Зинин Николай Николаевич (О. А. Кирикова)	465
Иннокентий, арх. (в миру Иван Алексеевич Борисов) (Е. Ю. Басаргина)	479
Список иллюстраций	487
Список сокращений	488
Аннотированный указатель имен	489

Лики академической науки XIX в.

Предлагаемое вниманию читателей издание представляет собой публикацию архивных документов и материалов для интеллектуальных портретов тридцати действительных членов Императорской Санкт-Петербургской академии наук XIX в., составивших ее славу. Научная деятельность Академии в позапрошлом столетии привела к качественному сдвигу в русской культуре рубежа XIX–XX вв. и формированию ведущих научных школ мирового уровня в разных областях научного знания. Документы отобраны составителями с определенных позиций — «в поисках человека». Поясню, о чем речь.

Институциональной и когнитивной истории «первенствующего ученого сословия» России — Императорской Санкт-Петербургской академии наук XIX в. — посвящены сотни книг и тысячи научных статей. На наших глазах происходит отказ специалистов от безликих историографических обзоров и переход к публикации архивных первоисточников. Всесторонне разрабатывается творческое наследие ученых: переиздаются их наиболее значительные работы, извлекаются из архивов и публикуются труды, по условиям «внешнего порядка» не опубликованные при их жизни, а также богатейшее эпистолярное наследие и мемуары виднейших представителей науки. Предпринимаются попытки воссоздать творческий путь ученых, издаются посвященные им биографические очерки (правда, нередко носящие не научный, а скорее беллетристический характер) и сборники документов. Отрадно отметить, что во многих работах портреты ученых подкреплены анализом их научного творчества, подчеркивающим не только историографическую значимость трудов, но и представляющим перспективу намеченных предшественниками путей исследования в актуальном контексте современной российской науки. Таким образом, в центр историко-научных исследований в последние годы вернулся сам творец науки — конкретный ученый.

Рост объема фактических историко-научных данных заставляет поставить вопрос о принципах и задачах ретроспекции. Большинство историков следуют традиционным историческим приемам анализа и критики историографии, документальных и мемуарных источников, но составители тома стараются выйти за рамки общепринятой методологии и пытаются обогатить их достижениями многочисленных смежных дисциплин, помогающих уяснить характер и механизмы влияния различных внешних и внутренних факторов на эволюцию научного знания. Для России крайне важно изучение взаимоотношений науки и власти — очевидно определяющее влияние российских государственных и общественных приоритетов, в том числе геополитических целей правящей элиты, практических потребностей государства, как на развитие науки в целом, так и на историю отдельных научных дисциплин и судьбы отдельных исследователей.

Историко-антропологический подход, которому во многом следуют составители тома, ставит задачу разглядеть сквозь время *человеческое лицо науки*. Историческая антропология науки затрагивает важнейшие аспекты историко-научных исследований

и изучает исторический контекст развития научного знания — каково значение творчества ученых в русской культуре, каким образом их повседневная деятельность связана с их взглядами. Научная преемственность (и прямая, и прерывавшаяся) представлена не только как преемственность поколений, но и как некий объем информации, передающейся из поколения в поколение, как система коммуникаций, растянутая не только во времени, но и в пространстве. Изменения в науке являются в значительной мере результатом нарушений в системе коммуникации, объясняющихся давлением различных социально-экономических, политических и культурных факторов. Внутренние и внешние причины и следствия таких изменений находили отражение не только в биографиях, но и в документах ученых. Внимание составителей тома сфокусировано также на социально-психологических портретах академиков — внутреннем мире, эмоциональной жизни, исканиях ума, взаимоотношениях с коллегами. Богатейшую информацию об этом дают эпистолярное наследие и мемуары академиков. В публикуемых документах затронуты вопросы повседневных отношений ученых академической корпорации, в частности интеллектуальных связей и межличностных взаимоотношений, научного соперничества, власти и подчинения в науке, дружбы, ученичества и т. п. Одна из проблемных тем сборника — как первоначально «онемеченный» состав Академии наук к концу XIX столетия удалось практически полностью заменить природными русскими академиками. Отмечу важнейший показатель качества работы составителей — то, что иноязычные документы даются как на языке оригинала, так и в русских переводах.

Таким образом, перед нами — коллективный портрет академической науки позапрошлого столетия в ликах ее представителей (фамилии на буквы А — И). Надеюсь, что продолжение этого тома последует в ближайшее время.

И. В. Тункина

Протагонисты академической науки XIX века

Академия наук — старейшее в России государственное научное учреждение. Вызванная к жизни волей Петра I, она отметила в 2024 г. свой 300-летний юбилей. За свою долгую историю она несколько раз меняла название, но неизменным и непоколебимым оставался основополагающий принцип ее деятельности — развитие научных исследований для пользы государства и для блага всего человечества. Историческую преемственность поддерживали действительные члены Академии — выдающиеся ученые, гордость отечественной науки. Академическая наука и сегодня является культурной доминантой для нашей страны.

Задачей составителей является изучение «человеческого потенциала» Академии наук, и «первенствующее ученое сословие» России, как названа Императорская Санкт-Петербургская академия наук в ее Уставе 1836 г., выступает как главный герой книги¹.

Персоны выстроены в алфавитном порядке, и внешне книга имеет вид биографического словаря. Важным ориентиром для составителей послужила заповедь С. А. Венгерова, составителя «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых»: «Нельзя смотреть на словарь только как на собрание отдельных статей и справок. В целом словарь писателей и ученых есть регистрация духовных сил страны...»²

К настоящему времени сформировалось многочисленное сообщество историков науки со специальным интересом к феномену академической науки, ее институциональной и когнитивной истории. Ими уже немало сделано в таком важном сегменте историко-научных штудий, каким является просопография: о деятелях науки XIX в. изданы десятки книг, в 1960 г. создана особая серия «Научно-биографическая литература», в науку возвращаются неизданные труды и эпистолярное наследие академических ученых, осваиваются и вводятся в научный оборот новые комплексы архивных источников, составляются биографические словари по отдельным ученым специальностям, создаются новые биографические и библиографические электронные ресурсы. Обилие и доступность разнообразных биобиблиографических сведений и баз данных освобождают составителей от необходимости тиражировать эти сведения.

В своей работе составители опирались на издание «Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук», которое было подготовлено к 25-летию со дня назначения вел. кн. Константина Константиновича президентом Академии наук, исполнившемуся 3 мая 1914 г. Книга состоит из двух частей и содержит жизнеописания действительных членов Академии за четверть

¹ Далее по тексту — Императорская Академия наук, Академия наук, Академия или сокращенно — Имп. АН, АН.

² Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е изд. Т. 1. Пг., 1915. С. XIV–XV.

века (1889–1914) со списками их научных трудов в хронологическом порядке³. Особенность издания состояла в том, что здравствовавшие в то время академики представили в словарь автобиографические очерки, а биографии скончавшихся написали их ближайшие коллеги по Академии. Поэтому этот памятник истории науки рассматривается составителями не только как ценный источник биобиблиографических сведений, но и как образец историко-научной прозы академических ученых. В отношении академиков, библиографии которых представлены в вышеупомянутом словаре, составители дают для читателей соответствующую отсылку.

Исследование продолжает традицию, рассматривающую человека как центр мира истории. В XIX в. академический корпус составляли действительные члены, а также отечественные и иностранные почетные члены и члены-корреспонденты. На государственной службе находились только действительные члены — ординарные академики, экстраординарные академики и адъюнкты; они и составляли костяк академической корпорации. Остальные были «бессребренниками» — для них академическое звание являлось почетным титулом, выражением признания их научных заслуг. Штатная численность действительных членов была совсем небольшой и за столетие увеличилась с 38 до 41 человека.

Жизнь действительных членов, как и всей Академии наук в целом, первые десятилетия регулировалась ее Регламентом, а потом Уставом. Начало XIX столетия стало поворотным моментом в истории Академии наук, она вошла в состав созданного в 1802 г. Министерства народного просвещения и получила новое устройство. 25 июля 1803 г. Александр I утвердил новый Регламент Императорской Академии наук. Регламент обязывал Академию совершенствовать науки, применять результаты своих исследований на практике и обращать «труды свои в пользу России». Академические ученые впервые получили статус государственных служащих и гарантии личного дворянства. Утвержденный Николаем I Устав Императорской Санкт-Петербургской академии наук (8 января 1836 г.) закрепил за ней исключительно научные обязанности. Этот устав действовал почти 90 лет и доказал свою жизнеспособность даже после смены политического строя.

В 1841 г. правительство провело реформу Академии наук, в результате существенно расширился круг ее деятельности, изменились ее структура и личный состав. Волей императора Николая I были объединены две академии — Академия наук и Российская академия, которую создала Екатерина II в 1783 г. по образцу Французской академии как национальный центр исследований в области русистики и славяноведения. Это был первый в истории случай слияния двух академий. Возникновение нового подразделения привело к изменению всей структуры Академии наук. Прежде единая Конференция (Общее собрание всех действительных членов) разделилась на три отделения: Физико-математическое отделение (ФМО, или I отделение), Отделение русского языка и словесности (ОРЯС, или II отделение) и Историко-филологическое отделение (ИФО, или III отделение). В 1899 г. была сделана попытка возродить Российскую академию в виде Разряда изящной словесности в составе Отделения русского языка и словесности. Наконец в 1917 г. Императорская Академия наук оказалась переименована в Российскую академию наук.

---

³ Издание задумывалось как том III обобщающего труда по истории Императорской Академии наук в 1889–1914 гг., когда президентом Академии был вел. кн. Константин Константинович: Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Часть первая : А — Л. Пг., 1915; Часть вторая : М — Я. Пг., 1917.

Руководство Академией наук осуществляли президент, вице-президент и непременный секретарь. Президент назначался императором и был представителем правительства; он «есть охранитель прав Академии и блюститель за исполнением ее обязанностей». Должность президента последовательно занимали барон Л. Г. фон Николаи, Н. Н. Новосильцов, С. С. Уваров, Д. Н. Блудов, Ф. П. Литке, Д. А. Толстой и вел. кн. Константин Константинович. В XIX в. президенты являлись высокообразованными людьми, творческими натурами и государственными тяжеловесами, но среди них не было ученых первой величины, поэтому они не вошли в реперториум протагонистов академической науки.

Непременный секретарь пожизненно избирался академической корпорацией (поэтому он и назывался непременным, т. е. постоянным, *perpétuel*) и выражал ее интересы. В первой половине XIX в. должность непременного секретаря занимали представители династии Эйлеров-Фусов — Н. И. Фус и П. Н. Фус, которые верой и правдой служили Академии наук и были надежными помощниками С. С. Уварова. Во второй половине столетия руководящую роль в жизни Академии наук стали играть видные ученые А. Ф. Миддендорф, К. С. Веселовский, А. А. Штраух и Н. Ф. Дубровин.

Непременный секретарь отвечал за делопроизводство, осуществлял всю официальную переписку, вел протоколы заседаний, составлял годовые отчеты, вел архив, следил за ходом издания трудов Академии и курировал работу типографии. Одновременно, *ex officio*, он являлся летописцем Академии наук и отвечал за «связи с общественностью». Ежегодно 29 декабря он выступал на публичном собрании Академии наук с отчетом о ее работах и начинал его поминальным словом об ушедших за год коллегам. Отвечая на вызовы времени, непременный секретарь вел напряженный разговор с российским обществом о предназначении науки и той пользе, которую Академия наук приносит российскому просвещению. Героями книги стали А. Ф. Миддендорф, К. С. Веселовский, А. А. Штраух и Н. Ф. Дубровин, дается обзор их деятельности как ученых и администраторов.

Должность вице-президента впервые появилась в 1800 г. и оказалась закреплена в Уставе 1836 г., хотя порядок замещения и обязанности вице-президента в нем не были четко прописаны. На практике выборы вице-президента не устраивались, и президент подбирал себе помощника в академической среде. В книге отражена деятельность ученых, которым выпало быть вице-президентами: В. Я. Буныковский, Я. К. Грот, П. В. Никитин.

На протяжении XIX века первенствующую роль в Академии наук сохраняли ее действительные члены. Звание «ординарный академик» представляло собой высшую академическую степень. Главной обязанностью академика была исследовательская работа в области той науки, представителем которой он являлся в Академии. Он не мог отказаться от выполнения любого поручения, возложенного на него Академией, в рамках его научной специальности. Младшими членами были адъюнкты, которые по Регламенту 1803 г. считались учениками и подмастерьями академиков, а в Уставе 1836 г. рассматривались как самостоятельные молодые ученые с правом голоса во время выборов. В 1803 г., помимо прежних званий ординарного академика и адъюнкта, введена промежуточная ступень — звание экстраординарного академика. Новая иерархия академических званий позволяла минимизировать ошибку при выборе нового действительного члена. Академия наук сохраняла высокую планку для претендентов на кресло ординарных академиков: прямо в ординарные академики избирался лишь каждый пятый от общего числа вновь избранных действительных членов. Многие действительные члены проделали путь от адъюнкта до ординарного академика.

Ординарные академики были распределены по наукам, составляющим предмет занятий Академии. В первой половине столетия основные занятия членов Академии сосредотачивались в области точных и естественных наук, но с 1841 г. начали преобладать гуманитарные науки. Изменение баланса научных сил произошло с присоединением к Академии наук Российской академии в виде Отделения русского языка и словесности.

По Регламенту 1803 г. «науки, коих усовершенствованием Академия должна заниматься, суть следующие: вышняя математика и физико-математика, механика твердых и жидких тел, астрономия, химия, минералогия, ботаника и зоология, анатомия и физиология, и технология; сверх того история, статистика и экономия политическая» (§ 3). Хотя круг конкретных дисциплин был ограничен, допускалось его расширение присоединением новой науки, если Академия находила это выгодным. На данном основании в 1820-е гг. к предметам занятий академиков оказались присоединены классическая филология и востоковедение. Новшеством стала отмена деления академиков на классы. В Министерстве народного просвещения посчитали, что академики «по различию предметов не различествуют единую общую цель», поэтому им надлежало «принадлежать к одному не раздельному и классами не различенному сословию» и вместе заседать⁴. Места адъюнктов не были закреплены за определенными специальностями, и при известной инициативе один академик мог иметь сразу несколько адъюнктов, а другой — ни одного.

В 1830 г. порядок ученых собраний, когда «химик должен слушать чтение о народонаселении; ориенталист новый эксперимент о теплотворе», признали неудобным и было восстановлено прежнее деление академиков на классы⁵. С этого времени адъюнкты тоже распределялись классами, или разрядами, и их количество по каждому классу (разряду) ограничили.

Новые положения были закреплены в Уставе 1836 г. Согласно § 4 «науки, усовершенствованием коих Академия должна заниматься, суть следующие: чистая и прикладная математика; астрономия; география и мореплавание; физика; химия; технология; минералогия; ботаника; зоология; сравнительная анатомия и физиология; история, наипаче отечественная; греческая и римская словесность и древности; восточная словесность и древности; статистика и политическая экономия».

С созданием в 1841 г. ОРЯС все действительные члены распределялись по трем отделениям; причем внутри ФМО и ИФО существовало разделение по специальностям, и за каждой оказалось закреплено определенное число академиков (один или два). В ОРЯС деления на кафедры проведено не было, потому что все академики безраздельно занимались русской и славянской филологией.

В Физико-математическом отделении объединились два класса наук, математических и естественных: «чистая математика (2 академика), прикладная математика (1 академик), астрономия (2 академика), география и мореплавание (1 академик), физика (2 академика), общая химия (1 академик), химия, приспособленная к искусствам и ремеслам, и технология (1 академик), минералогия (1 академик), ботаника (1 академик), зоология (2 академика) и сравнительная анатомия и физиология (1 академик), итого 11 предметов, 15 ординарных академиков»⁶. Вскоре кафедры

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 8. Л. 28 об.

⁵ Там же. Л. 168.

⁶ О распоряжениях в исполнении Высочайшего рескрипта об изменениях в устройстве Академии наук. 24 ноября 1841 г. // Сб. постановлений по МНП. Т. 2 : Царствование императора Николая I. 1825–1855. Отд. 2 : 1840–1855. СПб., 1876. Стлб. 293–294.

по минералогии и по географии и мореплаванию упразднили; место академика по минералогии было предоставлено для ориктогнозии (минералогии) в ее соотношениях с физикой и химией, а академика по географии и мореплавания — для геогнозии (геологии) и палеонтологии.

К Историко-филологическому отделению были отнесены: «история и древности русские (1 академик), статистика и политическая экономия (1 академик), словесность восточных народов (2 академика), словесность и древности греческие и римские (2 академика), всего 4 предмета, 6 ординарных академиков»⁷. Впоследствии круг специальностей ИФО расширился.

В ОРЯС одновременно были назначены 20 членов — 16 ординарных академиков и 4 адъюнкта.

При выборе для сборника ученых-протагонистов составители старались, чтобы в равной мере были представлены все академические научные дисциплины: математика, астрономия, физика и геофизика, химия, минералогия и геология, ботаника, зоология, политэкономия и статистика, востоковедение, классическая филология и византиноведение, история и этнография, русская филология и славистика.

Академия наук как корпорация крупных отечественных ученых в XIX в. стояла в одном ряду с западноевропейскими академиями. Во всем мире это время бурного развития науки в целом и зарождения новых научных дисциплин. Академия наук входила в то время в европейскую республику ученых и по мере сил участвовала в общей работе.

Начиная с 1803 г. Академия наук стала пользоваться правом избрания новых членов с последующим утверждением их императором по представлению министра народного просвещения. Для вступления в академическую корпорацию не нужно было ни ученой степени, ни даже свидетельства о среднем или высшем образовании, но запрещалось «вносить в список кандидатов людей неизвестных и посредственных». Имелось в виду, что «собственная честь побудить академиков делать выбор, достойный их самих и первого ученого общества империи». Уставные документы требовали отдавать предпочтение отечественным ученым, но не исключалась возможность приглашения ученых из-за рубежа. Помимо выборов новых членов, оставалась в силе практика назначения: по представлению президента С. С. Уварова, являвшегося одновременно министром народного просвещения, императором Николаем I были назначены первые 20 членов созданного в 1841 г. Отделения русского языка и словесности.

Звание ординарного академика давалось пожизненно, и пожизненное членство ограничивало возможности пополнения Академии. Когда появлялась вакансия, создавалась комиссия из академиков той же и близких специальностей, которая намечала подходящих кандидатов. На частных, келейных совещаниях академики, как правило, приходили к соглашению или компромиссу. Во время выборов случались разногласия: одни настаивали на том, чтобы в академики избирались ученые с прочной репутацией, другие же требовали учитывать в первую очередь национальный фактор, как того требовали уставные документы.

Если академики расходились во мнениях относительно достоинств кандидатов, кафедра могла оставаться вакантной несколько лет. Так, много лет пустовала кафедра прикладной химии, потому что А. М. Бутлеров, будучи единственным представителем химии в Академии, настаивал на избрании Д. И. Менделеева, а когда академическая коллегия его не поддержала, он блокировал выборы других кандидатов.

---

⁷ Там же. Стлб. 293–294.

Намеченная кандидатура (редко их бывало больше одной) представлялась на одобрение президента, и в случае положительного ответа академики обращались к претенденту за согласием подвергнуться баллотированию. Отказы кандидатов являлись редкостью, обычно это происходило по личным мотивам или служебным обстоятельствам, и лишь однажды причиной стали принципиальные соображения. Когда после смерти коллеги-историка А. А. Кунику предстояло баллотироваться на вакантное место ординарного академика, он решительно воспротивился своему избранию. Свой отказ он мотивировал тем, что ему была невыносима мысль, что его возможный преемник станет ждать его смерти. В случае согласия кандидата составлялась мотивированная записка о его научных заслугах.

По Регламенту 1803 г. в выборах участвовали только академики, Устав 1836 г. даровал такое же право адъюнктам. После разделения в 1841 г. Конференции, или Общего собрания, на три отделения процедура проходила в два этапа на заседании отделения, а потом на Конференции — закрытой баллотировкой.

Баллотирование производилось белыми и черными шарами. В зале устанавливались две урны: справа — урна с надписью «Голось», слева — урна без надписи. Если академик голосовал за предлагаемого кандидата, он бросал белый шар в урну с надписью «Голось», а оставшийся у него черный шар — в другую урну; если он голосовал против кандидата, то в урну «Голось» он клал «черняка», как в академическом обиходе называли черный шар. Процедуру голосования на академическом сленге можно было описать и так: «положить направо» — проголосовать за, «положить налево» — проголосовать против кандидата. Кандидат считался избранным, если получал в свою пользу не менее двух третей голосов от всего числа членов отделения или Общего собрания.

Порядок избрания адъюнктов ничем не отличался от процедуры выборов в ординарные академики. Адъюнктура являлась низшей ступенью академической лестницы, следующим шагом становилось избрание в экстраординарные академики. Это звание предназначалось только для поощрения адъюнктов, которые могли его получить через шесть лет, если они заслужили одобрение академиков. Вакантных кафедр экстраординарных академиков не было, но известны случаи, когда ученого избирали в экстраординарные академики, минуя адъюнктуру, хотя для кандидатов это оказывалось делом рискованным и порой такие выборы заканчивались неудачей. Ф. И. Кругу было отказано в возможности избираться сразу в экстраординарные академики, а Г. П. Гельмерсен не набрал требуемого большинства голосов. Некоторые ученые настояли на том, чтобы для них сделали исключение из общего правила, благополучно прошли все препятствия к искомому званию и быстро сделали академическую карьеру: это А. К. Наук, А. Ф. Бычков, Г. И. Вильд, И. В. Ягич.

Во внимание принимались не только научные достижения кандидата. Академия налагала на своих действительных членов ряд обязательств: курирование крупных научных проектов, редактирование академических изданий, экспертное участие в оценке работ, ежегодно представлявшихся на соискание академических премий, число которых год от года росло, и наконец, руководство многочисленными «учеными принадлежностями» — музеями, лабораториями, обсерваториями. Поэтому отечественную академию называли «академией труда», в отличие от западных «академий почета».

«Охранению и управлению» Академии вверялись Библиотека, Физический кабинет, Химическая лаборатория и музеи — Минералогический, Ботанический, Зоологический и Зоотомический, Азиатский, Нумизматический и Этнографический кабинеты. Во второй половине XIX в. к ним добавился целый ряд биологических лабораторий: Физиологическая, Особая Зоологическая лаборатории, Лаборатория по физиологии

растений, Севастопольская биологическая станция; в конце столетия возникли разнообразные комиссии. Академия наук курировала деятельность таких важных учреждений, как Главная астрономическая обсерватория и Главная физическая обсерватория. Заведование научными учреждениями было возложено на академиков соответствующей специальности. Для выполнения обязанностей директора любого академического учреждения требовался не только талант исследователя, но еще административные способности и специальные знания.

На протяжении первой половины XIX века Академия наук сохраняла интернациональный состав. Ученых русского происхождения, получивших всеобщее признание и поэтому достойных быть избранными в Академию наук, было совсем немного. К середине столетия ситуация начала меняться: хотя Академия наук по-прежнему приглашала ученых из-за рубежа, новым источником ее пополнения стали отечественные университеты. Математика оказалась вотчиной русских ученых с избранием М. В. Остроградского и В. Я. Буняковского в 1828 г.; химия заняла в Академии «русскую» нишу в 1855 г., когда она открыла двери для Н. Н. Зинина — главы первой научной химической школы в России.

В 1820–40-х гг. многие академики вышли из Дерптского университета, который благодаря возможности привлекать известных ученых из Германии создал в пределах России крупный немецкий научный центр, особенно в естественных и точных науках. Многие ученые-протагонисты — это лучшие представители дерптской школы: физик Генрих Ленц, зоолог Карл Бэр, химик Герман Гесс, минералог Адольф Купфер, астроном Фридрих фон Струве. В последующие годы через Дерптский университет прошли зоологи Ф. Ф. Брандт и А. А. Штраух, геолог Ф. Б. Шмидт. Своими трудами эти ученые обогатили российскую науку и подняли Академию наук до уровня ведущих академий мира.

Соотношение ученых немецкого и русского происхождения в Академии наук изменилось с присоединением к ней Российской академии, состоявшей исключительно из русских членов. Во второй половине XIX века гораздо реже, чем прежде, Академия прибегала к приглашению ученых из-за границы. В 1844 г. началась академическая деятельность историка А. А. Куника; в 1858 г. был приглашен филолог-классик А. К. Наук; в 1868 г. на должность директора Главной физической обсерватории поступил Г. И. Вильд; в 1883 г. ординарным академиком стал астроном О. А. Баклунд. Последним «иностранцем» в Академии наук оказался тюрколог В. В. Радлов, избранный ординарным академиком в 1884 г.

С ростом в российском обществе национального самосознания начала отчетливо проявляться тенденция превращения Академии наук в национальное учреждение. В Академии даже обозначились две «партии» — «немецкая» и «русская», и шло их противоборство, но эта глухая национальная борьба редко выходила за пределы академических стен, и мы о ней мало знаем; дискуссионный вопрос о поисках Академией наук национальной самоидентификации специально не рассматривается.

В последней четверти XIX в. отечественная наука окрепла настолько, что появилось немало достойных кандидатов на академическое кресло из природных русских. Российские высшие учебные заведения превратились в крупные научные центры страны и могли обеспечивать Академию наук свежими научными силами. Закономерный процесс «обрусения» Академии наук ускорился после того, как император Александр III провозгласил националистически окрашенный правительственный курс. Уже в 1882 г. вступил в силу закон об избрании в адъюнкты Академии наук исключительно русских ученых. Проводником государственной политики в области науки стал вел. кн. Константин Константинович, назначенный в 1889 г. президентом

Академии наук. С этого времени кандидатами на выборах выступали только российские подданные, и академическая корпорация начала интенсивно пополняться известными профессорами университетов и других учебных заведений России.

Круг персоналий сборника включает в себя ученых первой величины, из сотен имен выбраны шестьдесят. Действовали временные ограничения: «доступ» в сборник получили те, кто стал действительным членом Академии наук в период с 1801 по 1900 г. Хотя хронологические рамки исследования ограничиваются началом и окончанием календарного века, на деле они вмещают «долгий» XIX в., охватывая и первые десятилетия XX в. Авторский произвол старались свести к минимуму, придерживаясь правила — выбирать значимых представителей в каждой области знания и важных для Академии наук деятелей. Составители постарались сохранить в сборнике исторически обоснованное соотношение русских ученых и ученых с иностранными фамилиями. Книга построена на принципах полифонии, и все ее герои помещены в пространство единой научной традиции, поэтому одна из сквозных тем издания — преемственность поколений академических ученых.

Разделы сборника объединены общим подходом и структурированы в алфавитном порядке. Внешне книга имеет вид биографического словаря, но ее важной чертой по сравнению с традиционными биографическими словарями оказывается то, что она является не набором жизнеописаний, а собранием материалов для интеллектуальных портретов академических ученых, штрихами к их творческой биографии. Авторы сборника не помышляли о том, чтобы дать исчерпывающий обзор всех сторон научной и служебной деятельности, личной жизни ученых, оставив выполнение этой огромной задачи на долю историков конкретных научных дисциплин.

Составители учитывали в своей работе историографическую традицию, но полагали, что объем, разнообразие и доступность биобиблиографических данных в современном информационном пространстве освобождает их от необходимости тиражировать эти сведения и загромождать ими сборник. Именно поэтому составители ограничились ссылками только на цитируемые или кардинально значимые издания.

Предлагаемая книга основана на широком круге источников, как вновь выявленных в фондах и коллекциях Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, так и уже опубликованных.

В поиске новых документов и материалов был выполнен фронтальный просмотр соответствующих дел в личных фондах ученых, а также дел об избрании академиков в фонде Канцелярии Конференции Академии наук (ф. 2, оп. 17) и в коллекции «Персоналия» (отдельные документы, относящиеся к жизни и деятельности членов Академии наук и других учреждений, — разр. V, оп. 1).

Для создания силуэтов академических ученых составители привлекали научные труды, воспоминания, переписку, записки о научных заслугах, некрологи. Предпочтение отдавалось репрезентативности материалов, а не их полноте; выбирались те документы, которые освещают важнейшие вехи научного и жизненного пути ученого и одновременно проливают дополнительный свет на обстоятельства академической жизни. Многие документы характеризуются ярко выраженным авторским подходом, вдумчивым отношением к личности каждого персонажа и сопереживанием ему, учетом и взвешенной оценкой внешних обстоятельств, оставивших отпечаток на индивидуальной судьбе ученого. Так исподволь сплетается ткань исторического повествования и создается целостная картина академической науки.

Судьбы многих ученых были тесно переплетены, их объединяли общее дело, корпоративный дух, отношения учителя и ученика, а нередко и личная дружба, поэтому одни и те же имена встречаются в разных очерках.

Особое место в сборнике занимают записки академиков для представления кандидатов к избранию в действительные члены. В XIX веке ФМО и ИФО не предназначали такие документы для печати; ОРЯС, напротив, заботилось об их публикации. Составление записки поручалось академику по той же или близкой специальности; подспорьем в этой работе служил составленный самим кандидатом список трудов, а иногда и его автобиография. Каждая рекомендация должна была содержать исчерпывающую информацию о научных достижениях претендента в форме, доступной для понимания ученых других специальностей. Представление подписывалось тремя академиками, причем на первом месте стояла фамилия автора записки. Благодаря такой практике составители сборника смогли установить авторство этих важных официальных документов, которые прежде считались анонимными.

Для составителей было важно, что для одних ученых записки-представления являются документами оценочного характера, а для других — авторским текстом. Составители помещали такие документы в очерк о том ученом, которому дается характеристика. Поздравительные адреса и речи тоже важны для создания силуэтов академических ученых. Документами большой эмоциональной силы являются отклики на смерть ученого и некрологи, написанные по прошествии некоторого времени, когда проходила острая горечь утраты. Некрологи дают взвешенную глубокую характеристику поминаемого ученого, раскрывают его духовный облик, выясняют его заслуги перед наукой, а нередко и те обстоятельства, которые помешали раскрыться в полной мере силе ученого.

Читатель найдет немало пересечений и связующих нитей в переписке ученых, которая создает вокруг себя поле подлинного напряжения мысли и чувства. Письма академиков позволяют увидеть в них не только первоклассных ученых, авторов классических трудов, оставивших глубокий след в науке, но сообщество живых людей, которые имели свои пристрастия, симпатии и антипатии, получали награды, болели и умирали.

Составители считали важным дать образцы авторской научной прозы каждого из академиков. Предпочтение отдавалось эссе по истории науки или конкретной научной дисциплине, работам, посвященным общим вопросам познания или истории Академии наук. Все эти исследования являются результатом раздумий и вдумчивого отношения ученых к судьбе отечественной науки, позволяют оценить их роль в формировании корпуса историко-научных исследований.

Составители полагают, что внесли свою скромную лепту в создание репрезентативной картины развития академической науки в XIX и начале XX в. — в эпоху становления научных школ в области точных и естественных наук, расцвета гуманитарных дисциплин. Одновременно представленные в сборнике материалы позволяют оценить состояние интеллектуальной и духовной жизни российского общества.

Для воссоздания подлинного облика человека важно, чтобы «приятнейшие тени» прошлого оживали перед глазами. Поэтому сборник сопровождают иллюстративные материалы, извлеченные из фондов и коллекций Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Nihil parvum est, sine quo ad magna progredi non licet — Нет ничего малого, без чего нельзя достичь значительного.

Е. Ю. Басаргина

Археографическое предисловие

В первой части сборника освещаются творческие судьбы 30 академиков с фамилиями на буквы А — И. Каждый из разделов предваряется краткой справкой об ученом; далее следуют документы, расположенные в хронологическом порядке. Иноязычные документы представлены одновременно и в оригинале, и в переводе, что повышает их востребованность для исследователей.

Тексты имеют следующие историко-археографические разделы: предисловие, дающее историческую канву создания и бытования публикуемых документов; представление о герое публикации, его значении в жизни Академии наук и Российской империи; примечания по тексту (подстрочные) и по содержанию (в конце каждого документа).

Ученые-иностранцы, становясь действительными членами Императорской Академии наук, вместе с академическим званием «обретали» и новые русифицированные имена: Генрих Фридрих Шторх стал Андреем Карловичем, Генрих Карл Эрнст Кёлер — Егором Егоровичем и т. д. Поэтому оригинальное (природное) имя присутствует в заголовках документов, которые относятся к доакадемическому периоду жизни ученого, русифицированное — в тех, которые он написал уже как российский академик. Все варианты представлены в именном указателе.

Собственное название документа в заголовке взято в кавычки. При публикации записки об ученых трудах кандидата на вакантную академическую кафедру в заголовок, помимо рядовой, соответствующей случаю информации: имени, ученой должности и академической степени, на которую он выдвигался, — по возможности вынесена и фамилия ее составителя (обычно фамилия автора представления шла первой среди заверяющих подписей в конце текста). В легенду публикуемых документов традиционно включены: архивный шифр документа, указание на его подлинность или копияность, язык, физическое состояние, автографы и подписи-автографы.

Имеющиеся в оригинальных текстах разного рода подчеркивания в публикации переданы полужирным шрифтом без специального обозначения; авторские примечания даны под строкой с указанием в круглых скобках курсивом: *Примеч. документа*; вставки в основной текст, написанные вне его, внесены в текст в квадратных скобках, иностранные вставки в русском тексте документа представлены как в оригинале, их русский перевод — внизу под строкой. В подстрочных примечаниях помещаются также зачеркивания, присутствующие в русских текстах, однако не оговариваются зачеркивания или вставки в иноязычном переводном тексте, если они не влияют на его смысл, а лишь показывают обычную переводческую практику подбора подходящего по смыслу слова, удачной синтаксической конструкции и т. п. Не имеющие смыслового значения ошибки или неточности исправлены по умолчанию. Все пометы, присутствующие в документе: канцелярские, личные авторские и пр., — вынесены в конец основного текста до легенды документа. Для удобства восприятия текста его длинные блоки разбиты на смысловые абзацы. При публикации соблюдались правила

научно-критического обращения с историческими документами XIX — начала XX в. Эти правила предполагают использование современных орфографии и пунктуации с сохранением только стилистических особенностей текста. Даты событий, произошедших в России до 1 июля 1918 г., по умолчанию даются по старому стилю, но оговаривается использование нового стиля в документах за этот период.

Сборник снабжен научно-справочным аппаратом, включающим в себя список сокращений (без общепринятых сокращений) и аннотированный именной указатель с информацией, относящейся к предмету данного сборника. В именном указателе фамилии героев настоящего издания выделены полужирным шрифтом.

О. А. Кирикова

Хронология избраний ученых в действительные члены и даты, важные для истории Академии наук XIX века

- 1802 — Создано Министерство народного просвещения
— Учрежден Дерптский университет, который стал центром немецкой науки в пределах Российской империи. В нем на большой высоте стояли естественные и точные науки, а сам он служил своеобразным культурным мостом, связывавшим Российскую империю с Западной Европой
- 1803–1810 — Н. Н. Новосильцов (1768–1838) — президент Академии наук
- 1803 — 25 июля утверждены Регламент Императорской Академии наук и ее штат, т. е. бюджет. Бюджетные средства составляли 120 000 руб. и покрывали расходы на личный состав, содержание академических учреждений и основные нужды Академии. Президенту полагалось жалованье 3000 руб. в год, 18 ординарным академикам — по 2200 руб., 20 адъюнктам — по 1000 руб. в год; экстраординарные академики получали прибавку к жалованью адъюнкта по 400 руб. в год. Совсем скоро инфляция, вызванная войной с Наполеоном, обесценила установленные оклады
— Главная Виленская школа преобразована в Виленский университет
- 1804 — Учрежден университет в Казани
- 1805 — Ф. И. Круг (1764–1844) избран адъюнктом по истории
— Учрежден университет в Харькове
- 1806 — Вышел последний, 15-й том академического периодического издания «Nova Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae» («Новые труды Императорской Академии наук в С.-Петербурге»). Это была четвертая серия журнала, прежде выходившего под разными названиями («Commentarii», «Novi Commentarii», «Acta», «Nova Acta»)
- 1809–1830 — Выпуск пятой серии общеакадемического издания, переименованного в «Mémoires de l'Académie Imperiale des Sciences des St.-Pétersbourg» («Записки Императорской Академии наук в С.-Петербурге»)
- 1814 — Открыта для читателей Публичная библиотека
- 1817 — Х. Д. Френ (1782–1851) избран ординарным академиком по восточным древностям
- 1818–1855 — С. С. Уваров (1786–1855) — президент Академии наук
- 1818 — Начато издание «Полного собрания ученых путешествий по России», которое представляло собой публикацию результатов научных экспедиций за весь период существования Академии
— Основан Азиатский музей
- 1819 — Открыт С.-Петербургский университет, преобразованный из Главного Педагогического института
- 1820 — Ф. Б. Грефе (1780–1851) избран ординарным академиком по греческой и римской словесности
- 1826 — 29 декабря состоялось торжественное публичное собрание, посвященное 100-летию юбилею Академии наук

- 1827 — 29 декабря на публичном собрании Академии наук президент С. С. Уваров объявил о намерении императора Николая I предоставить Академии наук средства «присоединять к себе мужей, отличившихся на поприще наук, и призывать таковых из дальних стран»
- 1828 — К. М. Бэр (1792–1876) избран ординарным академиком по зоологии
— В. Я. Буняковский (1804–1889) избран адъюнктом по чистой математике
— Э. Х. Ленц (1804–1865) избран адъюнктом по физике
— А. Я. Купфер (1799–1865) избран ординарным академиком по минералогии
— Г. И. Гесс (1802–1850) избран адъюнктом по химии
— М. В. Остроградский (1801–1861) избран адъюнктом по прикладной математике
- 1830 — Ф. Ф. Брандт (1802–1879) избран адъюнктом по зоологии
— 30 января утверждены новый штат Академии наук и «Дополнительные пункты к Регламенту Академии наук», касавшиеся ее научного состава. Численность ординарных академиком увеличилась с 18 до 21 человека. Жалованье ординарного академика возросло до 5000 руб. в год и сравнялось с окладом профессора Дерптского университета. Адъюнкт стал получать 2500 руб. в год; за звание экстраординарного академика полагалась доплата в размере 1000 руб. в год. Прочие же расходы Академии наук остались на прежнем уровне
- 1831 — П. Н. Демидов учредил награды «за лучшие по разным частям сочинения в России». Демидовская премия — первая российская благотворительная награда за научные достижения — присуждалась с 1832 по 1865 г. по разным отраслям наук
- 1832 — В. Я. Струве (1793–1864) избран ординарным академиком по астрономии
- 1833–1849 — С. С. Уваров — министр народного просвещения (с 1832 г. товарищ министра)
- 1834 — Реорганизация шестой серии академического журнала «*Mémoires de l'Académie Imperiale des Sciences des St.-Petersbourg*» («Записки Императорской Академии наук в С.-Петербурге»), который с 1831 г. выходил не томами, а выпусками. Журнал был разделен на отделы. Каждый из них объединял близкие по содержанию исследования: «*Sciences mathématiques et physiques*» (1838–1859. Т. 1–7, «Математические и физические науки»); «*Sciences naturelles*» (1835–1859. Т. 1–8, «Естественные науки»); «*Sciences politiques, histoire et philologie*» (1832–1859. Т. 1–9, «Политические, исторические и филологические науки»)
— Основан «Журнал Министерства народного просвещения»
— Учреждена Археографическая комиссия
— Открыт Университет Св. Владимира в Киеве
- 1835 — Утвержден новый устав российских университетов
- 1836 — 8 января утвержден Устав Императорской Санкт-Петербургской академии наук. В противоположность Регламенту 1803 г. адъюнкты рассматривались здесь как самостоятельные молодые ученые с правом голоса во время выборов. На попечении Академии находилась большая сеть научных учреждений, в том числе Библиотека, Физический кабинет, Химическая лаборатория и музеи — Минералогический, Ботанический, Зоологический и Зоотомический, Азиатский, Нумизматический и Этнографический кабинеты. Академии наук были дарованы важные привилегии. Научные труды академиком и выписываемые Академией научные издания и журналы освобождались

- от цензуры. Академия могла получать из-за границы любые книги, инструменты, материалы без уплаты таможенных пошлин. Она пользовалась правом бесплатной рассылки своей корреспонденции внутри страны; все адресованные ей письма и посылки (до пуда весом) также принимались на почтамтах без оплаты; Библиотека получала обязательный экземпляр всех выходящих в стране изданий. Вместе с уставом Академия получила новый штат, который вдвое увеличил ее средства по сравнению со штатом 1803 г.
- 1837 — Началось издание второго по значимости после «*Mémoires*» официального органа Академии наук — «*Bulletin scientifique publié par l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg et rédigé par son secrétaire perpétuel*» (1837–1842. Т. 1–10, «Ученые известия, издаваемые Императорской Академией наук в С.-Петербурге и подготовленные ее непреременным секретарем»). Здесь помещались небольшие научные статьи и подробная информация о деятельности Академии наук: извлечения из ее протоколов, сведения о личном составе, выписки из ученой корреспонденции, сообщения об ученых путешествиях
- 1839 — Б. А. Дорн (1805–1881) избран адъюнктом по восточным языкам
— Б. С. Якоби (1801–1874) избран адъюнктом по практической механике и теории машин
- 1841 — Проведена реформа Академии наук, в результате которой существенно расширился круг ее деятельности, изменились ее структура и личный состав. Вступил в силу новый Штат Академии наук, где были зафиксированы результаты денежной реформы. В стране вводилась единая валюта — серебряный рубль, и установлен его официальный курс: 1 серебряный рубль равнялся 3,50 руб. ассигнациями. После перерасчета жалованье академика составило 1429 руб. 60 коп., экстраординарного академика — 1000 руб. 72 коп., адъюнкта — 714 руб. 80 коп. в год. Общеакадемический штат был дополнен штатом ОРЯС. Члены ОРЯС получали вознаграждение за участие в заседаниях (8 руб. за каждое заседание) и за каждый печатный лист подготовленных ими трудов (30 руб. за печатный лист, с 1862 г. — по 60 руб. за лист)
— А. Х. Востоков (1781–1864) назначен ординарным академиком по ОРЯС
— архиепископ Иннокентий (И. А. Борисов; 1800–1857) назначен ординарным академиком по ОРЯС
- 1842 — О. Н. Бётлингк (1815–1904) избран адъюнктом по ИФО (санскритский язык и словесность)
- 1843 — Изменена структура журнала «*Bulletin scientifique*» в связи с разделением Конференции (Общего собрания всех действительных членов) на три отделения — Физико-математическое отделение (ФМО, или I отделение), Отделение русского языка и словесности (ОРЯС, или II отделение) и Историко-филологическое отделение (ИФО, или III отделение). Журнал разделился на два разряда: «*Bulletin de la Classe Physico-mathématique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg*» (1843–1859. Т. 1–17) и «*Bulletin de la Classe Historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg*» (1844–1859. Т. 1–16). Из общеакадемического журнал превратился в журнал двух отделений — Физико-математического и Историко-филологического
- 1844 — Г. П. Гельмерсен (1803–1885) избран адъюнктом по ФМО (геогнозия и палеонтология)
— А. А. Куник (1814–1899) избран адъюнктом по ИФО (русская история)
- 1845 — А. Ф. Миддендорф (1815–1894) избран адъюнктом по ФМО (зоология)

- 1849 — И. И. Срезневский (1812–1880) избран адъюнктом по ОРЯС
— Для удобства читателей начали выпускать в продажу отдельные отписки статей, извлеченных из «Bulletin», объединяя их в сборники по различным отраслям знания, «Mélanges» («Смесь»). Таких сборников издавалось шесть по дисциплинам Академии наук: «Mélanges Mathématiques et Astronomiques» (1850–1894. Т. 1–7); «Mélanges Physiques et Chimiques» (1849–1894. Т. 1–13); «Mélanges Biologiques» (1850–1894. Т. 1–13); «Mélanges Russes» (1849–1886. Т. 1–5); «Mélanges Asiatiques» (1849–1892. Т. 1–10); «Mélanges Gréco-romains» (1850–1894. Т. 1–6)
- 1852 — К. С. Веселовский (1819–1901) избран адъюнктом по разряду историко-политических наук (статистика и политическая экономия) ИФО
— Основаны периодические издания ОРЯС. «Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности» (1852–1863. Т. 1–10) рассматривались как «Bulletin» отделения наравне с аналогичными изданиями ФМО и ИФО и предназначались для публикации небольших работ. Обширные исследования печатались в «Ученых записках Второго отделения Императорской Академии наук» (1854–1863. Т. 1–7), являвшихся подобием «Mémoires»
- 1853 — Г. В. Абих (1806–1886) избран ординарным академиком по ФМО (ориктогнозия и минералогическая химия)
— П. Л. Чебышёв (1821–1894) избран адъюнктом по ФМО (прикладная механика)
- 1855–1864 — Д. Н. Блудов (1785–1864) — президент Академии наук
- 1855 — Я. К. Грот (1812–1893) избран адъюнктом по ОРЯС
— Н. Н. Зинин (1812–1880) избран адъюнктом по ФМО (химия)
— Н. И. Кокшаров (1818–1892) избран адъюнктом по ФМО (кристаллография и ориктогнозия)
- 1856–1857 — Попытка свести воедино Устав Академии наук и Положение об Отделении русского языка и словесности встретила серьезные финансовые препятствия, и от реформы пришлось отказаться
- 1856 — Учреждена Уваровская премия в память президента Академии наук С. С. Уварова. Награды графа Уварова присуждались с 1857 по 1919 г. «за сочинения по русской истории и за драматические произведения»
- 1858 — В. В. Вельяминов-Зернов (1830–1904) избран адъюнктом по ИФО (мусульманские языки)
— А. К. Наук (1822–1892) избран экстраординарным академиком по ИФО (классическая филология)
- 1862 — Возобновлены «Записки Императорской Академии наук» как общеакадемический журнал (1862–1895. Т. 1–75)
- 1863 — Издан закон, по которому все внебюджетные средства государственных учреждений обращались в казну. Прежде кроме штатных сумм Академия располагала внебюджетными средствами, это были так называемые экономические суммы — доходы от Типографии, от издания газет, от календарной монополии и от продажи книг, а также арендные доходы. Внебюджетные средства Академии составляли «неприкосновенную ее собственность» и предоставлялись в ее распоряжение. С 1863 г. Академия лишилась важного финансового подспорья
— Приняты новый устав и штаты российских университетов. Профессор университета стал получать в год 3000 руб., а оклад ординарного

- академика составлял всего 1429 руб. 60 коп. Вследствие такой дискриминации профессора университетов неохотно соглашались баллотироваться в Академию наук
- 1864–1882 — Ф. П. Литке (1797–1882) — президент Академии наук
- 1864–1866 — Готовились проекты реформы Академии наук, пересматривался ее устав, но реформа не была осуществлена
- 1864 — Учреждена премия К. М. Бэра за счет процентов с капитала, собранного по подписке к 50-летию получения им докторской степени. К. М. Бэр являлся пожизненным председателем конкурсной комиссии. Награды имени Бэра присуждались «за лучшие сочинения по части естествознания», за работы в области анатомии, гистологии, эмбриологии в 1867–1919 гг.
- 1865 — Л. М. Кемц (1801–1867) избран ординарным академиком по ФМО (физика)
— Учреждена государственная премия имени М. В. Ломоносова. Ломоносовская премия присуждалась с 1865 по 1919 г. за исследования и открытия в области физики, химии и минералогии; труды по русской и славянской филологии, а также по истории языка и литературы
- 1866 — А. Ф. Бычков (1818–1899) избран экстраординарным академиком по ОРЯС
- 1867 — А. А. Штраух (1832–1893) избран экстраординарным академиком по ФМО (зоология)
— Основан «Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук»
— Положено основание академической премии митрополита Макария (в миру Михаил Петрович Булгаков, 1816–1882), учрежденной на средства, полученные дарителем за печатание своих трудов. Присуждалась с 1885 по 1919 г. «за лучшие сочинения по светским наукам по всем отраслям наук и знаний за самостоятельные труды, которые существенно обогащают науки, внося в нее новые факты, наблюдения и воззрения».
- 1868 — Г. И. Вильд (1833–1902) избран экстраординарным академиком по ФМО (физика)
- 1869 — Оклады ординарных академиком сравнивались с содержанием ординарных профессоров университета (3000 руб.); оклады экстраординарных академиком были уравниены с окладами экстраординарных профессоров (2000 руб.), адъюнктов — с окладами доцентов (1200 руб.). Однако члены ОРЯС не были приняты в расчет и по-прежнему не получали жалованья
- 1870 — А. М. Бутлеров (1828–1886) избран адъюнктом по ФМО (химия)
- 1872 — Ф. Б. Шмидт (1832–1908) избран адъюнктом по ФМО (палеонтология)
- 1875 — Учреждена премия имени вице-президента Академии В. Я. Буняковского на проценты с капитала, собранного по подписке в память 50-летия его научной деятельности. Присуждалась «за важные открытия, обогащающие какую-либо часть чистого математического анализа»
— Вступил в силу новый штат академических музеев и Библиотеки; общее число служащих в них возросло с 19 до 25 человек
- 1876 — Учреждена премия имени Ф. Ф. Брандта на проценты с собранного по подписке капитала в связи с 50-летием его научной деятельности. Присуждалась «за самостоятельные исследования в области зоологии, зоогеографии, сравнительной анатомии и палеонтологии животных»
- 1878 — А. С. Фаминцын (1835–1918) избран адъюнктом по ФМО (ботаника)
- 1879 — Учреждена премия имени Г. П. Гельмерсена на пожертвования, собранные к 50-летию службы в офицерских чинах. Присуждалась в «за сочинения,

- содержащие в себе самостоятельные изыскания по геологии, палеонтологии с геологической точки зрения и по физической географии России и сопредельных стран Азии»
- 1880 — И. В. Ягич (1838–1923) избран экстраординарным академиком по ОРЯС
- 1882–1889 — Д. А. Толстой (1823–1889) — президент Академии наук
- 1882 — 13 апреля вступил в силу закон об избрании в адъюнкты исключительно русских ученых
- Учреждена премия имени Д. А. Толстого на проценты с капитала, собранного по подписке среди служащих Министерства народного просвещения и пополненного Д. А. Толстым. Награды присуждались с 1884 по 1918 г. за сочинения, относящиеся к тем отраслям наук, которые входили в круг занятий Академии по всем ее трем отделениям
- 1883 — О. А. Баклунд (1846–1916) избран ординарным академиком по ФМО (астрономия)
- 1884 — В. В. Радлов (1837–1918) избран ординарным академиком по ИФО (история и древности азиатских народов)
- Введен устав российских университетов с отменой университетской автономии
- 1886 — В. П. Васильев (1818–1900) избран ординарным академиком по ИФО (история и древности восточных народов)
- А. П. Карпинский (1846–1936) избран адъюнктом по ФМО (геология)
  - Ф. Ф. Бейльштейн (1838–1906) избран ординарным академиком по ФМО (технология и химия, приспособленная к искусствам и ремеслам)
  - Н. Н. Бекетов (1827–1911) избран ординарным академиком по ФМО (общая химия)
  - А. А. Марков (1856–1922) избран адъюнктом по ФМО (чистая математика)
- 1887 — Н. Ф. Дубровин (1837–1904) избран адъюнктом по ИФО (русская история)
- 1888 — П. В. Никитин (1849–1916) избран адъюнктом по ИФО (классическая филология и археология)
- 1889–1915 — вел. кн. Константин Константинович (1858–1915) — президент Академии наук
- 1890 — В. Г. Васильевский (1838–1899) избран ординарным академиком по ИФО (русская и византийская история)
- Н. Х. Бунге (1823–1895) избран ординарным академиком по ИФО (политическая экономия и статистика)
  - Ф. А. Бредихин (1831–1904) избран ординарным академиком по ФМО (астрономия)
  - А. О. Ковалевский (1840–1901) избран ординарным академиком по ФМО (зоология)
- 1890–1892 — Подготовка новой редакции устава, где Академия наук получила наименование «Императорская Российская Академия наук». В ходе обсуждений программа преобразований расширилась настолько, что выполнить ее было невозможно без коренной ломки структуры всех академических подразделений
- 1893 — 1 июня утвержден «Штат Императорской Академии наук по Конференции, Канцелярии Конференции, Правлению и Библиотеке». Ординарному академику назначено ежегодное жалованье в 4200 руб.; экстраординарному академику и адъюнкту — 3000 руб. Академики были уравнены в отношении пенсий и единовременных пособий с профессорами университетов. В случае

- болезни им предоставлялся длительный, до полугода, отпуск и предоставлялось пособие на лечение в размере 1000 руб. Пенсии полагались в случае неизлечимой болезни и последующей отставки, а также семье умершего члена Академии. Увеличивалось общее число академиков и адъюнктов — до 41 человека. В состав I отделения входили 17 ординарных академиков и 4 экстраординарных академика и адъюнкта; II отделения — 7 ординарных академиков; III отделения — 8 ординарных академиков и 5 экстраординарных академиков и адъюнктов. В отношении членов ОРЯС было ликвидировано различие академических степеней и оставлено одно звание ординарного академика
- С. И. Коржинский (1861–1900) избран адъюнктом по ФМО (ботаника)
- В. К. Ернштедт (1854–1902) избран адъюнктом по ИФО (классическая филология и археология)
- Б. Б. Голицын (1862–1916) избран адъюнктом по ФМО (физика)
- 1894 — А. А. Шахматов (1864–1920) избран адъюнктом по ОРЯС
- Проведена реорганизация академических изданий. «Bulletin scientifique» был переименован в «Известия Императорской Академии наук», где на русском языке печатались годичный отчет о деятельности Академии, извлечения из протоколов заседаний Академии, отчеты о присуждении наград и премий, отчеты об исполнении специальных поручений Академии, а также научные статьи и сообщения (выходили ежемесячно, с 1907 г. два раза в месяц). Тогда же «Записки Императорской Академии наук» (8 сер.) разделены на две серии: «Записки Императорской Академии наук по Физико-математическому отделению» (1894–1915) и «Записки Императорской Академии наук по Историко-филологическому отделению» (1894–1918)
- 1895 — И. И. Янжул (1846–1914) избран ординарным академиком по ИФО (политическая экономия и наука о финансах)
- Учрежден Русский музей императора Александра III
- 1895–1901 — Академические музеи и Библиотека получили новые штаты
- 1896 — Д. Н. Анучин (1843–1923) избран ординарным академиком по ФМО (зоология)
- Отделение русского языка и словесности возобновило свое старое издание — «Известия Отделения русского языка и словесности», которые принято называть в отличие от их первого издания «Известиями второго ряда» (выходили до 1927 г.)
- 1898 — Ф. Ф. Фортунатов (1848–1914) избран ординарным академиком по ОРЯС
- 1899 — А. С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) избран адъюнктом по ИФО (русская история)
- Студенческие беспорядки, охватившие столицу и перекинувшиеся в другие российские города
- 1900 — А. А. Белопольский (1854–1934) избран адъюнктом по ФМО (астрономия)
- В. О. Ключевский (1841–1911) избран ординарным академиком по ИФО (история и древности русские)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ
АКАДЕМИКОВ XIX ВЕКА

А — И

Герман Вильгельмович
АБИХ

Otto Wilhelm Hermann von Abich
(1806–1886)

Герману Вильгельмовичу Абиху наука обязана познанием геологии Кавказа. Образование он получил в Берлинском университете, пользовался благосклонностью таких корифеев науки, как Александр фон Гумбольдт и Карл Риттер. В Берлине ученый стал последователем геолога Леопольда фон Буха, развивавшего теорию вулканического происхождения гор. Поэтому в течение трех лет он обследовал вулканы на юге Италии. Насколько рисковал он в своих исследованиях, говорит уже одно то, что в кратер Стромболи он старался проникнуть в пятиминутные интервалы между извержениями, так что его проводники бежали, оставив его одного.

В 1841 г. Г. В. Абих занял кафедру минералогии в Дерптском университете. В России он посвятил себя геологическому изучению Кавказа и каждое лето проводил в горах. Признанием его научных заслуг стало избрание в 1853 г. ординарным академиком по ориктогнозии и минералогической химии. Тогда у него зародилась мысль дать общую картину геологического строения Кавказа. Ради выполнения этого грандиозного плана в 1865 г. Г. В. Абих отказался от звания действительного члена Академии. Он обосновался в Тифлисе, где пользовался покровительством наместника на Кавказе вел. кн. Михаила Николаевича. В 1876 г. ученый уехал в Вену, чтобы заняться подготовкой к изданию своего капитального труда по геологии Кавказа — «*Geologische Forschungen in den Kaukasischen Ländern*». Г. В. Абих обладал не только мощным научным талантом, но и художественным дарованием, что позволило ему создать безукоризненные по точности живописные описания горных кражжей, запечатлеть великолепия и величие природы Кавказа.

**Сообщение академиков Э. Х. Ленца, Б. С. Якоби, Ю. Ф. Фрицше
и Г. П. Гельмерсена в Физико-математическое отделение
относительно избрания специалиста в области минералогии**

10 июня 1852 г.

Als die Unterzeichneten im vorigen Jahre, im Auftrage der Classe, ihre Meinung über die zweckmäßigste Besetzung der im Fache der physikalischen Wissenschaften erledigten Adjunkturen vorlegten, behielten dieselben sich vor später auch über die Besetzung der vakanten Stelle eines Akademikers für das Fach der Oryctognosie und Mineralchemie, mit einem Vorschlag einzukommen. Sie haben nun die Ehre der Classe diesen Antrag ergehenst in folgendem vorzulegen und zu empfehlen.

Rußland und Nordamerika sind gegenwärtig nicht nur die beiden Länder, in welchen die meisten der bisjetzt bekannten Mineralspecies vorkommen, sondern ihre zahlreichen Fundorte haben in den letzten Decennien auch wohl die meisten neuen Mineralien geliefert, und lassen nach fernern Entdeckungen mit Sicherheit erwarten. Das Interesse der inländischen sowohl als der fremden Oryctognosten für die Mineralien Rußlands, ist zwar sehr rege gewesen und hat sich immer mehr gesteigert, und dennoch ist die Anzahl der Gelehrten, die sich ausschließlich dem Studium der Oryctognosie und Mineralchemie widmen können, in Rußland sehr beschränkt geblieben aus Gründen, die zu besprechen, uns hier zu weit führen würden. Man hat es daher oft gesehn, daß neuentdeckte Mineralien des Inlandes von ausländischen Gelehrten untersucht und beschrieben wurden, und wenn wir diesen Gelehrten den Dank für ihre Leistungen auch gern und freudig zollen, so dürfen wir den Wunsch doch nicht unterdrücken, daß dergleichen Arbeiten vorzugsweise in Rußland selbst ausgeführt würden, wo es leichter ist das nothwendige Material zu erhalten und wo die Möglichkeit nie mangeln wird die Untersuchungen durch Wiederholung zur größten Praecision zu bringen. Das Fach der Oryctognosie und Mineralchemie ist, vielleicht nicht ohne Nachtheil für die Wissenschaft, viele Jahre ohne Repräsentanten geblieben. Wenn man einerseits diesen Umstand ins Auge fasst, und andererseits bedenkt, daß ein für dieses Fach angestellter Akademiker in den reichen Mineraliensammlungen St. Petersburgs, in welchen nicht nur die einheimischen, sondern auch fremden Mineralien in den ausgesuchtesten Exemplaren vorhanden sind, ein Material zur Bearbeitung vorfindet, wie es wohl kaum ein zweiter Ort in der Welt darbietet, so scheint schon hierdurch allein der Vorschlag gerechtfertigt jene so lange Zeit erledigte Stelle bei der Akademie durch einen befähigten Oryctognosten zu besetzen.

Wir glauben nicht zu weit zu gehn, wenn wir sagen daß ein eifriges Mitglied der Akademie, das in den Stand gesetzt würde sich ungestört mit Oryctognosie und Mineralchemie zu beschäftigen, und dem hierzu alles vorhandene Material zur Benutzung geboten würde, einen wesentlichen Einfluß auf den Fortschritt der Wissenschaft innerhalb und außerhalb Rußlands gewinnen müßte. Eine der interessanten und wichtigsten Aufgaben eines solchen Mannes würde ohne Zweifel darin bestehen, uns eine volle und gründliche Rechenschaft über Rußlands großen Mineralreichthum zu geben, uns vollständig über die Natur der einheimischen Mineralien zu belehren und sie in einem besonderen Werke zu beschreiben. Ein solches fehlt leider bisjetzt und wird doch mit jedem neuen Stadium, in das die Wissenschaft tritt, dringender gefordert. Es würde aber eine solche Arbeit auch in großes geologisches Interesse haben; sie würde nämlich ein klares Licht sowohl über das Verhältniß verbreiten, in welchem die Mineralien zu den Felsarten stehen, in denen sie vorkommen, als auch über das gesetzmäßige Zusammenkommen gewissen Mineralien und über die räthselhafte Erscheinung der Pseudomorphosen. Sie würde, um beispielsweise einen der anziehendsten Gegenstände dieses Gebietes zu berühren, wahrscheinlich den

Schleier lüften, der noch immer über die ursprüngliche Lagerstätte, das ursprüngliche Alter und die Bildungsweise der großen Goldgeschiebe des Urals vorbereitet ist. Wenden wir uns nun zu der Frage, wem die Akademie das Fach der Oryctognosie und Mineralchemie anvertrauen könnte, so eichtet sich unser Blick auf einen, seit mehreren Jahren in Russland beschäftigten, und dem Rante als Mineralog und Geolog dienenden Gelehrten, der uns vollkommen befähigt scheint die erwähnte Stelle würdig einzunehmen. Es ist dieses der ehemalige Professor der Mineralogie an der Universität zu Dorpat, und gegenwärtig bei dem Bergwesen angestellter Collegienrath D. Hermann Abich, über dessen bisherige Leistungen wir uns folgendes mitzutheilen erlauben.

Nachdem Herr Abich ein gründliches uns umfassendes Studium der Chemie, Oryctognosie und Geologie in Berlin unter der Anleitung von Mitscherlich, Gustav Rose und Weiss beendet hatte, wählte er die italienischen Vulkane zum Gegenstande seiner ersten, größeren Untersuchungen. Die Resultate dieser, mit Fleiß und Kenntniß ausgeführten Arbeiten sind zwar nicht ganz vollständig bekannt geworden, genügen aber auch in dieser Gestalt vollkommen um Herrn Abich den Ruf eines talentvollen, kenntnißreichen, tüchtigen Mineralogen zu erwerben; besondere Anerkennung fand eine, durch seine Untersuchung der vulkanischen Gesteine veranlaßte, mineralogisch-chemische Arbeit über die so wichtige Familie des Feldspaths. Diese Leistungen, verbunden mit einigen andern, die ihnen vorhergegangen waren, hatten die Aufmerksamkeit der Gelehrten bereits in solchem Grade erregt, daß Herrn Abich bald darauf aufgefordert ward den in Dorpat freigewordenen Lesestuhl der Mineralogie und Geologie einzunehmen. Er folgte diesem Rufe gern und erwarb sich bald den Beifall seiner Vorgesetzten und Zuhörer durch fleißigen, gutvorbereiteten und lehrreichen Vortrag. Seine Wirksamkeit als Lehrer war aber nur von kurzer Dauer, denn schon im Jahre 1845, etwa zwei Jahre nach seiner Anstellung, reiste Herr Abich nach Armenien um auf den Wunsch des damaligen Finanzministers, Grafen Cancrin, den Ararat und dessen Umgebungen zu untersuchen. Der Hauptzweck dieser Reise, deren Dauer anfänglich auf 10 Monate festgesetzt war, bestand darin die geologischen Verhältnisse des Ararats zu beobachten, um eine klare Einsicht in die Veränderungen zu erhalten, welche das bekannte Erdbeben von 1841 in jener Gegend bewirkt hatte, und durch welches das Kloster St. Jacob und das Dorf Arguri am Fuße des Berges vollständig zerstört worden waren. Diese Untersuchung zeigte nun bald dem, im Gebiete der vulkanischen Erscheinungen bereits erfahrenen Gelehrten, wie wichtig, wie unentbehrlich es sey den Ararat nicht isoliert, sondern im Zusammenhange mit dem ganzen vulkanischen Gebiete Armeniens kennen zu lernen. Nur so durfte es hoffen das Gesetzmäßige in den vulkanischen Erscheinungen und ihrer Einwirkung auf sedimentaire Formationen kennen zu lernen. Als ein längerer Urlaub und die Geldmittel zur Fortsetzung der Beobachtungen bewilligt worden waren, entwarf Herr Abich einen vollständigen Plan zu den ferneren Untersuchungen, die er nun im Laufe von mehr als 6 Jahren über ganz Armenien, von Bajazid bis zur Centralkette des Kaukasus, von Baku bis zum Schwarzen¹ Meere durchgeführt hat. Die Akademie kennt schon mehrere Resultate dieser Forschungen, und wir brauchen ihrer hier nicht besonders zu erwähnen, wollen es aber aussprechen daß diese vorläufigen Berichte sowohl, als die bei dem Institute des Bergingenieurcorps deponirte, kolossale, geographisch geordnete und mit einem höchst vollständigen, gelehrten Cataloge versehene Sammlung transkaukasischer Felsorten und Petrefakten, uns Herrn Abich als einen ausgezeichnet tüchtigen Oryctognosten und Geologen kennen gelehrt haben. Wenn daran die Rede ist, was die Wissenschaft überhaupt von diesen Forschungen zu erwarten hat, so darf nicht übersehen bleiben daß Herr Abich ein seltenes Talent für geodätische und kartographische Arbeiten besitzt und daß er am Kaukasus

---

¹ В тексте слово написано над зачеркнутым в строке словом: *Kaspischen* (Каспийским).

auch im Gebiete der Meteorologie fleißig beschäftigt und bemüht gewesen ist den Gang der Temperatur und des Luftdrucks zu erforschen. Man darf von ihm das vollständigste physisalische Bild Armeniens und des Kaukasus erwarten, das jemals entworfen worden ist. Man darf aber auch insbesondere erwarten daß die gewonnenen Resultate ganz speciell die Kenntniß der vulkanischen Gesteine und der sie begleitenden Mineralien wesentlich fördern werden. Möge Herr Abich, nach dem bevorstehenden Schlusse seiner umfangreichen Beobachtungen, im Schoße der Akademie die gehörige Muße werden, um die vielen mineralogisch-chemischen und anderweitigen Arbeiten durchzuführen, die unumgänglich nothwendig sind, um zahlreich gesammelte Thatsachen zu einem übersichtlichen Ganzen zu vereinigen. Wir erlauben uns Herrn Abich zum Akademiker für das Fach der Oryctognosie und Mineralchemie hiemit ergebenst vorzuschlagen.

E. Lenz, M. H. Jacobi, G. v. Helmersen, J. Fritzsche.

*СПБФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 18. Л. 1–2 об. Автограф Г. фон Гельмерсена.
Нем. яз. Подписи-автографы академиков, подписавших сообщении.*

Перевод

Когда нижеподписавшиеся в прошедшем году по вызову Отделения изъявили свое мнение о наилучшем замещении упраздненных в отделе физических наук адъюнктов, то они предоставили себе позже войти с предложением также на счет замещения вакантного места академика по части ориктогнозии и минералогии. Ныне они имеют честь исполнить это и представить на благоусмотрение отделения следующее.

Из всех стран света Россия и Северная Америка в настоящее время суть те, в которых не только наиболее попадается доселе известных пород минералов, но и которых из многочисленных своих местонахождений в последнее десятилетие доставили наибольшее число новых ископаемых, и где можно и вперед с достоверностью ожидать новых открытий по этой части. Но, несмотря на то, что внимание² как туземных, так и иностранных ориктогностов к минеральным произведениям России возростало беспрестанно, число ученых, исключительно посвящающих себя изучению ориктогнозии и минералогии в России, оставалось весьма ограниченным по причинам, изложение которых завело бы нас здесь слишком далеко. Посему нередко случалось, что новооткрытые в России минералы были исследованы и описываемы иностранными учеными, а хотя мы охотно³ воздаем этим ученым благодарность за оказанные услуги, но не можем скрыть желания, чтобы подобные работы вперед были преимущественно исполняемы в самой России, где гораздо легче добыть потребные для того материалы и где никогда не будет недоставать довести исследования многократным их повторением до наибольшей точности. Область ориктогнозии и минералогии, может быть, не без ущерба для науки, столько лет оставалась в Академии без представителя. Если мы сообразим с одной стороны это обстоятельство, а с другой, что особо определенный по этой части академик в богатых минеральных коллекциях С.-Петербурга, в которых собраны в отборнейших образчиках не одни туземные, но и иностранные минералы, найдет такой материал для разрабатывания, как едва ли в каком-либо другом месте света; то уже это одно достаточно, чтобы оправдать наше предложение к замещению столь долго упраздненного места в Академии способным ориктогностом.

Мы твердо убеждены, что минералог, поставленный в возможность ненарушимо заниматься ориктогнозией и минералогией и пользоваться всем имеющимся по этим

---

² Слово написано над строкой, в которой зачеркнуто: *участие*.

³ Далее зачеркнуто: *и радушно*.

частям на лицо материалом, окажет немаловажные влияния на успех науки как внутри, так и вне России. Одной из занимательнейших задач для такого специалиста было бы дать нам полный отчет о великом богатстве в минералах России и описать их в особом сочинении. Этого, к сожалению, доселе еще недостает, между тем как оно все настоятельнее требуется с каждым новым успехом, вообще стяжаемым наукой. Сверх того подобная работа имела бы и большой геологический интерес, пролив ясный свет как на то отношение, в каком состоят минералы к горнокаменным породам, в которых они встречаются, так и на законосообразное сочетание известных минералов и на загадочное явление псевдоморфоз. А чтобы здесь только для примера коснуться одной из привлекательнейших сторон предмета, мы полагаем, что подобная работа, наконец, снимет завесу с той тайны, которая и до сих пор еще покрывает первоначальное местонахождение, первобытный возраст и способ образования больших золотиносных россыпей Урала.

Обращаясь к вопросу, кому Академия могла бы поручить часть ориктогнозии и минералогии, мы обращаем внимание на одного ученого, уже много лет посвящающего труды свои России и состоящего в государственной службе в звании минералога и геолога, которого считаем совершенно способным к достойному занятию собой вакантного места. Это бывший профессор минералогии в Дерптском университете, ныне состоящий в Горном ведомстве, коллежский советник д-р Герман Абиx, о прежних трудах которого мы можем сообщить следующее.

Приготовившись основательным и обширным изучением химии, ориктогнозии и геологии под руководством Митчерлиха, Густава Розе и Вейса, он избрал себе итальянские вулканы предметом первого, более обширного разыскания. Результаты этих тщательно и со знанием дела исполненных работ, правда, еще не вполне сделались известными, но и в том виде, как были изданы, снискали г-ну Абиxу имя даровитого, сведущего и искусного минералога; с особенным признанием встречено было предпринятое им вследствие этого разыскания вулканических пород минералогическо-химическое исследование полевого шпата^[1]. Эти труды в соединении с некоторыми другими, [сему] предшествовавшими, обратили на себя внимание ученых сего света в такой степени, что г. Абиx вскоре потом получил вызов к занятию упраздненной в Дерпте кафедры минералогии. Он охотно последовал этому приглашению и успел приобрести себе одобрение своих начальников и любовь слушателей прилежным, хорошо приготовленным и поучительным своим преподаванием. Однако же деятельность его в звании наставника была только кратковременная: уже в 1845 году, спустя года два после своего определения в Дерпте, г. Абиx по желанию тогдашнего министра финансов графа Канкринна отправился на Арарат для исследования его окрестностей. Главной целью этого путешествия, первоначально рассчитанного только на 10 месяцев, было вникнуть в геологические отношения Арарата, для того чтобы получить ясное понятие о тех переменах, которые воспоследовали в тамошней стране вследствие известного землетрясения 1841 года, совершенно разрушившего монастырь Св. Иакова и селение Аргури. Это-то разыскание вскоре привело уже опытного в области вулканических явлений ученого к тому убеждению, что для удовлетворительного разрешения задачи необходимо изучить Арарат не отдельно, а в связи со всей вулканической областью Армении. Только таким образом он мог надеяться постигнуть законосообразность в вулканических явлениях и в действии их на осадочные формации. По испрошении себе продолжения отпуска и средств к дальнейшим наблюдениям г. Абиx начертал полный план последующих своих разысканий, которые он в течение более шести лет распространил на всю Армению, от Баязида до центральной цепи Кавказа и от Баку до Черного моря.

Академия уже знакома с некоторыми из результатов этих разысканий, и здесь излишне было бы об них особенно распространяться; мы скажем только то, что как эти предварительные донесения, так и доставленная в Институт корпуса горных инженеров колоссальная географически расположенная и снабженная весьма полным ученым каталогом коллекция кавказских горнокаменных пород и окаменелостей явили нам г-на Абиха отличным ориктогностом и минералогом. А как он сверх того обладает редким даром для произведения геодезических и картографических работ и на Кавказе прилежно занимался также метрологией и, между прочим, исследованием хода температуры и давления воздуха, то от него можно ожидать самой полной физической картины Армении и Кавказа, какая когда-либо была начертана. В особенности же мы вправе ожидать, что добытые им результаты специально послужат к существенному разъяснению наших познаний о вулканических породах и о встречающихся в их сопровождении минералов. А посему весьма желательно, чтобы г. Абих по довершении им, или в непродолжительном времени, всего обширного рода своих наблюдений нашел в среде Академии потребный досуг для выполнения многочисленных минералогических, химических и другого рода работ, которые необходимы для того, чтобы соединить собранные в большом числе данные в одно легко обозримое целое. Движимые этим желанием, мы с полным убеждением предлагаем г-на Абиха в академики по части ориктогнозии и минералогии^[2].

Перевод К. Ф. Свенске

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 18. Л. 3–6 об.

Черновой неавторизованный автограф К. Ф. Свенске.

^[1] Подробнее об этих работах рассказывает Е. А. Толмачева-Карпинская; см. ниже.

^[2] После этой записки прошло еще более полугода, прежде чем Г. В. Абих был избран в члены Академии наук. Препградой была его служба по Горному ведомству, а именно продолжавшаяся уже несколько лет изыскательская деятельность на Кавказе, о которой говорилось в академическом представлении. 19 ноября (1 декабря) 1852 г. прошли выборы Абиха в Физико-математическом отделении: его кандидатуру поддержали 11 человек, трое были против. После этого, 8 декабря 1852 г., Академия обратилась в Штаб корпуса горных инженеров, чтобы прояснить ситуацию с дальнейшим избранием Абиха уже в Общем собрании. В запросе писалось: «Состоящий при наместнике Кавказском ведомства Штаба корпуса горных инженеров коллежский советник Абих по сделанному ему от Академии наук предложению поступить на службу ея в качестве ординарного академика с тем, однако же, условием, чтобы по утверждении в сем звании он поселился на постоянное жительство в С. Петербурге, изъявил на сие свое согласие. Вследствие сего Академия покорнейше просит Штаб корпуса горных инженеров уведомить ее, не имеется ли со стороны Штаба препятствия к определению г-на Абиха в Академию наук ординарным академиком с оставлением ли его в С. Петербурге, или с переводом из ведомства Штаба в ведомство Академии наук. <...> Академия не излишним считает присовокупить, что запрос сей должно считать предварительным, ибо окончательного избрания г-на Абиха еще не было, и что если Штаб не признает совместным состоянием его на службе по обоим ведомствам, справедливость требует предоставить на собственное его усмотрение: который из двух родов служения он пожелает [самостоятельно] избрать». Однако Горное ведомство отказалось дать отставку Абиху на основании того, что до сих пор не получило от него полного отчета о работе на Кавказе. При этом ему разрешили баллотироваться в Академию наук и жить в Петербурге с условием, что он, оставаясь в инженерной службе, будет совмещать ее с академической. 8 января 1853 г. прошло голосование по кандидатуре Абиха Общим собранием Академии. По его результатам — 22 человека за, трое против — он стал ординарным академиком по части ориктогнозии. См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 18. Л. 8, 9, 11–11 об., 12.

**Письмо Г. В. Абиха к неперемемному секретарю П. Н. Фусу
с благодарностью за выдвигение на вакантное место
ординарного академика по части ориктогнозии и минералогии**

Тифлис, 29 сентября 1852 г.

Hochgeborener Herr
Hochgeehrtester Herr Staatsrath!

Ihr geehrtes, erst vor einigen Tagen erhaltenes Schreiben vom 18. August d. J. an mich eröffnet mir, daß die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften den Antrag Ihrer Mitglieder der Herrn Akademiker Lenz, Jakobi, Helmersen und Fritzsche mit Vergnügen aufgenommen hat, durch welchen ich für die erledigte Stelle eines ordentlichen Akademikers für das Fach der Oryktognosie und Mineralchemie in Vorschlag gebracht worden bin.

Die Bedingung, welche die Akademie, wie der verehrte Praesident derselben an eine beifällige Zustimmung zu dieser Wahl geknüpft haben, legt mir nun die erfreuliche Verpflichtung auf, der Aufforderung, welche der Schluß Ihres geehrten Schreibens enthält, durch die Erklärung zu genügen daß ich gern und ganz in Uebereinstimmung mit meinen Wünschen für eine demnächstige wissenschaftliche Thätigkeit im engeren Kreise darauf eingehe, meinen künftigen Wohnsitz, nach erfolgter definitiver Ernennung zum Mitglied der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, dauernd in Petersburg zu nehmen.

Pflichtmäßig muß ich aber diese Erklärung mit der Bemerkung verbinden, daß ich aus Gründen, die der Zweck meines temporären Aufenthaltes in Grusien vorschreibt, entschieden wünschen muß, meinen definitiven Eintritt in das mir in Aussicht gestellte ehrenvolle Verhältniß an keinen früheren Termin geknüpft zu sehen als an den Schluß des Sommers des zukünftigen Jahres.

Genehmigen Sie Hochgeehrter Herr Staatsrath mit der Versicherung, daß die Aussicht einer der Ihrigen werden zu sollen mich wahrhaft beglückt, den Ausdruck der ausgezeichneten Hochachtung, mit der ich die Ehre habe zu sein Ihr ganzergebenster.

H. Abich.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 18. Л. 7-7 об. Автограф Г. В. Абиха. Нем. яз.

Перевод

Ваше высококордие,

Глубокоуважаемый господин статский советник!

Из Вашего любезного письма от 18 августа сего года, которое я получил лишь несколько дней назад, я с удовольствием узнал, что Императорская Академия наук по представлению своих членов гг. академиков Ленца, Якоби, Гельмерсена и Фрицше выдвинула мою кандидатуру к избранию на вакантное место ординарного академика по части ориктогнозии и минералогии.

Условие, с которым Академия и ее уважаемый президент^[1] связали свое согласие на этот выбор, налагает на меня теперь радостную обязанность принять приглашение, содержащееся в конце Вашего любезного письма. А посему уведомляю Вас, милостивый государь, что после избрания в члены Императорской Академии наук я сделаю Петербург своим постоянным местом проживания, поскольку это полностью соответствует моему желанию впредь посвятить себя научным занятиям в узкой области.

Считаю долгом заметить, однако, что по причинам, которые составляют цель моего временного пребывания в Грузии, мне решительно должно желать, чтобы указанное вступление в почетные для меня обязанности произошло никак не ранее конца лета следующего года.

Позвольте же, глубокоуважаемый господин статский советник, уверить Вас, что возможность стать одним из вас, не скрою, делает меня счастливым. С выражением глубокого уважения имею честь пребывать, всецело преданный Вам
Герман Абих.

Перевод О. А. Кириковой

^[1] Имеется в виду С. С. Уваров.

**Письмо Г. В. Абиха в Московское общество испытателей
природы к столетию Александра фон Гумбольдта**

Белый ключ, 1869 г.

Gestatten Sie mir somit, ganz im Geiste eines gemüthlich feiernden collegialischen Zusammenseins, ohne die Absicht durch Rethorik zu glänzen, die mir nicht verliehen ist, das Wort zu nehmen.

«Der Buchstabe tödtet, aber der Geist macht lebendig» — die tiefe Bedeutung und Wahrheit dieser Worte auch im Gebiete der Wissenschaft von der Natur, hat das Leben und Wirken des Mannes gezeigt, dessen Andenken diese festliche Versammlung heute feiert.

Mögen auch andere Begabte vor ihm das Reich des Wissens und des Gedankens in ähnlicher Weise wie er beherrscht haben, so fühlen wir es doch Alle, dass es die geistige Individualität des Gefeierten war, die seine wahre Grösse und Bedeutung für Mit- und Nachwelt bedingt.

Ist sie es nicht, die seinen Werken, in welchen, ich möchte sagen, das Gesamt-Inventarium des gegenwärtigen Wissens von der Natur in wohlgeordneter Systematik in der Kürze vor uns liegt, jene eigenthümliche Darstellungsweise verlieh, die Verstand und Gemüth gleich lebhaft und fasslich berührt und magisch fesselt, und die eben deshalb der Entfaltung jenes höheren geistigen Lebens unter der Menge so förderlich gewesen, welches seine Nahrung aus der wissenschaftlichen Erkenntniss von dem Zusammenhange und dem Nutzen der physikalischen Wissenschaften für das materielle Wohl der Menschheit zieht?

War es nicht dieses Geschenk, womit nach den Worten des A. v. Humboldt geistesverwandten Dichters, die Himmlischen ihren Liebling vor nun mehr hundert Jahren als einen Bevorzugten von Millionen der Gewesenen und der Kommenden ausstatteten, durch dessen Besitz jenes seltene Leben, unberührt von den nur zu gewöhnlichen selbstischen Schwächen sonst hochbegabter Erdgeborenen, eine so reiche Aussaat des Fortschritts der Wissenschaft, ermunternd, empfehlend, unterstützend, über beide Hemisphären zu verbreiten verstand.

In wie hohem nicht genug anzuerkennenden Grade hat sich unser Gefeierte jener grossen, ihm verliehenen Gaben würdig gezeigt! Wie waren bei ihm Universalität des Wissens, unverwüsthliches Gedächtniss, schneidende Verstandes- und Witzes Schärfe gepaart mit jener, auch dem geringsten verdienstlichen Streben sich augenblicklich zuwendenden Milde und Freundlichkeit, in welchen Eigenschaften ein Hauptgrund der unwiderstehlichen Anziehungskraft der Persönlichkeit A. v. Humboldt's lag.

Ist nun auch der Träger so grosser und seltener Vorzüge und Gaben, von diesem Planeten geschieden, dessen Natur und Zusammenhang mit dem Universum er so tief erkannte, so darf uns doch ganz besonders heute das Bewusstsein erheben, dass wir den Besitz und den dauernden Genuss seines geistigen Vermächtnisses mit allen gebildeten Nationen theilen.

Die volle Bedeutung dieses Vermächtnisses möchte ich, nicht sowohl in dem Umfange und der Verschiedenheit der Natur der Werke A. v. Humboldts, sondern vorzüglich in

der philosophischen Handlungs- und genialen Ausdrucksweise der Gegenstände selbst erkennen.

Kühne, der immer jugendfrischen Thätigkeit schöpferischer Geisteskraft entspringende induktive Combinationen, die unerwartete und neue Gesichtskreise eröffnen und Anknüpfungs-Punkte zur Lösung noch zu beantwortender naturwissenschaftlicher Fragen darbieten, erhöhen bei dem Studium der v. Humboldtschen Schriften den Eindruck einer auf das lebhafteste anregenden Diktion, die so ganz geeignet ist, den Geist der Forschung in jüngeren Kräften zu erwecken und denselben die leitenden Ideen für deren Ausführung an die Hand zu geben.

So führt uns der universelle Verlauf des in wunderbarer Harmonie durchgeführten Lebens A v. Humboldts so recht überzeugend dem Inhalte der Wahrheit zu, dass eine Humboldtsfeier, wie die heutige, mehr als irgendein anderes säculares Gedächtnissfest dazu auffordern muss, das Band einer von nationaler Verschiedenheit durchaus absehenden Collegialität immer fester zu knüpfen.

H. Abich

*Опул.: Bulletin de la Société impériale des naturalistes de Moscou.
1869. T. 42, № 3. P. 129–131.*

Перевод

Позвольте же и я, не стараясь блеснуть красноречием, которое мне несвойственно, скажу слово в духе непринужденно-праздничной дружеской встречи^[1]. «Буква убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3:6). Жизнь и деятельность человека, памяти которого посвящено сегодняшнее торжественное собрание, показали глубокий смысл и справедливость этих слов также и в области науки о природе.

Пусть иные одаренные люди и до него овладели системой знаний и мысли так же, как и он, но все мы тем не менее понимаем, что именно духовная индивидуальность чествуемого определяет его истинное величие и значение для современников и потомков.

Не она ли породила его труды, в которых заключен, я бы сказал, весь арсенал современных знаний о природе в упорядоченной систематической форме? Этот своеобразный способ изложения, живой и понятный, который захватывает ум и очаровывает душу, и именно поэтому он способствовал развитию той высшей духовной жизни в массах, которая питается научным познанием о пользе естественных наук и ее значения для материального благополучия человечества.

Не этим ли даром, по словам поэта, близкого по духу А. фон Гумбольдту^[2], более ста лет назад небожители одарили его как предпочтенного из миллионов людей нынешнего и грядущего поколений? Благодаря такому дару эта редкая жизнь, не затронутая обычными эгоистическими слабостями высокоодаренных людей, рожденных на земле, смогла посеять на обоих полушариях семена прогресса науки, ободряя, поощряя, поддерживая.

В какой высокой степени, и это невозможно не признать, чествуемый нами муж оказался достоин посланных ему великих даров! Как сочетались в нем энциклопедические знания, феноменальная память, острый и едкий ум вкупе с той мягкостью и дружелюбием, которые мгновенно откликнулись на малейшее достойное похвалы стремление. Именно эти качества и составляли основу неотразимой привлекательности личности А. фон Гумбольдта.

Теперь, когда обладатель столь великих и редких достоинств и дарований оставил эту землю, чью природу и связь со Вселенной он так глубоко постиг, нас должно

воодушевлять, особенно сегодня, осознание того, что мы пользуемся его достоянием вместе со всеми цивилизованными народами и разделяем вечное наслаждение его духовным наследием.

Непреходящую значимость этого наследия я вижу, пожалуй, не в размахе и невероятном разнообразии трудов А. фон Гумбольдта, а преимущественно в философской трактовке и гениальном описании самих предметов.

Смелые обобщения, порождаемые вечно молодой творческой активностью духа, открывают неожиданные и новые перспективы и предлагают отправные точки для разрешения вопросов естествознания, на которые еще предстоит ответить. При изучении трудов А. фон Гумбольдта создается устойчивое впечатление в высшей степени живого творческого стиля, который вполне способен пробудить в молодых людях дух научного творчества.

Таким образом, общий ход жизни А. фон Гумбольдта, протекавшей в удивительной гармонии, подводит нас к непреложной истине, что чествование Гумбольдта, подобное сегодняшнему, должно больше, чем любое другое памятное событие, способствовать укреплению уз коллегальности, полностью лишенной национальных различий.

Г. Абих

Перевод Е. Ю. Басаргиной

^[1] Александр фон Гумбольдт был другом семьи Г. В. Абиха (по материнской линии он являлся внуком крупного химика М. Г. Клапрота и племянником Ю. Г. Клапрота, недолгое время бывшего академиком Императорской Академии наук, — востоковеда, путешественника и исследователя этнографии и истории Кавказа, автора труда «Asia polyglotta») и его учителем. По рекомендации А. фон Гумбольдта Г. В. Абих приехал в Россию. А. фон Гумбольдт был одним из главных «вулканистов» (они объясняли широкие геологические процессы действием вулканов), и знакомство с ним определило научные воззрения Г. В. Абиха.

^[2] По-видимому, имеется в виду И. В. фон Гёте. Ср. его отзыв о А. фон Гумбольдте: «Какой это человек! Я знаю его очень давно и тем не менее всякий раз заново ему удивляюсь. По части научных знаний и живого восприятия жизни ему, можно смело сказать, нету равных. И такой разносторонности я тоже ни у кого не встречал! О чем ни заговори, все ему известно, и он щедро осыпает собеседника духовными дарами. Он как родник, к которому подведены многочисленные трубы, — тебе остается только подставлять сосуды, и уж они наполнятся неиссякаемой, живительной влагой». (“Was ist das für ein Mann! Ich kenne ihn so lange und bin doch von neuem über ihn in Erstaunen. Man kann sagen, er hat an Kenntnissen und lebendigem Wissen nicht seinesgleichen. Und eine Vielseitigkeit, wie sie mir gleichfalls noch nicht vorgekommen ist! Wohin man rührt, er ist überall zu Hause und überschüttet uns mit geistigen Schätzen. Er gleicht einem Brunnen mit vielen Röhren, wo man überall nur Gefäße unterzuhalten braucht und wo es immer erquicklich und unerschöpflich entgegenströmt”). См.: Goethes Gespräche mit Eckermann. Berlin, 1955. S. 239.

«Памяти почетного члена Академии Абиха.

**Записка, читанная в заседании Физико-математического
отделения 26 августа 1886 г. адъюнктом А. П. Карпинским»**

[20 июня — 26 августа 1886 г.]⁴

Нынешним летом геологическая наука утратила одного из наиболее видных ее представителей. 1 июля н. с. скончался в Вене известный геолог, почетный член Императорской Академии наук Герман Вильгельмович Абих.

⁴ Установлено по датам: смерти Г. В. Абиха и чтения некролога.

Большая часть научной деятельности покойного была посвящена России. Еще молодым ученым, но уже пользовавшимся почетной известностью, особенно за его капитальные исследования вулканизма Италии, Абиx был приглашен в 1842 г. на кафедру минералогии в Дерптский университет, где он оставался, однако, не долго. Замечательные вулканические явления, происшедшие около того времени на Кавказе, не могли не заинтересовать такого знатока вулканизма^[1]. Посетив эту страну, первоначально лишь с целью изучения окрестностей Арарата, Абиx до того увлекся ее действительно увлекательным для геолога разнообразием, что решил покинуть не только университет, но впоследствии и Императорскую Академию наук, в действительные члены которой он был избран в 1853 г.

В качестве исследователя Кавказа Абиx оказал как науке, так и особенно России огромные услуги.

Ни одна из окраин нашего государства не представляет такого разнообразия геологических явлений и строения и ни одна из них не исследована с такой полнотой, с какой Кавказ изучен Абиxом. Необыкновенная разносторонность, наблюдательность, тщательность в собирании и обработке материалов, неутомимая энергия, не отвлекающаяся ни перед какими трудностями и даже опасностями исследования, — таковы отличительные свойства покойного геолога, без которых успешное изучение сложной и обширной области, подобной Кавказу, было бы невозможно.

Чтобы понять все разнообразие деятельности Абиxа в этой стране, достаточно упомянуть, что работы его кроме изучения ее геологического строения и физической географии обнимали исследование землетрясений, современных и прежних вулканических явлений, грязевых вулканов, явлений ледниковых, изучение минеральных источников, месторождений полезных ископаемых: нефти, каменной соли, ископаемого угля и различных руд, исследования петрографические и палеонтологические и, наконец, работы его по химии, метеорологии и даже археологии.

Из 32 относящихся до Кавказа сочинений Абиxа, из которых некоторые представляют объемистые томы, особенно обширное значение имеют известный его *Prodromus* и две части “*Geologische Forschungen in den Kaukasischen Ländern*”, вышедшие уже после того, как Абиx, закончив свои почти 30-летние исследования на Кавказе, переселился в Вену для окончательной их обработки и издания (в 1876 г.). Первый том этих «Исследований» представляет геолого-палеонтологическую монографию замечательных осадков Джульфы на Араксе, отложений, единственных в своем роде и сходных с осадками, известными в Соляном кряже Пенджаба. Второй огромный том, сопровождающийся атласом превосходно выполненных геологических карт, разрезов и видов, обнимает описание западной части Нижнего Кавказа. Третий том «Исследований», заключающий описание восточной части Нижнего Кавказа, насколько мне известно, окончательно готов; все следующие к нему карты и рисунки, а также значительная часть текста уже отпечатаны^[2].

Остается неоконченным описание Главного Кавказского хребта и прилегающих к нему местностей, или Верхнего Кавказа. Оно должно было составить предмет последнего, IV тома капитального труда Абиxа, все честолюбие которого заключалось в том, чтобы довести этот труд до конца. По собственным словам покойного ученого, какие-нибудь два-три года были бы для этого совершенно достаточны. И, несмотря на свои 80 лет, покойный работал с таким увлечением и энергией, редкими даже в молодые годы, что в блестящем завершении его работ по Кавказу в этот сравнительно короткий срок нельзя было сомневаться.

К сожалению, судьба решила иначе, и Россия понесла едва ли вознаградимую потерю.

Хотя, таким образом, уже нет возможности издать подробные исследования Абиха в Верхнем Кавказе в обработанном виде, но, как сообщает член Австрийской академии наук проф. Зюсс, неизданные наблюдения покойного геолога тщательно изложены в 28 записных книжках, которые и следовало бы издать в той форме дневников, в какой наблюдения записаны самим автором. Упомянутый знаменитый венский геолог охотно берет на себя, совместно с бар. Каульбарсом, все труды по изданию; что же касается необходимой на это суммы, то есть полное основание думать, что она будет дана горным ведомством, на средства которого была произведена большая часть исследований Абиха и напечатаны последние его капитальные сочинения^[3].

Говоря о качествах, отличавших покойного геолога, нельзя не указать также на его выдающийся художественный талант. Различные геологические изображения, приложенные к его сочинениям, исполнены с таким мастерством, что беглый взгляд на них дает иногда о строении изображенной местности более ясное представление, чем это могли бы сделать пространные описания.

Огромные заслуги покойного ученого в области геологии давали ему право на то внимание и уважение, какие оказывала ему Императорская Академия наук и многие другие ученые учреждения. Абих состоял сперва действительным, затем почетным членом нашей академии, иностранным членом академий в Берлине, Вене и Париже, почетным членом Лондонского геологического общества, географических обществ: Императорского русского, британского и австрийского, почетным членом Императорского Дерптского университета и членом многих других ученых обществ и учреждений.

В России благодарная память о покойном геологе, без сомнения, сохранится навсегда.

Оубл.: *Записки Имп. АН. 1886. Т. 53. С. 5–8;*
отд. отт.: СПб., 1886. С. 1–4.

^[1] В июле 1840 г. Арарат испытал страшную катастрофу: с его вершины хлынули потоки теплой воды, обрушились лавины снега и камней, вершина горы окуталась парами. Одни исследователи видели здесь особую форму газового извержения, другие, в их числе был Г. В. Абих, считали произошедшее грандиозным обвалом, сопровождавшим землетрясение.

^[2] *Abich H. Vergleichende geologische Grundzüge der Kaukasischen, Armenischen und Nordpersischen Gebirge als Prodromus einer Geologie der Kaukasischen Länder // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Sér. 6 : Sciences mathématiques et physiques. 1858. Т. 7. P. 359–534.*

Abich H. Geologische Forschungen in den Kaukasischen Ländern: 3 Th. Wien, 1878–1887. Th. 1 : Eine Bergkalkfauna aus der Araxesenge bei Djoulfa in Armenien. Wien, 1878; Th. 2 : Geologie des Armenischen Hochlandes: Westhälfte. Wien, 1882; Th. 3 : Geologie des Armenischen Hochlandes: Osthälte. Wien, 1887. Завершением издания монографии Г. Абиха занимались его коллега, глава австрийской школы геологов профессор Венского университета Э. Зюсс, и вдова ученого.

^[3] Труд по изданию наследия Г. В. Абиха взяла на себя его вдова, которая подготовила к печати «Геологические фрагменты из наследия Германа Абиха» и два тома его путевых писем к родным и жене. См.: *Abich H. Geologische Fragmente: Aus dem Nachlasse Hermann Abich's / hrsg. Ad. Abich. Wien, 1887; Abich H. Aus kaukasischen Ländern / hrsg. von dessen Witwe. Wien, 1896. Bd. 1 : Briefe aus den Jahren 1842–1853 an seine Eltern und Geschwister: Reisebriefe. Bd. 2 : Briefe aus den Jahren 1859–1874 an seine Frau: Reisebriefe.*

Из воспоминаний Е. А. Толмачевой-Карпинской
«Памяти Абиxа (1806–1886)»

Не ранее 1951 г.⁵

Когда в составе Геологического института Академии наук СССР в Москве был создан Кабинет истории геологии, с которым у меня, естественно, установился тесный контакт, мне захотелось передать ему «навечно» то, что сохранилось в моей памяти — с первых лет моей жизни — из непосредственно относящегося к истории геологии^[1].

Мысль написать об Абиxе возникла у меня давно, но первоначально я предполагала приурочить настоящую статью к «памятной дате» 150-летия со дня его рождения. К сожалению, осуществить это намерение своевременно мне не удалось.

В доме моего отца А. П. Карпинского дети не устранились из жизни взрослых членов семьи и, при наличии желания и интереса, могли видеть и слышать многих больших людей и ученых, русских и иностранцев, как живших в Петербурге, так и посещавших Александра Петровича во время их эпизодических наездов в Петербург. К числу таких посетителей нашего дома принадлежал и Абиx — большой ученый и очень большой человек. Знакомство с ним — если можно так выразиться, ибо он был старше меня почти на 70 лет — оставило глубокий след, и образ Абиxа сохранился в моей памяти таким живым, словно он еще недавно был в нашей квартире в Горном институте, где в то время мой отец был еще молодым профессором.

У меня в руках были все научные труды Абиxа, и я с ними знакома постольку, поскольку это было мне нужно в известные моменты или периоды. В них излагаются строго научные данные его исследовательских путешествий, но, как он сам говорит в предисловии к работе, посвященной вулканическим областям Италии⁶, «туристической» стороны своих путешествий он не касается. То же относится и ко всем другим работам, где он дает лишь описание объекта исследования и результаты последнего.

Читая работы Абиxа, вы видите перед собой глубоко мыслящего ученого, исключительно внимательного исследователя, старающегося не упустить ни одной детали и постоянного возвращающегося мыслью к другим сходным явлениям и объектам, раньше виденным им самим или известным ему по литературе; он сравнивает свои наблюдения с наблюдениями других ученых, а иногда обращается и к далеким историческим сведениям, обнаруживая высокодобросовестное и честное отношение к делу. Абиx был беззаветно предан науке и, нужно сказать, посвятил ей всю свою жизнь. Последние качества его характера рисуют его не только как ученого, но и как человека, но собственно биография его интересовала меня мало, хотя в моем окружении эта фигура была необычной.

Внешним своим видом Абиx не походил ни на кого из известных мне лиц, в том числе и представителей ученого мира: крупная, видная фигура в длинном коричневом сюртуке, с воротничками, какие я и до того, и после видела только на старинных гравюрах, «старомодная» прическа. Вероятно, этот внешний облик был уже «старомодным» и в те годы, когда я видела Абиxа, потому что «длинный коричневый сюртук» мне встретился недавно и в описании внешности Александра Гумбольдта, задолго до того уже умершего учителя Абиxа.

⁵ Датировано по содержанию.

⁶ *Abich H.* Geologische Beobachtungen über die vulkanischen Erscheinungen und Bildungen in Unter und Mittel-Italien. Bd. 1. Braunschweig, 1841. Lief. 1 : Über die Natur und den Zusammenhang der vulkanischen Bildungen. Nebst 3 Karten und 2 lithogr. Tafeln.

Через 10 лет после смерти Абиха вышли в Вене изданные его женой в двух томах его письма, которые она привезла и моему отцу. Первый том состоит в основном из писем к родителям, второй — из писем к жене. Все письма охватывают период работы Абиха в России и относятся главным образом к его кавказским путешествиям. Отец Абиха умер в первый год его работы на Кавказе, после чего, за исключением нескольких писем к двум своим сестрам, Абих обращается к матери. Все эти письма относятся к первому периоду кавказских исследований, с 1844 по 1853 год^[2]. В 1853 г. Абих был избран в действительные члены Академии наук. Весной он приехал в Петербург, откуда, получив отпуск, выехал в Берлин, чтобы заказать там литографированные таблицы к своим работам. Мать и сестра Абиха жили в это время уже в Кобленце на Рейне.

Отец и дед Абиха были специалистами соляного дела и работали в звании горных советников (бергратов) на соляных копиях Брауншвейга. Мать его была дочерью известного профессора химии и академика Берлинской академии Клапрота, состоявшего членом-корреспондентом и Петербургской академии наук. Абих вырос в культурной среде, а в дальнейшем его учителями были Александр Гумбольдт, Леопольд фон Бух и Карл Риттер, до конца своей жизни поддерживавшие связь со своим учеником. Они же возбудили в нем интерес к вулканическим явлениям в средней и южной Италии.

Результаты неоднократных поездок (вернее, путешествий) Абиха в Италию, в области проявления вулканической деятельности, изложены в упомянутой выше его первой значительной работе, вышедшей в Брауншвейге в 1841 г. Эта работа и предшествовавшие ей путешествия Абиха создали ему известность в ученых кругах и послужили поводом к приглашению его в Дерптский университет на кафедру геологии и минералогии, освободившуюся за смертью профессора Энгельгардта. По словам Абиха, последний привел коллекции геологического кабинета Дерптского университета в такой порядок, какого Абих не наблюдал ни в одном из музеев Западной Европы.

В составе этих коллекций были и образцы горных пород Кавказа, в особенности Арарата, собранные там дерптским профессором-физиком Парротом, первым совершившим восхождение на Арарат в 1829 г., умершим в 1841 г.

В это время, в связи с недавними проявлениями вулканизма на Кавказе и бывшими там катастрофическими землетрясениями, возник вопрос об изучении этих явлений на месте и о поручении исследования их Абиху как уже известному специалисту в этой области, к тому же состоявшему уже на русской государственной службе. По решению русского правительства осуществление этих исследований было намечено на 1844 год, и поручены они были Абиху.

Приступивший в 1842 г. к чтению лекций в Дерптском университете Абих вскоре начал готовиться к предстоящему путешествию. Он изучил материалы Паррота и другие коллекции в том же собрании, сравнивая их с тем, что он наблюдал в Италии, причем некоторые образцы привлекли его особое внимание как указывающие на связь их с важными полезными ископаемыми, потому что Абих во всех своих работах учитывал и практическое их значение.

В торжественном заседании в актовом зале Дерптского университета 22 августа 1843 г. Абих выступал с большой речью-докладом на тему о геологической природе Армянского нагорья, напечатанной в Дерпте в том же году⁷. Эта речь, явившаяся результатом первого знакомства Абиха с Кавказом и послужившая фундаментом для

---

⁷ *Abich H.* Über die geologische Natur des Armenischen Hochlandes. Fest-Rede am 22. August 1843 im grossen Horsaal der K. Universität Dorpat gehalten von Dr. Herm. Abich. Dorpat, 1843.

его дальнейших представлений и идей, возникавших в процессе исследований на месте, и была началом того дела, которому он, можно сказать, безраздельно отдал более 40 лет своей жизни.

Получив годичный отпуск, Абих, как он говорит, «не без сожаления» покинул город, где он удачно начал свою профессорскую деятельность. Выехав в Дерпт в так называемом «возке» — подобии кареты на полозьях — утром 8 января 1844 г., Абих после 44-часового пути, утром же 10-го прибыл в Петербург.

Приготовления к путешествию и связанные с ним формальности затянулись почти до конца месяца, и только 1 февраля ст. стилия Абих приехал в Москву, пробыв в пути ровно четверо суток, через два дня двинулся дальше, 11 февраля был в Воронеже, где ознакомился с нужными материалами в Топографическом институте и 23-го прибыл уже в Ставрополь. В письмах с дороги Абих дает и описание местности, по которой едет, ее природы и ее естественных богатств. На переднем плане широкой равнины, ограниченной со всех сторон возвышенностями, говорит Абих, лежит Ставрополь, расположенный на северной стороне широкого хребта, который тянется к югу и юго-западу вдоль Кавказа, образуя как бы его предгорья. Эти предгорья сопровождают Кавказ и дальше к югу, с некоторыми перерывами, и еще дальше, вдоль Терека, образуют двойные, лишенные леса цепи холмов, в широких продольных долинах между которыми залегают значительные месторождения нефти. Еще не доезжая Ставрополя, Абих отмечает выходы мощных пластов каменного угля превосходного качества, что при благоприятных условиях речного транспорта обещает этому пока еще малонаселенному степному краю, с его богатой почвой, громадное развитие добычи угля в будущем^[3].

Дорога из Ставрополя в Тифлис идет между упомянутыми ветвями предгорья, тянущимися параллельными цепями с северо-запада на юго-восток, сопровождая Кавказский хребет в некотором от него расстоянии. «24 февраля, в половине 12-го дня мы вдруг увидели поднимающиеся над прямой линией горизонта темно-синие группы гор, прекрасные формы которых напомнили мне очертания Капри и Искии. Взор мой долго блуждал по этой горе, высочайшая точка которой лежит на 4228 футов над уровнем моря, — это был Бештау. Тщетно искал я центральную цепь Кавказа в направлении с юго-востока на северо-запад от Бештау, который сам по себе образует небольшую горную систему. Вдруг, непосредственно за Бештау, начало вырисовываться в небе какое-то бледно-красноватое облако, все отчетливее принимавшее конусообразные очертания. Поразительная устойчивость этого прекрасного гигантского облака, все определеннее напоминающего форму конусообразной горной вершины, приковывает наше внимание, и чудесное облако оказывается наконец покрытой сверху донизу снегом вершиной Эльбруса, самой могучей из вершин Кавказа, освещенной магическим светом и контрастирующей с глубоко лежащей у ее подножия темно-синей Бештау. Цепь Кавказских гор была мало видна — гигантский конус Эльбруса, казалось, подавлял ее, но при общем взгляде на эти своеобразные, выступающие друг за другом горные формы невольно приходило на ум сравнение с гигантом американских Антов, — так эта картина соответствовала той, описанием которой мы обязаны Александру Гумбольдту. Становилось понятным, что перед нами одна из высочайших гор Старого Света»^[4]. Продолжая продвигаться, вечером 28 февраля Абих достиг под дождем последней деревни на юго-западном склоне Кабардинских гор. «Никогда не забуду я той картины, которую увидел утром 29 февраля, выйдя из дома перед восходом солнца», — говорит Абих^[5].

Прямо перед ним простиралась вся цепь Кавказских гор в ее удивительной, чистой красоте. Из подобной пустыне степи, лежавшей между нею и тем возвышенным

пунктом, на котором стоял Аби́х, поднимался легкий туман, достаточно прозрачный, чтобы можно было различать прекрасные черты и в глубине, горизонтальная поверхность которой представляла такой разительный контраст к зазубренным, разорванным очертаниям Кавказских гор. Аби́х всегда хранил в памяти Альпы с их снежными вершинами, освещенными утренней и вечерней зарей; он помнил прекрасные формы гор вулканических областей Италии, но все это исчезало при виде Кабардинского хребта Кавказа на фоне чистого голубого неба, когда горы до двух третей своей высоты еще покрыты снегом, который так резко и точно подчеркивает их внутреннее строение и их своеобразное отношение к главной продольной оси их общего протяжения. Нужно видеть эти синие тени с меняющимися тончайшими оттенками на величественно поднимающихся диких скалах, то клинообразных, то зубчатых, то плоских и налегающих друг на друга с помощью снега, образуя отчетливые ступени. Склоны, при общем одинаковом типе строения, отличаются петрографическим характером слагающих их пород, опускаются ко дну долин отвесными стенами. Среди многочисленных снежных вершин Аби́х мог распознать, влево от себя, Казбек, а вправо — гигантскую скалистую пирамиду Эльбруса.

Нельзя не узнать Казбек — это вулканическое сооружение, которое со всей мощной системой своих боковых отрогов принимало столь значительное участие в формировании и поднятии всего хребта и обусловило образование глубокой долины Терека. Его снежная вершина правильной конусообразной формы возвышается над всеми зубчатыми и острыми вершинами скал, лежащими по одной с ними линии, а напротив господствует гигантский Эльбрус с высотой, превышающей высоту всего хребта со всеми его вершинами. Стройная конусообразная вершина его уже начала светиться красноватым светом восходящего солнца. Тогда восточный пик Казбека загорелся, словно раскаленный уголь. «Пожар» распространялся все глубже и вскоре охватил все вершины хребта как заключительная фаза чудесного зрелища^[6].

Когда высоко поднявшееся солнце осветило уже до мельчайших деталей все соотношения форм, тогда, по выражению Аби́ха, его геологический взор (*der geologische Blick*) проник в раскрывшийся ему мир этих чудесных гор, которые уже своим внешним видом выражают важнейшие научные построения с такой убедительной ясностью, какой он раньше не наблюдал, да и не считал ее возможной^[7].

На дальнейшем пути, между Кашауром и Гискетом, или Квихетом, Аби́х встретил черные или красно-бурые пористые породы, свидетельствующие о нахождении там вулканических лав. Окрестности последней станции перед Тифлисом напомнили Аби́ху местность между Флоренцией и Римом. По пути Аби́х проезжает «Мцхету, древнюю столицу Грузии с ее почтенными развалинами»^[8] и достигает «Тфилиси» (*Tphilisi*), Тифлиса, построенного в 459 г. и предназначенного в столицы в случае падения Мцхеты.

Из Тифлиса, куда Аби́х прибыл 24 апреля 1844 г., он предпринимает ряд экскурсий по разным направлениям в радиусе семи миль и собирает материал для детальной геологической карты. Результатом этих экскурсий явилась подробная карта Тифлиса и его окрестностей, а также геологическая коллекция.

«Грузия и Армения, — говорит Аби́х, — являются классическими странами для геологии»^[9], далеко превосходящими в этом отношении Италию. Однако нетерпение, с которым он стремится скорее увидеть Армению, все растет, и 17 мая н. ст. он прибывает уже в Эривань. Последний этап перед Эриванью Аби́х проехал уже поздно вечером и остановился на ночлег в гостинице у подножия вулкана Къотандаг, породы которого он уже исследовал еще в Дерпте. Большинство строений в этой местности носило следы бывшего здесь несколько недель назад землетрясения.

Утром горы оказались в значительной степени окутанными облаками, и Абиxу не удалось увидеть сразу священную гору Арарат во всей ее красоте, но громадная равнина, окаймленная венком чудесных гор, среди которых выделялось основание двойной горы Арарат, видимой до трети ее высоты, покрытое темной растительностью с синеватым отливом, с узкими полосами снега, свисающими, словно бахрома из-под горизонтального края, облаками, открывающийся вдаль вид на горы Тавра, — все это производило впечатление, подобное по глубине и силе тому, что Абиx испытывал при виде — в первый раз — цепи Кавказских гор. Становилось все светлее, и Абиx различал уже своеобразный конус Алагеза и целый ряд менее значительных, но сходных по своей природе возвышенностей, и у подножия одной из них находилось с древних времен известное месторождение каменной соли Кульпи.

Далее к юго-западу тянулась горная цепь, над которой царит Арарат. И вечером еще, из-за густой пелены облаков, Арарата не было видно, но утром в течение полудня Абиx видел его во всем его блеске и мог рассматривать его в подзорную трубу. Ничего не может быть прекраснее этого замечательного творения природы, перед которым меркнут все раньше виденные Абиxом вулканические горы. С первого взгляда на Арарат природа этой горы стала Абиxу понятной, чему способствовал снежный покров, помогавший различать детали форм, исчезающие в дымке голубой дали. «Где еще можно наблюдать такую гармонию в строении гор, образующих единую систему? Где еще есть такое окружение, как у Арарата? Быть может, в Андах? С какой горой связано столько преданий, как с Араратом? На белом свете такой горы нет»^[10].

«К радости» Абиxа, как он говорит, Арарат оказался гораздо замечательнее, чем он предполагал. С одной стороны, он считает его самой замечательной из знакомых ему гор по соединению в себе важных горообразовательных моментов, в такой связи еще не наблюдавшихся; а с другой, — он видит в нем блестящее подтверждение правильности важнейших орогенических теорий, которые еще многими скептиками принимаются как гипотезы. Восхождение на Арарат, доступный, по словам Абиxа, во всех своих частях, следует предпринять в зависимости от погоды в августе или сентябре, совершив до того восхождение на Алагез, но прежде всего он направляется в Нахичевань, Ордубад и Мигри, за пределы русской Армении, откуда тоже открывается вид на «священную» гору. Осмотр месторождения соли Кульпи также является одной из целей путешествий Абиxа. Размеры этого месторождения превзошли все его ожидания; он сделал ценные наблюдения и установил ряд важных географических и геологических фактов^[11].

Путешествие по Кавказу представляло в то время значительные трудности, так как почти все время приходилось ехать верхом и лишь на редких участках почтовой дороги в «повозке». От Кульпи Абиx пересек верхом всю эту местность по горам, лежащим между Кульпи и Араратом. Он то поднимался на снежные вершины, то спускался вглубь долины до Аракса. Не раз он видел сверху Баязет по ту сторону турецкой границы. Непогода — грозы и буря — помешала, однако, Абиxу выполнить намеченный маршрут и заставила его вернуться в Эривань, но и при таких условиях он во все время пути наблюдал горный ландшафт, постоянство соотношений, простоту и величие законов природы. Абиx говорит, что его наблюдения позволяют ему мало-помалу воссоздавать в уме эту страну, какой она была когда-то, до начала вулканической деятельности, ее животный и растительный мир^[12].

«У подножия Арарата, с северо-западной стороны, — говорит Абиx, — я видел окруженные гигантскими потоками лавы громадные выходы совершенно молодых морских отложений, переполненные прекрасными отпечатками растений и множеством морских жителей, в том числе ракообразных. Листья и стебли так прекрасны,

что кажутся нарисованными. Я надеюсь, что среди них много нового. Так благодатный Арарат охватывает своими огненными образованиями и примиряюще объединяет прошлое и настоящее, свидетелей первобытного мира, указывающих на такое состояние, после которого все нивелирующее море покрыло эту страну, еще до того, как все современное богатство жизненных условий начало развиваться». «Тогда, — продолжает Абих, — пришли в действие плутонические силы. Сейчас мы бродим по иероглифам тех событий, которые следовали одно за другим с той неизбежностью, с какой полдень следует за утром, а вечер за полднем, но благодаря науке была найдена нить, которая помогла нам выйти из этого лабиринта фактов, — нить закономерности»^[13]. <... >

Одной из основных целей путешествия Абиха в 1844 г. были Арарат и его исследование со стороны долины Аракса. «Я уверен, — говорит Абих, — что собранные мною научные данные имеют первостепенное значение и важны не только в научном отношении»^[14]. В 1844 г. Абих поднялся на Большой Арарат четыре раза до линии снега и три раза на вершину Малого, причем все три раза он провел там всю ночь.

«Какая же прекрасная страна Армения! Какое у нее богатство естественных вспомогательных средств существования! Они мало используются, и так много еще нужно сделать!»^[15].

Первый период кавказских исследований Абиха закончился, как уже было указано, в 1853 г., когда, будучи избран ординарным академиком Академии наук, он перенес в Петербург свое постоянное местопребывание. Но еще до того — в конце 1850 г. — он пробыл в Петербурге около двух недель по пути в Париж, где 3 марта 1851 г. он выступил в заседании Французского геологического общества с сообщением об Арарате, причем демонстрировал собственный рисунок — вид на Большой Арарат с вершины Малого. В том же году сообщение это было опубликовано в «Бюллетене» общества⁸. <... >

Первая попытка подняться на Арарат была предпринята Абихом 16 августа 1844 г. в 3 часа пополудни и окончилась неудачей вследствие внезапно разразившейся грозы, что наблюдается очень часто, особенно на южном склоне Арарата. Та же судьба постигла и вторую попытку, ночью 23 августа того же года, на высоте, превышавшей высоту Малого Арарата. Сильнейшая гроза началась около полуночи, и за ней последовала снежная буря. Третья, также неудачная попытка была предпринята 3 сентября по дороге Кипгеля, на северной стороне большого конуса, но и от нее пришлось отказаться, так как все склоны были скользкими из-за льда. Наконец, установив свой лагерь вечером 28 июля 1845 г. на выступающем в виде громадной жилы трахитовом массиве с продольными трещинами и несколькими массивами на возвышенной части конуса, Абих начал свое восхождение на Арарат. Все расстояние отсюда до вершины было покрыто за шесть часов, и он достиг ее в полдень 29 июля 1845 г.! <... >

СПбФ АРАН. Ф. 265. Оп. 8. Д. 1. Л. 1–11, 21. Подлинник.
Неавторизованная машинопись.

^[1] Отдел истории геологии был создан в 1951 г. в Институте геологических наук АН СССР в Москве и занимался сбором, систематизацией и анализом материалов по истории геологических знаний.

⁸ *Abich H. Note géologique sur le mont Ararat // Bulletin de la Société géologique de France. Ser. 2. 1851. T. 8 (1850–1851). P. 265–271. Фрагмент с пересказом данной статьи опускается.*

[2] *Abich H.* Aus kaukasischen Ländern / hrsg. von dessen Witwe. Bd. 1 : Briefe aus den Jahren 1842–1853 an seine Eltern und Geschwister: Reisebriefe. Wien, 1896.

[3] *Ibid.* S. 26–34.

[4] *Ibid.* S. 38–39.

[5] *Ibid.* S. 42.

[6] *Ibid.* S. 42–44.

[7] *Ibid.* S. 44.

[8] *Ibid.* S. 52.

[9] “Grusien und Armenien sind für die Geologie die classischen Länder”: *Ibid.* S. 63.

[10] *Ibid.* S. 73.

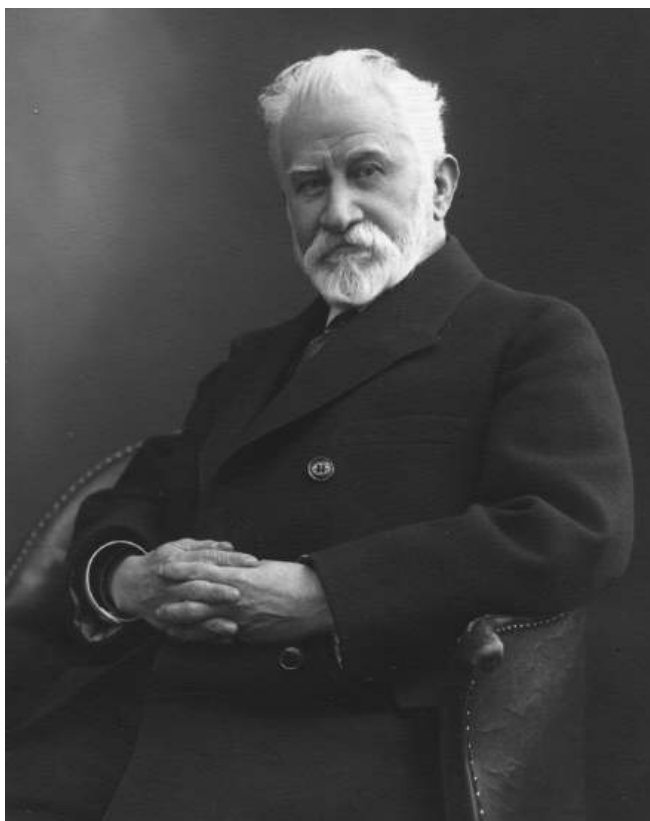
[11] *Ibid.* S. 73–74.

[12] *Ibid.* S. 76–80.

[13] *Ibid.* S. 87.

[14] *Ibid.* S. 127.

[15] “Welch’ herrliches Land ist doch Armenien, wie reich an natürlichen Hilfsquellen! Die wenigsten sind benützt, noch so Vieles ist hier zu thun!”: *Ibid.* S. 141.

Дмитрий Николаевич
АНУЧИН
(1843–1923)

Профессор Московского университета Дмитрий Николаевич Анучин имел широкий круг научных интересов, которые выходили за рамки его специальностей зоолога и географа: он занимался еще антропологией, этнографией, археологией. Его знания и опыт оказались как нельзя кстати для Академии наук, искавшей для себя сотрудника, способного заниматься разбором антропологических коллекций XVIII и XIX вв. и вести одновременно самостоятельные изыскания о народах, находившихся на грани физического и культурного вымирания. Надеясь увидеть Д. Н. Анучина в своих рядах, в Академии наук пошли ему навстречу и, избрав 10 февраля 1896 г. в ординарные академики по Физико-математическому отделению (зоология), разрешили до 1 августа 1897 г. оставаться в Москве. Однако к назначенному сроку Д. Н. Анучин в Петербург не приехал, не найдя в себе сил расстаться с университетом, в котором прослужил почти двадцать лет. В 1897 г. он отказался от академического жалованья, пообещав выполнять все «научные поручения» Академии на добровольной основе; на следующий год попросил о полной отставке. По словам неперменного секретаря Н. Ф. Дубровина, Конференция с сожалением согласилась тогда отпустить Д. Н. Анучина и, «желая поддержать установившуюся связь», 18 апреля 1898 г. избрала почетным членом.

Хотя формально Д. Н. Анучин лишь два года был академиком, на деле он до конца жизни оставался в тесном контакте с Академией, научными достижениями оправдывая почетное членство в ней¹.

---

¹ Библиографию трудов Д. Н. Анучина см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 3–14.

Из работы Д. Н. Анучина об айнах

Не позднее 30 марта 1875 г.^[1]

<...> Это племя айнов^[2] (первые сведения о котором были получены европейцами еще в XVI и XVII веках) обратило на себя особенное внимание антропологов и этнографов в последнее время, когда оно почти одновременно было описано многими путешественниками и когда особенности его типа (благодаря присылке фотографических портретов) сделались более известны в Европе. Причина же, почему оно обратило на себя особенное внимание, заключается, главным образом, в том, что его тип представляет, по-видимому, многие отличия от типа окружающих народов монгольской расы и выказывает скорее приближение к типу расы белой, или так называемой кавказской; и притом — приближение часто настолько резкое, что в то время, как прежние этнографы находили обыкновенно более естественным причислить айнов к монгольской расе или соединять вместе с камчадалами, коряками, алеутами и другими племенами северо-восточной Азии (и северо-западной Америки) в особую гиперборейскую расу, некоторые из новейших считают, наоборот, более рациональным причислить их к кавказской расе (Катрфаж) или (как это предложил Vivien de St. Martin) отделять вместе с некоторыми другими племенами Восточной Азии и Полинезии в особую океаническую расу, сходную по многим признакам с кавказской.

Такое разногласие мнений относительно положения айнов в этнологической системе, свидетельствуя, прежде всего, об оригинальности их типа и недостаточном еще его изучении, в связи с тем фактом, что племя это по многим своим особенностям принадлежит к числу наиболее интересных с этнологической точки зрения, уже само по себе могло бы оправдывать появление настоящего труда, имеющего целью соединить в одном очерке все разрозненные сведения об этом вымирающем племени. Но такой труд становится еще более уместным, как скоро являются некоторые новые материалы, способные несколько увеличить запас имеющихся антропологических фактов и уяснить отношения данного племени к племенам окружающим. А такого рода материалы и оказались именно в распоряжении автора настоящего исследования. Благодаря любезности проф. А. П. Богданова он мог получить для рассмотрения: 1) большую коллекцию (до 30) фотографических портретов айнов (мужчин, женщин и детей), присланную в дар Обществу любителей естествознания с острова Сахалина в 1874 г. поручиком Гарезиным; 2) два скелета и еще один неполный череп вместе с пучком волос, принадлежавшие айнам и присланные Обществу тем же лицом; и 3) коллекцию древних орудий с острова Сахалина вместе с некоторыми айнскими вещами. Кроме того, через посредство И. А. Лопатина автор мог воспользоваться еще несколькими другими photographиями, а также любопытной коллекцией айнских вещей, в том числе многих религиозных «инау»^[3]. Возможность пользования этими материалами, подавшими первый повод к настоящему очерку, и побудили составителя собрать по возможности все рассеянные в этнографической литературе сведения об айнском племени и, дополнив их результатами собственного изучения, изложить в форме более или менее полной антропологической монографии. <...>

Опубл.: Анучин Д. Н. *Материалы для антропологии Восточной Азии. I. Племя айнов // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XX : Труды Антропологического отдела. 1876. Кн. 2, вып. 1. Приложение. С. 79–80.*

^[1] Д. Н. Анучин читал эту работу 30 марта и 13 мая 1875 г. в заседаниях Антропологического отделения Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Чтения сопровождалась демонстрацией составленной им этнографической карты, на которой был показан ареал расселения айнов, костей, указывающих на анатомические особенности представителей этого народа, а также рисунков. Исследование об айнах было учтено при присуждении Д. Н. Анучину степени доктора географии (присуждена в 1889 г. без защиты диссертации по совокупности работ).

См.: Протоколы тринадцатого и четырнадцатого заседаний // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XX : Труды Антропологического отдела. 1876. Кн. 2, вып. 1. С. 68, 70–71.

^[2] Речь идет об айнах, населяющих Сахалин и Курильские острова.

^[3] Инау — предмет религиозного культа для айнов и некоторых других коренных жителей Дальнего Востока (например, нивхов). Представляет собой деревянную палочку с завивающейся стружкой. Использовался как оберег и для совершения ритуалов.

**Из записки об ученых трудах профессора Д. Н. Анучина,
составленной А. О. Ковалевским для его представления
в ординарные академики по зоологии**

9 декабря 1895 г.

Ввиду постановления Физико-математического отделения от 22 ноября, чтобы на кафедре, оставшуюся вакантной после смерти академика Л. И. Шренка, был избран зоолог, занимавшийся антропологией, комиссия приступила к обсуждению вопроса о тех кандидатах из русских ученых, которые ближе подходят к этому требованию, и остановилась на профессоре Московского университета Д. Н. Анучине.

Дмитрий Николаевич, будучи по образованию и научной степени зоологом, посвятил всю свою продолжительную и весьма успешную научную деятельность антропологии и соприкасающимся с ней областям знаний, именно зоологии высших и ископаемых позвоночных, доисторической археологии, этнографии и географии. Научные труды его весьма многочисленны, <... > укажем здесь на более обширные, относящиеся к антропологии.

I. Материал для антропологии Восточной Азии. I. Племя айнов // Известия Общества любителей естествознания. Т. XX. 1876. С 4 табл. и 44 рис. в тексте 125 стр. 4°.

Это исследование одного из наиболее интересных племен, населяющих наши восточные окраины Азии (Сахалин), составляет одну из главных работ Анучина по антропологии. Оно распадается на несколько отделов; в первом рассмотрены сведения европейцев об этом племени и о сношениях с ними русских, собрана вся английская и американская литература, а также и европейская; затем дается полный морфологический очерк айнского племени, описываются их рост, сложение, соотношение частей тела, размер головы, конечностей туловища, лицо; подробно рассматривается строение волос, представляющих довольно характерную черту этого племени, почему все путешественники называли их «волосатыми людьми». Волосы их были исследованы микроскопически на поперечных разрезах, и притом не только взяты от ныне живущих представителей этого племени, но и из старых могил; они оказались довольно характерными, имеющими большой диаметр и притом сплюснутыми.

Больше всего внимания было обращено на изучение скелета и черепа. Г. Анучин был одним из первых ученых, который исследовал полный скелет айнов. Он дал

описание двух полных скелетов, одного мужского и одного женского, и трех черепов, сравнил с соответствующими костями других рас и дал в этом отношении богатый материал. Известный антрополог Тёрек в “Archiv für Anthropologie” (Bd. XVIII, 1889, стр. 87), говоря об этом труде, замечает: “Die Monographie dieses hochverdienten Autors ist entschieden die allerbedeutendste die bisher über die Ainorasse veröffentlicht wurde”². В последние годы литература об айнах значительно обогатилась, тем не менее новейший исследователь проф. Коганей из Токио, имевший в своем распоряжении громадный материал (89 скелетов и 166 черепов), поддерживает главнейшие выводы г. Анучина и констатированные им впервые особенности в строении костей конечностей.

Главные результаты его труда были переданы в “Revue d’Anthropologie” и в “Archiv für Anthropologie”, на работу эту обратил внимание и И. И. Мечников, во введении к русскому переводу «Антропологии» Топинара¹.

К числу трудов Д. Н. Анучина, на которые было обращено большое внимание в европейской литературе, принадлежит исследование «О некоторых аномалиях человеческого черепа, преимущественно в их распространении по расам», в 1860 г. Эта статья подразделена на несколько отделов; в первом рассматриваются аномалии особой части одной из костей черепа, называемой «птерион». Автор описывает распространение птериона по расам и изменение его формы у высших животных, рассматривает подробно значение аномалий птериона, в особенности лобного отростка височной кости, *Os Incae*, и сродные ей образования, говорит об аномальных швах и костях в затылочной области черепа и сообщает ряд наблюдений над распространением аномалий затылочной чешуи по различным человеческим расам.

Содержание этого труда изложено довольно подробно профессором Штида в “Biologisches Centralblatt” и в “Revue d’Anthropologie”, а также в “Archiv für Anthropologie”. Некоторые данные из него вошли в учебник Топинара “Elements d’Anthropologie”². В “Archivio per l’Antropologia” д-р Francesco Marimo “Sulle ossa interparietali et preinterparietali nel Cranio umano” (1888), говоря о писателях по этому вопросу, замечает: “Degli studi degli autori stranieri, non sene può prenderà a guida nessuno, tranne forse una pregevole memoria dell’Anoutchine etc.”³.

II. В труде «О древних искусственно деформированных черепах, найденных в пределах России» автор после краткого обзора прежних находок дает описание 22 деформированных макроцефалических черепов, найденных в Крыму, близ устьев Дона, на Кавказе, в Самарской губернии, причем подробно рассматривает их форму и способы ее происхождения, вероятную их древность и вопрос о народностях, которым они могли принадлежать. Содержание этого труда было изложено в “Archiv für Anthropologie”, в “Revue d’Anthropologie”, в “Archivio per l’Antropologia” и др.

К числу довольно больших работ профессора Анучина принадлежит и его исследование «О географическом распространении роста мужского населения России сравнительно с распределением роста в других странах». С 10 раскрашенными картограммами 184 стр. (Записки Императорского Русского географического общества. 1889. Т. VII. Вып. 1).

² Монография этого весьма уважаемого автора — несомненно, самое выдающееся из всего, что до сих пор было издано об айнах (пер. с нем.).

³ Из работ иностранных авторов ни одна не заслуживает доверия, за исключением разве достойного труда Анучина (пер. с ит.).

В этом труде собрана обширная литература по вопросу о распределении роста мужского населения в Западной Европе и в Соединенных Штатах Северной Америки, затем приводятся данные о том же вопросе относительно Европейской и Азиатской России по районам, губерниям и уездам и рассматривается вопрос о зависимости роста от географических, климатических, почвенных условий, говорится о степени роста населения, его полового состава, смертности, болезненности, ранней или поздней возмужалости, антропологических и этнографических факторах, исторической колонизации и т. д. Дальнейшее содержание труда составляют сведения о росте различных инородческих племен и различных подразделений русской народности, сравнение роста горожан и сельских жителей, вопрос об изменении среднего роста со временем.

Содержание этого труда (с картой) изложено в "L'Anthropologie" и в других журналах. За это сочинение автор удостоен золотой медали от Русского географического общества^[3].

<...> Ни одна сторона антропологии им не оставлена без внимания, и во всех соприкасающихся с антропологией специальностях он является почтенным и уважаемым в Европе и в России деятелем. Он не только сам двигает науку, но целый ряд учеников работает по его указаниям. Он основал в Москве целую школу, которая разрабатывает дальше начатое им дело. <...>

Дмитрий Николаевич Анучин, магистр зоологии и доктор географии Московского университета, состоит ординарным профессором Московского университета по кафедре географии и антропологии^[4]. Многие ученые общества, русские и иностранные, избрали его в почетные члены. Именно: он состоит почетным членом Императорского общества любителей естествознания в Москве, Обществ естествоиспытателей в Киеве и Казани, Антропологического общества в Вашингтоне и в Лионе, Общества любителей естествознания в Екатеринбурге и Археологического института в Петербурге, *membre associé étranger de la société d'Anthropologie (Paris)*, членом-корреспондентом Общества антропологии, этнографии и первобытной истории в Берлине, Антропологического общества в Вене, Антропологического института Великобритании и Ирландии в Лондоне, Итальянского общества антропологии и этнологии во Флоренции, Антропологического общества в Риме, Финно-угорского в Гельсингфорсе, Греческого ученого общества (*Syllogos*) в Константинополе^[5]. Кроме того, он избран членом-сотрудником Императорского Русского географического общества в Петербурге и Антропологического общества при С.-Петербургском университете^[6].

На основании его ученой степени магистра зоологии Московского университета, его исследований зоологического характера и, главным образом, его антропологических работ мы считаем возможным представить с разрешения августейшего президента Академии Дмитрия Николаевича Анучина на свободное кресло ординарного академика зоолога, который бы, однако, разрабатывал ближе антропологию.

А. Ковалевский, Ф. Овсянников, А. Фаминцын, С. Коржинский, Ф. Шмидт.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 87. Л. 14–15. Подлинник.
Типограф. печать. Указание фамилий академиков без их подписей.

^[1] «Антропология» Топинара / пер. с фр. изд. 1877 г. ; под ред. проф. И. И. Мечникова. СПб., 1879. С. VII–VIII.

^[2] Имеется в виду учебник по общей антропологии П. Топинара "Éléments d'anthropologie générale" (Paris, 1885).

[3] Константиновская медаль считается наиболее ценной наградой РГО и присуждается за совершение важного географического открытия либо за исследования, имеющие первостепенное государственное значение. См.: Перечень награжденных знаками отличия Русского географического общества (1845–2012). М., 2012. С. 3.

[4] Д. Н. Анучин стал ординарным профессором по кафедре географии и этнографии Московского университета в апреле 1891 г.

[5] Д. Н. Анучин был избран в члены: Императорского Общества любителей естествознания в Москве в 1874 г., Общества естествоиспытателей в Киеве в 1894 г., Антропологического общества в Вашингтоне в 1883 г., Общества любителей естествознания в Екатеринбурге в 1897 г. и Археологического института в Петербурге в 1883 г., *membre associé étranger de la société d'Anthropologie* (Paris) в 1893 г., членом-корреспондентом Общества антропологии, этнографии и первобытной истории в Берлине в 1889 г., Антропологического института Великобритании и Ирландии в Лондоне в 1897 г., Итальянского общества антропологии и этнологии во Флоренции в 1880 г., Греческого ученого общества (*Syllogos*) в Константинополе в 1884 г.

[6] В 1900 г. Д. Н. Анучин стал членом РГО и Антропологического общества при С.-Петербургском университете.

Из исследования Д. Н. Анучина «Верхневолжские озера и верховья Западной Двины»

Москва, 21 октября 1897 г.

Область истоков наших больших рек: Волги, Днепра и Западной Двины интересовала меня уже довольно давно, и еще летом 1890 г. я предпринял поездку в Тверскую, Смоленскую и Новгородскую губернии с целью ознакомления, с одной стороны, с истоками означенных рек, а с другой — вообще с областью так называемой Валдайской сплошной возвышенности. Поездка эта, осуществленная мною при содействии генерала А. А. Тилло и в сообществе с А. А. Ивановским (бывшим тогда студентом Московского университета), дала значительное число определений высот (при помощи anerоидов) и познакомила меня вообще с характером рельефа в данной местности, с верхним течением указанных трех рек и с многочисленными, имеющимися там озерами.

Между прочим, мне привелось тогда убедиться в несуществовании той известной точки, Поповой горы, которая упоминалась (и продолжает еще упоминаться) во многих географических учебниках и описаниях России как русских, так и иностранных, в качестве высшей точки (350 м над уровнем моря) Валдайской возвышенности, а равно и составить первое в литературе, основанное на личных наблюдениях, описание истоков Днепра и Западной Двины⁴. Не располагая, однако, в то время ни достаточным временем, ни средствами и не имея с собой никаких инструментов (кроме anerоидов и фотографического аппарата), я не мог сосредоточить своего внимания на каком-либо специальном вопросе и должен был ограничиться лишь тем, что получил наглядное общее понятие об одной из интересных в географическом отношении местностей России, совпадающей с важнейшим водоразделом восточной

⁴ См. мои статьи: “*Quelques mots sur le plateau du Waldai et sur son prétendu point culminant, appelé Popova gora*” в “*Comptes rendus du V-e Congrès international des sciences géographiques à Berne*”, 1892 и «Из поездки к истокам Днепра, Западной Двины и Волги» в «Северном вестнике» 1891 г. (*Примеч. документа*).

половины Европы. Как бы то ни было, но тот факт, что я занимался ознакомлением с истоками важнейших наших рек ранее того времени, когда на изучение их было обращено внимание в официальных сферах, — был одним из поводов привлечения меня к работам экспедиции, организованной Министерством земледелия и государственных имуществ для исследования источников главнейших рек Европейской России¹¹.

Весной 1894 г. я был приглашен Его высокопревосходительством А. С. Ермоловым к участию в совещаниях по выработке плана предположенной на тот год рекогносцировочной экспедиции, а затем и к работам самой экспедиции, причем, по соглашению с начальником ее, генералом А. А. Тилло, на мою долю выпало ознакомление с истоками Западной Двины, включая сюда и верхние ее притоки, а равно и связанные с ее верховьями озера. Для осуществления этой задачи, в течение двух с половиной месяцев, хотя бы и в форме беглого ознакомления, мне пришлось пригласить для содействия себе трех помощников: студента Московского Технического училища В. А. Монастырева и кандидатов Московского университета В. В. Богданова и И. П. Силинича, и при их участии охватить двумя партиями как область истоков собственно Западной Двины (в Осташковском и Торопецком уездах), так и бассейне Межи с Общей (в Белосельском и отчасти в Поречском уездах). Краткий отчет об этой поездке был своевременно представлен мною г. начальнику экспедиции и напечатан совместно с предварительными отчетами прочих членов той же экспедиции, зимой 1894–95 г.⁵

На следующий год (1895) я получил от генерала А. А. Тилло предложение пополнить собранные мною предшествовавшим летом наблюдения в верхнем бассейне Зап. Двины и, вместе с тем, обратить особенное внимание на находящиеся в верховьях Волги озера в целях более детального выяснения их глубин и других особенностей. Осуществление этого поручения также потребовало приглашения с моей стороны помощников, а именно — того же В. А. Монастырева и, кроме того, кандидата Московского университета князя А. С. Кропоткина и студента Московского Сельскохозяйственного института князя С. С. Кропоткина. На этот раз, согласно выработанному плану, большую часть времени и труда пришлось употребить на изучение озер, в которых и были произведены детальные промеры, давшие материал для составления профилей глубин и батиметрических карт почти всех главных озер Верхневолжского и Верхнедвинского бассейнов. Но, кроме того, собирались и другие данные об озерах, а равно о рельефе поверхности в окрестных местностях, водности рек в бассейне Зап. Двины, выходах там коренных пород и т. д. Главные результаты этой поездки были тоже своевременно изложены мною в предварительном отчете экспедиции за 1895 г.⁶

Зима 1895–96 гг. была посвящена разработке собранных данных и, прежде всего, составлению профилей и батиметрических карт озер, из коих избранные, наиболее характерные профили и два листа карт и были отпечатаны к осени 1896 г. Затем были составлены и отлитографированы два листа диаграмм распределения температур в озерах и приготовлены рисунки (клише) с более характерных и удачных фотографических снимков. Одновременно начато было и составление подробного

⁵ Предварительный отчет рекогносцировочной экспедиции 1894 г. по исследованию верховьев Западной Двины проф. Д. Анучина. СПб., 1894 (*Примеч. документа*).

⁶ Краткий предварительный отчет по работам экспедиции и пр. за 1895 г. СПб., 1895. С. 69–88 (*Примеч. документа*).

отчета, который поступил в печать весной 1897 г., но по разным причинам не мог быть закончен печатанием ранее ноября того же года.

Выпуская в настоящее время в свет этот подробный отчет о произведенных мной и моими помощниками исследованиях в верховьях Волги и Зап. Двины, в 1894 и 1895 гг., я считаю долгом обратить внимание на то обстоятельство, что на поездки эти следует смотреть, в общем, как на рекогносцировочные, хотя по отношению ко многим озерам и было приложено немало труда и стараний для получения более определенного понятия о распределении в них глубин, рельефе их дна и других особенностях. В этом отношении настоящий отчет заслуживает, как я позволяю себе думать, некоторого внимания, являясь первой попыткой сколько-нибудь подробного изучения многих русских озер, расположенных в области верховьев Волги и Зап. Двины. Недостатки же труда, а их, без сомнения, немало, могут до известной степени найти себе оправдание в сложности задачи, обширности захваченного района и ограниченности времени и средств, имевшихся в моем распоряжении. Сложность задачи очевидна уже из того, что исследование верховьев других рек (Оки, Днепра, Волги и т. д.) составило предмет занятий целого ряда специалистов (геологов, гидротехников, лесоводов, почвоведов, геодезистов), членов экспедиции и их помощников, тогда как ознакомление с верховьями Зап. Двины было предоставлено мне одному и притом в сравнительно короткий промежуток времени. Эта ограниченность времени станет понятной, если принять в соображение, что выяснение многих вопросов, касающихся озер и рек, требует последовательных наблюдений в течение, по крайней мере, года и не может быть достигнуто при беглом с ними ознакомлении, посвящая на озеро по несколько дней или хотя бы даже 1–3 недели.

Наконец, что касается средств, то за оба года экспедиции мне могло быть предоставлено всего 2000 руб., причем из этой суммы я должен был покрывать и все расходы по снабжению экспедиции необходимыми инструментами, а равно и по возмещению расходов всех моих помощников. Считаю долгом указать при этом на существенную помощь, оказанную мне моими сотрудниками, в особенности же В. А. Монастыревым, стараниям и энергии которого я много обязан как в отношении к собиранию материала (преимущественно по измерениям глубин озер), так и в кропотливом деле подсчета цифровых данных, построении профилей и диаграмм, составлении и черчении карт. Без энергичного и толкового содействия этих молодых людей я, конечно, не был бы в состоянии собрать и десятой доли того, что оказалось собранным, а потому я и позволю себе закончить настоящее предисловие выражением искренней признательности моим помощникам, трудившимся старательно и бескорыстно в интересах дела без всякого расчета на какое-либо за то вознаграждение.

Опубл.: Анучин Д. Н. Верхневолжские озера и верховья Западной Двины: рекогносцировки и исследования 1894–1895 гг. М., 1897. (Труды экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России, издаваемые начальником экспедиции ген.-лейт. А. А. Тилло). С. III–V.

^[1] Непосредственным поводом для организации исследований послужила продолжительная засуха, из-за которой во второй половине XIX в. страдали южные и центральные районы России. Д. Н. Анучин привлек к себе внимание министра А. С. Ермолова своей статьей 1891 г. «Из поездки к истокам Днепра, Западной Двины и Волги», данные которой были учтены при проектировании всего комплекса исследований 1894–1895 гг. Подобные экспедиции продолжали организовываться до 1902 г.

Некролог Д. Н. Анучину, прочитанный А. И. Соболевским
в заседании Отделения русского языка и словесности

[5 июня — 5 сентября 1923 г.]⁷

5 июня в Москве, после кратковременной болезни, скончался почетный член Академии Наук, заслуженный профессор Московского университета Дмитрий Николаевич Анучин. Он родился в 1843 году в Петрограде и среднее образование получил в Ларинской гимназии этой столицы^[1]. Высшее образование было им получено в Московском университете, где он слушал лекции А. П. Богданова, зоолога и антрополога, и С. А. Усова, зоолога и археолога, и, по окончании университетского курса в 1867 году, пополнено в Париже под руководством антрополога Брока. Преподавательская деятельность покойного началась в Московском университете в 1880 году лекциями по антропологии и продолжалась до последнего времени; он преподавал антропологию, этнографию и географию. Должно сказать, что до самой кончины Д. Н. Анучин сохранил работоспособность и интерес к науке и умер среди забот и дум о новых ученых трудах. Академия наук, желая увеличить свои ученые силы специалистом по антропологии и этнографии, для развития своего Этнографического музея, в 1896 году избрала его ординарным академиком; но покойный, не желая расстаться с Московским университетом, после двухлетнего опыта — работать в Академии и жить в Москве — решил оставить Академию; он немедленно был избран ею в почетные члены.

Имя Д. Н. Анучина не связывается ни с какими научными открытиями, методами, теориями. Он был отличным знатоком тех наук, которые преподавал с университетской кафедры, внимательно следившим за их успехами в России и за границей и сообщавшим об их движении русскому обществу, прекрасным руководителем для русской молодежи в ее научных занятиях и предприятиях. Он принимал самое живое участие в деятельности нескольких ученых обществ, главным образом московских — Археологического общества (в звании председателя которого умер) и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (президентом которого много лет состоял). Его видели на русских археологических съездах, начиная с пятого, в Тифлисе, всегда в действующей роли, читающим доклады и участвующим в прениях. По его указаниям и при его участии были основаны в Москве журналы «Землеведение» и «Русский антропологический журнал».

Д. Н. Анучин не любил смелых выводов и решительных ответов; он был осторожен в выражениях даже тогда, когда, казалось, все данные были в его руках. Особенно в области русской доисторической археологии, новой науки, одним из главных двигателей которой, вместе с граф. А. С. Уваровым и В. Б. Антоновичем, был он сам. Здесь, где много увлечений и фантазий, где нередко наука уступает место поэзии, его осторожность была не только уместна и полезна, но и поучительна. Сверх того, он старался напоминать увлекающимся соотечественникам о западноевропейских ученых трудах, об их данных и выводах.

Главные труды Д. Н. Анучина относятся к антропологии и близкой к этнографии археологии; это — его мастерская диссертация «О некоторых аномалиях человеческого

⁷ Установлено по указанной здесь дате смерти Д. Н. Анучина и по времени чтения некролога. Согласно протокольной записи, его автор — академик А. И. Соболевский в заседании тогда не присутствовал. По всей видимости, не читалась и записка, а была только объявлена в связи с решением о публикации в «Известиях». См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 245. Л. 206 (протокол заседания ОРЯС, 5 сентября 1923 г.).

череп и преимущественно об их распространении по расам», 1880 г., «О древних искусственно деформированных черепах, найденных в пределах России», 1887 г., «О географическом распределении роста мужского населения России», 1889 г., «О древнем луке и стрелах» (5-й Археологический съезд), «О некоторых формах древних мечей» (6-й Археологический съезд), «Сани, ладя и кони как принадлежности погребального обряда» (Древности Московского археологического общества, XIV), «К истории искусства у приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифологических крылатых существ», 1899 г. Но Д. Н. Анучин отдал долг и географии, посвятив этой науке два исследования: «Озера области истоков Волги и верховьев Западной Двины», результат поездки в эту область и личных наблюдений, и «К истории ознакомления с Сибирью до Ермака», с приложением снимков с карт XVI–XVII столетий.

Д. Н. Анучин был одним из основателей и в течение нескольких лет «редактором» московской газеты «Русские ведомости». Но его деятельность в газете ограничивалась статьями о печатных и других новостях по археологии и этнографии. Покойный мало интересовался политикой и, во всяком случае, не был в ней заметным работником.

Подробная биография и список печатных трудов Д. Н. Анучина находятся в «Сборнике в честь семидесятилетия проф. Д. Н. Анучина», М., 1913; они теперь, конечно, нуждаются в дополнении.

*Опубл.: Известия Российской академии наук. Сер. VI. 1923.
Т. 17, вып. 1. С. 8–10.*

^[1] Ларинская гимназия — классическая гимназия, открытая в Санкт-Петербурге в 1836 г. Свое название получила в честь мецената екатерининских времен П. Д. Ларина, поскольку была основана на средства из пожертвованного им капитала.

Из воспоминаний Л. С. Берга «Памяти Д. Н. Анучина (1843–1923)»

Не ранее 4 июня 1923 г.

4 июня скончался после непродолжительной болезни Дмитрий Николаевич Анучин. Он умер в Москве, которой он не покидал с двадцатилетнего возраста, в том тихом Хлебном переулке, где он провел последние пятнадцать лет.

Потеря, какую понесла русская география, невоснаградима. Покойный был общепризнанным патриархом среди русских географов. Вокруг своего и вокруг созданных им учреждений и журналов он объединял всю большую и разнородную семью ученых, интересы коих были направлены в сторону землеведения.

Покойный обладал необычайно широким кругозором; он интересовался в равной мере и естествознанием, и гуманитарными науками. Его привлекали также литература, искусство, а в более молодые годы — и политика. По всем этим вопросам он писал в «Русских ведомостях», коих редактором он долгое время был. Возвращаясь к области географии, трудно сказать, в какой из дисциплин, тесно соприкасающихся с географией, покойный работал больше других: у него есть исследования и в области физической географии, и этнографии, и археологии, и антропологии. Ученики Анучина занимают кафедры географии, антропологии, этнографии.

В области физической географии главнейшей заслугой покойного является насаждение в России той отрасли этой науки, которая занимается изучением озер и носит название «лимнология». Выпущенная Анучиным в 1897 году монография «Верхневолжские озера и верховья Зап. Двины» составляет эпоху в деле изучения

озер России. С того времени в журнале «Землеведение», выходившем под редакцией Анучина, его учениками описано множество озер России, начиная от мелких средне-русских и кончая такими крупными, как Аральское море и Байкал. Анучин поистине был отцом русской лимнологии.

В среде страноведов Анучин оставил по себе благодарную память как редактор уже упомянутого журнала «Землеведение», который издавался Обществом любителей естествознания по инициативе покойного с 1894 года. Одна из книжек этого журнала за 1923 год должна была составить собой сборник в честь 80-летия Д. Н. Анучина, но теперь она появится как венок на могилу покойного. Журнал «Землеведение» имел широкое распространение не только среди географов-ученых, но и среди педагогов, и таким образом много способствовал расширению географических знаний в нашем отечестве. Как профессор физической географии и страноведения, преподававший в Московском университете 45 лет, Анучин является воспитателем двух поколений русских географов. Перед войной Д. Н. Анучин в Москве, П. П. Семенов-Тянь-Шанский в Петрограде как бы олицетворяли собой русскую географию, и нам, современному поколению русских географов, как-то странно и жутко сознавать, что нет уже среди нас этих больших и вместе с тем близких и любимых имен...

*СПбФ АРАН. Ф. 804. Оп. 1. Д. 294. Л. 1–3.
Черновой неавторизованный автограф Л. С. Берга.*

Оскар Андреевич
БАКЛУНД

Johan Oskar Backlund
(1846–1916)

С 1879 г. Оскар Андреевич Баклунд был связан с Пулковской обсерваторией. Математик по складу ума, он работал преимущественно в области небесной механики и почти всю жизнь посвятил исследованию «упорно сопротивлявшихся анализу возмущений в движении» знаменитой кометы Энке. За заслуги О. А. Баклунда в исследовании своеобразной кометы Академия наук приняла решение именовать ее в своих изданиях кометой Энке — Баклунда. Однако предложение его кандидатуры в действительные члены Академии поначалу было воспринято русской общественностью как «неудобопереносимое оскорбление достоинства русской науки»¹. Зато 3 декабря 1883 г. О. А. Баклунд был избран сразу ординарным академиком².

Заняв в 1895 г. должность директора Пулковской обсерватории, О. А. Баклунд проявил себя как широко мыслящий ученый и талантливый администратор и на протяжении 21 года очень успешно управлял обсерваторией. При О. А. Баклунде Пулковская обсерватория разрабатывала все отрасли астрономии, принимала участие в крупных международных проектах и обогатилась новыми отделениями на юге России, в Николаеве и Симеизе.

Во время Первой мировой войны О. А. Баклунд тяжело переживал посылавшиеся на Академию наук и Пулковскую обсерваторию несправедливые обвинения в их якобы немецкой ориентации и чуть ли не в пособничестве враждебной Германии. «Не соединимое — не соединишь», — сокрушался он. Чудовищные выходки лжепатриотов раньше времени свели его в могилу. О. А. Баклунд был похоронен на кладбище Пулкова, согласно его желанию, «чтобы он мог остаться там, где столько лет своей жизни он отдал любимой обсерватории»³.

¹ Бутлеров А. М. Русская или только Императорская Академия наук в С.-Петербурге? // А. М. Бутлеров. Сочинения : в 3 т. М., 1953–1958. Т. 3. 1958. С. 128–129.

² Библиографию трудов О. А. Баклунда см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 15–19.

³ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по отделениям физико-математических и исторических наук и филологии за 1916 год, составленный непрременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1916 года. Пг., 1916. С. 7.

**Письмо О. А. Баклунда к президенту Ф. П. Литке
с отказом баллотироваться в адъюнкты**

Пулково, 22 декабря 1880 г.

*An den Herrn Presidenten der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften
General-Adjutanten Grafen Lütke!*

Hiermit erlaube ich mir die Bitte an Euer Erlaucht zu richten dahin wirken zu wollen, dass der von der Physico-Mathematischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften gemachte Vorschlag, mich zum Adjuncten zu wählen, jetzt unberücksichtigt gelassen werde.

In tiefer Verehrung verbleibe ich
Euer Erlaucht ganz gehorsamer
J. O. Backlund.

Пометы: 1) Получ[ено] 23 декабря 1880; 2) Общее собрание, заседание 9 января 1881. § 12.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 56. Л. 7. Автограф О. А. Баклунда. Нем. яз.

Перевод

*Президенту Императорской Академии наук
Генерал-адъютанту графу Литке*

Сим осмеливаюсь обратиться к Вашему сиятельству с просьбой не давать хода представлению Физико-математического отделения Императорской Академии наук о моем избрании адъюнктом^[1].

С глубоким почтением,
остаюсь преданным Вашему сиятельству
О. Баклунд.

Перевод Е. Ю. Басаргиной

^[1] В 1880 г. академик О. В. Струве вместе с академиками П. Л. Чебышёвым и А. Н. Савичем предложил избрать О. А. Баклунда на вакансию адъюнкта, однако момент для представления оказался очень неудачным. Выдвижение молодого шведского ученого, не говорившего по-русски, совпало с наделавшим много шума неизбранием в Академию Д. И. Менделеева. О. А. Баклунд был избран Физико-математическим отделением, но перед Общим собранием отказался баллотироваться.

**Докладная записка П. Л. Чебышёва, А. В. Гадолина, Г. И. Вильда
и В. Г. Имшенецкого президенту Д. А. Толстому о материальном
обеспечении академика О. А. Баклунда**

[Осень 1887 г.]⁴

Нижеподписавшиеся члены Академии покорнейше просят благосклонного внимания Вашего сиятельства к изложенным ниже соображениям, основанным на нашем понимании интересов Академии по отношению к науке, близко стоящей к тем специальностям, которых мы имеем честь быть представителями.

---

⁴ Датировано по содержанию.

Вашему сиятельству известно, что по смерти академика **Савича** на кресло теоретической астрономии был избран со званием ординарного академика адъюнкт-астроном Главной Николаевской обсерватории в Пулкове **О. А. Баклунд**. Благодарный за такое признание своих научных заслуг и за доверие к его дарованиям, г. Баклунд, желая навсегда посвятить свою научную деятельность нашему отечеству, принял русское подданство и продолжает с тех пор усердно трудиться над изучением русского языка.

В опубликованных им с того же времени исследованиях по теоретической астрономии он снова показал, насколько были основательны надежды, возложенные на него нашей Академией.

Научные заслуги О. А. Баклунда нашли себе достойную оценку и в ученом мире других стран, доказательством чему служит присуждение ему в этом году Французским институтом астрономической премии имени **Лаланда** за новые важные выводы в теории движения кометы **Энке** и за другие труды в области небесной механики.

Заняв, таким образом, в короткое время выдающееся положение в среде астрономов-теоретиков, наш даровитый сочлен не мог не сознавать явного несоответствия своих научных целей с занимаемой им третьестепенной должностью адъюнкта-астронома в Пулкове^[1].

Эта должность связана с ежедневной обязанностью полумеханической работы вычислителя произведенных наблюдений, требующей траты нескольких часов лучшего времени, которому астроном-теоретик мог бы дать, конечно, более полезное для науки употребление.

Еще менее производительна потеря времени, употребляемого на переезды из Пулкова и обратно. Подчиненное положение по должности адъюнкта-астронома препятствует академику Баклунду принимать участие в обсуждении представлений в I отделение Академии, делаемых директором Главной Николаевской обсерватории.

С другой стороны, на основании только что указанного соображения и I отделение лишено возможности назначать академика Баклунда, наиболее компетентного в вопросах астрономии, членом ежегодной комиссии, на обязанности которой лежит не только рассмотрение отчета за истекший год, но также суждение о плане занятий на будущее время, с выполнением которого иногда бывают связаны ходатайства о дополнительных денежных средствах.

Упомянутые причины и желания О. А. Баклунда сосредоточить свои силы главным образом на теоретических вопросах астрономии побудили его решиться оставить должность адъюнкта-астронома с июня текущего года.

Вполне одобряя строго научное направление [деятельности] нашего сочлена и сочувствуя его желанию быть по возможности наиболее полезным Академии наук в делах, касающихся Главной астрономической обсерватории, мы не можем, однако, не видеть, что практическая исполнимость этих похвальных намерений подчинена следующему материальному условию.

Знание настоящих условий жизни в Петербурге убеждает нас, что академику Баклунду с его большой семьей невозможно было бы на жалованье академика удовлетворять самым настоятельным ее потребностям, если б он не получил квартиры в академических зданиях или соответствующего денежного пособия.

Можно опасаться, что в противном случае, при всей искренности желания служить нашему отечеству и Академии, О. А. Баклунд принужден был бы искать и при своей научной известности легко мог бы получить лучшее положение в какой-либо другой стране. Между тем, для Академии утрата такого даровитого, полного энергии и благих намерений сочлена была бы трудно заменимой и крайне нежелательной.

Почтительнейше представляя на благоусмотрение Вашего сиятельства вышеизложенные обстоятельства, мы позволяем себе надеяться, что вопрос об устройстве будущего материального положения академика Баклунда удостоится Вашего благосклонного внимания и получит благоприятное разрешение.

П. Чебышев, А. Гадолин, Г. Вильд, В. Имшенецкий.

СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 115. Л. 1–2 об. Подлинник. Рукопись.

Подписи-автографы П. Л. Чебышёва, А. В. Гадолина, Г. И. Вильда и В. Г. Имшенецкого.

[1] О. А. Баклунд поступил в Пулковскую обсерваторию в 1879 г. адъюнкт-астрономом. После избрания в 1883 г. ординарным академиком он продолжал занимать прежнюю скромную должность, и только по ходатайству коллег смог получить от Академии наук дополнительное материальное довольствие, что решило его финансовые затруднения и позволило выйти из двусмысленной служебной ситуации.

**«Записка о трудах академика О. А. Баклунда»,
составленная для представления его на должность директора
Николаевской Главной астрономической обсерватории**

[4 февраля] 1895 г.

На открывшуюся вакансию директора Николаевской Главной астрономической обсерватории теми или другими лицами, быть может, и могут быть названы различные кандидаты, но далеко впереди всех подобных кандидатов по научным достоинствам, бесспорно, представляется достоуважаемый сочлен наш, академик Оскар Андреевич Баклунд.

Академии слишком хорошо известно, какой напряженной и плодотворной научной деятельности посвящено было все время служения О. А. астрономом в Пулкове и потом академиком. Семнадцать лет настойчивого, классического труда было отдано им исследованию упорно сопротивлявшихся анализу возмущений в движении знаменитой кометы Энке — Баклунда. К последнему времени, как известно, труд этот увенчался полным успехом и приобрел автору заслуженный авторитет.

Среди этих утомительных вычислений О. А. Баклунд находил время и для других разнообразных исследований в области высшей астрономии: таковы труды его по теории общих возмущений, изыскания, относящиеся к вопросу о строении кольца малых планет, и т. п.

От этих высших областей О. А. Баклунд нередко переходил к вопросам астрономии практической, например, к разбору и оценке звездных каталогов и т. п.; не уклонился даже от астрономической экспедиции в отдаленные северные тундры^[1].

Все это, повторяем, известно Академии, и мы, так сказать, только *pro forma* приводим здесь список печатных трудов О. А. Баклунда, появившихся как в изданиях Академии, так и в других ученых журналах⁵. <... >

Следует иметь в виду то обстоятельство, что О. А. Баклунд обладает широким взглядом на всю современную область астрономического знания и чутко относится ко всем интересным в ней явлениям. Далее, не ведомо Академии, как О. А. Баклунд сумел организовать в стенах ее вычислительное бюро из молодых астрономов, из которого для печати в академических изданиях стали уже появляться ценные для науки отдельные работы. Наконец, благодаря трудам своим О. А. Баклунд приобрел

---

⁵ Список трудов опускается.

почетную известность между всеми выдающимися современными астрономами и вошел в дружеские сношения с ними, что в высокой степени важно для будущего директора большого астрономического учреждения.

Представляя О. А. Баклунда кандидатом на должность директора Пулковской обсерватории, мы питаем уверенность, что он не только даст ей окрепнуть в ее обновленном относительно личного состава и рабочих планов состоянии, но будет содействовать ее дальнейшему развитию и процветанию.

Подписали: Ф. Бредихин, Г. Вильд, Н. Бекетов, Ф. Бейльштейн, Н. Сонин, А. Марков.

Помета: Приложение III к протоколу Общего собрания 4 февраля 1895 г.⁶

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 24. Подлинник.
Типограф. печать. Указание фамилий академиков без их подписей.

^[1] Когда в Пулковской обсерватории развернулись астрофизические исследования, прежде всего по фотографированию и спектральным наблюдениям Солнца, Баклунд отправился в 1896 г. на Новую Землю наблюдать солнечное затмение.

**О. А. Баклунд. «Комета Энке.
Доложено в заседании Физико-математического отделения
23 января 1908 г.»**

Комета Энке была найдена в явление текущего года неожиданно рано, когда она находилась еще весьма далеко от Солнца и Земли. Прохождение через перигелий будет приблизительно 1 мая 1908 года (нов. ст.), а комета была найдена профессором Вольфом в Гейдельберге фотографическим путем уже 25 декабря 1907 года^[1]. Она была в это время 12-й величины. Из предшествующих наблюдавшихся явлений ее — явление 1832 года было почти что при такой же конфигурации Земля — Солнце — комета. Но тогда комета наблюдалась только после прохождения через перигелий и единственно на обсерватории мыса Доброй Надежды.

Предвычисление эфемерид этой кометы в течение последних сорока лет производилось и производится под эгидой нашей Академии. Поэтому, как кажется, будет весьма кстати дать краткое резюме трудов, положенных до сих пор на изучение этой замечательнейшей из комет.

Комета была найдена в конце 1818 года Понсом в Марселе и признана берлинским астрономом Энке за периодическую с коротким периодом. Поэтому само собой напрашивалось разыскание, не была ли эта комета наблюдена когда-либо ранее. И действительно, Энке удалось доказать, что эта комета была наблюдена уже три раза, а именно, в 1786, 1795 и 1805 годах. Такое сравнение навело, между прочим, на подозрение, что с помощью одного ньютонова закона нельзя объяснить движение этой кометы. Так как комета обладала кратчайшим временем обращения, всего 3½ года, то уже в 1822 году, при возвращении кометы, это подозрение вполне подтвердилось. Естественно, что это обстоятельство весьма заинтересовало такого выдающегося астронома, как Энке, и притом настолько, что он посвятил исследованию движения этой кометы все свои силы. Со свойственной ему энергией он вычислял возмущения от оборота к обороту с необычной дотоле точностью и усердием. Ему скоро удалось,

---

⁶ Напечатано в правом верхнем углу листа.

после обработки нескольких оборотов, в достаточной степени удовлетворительно представить движение, допустив существование сопротивляющейся среды, действующей по закону:

$$U v^2/r^2,$$

где U — постоянная, v — линейная скорость и r — расстояние до Солнца. Что влияние сопротивляющейся среды не было замечено также в движении планет, Энке объяснял тем, что плотность их несравненно больше плотности кометы и расстояние перигелия также больше, вследствие чего влияние сопротивления среды ничтожно, а потому и не могло быть замечено.

Энке сам и частью при помощи своих ассистентов строго вычислил все возмущения с 1818 по 1848 год, каковые, в связи с упомянутой гипотезой, позволили дать удовлетворительное соединение всех 10 явлений (1818–1848). На основании этого он считал себя вправе признать существование сопротивляющейся среды, свойства которой выражаются вышеприведенной формулой, вполне доказанным.

После этого Энке должен был по недостатку времени отказаться от точного вычисления последующих явлений кометы и ограничивался предвычислением только приближенной эфемериды.

По смерти Энке дальнейшее вычисление кометы взял на себя пулковский астроном фон Астен, который с 1868 по 1878 год и был главным образом занят этой задачей. Прежде всего, он вычислил все возмущения с 1848 по 1875 год, затем, воспользовавшись вычислениями Энке с 1818 по 1848 год, принял гипотезу Энке о сопротивляющейся среде как доказанную. К сожалению, фон Астен не обладал ни научным остроумием Энке, ни его выдающимися вычислительными способностями. Вычисления фон Астена далеко не свободны от ошибок, значительно извращающих результаты. Ему удалось, как будто бы, соединить все явления по 1868 год включительно. Но явление 1871 года никак не представлялось по его теории, вследствие чего он прибегнул к гипотезе случайного возмущения и соединил явления 1871 и 1874 годов, приняв величину ускорения среднего движения, выведенную из предшествующих явлений. Строгое предвычисление явления 1878 года, основанное на этих данных, оказалось, однако, не согласным с наблюдениями. Фон Астен в этом же году скончался, и я взял на себя дальнейшее вычисление движения кометы. Уже после явления 1881 года мне удалось доказать, что ускорение после 1868 года изменилось и именно сделалось менее примерно на $\frac{1}{3}$.

Но интерес, связанный с кометой Энке, заключается далеко не в одном собственно ускорении среднего движения: она является отличным средством для определения также массы Меркурия. Известно, что из движения планет массу Меркурия нельзя получить с достаточной точностью. Комета Энке подходит к Меркурию на расстояние $\frac{1}{25}$ радиуса земной орбиты, и потому возмущающее действие Меркурия на нее довольно значительно. Также и для определения массы Венеры пригодно изучение движения кометы Энке.

Открытием значительного изменения ускорения среднего движения значение гипотезы Энке было поколеблено. Ближайшее рассмотрение этого вопроса и окончательное определение массы Меркурия были настоящими астрономическими задачами по их интересу. Но для решения их необходимо было иметь точные и вполне надежные величины возмущений. Таким образом, представлялось неизбежным перевычислить вновь все возмущения с 1818 по 1891 год. Вычисления фон Астена, как выше сказано, были не вполне благонадежны, но были ли и вычисления

Энке достаточно верны, на это не имелось никаких указаний. Правда, сам Энке признает, что возмущения для оборота с 1819 по 1822 год не точны, вследствие неточности употребленных элементов. Полное перевычисление всех возмущений за период в 72 года, конечно, было колоссальной работой, для одного человека непосильной. Г. Эммануэль Нобель, заинтересовавшийся этим вопросом, ассигновал значительную сумму для привлечения соответствующих задач сотрудников, с помощью которых я закончил эту работу в период с 1891 по 1895 год. Результаты этой работы были доложены Академии еще в 1894 году. Я напомним только главнейшие из них, а именно: 1) гипотеза сопротивляющейся среды в том смысле, как ее дал Энке, должна быть совершенно оставлена, 2) получено точное определение массы Меркурия, а также новое определение массы Венеры.

С тех пор прошло 14 лет, и уже за это время было пять явлений, давших новый материал для изучения свойств ускорения среднего движения и для проверки выведенных новых значений масс упомянутых планет. На выполнение этих исследований г. Э. Нобель опять ассигновал средства, так что благодаря его просвещенному интересу к настоящей научной задаче можно будет продолжить эту работу.

Уже сорок лет прошло с тех пор, как обработка теории кометы Энке перенесена из Берлина в Петербург и Пулково. Наша Академия опубликовала эфемериды для последних тринадцати явлений, а Берлинская Академия и Обсерватория опубликовали их для пятнадцати предыдущих явлений.

*СПбФ АРАН. Ф. 707. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2. Автограф О. А. Баклунда.
Опубл.: Известия Имп. АН. 1908. № 3. С. 239–242.*

^[1] Комету открыл в 1818 г. берлинский астроном И.-Ф. Энке, обнаруживший в ее движении неправильности, не объяснимые законом всемирного тяготения.

Перигелий — ближайшая к Солнцу точка орбиты небесного тела Солнечной системы, а также расстояние от этой точки до центра Солнца.

**Диплом Лондонского королевского общества
об избрании О. А. Баклунда своим членом**

2 ноября 1911 г.

Praesaes Concilium et Sodales
Regalis Societatis Londini pro Scientia Naturali Promovenda
Omnibus et singulis ad quos praesentes pervenerint Salutem.

Cum Dominus Johannes Oscar Backlund singularem suum in dicta Societatis conatus et studia affectum uberrime fuerit testatus suisque meritis egregiis rem literariam et solidam imprimis philosophiam augere et ornare pro viribus satagat dicta Societas laudatum Backlund secundo die Novembris solenni consensu in sodalitiu suum cooptavit inque hujus rei testimonium sigillum suum praesentibus affigi curavit.

Datum Londini Anno Aerae Christianae MCMXI et secundo Regni Georgii Magnae Britanniae et Regis dictae Societatis Patroni munificentissimi.

Arch[ibald] Geikie
Praeses

*СПбФ АРАН. Ф. 707. Оп. 2. Д. 6. Л. 1. Подлинник. Типограф. печать.
Лат. яз. Подпись-автограф президента общества Арчибальда Гейки.*

Перевод

Президент, Совет и члены Лондонского королевского общества содействия развитию естественных наук приветствуют всех и каждого, до кого настоящее касается.

Принимая во внимание, что г-н Иоганн Оскар Баклунд блестяще проявил себя в выполнении задач Общества, дал множество доказательств своей приверженности к его занятиям и своими выдающимися достижениями внес солидный вклад в увеличение знаний и особенно философии,

2 ноября названное Общество единогласно приняло достойного Баклунда в свои члены и в подтверждение этого факта озаботилось скрепить диплом печатью.

Дано в Лондоне в 1911 году христианской эры и во второй год правления Георга Великого в Великобритании, самого щедрого покровителя Общества.

Арчибальд Гейки
Президент

Перевод Е. Ю. Басаргиной

**Некролог «Академик О. А. Баклунд», написанный
делопроизводителем Академии наук В. А. Рышковым**

17 августа 1916 г.

Из рядов Академии наук вчера выбыл совершенно неожиданно еще один крупнейший ученый. Внезапно скончался директор Пулковской астрономической обсерватории академик Оскар Андреевич Баклунд, всемирно известный русский астроном.

Я подчеркиваю слово русский. Ибо, несмотря на то, что он был швед по рождению, он уже давно стал русским по душе. Сейчас я вспоминаю его во время снаряжения экспедиции на острова Шпицбергена для градусного измерения, совместно со Швецией^[1]. Я вспоминаю, как он, невзирая на дружбу его со шведскими астрономами, шел рука об руку с другим вдохновителем этой экспедиции, покойным Ф. Н. Чернышевым. Я помню, как один из молодых участников экспедиции колебался идти в это дело и с какою страстностью Баклунд призывал его исполнить свой долг, который должен значительно способствовать процветанию русской науки. И он убедил его.

В частной, повседневной жизни О. А. Баклунд был чрезвычайно простой и обходительный человек и остроумнейший собеседник. Недаром же покойный остроллов, и тоже астроном, Бредихин так любил Баклунда.

Научное значение Баклунда и невознаградимую утрату в его лице науки определяют специалисты — я же хочу послать на его могилу венок, на лентах которого должны стоять только три слова: «ученый, гражданин, человек»...

*Опубл.: Биржевые ведомости. 17 августа 1916 г. № 15746;
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 56. Л. 75 (вырезка из газеты).*

^[1] Речь идет о большой геодезической работе, выполненной сотрудниками Пулковской обсерватории, которая состояла в измерении совместно со Шведской академией наук самой северной триангуляции на Шпицбергене в 1899–1902 гг. Во время этой экспедиции О. А. Баклунд руководил всеми астрономо-геодезическими работами и обработкой полученных результатов.

**Некролог О. А. Баклунду,
написанный ученым секретарем
Пулковской обсерватории А. А. Кондратьевым**

19 августа 1916 г.

Во вторник, 16 августа сего года внезапно скончался в Пулкове директор Николаевской главной астрономической обсерватории академик Оскар Андреевич Баклунд, родившийся 10 апреля 1846 года.

Происходя из Швеции родом, О. А. переехал в 1876 году в Россию и поступил в Дерптский, ныне Юрьевский, университет на должность астронома-наблюдателя, в 1879 году приглашен был О. В. Струве в Пулково на должность адъюнкт-астронома. В 1883 году избран в ординарные академики Императорской Академии наук. В это время он принял русское подданство. В 1895 году был избран на должность директора Николаевской главной астрономической обсерватории в Пулкове, которую и сохранял в течение 21 года, по день смерти, последовавшей на 71-м году. О. А. был настолько выдающейся личностью как в России, так и за границей, что о нем можно написать целые томы, перечисляя его административные и научные заслуги, причем главная деятельность (40 лет) протекала в России, и его не без основания следует считать русским ученым. Последнее особенно подчеркивается, если вспомнить, что со вступления его в должность директора обсерватории персонал ее обновлялся и увеличивался исключительно из питомцев русских высших учебных заведений, в чем он был энергичным продолжателем того же принципа, введенного в обсерваторскую жизнь знаменитым его предшественником по директорству Ф. А. Бредихиным.

Отличительною чертою покойного как администратора была необычайная энергия при исполнении научных трудов. Он выучил трудиться персонал с таким напряжением, что, например, росписи звезд, обрабатывавшиеся раньше в течение десятков лет, при нем заканчивались в пределах пяти лет^[1]. Младший персонал при нем значительно увеличился, и если бы не ограниченные средства, то он увеличил бы этот персонал еще более.

С такою же энергией им ставились на решение новые научные задачи, которые благодаря его постоянной, тесной связи с иностранными учреждениями того же типа никогда у него не иссякали.

При нем значительно расширилась разработка звездных записей, для каковой цели пришлось создать новое отделение обсерватории: оно было сначала устроено в Одессе, на земле университетской обсерватории, а затем перенесено в гор. Николаев^[2]. Инструменты для этого отделения, по настоянию О. А., были отчасти сделаны в мастерской Пулковской обсерватории, что можно также поставить в особую заслугу ему. Были начаты работы по исследованию периодического измерения полюса (зенит-телескоп тоже из мастерской обсерватории). Организованы массовое определение звездных параллаксов при помощи применения фотографии и целый ряд других обширных исследований, перечислять которые было бы слишком долго, да они и слишком специального характера (например, определения по искровому телеграфу долготы Пулково — Париж). В конце концов, казалось, что географическое положение обсерватории уже не могло удовлетворять быстрое заканчивание все новых и новых тем, возникающих в современной астрономической науке, и пришлось ходатайствовать у правительства об отпуске сумм для постройки новых, более мощных приборов и установки их в более подходящее место, чем под широту 60 градусов.

По рассмотрении проекта, созданного О. А., законодательными учреждениями учреждение двух новых отделений было санкционировано, и нужные суммы

(около 300 тыс. рублей) отпущены. Война задержала окончание инструментов, заказанных в Англии, и творцу новой идеи не суждено было дожить до полного оборудования этих обсерваторий (Симеиз и Николаев).

Усердная деятельность под эгидою О. А. вылилась в обширных «Трудах Николаевской главной астрономической обсерватории в Пулковке»; напечатано уже 30 томов. Но помимо этих систематических «Трудов» астрономы поощрялись в занятиях и более частными вопросами астрономии. Для этого создан был при обсерватории особый орган: «Известия Николаевской главной астрономической обсерватории». По сие время напечатано 78 №№, заключающих около 200 трудов. В подспоре научным трудам реорганизованы были и условия жизни: устроены почтово-телеграфная контора, телефон с Петроградом и его окрестностями, заведен столь необходимый здесь автомобиль, устроена электрическая станция, усовершенствовано водоснабжение и т. д.

Вот в кратких чертах его энергичная административная деятельность, усугубленная еще тем, что в то же время О. А. был особо деятельным членом и председателем целого ряда комиссий, учрежденных при Имп. АН <...>⁷.

Другая сторона его жизни была не менее плодотворна. Математик по призванию, он работал преимущественно по теории астрономии, — исследованию воздушного движения светил. В течение с лишком 30 лет он исследовал движение кометы Энке, представлявшей в свое время огромный интерес, так как движение по прежним исследованиям, казалось, указывало на тонкую среду, рассеянную в пространстве.

Обстоятельная обработка всего наличного материала наблюдений со времени открытия этой кометы (1819) до последнего времени закончена лишь в течение прошлого зимнего сезона и напечатана в Мемуарах Имп. АН. Исследования эти так тщательно произведены, что Имп. АН постановила впредь эту комету называть кометой Энке — Баклунда. Другие работы, также теоретического характера, отчасти заключались в развитии и применении вновь созданного известным астрономом Гюльденом метода вычисления воздушного движения светил, а также в решении и преподавании уравнений, встречающихся в теории. Все эти работы создали Б. огромный авторитет в этой области, чему доказательством служат многочисленные при жизни дипломы ученых обществ всего мира: Швеции, Мексики, Финляндии, С.-А. Соединенных Штатов, Франции, Англии, не говоря о России. Между прочим, покойный был почетным доктором старейших английских университетов в Оксфорде и Кембридже. Со смертью О. А. его деятельность не погибнет, ибо им создана плеяда молодых русских ученых, прошедших его школу, привыкших к его энергичной работе, зажженных его гением: они будут высоко держать знамя русской науки и тем постоянно чтить память своего учителя.

Опубл.: Биржевые ведомости. 19 августа 1916 г. № 15749; СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 56. Л. 80 (вырезка из газеты).

^[1] В короткие сроки были обработаны наблюдения для каталогов абсолютных прямых восхождений и склонений звезд для эпох 1885 и 1905 гг. На очереди стоял каталог для эпохи 1930 г., но О. А. Баклунд организовал наблюдения для составления промежуточных каталогов 1900 и 1915 гг. По предложению Баклунда пулковский список был принят в качестве международного списка фундаментальных звезд фотографической карты неба и впоследствии получил название списка Баклунда — Хофа (астроном С. Хоф был директором Капской обсерватории на мысе Доброй Надежды и дополнил пулковский список звездами южного неба).

⁷ Перечень комиссий опускается.

^[2] В 1898 г. было основано отделение в Одессе, которое располагалось на территории астрономической обсерватории Новороссийского университета. В 1909 г. Одесское отделение было перенесено в Николаев, где были похожие климатические условия.

В 1908 г. Н. С. Мальцов принес в дар Пулковской обсерватории свою астрофизическую обсерваторию на Крымском побережье Черного моря в Симеизе. В начале 1912 г. Симеизская обсерватория включилась в международную программу наблюдений малых планет и комет.

Окончательное оформление новых отделений Пулковской обсерватории в Николаеве и Симеизе произошло в июне 1912 г., когда вышел «Закон об упразднении одесского отделения Николаевской главной астрономической обсерватории и об учреждении двух новых отделений последней в городе Николаеве и в местечке Симеизе». Еще раньше, в 1909 г., О. А. Баклунд выхлопотал новый штат и для Пулковской обсерватории, который увеличил научный персонал на одну должность старшего астронома, а весь личный состав — до 17 человек. Значительно увеличился и ежегодный бюджет обсерватории (до 86 900 руб.), который не менялся с 1887 г.

Статья анонимного автора «О. А. Баклунд и “Новое Время”»

20 августа 1916 г.

Скончавшийся 16 августа академик О. А. Баклунд в прошлом году был ложно обвинен «Новым Временем» в преданности Германии и в служении ее интересам. Автор статьи, помещенной в № этой газеты от 2 марта 1915 г. «Какому отечеству служат немцы — члены российской Императорской Академии наук», не смущаясь общеизвестным фактом шведского происхождения нашего астронома и его громадными заслугами перед русской наукой, обвинял О. А. Баклунда в выдаче перед самой войной хранящихся в Академии наук рукописей знаменитого Кеплера в Берлин и в способствовании немцам в деле получения военного транспорта «Прут» для их геодезических работ, имеющих не научное, а шпионское назначение. Несмотря на всю вздорность, обвинение это сильно взволновало престарелого ученого, и он в тот же день вошел в Физико-математическое отделение Академии наук с заявлением по поводу обвинения его в способствовании шпионству, прося академию высказаться по этому вопросу. При этом О. А. Баклунд изложил фактическое положение вещей в следующем виде:

«В заседании Комитета обсерватории 12 мая 1913 года я заявил, что профессор Мюнхенской высшей технической школы Дик через посредство библиотеки Мюнхенского университета просит выдать ему два тома рукописей Кеплера во временное пользование. Комитет постановил удовлетворить ходатайство Дика и выдать рукописи библиотеке Мюнхенского университета. Я исполнил это постановление, выслав просимые I и XI томы рукописей, с условием, что Дик будет пользоваться ими исключительно в здании упомянутой библиотеки.

Поводом для второго обвинения послужило следующее: профессор потсдамского Геодезического института Геккер обратился ко мне с просьбой указать ему, к кому он должен направить свое ходатайство о том, чтобы получить возможность определения напряжения силы тяжести во внутреннем море, в Черном, по его способу и с помощью приборов, им построенных, в дополнение к подобным определениям, сделанным в океанах. Я обратился к бывшему тогда начальнику Главного гидрографического управления генералу Вилькицкому, который с полной готовностью взял на себя труд устроить это дело. Об этом я написал Геккеру, предложив ему обратиться непосредственно к Вилькицкому. Этим кончилось мое участие в этом деле. Изложенные

обстоятельства искажены “Новым Временем” и представлены в таком виде, что неосведомленный читатель может счесть меня за изменника».

Отделение заслушало это заявление в заседании 4 марта и, признав, что в статье «Нового Времени» опорочен один из старейших и заслуженнейших членов Академии, заявило решительный протест против искажения истины, допущенного автором, и выразил академику О. А. Баклунду горячее сочувствие и глубокое уважение.

*Опубл.: Речь. 20 августа 1916 г. № 228;
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 56. Л. 81 (вырезка из газеты).*

**Речь неперменного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга
при погребении академика О. А. Баклунда**

21 августа 1916 г.

Когда смерть встает перед нами, чтобы разлучить с теми, кого мы любим, с кем жили и работали, мы невольно оглядываемся на прошедшую жизнь, она проходит перед нашими глазами вся в несколько мгновений, мы переживаем вновь наши встречи с тем, кого лишились, слышим его голос, видим перед собою его чувства, мысли и дела. В этой способности помнить ярко и сильно — наше оружие в борьбе с ужасом смерти, в этой памяти о том, кто ушел от нас, лежит чувство, что жизнь и смерть одно, что любовью мы сковали раз навсегда то единение между живыми и мертвыми, которое не разорвет никакая разлука. Тот, кого мы провожаем сегодня в последний раз, был так полон жизни и любви, что, прощаясь с ним, мы меньше всего думаем сегодня о смерти. Кругом нас те, кого он любил, кругом нас то, что он любил. В Пулкове он жил, в Пулкове и остается. Здесь он жил тем, что для него было дороже всего, — наукою. Для человека сильного и яркого, каким был он, наука должна быть особенно дорога: неуклонное искание истины, непрестанная борьба за расширение пределов нашего познания — вот чем является жизнь ученого, вот что было основой и его жизни. И где же лучше, чем здесь, в обители науки, мог он работать? Оттого так и любил он Пулковку, так стремился к нему, где бы он ни был. Когда его трудами создались новые обсерватории в Симеизе и Николаеве, он перенес в них Пулковский дух — жизни для науки.

Специалисты оценили то, что он сделал для нее, они дадут полную и справедливую характеристику научной деятельности Оскара Андреевича, но мне бы хотелось сегодня напомнить вам об одном эпизоде его жизни, который ярко рисует его высокое понимание значения науки и его обязанностей как академика и директора Пулковской обсерватории. Это было несколько лет назад — проходили в междуведомственном совещании новые штаты Пулковской обсерватории. Представитель финансового ведомства указывал на крупные новые ассигнования и настаивал на сокращении пулковских штатов.

Оскар Андреевич внимательно слушал и затем попросил слова: «Я преклоняюсь перед заявлением представителя правительства, который указывает, что Государственное казначейство не может нести расходов на обсерваторию, испрашиваемых нами, и, конечно, не нам, людям науки, стоящим далеко от вопросов государственных, настаивать на нашем ходатайстве. Но я не исполнил бы своего долга как ученый и как директор обсерватории, если бы не доложил совещанию о последствиях имеющего быть принятым решения: с основания своего Пулковская обсерватория была перво-классной обсерваторией и вела соответствующие научные работы, для возможности

продолжения этих работ мы и просили о новых штатах. Теперь мы знаем, что Государственное казначейство не может дать средств для содержания первоклассной астрономической обсерватории в России: мы откажемся от части работ, и она станет второклассной обсерваторией с уменьшенными задачами. Верьте, что, что бы мы ни чувствовали, мы эти более скромные работы будем вести с пулковской добросовестностью, как мы вели и большие работы».

Излишне говорить, что после этих слов Оскара Андреевича новые штаты прошли единогласно; он не ошибся — Россия может и должна иметь первоклассную обсерваторию. В этой речи Оскара Андреевича весь человек — верный науке и долгу.

И вот, когда я оглядываюсь кругом и вижу Пулково и сотрудников ушедшего, я говорю: он жив, и то, что он ушел, есть только новая страница его жизни, страница, которая верно скоро откроется и для многих из нас, и дай Бог, чтобы каждый мог это сделать с тем же спокойствием и с тою же чистою совестью, как это сделал наш товарищ.

СПбФ АРАН. Ф. 707. Оп. 2. Д. 32. Л. 34–36.
Опубл.: *Вспомогательные исторические дисциплины*.
Т. XXI. СПб., 2010. С. 419–420.

**Речь ученого секретаря Пулковской обсерватории
А. А. Кондратьева при погребении академика О. А. Баклунда**

21 августа 1916 г.

Дорогой учитель. Позволь и мне, одному из первых по времени Твоих учеников, сказать Тебе последнюю благодарность и последнее прости. Когда Ты начал свои обширные и глубоко продуманные исследования кометы Энке, Ты собрал вокруг себя молодежь, жаждущих знания сотрудников. Ты привлек их к глубоко захватывающему труду решения одной из космических загадок. Ты постепенно вводил их в круг своих исследований, развивая в них широкий интерес к любимой Тобой науке. Всем Твоим ученикам-сотрудникам навсегда будут памятны те счастливые дни, когда мы все вместе сидели в старом здании Имп. АН, трудясь над кропотливыми вычислениями частных возмущений, разложений в ряды и т. д. Всем нам памятны те лекции-беседы, на которых Ты щедро раскрывал пред нами сокровищницу Твоих знаний.

Сознавая свою научную мощь, Ты был идеально терпим к чужим мнениям и взглядам. Если Твой неопытный собеседник среди обильного каскада необоснованных мыслей высказывал хотя бы одну, содержащую искру правды, Ты, доброжелательно и спокойно опровергнув все неверное, выделял эту мысль и тем поддерживал в спорящем интерес к дальнейшей работе. Мы никогда не боялись, что Ты осмеешь наши заблуждения. Спасибо Тебе за это.

Швед по рождению, англоман по склонностям, Ты всем сердцем любил русских и все русское. Огромное большинство Твоих благодарных учеников русские или, по меньшей мере, русские подданные.

Вместе с мольбами всех почитающих Тебя несутся к Престолу Всевышнего мольбы о вечной памяти учеников Твоих от Дерпта до Владивостока в буквальном смысле этих слов.

Прощай и прости.

СПбФ АРАН. Ф. 707. Оп. 2. Д. 32. Л. 38. Неавторизованная копия. Рукопись.

**Речь внештатной сотрудницы Пулковской обсерватории М. Жиловой
при погребении академика О. А. Баклунда**

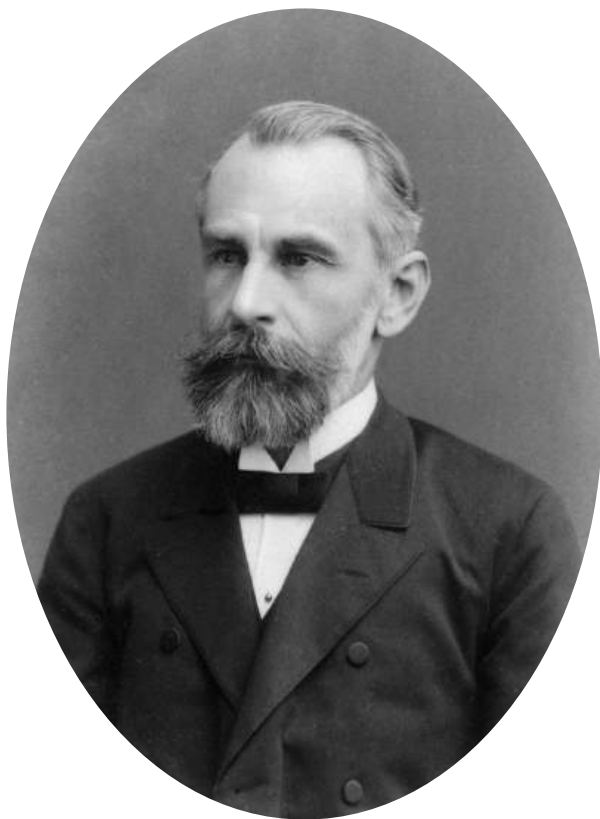
21 августа 1916 г.

Скончался О. А. Б<аклунд>. Нет светлого, гениального ума, который озарял не только научные вопросы, но и тяжелые условия жизни. Почти 25 лет я имела с ним дело и видела всегда, что прежде всего для него было дело и дело.

Надо сказать не «хочу», а «должен», не раз учил он меня, и это сознание долга было одной из отличительных черт его характера, но долг он понимал не узко: он признавал свободу действий человека в зависимости от окружающих событий. Так, он требовал, чтобы утро я посвящала вычислениям, но если у меня заболела сестра, к которой я должна была ехать, то я, не получив его разрешения, бросала работу, ехала и была уверена, что он сочувственно отнесется к этому — так и было. И подобных случаев очень много. Он не выносил произвола действий, но уважал и ценил свободу личности.

Все время он старался поддерживать равновесие отношений между различными направлениями жизни, и нарушение равновесия его более всего волновало. Он всегда старался сгладить обостряющиеся отношения людей, прибегая для этого даже к крутым мерам, но всегда был удивительно справедлив. «Не соединимое — не соединишь», — вот что более всего его беспокоило. Будучи мировой научной величиной — первым авторитетом по небесной механике в настоящее время, он, конечно, жил ученой жизнью всего мира. Нарушение мирового равновесия, вызвавшее настоящую ужасную войну, не могло не отразиться сильно на его натуре. Да, кроме того, и обязанности директора, хотя он и любил их, в это тяжелое время, конечно, волновали его. Часто люди, не зная условий и личностей, обвиняют других, это всегда неприятно, но если это происходит в такое беспокойное время, как теперь, — это становится мучительным, но еще большее горе охватывает человека, если он видит, что честные, хорошие люди поддаются влиянию темных интриг. Так, все газетные обвинения Пулковской обсерватории в ее немецком направлении для него были невыносимы. Он высоко ставил русских людей, именно им он открывал свои самые заветные научные мечтания.

СПбФ АРАН. Ф. 707. Оп. 2. Д. 32. Л. 38 об. Неавторизованная копия. Рукопись.

Федор Федорович
БЕЙЛЬШТЕЙН

Friedrich Konrad Beilstein
(1838–1906)

Научная судьба ученых превышает их реальный жизненный путь. Благодаря открытиям имена собственные могут превратиться в нарицательные и тем самым подарить носившим их когда-то людям настоящее бессмертие. Подобное произошло с химиком Ф. Ф. Бейльштейном, автором справочника по органической химии “*Handbuch der organischen Chemie*”, известного специалистам по имени создателя как «Справочник Бейльштейна». По словам П. И. Вальдена, «“*Beilstein*”, как называется его труд на Западе, является *standard work*’ом каждой лаборатории как чистой, так и технической органической химии»; это уникальное пособие сделалось «прототипом для других отделов химической науки и прочным памятником энергии, знаний и трудолюбия своего автора»¹.

Федор Федорович, или Фридрих Конрад, Бейльштейн родился в Петербурге в семье русских, но не обрусевших, немцев. Он получил традиционное в таком случае образование: сначала учился в немецкой школе Петербурга, потом — в германских университетах, ассистировал лучшим европейским ученым, за рубежом публиковался, набирался преподавательского опыта, а затем вернулся в Россию, чтобы сделать здесь научную карьеру: с 1866 г. профессорскую, с 1886 г. академическую².

Избрание Ф. Ф. Бейльштейна в ординарные академики по специальности «технология и химия, приспособленная к искусствам и ремеслам» 13 декабря 1886 г. было оправдано не только его теоретическими работами (в 1876 г. за исследования над телами бензошлового ряда он получил Ломоносовскую премию), но и содействием в развитии химической промышленности на посту председателя Русского технического общества.

---

¹ Вальден П. И. Очерк истории химии в России // А. Ладенбург. Лекции по истории развития химии от Лавуазье до нашего времени. Одесса, 1917. С. 421.

² Библиографию трудов Ф. Ф. Бейльштейна см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 28–31.

Из ответа Ф. Ф. Бейльштейна на предложение Русского физико-химического общества опубликовать в газетах протест против избрания Д. И. Менделеева в академики

Не ранее 11 ноября 1880 г.³

Предлагаемое газетное заявление менее эффектно. Оно ничего больше не говорит того, что уже сказали все газеты. Кроме того, мне кажется неловким упрекать Отделение Академии “en bloc”⁴, тогда как между академиками находятся весьма уважаемые ученые.

Мы люди науки, и наше поле действия не какая-нибудь газета, а **ученая среда**, и поэтому я позволю себе сделать следующее предложение:

Наш товарищ — знаменитый ученый — обижен, кем — это на втором плане. Вопрос чисто личный. Все мы чувствуем потребность высказать нашему товарищу уважение и сочувствие. Для этого самая удобная форма — **адрес**, в котором **глухо** говорится, что хотя нашлись лица, которые считают Д. И. недостойным [высшим] научным положением, но мы **химики**, и потому более компетентные судьи, нежели кто-либо, находим, что Д. И. между нами есть передовой ученый. Мы его просим не сокрушаться происшедшим, он много сделал и, вероятно, еще много замечательного сделает. Признательность, сочувствие всех любящих науку Д. И. непременно выше поставит отрицания нескольких лиц и т. д.

Адрес мы можем поднести ему немедленно по подписании в следующем заседании общем. Засим, если газетам угодно будет сообщить публике о происходившем в нашей среде, мы охотно доставим все материалы. Таким образом, мне кажется, мы поступим **самостоятельно**, оригинально и с сохранением всего нашего достоинства. Нашему званию и положению не подобает заниматься мелкой газетной бранью. Я не хочу ставить свою фамилию наравне с **анонимами** корресп[ондентами] в газете, вроде г-н В. Ж., который нашел, что заслуги⁵ Менделеева кроме в его периодическом законе состоят в его значении для **нефтяной промышленности!** И больше ничего?!

Я из вчерашнего разговора с Вами заключил, что Вы смотрите на дело, как я, т. е. что нам следует заботиться об удовлетворении чести (*Satisfaction*) нашего товарища. На такое действие все химики охотно согласятся, и мы выступим уже с другими словами, нежели «обращая внимание» публики на неблагоприятные поступки Академии. Что же публике можно сделать? Как она в силах подействовать на наших академиков? В ученых вопросах **мы** руководимся общественным мнением, и публика должна к нам, а не мы к публике обращаться. Обсудите, многоуважаемый Николай Александрович, мое предложение. Я поговорил с товарищами в Институте^[1], все находили, что форма адреса к Менделееву приличнее и достойнее, нежели краткое повторение того, что уже было повсюду напечатано^[2].

Примечание: Ответ Бейльштейна Меншуткину на предложение подписать заявление химиков⁶.

СПбФ АРАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 38. Автограф Ф. Ф. Бейльштейна.

Опубл. частично: Шмулевич Л. А., Мусабеков Ю. С. Федор Федорович Бейльштейн (1838–1906). М., 1971. С. 52–53.

³ Датировано по дню заседания ФМО, в котором была забаллотирована кандидатура Д. И. Менделеева.

⁴ Целиком, всех вместе, огульно (фр.).

⁵ Слово написано над строкой, место вставки в основной текст показано.

⁶ Написано графитовым карандашом в конце текста. Автограф А. М. Бутлерова (?).

^[1] Имеется в виду Санкт-Петербургский практический технологический институт — с 1828 г. высшее техническое учебное заведение России. Ф. Ф. Бейльштейн и Д. И. Менделеев четыре года, с 1868 по 1872 г., были сослуживцами по Технологическому институту и, конечно, знали друг друга по членству в Русском химическом обществе при С.-Петербургском университете, где 18 марта 1869 г. было объявлено об открытии Д. И. Менделеевым Периодического закона химических элементов.

^[2] Д. И. Менделеев дважды, в 1874 и 1880 гг., был забаллотирован на выборах в Академию наук. Инициатором выдвижения его кандидатуры в действительные члены был академик А. М. Бутлеров. 28 октября 1880 г. он, а также его коллеги по ФМО — П. Л. Чебышёв, Ф. В. Овсянников и Н. И. Кокшаров подписали представление Д. И. Менделеева в экстраординарные академики. Они, конечно, не могли обойти вниманием открытый им в 1869 г. Периодический закон химических элементов, но, руководствуясь тем, что требовалось заместить кафедру прикладной химии, особо подчеркнули практическое значение работ Д. И. Менделеева, например исследование нефтяных ресурсов Кавказа или сельскохозяйственные опыты для Вольного экономического общества.

Провал Д. И. Менделеева на выборах в ФМО 11 ноября 1880 г. произошел в силу комплекса причин и является серьезной ошибкой отделения. «Академическая история» вызвала громкий общественный скандал, письма протеста и сочувствия, сопровождавшиеся обвинениями в «засилье немцев» в русской науке.

Русское физико-химическое общество (РФХО) решило поместить в газетах письмо-протест следующего содержания: «Физико-математическое отделение Императорской Академии наук в заседании 11 ноября 1880 года забаллотировало Д. И. Менделеева... Бесспорность заслуг кандидата, которому русская наука равного представить не может, известность его за границей делают совершенно необъяснимым его забаллотирование. Ввиду повторяющихся неизбранных в Физико-математическое отделение Академии наук лучших русских ученых мы считаем нужным обратить на это общественное внимание». Большинство русских химиков одобрило текст письма, но было два возражения. Одно — публикуемый ответ Ф. Ф. Бейльштейна, второе — от В. В. Марковникова. 23–24 ноября 1880 г. письмо русских химиков все же было опубликовано в газетах. 5 декабря 1880 г. на заседании Химического отделения РФХО Д. И. Менделееву был вручен адрес, в котором говорилось об «общем волнении, вызванном известным событием 11 ноября». 18 декабря 1880 г. Д. И. Менделеев был единогласно избран почетным членом РФХО; в своем ответном слове он поблагодарил своих коллег и отметил, что в их сочувствии он видит залог самостоятельности русской науки, а избрание в почетные члены РФХО ему дороже избрания в «казенную Академию».

По мнению современных историков науки, едва ли не главная причина неудачи выборов Д. И. Менделеева в «казенную Академию» состояла в том, что его заслуги в то время не были общепризнаны, а главное достижение — Периодический закон химических элементов — еще не было воспринято большинством химиков.

См.: *Дмитриев И. С.* Человек эпохи перемен: Очерки о Д. И. Менделееве и его времени. СПб., 2004. С. 397–458.

Из предисловия Ф. Ф. Бейльштейна к первому изданию «Справочника по органической химии»

24 октября 1882 г.⁷

Im vorliegenden Werke habe ich den Versuch gemacht, sämtliche analysirte, organische Verbindungen möglichst übersichtlich zusammenzustellen. Auf eine erschöpfende Charakteristik der Verbindungen habe ich von vornherein verzichtet; dazu reichen die Kräfte eines Einzelnen nicht aus. Flüchtige, oberflächliche Angaben, nicht genauer

⁷ Так в тексте, хотя предисловие помещено в томе I, датированном 1881 г.

untersuchtes Verhalten und Reaktionen und dergl. sind daher weggelassen oder nur dann theilweise angeführt, wenn keine anderen Kennzeichen für die Natur eines Körpers vorlagen. Dadurch, dass ich den Literaturnachweis möglichst vollständig gehalten habe, wird es übrigens dem Leser leicht sein das etwa noch Fehlende aufzusuchen. Alles, was zu einer genauen Kenntniss der Substanzen beiträgt, wie Schmelzpunkt, Siedepunkt, specifisches Gewicht, Löslichkeit u. s.w, sowie die genauer untersuchten Umwandlungen und Reaktionen der Körper sind vollständig wiedergegeben. Bei jeder neuen Gruppe homologer Verbindungen ist das allgemeine Verhalten der Glieder der Gruppe beschrieben. Es sind hier die Bildungsweisen und charakteristischen (“typischen”) Reaktionen der homologen Verbindungen zusammengestellt und damit ein unnützes Wiederholen dieser Verhältnisse bei der Einzelbeschreibung vermieden.

Alle Angaben sind den Originalabhandlungen der Verfasser — soweit mir dieselben zugänglich waren — entnommen. In dem ganzen Buche findet sich kein Citat, das ich nicht vor dem Niederschreiben nachgeschlagen hätte. Etwaige Irrthümer sind Schreib- oder Druckfehler. Um durch lange Citate den Text nicht zu sehr zu unterbrechen, habe ich, wo es anging, bloß die Verfasser angeführt, wobei dann stets der Name sich auf das zuletzt gegebene Citat bezieht. Bei allzuhäufig wiederkehrenden Namen habe ich bloß die Anfangsbuchstaben derselben stehen lassen.

Anordnung. Die organischen Verbindungen sind nach homologen Reihen geordnet und isomere Körper thunlichst zusammen abgehandelt. In der Gruppierung des Materiales und auch in der Nomenklatur bin ich einem Principe gefolgt, das sich dem Gedächtnisse leicht einprägt und in dem Satze culminirt: “das Kleine voran”. In allen Fällen, wo die Identität von Verbindungen, wenn auch wahrscheinlich gemacht, aber nicht sicher nachgewiesen ist, habe ich es vorgezogen, jede Verbindung einzeln zu beschreiben. Dadurch erfährt der Leser, was von jedem Körper bekannt ist, und man vermeidet den Fehler, Angaben, die sich auf einen Körper beziehen, auf einen anderen zu beziehen. Um wortreichen Umschreibungen zu entgehen, habe ich dann wohl auch den verschiedenen isomeren Verbindungen besondere Namen beigelegt. Hier ein Beispiel. Ueber Valeriansäure liegen eine Menge Einzelbeobachtungen vor, die nicht alle miteinander übereinstimmen. Das Drehungsvermögen der Säuren ist ein verschiedenes, die Salze zeigen ungleiche Löslichkeit u. s.w. Da habe ich denn, je nachdem die Säure aus Isobutylalkohol, einer Propylverbindung u. s.w. bereitet war, die Säure, welche theoretisch stets dieselbe sein sollte, als Isovaleriansäure, Isobutylameisensäure und Isopropyleisensäure beschrieben. — Den Darstellungsmethoden der organischen Verbindungen habe ich eine besondere Aufmerksamkeit gewidmet. <...>

Ich habe mein Werk einen “Versuch” genannt, da ich mir wohl bewusst bin, wie viel demselben noch bis zur Vollkommenheit fehlt. Bei meiner Arbeit bin ich durchaus selbständig verfahren und habe nicht immer gleich das Richtige getroffen. Erst nachdem der eine oder andere Theil fast völlig ausgearbeitet vorlag, ergaben sich neue Anschauungen, die nun nicht mehr überall angewandt oder consequent durchgeführt werden konnten. Allein wenn ich mir auch die Mühe gemacht hätte, bei jeder neuen Erkenntniss das Vorhergehende wieder umzuformen, so bleibt es doch zweifelhaft, ob ich zu einem allseits befriedigenden Resultate gekommen wäre. Dazu bedarf es des Urtheils und der Erfahrung Vieler. Ich richte daher an alle meine Leser die dringende Bitte, mich mit ihrem Rathe und Urtheile unterstützen zu wollen. Für jeden Nachweis eines Irrthums, einer Lücke, einer anzubringenden Verbesserung und dergl. werde ich mich zu grösstem Danke verpflichtet fühlen. Alle mir zugehenden Bemerkungen sollen geprüft und gewissenhaft benutzt werden. Dann wird es — bei einer neuen Auflage — möglich sein, ein Werk zu schaffen, das allen Anforderungen mehr entspricht. Bereits bin ich von mehreren Kollegen — den Herren

Prof. Alexejew (Kijew), Prof. Lothar Meyer (Tübingen), Th. Salzer (Worms), Prof. Stammer (Düsseldorf) — durch Zusendungen, die ich zum grösseren Theile in den "Berichtigungen" verwenden konnte, erfreut worden. Möge das Beispiel dieser Herren bald Nachahmer finden.

Опубл.: Handbuch der organischen Chemie von Dr. F. Beilstein, Professor der Chemie am Technologischen Institute zu St. Petersburg. Vol. 1. Hamburg ; Leipzig, 1881. S. V–VIII.

Перевод

В этой работе я попытался как можно нагляднее показать все проанализированные органические соединения. С самого начала я решил, что не стану давать соединениям исчерпывающую характеристику, поскольку одному человеку это явно не под силу. Поэтому случайные, поверхностные данные, не проанализированные должным образом свойства и реакции и т. п. опущены мною либо приводятся фрагментарно в тех случаях, если не нашлось других признаков природы тела. Благодаря тому, что я указал наиболее полные ссылки на источники, для читателя не составит труда отыскать то, чего здесь недостает. Все, что способствует точному знанию веществ, например точка плавления, точка кипения, удельный вес, растворимость и т. д., а также более тщательно изученные превращения и реакции тел, сообщено в полной мере. Для каждой новой группы гомологов описываются общие свойства элементов этой группы. Здесь собраны способы образования и характерные («типичные») реакции гомологов, что позволило избежать ненужного повторения этих отношений при индивидуальном описании.

Вся информация заимствована из оригинальных авторских статей — насколько они были мне доступны. Во всей этой книге нет ни одной цитаты, которую бы я не просмотрел перед тем, как использовать. Возможные ошибки являются опечатками. Чтобы не слишком разрывать текст длинными цитатами, я, где возможно, указывал только авторов, в таких случаях имя всегда относится к данной в конце цитате. Для имен, которые повторяются слишком часто, я оставил только их инициалы.

Расположение. Органические соединения расположены по гомологическим рядам, изомерные тела изучаются, по возможности, вместе. При группировке материала, а также в номенклатуре я следовал принципу, который нетрудно запомнить и который можно сформулировать как: «прежде малое». Во всех случаях, когда идентичность соединений, даже если такое предположение высказывалось, не нашла надежного подтверждения, я предпочел описывать каждое соединение отдельно. Это позволяет читателю узнать, что известно о каждом теле, и не дает ему отнести данные об одном теле к другому. Во избежание пышных описаний я присвоил различным изомерным соединениям специальные наименования. Вот один пример. Существует много отдельных наблюдений за валериановой кислотой, из которых не все согласуются между собой. Кислоты обладают разной вращательной активностью, соли растворяются неодинаково и т. п. В таком случае, в зависимости от того, была ли получена кислота из изобутилового спирта, пропиловой группы и т. д., я описывал кислоту, которая теоретически всегда должна быть той же самой, как изовалериановую кислоту, изобутилмуравьиную кислоту и изопропилуксусную кислоту. Особое внимание я обращал на методы получения органических соединений. <... >

Я назвал свою работу «попыткой», потому что хорошо понимаю, насколько она пока далека от совершенства. В своей работе я действовал абсолютно самостоятельно и не всегда сразу попадал в точку. Только после почти полной проработки того или

иного раздела вдруг возникали новые идеи, которые уже нельзя было использовать везде или последовательно вводить. Но даже если бы при каждом новом понимании я принимался бы переделывать уже сделанное, все равно оставались бы сомнения, что я пришел к удовлетворяющим всех результатам. Для этого требуются мнение и опыт многих. Поэтому я настоятельно прошу всех своих читателей поддержать меня своими советами и оценками. Я буду крайне признателен за каждое указание на ошибку, пробел, требуемое исправление и т. п. Все адресованные мне замечания обязательно будут рассмотрены и добросовестно использованы. Тогда, в случае нового издания, можно будет создать работу, отвечающую всем требованиям. Я уже имел счастье воспользоваться предложениями некоторых своих коллег: проф. Алексеева (Киев), профессора Лотара Мейера (Тюбинген), Т. Зальцера (Вормс) и профессора Штаммера (Дюссельдорф), большая часть которых уже внесена мной в «Исправления». Так пусть же их примеру последуют и другие!^[1]

Перевод О. А. Кириковой

^[1] «Справочник по органической химии» (“Handbuch der organischen Chemie”) — справочное пособие, иначе известное как «Справочник Бейльштейна» или просто «Бейльштейн», по имени его основателя. Начало этому изданию было положено еще во времена стажировки Ф. Ф. Бейльштейна в Гёттингене в 1857–1858 гг. систематизацией сведений обо всех открытых тогда органических соединениях. Впервые сборник вышел в двух томах на немецком языке в Лейпциге в 1881 г., когда Ф. Ф. являлся профессором Технологического института в Петербурге. Высокая оценка специалистов подтолкнула автора к подготовке нового, более обширного издания, которое также не было окончательным. Начиная с 1886 г. в течение нескольких лет выходило второе издание в трех томах, а в 1893–1899 гг. — третье, уже в четырех.

Сведения об этом издании ФМО включило в годовой отчет за 1895 г.: «Академик Ф. Ф. Бейльштейн продолжал трудиться над переработкой и дополнением своего известного “Руководства по органической химии” (“Handbuch der organischen Chemie”) и в течение настоящего года напечатал 16–40 выпуски II тома» (Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1895 год, составленный и читанный непременным секретарем акад. Н. Ф. Дубровиным в публичном заседании 29 декабря 1895 года. СПб., 1895. С. 39).

Справочник продолжил выходить в XX в. — сначала под эгидой Немецкого химического общества, потом Общества Макса Планка, при котором в 1951 г. был создан специальный институт, с 1999 г. носящий название «Институт Бейльштейна для содействия развитию химических наук».

**Письмо Ф. Ф. Бейльштейна к [непременному секретарю
К. С. Веселовскому] с согласием быть выдвинутым на
вакантное место академика по кафедре технологии**

Санкт-Петербург, 5 декабря 1881 г.

Ваше превосходительство!

Спешу уведомить Вас, что я вполне согласен быть представлен в кандидаты на вакантную кафедру по технологии в Императорской Академии наук, если только гг. члены Академии считают меня достойным занять эту кафедру.

Профессор Технологического института
Ф. Бейльштейн.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 58. Л. 1. Автограф Ф. Ф. Бейльштейна.

**Из записки об ученых трудах профессора Ф. Ф. Бейльштейна,
составленной [Г. П. Гельмерсеном] для представления его
в ординарные академики по технологии и химии**

22 декабря 1881 г.

Со смерти высокоуважаемого нашего сочлена, Н. Н. Зинина, кафедра технологии и химии, приспособленной к искусствам и ремеслам, остается вакантной уже около двух лет. Для замещения этой вакансии в прошлую осень был предложен Д. И. Менделеев, который, однако, при произведенном в Отделении баллотировании не соединил в свою пользу потребного большинства голосов. Мы полагаем, что такой результат зависел от того, что замечательные и уважаемые нами научные работы Дмитрия Ивановича посвящались преимущественно теоретической химии, а не технологии. Ныне имеем честь представить кандидата, которого предшествующая деятельность дает полное основание ожидать от него дальнейших успешных занятий по специальности технической химии. Имя его пользуется большим почетом в науке, и потому весьма желательно, чтобы он сделался членом Академии.

В звании профессора Технологического института и преподавателя Николаевской инженерной академии Ф. Ф. Бейльштейн излагал много лет химию с точки зрения ее применения к технике, и под его личным руководством производятся в его лаборатории различные технические исследования. Кроме того, Федор Федорович в качестве химика Совета торговли и мануфактур докладывает дела по привилегиям, по таможенным вопросам, о действии и положении фабрик и заводов и пр. В нынешнюю осень он удостоился выбора в председатели I отдела (химического и металлургического) Императорского русского технического общества и в весьма недавнее время в председатели комиссии, назначенной по инициативе II отдела названного Общества для производства опытов над смазочными маслами. Вследствие такого общественного положения наш кандидат находится в постоянной связи с прикладной химией, изучить которую он имел возможность как в пределах нашего Отечества, так и за границей, между прочим, на многих всемирных выставках, из которых можно упомянуть о Венской выставке 1873 года, на которой Ф. Ф. был делопроизводителем жюри по Химическому отделу, и о Парижской выставке 1878 года, на которой он был выбран председателем этого жюри. Глубокие его познания в прикладной химии хорошо известны отечественным химическим заводчикам и другим техникам, нередко обращающимся к нему за советами, которые при полной практичности их приносили промышленникам значительную пользу. Самые важные, однако, услуги, принесенные Федором Федоровичем прикладной химии, заключаются в самостоятельных строго научных химических исследованиях, последствием которых было возникновение новых обширных отраслей химической техники.

Из представляемого ниже сего обзора ученых трудов г-на Бейльштейна видно, что замечательны не только те его труды по органической и аналитической химии, которые нашли прямое применение в технике, но также весьма достойны внимания те его исследования, которые послужили фактическим основанием для упрочения весьма важных теоретических воззрений, играющих в настоящее время первостепенную роль в науке. Считаю необходимым указать еще и на то, что работы г. Бейльштейна обогатили химию множеством фактов, которые останутся достоянием науки и в то время, когда общепринятые ныне теории будут заменены другими, более совершенными.

В 1874 г. г-н Бейльштейн получил от Императорского Московского университета почетный диплом доктора химии^[1], а в 1876 г., по представлению академиков Зинина и Бутлерова, он же был награжден от Академии Ломоносовской премией за работы, произведенные им над телами бензоилового ряда. Эта премия была присуждена ему

предпочтительно перед профессором Казанского университета Зайцевым, работы которого, как значится в докладе вышеупомянутых академиков, также были признаны достойными награждения этой премией. Мы считаем уместным напомнить здесь Академии заключительные слова доклада, представленного ей в 1874 г. Зининым и Бутлеровым: «Работы г-на Бейльштейна над бензоиловым рядом, богатые открытиями новых тел и новых реакций, так существенно обогатившие науку и могущие служить образцом при подобных работах в других рядах, мы имеем честь предложить к удостоению Ломоносовской премии»^[2].

Доказательством того, что имя Бейльштейна пользуется почетом и между заграничными учеными, служит недавно полученное им приглашение занять кафедру в одном из германских университетов. Он же состоит членом-корреспондентом Горы-Горецкого земледельческого института (с 1862 года), членом-корреспондентом Физико-математического общества в Эрлангене (с 1864 года), почетным членом Химического общества при Лихейском университете в Северной Америке (с 1874 года), членом-корреспондентом Общества медицины и гигиены в Париже (с 1880 года) и членом-корреспондентом Королевского общества наук в Гёттингене (с 1880 года).

Ввиду заслуг профессора Бейльштейна по технологии и применению химии к технике, также в глубоком убеждении, что в числе отечественных химиков нет лица, стоящего в этом отношении выше его, мы считаем долгом представить его, с разрешения г-на президента, кандидатом на звание ординарного академика по технологии и химии, приспособленной к искусствам и ремеслам.

Упомянем еще, что Ф. Ф. Бейльштейн — русский подданный, уроженец С.-Петербурга, где он получил свое воспитание, и что он вполне владеет русским языком.

Научные исследования г-на Бейльштейна относятся ко всем отраслям химии, преимущественно же к органической. В числе этих исследований важное место занимает работа над действием хлора на углеводороды. Доказав в 1859 году синтезом хлористого этилидена, что вновь поступающий в частицу охлоренного тела хлор становится рядом с первым паем хлора, Бейльштейн подтвердил (в 1860 г.) свой вывод новым синтезом хлористого бензилидена. После того исследование действия хлора на ароматические углеводороды привело Бейльштейна в 1865 г. к открытию, что хлор действует при низкой температуре иначе на углеводороды, нежели при высокой. При первом случае замещение совершается в «ядре» углеводорода, во втором случае — в «боковой цепи». Таким образом, получаются изомерные тела одинакового процентного состава, но различных свойств. В 1867 г. Бейльштейн и для брома доказал то же самое отношение. В двух статьях (в 1867 и 1868 гг.) Бейльштейн подтвердил общую применимость своей реакции через приготовление всех хлоропроизводных толуола, предвиденных теорией. С тех пор открытие Бейльштейна применялось в многочисленных случаях и ныне перешло в область техники. По способу, найденному Бейльштейном, готовят теперь в больших размерах: хлористый бензил и бензотрихлорид для красящих веществ и для приготовления бензойной кислоты, а хлористый бензилиден для получения масла горьких миндалей.

Итак, открытие Бейльштейна послужило не только для получения большого числа новых соединений и для разъяснения загадочных до того времени реакций, но его можно считать исходной точкой целого ряда других исследований, и им создан совершенно новый и обширный отдел химической промышленности.

Подобное же значение имеет открытие Бейльштейна (в 1867 г.), что нитротолуол, считавшийся до того времени однородным телом, состоит из двух изомерных тел. Продолжая опыты над этилбензолом, Бейльштейн доказал, что при растворении гомологов бензола в азотной кислоте всегда получаются два изомерные нитропроизводные. Этим открытием промышленность тотчас воспользовалась для приготовления

кристаллического нитротолуола в чистом виде, как первоначального продукта, необходимого для приготовления красящих веществ.

В 1864 г. Бейльштейн заметил, что углеводород (толуол) при последовательном нитровании и окислении дает другой продукт, нежели при предварительном окислении и последовательном нитровании. Бейльштейн тогда открыл вторую нитробензойную кислоту. Реакцию с толуолом Бейльштейн повторил с ксилолом (в 1866 г.). В связи с этой работой Бейльштейн нашел, что салиловая кислота Кольбе и Лаутеманна есть только нечистая бензойная кислота. Многочисленные изомеры хлорбензойной кислоты Отто сведены Бейльштейном на 3 формы.

Некоторыми из перечисленных работ Бейльштейна воспользовался Кекуле при составлении своей знаменитой теории ароматических соединений, причем имели существенное значение факты, добытые Бейльштейном относительно салиловой кислоты и хлорпроизводных толуола. Затем Бейльштейн не замедлил представить (в 1870 г.) новые доказательства в пользу теории Кекуле открытием третьего нитротолуола и, что особенно любопытно, открытием третьей **нитробензойной** кислоты. Эту кислоту Бейльштейн получил (в 1872 г.) через окисление нитрокоричной кислоты. Он доказал, что нитрокоричная кислота Митчерлиха есть смесь двух изомерных кислот, из которых более растворимая и дала при окислении третью нитробензойную кислоту. Эта реакция еще тем замечательна, что она устранила из науки ошибочное понятие о неокисляемости так называемых **орто**-соединений. Достоинно замечания, что ортонитрокоричная кислота, таким образом открытая, ныне служит на заводах для получения искусственного индиго и других красящих веществ.

Несмотря на большое число работ по химии ароматических соединений, произведенных до 1875 года, в ней оставалось, однако, много пробелов. Теория предсказывала многочисленные соединения, которые еще не были приготовлены на деле. Тогда появилась работа Бейльштейна над хлорпроизводными бензола, в которой все выводы теории, до последней детали, проверены и подтверждены опытом. Все недостававшие хлорпроизводные бензола получены по новым способам, и Бейльштейн показал, каким образом должно поступать для приготовления производных определенного строения.

В законченном виде представляются также работы Бейльштейна над углеводородами каменноугольного дегтя. До исследования его (в 1865 г.) только первые члены этого ряда — бензол и толуол были известны. Бейльштейн опроверг существовавшие в то время ошибочные показания относительно высших гомологов и дал способ очищения ароматических углеводородов от примесей. Над ксилолом Бейльштейн доказал различное действие азотной и хромовой кислот при окислении. При употреблении азотной кислоты окисляется **одна** боковая цепь, а при действии хромовой кислоты — обе боковые цепи. Это открытие дало возможность вести окисление углеводородов в любом направлении и применяется теперь при получении одноосновных и двухосновных кислот. После ксилола Бейльштейн (в 1866 г.) приготовил кумол, изучил его свойства и показал, что кумол — последний гомолог бензола в каменноугольном дегте.

До работ Бейльштейна мало известно было о металептических производных альдегидов и особенно спиртов. Бейльштейн показал (в 1868 г.) всеобщее существование охлоренных и нитрованных спиртов. Он приготовил их производные, получил целый ряд металептических производных альдегидов и доказал их связь с соответственными кислотами.

Большое практическое значение получило предложение Бейльштейна (в 1864 г.) об употреблении хлористого олова для восстановления нитротел. Известны были

одинокие случаи действия хлористого олова, но Бейльштейн впервые доказал общую его применяемость и, главное, выяснил ход действия этого вещества, а именно, что им всегда **все** нитрогруппы переводятся в амидные группы. Большое число амидотел (аминосалициловая кислота и др.), которые не могли быть получены сернистым аммонием (реакция Зинина), удалось получить посредством хлористого олова. Что сернистый аммоний вообще не всегда действует восстанавливающим образом, было замечено Бейльштейном (в 1879 г.) при действии сернистого аммония на такие хлорнитротела, в которых галоид находится близь нитрогруппы. Тут реакция Зинина не применима, она ведет только к обмену галоида на серу. <... >

Г. Гельмерсен, Г. Вильд, А. Гадолин, А. Савич, Л. Шренк.

Помета: Приложение к протоколу заседания Физико-математического отделения Императорской Академии наук 22 декабря 1881 года⁸ [3].

*СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 58. Л. 2–3 об. Подлинник. Типограф. печать.
Указание фамилий академиков без их подписей.*

^[1] Ф. Ф. Бейльштейн получил степень *Doctor honoris causa* Московского университета 3/15 мая 1874 г. См.: СПбФ АРАН. Ф. 329. Оп. 1. Д. 55 (биография Ф. Ф. Бейльштейна).

^[2] Ломоносовская премия учреждена российским правительством 8 марта 1865 г. в память о заслугах, оказанных отечественному просвещению выдающимся ученым; ее размер составлял 1000 руб.

Ф. Ф. Бейльштейну Ломоносовская премия была присуждена не с первого раза. В 1874 г. А. М. Бутлеров и Н. Н. Зинин представили на конкурс работы Ф. Ф. Бейльштейна в области ароматических соединений. На тот же конкурс академик по физике Г. И. Вильд представил лампы накаливания и проект общественного электрического освещения А. Н. Лодыгина. Хотя конкурсная комиссия отдала предпочтение работам Ф. Ф. Бейльштейна, ФМО поддержало представление Г. И. Вильда, и лауреатом премии, несмотря на энергичные протесты А. М. Бутлерова, был избран вольнослушатель Технологического института А. Н. Лодыгин, а не профессор того же института Ф. Ф. Бейльштейн. За сочинениями последнего было сохранено право участия в следующем конкурсе, который состоялся в 1876 г. Тогда комиссия нашла излишним повторять все доводы и ограничилась заявлением, что с тех пор профессор с успехом продолжал свои ученые труды в прежнем направлении. Кроме того, академики Н. Н. Зинин и А. М. Бутлеров представили исследования в области органического синтеза, произведенные в лаборатории профессора А. М. Зайцева в Казанском университете и посвященные соединениям жирного ряда. В представлении говорилось: «Если бы в нынешнем конкурсе на Ломоносовскую премию участвовали только ученые труды, опубликованные в последние два года, то Комиссия сочла бы справедливым дать первое место, собственно между этими трудами, исследованьям, исполненным по мысли профессора Зайцева. В настоящее время, обращая преимущественное внимание Отделения на работы г. Бейльштейна, Комиссия высказывает желание, чтобы ее мнение об исследованиях, произведенных в лаборатории профессора Зайцева, было упомянуто — если Отделение то признает возможным — в отчете о присуждении Ломоносовской премии». На заседании ФМО 30 ноября 1876 г. премия была единогласно присуждена Ф. Ф. Бейльштейну.

См.: Бутлеров А. М., Зинин Н. Н. О работах Бейльштейна над телами бензоилового ряда. Приложение к § 240 протокола заседания ФМО 26 ноября 1874 г. // А. М. Бутлеров. Научная и педагогическая деятельность : сб. документов. М., 1961. С. 202–204.

Присуждение Ломоносовской премии в 1876 году // Торжественное собрание Императорской Академии наук 29 декабря 1876 года по случаю празднования ее 150-летнего юбилея. СПб., 1877. С. 37–39.

⁸ Напечатано в правом верхнем углу первого листа.

^[3] Первое выдвижение Ф. Ф. Бейльштейна в действительные члены Академии в 1881–1882 гг. вызвало столь жаркие споры, что после того, как в Общем собрании 5 марта 1882 г. ему не хватило одного голоса до избрания, по требованию обеих противоборствующих сторон все относившиеся к делу бумаги было решено опубликовать отдельным изданием.

Ф. Ф. Бейльштейн смог стать ординарным академиком лишь в декабре 1886 г., после смерти своего главного оппонента — А. М. Бутлерова. В 1886 г. записка-представление Бейльштейна в академики повторяла текст 1881 г.

См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 58. Л. 69–111 об. (Предложение и баллотирование профессора Ф. Ф. Бейльштейна в ординарные академики по технологии и химии, приспособленной к искусствам и ремеслам. Извлечение из протоколов заседаний Императорской Академии наук. СПб., 1882. Особый оттиск из тома XI Записок Академии наук).

Письмо Ф. Ф. Бейльштейна к Я. К. Гроту с разъяснением значения некоторых химических терминов

Не позднее 1891 г.

Милостивый государь, Яков Карлович!

Разница между бериллом и бериллием следующая^[1]:

Бериллий — элемент, который находится в соединении с кислородом, кремнеземом и т. д. в минерале **берилл**.

Берлинская лазурь — синяя краска, которую открыл Дисбах (Diesbach) в Берлине в 1704 г. Французы называют эту краску *bleu de Prusse*. Я [приписал] химический состав берлинской лазури, чтобы яснее определить природу этого вещества.

Искренне преданный Вам

Ф. Бейльштейн.

СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. Д. 67. Л. 1. Автограф Ф. Ф. Бейльштейна.

^[1] Возможно, письмо связано с работой Я. К. Грота над словарем русского языка, первый том которого отдельными выпусками начал выходить в 1891 г.

Открытка Ф. Ф. Бейльштейна к В. И. Ламанскому с приглашением на вечер

6 октября 1903 г.

Высокоуважаемый Владимир Иванович!

Покорнейше прошу Вас и Вашу семью побыть у меня в **четверг** вечером, 9-го сего октября. А. И. Воейков обещался быть, и мы обменяемся впечатлениями истекшего лета.

Необходимые бутылки нарзана уже приобретены^[1]!

Истинно преданный Вам

Ф. Бейльштейн.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 187. Л. 1. Подлинник. Машинопись.
Подпись-автограф Ф. Ф. Бейльштейна. На обороте почтовый
адрес В. И. Ламанского и штамп экспресс-почты.

^[1] А. И. Воейков — метеоролог, географ, один из организаторов отечественной курортологии. А. И. изучал целебные свойства кавказских источников, был активным сторонником вегетарианства и здорового образа жизни. Возможно, в связи с этим в приглашении упоминался известный своими полезными качествами нарзан.

Из материалов, собранных профессором Николаевской инженерной академии А. И. Горбовым для некролога Ф. Ф. Бейльштейну

Не ранее 5 октября 1906 г.⁹

Geboren in St. Petersburg d. 17/5 Februar 1838. Absolvierte im December 1852 die deutsche Hauptschule zu St. Petri mit Auszeichnung. Bezog im October 1853 die Universität Heidelberg. Studierte dort, unter Bunsen, bis August 1856 und von 1856 — März 1857. Hörte in München (Oktober 1855 — März 1856) Kolleg bei Liebig, studierte daneben Mathematik und Physik und arbeitete im physikalischen Kabinet von Prof. Jolly. Arbeit: Über die Diffusion von Flüssigkeiten Ann[alen] der Chemie und Pharmacie. B. 99. S. 185 — 1858.

Studierte von April 1857 — August 1858 in Göttingen unter Wöhler. Promovirte zum Doctor der Philos[ophie].

Am 12 März 1858 — Dissertation “Über das Murexid”; ein Auszug aus der Dissertation ist abgedruckt: Annal[en] der Chem[ie] und Pharm[acie]. B. 107. S. 177 — 1858. Publicirte ferner mit A. Geuther: Über das Natriumamid Ann[alen] der Chem[ie] und Pharm[acie]. B. 108. S. 88 — 1858. In dieser Arbeit wird unter anderen gezeigt, dass aus Natriumamid und Kohlensäuregas Cyanamid entsteht und das dieses sich rasch polymerisirt.

Arbeitet von November 1858 — August 1859 in Laboratorium von Prof. A. Würtz an der École de médecine in Paris. Arbeiten: Über die Einwirkung verschiedener Aetherarten auf Aether-Natron und über die Aethylkohlenensäure: Compt[es] rend[us] de l'Acad[émie] des S[ciences] B. 48. S. 960 — 1859; Über die Umwandlung des Acetals in Aldehyd: Bullet[in] de la soc[iété] chim[ique]. 25 Februar 1859 — Über die Einwirkung von Phosphorsuperchlorid auf Acetal: Bull[etin] de la soc[iété] chim[ique] 27 Mai 1859; Ueber die Identität des Aethylidenchlorürs und des Chlorur des gechlorten Aethyls: Compt[es] rend[us] B. 49. S. 134 — 1859.

War October 1859 — März 1860, Assistent bei Prof. Löwig am chemischen Laboratorium der Universität Bresslau.

Von April 1860 — August 1866 Assistent bei Prof. Wöhler am chemischen Laborat[orium] der Universität Göttingen. Habilitirte sich als Privatdozent der Chemie im October 1860 und las bis August 1866 organische Chemie.

Erhielt 1865 einen Ruf als Dozent an die Universität Petersburg, lehnte aber ab und wurde Ausserordentlicher Professor in Göttingen.

Ging im October 1866 als ordentlicher Professor der Chemie an das Technologische Institut in Petersburg. Wurde daneben im März 1867 Dozent der Chemie an der Militär-Ingenieurakademie und ausserdem Chemiker des Conseils für Handel und Industrie im Finanzministerium¹⁰. <...>

СПбФ АРАН. Ф. 329. Оп. 1. Д. 55. Л. 34–35 об. Неавторизованный автограф. Нем. яз.

Перевод

Родился в Санкт-Петербурге 17/5 февраля 1838 г. В декабре 1852 г. окончил с отличием Главное немецкое училище Св. Петра. В октябре 1853 г. уехал в Гейдельбергский университет. Учился там у Бунзена с августа 1856-го и с 1856-го до марта 1857 г. Слушал в Мюнхене (октябрь 1855 — март 1856) лекции Либиха, при этом

⁹ Датировано по дате смерти Ф. Ф. Бейльштейна.

¹⁰ Далее приводятся список научных работ Ф. Ф. Бейльштейна и короткая запись на русском языке о его последних днях рукой А. И. Горбова: СПбФ АРАН. Ф. 329. Оп. 1. Д. 55. Л. 35 об. — 42 об.

изучал математику и физику и работал в Физическом кабинете под руководством проф. Жолли. Работа: *Über die Diffusion von Flüssigkeiten*¹¹ в журнале “*Annalen der Chemie und Pharmacie*”. Т. 99. С. 185 — 1858.

С апреля 1857-го по август 1858 г. учился в Гёттингене у Вёлера. Получил ученую степень доктора философии.

12 марта 1858 г. — диссертация “*Über das Murexid*”¹²; отрывок диссертации был опубликован: *Annalen der Chemie und Pharmacie*, т. 107, с. 177 — 1858. Далее опубликовал совместную с А. Гейтером работу: “*Über das Natriumamid*”¹³ в *Annalen der Chemie und Pharmacie*, т. 108, с. 88 — 1858. В этой работе среди прочего показано, что из амида натрия и углекислого газа получается цианамид и быстро полимеризуется.

С ноября 1858-го по август 1859 г. работал в лаборатории проф. А. Вюрца в парижской *École de médecine*^[1]. Работы: “*Über die Einwirkung verschiedener Aetherarten auf Aether-Natron und über die Aethylkohlenensäure*”¹⁴ в *Comptes rendus de l'Académie des Sciences*, т. 48, с. 960 — 1859; “*Über die Umwandlung des Acetals zu Aldehyd*”¹⁵ в *Bulletin de la société chimique* 25 февраля 1859 — “*Über die Einwirkung von Phosphorsuperchlorid auf Acetal*”¹⁶ в *Bulletin de la société chimique* 27 мая 1859; “*Ueber die Identität des Aethylidenchlorürs und das Chlorur des gechlorten Aethyls*”¹⁷ в *Comptes rendus*, т. 49, с. 134 — 1859.

В октябре 1859 — марте 1860 — ассистент проф. Лёвиха в Химической лаборатории университета Бреслау.

В апреле 1860 — августе 1866 — ассистент проф. Вёлера в Химической лаборатории Гёттингенского университета. В октябре 1860 г. защитил докторскую диссертацию и стал приват-доцентом, до августа 1866 г. читал курс органической химии.

В 1865 г. получил приглашение в Петербургский университет на должность доцента, которое отклонил, став экстраординарным профессором в Гёттингене.

В октябре 1866 г. занял в Технологическом институте Петербурга должность ординарного профессора химии. Кроме того, в марте 1867 г. стал преподавать химию в Военно-инженерной академии^[2] и консультировать по своей специальности в Совете торговли и мануфактур Министерства финансов^[3]. <... >

Перевод О. А. Кириковой

^[1] *École de médecine* (полное название *École de médecine de Paris*) — «Школа медицины» — медицинский факультет Парижского университета (*Faculté de médecine de Paris*), существовавший с 1200 по 1793 г. Именованье *École* факультет получил с повторным открытием в 1794 г.

^[2] Военно-инженерная академия — Николаевская инженерная академия, готовившая инженерные кадры для армии, поэтому в ней традиционно были сильными кафедры реальных и прикладных наук. Была создана в 1855 г. на базе офицерских классов Николаевского технического училища. С 1894 г. в ней стал преподавать проф. А. И. Горбов. После смерти Ф. Ф. Бейльштейна он начал собирать воспоминания об Ф. Ф. его иностранных и отечественных коллег для биографического очерка. Труд, однако, остался незавершенным. Материалы хранятся в личном фонде А. И. Горбова в СПбФ АРАН: Ф. 329. Оп. 1. Д. 55.

^[3] Совет торговли и мануфактур — совещательный орган при Министерстве финансов, образованный в 1872 г.

¹¹ «О диффузии жидкостей» (пер. с нем.).

¹² «О мурексиде» (пер. с нем.).

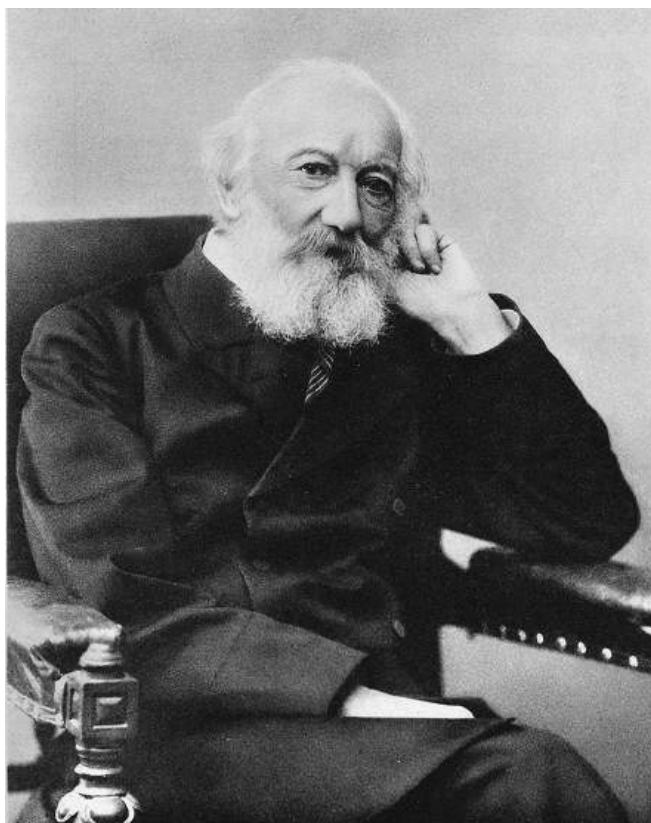
¹³ «Об амиде натрия» (пер. с нем.).

¹⁴ «О воздействии различных эфиратов на эфир-натр и об этилугольной кислоте» (пер. с нем.).

¹⁵ «О превращении ацетала в альдегид» (пер. с нем.).

¹⁶ «О воздействии суперхлоридов фосфора на ацеталь» (пер. с нем.).

¹⁷ «Об идентичности хлористого этилидена и хлорюра хлорированного этила» (пер. с нем.).

Николай Николаевич
БЕКЕТОВ
(1827–1911)

Николай Николаевич Бекетов известен как один из создателей новой научной и учебной дисциплины: физической химии. Но надо сказать, что он много сделал для развития теоретической химии вообще. Например, с опорой на периодический закон Д. И. Менделеева создал теорию единства материального мира, первоначальная материя которого состоит из бесконечно малых частиц с весом меньше атомов, известных тогда элементов. В продолжение этой теории Н. Н. Бекетов применил к химическим процессам свойства электродинамических процессов и пришел к выводу о планетарном строении атома. Еще до установления ядерной структуры атома он сумел объяснить сущность радиоактивного распада и, основываясь на изменчивом характере материи и неограниченной способности ее форм к новым качественным превращениям, выдвинул идею синтеза химических элементов.

Н. Н. Бекетову принадлежит открытие алюмотермического метода получения металлов из окислов, применяющегося и теперь во многих производствах, для получения легирующих сплавов в металлургии, для сварки рельсов и деталей стального литья в машиностроении и в производстве инструментов, для получения огнеупора в строительной отрасли. Он первым доказал возможность вытеснения металлов из водных растворов их солей водородом при высоких давлениях, что повлияло на развитие термической химии в XX в. Изучая восстановительные способности металлов, установил ряд их активности.

Исследования Н. Н. Бекетова над окисями щелочных металлов были признаны Академией наук «существенно обогащающими науку» и в 1880 г. удостоены Ломоносовской премии.

2 декабря 1877 г. по представлению своих старших товарищей — Н. Н. Зинина и А. М. Бутлерова — Н. Н. Бекетов был избран в члены-корреспонденты Академии наук по разряду физических наук ФМО. С 13 декабря 1886 г. он полноправный, действительный ее член по тому же Отделению (общая химия)¹. В 1887 г. он стал директором Химической лаборатории Академии.

Н. Н. Бекетов также преподавал в университете. Для своих студентов он всегда оставался не только высоким авторитетом в науке, но и нравственным ориентиром в жизни, добрым, справедливым, все понимающим и все прощающим Учителем.

---

¹ Библиографию трудов Н. Н. Бекетова см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 33–37.

**Письмо Н. И. Кокшарова к профессору Харьковского
университета Н. Н. Бекетову с сообщением о выдвижении его
кандидатуры на место ординарного академика по химии**

Не позднее 28 сентября 1886 г.²

Милостивый государь,
Высокопочтенный сотоварищ,

комиссия, образованная в Императорской Академии наук для представления кандидата на вакантное место ординарного академика по части химии и избравшая означенным кандидатом Ваше превосходительство, желает знать: угодно ли Вам будет подвергнуться баллотировке и в случае благоприятного результата (в чем, кажется, не может быть сомнения) вступить на службу в Академию ординарным академиком?

Комиссия, в которой я имею честь состоять председателем, поручила мне войти по этому предмету с Вами в сношение и вместе с тем покорнейше просить Вас почтить меня ответом Вашим без всякого замедления, так как при настоящих условиях дело должно быть решено в наискорейшем времени^[1].

Мы все были бы очень Вам признательны, если бы Вы сообщили нам список опубликованных Вами мемуаров с указанием тех изданий, в которых они были напечатаны.

Примите уверение в истинном моем к Вам почтении и преданности, с которыми имею честь быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою

Н. Кокшаров.

Пометы: 1) NB. Отправлено по почте в Харьков заказным письмом³; 2) Николаю Николаевичу Бекетову, г. заслуженному профессору Императорского Харьковского университета⁴.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 66. Л. 1. Авторская копия. Автограф Н. И. Кокшарова, в т. ч. и в пометах. К правому краю письма приклеена квитанция С.-Петербургского почтамта с отметками о приеме заказного письма в Харьков на имя Николая Бекетова.

^[1] После смерти Н. Н. Зинина в феврале 1880 г. и неудачных выборов Д. И. Менделеева в ноябре 1880 г. и Ф. Ф. Бейльштейна в марте 1882 г. химию в Академии представлял лишь А. М. Бутлеров, что было более чем недостаточно для бурно развивающейся науки. Когда же 5 августа 1886 г. скончался и он, положение стало по-настоящему критическим, поэтому члены ФМО стремились как можно скорее избрать новых академиков по химии. Обе вакансии были заполнены в один день, 13 декабря 1886 г., избранием Н. Н. Бекетова и Ф. Ф. Бейльштейна (см. в разделе о нем).

**Письмо Н. Н. Бекетова к Н. И. Кокшарову
о своем согласии баллотироваться в ординарные академики по химии**

Харьков, 3 октября 1886 г.

Милостивый государь!
Высокоценимый и почитаемый ученый
Николай Иванович!

Согласно желанию Вашему, спешу уведомить Вас, что после того, как Комиссия, коей Вы состоите председателем, сделала мне честь, указав на меня как на кандидата

² Датировано по почтовой квитанции.

³ Написано в правом верхнем углу.

⁴ Написано в левом нижнем углу.

на вакантное место по химии, я не считаю себя вправе отказываться от оценки моих научных трудов уважаемыми членами Императорской С.-Петербургской академии наук.

Для облегчения гг. членов Комиссии пересмотра моих статей, прилагаю при сем характеристику моей научной деятельности, сделанную профессором Лагермарком по поводу моей 30-летней службы при Императорском Харьковском университете^[1]; здесь указаны все мои работы в хронологическом порядке с обозначением того, где они были напечатаны.

Примите уверение в истинном моем к Вам уважении и преданности, с которым имею честь быть Вашего высокоблагородия покорнейшим слугой.

Н. Бекетов.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 66. Л. 2–2 об. Автограф Н. Н. Бекетова.

^[1] Н. Н. Бекетов начал свою научную деятельность в Харьковском университете в 1855 г. в качестве адъюнкта по кафедре химии.

Письмо Н. И. Кокшарова к неременному секретарю К. С. Веселовскому о документах, связанных с избранием Н. Н. Бекетова в ординарные академики

5 октября 1886 г.

Милостивый государь Константин Степанович,

сию минуту получил я письмо от проф. Н. Н. Бекетова, которое долгом моим считаю препроводить к Вам при сем; что же касается до приложения, то я его немедленно отправляю к Акс[елю] Вильг[ельмовичу] Гадолину, который в нем очень нуждается, как составитель рапорта об ученом труде пр. Бекетова^[1].

При пожелании всего лучшего преданный Вам

Н. Кокшаров.

P. S. Телеграмму также при сем возвращаю.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 66. Л. 3. Автограф Н. И. Кокшарова.

^[1] А. В. Гадолин был минералогом и кристаллографом, поэтому, не являясь специалистом в области химии, чтобы отобрать для списка наиболее значимые работы кандидата, нуждался в помощи; для общего текста записки были заимствованы фрагменты из предыдущих представлений Н. Н. Бекетова (подробнее см. ниже).

Записка об ученых трудах Н. Н. Бекетова, составленная [А. В. Гадолиным] для представления его в ординарные академики по общей химии

7 октября 1886 г.

Отчеты об ученой деятельности Н. Н. Бекетова были уже читаны в Академии два раза: 8 ноября 1877 г. по поводу представления его в члены-корреспонденты Академии и 11 ноября 1880 г. для присуждения ему Ломоносовской премии. Оба отчета составлены покойным А. М. Бутлеровым и подписаны: первый им совокупно с Н. Н. Зининым, а второй членами комиссии, назначенной Академией для представления о награждении Ломоносовской премией^[1]. Первый из упомянутых отчетов не был напечатан, а потому мы считаем полезным поместить его здесь целиком.

Засим включаем здесь же все то, что сказано о Н. Н. Бекетове в отчете комиссии по присуждению Ломоносовской премии, и присовокупляем отчет о работах г. Бекетова, опубликованных после 1880 г.

В представлении от 8 ноября 1877 г. сказано следующее:

«Между старейшими русскими химиками одно из почетнейших мест принадлежит, бесспорно, г. Бекетову: он начал свою ученую деятельность в 1853 г. и с постоянным успехом продолжал ее донныне. Главнейшие работы и сочинения профессора Бекетова отличаются той выдающейся чертой, что относятся к основным общим вопросам химии, к таким, следовательно, разрешение которых представляет особенную важность для успешного развития науки. Уже самый первый труд г. Бекетова, напечатанный в 1854 г. в «Бюллетене» Академии^[2] и относящийся к «сочетанным соединениям и формулам сочетания», разъясняет именно один из таких вопросов органической химии. Позже появились работы г. Бекетова над «действием водорода на металлические растворы под различным давлением, над восстановлением одних металлов другими и пр.». Во всех этих случаях ученым руководила цель проникнуть глубже в сущность так называемого «сродства» — причины химических явлений, а в 1875 г. им были изданы его «Исследования над явлениями вытеснения одних элементов другими». Здесь после описания своих опытов проф. Бекетов дает теорию явления вытеснения, указывая на важное и крайне интересное значение при этих явлениях — удельного веса, величины пая соединяющихся элементов, условий температуры и термодинамических явлений. Преследуя и далее с успехом свои идеи, г. Бекетов дал новые факты, к ним относящиеся. Сюда надо причислить позднейшие его опыты «над действием водорода на серебряные растворы» и сделанную вместе с Н. Чернаем работу над «диссоциацией сернистого, селенистого и теллуристого водорода». Рядом с этим в теоретических заметках г. Бекетов обсуждал важные вопросы об «атомности элементов», о «влиянии весовых масс элементов на реакции замещения и двойного обмена, об отличии элементов от сложных соединений и пр.».

Независимо от этих работ, связанных неразрывно с главными идеями, руководившими ученым при его исследованиях, им сделаны и опубликованы были другие весьма интересные наблюдения. Таковы: «образование муравьиной кислоты из угольной» при электролизе, новый случай «образования оксамида из циана», «соединение циана с водой», ведущее к образованию нового тела «цианоцианида».

Не упоминая вовсе о некоторых мелких заметках, опубликованных проф. Бекетовым, мы надеемся, что сказанного вполне достаточно для того, чтобы показать несомненные, существенные, выдающиеся заслуги его в области нашей науки».

В донесении комиссии по присуждению Ломоносовской премии за 1880 год сказано следующее:

«В настоящее время мы с особенным удовольствием видим возможность обратить внимание Отделения на труды по химии, вполне определяющие параграфам 5 и 13 «Правил Ломоносовской премии» (т. е. на труды, существенно обогащающие науку и появившиеся в течение двух лет, предшествовавших конкурсу)^[3], а именно на открытие проф. Харьковского университета Н. Н. Бекетова замечательных отношений безводной окиси натрия к водороду и углекислоте.

Начав свою научную деятельность исследованием довольно обширного вопроса из области органической химии, о явлениях сочетания, Н. Н. Бекетов перешел потом к еще более общему и важному вопросу, к явлениям вытеснения одних элементов другими. В замечательных статьях по этому предмету изложены им были результаты различных опытов и указана впервые зависимость хода вытеснения от плотности и пайных весов элементов. Между тем окрепла механическая теория теплоты,

возникло понятие о химической энергии, и наш ученый, продолжая посвящать свои труды вопросам, касающимся самой природы сил, обуславливающих химические явления, естественно обратил внимание на теплотную сторону этих явлений.

Определение теплоты, выделяемой безводной окисью натрия при ее соединении с водой, дало г. Бекетову возможность высчитать, что реакция вытеснения водорода натрием из водной окиси натрия должна была бы сопровождаться не выделением, а поглощением тепла, и что, следовательно, обратная реакция будет соединена с выделением теплоты. Следуя тому принципу, что между веществами совершаются те именно реакции, которые при данных условиях сопровождаются наибольшей потерей энергии, пришлось заключить, что натрий не способен вытеснять водород из едкого натра, выделяя металл и обуславливая образование гидрата окиси. Такой вывод находился в полном противоречии с общепринятым, укоренившимся воззрением, которое представлялось до тех пор самым естественным и предполагало, что металл, столь энергично вытесняющий водород из воды, должен вытеснять его также из гидрата окиси металла. Такая реакция сообщалась даже как факт во всех учебниках химии. Опыт, произведенный профессором Бекетовым, блестящим образом оправдал сделанный им вывод: при небольшом нагревании безводной окиси натрия в атмосфере водорода немедленно происходит восстановление металла; водород поглощается так энергично, что ртуть, запирающая трубку, поднимается на высоту нескольких дециметров.

Дальнейшее преследование вопроса о химических отношениях безводной окиси натрия побудило г. Бекетова высчитать количество теплоты, долженствующей выделиться при соединении безводной окиси натрия с углекислотой. Количество это оказалось весьма значительным и привело нашего ученого к заключению, что прямое соединение этих двух веществ должно быть возможным и произойдет с большой энергией. Такой вывод опять является неожиданным. Правда, прежде соли рассматривались как продукт соединения безводных кислот (ангидридов) с безводной окисью металла, но этот бинарный взгляд уже давно заменился унитарным, по которому соль есть продукт замещения водорода кислоты металлом, — замещения, совершающегося при взаимодействии кислоты и щелочи. Но щелочи и кислоты, следуя тому же взгляду, суть гидратные соединения; ангидриды же не имеют ни кислых, ни щелочных свойств. Возможность получения солей прямым соединением ангидридов выходило из границ такого воззрения; профессор Бекетов существенно расширил эти границы, показав, что соединение безводной окиси натрия с углекислотой совершается весьма энергично, сопровождаясь накаливанием. Мы имеем здесь разительный пример сгорания вещества в атмосфере углекислоты, этой обыкновенной противницы горения.

Смеем думать, что описанные, открытые г. Бекетовым факты должны быть признаны “существенно обогащающими науку”; они тесно связаны с важнейшими основными понятиями общей химии»^[4].

Ломоносовская премия была присуждена Н. Н. Бекетову за упомянутую работу на основании коротенькой статьи, помещенной в журнале Русского физико-технического общества, и приведенного там же отчета о сообщении, сделанном г. Бекетовым на шестом съезде естествоиспытателей и врачей^[5]. Более подробная статья с изложением упомянутой работы была помещена впоследствии в мемуарах Императорской Академии наук, том XXX. К этой работе примыкают подобные же исследования, сделанные г. Бекетовым над калием и литием. Для калия оказалось, что по теории действие водорода на безводную окись металла имеет место в том же направлении, как и для натрия, что и было подтверждено опытом. Для лития выходит по теории, что, наоборот, металл должен вытеснять водород из гидрата окиси, но в статьях г. Бекетова пока

не приведено опыта, подтверждающего это заключение. Надобно, впрочем, заметить, что статьи, в которых сообщается об этих работах, имеют характер предварительных сообщений. Главное затруднение при этих исследованиях состояло в нахождении такого способа приготовления безводных окисей исследуемых металлов, чтобы при них не было примесей, производящих какую-либо побочную реакцию при погружении окиси в воду для гидратации. Такое погружение делалось для определения количества теплорода, выделяющегося при гидратации. Это количество необходимо было знать для имеющегося в виду теоретического расчета реакции, и если оно не было раньше определено другими учеными, то это произошло, по всей вероятности, именно вследствие упомянутого выше затруднения в приготовлении достаточно чистых безводных окисей. В будущем г. Бекетов имеет в виду распространить свои исследования и на другие металлы щелочной группы, а именно на цезий и рубидий.

При упомянутых выше исследованиях были попутно замечены некоторые новые факты, как то: образование соединения ртути с натрием и кислородом и уменьшение растворимости углекислого лития в воде при возвышении температуры. Последнее обстоятельство дает новое средство для очищения литиевой соли от примесей.

Прочие работы г. Бекетова за последнее время имеют целью подтверждение и развитие прежде выраженных им идей о сочетаниях и замещениях. При этом он показал путем опыта, что йод и бром вовсе не разлагают хлористое серебро или хлористый цезий при обыкновенной температуре или, по крайней мере, если такое действие существует, то оно крайне слабо, между тем как, наоборот, хлор, растворенный в хлористом углеводе, почти вполне разлагает бромистое серебро. Далее было показано, что из раствора серноокислого кадмия или меди, содержащего большой избыток серноокислого цинка, металлический цинк тотчас выделяет кадмий или медь. <... >⁵

Н. Кокшаров, Г. Вильд, Ф. Шмидт, А. Гадолин, А. Карпинский.

*СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 66. Л. 6 об. — 8 об. Подлинник.
Типограф. печать. Указание фамилий академиков без их подписей.*

^[1] Представление Н. Н. Бекетова в члены-корреспонденты было написано 8 ноября 1877 г. Само избрание состоялось 22 ноября 1877 г. в заседании ФМО, о чем Общее собрание было уведомлено 2 декабря, и наконец, имя Н. Н. Бекетова в числе других новоизбранных членов-корреспондентов Академии наук прозвучало в торжественном заседании 29 декабря 1877 г. См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 163. Л. 43, 96.

В заседании ФМО 11 ноября 1880 г. Комиссия по присуждению Ломоносовской премии предложила двух номинантов: М. А. Рыкачёва за сочинение «О суточном ходе барометра в России и некоторые замечания об этом явлении вообще» (1879) и Н. Н. Бекетова за выполненное им «определение теплоты гидратации безводной окиси натрия и отношений ее к углекислоте и об отношении водорода к безводной окиси натрия». Тогда же была прочитана цитируемая здесь записка. 25 ноября 1880 г. состоялось голосование, положительное для обоих кандидатов. См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 169. Л. 215 об. — 216, 220–221, 226 об. — 227.

^[2] Имеется в виду магистерская диссертация Н. Н. Бекетова «О некоторых новых случаях химического сочетания», в 1853 г. опубликованная в т. XII журнала Академии наук «Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg».

---

⁵ Далее представлен «Список сочинений Н. Н. Бекетова», который по поручению ФМО и при содействии Н. Н. Бекетова составил А. В. Гадолин: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 66. Л. 8 об. — 9.

[3] О Ломоносовской премии см.: *Басаргина Е. Ю.* Ломоносовская премия — первая государственная премия в России (1865–1918) : справочник-путеводитель. СПб., 2012.

[4] Донесение комиссии о присуждении Ломоносовской премии в 1880 году, одобренное Физико-математическим отделением и Общим собранием Академии наук и читанное в публичном заседании Академии 29 декабря 1880 года // Записки Имп. АН.. 1881. Т. 38, кн. 1. С. 56–63; Отзыв А. М. Бутлерова переизд.: *Бутлеров А. М.* Научная и педагогическая деятельность : сб. документов. М., 1961. С. 207–209.

[5] VI съезд русских естествоиспытателей и врачей прошел в Санкт-Петербурге 20–30 декабря 1879 г. На нем обсуждались теоретические задачи химии, биологии, анатомии, геологии и т. д., а также насущные практические проблемы; в частности, в тот раз поднялись вопросы гигиены и борьбы с эпидемиями.

Из публичной лекции Н. Н. Бекетова о нравственной роли науки в современном мире

1903 г.

Только что пережитый нами XIX век ознаменовался особенно быстрым развитием точных знаний. Никогда еще наука не развивалась так широко и не проникала так глубоко в общественную жизнь, и не только своими многочисленными приложениями, но и чисто научно-теоретическими выводами. Но что особенно замечательно и характерно для переживаемой нами эпохи, так это параллельное с ростом знаний **пробуждение общественной совести**, и я смело утверждаю, что это не есть случайное совпадение, а следствие тесной связи науки и нравственности, иначе говоря связи между ростом нашего знания и большим сознанием наших общественно-нравственных обязанностей.

Возможно ли сомневаться, что успехи в области знания оставались бы без влияния и на общее нравственное развитие? Этому состоянию, т. е. разъяснению влияния науки на развитие нравственного самосознания, я и посвящаю свой очерк. <...>

Можно сказать, что во Вселенной совершаются одновременно два параллельных и неизбежно связанных между собой явления: с одной стороны, происходит бесконечное и непрерывное изменение и развитие видимого мира, это — **вещественная реальность**. С другой, происходит неостанавливающееся **сознание и познание** этого реального мира. Эта потребность в сознании окружающего в первые времена удовлетворялась религиозными учениями, а позже, рядом с ними, для утоления той же все возрастающей жажды познания, стала наука. Ей предшествует, а затем и идет совместно с ней, так сказать, **непосредственное эстетическое сознание**, или искусство со всеми его отраслями: поэзией, живописью, скульптурой и музыкой.

Но так как искусства не заключают в себе правильно организованного прогресса и потому не могут самостоятельно развиваться и вести человеческий дух вперед, то эта задача выпала на долю науки. Она есть **олицетворение прогресса**, так сказать, самый прогресс, из которого уже и проистекают все остальные успехи человечества. Трудно, медленно, но зато непрерывно и верно подвигается наука, а с ней растет и наше сознание, ею руководится то великое всемирно совершающееся явление, которое мы называем сознанием и познанием. Раз вступив на твердую почву опыта, наблюдения и умозрения, дух человеческий ежеминутно накапливает сокровища знания и создает таким образом связь всех живших и живущих поколений как бы в один стремящийся к познанию истины дух. Пользуясь этим, накопленным трудами и гением предшествовавших поколений, знанием, человечество должно сознавать свое

единство и должно признавать, что оно живет не единичной, ни даже современной общественной жизнью, а духовной жизнью всего когда-то существовавшего человечества. Отсюда, естественно, и родилось понятие о вечности человеческого духа или, по крайней мере, о непрерывности и как бы бесконечности работы познавательного стремления.

Эта жажда знания, т. е. стремление к объяснению всего окружающего, всегда была присуща людям. К изучению явлений природы влекло человечество не только простое любопытство и любознание, но и более или менее сознательное убеждение, что знание облегчает ему борьбу с природой. Отсюда как бы два источника к стремлению познать природу: **идеальное** и **практическое**.

В первую эпоху появления культурной жизни этой жажде знания, как я уже сказал, удовлетворяла религия, можно сказать, сливавшаяся в те времена с наукой, отчего, как известно, все древние религии содержали космологические учения. Иначе говоря, первоначальные религии старались вместить в свои учения все то, что мы теперь привыкли относить к области науки. Таким образом, с развитием культуры области религии и науки обособлялись все более и более. Их разделяли, по моему мнению, не столько различные цели, сколько различные **методы** познания истины. Общее же им обоим стремление направлено к подъему человеческого духа, к нравственно-умственному совершенствованию, так как вряд ли справедливо так расчленять психическую жизнь человека. Достойная человека нравственность есть нравственность только **сознательная**, а сознание наше растет и развивается с помощью знания, накапливающегося от поколения к поколению.

Несмотря, однако, на общность целей и результатов, эти деятели человеческого развития отличаются не только методами в искании истины, но и различными **способами воздействия** на дух человека. Религия требует **веры** и обращается непосредственно к предполагаемому в человеке **нравственному началу** (хотя бы оно существовало только в виде возможности, как семя содержит в себе возможность разрастись в роскошное дерево); наука же должна подтверждать свои выводы **доказательствами**. В этом, следовательно, и лежит главная разница в способе воздействия религии и науки на человеческую психическую восприимчивость. Но оба эти способа воздействия, по-видимому, необходимы для человека. Его беспокойный критический дух не всегда может довольствоваться учениями, требующими веры: он требует известной доказательности. А этой потребности и удовлетворяют научные исследования и выводы, основанные на опыте, наблюдении и умозрении.

Несмотря, однако, на это существенное различие в способах открытия и стремления к истине, и сама наука не может обойтись без некоторого элемента веры. Она прежде всего верит в свое призвание не только просветлять, но и нравственно улучшать человека. Отсюда неудержимое стремление работников науки распространять ее истины в возможно широком круге людей. Идеал ее заключается в том, чтобы все люди одинаково понимали и сознавали окружающий их мир. Вот почему и научная пропаганда имела своих мучеников. Достаточно напомнить для этого один известный исторический пример: Коперник, доказавший движение Земли вокруг Солнца, хотя и проповедовал это учение, но долго не решался публиковать свое сочинение, а Галилей, последователь и распространитель этого учения, попал за это в тюрьму и чуть не лишился жизни за свои научные убеждения. К счастью для человечества, эти времена нетерпимости уже отошли в область предания. Но теперь еще не совсем покинута предрассудок против широкого распространения высших знаний. <... >

Посвятив свой очерк собственно влиянию научных знаний на умственно-нравственное развитие людей, я, конечно, совершенно далек от мысли удалять влияние на это развитие других факторов, воздействующих на психическую сторону человеческой деятельности. Литература и все искусства всегда являлись могучими деятелями в этой области. Однако я нахожу возможным еще раз указать на то, что они не заключают в себе элементов **вполне организованного** прогресса. И литература, и искусства, насколько они желают, с одной стороны, способствовать нравственному прогрессу, должны пользоваться накопленным веками светом науки. Конечно, искусства и поэзия, несомненно, содержат в себе нечто прочное и неувядаемое — **общий принцип красоты**. Но для воздействия на современное поколение недостаточно одного этого начала, а необходимо, чтобы эти произведения художественного творчества **обновляли** бы себя и черпали свое вдохновение в том свете человеческого сознания, до которого его довела наука.

Что же касается религиозной идеи, то мне уже не раз приходилось обращать внимание читателя на то, что исходные точки и конечные цели религии и науки **однородны**: обе стремятся просветить и возвысить дух человека. Они идут только к этому разными путями, и каждая из них опирается на твердую веру в свое призвание: **служить высшим потребностям человеческой личности**.

Итак, мы видим, что задача науки в общем поступательном движении человечества **двоякая**: она не только стремится к новым **открытиям**, расширяющим кругозор его, и накапливает знание, но она в то же время стремится и **распространить** эти знания, дабы просветить возможно большие круги в массе населения. Она не может ограничиться одною работой для науки, роль ее **общественная**, она ни от кого не желает скрывать ни своих способов исследования, ни своих результатов. Одним словом, она не только стремится к **пониманию** новых тайн природы, но и ведет постоянную **борьбу с невежеством**. В обоих направлениях ей предстоит широкий, но трудный путь вперед, от которого она никогда не отступит!

Опубл.: Наука и нравственность. Публичная лекция, читанная в Петербурге в 1903 году // Н. Н. Бекетов. Речи химика. Общедоступные лекции, статьи, речи и доклады из области химии и физики. 1862–1903. СПб., 1908. С. 163–176.

Статья анонимного автора «К юбилею академика Н. Н. Бекетова»

28 мая 1903 г.

На днях исполнилось пятидесятилетие славной научной деятельности заслуженного профессора, ординарного академика Николая Николаевича Бекетова. Деятельность свою Н. Н. Бекетов начал в 1853 году блестящей защитой диссертации на тему: «О некоторых новых случаях химического сочетания и общие замечания об этих явлениях».

Физическая химия, на которой остановился Н. Н. Бекетов, пятьдесят лет тому назад еще только начала развиваться, и молодой ученый, избравший поприщем своей научной деятельности именно эту отрасль науки, мог быть по всей справедливости назван пионером в этой области, и можно с уверенностью сказать, что, если физическая химия получила в настоящее время столь широкое развитие, она в огромной степени обязана этим Н. Н. Бекетову и его пятидесятилетней плодотворной работе.

Вопрос о химическом средстве и его законах красной нитью проходит через все работы Бекетова, который и дал науке много ценных разъяснений по этому поводу. Ему принадлежит знаменитое правило равенства паев, по которому элементы противоположных электрохимических свойств стремятся распределяться так, чтобы элементы с большими массами соединились с большими, а меньшие — с меньшими. Это правило дало сильный толчок развитию физической химии: оно объяснило многие явления распределения элементов, до тех пор не объясненные, дало возможность предсказать направления известных химических реакций. Высказав такое правило, он блестящими опытами подтвердил его правильность. Н. Н. Бекетов первый указал на то, что, применяя принципы равенства паев, можно узнать по составу химического соединения степень его прочности при высокой температуре. Им же было предсказано, что теплота образования окисей щелочных металлов, как то: лития, натрия, калия, рубидия и цезия, должна быть небольшая для окиси лития и наименьшая для окиси цезия.

Было бы слишком долго перечислять все, что сделал для науки и делает до сих пор наш маститый ученый. Имя академика Н. Н. Бекетова никогда не будет забыто в истории развития физической химии.

Общественная деятельность Николая Николаевича Бекетова началась около того же 1853 года. Кандидат Казанского университета, защитив диссертацию на степень магистра химии, о которой мы уже сказали выше, в 1855 году он был назначен адъюнктом в Харьковском университете, по кафедре химии. В 1865 году он защитил диссертацию на докторскую степень (диссертация была озаглавлена: «Исследования над явлениями вытеснения одних металлов другими»), в которой он впервые изложил свое «правило равенства паев». В Харьковском университете Н. Н. Бекетов оставался профессором вплоть до 1887 года. В этом году он был избран ординарным академиком Императорской Академии наук.

«Микрокосм».

*Опубл.: Заря. 28 мая 1903 г. № 85;
СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 12. Л. 4 (вырезка из газеты).*

Некролог Н. Н. Бекетову в газете «Речь»

2 декабря 1911 г.

Покойный родился 1 января 1827 г. в Пензенской губернии, в имении своего отца, моряка^[1].

Воспитывался Н. Н. в Петербургской первой гимназии и в Петербургском университете; с 3-го курса он перешел в Казань, где и окончил университет в 1849 г. со званием кандидата естественных наук.

Занятия химией Бекетов продолжал в Петербурге под руководством проф. Зинина и в 1854 г. получил степень магистра химии, а в 1855 г. был назначен на кафедру химии в Харьковский университет, каковую занимал до 1887 г., когда был избран ординарным академиком.

До конца жизни Бекетов читал лекции по химии на Высших женских курсах, в организации и жизни которых покойный принимал большое участие^[2]. Бекетов в своей научной деятельности был, главным образом, химиком, философом и теоретиком.

Еще в конце 50-х гг. Бекетов, работая в области теоретической химии по трудному и сложному вопросу о «химическом сродстве»^[3], сделал замечательное обобщение: что наиболее прочно соединяются между собой те вещества, которые обладают наибольшей близостью паев. Этот принцип Бекетов подтвердил рядом чрезвычайно важных и интересных опытов. Таким образом, первая идея о зависимости силы сродства элементов от их «атомного» веса принадлежит Бекетову.

Вторым важным обобщением Бекетова является идея о том, что количество тепла, выделяемое при соединении простых тел, не может служить мерой их сродства, а представляет разность между сродствами однородных и сродствами разнородных атомов. Этим обобщением Бекетов установил ясную точку зрения на значение термохимических наблюдений. В области фактических открытий открытия Бекетова представляли всегда большой интерес.

Покойный всегда отзывчиво относился к нуждам молодежи, и в 1899 г., во время студенческих беспорядков, Бекетов по избранию профессоров вместе с академиком Фаминцыным ходатайствовал перед государем за учащуюся молодежь, причем благодаря его ходатайству и авторитету была назначена комиссия ген. Ванновского для расследования причин студенческих беспорядков^[4].

Опубл.: Речь. 2 декабря 1911 г.;
СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 12. Л. 5 (вырезка из газеты).

^[1] Н. Н. Бекетов родился в с. Алферьевка (Бекетовка; теперь — Новая Бекетовка), Пензенская губерния, в семье отставного морского офицера Николая Алексеевича Бекетова.

^[2] С 1887 г. в течение 15 лет Н. Н. Бекетов читал курс химии на Высших (Бестужевских) женских курсах в Петербурге.

^[3] Началом трудов о причинах химических реакций, т. е. о природе химического сродства, которыми Н. Н. Бекетов занимался, по сути, всю свою научную жизнь, можно считать его магистерскую диссертацию 1853 г.: «О некоторых новых случаях химического сочетания и общие замечания об этих явлениях». Непосредственным развитием этого исследования стала работа в химической лаборатории и на кафедре Харьковского университета, с 1855 по 1886 г.

^[4] Студенческие волнения 1899 г. начались в стенах Петербургского университета в университетский день 8 февраля и вылились в серию студенческих забастовок и обструкций профессоров, не отменивших лекции в дни волнений. В конце февраля — начале марта 1899 г. успокоившиеся было студенческие волнения вспыхнули с новой силой из-за «многочисленных высылков в Московском университете», руководство которого уволило 170 студентов, и «исключения двадцати одной слушательницы Высших женских курсов». В результате прекратили занятия учащиеся Военно-медицинской академии, Технологического, Горного, Лесного, Электротехнического институтов Петербурга, учебных учреждений Киева, Харькова и Риги. Многие преподаватели были на стороне своих подопечных. Н. Н. Бекетов, воспользовавшись тем, что преподавал химию императору Николаю II, когда тот был еще наследником — в 1887–1889 гг., теперь обратился к нему с просьбой разобраться в причинах случившегося и разрешить проблемы путем переговоров с протестующими, а не с помощью карательных мер. Вместе с коллегой — профессором А. С. Фаминцыным он попытался оправдать студентов, указав, что молодежь считает себя «незаслуженно оскорбленной» действиями полиции. В феврале 1899 г. Николай II назначил комиссию, которой поручили установить причины беспорядков, найти виновников и предложить способы улучшить ситуацию. Во главе ее был поставлен П. С. Ванновский. См.: Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в.: Очерки истории : в 2 кн. / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2016. Кн. II. С. 776–779.

Некролог Н. Н. Бекетову в газете «Современное слово»

4 декабря 1911 г.

Не стало не только выдающегося ученого, но замечательно доброго и отзывчивого человека.

Родом из Пензенской губернии, он принадлежал к семье, которая дала России трех выдающихся братьев: Алексея, Андрея и Николая Бекетовых. Старший — Алексей Николаевич, захваченный движением шестидесятых годов, посвятил себя земской деятельности. Он был первым председателем Пензенской губернской управы и таким без всяких перерывов — пример исключительный — оставался более 30 лет до самой смерти. Андрей Николаевич — известный ботаник и ректор С.-Петербургского университета и, наконец, Николай Николаевич — ныне умерший — академик.

Покойный провел и посвятил лучшие свои годы Харьковскому университету, в котором долгие годы был профессором химии^[1]. Всякое хорошее начинание, всякое просветительское движение в Харькове находило в нем и помощника, и сотрудника, и, как выразился академик А. С. Фаминцын, «праведника».

С именем Николая Николаевича и его брата Андрея Николаевича тесно связано и дело высшего женского образования в России. О его же чуткости и отзывчивости на нужды молодежи лучше всего свидетельствуют слова одного из его учеников: А. М. Ильева, который говорил о покойном, что он с уверенностью утверждает, что «нет человека, который, имея раз в жизни дело с Н. Н. Бекетовым, не полюбил бы его искренне».

*Опубл.: Современное слово. 4 декабря 1911 г.;
СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 12. Л. 8 (вырезка из газеты).*

^[1] Н. Н. Бекетов являлся профессором Харьковского университета в 1862–1886 гг.

Аристарх Аполлонович
БЕЛОПОЛЬСКИЙ

(1854–1934)

Аристарх Аполлонович Белопольский — один из первых отечественных астрофизиков, много сделавший для развития астрономии. Еще в древности эту науку называли «большим мучением для любознательных», понимая всю «космическую» бесконечность ее познания; своей преданностью астрономии А. А. Белопольский доказал всю правдивость этих слов. Щедро одаренный от природы, он мог бы стать искусным механиком, виртуозным музыкантом, первооткрывателем чудес растительного и животного мира. Однако студентом случайно попав в мир астрономии, он уже не захотел с ним расставаться.

А. А. Белопольский скромно называл себя «чернорабочим астрономии». В 1879 г. он начал работать в Астрономической обсерватории Московского университета сверхштатным ассистентом, в 1888 г. стал адъюнктом-астрономом Николаевской главной астрономической обсерватории в Пулкове, а в 1891 г. уже заведовал в ней Астрофизической лабораторией, собирал и устанавливал большой астрограф и новые спектрографические приборы. Такой же уверенной и стремительной была и его академическая карьера: адъюнкт в 1900 г., экстраординарный академик в 1903 г., ординарный академик в 1906 г.¹

А. А. Белопольский возглавлял Пулковскую астрономическую обсерваторию всего четыре года: с 1916 по 1919 г., но этот короткий период вместил в себя события вселенского масштаба — окончание Первой мировой войны, революцию и начало Гражданской войны. Желая оставаться только ученым, он покинул тогда директорский пост, но так и не смог отстраненно наблюдать за судьбой любимой науки, поэтому до конца жизни входил в составы всевозможных академических комиссий и заботился о достойном пополнении «звездного» пулковского коллектива.

---

¹ Библиографию работ А. А. Белопольского см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 122–126; Житомирский С. В., Козенко А. В. Аристарх Аполлонович Белопольский, 1854–1934. М., 2005. С. 141–153.

Из «Записки об ученых трудах А. А. Белопольского», составленной
[Ф. А. Бредихиным] для избрания его в адъюнкты по астрономии

Не позднее 9 февраля 1900 г.²

Развитие приложений спектрального анализа к астрономии в течение второй половины XIX столетия приняло огромные размеры, и вследствие этого образовался особый отдел названной науки — астрофизика. 25 лет тому назад появилась астрофизика и в Пулковке; но только в последние 10 лет этот новый отдел астрономии был включен в число главных задач Обсерватории, потому что только с 1890 года в распоряжение астрофизика были предоставлены такие инструменты, которые дали ему возможность с успехом преследовать свою цель.

Таким успехом в течение указанного периода Пулково, прежде всего, обязано астрофизику Белопольскому, который, стоя на высоте своей задачи, с редкой энергией и дарованием посвятил себя этой области и сделал ряд открытий, расширивших наши познания о строении Вселенной.

Вследствие такого развития астрофизики нам кажется современным иметь в нашей Академии представителя нового отдела астрономии; наиболее достойным этого звания лицом является, бесспорно, г-н Белопольский. Если бы даже постоянное представительство астрофизики и не было признано необходимым или желательным, то все же труды г-на Белопольского настолько значительны, что Академия, по нашему мнению, не может не обратить на них внимания, приняв г-на Белопольского в число своих членов.

А. А. Белопольский родился 13 июля 1854 г. В 1877 г. он окончил курс наук по математическому отделению физико-математического факультета Императорского Московского университета, где занимался астрономией под руководством профессора Бредихина. 16 ноября 1878 г. он был назначен сверхштатным ассистентом Московской обсерватории. По сдаче экзаменов и защите диссертации на тему «Пятна на Солнце и их движение» 13 декабря 1886 г. был удостоен Московским университетом ученой степени магистра астрономии и в качестве приват-доцента читал лекции по теории астрономических инструментов.

В 1888 г. г-н Белопольский был приглашен в Пулково на должность адъюнкт-астронома, причем в начале своей деятельности здесь наблюдал большим пассажным инструментом. В 1890 г. был избран Академией наук на должность астрофизика обсерватории. В 1896 г., по защите диссертации: «Исследование спектра переменной звезды δ Cephei», возведен Московским университетом в степень доктора астрономии.

В 1891 г. г-н Белопольский посетил с научной целью Германию, Францию и Англию. При этом ему поручено было, между прочим, заняться вопросом о приобретении астрографа для Обсерватории. В 1896 г. он был командирован на Амур в качестве начальника экспедиции для наблюдения солнечного затмения^[1]. В 1899 г. он совершил путешествие в Америку для ознакомления с новейшими астрофизическими обсерваториями и, вообще, с успехами астрофизики за океаном.

Следующий ниже список сочинений г. Белопольского свидетельствует о том, какими разнообразными и важными вопросами он постоянно занимался³. Как на особо выдающиеся труды его укажем на исследования спектрально-двойных звезд. Ему вполне удалось объяснить загадочные причины переменности известного класса звезд. Результаты, полученные из наблюдений замечательных звезд δ Cephei и α Geminorum,

² Датировано по заседанию ФМО, в котором читалась записка.

³ После записки приведен «Перечень напечатанных статей А. А. Белопольского» из 61 пункта, который здесь опускается.

следует отнести к важнейшим в астрофизике за последнее время. Своими исследованиями о кольцах Сатурна он в значительной степени содействовал разъяснению их строения. С разным успехом занимался он физикой Солнца и Юпитера.

Но заслуги г-на Белопольского велики не только благодаря результатам его наблюдений: он содействовал также развитию самых методов наблюдения, остроумно и находчиво изыскивая вспомогательные средства для достижения намеченной цели. Его попытки демонстрировать принцип Доплера^[2] в лаборатории оказались настолько заслуживающими одобрения, что для продолжения своих опытов он получил пособие из особого американского фонда.

Труды г-на Белопольского пользуются уже известностью в ученом мире и по заслугам оценены Парижской академией наук, присудившей ему в прошлом году почетную премию Жансена^[3].

На основании изложенного и с соизволения Его императорского высочества августейшего президента мы имеем честь предложить А. А. Белопольского к избранию в адъюнкты Академии наук по I ее Отделению.

Ф. Бредихин, О. Баклунд, Ф. Бейльштейн, Н. Сонин, М. Рыкачев, князь Б. Голицын.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2-1900. Д. 11. Л. 46–47 об. Автограф Ф. А. Бредихина, подписывавшего автографы академиков, рекомендовавших А. А. Белопольского; Р. V. Оп. 1-Б. Д. 13. Л. 2–2 об. Подлинник. Типограф. печать. Указание фамилий академиков без их подписей.

^[1] А. А. Белопольский наблюдал затмение солнца 1896 г. в Орловском-на-Амуре (совр. с. Орловское на р. Амур). Ему удалось тогда получить снимки солнечной короны и ее спектра. Следующую экспедицию для наблюдения затмения А. А. совершил в Туркестан 1 января 1907 г.

^[2] Принцип, или эффект, Доплера позволяет оценить изменение частоты колебаний ω или длины λ , которое воспринимает наблюдатель при движении источника колебаний и наблюдателя относительно друг друга. Это явление названо в честь К. Доплера, который в 1842 г. теоретически обосновал его в акустике и в оптике.

^[3] «Премия Жансена» — высшая ежегодная награда Французского астрономического общества, существует с 1897 г. Носит имя физика и астронома Пьера Жюль Сезара Жансена, сделавшего ряд открытий в астрофизике (*Pierre Jules César Janssen*; 1824–1907).

Из речи А. А. Белопольского «Современные задачи астрономии», прочитанной в торжественном заседании Академии наук

29 декабря 1912 г.

Подготавливаясь к сегодняшней речи, мне пришлось ознакомиться с речами авторов, принятых мной за образец. Оказалось, что добрая половина их начинается с извинения перед слушателями в том, что они не в состоянии выполнить в назначенный для сего промежуток времени обещанного в заголовке. Чтобы не быть исключением, позвольте и мне начать так же, т. е. извиниться в том, что я не в состоянии буду изложить не только всех задач современной астрономии, но с большим трудом справлюсь, вероятно, только с двумя задачами, правда столь же старыми, как сама культура человеческая.

Позвольте мне заняться на сегодня задачами о расстоянии и движении звезд. Теперь как раз время подвести итог того, что сделано в этой области, чего достигли и что еще остается сделать. Повторяю, это подобает сделать именно теперь, когда благодаря технике и остроумным приемам мы постигаем невидимое в звездном мире и этим как бы сокращаем расстояния от нас до бесконечно удаленных светил. Наша

эпоха в этом отношении представляет новый шаг вперед со времени Галилея, впервые увидавшего до него невидимое в звездном мире. В то время, как до Галилея невооруженным глазом видели звезды лишь до 5-й и в крайних случаях до 6-й величины, после этой эпохи, при помощи зрительных труб, которые постоянно совершенствовались, стали видеть светила дотоле невиданные: спутники планет, звездные скопления, туманности. Разбили Млечный Путь на бесчисленные звезды и т. д.

Настоящая эпоха (считая с середины прошлого столетия) прибавила еще такой невидимый мир, которого никакими оптическими инструментами увидеть нельзя. Мы стали его зрителями и исследователями благодаря фотографии, спектральному анализу и болометрическому методу¹.

Если, увеличивая диаметр стекла или вогнутого зеркала, мы увеличиваем возможность проникновения глазом в глубину невидимого мира, то этому скоро настает конец. При данных размерах оптического прибора глаз при самых благоприятных условиях ничего больше увидеть не может, даже если он будет усиленно стараться подглядывать за пределы ему доступного⁴.

В этом отношении он не сравним с фотографией: она обладает драгоценным свойством накапливать лучистую энергию и при достаточно длинной экспозиции фотографической пластинки в фокусе стекла или зеркала она обнаруживает присутствие в пространстве тела, для усмотрения которого глазом не хватило бы даже колоссальных оптических инструментов. Другое мощное подспорье в постижении невидимого — это спектральный анализ. Благодаря ему мы не только видим тела, но и видим их химический состав, и даже видим, как тела эти движутся, причем выражаем скорости движения в километрах.

Благодаря этому методу обнаружили многочисленные системы миров, паразитических с точки зрения небесной механики.

Перечислением всего этого мне хотелось только подчеркнуть знаменательность нашего времени и справедливость запроса по поводу тех двух задач, рассмотрением которых я задался на сегодня.

Что внесли все эти остроумные методы в вопрос о расстоянии светил?

Вопрос этот старый. Наши предки во времена, отдаленные от нашей эры, считали, что звездный мир повсюду на одинаковом расстоянии от Земли.

Хотя уже в III веке до Р. Х. греческие ученые высказывали мнения, во многом сходные с учением Коперника (Гераклит, Аристарх Самосский), однако учение это не было поддержано, и вопрос о расстоянии неподвижных звезд, тесно связанный с представлением Вселенной в духе Коперника, совсем не поднимался. Только через 18 веков представление это возникло вновь и запечатлено в бессмертном творении Коперника (1472–1543)².

Учение Коперника сейчас же выдвинуло вопрос о расстоянии неподвижных звезд, ибо если Земля описывает около Солнца замкнутый путь, то созвездия должны иметь с разных точек этого пути неодинаковый вид. Это было пробным камнем Коперникова учения. Так как оказалось из наблюдений Тихо Браге (1546–1601), что не только созвездия не меняют вида, но даже звезды в течение года не меняют своего положения в пределах одной минуты дуги, то Тихо Браге отверг систему Коперника и предложил свою собственную, по которой Земля оставалась неподвижной. Однако последующие астрономы-наблюдатели не бросили идеи Коперника. Звезды могли не менять своего

---

⁴ Ламберт делает расчет, какую трубку нужно соорудить, чтобы увидеть отдаленнейшие звезды Млечного Пути, и находит, что диаметр зеркала должен быть 300 футов (43 сажени), а фокусное расстояние около одной версты длиной (*Примеч. документа*).

положения в течение года также от того, что они слишком далеки, чтобы тогдашние измерительные инструменты могли это заметить. В самом деле, движение Земли должно было отразиться на положении светила подобно тому, как близкий к нам предмет кажется перемещающимся относительно отдаленного, если мы движемся сами, и чем дальше близкий предмет от нас и ближе к отдаленному, тем менее и медленнее его перемещение. Это видимое перемещение наблюдаемого предмета называется параллактическим, а кажущийся угол перемещения — параллаксом⁵.

При очень далеких предметах уже нужны точные инструменты, чтобы заметить это явление. <...>

В самое последнее время для определения собственного движения звезд стали применять стереоскопический метод. Он заключается в том, что две фотографии на стекле одной и той же области неба, снятой через более или менее длинный промежуток времени, рассматривают в стереоскопе.

Если все звезды на двух этих снимках не изменили своего взаимного расположения, то ничего особенного в стереоскопе не заметим; обе пластинки для зрения в точности сольются в одну; но если хоть одна или несколько звезд заметно изменили свое положение, то в стереоскопе покажется, что все сдвинувшиеся звезды как бы висят в пространстве. Если стереоскоп специально приготовлен для астрономических целей, он называется стереокомпаратором, и на этом приборе кроме двух плоскостных координат можно измерять 3-ю, пространственную, которая и дает возможность определить числовую величину относительного смещения звезд.

В руках г. Костинского в Пулкове этот метод уже послужил к открытию целого ряда звезд с собственным движением. Г. Костинский показал, что этот метод по точности в 10 раз превосходит точность определения меридианными инструментами при сохранении огромной экономии в затрате времени и самого труда наблюдений. Эта большая точность позволяет надеяться, что тем же путем можно будет определять и параллаксы, т. к. параллакс периодически изменяет собственное движение в полугодовой промежуток времени⁶. <...>

Опубл.: Белопольский А. А. *Современные задачи астрономии // Известия Имп. АН. Сер. VI. 1913. Т. 7, вып. 3. С. 131–144.*

¹ Метод измерения излучения звезд с помощью специального прибора — болометра. Прибор был изобретен американским астрономом С. П. Лэнгли в 1878 г.

² Имеется в виду трактат Н. Коперника «О вращении небесных сфер», в котором он изложил гелиоцентрический принцип устройства Вселенной, определил расстояние планет до Солнца, объяснил смену дня и ночи вращением Земли вокруг своей оси и т. д.

⁵ Если предмет находится между наблюдателем и другим бесконечно далеким предметом, то при движении наблюдателя по базису взад и вперед предмет будет видимо смещаться относительно бесконечного, и если измерить длину базиса и смещение предмета, то можно найти его расстояние. Примером может служить Луна в полнолуние вблизи горизонта. Если успеть переместиться, пока Луна не изменит своего положения на горизонте так, чтобы предмет видимо перешел от одного края Луны до другого, то для получения расстояния земного предмета нужно длину базиса помножить на 115, так как угол, на который предмет видимо переместится, равен $1/2^0$. То же относится к двум звездам — близкой, более яркой, и далекой, слабой. Базисом служит диаметр земной орбиты (*Примеч. документа*).

⁶ Г. Костинский осуществил эту мысль, определивши в прошлом году этим методом параллакс звезды 61 Лебеда, и получил прекрасное согласие результата с определениями при помощи других методов (*Примеч. документа*).

Письмо А. А. Белопольского к президенту А. П. Карпинскому о положении дел в обсерватории во время боев в районе Пулкова 30 октября 1917 года

Пулково, 2 ноября 1917 г.

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Так как попасть в город сейчас нельзя, то я не могу Вам передать словесно того, что пережила обсерватория за день 30 октября, и пишу Вам это письмо.

Начиная с субботы, у нас появились солдаты, отступившие от Царского Села, и начали располагаться в деревне и около обсерватории. Но казалось, что это ненадолго, а потому мы не очень здесь беспокоились. Но уже ночью с субботы на воскресенье пришла из Петрограда «красная гвардия» и потребовала указать все телефоны, даже комнатные, и поставила у каждого караульных. Утром в коридоре обсерватории и на территории их было изрядное количество. Требовали дров, лошадей, биноклей. Я всячески старался уговорить их очистить обсерваторию, чтобы не подвергать опасности обстрела из орудий столь ценного учреждения, но, конечно, это не имело действия. Тогда я решил отвинтить стекло большого рефрактора и положить под защиту каменных стен. К часу дня это было сделано. Также были спрятаны и другие ценные приборы, документы, журналы наблюдений. Но воскресенье прошло сравнительно спокойно.

В понедельник [ночью и]⁷ утром привезли артиллерию и поставили пять пушек при въезде в аллею обсерватории, две пушки перед башней большого рефрактора и несколько пушек к западу от Сейсмической станции, причем настоятельно станции предложили выселиться.

Красногвардейцы цепями стали обходить обсерваторию. Отдельные выстрелы из орудий начались еще со второго ночи и с перерывами продолжались до часу дня. В это время началась сильная канонада, и шрапнельные снаряды полетели на нас в изобилии. Такой интенсивный обстрел продолжался до пяти часов. Снаряды ложились около самых зданий обсерватории, и как мы остались целы, одному Богу известно.

После осмотра на другой день, во вторник, когда войска продвинулись дальше и стало тихо, оказалось следующее повреждение.

В башню большого астрографа, в каменную часть попал снаряд и разбил известку.

В кабинете директора пробило пульей три стекла, в коридоре к пассажному инстру[менту] в (? Вершках?) пробило пулями четыре стекла. В крыше башни большого рефрактора пробило пулями два отверстия, одно стекло пробито. В электрич[еской] станции пробито стекло, перебито несколько электрических приводов. На территории обсерватории в земле разорвалось 4 снаряда вблизи зданий, и образовались большие воронки. Стены дома⁸ Сейсмической станции пробило снарядом насквозь. Раненых и убитых у нас нет. [Многие стены снаружи повреждены пулями.]⁹

Глубоко Вас уважающий Ар. Белопольский^[1]

СПбФ АРАН. Ф. 265. Оп. 6. Д. 57. Л. 2–3. Автограф А. А. Белопольского.

^[1] 30 октября (12 ноября н. ст.) 1917 г. Пулковская астрономическая обсерватория оказалась в эпицентре боя между красногвардейцами и казачьими отрядами ген. П. Н. Краснова, двигавшегося на Петроград с целью вернуть власть Временному правительству. Склоны Пулковской горы были заняты красногвардейцами, в низине располагался их штаб, в который входили представители большевистского Военно-революционного комитета. Поэтому весь район Пулковских высот подвергался артиллерийским обстрелам красновцев.

⁷ Написано над строкой.

⁸ То же самое.

⁹ Взятый в квадратные скобки фрагмент также написан над строкой.

**Заметка А. А. Белопольского «О значении
отвлеченной науки и чистого искусства»**

20 апреля 1925 г.

На сегодняшнем вечере, половина которого посвящена была Аренскому, подбор романсов случайно или нарочно не без касательства небесных светил. В нашей обсерватории это весьма кстати. Таинственный блеск звезд, серебряный пояс Млечного Пути часто вдохновляли поэтов и музыкантов всех веков, призывая их к художественному творчеству. Эти же светила вдохновляли ученых в вечных поисках законов, которыми управляются явления. Если поэт поет о любви — этой мощной сущности жизни, — освещая ее лучами бесконечно далеких светил, то ученый рассказывает о вечности этой самой природы...

В этом объединении науки и искусства вся отрада нашего бытия...

Законы природы находятся при содействии чистой, отвлеченной науки и чистого искусства. Это единственные орудия в отыскании счастья, и я уверен, что эти орудия также даны вечной природой и что борьба за уничтожение отвлеченной науки и замену ее наукой прикладной бесплодна, ибо это борьба человеческого измышления с одним из основных законов природы.

Без чистого искусства, без отвлеченной науки жизни не будет, а будет духовная смерть — человек вернется к исходной ступени бытия...

СПбФ АРАН. Ф. 706. Оп. 1. Д. 134. Л. 1. Автограф А. А. Белопольского.

**«Автобиография академика А. А. Белопольского»,
опубликованная в журнале «Огонек»**

Не позднее 23 октября 1927 г.¹⁰

Я родился в Москве 1 (13) июля 1854 г. Женат, имею двух дочерей и сына. Воспитание получил у родителей. Отец происхождения сербского: один из предков, по фамилии Нестерович, переселился из города Белополье в Россию. Дед был лесничим в Московском уезде. Бабка по отцу происходила из интеллигентной семьи. Брат ее был незаурядным человеком, рано проявившим большие способности: свободно читал мальчиком латинских классиков и уже 17-ти лет защитил диссертацию на доктора медицины (дело было в начале XX века). Дед по матери был также врачом, жил в Гамбурге. Там родилась моя мать. Родители ее были люди бедные, семья состояла из 14 человек. Воспитание она получила суровое, но хорошее. С запасом знания трех языков и музыки (фортепиано), мать 18-летней девушкой приехала в Петербург и поступила гувернанткой в семью президента Академии художеств А. Н. Оленина. В имении последнего, около Торжка, мать познакомилась с отцом, исполнявшим обязанности библиотекаря.

Отец воспитывался в обеспеченной семье. Поступил, вопреки желанию среды, на медицинский факультет (по тогдашним взглядам, обязанность врача приравнивалась к лакейской, и поступать на этот факультет для человека из общества было предосудительно). На 3-м курсе он потерял родителей и оставил университет; пришлось самому добывать средства для жизни; он получил место у Оленина. После женитьбы родители поселились в Москве. Отец поступил на службу во 2-ю гимназию

¹⁰ Датировано по дате выпуска журнала.

надзирателем за приходящими учениками. Мать получила уроки музыки в Елизаветинском институте. У родителей в живых нас было трое детей-мальчиков. Двое младших воспитывались вместе. Старший брат — отдельно, т. к. разница в годах была пять лет. Оттого и интересы нашей детской жизни хоть и не очень, но все-таки различались. Обстановка, в которой росли дети, была, несмотря на скудные средства родителей, очень благоприятна для духовного развития; она еще улучшилась после того, как родителям удалось с помощью дяди (брата матери — американца) выстроить маленький дом в 3 комнаты на небольшом участке земли на окраине города. С постройкой дома связаны первые сознательные шаги жизни детей. Работа плотников, печников, кровельщиков, маляров привлекала все наше внимание и возбуждала большой интерес. Долго потом мы жили под впечатлением всей этой работы. С устройством собственного дома и родители осуществили мечту о проведении в жизнь гигиенических правил, внушенных отцу доктором Шпиром: к дому была сделана холодная пристройка с тремя окнами. Тут стояло пять кроватей с подушками у самых окон. Окна ночью открывались настежь летом и зимою. Там мы спали всей семьей. Укрывались заячьими одеялами.

После переезда в дом (в 1859 или 1860 г.) детский наш мир значительно расширился: растения, насекомые, зверьки, птицы, земля — все было интересно. С годами влечение к познанию окружающего мира понемногу возрастало, обстановка благоприятствовала интересам. Мать всегда поощряла и старалась удовлетворить нашу любознательность, несмотря на то, что дела у нее всегда было по горло. С иностранной литературой нас знакомила мать. Из скудных средств понемногу у нас создалась домашняя библиотека.

Отец был большой спорщик, особенно на почве новаторства в медицине по заветам доктора Шпира. Споры вносили оживление, его же вносила музыка, а все вместе привлекало к нам знакомых. Да и время было хорошее, годы либерального подъема. Было о чем поговорить.

Однако не все мирились с либерализмом отца; были и недоброжелатели. В нашем доме было мало религиозной обрядности, и в гимназии это ставилось в вину родителям, но взыскивали на детях. Так, старшего брата за непосещение богослужений и за ошибку при прочтении молитвы, по заявлению священника, чуть не исключили из гимназии, и только благодаря заступничеству учителей — друзей отца — совет оставил этот инцидент без последствий (было сделано возражение, что «многие святые не знали совсем молитв, и, тем не менее, спасались»).

По рукам в то время ходили запрещенные издания («Колокол», «Полярная звезда» и др.). Мы, дети, вращаясь поневоле среди больших, кое-что усваивали; к нам перешло стремление поспорить с товарищами, что особенно сказалось, когда переходили в старшие классы гимназии и в университет. Возвращаясь к раннему детству, следует отметить большое стремление к производству различных опытов, как из области химии, так и физики.

Дети самостоятельно делали различные опыты: особенно увлекались добыванием электрической искры. Но и исследовательский дух начал проявляться. Жизнь насекомых (муравьи, переход личинок в куколку и в бабочку, головастики и лягушки) представляла обширное поле для наблюдений. Параллельно возрастал интерес к разным ремеслам: плотничанье, переплетное дело, модели машин, по преимуществу паровых. Инструментов для этого не хватало, и приходилось прибегать к уловкам — употреблять материал, доступный перочинному ножу и буравчику, позднее — лобзику. У меня обнаружили механические способности, которые оказали мне впоследствии

большую услугу на научном поприще. Одиннадцати лет я поступил в гимназию. До 6-го класса учился хорошо, хотя на приготовление уроков не тратил много времени. Но на выпускном экзамене провалился и должен был остаться в нововведенном тогда 8-м классе. По окончании гимназии поступил в Московский университет на физико-математический факультет (1873–1877). Как в гимназии, так и в университете я учился бесплатно (кроме года поступления, за который пришлось внести добытые уроками деньги). В гимназии со второго года пребывания начал давать уроки, репетируя с малоуспешными учениками. Нередко случалось, что родители или опекуны ухитрялись оставлять уроки неоплаченными. В этих случаях иногда в дело вмешивалась мать.

Весьма удачно в вакационное время после 1-го курса в университете я попал на кондицию к известному в Москве меценату Савве Ивановичу Мамонтову. В имении Абрамцево я провел в среде художников и музыкантов целое лето. Там познакомился с Репиным, Васнецовым, Нестеровым и др. И. Е. Репин был, между прочим, одним из адептов моего отца в смысле гигиенического образа жизни, т. е. тоже спал при открытых окнах зиму и лето. Вот что он мне писал после смерти отца: «Наконец, я еще обязан ему (я в этом глубоко убежден) тем, что я живу еще и до сих пор работаю. До знакомства с ним я болел, хирел и медленно угасал и, вероятно, уже не существовал бы на свете. Благодаря его системе лечения чистым воздухом я ожил и каждое утро благословляю случай, доставивший мне знакомство с ним и его теорией спанья на воздухе». В вакационное время, между вторым и третьим курсом, я, следуя своему влечению к практической механике, выпросил разрешение работать в мастерской по ремонту локомотивов при Ярославской железной дороге. Проработал я месяца два или три. По окончании курса в университете (слушал Бредихина, Давидова, Бугаева, Слудского, Столетова, Орлова) мне предложил директор астрономической обсерватории Ф. А. Бредихин на лето заняться систематически фотографией солнечной поверхности при помощи фотогелиографа. Я охотно принял это предложение, имея некоторый опыт в фотографии. Таким образом, случайно я сделался астрономом. Осенью я был представлен к оставлению при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре астрономии со стипендией. В 1879 г. получил место сверхштатного ассистента при астрономической обсерватории.

При вступлении в жизнь судьба вновь поставила меня в соприкосновение с исключительной выдающейся средой. Во главе обсерватории стоял Ф. А. Бредихин, высокоталантливый профессор и замечательный ученый. Наши еженедельные собрания по воскресеньям (1877–1881) у Бредихиных оставили неизгладимое воспоминание и оказали сильное влияние на мое научное развитие. Собственно, тут начался для меня настоящий университет. Мои занятия в обсерватории посвящены были систематическим исследованиям процессов на солнечной поверхности (пятна, протуберанцы) и астрометрии (меридианный круг). По этим вопросам в «Анналах Московской обсерватории» напечатано 15 работ и 13 в иностранных журналах. В 1886 г. защитил диссертацию на степень магистра астрономии («Пятна на Солнце и их движение»). В 1888 г. был зачислен адъюнктом астрономии при Гос. астрономической обсерватории в Пулковке (директор — О. Струве). Сначала мне поручена была обработка каталога прямых восхождений по наблюдению большим пассажным инструментом, но в 1891 г., когда Бредихин перешел директором в Пулково, по его представлению я был избран Академией наук на должность астрофизика, заведующего лабораторией. Тогда я организовал фотографические и спектральные

наблюдения, для чего по поручению директора ездил за границу и заказал необходимые приборы: большой астрограф и звездные спектрографы. По изготовлении этих приборов я установил астрограф. Я начал исследования спектров преимущественно переменных и спектрально двойных звезд, что в то время было новинкой. В лаборатории спроектировал и построил на средства американской меценатки, Елизаветы Томсон, прибор для исследования принципа Доплера, не прибегая к космическим скоростям. За время пребывания на обсерватории в Пулковке напечатал в разных русских и заграничных научных изданиях 120 работ преимущественно по спектральному анализу светил. В 1912 г. исходатайствовал у Академии наук средства на постройку большого, системы Литрова, спектрографа, для тончайших исследований спектра Солнца. Спроектированный совместно с заводами Sir Howard Grube прибор этот и приспособления к нему (целостат) из-за войны был получен только в 1923 г. Он установлен в лаборатории обсерватории.

Принимал ближайшее участие вместе с покойным директором обсерватории О. А. Баклундом в выработке конструкций двух грандиозных астрономических инструментов, 40-дюймового рефлектора и 32-дюймового рефрактора для южных отделений обсерваторий, для чего командирован был несколько раз за границу, в последний раз — в 1923 г. для приема рефлектора.

В 1900 г. (13 мая), 1903 г. (19 апреля) и 1906 г. (15 апреля) был последовательно избран адъюнктом, экстраординарным и ординарным академиком Академии наук по кафедре астрономии. В 1896 г. защитил диссертацию на степень доктора астрономии («Исследование лучевых скоростей переменной δ Цефея»). В 1908 г. был избран на должность вице-директора обсерватории. С 1905 г. состоял председателем Русск. отд. Международного союза по исследованию Солнца. За это время до войны комиссией напечатано пять протоколов с приложениями.

Был одиннадцать раз командирован за границу.

Читал лекции по астрономии приват-доцентом в Москве в университете и на Высших женских курсах в Москве и Петербурге. Состою действительным членом Общества испытателей природы, Общества любителей естествознания, Московского математического общества, почетным членом Русского астрономического общества, Московского общества любителей астрономии, в кружке любителей астрономии и физики в Нижнем Новгороде. Состою: Associate of Royal Astronomical Society в Лондоне (с 1910), membro estero della Società degli spettroscopisti Italiani (с 1907), почетным соредактором “Astrophysical Journal” в Чикаго.

В 1898 г. удостоен золотой медали от Académie des sciences имени Жансена (Janssen)^[1].

Удостоен двумя премиями от Русск. астрономического общества, в Петербурге.

В 1918 г. удостоен премии Лаланда от Парижского Institut de France.

С 1917 по 1919 г. состоял директором Гос. астрономической обсерватории в Пулковке. В настоящее время состою академиком и старшим астрономом в Пулковке. Работаю на 30-дюймовом рефракторе (спектральный анализ звезд) и на большом солнечном спектрографе системы Литрова веду систематические исследования закона вращения Солнца на основе принципа Доплера.

Опубл.: *Огонек*. 1927, 23 октября. № 43. С. 2–3.

^[1] Так в тексте. На самом деле в 1898 г. А. А. Белопольский получил «Премии Жансена» Французского астрономического общества, а в 1908 г. — золотую медаль Жансена Французской академии наук.

Из статьи К. Д. Покровского «А. А. Белопольский:
к 50-летию его научной деятельности, 1877–1927»

Не позднее 13 июля 1928 г.¹¹

Когда заходит разговор о Пулковской обсерватории, почти всегда вспоминается имя А. А. Белопольского:

— Как поживает Аристарх Аполлонович? — или:

— Ведь это у вас академик Белопольский!

Правда, в широкой публике имя А. А. Белопольского может быть не особенно известно, но для всякого, кто имеет хоть какое-нибудь отношение к астрономии, оно очень знакомо и даже не лишено своего рода обаяния.

Аристарх Аполлонович заслужил всеобщее уважение своими ценными работами в области астрофизики, а те, кому приходилось вступать с ним в личные отношения, могут отметить и ряд других его достоинств, делающих личность А. А. Белопольского особенно симпатичной и дорогой для нас.

[Среднего роста, блондин, с открытым, круглым, приветливым лицом, иногда вспыльчивый, но по существу всегда доброжелательный, в высшей степени деликатный, скромный, простой, чрезвычайно работоспособный, глубоко образованный, остроумный, приятный собеседник, веселый рассказчик, шутник — таков А. А. был в юные годы, в начале своей научной карьеры, таким он остается и теперь 73-летним старцем в почетном звании члена Академии наук СССР]¹². В тяжелые голодные годы многим пришлось переживать по различным поводам разочарования в людях, как-то грубее обнаруживались тогда низменные стороны человеческой природы, более резко проявлялись иногда себялюбие, своекорыстие, личный интерес, но А. А. и в этот период жизни остается безупречным членом общества, хорошим товарищем и чутким, добрым, деликатным человеком, способным на благородные поступки не для рекламы, а по настоящему влечению своего доброго сердца.

Интересен А. А. Белопольский с лопатой или мотыгой в руке. Без ропота, с веселым лицом, не смущаясь предстоящими ночными наблюдениями, шел А. А. каждый вечер в огород копать гряды. Он не оставлял этого тяжелого моциона и в позднейшее время, когда трудности жизни ослабели, когда другие уже стали забывать, как в поте лица своего они добывали хлеб свой насущный, отрываясь для этого от своих прямых обязанностей.

Астрономические наблюдения в общем случае далеко не легкое дело. Но А. А. находит в себе силы в последние годы управляться даже на двух больших инструментах — днем в летнее время на новом спектрографе системы Литрова¹¹, ночью на 30-дюймовом рефракторе. До последнего времени он почти не имел и вычислительной помощи в своих работах и все вычисления обычно производил сам.

Большое значение имеет в астрономической практике помощь хорошего механика. Особенно это осязательно при организации новых исследований в области астрофизики, когда сконструировать сразу подходящий прибор не удастся даже при заказах в специальных заграничных мастерских. Иногда небольшое исправление или видоизменение прибора на месте, у трубы, во время пробных наблюдений, значительно улучшает дело и обеспечивает достижение результатов, которых раньше не удавалось получить. Успех в работах А. А. Белопольского в значительной степени

¹¹ Датировано по содержанию.

¹² Здесь и далее в этом документе взятый в квадратные скобки фрагмент есть в машинописи.

обуславливался тем, что он сам в некотором роде механик. Он легко разбирается в конструкции инструмента, может сообразить, в чем его недостаток для данного рода исследований, иногда и сам исправит что-нибудь, хотя бы кустарным способом, приспособит надлежащим образом, расширив отверстие, вставив какую-нибудь пластинку или увеличив нагрузку, приделав несложный мотор и т. п.

Работы А. А. Белопольского всегда поражают простотой. Он не придает значения формальной стороне и ценит во всем сущность, лишь бы достигнут был результат. И сам он простой, и так скромно и просто всегда говорит он о своем успехе!

Родился Аристарх Аполлонович в Москве 1/13 июля 1854.

Его отец занимал сначала должность воспитателя в гимназии, потом служил главным контролером на Ярославской железной дороге. Мать была прекрасной пианисткой, окончила консерваторию в Гамбурге. По словам А. А., детство его протекало чрезвычайно интересно. У отца был домик на Гороховой улице с садом и огородом. Дети очень любили свою усадьбу и в пределах ее умели организовать много интересных развлечений. Копали ямы в поисках воды, золота и кладов, строили шалаши, плотничали, сооружая себе ходули, тележки, санки. Мать поощряла занятия детей ремеслами и покупала им несложные дешевые инструменты. Одно время дети увлекались постройкой музыкальных инструментов, натягивая на досках металлические струны и подбирая аккорды. Потом их привлекали занятия по физике, химии и естественной истории. Они сами изготовляли электрофоры, лейденские банки, старались при помощи их получить искры атмосферного электричества, добывали кислород, водород, разные гремучие смеси, строили также аквариумы и террариумы, населяя их лягушками, ящерицами и змеями, приручали белых мышей, воробьев и ворон. Лично А. А. увлекался одно время паровыми машинами и сам построил модель локомотива. Благодаря своим механическим способностям он чуть было не был на 14 году отправлен учиться в Германию, но упросил родителей позволить ему окончить школу в России.

Интересна одна особенность воспитания в семье Белопольских. Под влиянием своего дяди, доктора медицины, отец А. А. заставлял детей спать в комнате с открытыми настежь окнами и летом, и зимой — зимой, конечно, под меховыми одеялами. Даже во время болезни дети спали в той же комнате, и сам А. А. перенес тиф в феврале, оставаясь в комнате с открытыми окнами. Если было недомогание, позволявшее ходить, то ходили и исполняли какую-нибудь работу до пота. При этом ели все, что подсказывал инстинкт, лекарств никогда никаких не принимали.

Но особенно ценной была среда, в которой пришлось возвращаться А. А. с самого детства. Большое влияние на него имел репетитор старшего брата А. Н. Петунников. Он развлекал детей физическими и химическими опытами, водил на экскурсии в окрестности Москвы вместе с другими своими воспитанниками братьями Назаровыми, из которых один впоследствии был близок Московской астрономической обсерватории и несколько раз жертвовал деньги на сооружение инструментов по замыслам профессора В. К. Цераского.

У отца А. А. бывал также интересный для детей гость — профессор ботаники Кауфман, и часто собирались на научные собрания учителя II гимназии, из которых некоторые были замечательными педагогами, как Шуф, Шереметевский, Жимоновский, Кондаков — впоследствии академик. Эта среда, по-видимому, и повлияла в значительной степени на развитие в детях Белопольских интереса к природе.

В 1865 А. А. поступил во II Московскую гимназию, в 1873 он окончил курс. Сначала А. А. не думал идти в университет, а хотел работать на заводе. Он поступил

в университет, лишь уступая настояниям отца. Но, будучи студентом, он все-таки устроился простым рабочим в паровозное депо Ярославской железной дороги.

В годы университетской жизни А. А. попал в интересную среду художников. В имении С. И. Мамонтова «Абрамцево» он познакомился в 1874 с Репиным, Поленовым, братьями Праховыми, артисткой Федотовой и др. В доме же самих Белопольских собирались музыканты, устраивались трио, квартеты. Много играла мать А. А. В то же время А. А. посещал наиболее замечательные концерты, слушал всех знаменитых музыкантов и певцов того времени. Любовь к музыке является одной из характерных черт личности А. А. С большим вниманием он относится и к новой серьезной музыке (Скрябин).

Из числа университетских товарищей А. А. на научное поприще вышли: Соколов А. П. — физик, Соколов А. П. — астроном, Зворыкин — физик. Что касается самого А. А., то найти свое призвание ему помог случай. Как-то раз проф. Ф. А. Бредихин, нуждавшийся при организации своих астрономических наблюдений в механической помощи, обратился на лекции к слушателям с воззванием. А. А. как владеющий некоторыми механическими навыками откликнулся. Он стал посещать обсерваторию на Пресне и скоро вошел в ее научную работу.

С 1873 по 1877 А. А. оставался на математическом факультете Московского университета. По окончании курса он был оставлен на 2 года при университете по кафедре астрономии. В 1879 он занял должность сверхштатного ассистента и пробыл на Московской обсерватории до 1888, наблюдая на фотогелиографе, меридианном круге и рефракторе. Среда, в которой вращался А. А. по окончании университета, состояла из людей исключительно талантливых. Она имела на него огромное влияние и пробудила много дремавших сил. Во главе стоял обаятельный Ф. А. Бредихин, о котором до настоящего времени А. А. хранит самые светлые воспоминания. В то же время на Московской обсерватории работал В. К. Цераский. От него А. А. принял работу на фотогелиографе. Продолжая фотографирование солнечных пятен, А. А. собрал большой материал, который и использовал для своей диссертации «Пятна на Солнце и их движение», за которую Московским университетом был удостоен в 1887 степени магистра астрономии.

7/19 августа 1887 А. А. наблюдал полное солнечное затмение в Юрьевце Костромской губ. Хотя условия для наблюдения оказались не вполне благоприятными, все-таки А. А. удалось получить интересные снимки солнечной короны.

В том же 1887 А. А. женился на Марии Федоровне Вышинской — музыкантше, окончившей Филармоническое училище в Москве. В 1888 А. А. перешел в Пулковскую обсерваторию на должность адъюнкт-астронома <...>.

Опубл. полностью: Русский астрономический календарь.

Переменная часть. 1928. Вып. XXI. С. 123–135.

Частично: СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 13. Л. 63–68. Неавторизованная машинопись.

^[1] Спектрограф системы Литрова — прибор для астрофизических исследований, был установлен в Пулкове в 1923 г. Назван так в честь его изобретателя — австрийского физика и астронома Отто фон Литрова (Otto von Littrow).

Оттон Николаевич
БЁТЛИНГК

Otto von Böttlingk
(1815–1904)

Осенью 1875 г. Оттон Николаевич Бётлингк принимал заслуженные поздравления: наконец его opus magnum — *Sanskrit-Wörterbuch* — был завершен¹. Значение семитомного «Санскритского словаря» для развития сравнительно-исторического языкознания и дальнейшего научного обоснования родственной близости языков индоевропейской группы исключительно велико. Ведь именно санскрит как язык древнеиндийской литературы, лучшие других сохранивший «удивительную структуру, более совершенную, чем греческий язык, более богатую, чем латинский, и более прекрасную, чем каждый из них», был ближе других к праязыку — общему языковому предку. О сходстве языков ученые не раз заявляли и ранее, однако О. Н. Бётлингк (при деятельном участии Р. Рота) первым взял на себя кропотливый рутинный труд по составлению словаря, работа над которым заняла более 20 лет. По кирпичику был возведен прочный фундамент, на котором строилась вся последующая компаративистика. Выход словаря в свет был отмечен как Петербургской, так и Прусской академией наук, обе гордились членством успешного академика. Словарь был издан под эгидой и на средства Петербургской академии наук, членом которой О. Н. Бётлингк являлся с 1842 г. В знак уважения к Петербургской академии словарь получил краткое обозначение «Петербургский словарь» — «*Pet. W.*» (*Petersburger Wörterbuch*).

В 1868 г. О. Н. Бётлингк покинул Петербург по нездоровью и провел остаток жизни в Германии, сначала в Йене, а потом в Лейпциге. Вплоть до выхода в отставку в 1894 г. он оставался ординарным академиком и продолжал без устали трудиться над тезаурусом санскритского языка, который вышел сначала в полной версии, а потом и в краткой. И хотя О. Н. Бётлингк оставил многочисленные труды в разных областях востоковедения и даже русистики, его все равно называют человеком «одной книги», которая доставила ему исключительное положение среди санскритологов².

¹ *Sanskrit-Wörterbuch*. Herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von O. Böhtlingk und R. Roth. Th. 1–7. St. Petersburg, 1855–1875.

² Список трудов О. Н. Бётлингка см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 53–58.

Из «Предисловия» О. Н. Бётлингка к «Санскритскому словарю»

1855 г.

Vorwort

In den dreissig und etlichen Jahren, welche verstrichen sind, seitdem in Calcutta H. H. Wilson's Sanskrit-Englisches Wörterbuch erschien, hat das Studium der Sanskrit-Sprache und Literatur unter uns so mächtige Fortschritte gemacht, dass der Versuch, durch eine neue Bearbeitung des Wortschatzes dem sich immer weiter ausbreitenden und höher wachsenden Bau sicherere Stützen und Pfeiler zu geben, wohl an der Zeit sein möchte.

Das bedeutende Werk, welches der berühmte englische Gelehrte, unterstützt durch die Arbeiten indischer Pandits, damals (1819) zu Stande brachte und 13 Jahre später (1832) erweitert und verbessert zum zweiten Male veröffentlichte, hat den Anforderungen, welche in jener Zeit gestellt werden durften, und dem Zweck, welchen es zu erreichen strebte, entsprochen. Niemand hat dasselbe entbehren können und es lässt sich nicht absehen, wie ohne dieses Buch die Kenntniss der Sanskrit-Literatur bis zu dem Punkte hätte gelangen können, an welchem sie heute steht. Nichtsdestoweniger ist es von dem Ziele weit entfernt geblieben, das einem jeden Wörterbuch gestellt ist: es ist, streng genommen, nur eine Sammlung von Wörtern und Wortbedeutungen, aber keine wirkliche Bearbeitung des Wortschatzes; wir bewundern die ausserordentliche Vertrautheit des Nestors der Indianisten mit der sogenannten klassischen Sprache und Literatur, bedauern aber, dass er es vorgezogen hat, beim Wörterbuch wie bei der Grammatik auf dem Standpunkte der indischen Gelehrten zu verharren, statt den von der europäischen Wissenschaft geforderten Weg zu betreten. Auch unser Buch kann trotz aller Bemühungen über die vorbereitende Stufe nicht ganz hinauskommen, aber wir rücken dennoch dem Ziele um einen Schritt näher.

Unser Wörterbuch besteht aus zwei nicht vollständig in einander aufzulösenden Elementen: aus dem Materiale der von gelehrten Indern gemachten Wortsammlungen und aus unsern eigenen, der Sanskrit-Literatur entnommenen Sammlungen. Wenn es möglich gewesen wäre, alle auf unsere Zeit gekommenen Werke der Sanskrit-Literatur auszubeuten und zu verarbeiten, so hätte das Material der indischen Wortsammlungen, welches ohnedies im Verhältniss zum ganzen Wortschatz der Sprache arm und geringfügig ist, ohne einen erheblichen Schaden bei Seite gelassen werden mögen und es wäre nicht nöthig gewesen, die unzähligen Irrthümer und Entstellungen zu wiederholen, welche die indische Gelehrsamkeit uns darbietet. Fehlten aber hierzu eben so sehr die Mittel wie die Kräfte, so lag es in unserer Aufgabe, die Mangelhaftigkeit unserer eigenen Sammlungen mit dem Vorrathe jener zu ergänzen und dafür auch ihre Mängel mit in den Kauf zu nehmen.

Man wird im Buche selbst Beispiele genug von seltsamen Widersprüchen finden, in welchen die indische Lexicographie mit dem nachweislichen Sprachgebrauch steht; noch zahlreicher sind die Fälle, in welchen sie die Wahrheit nur halb erreicht. Und man kann damit, dass man etwa auf einen andern Sprachgebrauch in einer andern uns nicht zugänglichen oder von uns nicht berücksichtigten Quelle hinwies, die Wahrscheinlichkeit eines Irrthums kaum in Abrede stellen, eben weil in dem Irrthum noch eine nicht zu verkennende Hindeutung auf die Wahrheit steckt. Wie man aber nach dem Wort eines alten Brâhmana dasjenige glaubt, was man selbst sieht, nicht aber den Worten Anderer, selbst Vieler, die das Gegentheil versichern, so muss auch hier der Blick in die vorliegenden Bücher mächtiger sein als das Zeugnis der Glossatoren.

Wir müssen diese Widersprüche und Abweichungen verzeichnen, auf den im wirklichen Sprachgebrauch nicht aufgehenden Rest indischer Lexicographie, sogar auf die aus Unbekanntschaft mit den Texten vom Glossator augenscheinlich entstellten Wörter achten,

um nicht mit dem Schutte hier und da ein brauchbares Stück auszukehren, welches zu entbehren wir nicht reich genug sind.

Von diesem Gesichtspunkt aus wünschen wir unser Verfahren mit den von den Grammatikern und Lexicographen überkommenen Wörtern und Worterklärungen betrachtet zu sehen. <...>

Оныбл.: *Sanskrit-Wörterbuch. Herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von O. Böhtlingk und R. Roth. Th. 1. St. Petersburg, 1855. S. III.*

Перевод Предисловие

За тридцать с лишним лет, что прошли с момента выхода в Калькутте санскритско-английского словаря Г. Г. Вильсона^[1], изучение санскритского языка и литературы достигло таких значительных успехов, что попытка придать устойчивость этому неизменно растущему сооружению, предложив в качестве надежной опоры новому редакцию словарного состава, кажется вполне своевременной.

Важный труд, созданный в 1819 г. знаменитым английским ученым на базе работ индийских пандитов и опубликованный во второй раз 13 лет спустя (1832 г.), в расширенном и усовершенствованном виде, отвечал требованиям того времени и соответствовал поставленной цели^[2]. Никто не мог без него обойтись, и невозможно представить, как без этой книги знание санскритской литературы достигло бы того уровня, на котором оно находится сегодня. Тем не менее он остался далек от той цели, которая ставится перед каждым словарем: строго говоря, это всего лишь набор слов и их значений, а не настоящая обработка всего словарного запаса. Мы восхищены исключительной осведомленностью Нестора санскритской филологии в так называемом классическом языке и литературе, но вместе с тем сожалеем, что он предпочел и в словаре, и в грамматике остаться верен точке зрения индийских ученых, вместо того чтобы следовать по пути, указанному европейской наукой. Наша книга, несмотря на все наши усилия, тоже не может выйти за пределы подготовительного этапа, но мы все же на один шаг ближе к цели^[3].

Наш словарь состоит из двух элементов, которые нельзя полностью отделить один от другого: из материала, содержащегося в собраниях слов, составленных учеными-индийцами, и из наших собственных собраний, почерпнутых из санскритской литературы. Если бы было возможно использовать все дошедшие до нашего времени произведения санскритской литературы и обработать их, то материал индийских словариков, который и без того по сравнению со всем словарным запасом языка беден и ничтожен, можно было бы оставить в стороне без большого ущерба для дела. Тогда не пришлось бы восстанавливать и повторять бесчисленные заблуждения и ошибки, которые преподносит нам индийская ученость. Но раз у нас не хватило средств и сил, то наша задача состояла в том, чтобы восполнить недостаток наших собственных собраний материалами индийской лексикографии и примириться с их недостатками.

В нашей книге найдется довольно примеров странных противоречий, когда индийская лексикография сталкивается с общепринятым использованием языка (т. е. материалом, непосредственно почерпнутым из текстов. — *Сост.*); еще более многочисленны случаи, когда она достигает истины лишь наполовину. Даже если сослаться на иное значение слов в другом источнике, нам недоступном или не принятом нами во внимание, то этим едва ли можно отрицать вероятность ошибки, так как даже в ней есть неосознанный намек на истину. Но, выражаясь словами старой Брахманы^[4], человек верит тому, что видит сам, а не словам других, когда они уверяют в обратном,

даже если их много, так и здесь обращение непосредственно к книге должно быть убедительнее, чем свидетельства глоссаторов.

Мы не должны упускать из виду эти противоречия и отступления, а также те слова индийских лексикографов, которые не встречаются в реальном употреблении. Более того, мы должны отмечать явное искажение слов у глоссаторов из-за незнания ими [подлинных] текстов, чтобы не лишиться ценных фрагментов, которыми мы недостаточно богаты, чтобы пренебречь.

Мы хотели бы, чтобы наше отношение к доставшимся в наследство от индийских грамматиков и лексикографов словам и их толкованию рассматривалось именно с этой точки зрения. <...>

Перевод Е. Ю. Басаргиной

^[1] Wilson H. H. A Dictionary Sanscrit and English: translated, amended and enlarged. Calcutta, 1819.

^[2] Г. Г. Вильсон выучился санскриту в Индии и пользовался материалами индийских лексикографов, которые обобщил в своем словаре. Однако местные словари игнорировали бытовую лексику, и этот недостаток автор восполнил во втором издании словаря, для которого составил указатель слов к некоторым письменным памятникам. См.: Wilson H. H. A Dictionary in Sanscrit and English: translated, amended and enlarged, from an original compilation prepared by learned natives for the College of Fort William. 2-nd ed. Calcutta, 1832.

Пандит — ученый брахман или высокообразованный человек в области классической индийской литературы и лексикографии.

^[3] О. Н. Бётлингк опирался на результаты только что зародившегося сравнительного языкознания и противопоставлял принципы своей работы устаревшим, как ему казалось, методам санскритской филологии предыдущей эпохи. С большим недоверием он относился к местным глоссаторам, хотя, как показали исследования следующих поколений санскритологов, «туземные» словари являлись результатом вдумчивого изучения памятников санскритского языка. Взгляды О. Н. Бётлингка разделял Р. Рот. См.: *Ольденбург С. Ф. Памяти Оттона Николаевича Бетлингка (Некролог)* // ЖМНП. 1904. Ч. 353. Совр. лет. С. 41–47; *Otto Böhtlingk an Rudolf Roth. Briefe zum Petersburger Wörterbuch (1852–1885)* / hrsg. H. Brückner, G. Zeller, bearb. A. Stache-Weiske. Wiesbaden, 2007.

^[4] Брахманы — священные писания индуизма.

Адрес Историко-филологического отделения О. Н. Бётлингку и Р. Роту
по случаю завершения ими издания «Санскритского словаря»

2 сентября 1875 г.

*Viris illustrissimis
Otoni Boehtlingk et Rudolpho Roth salutem*

Absolvistis nuperrime opus admiratione dignum ac vere Herculeum cui per longam annorum seriem incubuistis Lexicon Sanscriticum Imperialis Academiae auspiciis editum, cuius operis et gravissimi et maxime ardui ubi primum specimen edidistis omnes quibus Indorum lingua cordi est spes concipiebant. Laetissimas vos etiam summas expectationes superastis ipso labore cuius ambitum et utilitatem ac praestantiam nemo tunc temporis poterat augurari. Vestro potissimum Lexico effectum est ut Sanscriticarum literarum nova in dies monumenta proferrentur ut studia ista quotannis laetius efflorescerent ut ex incunabilis ad masculinum robur pervenirent, neque gravati estis succrescentem in dies materiem vestros in usus convertere. Eximio quodam fortunae favore contigit vobis ut quod opus florentissima aetate coniunctis studiis aggressi estis maturi annis et senectutis in limine constituti sed

integris ingenii viribus optatum ad finem perduxeritis. Gratulamur vobis successus raros ac paene singulares. Optamus ut div[itis] operis egregii nostraque laude maioris fructus percipiatis uberrimos iisque literis quibus vitam viresque dedicatis prodesse pergatis.

Petropoli die II mensis Septembris anno MDCCCLXXV
Imperialis Academiae Scientiarum Petropolitanae
Classis Historica Philologica

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1852. Д. 2. Л. 268. Подлинник. Типограф. печать. Лат. яз.

Перевод

Славным мужам
Оттону Бётлингку и Рудольфу Роту

Только что вы завершили поистине геркулесов труд, достойный восхищения, которому вы посвятили длинную череду лет, — «Санскритский словарь», изданный под эгидой Императорской Академии^[1]. Когда вы опубликовали первый образец этого громадного и сложного труда, все, кому дорог язык индийцев, получили надежду. Сам же труд, масштабы, пользу и совершенство которого никто тогда не мог предсказать, превзошел даже самые смелые ожидания. Важнейшее следствие вашего словаря состоит в том, что каждый день стали появляться новые труды по санскритской письменности, и с каждым годом эти исследования все больше расцветали и, покинув колыбель, достигли зрелости, притом что вы продолжали вводить в оборот постоянно растущий материал. По какой-то необычайной милости судьбы вам посчастливилось начать работу в самом расцвете лет, в дружных трудах вы достигли зрелых лет, и, находясь на пороге старости, благодаря неистощимой силе таланта вы довели дело до благополучного окончания. Поздравляем вас с редким, почти уникальным успехом. Мы желаем вам, чтобы ваш богатый труд принес вам обильные плоды славы, большие, чем наша похвала, и чтобы вы продолжили служить той письменности, которой вы посвятили свою жизнь и силы.

Петербург, 2 сентября 1875 г.
Императорская Академия наук в С.-Петербурге
Историко-филологическое отделение

Перевод Е. Ю. Басаргиной

[1] Издание словаря продолжалось 23 года и закончилось в 1875 г. с выходом 7-го тома.

Письмо неперменного секретаря К. С. Веселовского к Я. К. Гроту о поздравлении О. Н. Бётлингка и Р. Рота по случаю окончания ими «Санскритского словаря»

24 сентября 1875 г.

Многоуважаемый Яков Карлович.

Поздравление Бётлингку³ и Роту по случаю окончания ими, после 23-хлетнего труда, — **Санскритского** словаря — послано им в начале сентября от имени Историко-филологического отделения. Экземпляр этого поздравления при сем прилагаю. Но, получив Ваше письмо, я крайне пожалел, что не сообщил Вам ранее о намерении

³ Здесь и далее написание фамилии дается как в оригинале.

3-го отделения относительно этого поздравления. Тогда поздравление могло бы, быть может, пойти от обоих филологических отделений. Во всяком случае, для Бётлинга, который так глубоко уважает Вас, было бы чрезвычайно отрадно получить выражение внимания к его многолетнему и добросовестному труду со стороны 2-го Отделения и в особенности — и Вашей лично стороны. Человеку, так беспредельно преданному науке и живущему на чужбине, отрадно всякое изъявление симпатии к тому делу, которому он отдал свою жизнь.

СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. Д. 170. Л. 66–66 об. Автограф К. С. Веселовского.

**Адрес Немецкого восточного общества Императорской Академии наук
О. Н. Бётлингу по случаю окончания «Санскритского словаря»**

Галле, 4 октября 1875 г.

Der Kaiserlich-Russischen Akademie der Wissenschaften beehrt sich der Unterzeichnete im Namen und Auftrage der zu Rostock stattgehabten Generalversammlung der Deutschen morgenländischen Gesellschaft den Dank und Glückwunsch ergebenst zu übermitteln, welchen die letztere in Betreff des vollendeten Sanskrit-Wörterbuchs am 29. v[origes] M[onats] durch einstimmigen Beschluss in folgender Form ausgesprochen hat:

die Deutsche morgenländische Gesellschaft hat bereits auf ihrer vorjährigen Generalversammlung, anknüpfend an einen auf das Sanskrit-Wörterbuch bezüglichen Vortrag des Dr. von Roth, indem sie den beiden Herausgebern und ihren Mitarbeitern ihren Dank aussprach, der Kaiserlich-Russischen Akademie gedacht, von welcher jenes grossartige und hochwichtige wissenschaftliche Unternehmen ausgegangen ist. Nachdem dies inzwischen zum Abschluss gelangt ist, bringt in Beziehung darauf der Kaiserlichen Akademie die in Rostock tagende Generalversammlung ihre wärmsten Glückwünsche und ihre dankbarste Anerkennung dar. Sie gedenkt dabei zugleich aller der mannigfaltigen und hervorragenden Verdienste, welche die Kaiserliche Akademie sich um die orientalischen Forschungen auf den verschiedensten Gebieten erworben, und der Förderung und Theilnahme, welche sie insbesondere der Deutschen morgenländischen Gesellschaft wiederholt hat zu Theil werden lassen.

Dr. Konstantin Schlottmann

d[er] Z[eit] Secretair der Deutschen morgenländischen Gesellschaft.

Пометы: 1) № 714; 2) Получено 29 сентября 1875; 3) Истор[ико]-фил[ологическое] отд[еление] Засед[ание] 30 сент[ября] 1875/§ 112.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1852. Д. 20. Л. 270. Автограф
К. Шлотмана. Нем. яз. Рукописные пометы.

Перевод

От имени и по поручению Общего собрания Немецкого восточного общества^[1], состоявшегося в Ростке, нижеподписавшийся имеет честь передать Императорской Академии наук искреннейшую благодарность и поздравления, которые общество единодушным решением огласило 29 числа прошлого месяца по случаю окончания «Санскритского словаря» в следующей форме:

годом ранее на Общем собрании, где слушался доклад д-ра фон Рота о «Санскритском словаре», Немецкое восточное общество, выражая благодарность обоим

издателям и их коллегам, уже отмечало вклад Российской Императорской Академии в это выдающееся и чрезвычайно важное научное предприятие. Теперь, когда работа над словарем подошла к концу, Общее собрание в Ростове передает Императорской Академии свои самые теплые поздравления и выражает глубочайшую признательность. Члены Собрания не могут не отметить особые по своему многообразию и масштабу заслуги Императорской Академии в самых различных областях востоковедения, а также участие и поддержку, которые Императорская Академия неоднократно оказывала Немецкому восточному обществу.

Д-р Константин Шлотман

Действующий секретарь Немецкого восточного общества

Перевод М. Н. Додеев

^[1] Немецкое восточное общество — ученое сообщество, основанное 2 октября 1845 г. и объединившее преимущественно ориенталистов — лингвистов, теологов, историков — в их стремлении к изучению языков, истории и культуры Ближнего и Дальнего Востока, Азии, Океании и Африки; с 1847 г. имело свое периодическое издание (*Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*). О. Н. Бётлингк был членом общества с 1846 г.

**Адрес Отделения русского языка и словесности О. Н. Бётлингку
в связи с завершением работ по изданию санскритского словаря**

9 октября 1875 г.

Уважаемый сочлен.

Многолетний труд со славою окончен Вами. В нем совершили Вы с почтенным сотрудником Вашим одно из обширнейших филологических предприятий нашего века. Обширности соответствует и важность труда: обогатив науку санскрита и древнеиндийской литературы сокровищницею высокообразованного языка, Вы вместе с тем создали новый, неисчерпаемый родник изучения всей многочисленной и благородной семьи арийских языков. Вы оказали филологии неоцененную услугу, и представители ее во всех странах мира всегда будут сознавать, как много они Вам обязаны^[1].

Отделение русского языка и словесности Академии наук, вполне ценя значение Вашего словаря и для славянского языкознания, вменяет себе в особенное удовольствие поздравить Вас с окончанием монументального труда и присоединяет к тому искреннее желание, чтобы по совершении его Вы могли с неистощенными и свежими силами долго еще посвящать добытое в нем богатство знаний и опытности новым, плодотворным трудам на пользу науки слова. Просим Вас передать наше поздравление и достойному сотруднику Вашему, профессору Роту^[2].

Подлинный подписали: И. И. Срезневский, А. В. Никитенко, Я. К. Грот, А. Ф. Бычков, М. И. Сухомлинов.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1875. Д. 160. Л. 37–37 об.

Приложение к ст. II протокола собрания ОРЯС 9 октября 1875 г. Копия. Типограф. печать с рукописными вставками. Указание фамилий академиков без их подписей.

Опубл.: Отделение русского языка и словесности. С. 357–358.

^[1] Адрес О. Н. Бётлингку стал знаком примирения отделения с великим санскритологом и завершением спора о языке издания подготовленного им санскритского словаря. Когда в 1852 г. ученый представил первый выпуск словаря, некоторые члены ОРЯС

настаивали на необходимости печатать его с переводом санскритских слов на русский, а не на немецкий язык, мотивируя это пожелание тем, что труды Академии наук издаются на русские деньги для русских ученых в первую очередь, а не для немцев. Члены Историко-филологического отделения, напротив, полагали, что в словаре без всякого ущерба для науки можно ограничиться одним немецким языком. Конец пререканиям положил президент С. С. Уваров, который потребовал приступить к печатанию словаря в том виде, в каком он был уже сделан, и выбрал академиков за разномыслие. См.: *Вигасин А. А. Дело о санскритском словаре // Вестник древней истории. 2003. № 2. С. 194–210.*

^[2] О. Н. Бётлингк ответил на поздравление ОРЯС комплиментом: «Меня очень обрадовало, что Отделение русского языка и словесности Академии наук упоминает о важности санскритского словаря для славянского языкознания. Я со своей стороны должен признать, что я с давних пор почитаю славянские языки одним из драгоценнейших камней в диадеме человечества, в языках арийских племен. Высокое значение славянских языков при сравнительном изучении языков упомянутой семьи признано ныне и в неславянском мире». См.: Отделение русского языка и словесности. С. 358.

Поздравительный адрес Королевской Прусской академии наук О. Н. Бётлингку по случаю завершения работы над санскритским словарем в его краткой редакции

Берлин, 3 февраля 1888 г.

*Dem Kaiserlich russischen Wirklichen Geheimen Rath
Hrn. Dr. O. von Böhtlingk Excellenz*

Hochverehrter Herr und Colleague!

Die Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften nimmt es als ihr Recht in Anspruch, unter Denen nicht zu fehlen, welche Ihnen zu Ihrem heutigen Ehrentage ihre Glückwünsche darbringen. Denn sie zählt Sie schon seit mehr als derissig Jahren zu ihren Mitgliedern, und hat durch Ertheilung der höchsten Ehren, über die sie zu verfügen hat, dafür Zeugniß gegeben, wie hohen Werth sie auf Ihre Mitgliedschaft legt.

Als Sie, ein Schüler Chr. Lassen's, in den Jahren 1839 und 1840 Ihre Ausgabe und Erklärung von Pāṇini's Grammatik veröffentlichten, während bald danach (1841) ihr Freund N. L. Westergaard seine *Radices linguae Sanscritae* publicirte, da hatte ein Jeder von Ihnen Beiden ein Werk geliefert, welches allein schon seinem Namen in der Geschichte der Sanskrit-Philologie unverwelkliche Lorbeeren sicherte. Westergaard wandte sich anderen Studien zu. Ihnen aber ist es beschieden gewesen, diesem Ihren Erstlingswerke noch eine reiche Fülle gleichartiger Arbeiten folgen zu lassen, welche nicht nur durch die Schwierigkeit ihrer Ausführung, sondern zum guten Theil auch durch die Grossartigkeit ihrer Anlage demselben würdig zur Seite traten.

In directem Anschluss an Ihr grosses Pāṇini-Werk standen zunächst Ihre beiden Schriften (1843) über die Declination im Sanskrit und über die Uṇādi-Affixe, sowie Ihr "Versuch" über den Accent im Sanskrit, der zuerst über dieses hochwichtige Thema Aufschluss brachte.

Mittlerweile war aber auch schon wieder ein anderes grosses Werk von Ihnen erschienen (1842), Ihre treffliche Ausgabe der *Çakuntalâ*, welche zum ersten Male diejenige Recension dieses Drama's an das Licht stellte, die seitdem Jahrzehnte lang als die beste und ursprünglichste gegolten hat, eine Stellung, die ihr erst in neuester Zeit streitig gemacht worden ist.

Ihre Sanskrit-Chrestomatie (1845, zweite Aufl[age] 1877), Ihre Herausgabe der Grammatik des Vopadeva (1847) und Ihre in Verbindung mit Charles Rieu publicirte Ausgabe von Hemacandra's Glossar legten für Ihre Meisterschaft auf dem Gebiete der Textkritik, der Grammatik, der Wortforschung weitere glänzende Zeugnisse ab.

Eine Weile schien es, als ob Ihre unermüdliche Thätigkeit sich anderen sprachlichen Forschungen, dem Studium der türkischen Sprachen, speciell dem Yakutischen (1851) sowie der russischen Grammatik zuwenden wollte.

Aber Sie kehrten doch bald wieder zu Ihrem geliebten Sanskrit zurück. Im Jahre 1853 begannen Sie, in Gemeinschaft mit Rudolf Roth, das grosse "Sanskrit-Wörterbuch", dessen sieben stattliche Bände nicht nur der Akribie, dem Scharfsinn und der Combinations-Gabe seiner beiden Herausgeber, sondern auch unserer Schwester-Akademie in St. Petersburg, unter deren Aegide dieser Thesaurus erschien und der zu Ehren er ja meist einfach nur als das "Pet. W." citirt zu werden pflegt, zu unvergänglichem Ruhme gereichen.

Und während Sie mit diesem 23 Jahre rastloser Arbeit in Anspruch nehmenden grossartigen Werke in einer für jeden Andern voll ausreichenden Weise beschäftigt waren, fanden Sie doch noch Zeit, nicht allein zu Ihrer dreibändigen Sammlung "Indischer Sprüche" (1863 fg. 1870 fg.), sondern auch zu Ihrer kritischen Durchmusterung (1875) des grössten Theiles der bis dahin erschienenen Sanskrit-Texte. Bei dem eigenthümlichen Charakter des Sanskrit, als einer auch Seitens der höheren Volksschichten im Wesentlichen nur durch Schul-Studium zu erlernenden, daher in ihrer Verwendung durch die einzelnen Autoren zu kritischen Ausstellungen vielfach Anlass gebenden Sprache (werden doch selbst dem Kālidāsa "zahllose" sprachliche Verstösse zur Last gelegt!), haben ja in der That auch sprachliche Fehler in jedem Texte ihre individuelle Begründung, und darf man nicht von jedem Autor eine durchaus correcte Ausdrucksweise verlangen. Aber in Ihrer Aufspürung von Fehlern, die rein auf die Incorrectheit der handschriftlichen Überlieferung zurückzuführen sind, haben Sie in diesen Ihren kritischen Untersuchungen einen Tact und eine Genialität des Conjecturen's bewährt, welche denselben die grösste Bewunderung der Fachgenossen eingetragen haben. — Auch Ihre Übersetzung des schwierigen Drama's Mricchakatikā (1877) gehört noch in diese Gruppe Ihrer Arbeiten.

Nach der Vollendung Ihres grossen Lebenswerkes gingen Sie muthig an die Ausarbeitung eines neuen Sanskrit-Wörterbuches "in kurzer Fassung", die nun auch, nach zehnjähriger Dauer, ihrem Abschluss entgegen sieht. Aber kaum hatten Sie diesen vor Augen, so wandten Sie Sich einer neuen gewaltigen Aufgabe zu, nahmen Ihre Jugendarbeit über Pāṇini wieder auf, und haben (1886–87) den staunenden Mitforschern eine neue Ausgabe desselben, mit Übersetzung, Erläuterung und dem mannigfachsten Beiwerk geliefert, welche alles bisher auf diesem Gebiete Geleistete zusammenzufassen und zu einem vorläufigen Abschluss zu bringen berstimmt ist.

So bringen wir Ihnen denn, hochverehrter Herr und Colleague, unsere wärmsten Glückwünsche dazu dar, dass es Ihnen vergönnt gewesen ist, ein ganzes volles Menschenleben hindurch ausschliesslich im Dienste der Wissenschaft wirken zu können. Und wir danken Ihnen dafür, dass Sie diese Ihre bevorzugte Stellung mit einer Pflichttreue und mit einem Eifer ausgefüllt haben, die über jedes Lob erhaben sind. Möge es Ihnen bestimmt sein, noch lange in gleicher Frische und Kraft zu leben und zu wirken, zum Segen der Wissenschaft, zum Ruhme des deutschen Namens!

Die Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften

Перевод

Действительному тайному советнику
Его превосходительству г-ну д-ру О. фон Бётлингу

Глубокоуважаемый господин и коллега!

Королевская Прусская академия наук считает себя вправе не отставать от тех, кто сегодня, в этот значимый для Вас день, шлет Вам свои поздравления. Ибо уже более тридцати лет она причисляет Вас к своим членам и, наградив Вас высшими почестями, каковые только имелись в ее распоряжении, демонстрирует, насколько высока ценность Вашего членства.

Когда Вы, будучи учеником Х. Лассена, в 1839 и 1840 гг. опубликовали свое толкование к грамматике Панини^[1], а вслед за тем (1841) Ваш друг Н. Л. Вестергор, напечатал свой *Radices linguae Sanscritae*, уже этих двух работ было бы достаточно, чтобы вписать Ваши имена в историю санскритской филологии и снискать неувядающие лавры славы. Позднее Вестергор обратился к другим исследованиям. Вам же суждено было продолжить ряд аналогичных работ, которые в большинстве своем по сложности исполнения и глубине замысла не уступали Вашему первому труду.

Непосредственно к Вашей фундаментальной работе над грамматикой Панини примыкают две работы (1843) о склонении в санскрите и об унади-аффиксах, а также Ваш «эксперимент» об ударении в санскрите, впервые проливший свет на эту чрезвычайно важную тему.

Тем временем увидело свет еще одно Ваше великое произведение (1842), замечательное издание «Шакунталы»^[2], где впервые была помещена рецензия на эту драму, которая с тех пор считалась опорной и лучшей на протяжении десятилетий, и лишь теперь появляются робкие попытки оспорить это первенство.

Ваша санскритская хрестоматия (1845, второе издание — 1877), публикация грамматики Вопадевы (1847)^[3] и словаря Хемачандры^[4], вышедшего в соавторстве с Шарлем Рье, являются блестящим свидетельством Вашего мастерства в областях анализа текста, грамматики и лексикологии.

В какой-то момент показалось, что в своей неутомимой языковедческой деятельности Вы перенаправили свое внимание на изучение тюркских языков, особенно якутского (1851)^[5], а также углубились в русскую грамматику.

Но вскоре вы вернулись к любимому санскриту. В 1853 г. вместе с Рудольфом Ротом Вы начали работу над санскритским словарем, семь величественных томов которого принесут бессмертную славу обоим его авторам не только благодаря их кропотливости, проницательности и дару комбинаторности, но и благодаря нашей сестре, Академии в Санкт-Петербурге, под эгидой которой был издан этот тезаурус и в честь которой его чаще всего называют просто “Pet. W.”.

Любой другой был бы совершенно поглощен такой масштабной работой, на которую у Вас ушло 23 года неустанного труда, однако Вы все же нашли время не только для своего трехтомного сборника «Индийских пословиц» (1863, 1870), но и для критического обзора (1875) большинства санскритских текстов, появившихся к тому моменту. Особый характер санскрита, системное изучение которого как языка доступно лишь высшим слоям общества в школе, зачастую дает повод к критике отдельных авторов (даже Калидасе вменяются в вину «бесчисленные» языковые противоречия!), тем не менее языковые ошибки в каждом тексте в большинстве своем имеют индивидуальное обоснование, и не стоит требовать от каждого автора вполне правильной манеры выражения. Однако даже при отыскании и пристальном рассмотрении ошибок, которые следует, безусловно, отнести на счет неточностей при

копировании рукописей, в своих критических исследованиях Вы продемонстрировали исключительное чувство такта и гениальной изобретательности, приведя в полный восторг своих коллег по цеху. К работам такого рода по праву стоит причислить также Ваш перевод сложной драмы «Мриччакатика» (1877)^[6].

По окончании величайшего труда всей своей жизни Вы героически перешли к написанию еще одного санскритского словаря «в краткой редакции», который теперь после десятилетней работы также близок к своему завершению^[7]. Но едва взглянув на результат, Вы вновь взяли за сложнейшую задачу, используя как основу свою раннюю работу о грамматике Панини и подготовив, к изумлению коллег, ее дополненное переиздание (1886–1887), на сей раз с переводом, пояснениями и рядом приложений, которые в совокупности своей должны были систематизировать и обобщить все накопленные в этой области достижения и тем самым подвести некий итог.

Сердечно поздравляем Вас, уважаемый господин и коллега, Вам заслуженно выпала честь в течение всей своей жизни плодотворно трудиться лишь во благо науки. Благодарим Вас, что положение свое Вы занимали с преданностью долгу и рвением, достойными всякой похвалы. Да будет Вам суждено жить и творить с той же энергией и бодростью духа еще долгие лета, во имя процветания науки и во славу немецкого имени!

Королевская Прусская академия наук.

Перевод М. Н. Додеус

^[1] Наиболее полный и точный анализ морфологического строя санскрита и детальное описание его звукового состава представлены в грамматике Панини «Восьмикнижие» (IV–V вв. до н. э.), которую Л. Блумфилд назвал «одним из величайших памятников человеческого разума». Грамматика Панини была рассчитана на устную передачу, потому что, по представлениям индийцев, истинное знание — устное, передаваемое от учителя к ученику. Лишь спустя несколько веков грамматика была записана. «Восьмикнижие» состоит из восьми глав, содержащих 3996 кратких правил, или сутр, которые включают несколько ритмично расположенных слогов. Без пояснений сутры непонятны, но легко заучиваются и запоминаются. Для краткости используются различные сокращения и мнемонические приемы. По этой причине грамматика Панини долгое время оставалась непонятной европейцам. О. Н. Бётлингк был первым, кто ее расшифровал и дважды переиздавал с переводом и комментариями:

Pāṇini's acht Bücher grammatischer Regeln von O. Böhtlingk. Bd. 1–2. Bonn, 1839–1840.

Pāṇini's Grammatik / Herausgegeben, übersetzt, erläutert und mit verschiedenen Indices versehen von O. Böhtlingk. Leipzig, 1887.

^[2] «Абхиджняна-Шакунтала» («Шакунтала, узнанная по кольцу») — драма древнеиндийского поэта Калидасы (IV–V вв.), в основе которой лежит эпизод национального индийского эпоса «Махабхараты». К рубежу XVIII–XIX вв. в Европе было известно несколько переводов этого признанного шедевра мировой литературы (У. Джонс, 1789; Г. Форстер, 1791; Н. М. Карамзин, 1792; А.-Л. Шези, 1830). Перевод У. Джонса пробудил большой интерес и мотивировал к переводам с английского на немецкий, русский и французский языки. У. Джонс взял за основу бенгальскую редакцию текста, в то время как О. Н. Бётлингк обратился к письму деванагари и был первым, кто осуществил перевод авторской редакции в обработке для сценической постановки.

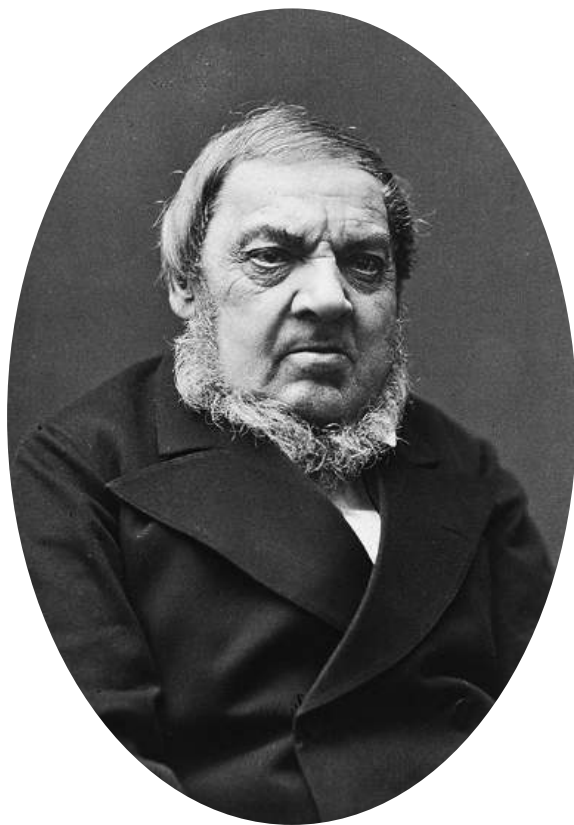
^[3] Грамматика индийского филолога и врача XIII в. Вопадевы «Мугдхабодха» («Провещение глухца») имеет самостоятельную и более простую в отличие от «Восьмикнижия» Панини структуру; была издана О. Н. Бётлингком в 1847 г.

^[4] Среди филологических трудов индийского философа и проповедника XII–XIII вв. Хемачандры О. Н. Бётлингк более других привлек словарь санскритских синонимов «Абхидханачинтамани»; впервые в Европе он был издан английским ориенталистом Г. Т. Кольбуком, затем в С.-Петербурге совместно О. Н. Бётлингком и Ш. Рье (1847).

^[5] Трехтомник О. Н. Бётлингка «О языке якутов» (1848–1851) стал первым научным описанием якутского языка, в том числе его алфавита и грамматики, на основании материалов, собранных в экспедиции А. Ф. Миддендорфом. При содействии А. Я. Уваровского, для которого якутский язык был родным, был создан первый литературный памятник якутского языка — «Ахтыылар» («Воспоминания»), переведенный О. Н. Бётлингком на немецкий язык. Его русский перевод появился лишь к концу XX в. Этот труд вошел в состав многотомного издания А. Ф. Миддендорфа «Путешествие на север и восток Сибири».

^[6] «Мриччхакатика» («Маленькая глиняная тележка») — драма из 10 актов, авторство которой приписывается древнеиндийскому драматургу Шудраке (ок. V в.). Первый перевод на английский язык появился в 1826 г. благодаря ориенталисту англичанину Г. Г. Вильсону. Перевод пьесы на немецкий язык О. Н. Бётлингк опубликовал в 1877 г. С работами своего коллеги, посвященными санскриту, в частности с его версией санскритско-английского словаря, он, без сомнения, также был хорошо знаком.

^[7] Sanskrit Wörterbuch in kürzerer Fassung / Bearbeitet von O. Böhlingk. Th. 1–7. St. Petersburg, 1879–1889.

Федор Федорович
БРАНДТ

Johann Friedrich Brandt
(1802–1879)

Зоолог и палеонтолог академик Федор Федорович (Иоганн Фридрих) Брандт был природным немцем: воспитанием, образованием и вступлением в науку всецело обязан родной Германии. Ему не исполнилось еще и тридцати лет, когда при поддержке А. фон Гумбольдта и К. М. Бэра 13 декабря 1830 г. он был избран в адъюнкты по зоологии Императорской Академии наук. К этому времени Ф. Ф. Брандт уже показал себя способным к врачебной практике, чтению университетских лекций, исследовательской работе и был полон планов и идей. В августе 1831 г. новоизбранный адъюнкт прибыл в Россию, сразу после приезда получил назначение на пост директора Зоологического музея Академии наук, и первое, чем занялся, это — продолжил «систематический пересмотр» зоологических собраний Кунсткамеры, начатый его предшественниками — Х. И. Пандером, К. М. Бэром, А. К. Мертенсом.

В 1832 г. Ф. Ф. Брандт стал экстраординарным академиком, на следующий, 1833 год — ординарным академиком по зоологии и с этих пор энергично включился в научную, экспедиционную, просветительскую деятельность Академии наук¹. В 1843 г. Ф. Ф. Брандт начал совмещать академическую службу с преподаванием в высших учебных заведениях: в 1843–1859 гг. в Главном педагогическом институте и в 1857–1869 гг. в Медико-хирургической академии.

Большая часть жизни Ф. Ф. Брандта и практически все его существование как ученого и педагога тесно связаны с Россией. Он сторицей отблагодарил свое новое отечество, создав при Академии наук музей с богатыми зоологическими коллекциями, специализированной библиотекой, налаженными связями с зарубежными собраниями.

На медали, отлитой в 1876 г. по случаю пятидесятилетия научной деятельности Ф. Ф. Брандта, была выбита символичная надпись: «Посвятив свою жизнь на изучение угасших организмов, он расширил кругозор живущих».

¹ Библиографию трудов Ф. Ф. Брандта см.: Viro illustrissimo Iohanni Friderico Brandt Imperialis Academiae Scientiarum Socio diem XII (XXIV) mensis Ianuarii a. MDCCCLXXVI, quo die ante hos quinquaginta annos medicinae et chirurgiae doctor ab Universitate Literaria Berolinensi renunciatus est, venerabunda gratulatur Imperialis Academiae Scientiarum Petropolitanae bibliotheca Iohannis Friderici Brandtii index operum omnium. Petropoli, 1876. IV, 52 p.

Из речи Ф. Ф. Брандта о строении зубов стеллеровой коровы (*Rhytina Stelleri*)

25 января 1832 г.

Unter den mannigfachen Thierformen, welche die unermesslichen Räume des unsere Erde umströmenden tropfbarflüssigen Elements bevölkern, haben die im Aeusern fischähnlich gebildeten grossen Säugethiere von jeher die Aufmerksamkeit der Naturforscher gefesselt, und man kann sagen um so mehr, als man mit ihren Eigenthümlichkeiten vertrauter zu werden begann, wobei man zugleich die Ueberseugung erhielt, wie viel noch ich diesem Felde der Wissenschaft zu thun sey. Die Grösse der meisten dieser fraglichen Thierformen, die Schwierigkeiten ihres Fanges und die Unbequemlichkeiten, welche die Jagd vieler erheischt, setzen leider den Fortschritten in ihrer Kenntniss eine Menge Hindernisse in den Weg.

Mit besonderem Interesse wurde in den neuern Zeiten unter andern die Naturgeschichte der von vegetabilischen Stoffen sich nährenden Seesitzthiere durch die Arbeiten Steller's, Daubenton's, Buffon's, Home's, Raffles's, Cuvier's, Diard's und Duvaucel's, Ehrenberg's u. a. gefördert. Und in der That gewinnt durch die mannigfaltigen Fabeln und Sagen von Sirenen un Meerjungfern, wozu sie durch ihre Haarlosigkeit und die auf der Brust befindlichen Brüste, wenn sie blos den vordern Theil des Körpers aus dem Wasser hervorstrecken, Anlass gaben, die Untersuchung ihrer Lebens- und Strukturverhältnisse noch mehr an Reiz.

Zur eben erwähnten Familie der pflanzenfressenden Fischsitzthiere gehört auch jene 8 000 Pfund an Gewicht erreichende, wunderbare Form (*Rhytina Stelleri*), welche sich in der Nähe der Küsten der zwischen Asien und Amerika liegenden Inselgruppen findet.

Dem trefflichen **Steller** verdankt die Wissenschaft bis jetzt die einzigen auf eigene Beobachtung gegründeten Nachrichten über dieselbe. Er war nämlich, der sie nach einem gefährlichen Schiffbruche, bei einem zehnmonatlichen, höchst beschwerlichen Aufenthalte auf der Behringsinsel vor 90 Jahren theils lebend, theils Todt beobachtete und sowohl den äussern, wie den innern Bau untersuchte. Seine damalige unglückliche Lage, die enorme Grösse der Thiere und die geringe Hülfe gestatteten ihm nicht, was er selbst so sehr bedauert (man sehe seine Klagen "Novis Commentariis Petropolitanae". T. II. P. 321), alle einzelne Details mit gleichem Eifer zu verfolgen; dessen ohngeachtet wird seine, übrigens auch noch durch die genaue Beschreibung einiger anderer Seethiere, classische Arbeit in den "Novis Commentariis", T. II. für immer zur Bewahrung seines Namens in der literarischen Welt beitragen.

Ein interessantes, sehr wichtiges Moment, worüber uns **Stellersche** Beschreibung der **Rytina** nicht für den neuern Standpunct der Wissenschaft, der mit Recht in allen Beziehungen genaue und detaillirte Angaben fordert, die gnügende Aufklärung giebt, ist unter andern auch der Zahnbau. <...>

Bei der so grossen Verschiedenheit der Meinungen der Schriftsteller war es mir um so angenehmer unter den mannigfachen, interessanten Schätzen des Akademischen Museums einen einzelnen Zahn der Steller'schen Seekuh zu finden.

Fig. 1. Der Zahn des Borkenthiers von der obern Seite gesehen, in natürlicher Grösse² *). Daran das stumpfere Ende und das spitzere B.

Fig. 2. Derselbe von der Unterseite gesehen mit dem stumpfen Ende A und dem spitzen B., ebenfalls in natürlicher Grösse.

Fig. 3. Derselbe von der Seite gesehen (profil) gleichfalls in natürlicher Grösse. Davon c der Saum, add der Seitenrand, und dd der vor dem spitzen Zahnende liegende als Leiste abgeschnürte Theil des Seitenrandes.

² Da der Zahn in den nöthigen drei Hauptansichten in natürlicher Grösse dargestellt ist, so kann die Angabe von Dimensionen wohl füglich wegfallen (*Примеч. документа*).

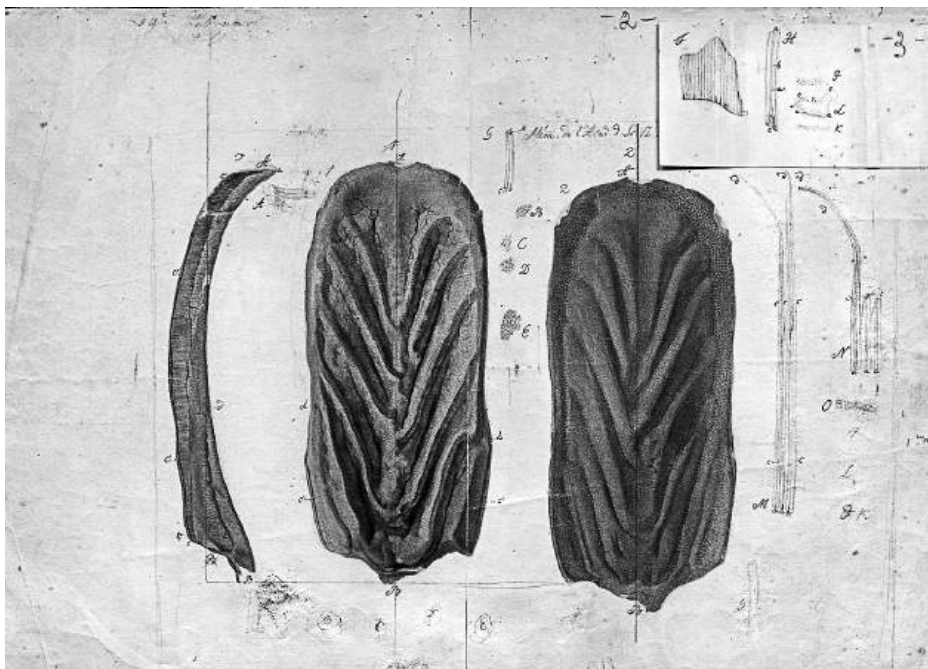

Fig. A. Ein Stückchen des Zahns vom stumpfen Ende, um die Sonderung der Cylinder, von denen sich einige getrennt und gespalten und dann nachher umgebogen haben, darzustellen.

Fig. B. C. D. Einzelne, etwas vergrößerte Stücke des Zahn's, die punctirte obere Fläche vorstellend, und von verschiedenen Stellen derselben genommen, vergrößert.

Fig. E. Ein einzelnes Stückchen des Zahns, die durchlöcherchte untere Fläche zeigend, vergrößert.

Fig. F. Ein vergrößerter Abschnitt des Zahns, theils um das Ansehn seiner Durchschnittsfläche, theils die verschiedene Länge der einzelnen Ihn zusammensetzenden Cylinder nachzuweisen.

Fig. G. Ein einzelner sehr vergrößerter Horncyllinder mit seiner obern a, und untern Oeffnung c.

Fig. H. Ein noch stärker vergrößerter und perpendicularär durchschnittener Horncyllinder. Daran aa die Innere, mit weisser Substanz erfüllte Röhre, b die gelblichen Wände, und c die trichterförmige nach unten liegende Höhle.

Оубл.: *Über den Zahnbau der Stellerschen Seekuh (Rhytina Stelleri) nebst Bemerkungen zur Charakteristik der in zwei Unterfamilien zu zerfallenden Familie der pflanzenfressenden Cetaceen; von J. F. Brandt // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersburg. Ser. 6. 1833. T. 2. P. 103–105, 107, 117.*

Перевод

Среди разнообразных форм животных, которые населяют неизмеримые пространства водной стихии, омывающей нашу Землю, внимание натуралистов с давних пор привлекают крупные млекопитающие, внешне похожие на рыб, и можно сказать, привлекают тем больше, чем больше они узнают особенности этих животных, при этом осозная, как много еще предстоит сделать в этой области науки. Размеры

большинства означенных форм животных, трудности их лова и неудобства, связанные с охотой на многих из них, к сожалению, немало мешают успеху их изучения.

В последнее время к естественной истории морских травоядных животных, среди других, с энтузиазмом обращались Стеллер, Добантон, Бюффон, Хоум, Раффлз, Кювье, Диард, Дювосель, Эренберг и др. Многочисленные легенды и поверья о сиренах и русалках еще больше подогревали интерес к тому, как живут и как устроены эти животные: безволосые, с молочными железами на груди, которые становились тем заметнее, когда они наполовину вылезали из воды.

Семейство упомянутых травоядных, обитающих среди рыб животных включает также тот удивительный вид (*Rhytina Stelleri*), который достигает веса 8000 фунтов и встречается возле островов, лежащих между Азией и Америкой.

Замечательному **Стеллеру** наука обязана единственной информацией о них, основанной на личных наблюдениях. Именно он 90 лет тому назад, после опасного кораблекрушения, во время десятимесячного, крайне тяжелого пребывания на острове Беринга наблюдал их частично живыми, частично мертвыми и изучил как внешнее, так и внутреннее их строение^[1]. Его печальное положение тогда, а также огромные размеры животных и отсутствие помощников не позволили ему, к его глубокому сожалению, исследовать все до мельчайших подробностей (см. его жалобы в “*Novi Commentarii Petropolitanae*”. Т. II, с. 321). Тем не менее его классическая работа, опубликованная в т. II “*Novi Commentarii*”, в которой также подробно описаны и другие морские животные, навсегда вписала его имя в науку^[2].

Однако современная наука требует от исследователя точных и полных сведений, Стеллер же в своем описании *Rhytina* так и не дал четкого ответа на интересный и очень важный вопрос о строении зубов этого животного^[3]. < ... >

Зная, сколь много мнений у самых разных авторов, мне было тем более приятно отыскать хотя бы один зуб стеллеровой коровы среди несметных, удивительных сокровищ Академического музея.

Рис. 1. Зуб стеллеровой коровы, вид сверху, в натуральную величину³. На нем тупой конец и более острый В.

Рис. 2. То же, вид снизу с тупым концом А и заостренным концом В, также в натуральную величину.

Рис. 3. То же, вид сбоку (профиль), также в натуральную величину. Из них с — край, *add* — боковой край, *dd* — отделенная часть бокового края, находящаяся перед заостренным концом зуба, вроде валика.

Рис. А. Кусочек зуба с тупого конца, чтобы показать обособление цилиндров, некоторые из которых отделились и раскололись, а потом согнулись.

Рис. В. С. D. Отдельные, несколько увеличенные куски зуба, представляющие собой проколотую верхнюю поверхность и взятые из ее разных частей, увеличенные.

Рис. Е. Один кусочек зуба, показывающий нижнюю поверхность с отверстиями, увеличен.

Рис. F. Увеличенный участок зуба, частично для демонстрации вида его поперечной поверхности, частично для демонстрации различной длины составляющих его цилиндров.

Рис. G. Один очень увеличенный роговой цилиндр с верхним отверстием *a* и нижним отверстием *c*.

³ Поскольку зуб представлен в натуральную величину в трех необходимых видах, указание размеров с полным правом можно опустить (*Примеч. документа*).

Рис. Н. Еще более увеличенный и перпендикулярно разрезанный роговой цилиндр. На нем *aa* — внутренняя трубка, заполненная белым веществом, *b* — желтоватые перегородки и *c* — воронкообразная полость, расположенная внизу.

Перевод О. А. Кириковой

^[1] Адьюнкт натуральной истории Г. В. Стеллер в 1737–1746 гг. участвовал в Камчатской экспедиции. В рамках этого путешествия в 1741 г. на пакетботе «Святой Петр» он совершил плавание от Камчатки до Аляски. Насколько богатой в плане научных открытий была эта поездка, настолько разрушительной она оказалась по людским потерям: во время вынужденной зимовки 1741–1742 гг. на необитаемом острове погибла почти половина команды, в том числе В. Беринг. Сам Г. В. Стеллер, который изначально пустился в это опасное предприятие, «чтобы узнать природу», до конца был верен своей цели и в любых бытовых условиях не забывал о пополнении научных знаний. Подробнее см.: Георг Вильгельм Стеллер // Петр Великий и основание Петербургской академии наук: Документы и материалы : в 2 ч. Ч. 2 / авт.-сост. Е. Ю. Басаргина, О. А. Кирикова. СПб., 2022. С. 62–74.

^[2] De bestiis marinis. Auctore Georg. Wilhelm. Stellero // Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. II. ad annum 1749. Petropoli, 1760. P. 289–398.

^[3] Г. В. Стеллер установил, что обнаруженные им морские коровы имеют не зубы, а «две цельные роговые пластины, из которых одна прикреплена к небу, а другая — к нижней челюсти и ей соответствует». Эти пластины, покрытые бороздами и выпуклыми мозолями, служили им для перетирания их излюбленной пищи — водорослей. См.: De bestiis marinis. P. 302.

Письма Ф. Ф. Брандта к неперемому секретарю П. Н. Фусу относительно зоологических коллекций

24 сентября 1837 г.

Der bereits besprochene Schiffer [Gregorius] hat außer Vögeln auch Mexicanische Amphibien und Insecten in Weingeist am Bord seines in Cronstadt liegenden Schiffes, die ich gern [für] uns acquiriren möchte. Der Zoll in Cronstadt will sie aber ohne große Kosten nicht freigeben.

Wollen Sie daher nicht gütigst **so bald** als **möglich** an das hiesige Oberzollamt schreiben lassen⁴, daß die auf dem Schiffe die **Braut** geführte von [Gregorius], befindlichen 6 Gläser mit Naturalien an unsere Akademie als ihr zugehörig ausklarierten werden möchten. Gleichzeitig erlaube ich mir zur gefälligen Spedition einen Briefe an Schintz in Zürich und einen anderen für Bruch in Mainz bestimmten zu senden.

Wie immer Ihr ergebener
F. Brandt.

Помета: Herrn Akademiker Staatsrath v. Fuss, hier⁵.

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 35. Л. 15–16. Автограф Ф. Ф. Брандта. Нем. яз.⁶

Перевод

У известного Вам капитана Грегориуса, чье судно стоит сейчас на Кронштадтском рейде, имеются не только птицы, но и мексиканские земноводные и насекомые,

⁴ Слово написано над строкой, место вставки в основной текст показано специальным значком.

⁵ Здесь и далее письма Ф. Ф. Брандта были согнуты в конверт, адресат всякий раз указан на последней странице.

⁶ Эти письма Ф. Ф. Брандта из одного архивного дела, все написаны им по-немецки, поэтому далее указываются только номера листов.

которых мне бы очень хотелось для нас приобрести^[1]. Но таможня в Кронштадте требует за разрешение большую сумму.

В связи с этим прошу Вас **как можно скорее** написать в здешнюю Главную таможенную, чтобы они декларировали находящиеся на судне *Braut*, которым управляет Грегориус, 6 стеклянных банок с натуралиями, как предназначенные для нашей Академии. Вместе с тем, пользуясь удобным случаем, осмеливаюсь присовокупить для отправки еще одно письмо в Цюрих Шинцу, а другое в Майнц Бруху.

Остаюсь неизменно преданный Вам,
Ф. Брандт.

Помета: Г-ну статскому советнику академику фон Фусу. Здесь.

Перевод О. А. Кириковой⁷

^[1] В 1830-х гг. Ф. Ф. Брандт располагал скромными средствами на содержание Зоологического музея, и все же он не скупился, если имелась возможность приобрести какие-то редкие экземпляры. Тем более что без покупок новых предметов нельзя было пополнять музейные запасы, которые потом можно было бы использовать как обменный резерв. Как следует из этого письма, Ф. Ф. Брандта заинтересовали образцы мексиканской фауны.

О комплектовании коллекций музея см.: *Брандт Ф. Ф.* Зоологический и зоотомический музей // Очерк истории музеев Императорской Академии наук. СПб., 1865. С. 1–35 (То же // Зап. ИАН. 1865. Т. 7, № 1. С. 1–35); *Штраух А. А.* Зоологический музей Императорской Академии наук. Пятидесятилетие его существования. Обзор основания, постепенного расширения и современного состояния музея. Читано 23 ноября 1882 г. СПб., 1889 (Приложение к LXI тому Записок Императорской Академии наук ; № 3). С. 59–60.

3 ноября 1845 г.

Geehrtester Herr College!

Awerow ist gestern bei mir gewesen und hat mir den Rapport über seine Sammlung wieder zurückgebracht und mich ersucht denselben Ihnen zuzuschicken, damit Sie die Güte haben könnten ihn an Sr. Excellenz den Herrn Minister als offizielles Papier gelangen zu lassen.

Es wäre überflüssig Ihnen nochmals zu wiederholen, welchen großen Werth ich auf die Acquisition der Hn. Awerow gehörigen Naturalien lege da ich Ihren mündlichen Äußerungen zu folgen Ihres wärmsten Interesses versichert sein und die sichern Hoffnung hegen darf, daß Sie sich mit der lebhaftesten Theilnahme ebenfalls bei den Herrn Minister verwenden werde.

Wie immer hochachtungsvoll Ihr freundlich ergebenster
F. Brandt.

Пометы: Ch. № 332; 3 Nov.; Фусу⁸.

Л. 23–23 об.

Перевод
Дорогой коллега!

Вчера ко мне приходил Аверов и вновь принес мне рапорт о своей коллекции^[1] с тем, чтобы я направил его как официальный документ Его превосходительству г-ну министру^[2].

Будет излишним еще раз говорить Вам, какое большое значение я придаю покупке принадлежащих г-ну Аверову натуралий, поскольку из Ваших слов я уверился в Вашей

⁷ Далее перевод писем Ф. Ф. Брандта к П. Н. Фусу также выполнен О. А. Кириковой.

⁸ Пометы написаны в правой верхней части первого листа. Фамилия адресата — графитовым карандашом напротив обращения.

горячей заинтересованности и могу смело надеяться, что Вы также примите живое участие в ходатайстве к г-ну министру.

Неизменно с глубоким уважением дружески расположенный к Вам,
Ф. Брандт.

Пометы: Ch. № 332; 3 ноября; Фусу.

^[1] Купцы — отец и сын Анастас и Афанасий Аверовы — являлись заядлыми коллекционерами. Главным их увлечением были египетские древности, которые они не только продавали, но безвозмездно дарили государству. Самым известным даром Аверова-старшего является хранящаяся сейчас в Эрмитаже мумия жреца Па-Ди-Испа, которую он вместе с другими мумиями и саркофагами в 1827 г. передал в Египетский музей Академии наук. В 1846 г. Зоологический музей получил в дар от купца Аверова «богатую коллекцию различных египетских животных». Возможно, Ф. Ф. Брандту удалось убедить купца-филантропа пожертвовать музею если не все, то часть экземпляров, которые вначале предназначались для продажи. См.: *Штраух А. А.* Зоологический музей. С. 82.

^[2] Речь о тогдашнем министре народного просвещения графе С. С. Уварове (министр в 1833–1849 гг.).

20 сентября 1852 г.

Geehrtester Herr College!

Von einem Tage zum andern habe ich Baer erwartet um mit ihm über mehrere ältere zum großen Theil längst gewünschte und vielfach entbehrte Werke aus dem Gebiete der Zoologie, die in einer Auction in Leipzig versteigert werden sollen zu conferiren. Die Zeit drängt aber so, daß ich nicht länger warten kann, sondern die Sache auf meine Verantwortlichkeit nehmen muß. Namentlich liegt mir dringend an mehrere Werken, die sie für meine Arbeiten unumgänglich nöthig sind.

Erlauben Sie mir daher, daß ich Sie von meinem Schritt in Kenntniß setze und zugleich bitte für Voss unter meinem Bericht einige Worte von Ihrer Hand zu setzen, wenn solches nöthig sein sollte. Die Werke werden freilich über 100 [R.] kommen. Es sind indessen in diesem Jahre nur wenige Zoologica und gar keine Prachtwerke bestellt worden.

Hochachtungsvoll Ihr ganzergebenster
F. Brandt.

Den Brief an Voss haben Sie wohl die Güte noch heute abgehen zu lassen, damit er zu rechter Zeit kommt.

Л. 30–30 об.

Перевод
Дорогой коллега!

Несколько дней я прождал Бэра, чтобы обсудить с ним многие по большей части давно желаемые и не раз потребные вещи из области зоологии, которые должны продаваться на аукционе в Лейпциге. Однако у меня больше нет времени ждать, и я вынужден взять на себя всю ответственность в этом вопросе. Главным образом в отношении тех предметов, без которых не могу обходиться в своей работе.

В связи с этим спешу уведомить Вас об этом моем шаге и прошу также, согласно моему докладу, в случае необходимости черкнуть несколько слов для Фосса^[1]. Предметы выйдут, разумеется, дороже 100 рублей. Между тем в этом году было заказано совсем немного зоологии и ни одной вещи.

С глубоким уважением преданный Вам,
Ф. Брандт.

Сделайте милость, отправьте, пожалуйста, письмо Фоссу сегодня же, чтобы оно пришло вовремя.

^[1] Леопольд Фосс был посредником в торговых сделках Академии наук на территории Германии в 1850–60-х гг.

**Письмо Ф. Ф. Брандта к [непременному секретарю А. Ф. Миддендорфу]
о путешествии по Европе, осмотре зоологических собраний
и о продлении отпуска**

Берлин, 6 октября 1856 г.

Hochgeehrtester Herr College!

In meinem letzten Briefe war ich so frei einige Mittheilungen über meine Reisen in Mitteldeutschland [ferner nach]⁹ Paris sowie nach London zu machen. Die gegenwärtigen haben zum Zweck Sie ergebenst zu ersuchen der Akademie gütigst anzeigen zu wollen, dass ich den zoologischen Anstalten Leydens, Amsterdams, Antwerpens und Brüssels ebenfalls die gebührende Rücksicht geschenkt habe. Da es für jeden wahren Naturforscher von Wichtigkeit sein muss auch von den physischen, namentlich tellurischen Verhältnissen der Erdoberfläche eine durch Selbstbeobachtung unterstützte und vervollständigte Kenntniss zu besitzen, so bereiste ich nach dem Besuche Hollands die Rheingegenden bis Basel, durchzog von Luzern aus einen Theil der Schweiz bis zur Gotthardsstrasse, gelangte mittelst derselben nach Oberitalien und schiffte mich von Venedig aus nach Triest ein. Von letzterem Orte aus kam ich am Vorabend der Versammlung der Deutschen Naturforscher in Wien an, wo ich um mit den Vorstehern der dortigen so bedeutenden Sammlungen noch näher zu verkehren und einige für meine ichthyologischen Arbeiten wichtige Notizen zu sammeln noch mehr Tage nach dem Schlusse der genannten Versammlung verweilte. Von Wien aus ging die Reise über Linz und Salzburg nach München, wo ich mich, um mehrere Gelehrte und die dortigen Sammlungen kennen zu lernen, zwei Tage aufhielt. Aus München reiste ich nach Berlin und langte so ermattet an, dass ich in Folge davon erkrankte und mich daher¹⁰ ausser Stande sehe die Zeit meiner Rückkehr ganz streng einzuhalten. Ich hoffe indessen in wenigen Tagen wieder so weit hergestellt zu sein um am 6 sten September [a. St.]¹¹ mich in Stettin einschiffen zu können.

Ich ersuche Sie daher Hochgeehrtester Herr College den Herrn Minister und Präsidenten, sowie die Akademie um desfallige Nachricht und sehr kurze (etwa 10–12-tägige) Verlängerung meines Urlaubes gehorsamst zu bitten. Es geschieht dies ja zum ersten Male während **meines 26-jährigen** Dienstes.

Mit dem freundlichen Gesuch mich dem Herrn Minister, dem Herrn Präsidenten, sowie allen Kollegen angelegentlich empfehlen zu wollen wie immer mit der ausgezeichnetesten Hochachtung.

Ihr ganz ergebenster
F. Brandt.

Пометы: № 833; Получ[ено] 3 октября¹².

*СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 35. Л. 43–43 об.
Автограф Ф. Ф. Брандта. Нем. яз. Пометы.*

---

⁹ Взятый в квадратные скобки фрагмент написан над строкой.

¹⁰ Слово написано над строкой, место вставки в основной текст показано.

¹¹ Взятый в квадратные скобки фрагмент написан над строкой.

¹² Первая помета написана в левом верхнем углу, вторая — в правом; под ней неразборчиво: [I Cl]. Дата получения, очевидно, указана по старому стилю, в то время как само письмо датировано по-новому.

Перевод
Дорогой коллега!

В своем последнем письме я осмелился сообщить Вам немного о путешествии в среднюю часть Германии (Тюрингию и Верхнюю Саксонию), а кроме того, еще в Париж и в Лондон. Теперь же покорнейше прошу Вас уведомить Академию, что я уделил должное внимание также зоологическим учреждениям Лейдена, Амстердама, Антверпена и Брюсселя. Поскольку для каждого истинного естествоиспытателя важно благодаря собственным наблюдениям составить себе верные и полные представления о физических, а именно о теллурических, условиях Земли, то, побывав в Голландии, объехал я еще и рейнские области до Базеля, проехал от Люцерна из одной части Швейцарии прямо до Готтхардтштрассе^[1], добрался точно так же до Северной Италии и из Венеции отправился в Триест. Из последнего пункта накануне съезда немецких естествоиспытателей прибыл я в Вену^[2] и после закрытия названного съезда провел там еще несколько дней, чтобы сойтись поближе с управляющими местных известных собраний и сделать важные заметки для своего труда по ихтиологии. Из Вены через Линц и Зальцбург я поехал в Мюнхен, где задержался еще на два дня, чтобы свести больше знакомств с учеными и осмотреть местные коллекции. Из Мюнхена я отправился в Берлин и прибыл туда таким уставшим, что расхворался и от этого не в состоянии теперь вернуться домой точно в срок. И все же я надеюсь скоро выздороветь, чтобы 6 сентября (ст. ст.) сесть на корабль в Штеттине.

В связи с этим прошу Вас, высокоуважаемый коллега, исходатайствовать у гг. министра и президента^[3], а равно и у Академии, в связи с означенным рассказом о совсем небольшом (дней 10–12) продлении моего отпуска. Тем более сие произошло со мной впервые за всю мою 26-летнюю службу.

За сим дружеским ходатайством прошу кланяться г-ну министру, г-ну президенту, а также всем коллегам, остаюсь неизменно с глубочайшим уважением Ваш покорный слуга,
Ф. Брандт.

Перевод О. А. Кириковой

[1] Готтхардтштрассе — улица в Эрфурте.

[2] В 1856 г. в Вене состоялся XXXII съезд немецких естествоиспытателей и врачей, на котором обсуждались не только практические научные вопросы (например, применение недавнего изобретения — прибора «миограф» для лечения мышечных заболеваний), но и политические (в частности, государственная поддержка научных проектов). Врач и натуралист, Ф. Ф. Брандт был членом нескольких немецких обществ естествоиспытателей, например Гамбурга и Галле (с 1838 г.), а также с 1839 г. состоял корреспондентом Венского общества врачей. Подробный список см. далее.

[3] Министром народного просвещения в это время был А. С. Норов (министр в 1853–1858 гг.), президентом Академии наук — граф Д. Н. Блудов (президент в 1855–1864 гг.).

**Записка Ф. Ф. Брандта в Физико-математическое отделение
о нуждах Зоологического музея**

15 мая 1857 г.

В Физико-математическое отделение Императорской Академии наук.

В одном из последних заседаний Физико-математического отделения я имел честь представить отношение касательно будущего учреждения Зоологического музеума, нужным нахожу и еще раз повторить нижеследующие пункты.

Зоологический музей как первое заведение своего рода в России содержит собрание материалов для ученых зоологических исследований. Результаты этих

исследований должны быть тем полнее и важнее для науки, чем больше имеется число различных предметов. Для сего число предметов необходимо всегда увеличивать согласно с успехами естественных наук, коллекции коих в Музеуме Академии по средствам ежегодно умножаются.

Уже в нынешнем состоянии Зоологический музеум Академии доставляет многочисленную пользу и для академических, и для частных трудов, в особенности путешественикам. В Музеуме ежедневно бывают посетители, пользующиеся изучением предметов.

Зоологический музеум посещается ежегодно учебными заведениями. Должно даже упомянуть, что Зоологический музеум Академии наук обратил на себя Высочайшее внимание, ибо Его императорским величеством приказано всем военно-учебным заведениям ежегодно посещать Музеум, о чем и доводится до сведения государя императора. Далее, зоологическое собрание не только обозревается в летнее время публикой столицы, но доступно каждому любознательному провинциалу и чужеземному путешественнику во всякое время года.

Зоологическая библиотека открыта не только для академиков, но ею пользуются многие и посторонние лица.

Все эти разнообразные употребления пользе требуют беспрестанно многообразных отвлеченных занятий от служащих при Музеуме. А между тем число предметов и занятий каждогодно увеличивается.

Энтомологическая коллекция, содержащая более 35 000 видов, требует непременно для составления ученых и для бесчисленных нежных механических трудов — особого консерватора с помощником.

Другой консерватор необходим для наблюдения порядка лаборатории, для содержания порядка в Музеуме, для консервации многочисленных предметов, не относящихся к энтомологической части, например вещей, которые получают и отсылаются, для разной переписки и пр. и пр.

Следовательно, для зоотомического собрания и потом для распределения и ученого обрабатывания классов млекопитающих, птиц, гадов, рыб, раков, иглокожих и полипов, согласно с нынешним проектом штата, назначается не один консерватор или помощник.

Поэтому весьма нужным считаю еще раз обратить внимание Физико-математического отделения на этот важнейший недостаток.

Акад. Ф. Брандт.

Помета: Общ[ее] собр[ание]¹³.

*СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1856. Д. 13. Л. 170–171. Подлинник.
Рукой писца. Подпись-автограф Ф. Ф. Брандта.*

Из статьи «Директор Зоологического музея Императорской С.-Петербургской академии наук, Ф. Ф. Брандт, по случаю 50-летнего его юбилея»

Не ранее 12 января 1876 г.¹⁴

12 января настоящего года исполнилось 50 лет со времени получения академиком Ф. Ф. Брандтом степени доктора медицины от Берлинского университета. <... >

[В этот день], в полдень в квартиру Федора Федоровича явились многочисленные друзья и поклонники его, чтобы приветствовать уважаемого юбиляра в этот многознаменательный для него день; в числе посетителей находились: президент Академии

¹³ Карандашная помета в левом верхнем углу первого листа документа.

¹⁴ Датировано по содержанию.

наук граф Ф. П. Литке, статс-секретарь И. Д. Делянов, товарищ министра народного просвещения князь П. А. Ширинский-Шихматов и многие из представителей нашего ученого и учебного мира. Когда юбиляр вышел к гостям, князь Ширинский-Шихматов приветствовал его от своего имени и от имени г-на министра народного просвещения, не могшего по нездоровью лично поздравить Брандта. Затем граф Ф. П. Литке вручил ему знаки Высочайше пожалованного ему ордена Белого Орла, а вице-президент Академии В. Я. Буняковский прочел письмо г-на министра государственных имуществ об увеличении размера получаемой г-ном Брандтом аренды. После того юбиляру были переданы знаки пожалованного ему императором германским прусского ордена Красного Орла 2 степени со звездой и письмо германского посла князя Рейсса, который кроме извещения об этой милости своего государя поздравил г-на Брандта с днем его юбилея, как лично от себя, так и от имени германского государственного канцлера. По поднесении юбиляру выбитой в его честь медали и раздаче ее серебряных экземпляров его детям^[1] выступили вперед представители всех трех отделений Академии наук, и академик А. К. Наук прочел латинский адрес за подписью всех членов академической конференции, а академик М. И. Сухомлинов произнес от лица Отделения русского языка и словесности приличную случаю приветственную речь, составленную академиком Я. К. Гротом.

Затем юбиляру представлялись депутаты от других ученых корпораций. Список их лучше всего показывает значение заслуг, оказанных Брандтом на поприще науки в течение своего пятидесятилетнего ей служения. Так, между прочим, в числе ученых обществ и учреждений, приветствовавших юбиляра, находились: Берлинская академия наук, приславшая г-ну Брандту возобновленный диплом на степень доктора; Венская, Мюнхенская и Туринская академии наук; университеты: Московский, Дерптский, Петербургский, Харьковский, Казанский, Пизанский, Грейсвальденский и некоторые другие (из них Московский университет избрал юбиляра в свои почетные члены, а Дерптский признал его почетным доктором); Императорская медико-хирургическая академия; Горный институт; Московское общество испытателей природы (избравшее г-на Брандта в почетные члены); Императорское вольное экономическое общество; Императорское минералогическое общество; Российское общество садоводства; императорский ботанический сад (избравший юбиляра в почетные члены); Финское общество наук в Гельсингфорсе; Дрезденское географическое общество; Нассауское общество естествоиспытателей; Верхне-Гессенское общество естественных наук; Гуфеландовское медицинское общество в Берлине; общество [естествоиспытателей] «Изис» в Дрездене; Русское энтомологическое общество; Энтомологическое общество во Флоренции; Общество врачей в Вене; Общество немецких врачей в Петербурге; Общество немецких аптекарей в Аугсбурге; Родильный институт в Виттенберге; Рижский политехнический институт; Общество естествоиспытателей в Эмдене; Силезское общество отечественного просвещения; Зоологический институт при Лейпцигском университете; город Виттенберг, где г-н Брандт воспитывался в гимназии^[2].

Кроме того, юбиляр получил множество поздравлений, имевших частный характер.

*Опубл.: Всемирная иллюстрация. 1876. Т. XV, № 370;
СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 35. Л. 83 (вырезка из журнала).*

^[1] У академика Брандта было пятеро детей, к 1876 г. все уже взрослые: дочери Анна Вильгельмина (1835 г. р.) и Мария Амалия (?), сыновья Александр Юлиус (1844 г. р.), Альфред (1851 г. р.) и Роман (1853 г. р.). Старший сын — Александр Федорович (1844–1932) пошел по стопам отца: стал зоологом, преподавал в Харьковском университете; младший — Роман Федорович (1853–1920), славист и профессор Московского университета, был членом-корреспондентом Академии наук по ОРЯС с 7 декабря 1902 г.

[2] Ф. Ф. Брандт был членом многих научных обществ и организаций, в частности: Императорского Московского общества испытателей природы (1831), Силезского общества отечественной культуры в Бреслау (1833), Прусского общества врачей в Берлине (1833), Вольного экономического общества (1834), Мекленбургского общества естествоиспытателей природы (1835), Санкт-Петербургского фармацевтического общества (1836), обществ естествоиспытателей в Гамбурге, в Галле (1838), Королевской академии наук в Берлине (1839), Венского общества врачей (1839), Академии наук в Турине (1840), Данцигского общества естествоиспытателей природы (1840), Общества немецких естествоиспытателей и врачей в Гейдельберге (1844), Академии естествоиспытателей «Леопольдина» (1863), Академии наук Института Франции в Париже (1870), Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей природы (1870). См.: СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 27 (личное дело); Оп. 5. Д. 8. Л. 210–211; Д. 13. Л. 130 об. — 131; Д. 38. Л. 169–187 (формулярные списки); *Ds Fünfzigjährige Doctorjubiläum des Akademikers Geheimratz Johann Friedrich Brandt am 12. (24.) Januar 1876.* SPb., 1877. S. 99–103.

Некролог «Академик Федор Федорович Брандт»

После 3 июля 1879 г.¹⁵

Во вторник, 3 июля в Меррекуле скончался известный естествоиспытатель и академик **Федор Федорович Брандт**. Ф. Ф. Брандт родился в Ютеборге и первоначальное воспитание получил в гимназии родного города, затем поступил на медицинский факультет Берлинского университета. Изучая медицину, молодой студент находил время посещать лекции зоолога и ботаника Гейне. Интересуясь преимущественно естественными науками и руководствуясь убеждением, что природы нельзя изучать, сидя постоянно в кабинете, он предпринимал также естественно-исторические экскурсии не только в окрестности Берлина, но и в отдаленные местности. Сюда относится его экскурсия на Гарц и Исполинские горы, представившие при тогдашних неустроенных сообщениях довольно значительные препятствия.

Любимым предметом занятий Федора Федоровича в течение его студенчества была ботаника, и плодом этих занятий в 1824 г. появилась в свет его “*Flora*” — карманная книга, предназначенная главным образом для путешествий^[1]. Однако, несмотря на преимущественное занятие ботаникой, Брандт не пренебрегал и занятиями зоологией, к чему поощряли его лекции Лихтенштейна и частные его демонстрации в музее. Вместе с тем Брандт успевал и в практических занятиях по анатомии человека у проф. Рудольфа; он сделался даже частным помощником этого профессора, изготовляя в течение нескольких лет препараты для его лекций и для анатомического музея. Эти занятия зоологией и анатомией обусловили характер его докторской диссертации, посвященной сравнительно-анатомическим исследованиям^[2].

Публичная защита диссертации состоялась 24 января 1826 года. Окончив вслед за диспутом так называемые государственные экзамены, молодой доктор пошел в ассистенты к знаменитому врачу Берлина, старику Гейму. Через 9 месяцев он променял медицинскую практику на скромное место помощника при анатомическом музее Университета. Призвание к естествоведению до того заглушило в нем все материальные расчеты, что он охотно подчинился необходимости поддерживать свое существование учено-литературным трудом.

С 1828 г. начинается преподавательская деятельность Брандта, так как в этом году он поступил в приват-доценты при Берлинском университете. Лекции его

¹⁵ Датировано по дате смерти Ф. Ф. Брандта.

имели своим предметом: медицинскую ботанику, растительную фармакогнозию и фармакологию. С этого же времени деятельность Федора Федоровича, достигшего вскоре и титула экстраординарного профессора, так быстро расширилась, что в 1830 г. наша Академия наук по рекомендации А. Гумбольдта и проф. Рудольфа обратила внимание на талантливого труженика и избрала его в свои адъюнкты по предмету зоологии; а уже в следующем году он покинул Берлин и окончательно переселился в Петербург. С тех пор его ученая и преподавательская деятельность принадлежала всецело нашему Отечеству. Год спустя по поступлении в Академию Брандт был произведен в экстраординарные, а еще спустя, т. е. в 1833 году, и в ординарные академики.

Но кроме обязанностей по Академии Федор Федорович простирает свою деятельность и на учебное поприще. Так, еще в тридцатых годах он состоял инспектором петербургских училищ и также инспектором Мариинского института, преобразованного его стараниями и переведенного при нем в ныне занимаемое им здание. Позднее он состоял профессором в Педагогическом институте вплоть до упразднения этого последнего^[3]. Затем он продолжал профессорскую деятельность при Императорской медико-хирургической академии, где наследовал после своего знаменитого друга и собрата К. М. Бэра кафедру зоологии и сравнительной анатомии^[4]. Кафедру эту он оставил в 1869 году со званием заслуженного профессора, обращая после этого уже все свое неутомимое прилежание на ученые исследования и на попечение о Зоологическом музее Академии. Образ деятельности Брандта по Академии можно подразделить на две категории: на исследования ученые и на попечение о Зоологическом музее. Число ученых статей и сочинений, обнаруженных Брандтом, превышает 300. Таким образом, Федор Федорович является одним из самых плодовитых русских естествоиспытателей как нынешнего, так и прошлого столетия. Заслуги же его по отношению к основанному им Зоологическому музею неocenены.

Известно, что в России первое начало публичным коллекциям положено было Петром I, создавшим «кунсткамеру», которая в царствование Екатерины II достигла наибольшего своего процветания. В это время, благодаря трудам некоторых знаменитых русских путешественников, в особенности Палласа, «кунсткамера» обладала и весьма богатым по тогдашним понятиям зоологическим отделом. Однако, когда этих ученых не стало, этот отдел пришел в крайний упадок. В течение полувека он не только не обогащался новыми приобретениями, но и то, что уже было в нем собрано, подверглось сильной порче от моли, сырости, света и, вообще, небрежного обращения.

При поступлении в Академию Брандт почти немедленно приступил к основанию Зоологического музея, который настоящим своим положением обязан исключительно и всецело Федору Федоровичу. При музее Брандтом основана и специальная зоологическая библиотека, составляющая научное подспорье для лиц, занимающихся зоологией. В 1881 году исполнится 50 лет со времени основания музея, но, к несчастью, Брандт, дожив в 1876 году до своего 50-летнего докторского юбилея, не дожид до юбилея своего любимого создания.

Ввиду больших заслуг в области науки покойного Федора Федоровича Брандта Академия наук почтила его деятельность учреждением премии его имени^[5]. Говорят, что друзья и знакомые покойного озабочиваются разрешением подписки на постановку нашему славному ученому памятника от имени его почитателей и на издание полного собрания его сочинений, которое особенно желательно, потому что труды его рассеяны в различных повременных изданиях и сборниках, и притом многие из

них стали библиографической редкостью, так что приобрести их нет возможности. Говорят, будет поставлен бюст Брандта в Зоологическом музее^[6], и будет основана премия или стипендия имени его при Медико-хирургической академии, где покойный преподавал многие годы.

Опубл.: *Нива*. 1879. № 31;
СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 35. Л. 85 (вырезка из журнала).

^[1] Имеется в виду студенческая работа Ф. Ф. Брандта “*Flora Berolinensis*” (1824).

^[2] 12 (24) января 1826 г. Ф. Ф. Брандт защитил докторскую диссертацию: “*Observationes anatomicae de mammalium quorundam vocis instrumento*” («О голосовом органе млекопитающих»). См.: *Штраух* А. А. Зоологический музей. С. 7.

^[3] 4 июня 1843 г. приказом министра народного просвещения Ф. Ф. Брандт был утвержден преподавателем зоологии в Главном педагогическом институте, в 1857–1869 гг. служил там профессором. См.: СПбФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 60. Л. 70–71.

^[4] 27 ноября 1846 г. президент Военно-медицинской академии И. Б. Шлегель предложил Ф. Ф. Брандту «занять кафедру сравнительной анатомии и физиологии и заведовать в качестве инспектора Физиологическим институтом на тех правах, какие предоставлены были академику Бэру». См.: СПбФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 60. Л. 73–73 об.

^[5] Правила премии имени Ф. Ф. Брандта были утверждены Общим собранием Академии наук 2 марта 1896 г. Премияльный фонд образовался из процентов с капитала, собранного в качестве добровольных пожертвований по случаю 50-летия научной деятельности академика. Присуждалась премия Ф. Ф. Брандта раз в три года за исследования в области зоологии, зоогеографии, сравнительной анатомии и палеонтологии животных. Ее номинантами могли быть как российские подданные, так и иностранные, но с условием, что на момент присуждения премии они уже не менее трех лет состояли на русской службе либо не менее десяти лет прожили в России. При этом действительные члены Академии наук не имели право на эту награду. Конкурсная комиссия образовывалась из членов ФМО. Награждение происходило в день ежегодного торжественного заседания Академии — 29 декабря. См.: Правила о наградах академика Ф. Ф. Брандта // Сборник сведений о премиях и наградах, раздаваемых Императорской Академией наук. СПб., 1903. С. 5–7.

^[6] Бюст Ф. Ф. Брандта работы Л. А. Бернштама был подарен Зоологическому музею родственниками ученого в январе 1883 г. Эта скульптура до сих пор украшает музейные залы. См.: *Слепкова* Н. В. Зоологический музей Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге в XIX веке. Принципы экспонирования // Историко-биологические исследования. 2016. Т. 8, № 1. С. 38.

Федор Александрович
БРЕДИХИН
(1831–1904)

Природа щедро одарила Ф. А. Бредихина талантами, он испытал свои силы в науке, поэтических переводах и музыкальном искусстве. Главной его страстью была астрономия, и всего более он известен своими исследованиями физического строения комет и процессов образования метеоров¹.

Человек живой и деятельный, он вносил страсть во все, за что брался, и увлекал за собой молодежь. В Московском университете он создал «московскую астрофизическую школу». Начинающие астрономы почитали за счастье подняться на университетскую обсерваторию и работать со своим профессором.

Избрание в 1890 г. ординарным академиком и одновременно директором Пулковской обсерватории открывало для ученого-астронома новые горизонты. Но он тяготился административными обязанностями и в начале 1895 г. ушел с должности директора. Но и после отставки Ф. А. Бредихин не оставлял обсерваторию своим вниманием. Человек богатый, он помогал обсерватории материально, например пожертвовал полторы тысячи рублей на приобретение объектива для нового астрографа, который получил название «бредихинский». В память о своей покойной супруге Ф. А. Бредихин учредил премию ее имени, за астрономические труды.

---

¹ Библиографию трудов Ф. А. Бредихина см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 64–68.

Из «Предисловия» к книге Ф. А. Бредихина «О хвостах комет»

1862 г.

Исследование кометных хвостов, весьма естественно, состоит из двух частей. Во-первых, из сравнения наблюдений различных комет в различные времена их видимости нужно вывести геометрические данные, которыми определяются форма хвоста, его положение в пространстве и т. д., и уловить те явления, которыми сопровождаются появление и развитие хвоста. Во-вторых, на основании данных, выведенных из наблюдений, можно уже отыскивать величины и законы действия сил, которые производят хвосты и обуславливают его видоизменения.

Первый вопрос сопряжен с большими трудностями как потому, что очень редко бывает возможно проследить все изменения форм одной и той же кометы в течение времени ее видимости, так и потому, что при самых наблюдениях можно надеяться только на приблизительные результаты. Наконец, наблюденное явление должно быть освобождено от влияния непрерывного изменения точки зрения, что предполагает известными уже те формы, которые мы исследуем. Таким образом, и в первой части вопроса необходимы некоторые более или менее вероятные допущения.

Что касается до второй части, то по самому существу дела видно, что единственный путь в этих исследованиях есть путь гипотез. Тут постоянно предстояло решать вопрос о том, могут ли силы, действующие по известному, гипотетически принятому закону, произвести явление так, как оно действительно происходит. Следствием этого было много сменившихся одно другое воззрений. Но так как самое сравнение известной гипотезы с наблюдениями принадлежит к трудным вопросам механики, то понятно, почему только в новейшие времена дошли до возможности представить, и то лишь крупными чертами, частности явления, и вместе с тем стала возможною сколько-нибудь точная поверка гипотез, производимая сравнением построенного по теории хвоста с наблюденными его явлениями. <... >

Опубл.: Бредихин Ф. А. *О хвостах комет (Магистерская диссертация)*. М., 1862. С. I–III; Переизд.: Бредихин Ф. А. *О хвостах комет. С приложением биографического очерка и списка трудов Ф. А. Бредихина / под общ. ред. К. Д. Покровского*. М.; Л., 1934. (Сер. «Классики естествознания»). С. 33–34.

«Представление об избрании члена-корреспондента Академии, заслуженного профессора Московского университета, тайного советника Ф. А. Бредихина в ординарные академики по астрономии», составленное [О. А. Баклундом]

30 января 1890 г.

Мы, нижеподписавшиеся, имеем честь представить Отделению для избрания на открывшуюся вакансию ординарного академика по астрономии члена-корреспондента нашей Академии, заслуженного профессора Московского университета и директора астрономической обсерватории в Москве Федора Александровича Бредихина.

Федор Александрович состоит с 1869 года в должности профессора Московского университета и пользуется как профессор и как директор астрономической обсерватории такою известностью, что мы считаем лишним вдаваться в подробное изложение его заслуг. Достаточно сказать, что Московская обсерватория обязана ему таким блестящим положением в настоящее время, что она может считаться первою в России, после Пулковской обсерватории. Своевременное опубликование собственных научных трудов или исполняемых под его руководством свидетельствует о его неутомимой научной деятельности и о готовности делать общедоступными полученные им результаты.

Более 27 лет, как наука обязана г. Бредихину замечательным трудом о происходящих от сопротивления эфира возмущениях комет^[1]. В этом сочинении заключаются весьма важные для науки результаты, которые, к сожалению, долгое время оставались неизвестными заграничным астрономам, между тем как здесь русский астроном предупредил выводы таких известных ученых, как Оппольцер, Мёллер и др. С тех пор он с особенным успехом продолжал заниматься самыми различными отраслями астрономии; спектроскопия и фотография, эти могущественные пособия нынешней астрономии, также не оставались чуждыми Московской обсерватории.

В 1874 году г. Бредихин положил основание изданию: “Annales de l’observatoire de Moscou” и доселе издал 22 тома. Кроме того, им опубликовано более 40 мемуаров и заметок. Изложение содержания всех этих многочисленных трудов повело бы слишком далеко, и поэтому достаточно упомянуть здесь только об известных работах над хвостами комет, содержащих наиболее полную из имеющихся до сих пор теорий этих явлений. Хотя г. Бредихин уже обогатил астрономическую литературу большим числом трудов, но его научная деятельность все еще находится в полном расцвете, как показывают, например, его недавние исследования о происхождении падающих звезд и об отношении между падающими звездами и кометами, опубликованные в “Vierteljahrsschrift” астрономического общества, прошлого года. В “Astronomische Nachrichten” настоящего года он уже успел сделать важные сообщения относительно замечательной кометы Brooks’a^[2].

Это показывает, что Федор Александрович такая научная сила, приобретение которой весьма желательно для нашей Академии. В таком убеждении, с согласия Его Императорского Высочества Августейшего президента, мы имеем честь предложить Федора Александровича в ординарные академики по астрономии.

Ординарные академики: О. Баклунд, П. Чебышёв, В. Имшенецкий.

Помета: Приложение к § 40².

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 189. Л. 57–57 об. Подлинник. Типограф. печать; Ф. 2. Оп. 17. Д. 74. Л. 4–4 об. Подлинник. Типограф. печать.

^[1] Имеется в виду магистерская диссертация Ф. А. Бредихина «О хвостах комет» (М., 1862). Эта книга осталась недоступной для иностранных ученых, так как была издана только на русском языке. Впоследствии ученый публиковал свои работы в основном на французском языке.

^[2] 7 июля 1889 г. американский астроном У. Р. Брукс открыл в созвездии Водолея короткопериодическую комету, названную «комета Брукса 2».

**Приветствие А. А. Белопольского Ф. А. Бредихину
по случаю назначения его директором
Николаевской главной астрономической обсерватории в Пулкове**

[15] декабря 1890 г.³

Всякое учреждение при переходе от неопределенного положения, от неизвестности и превратности судьбы к определенному [положению] радуется в лице своих членов. Здешняя обсерватория не может не радоваться, видя, после с лишком двухлетних

² Напечатано в правом верхнем углу документа.

³ Дата утверждения Ф. А. Бредихина в должности директора обсерватории.

ожиданий, место директора, наконец, занятым Вами. Много треволений переживалось за упомянутое время, много дурной крови причинило оно здешним астрономам — теперь все кончено^[1]. Не будем заглядывать в будущее, надеясь, что надолго мы будем иметь под своими ногами вполне определенную почву. Приветствую Вас на Вашем новом положении и радуюсь, что такое богатое учреждение имеет во главе истинно лучшего представителя астрономии в России, как науки о природе вселенной. Но это не мое лишь мнение, и не мне воздавать Вам хвалу — на то есть Академия наша и европейские. Я коснусь эгоистических сторон. Я уже имел честь быть и работать с Вами в течение 11 лет на Московской обсерватории, и могу приветствовать как старого знакомого, могу радоваться тому, что с Вами сюда переселится дорогой дух Московской обсерватории.

В Вас я приветствую возвращение незабвенных, как для меня, так и для других моих московских коллег, минут Вашего вдохновенного увлечения Вашими научными исследованиями. Вы талант в высокой степени! Увлекаясь сами, Вы увлекаете своих подчиненных коллег, обладая способностью горячего слова, Вы будили в Ваших учениках тот уголок мысли, который без того уснул бы навеки. Откровенно признаюсь, что великое счастье работать рядом с такой личностью, Федор Александрович. В Москве ни мне, ни моим коллегам никогда не приходилось жаловаться на скуку личной работы. Мы бывали только удручаемы в редкие промежутки затишья в Вашей натуре. А это бывало, и это должно быть. Ведь поэт сказал великую истину не для одних лишь поэтов, что «пока не требует поэта священной жертвы Аполлон».

Это в высшей степени применимо ко всякому вдохновенному человеку, и мое истинное желание, чтобы божественный глагол касался слуха Вашего в той же мере, как в Москве.

Другая сторона моего приветствия касается Вас как начальника. С Вами сюда приходит высокогуманное отношение к окружающим. Даже такое низменное существо, как смотритель Московской обсерватории Андрей, имел к Вам доступ в его нуждах наравне с другими членами обсерватории. Но главное, это отсутствие наружных признаков известности, величия, и Вы бывали человеком, прежде всего. Я уверен, что выдавший Вас в беседе с коллегами в Москве посторонний наблюдатель не сказал бы, что Вы директор и знаменитость. Это имело притягательную силу, вот почему около Вас всегда работала бескорыстно молодежь. Все это с присовокуплением Вашей способности называть вещи их настоящими именами заставляют в **десятый** раз приветствовать Вас в Пулковке с лучшей стороны. Да здравствует добрый гений, да сгинет злой дух.

СПбФ АРАН. Ф. 706. Оп. 1. Д. 140. Л. 1–1 об. Черновой автограф А. А. Белопольского.

^[1] Имеется в виду кризисная ситуация в Пулковской обсерватории в конце 1880-х гг., когда ее директор О. В. Струве начал тяготиться зависимостью обсерватории от Академии наук и добивался признания ее полной самостоятельности. Но авторитет Струве в то время сильно пошатнулся, и его планы не нашли поддержки даже у сослуживцев. Проведенная в 1889 г. ревизия обсерватории выявила ее отставание от астрономической науки. По окончании ревизии, в декабре 1889 г., последовала отставка О. В. Струве.

**Из речи Ф. А. Бредихина «О физических переменах на небесных телах»,
прочитанной на публичном заседании Академии наук**

29 декабря 1893 г.

<...> Здесь мы стоим, очевидно, на рубеже знания, за которым открывается область неведомого, и дальнейшее движение в ней, может быть, откроет новые, увы, еще большие трудности. Едва ли, впрочем, уместен здесь возглас сожаления. Кому

удавалось в жизни, после трудов, усилий и сомнений, увидеть, найти крупницу общей истины в науке или в искусстве, тот помнит, какие светлые минуты переживал он. Не тогда ли он жил лучшей частью своего существа? В необъятной вселенной безмерно долгое время будут возникать для нас, один за другим, новые и нерешенные вопросы; таким образом, перед человечеством лежит уходящий в бесконечность путь научного труда, умственной жизни, с ее тревогами и наслаждениями <...>.

Опубл.: Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1893 год, составленный и читанный неперменным секретарем академиком Н. Ф. Дубровиным в публичном заседании 29 декабря 1893 года. СПб., 1894. С. 42.

**Письмо Ф. А. Бредихина к М. И. Сухомлинову о работе М. В. Ломоносова
«Явление Венеры на Солнце»**

2 января 1900 г.

Многоуважаемый Михаил Иванович,

Статья **М. В. Ломоносова** «Появление (sic) Венеры на Солнце» состоит из трех отделов^[1]. В первом дается краткое, популярное изложение астрономических наблюдений, произведенных **Красильниковым** и **Кургановым** для определения солнечного параллакса. При этом приложены рисунки употребленных ими инструментов того времени. В этих наблюдениях сам Ломоносов не участвовал.

Во втором отделе автор описывает произведенные им лично физические наблюдения над поверхностью Венеры перед солнечным диском. Он имел небольшую трубу с сильным хроматизмом, так что наблюдения могли быть отчетливы только у самой середины поля зрения. При этих наблюдениях автор заметил, — **независимо от других наблюдателей**, — такие явления, которые привели его к заключению о существовании на Венере значительной (знатной) атмосферы.

Гораздо более поздние наблюдения прохождения Венеры подтвердили вполне существование на этой планете атмосферического слоя. Они указали еще некоторые особенности явления. Но при употреблявшихся во время **Ломоносова** трубах, а особенно при такой, какая имелась в его руках, нельзя было и ожидать более тонкого разграничения подробностей.

В третьем отделе, в прибавлении, Ломоносов, при помощи ссылок на писания Отцов Церкви, развивает мысль о том, что изучение природы отнюдь не противно христианскому вероучению.

С глубоким уважением,
искренне преданный
Ф. Бредихин

СПбФ АРАН. Ф. 101. Оп. 2. Д. 14. Л. 1–2. Автограф Ф. А. Бредихина.

^[1] М. И. Сухомлинов (1828–1901) готовил критическое издание «Сочинений М. В. Ломоносова» и предполагал издать все без исключения сочинения и письма ученого, но при его жизни вышли первые пять томов. Обсуждаемая в письме работа в это издание не вошла и была напечатана позже по тексту первой публикации 1761 г. См.: *Ломоносов М. В. Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санктпетербургской императорской Академии Наук мая 26 дня 1761 года* // М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений : в 11 т. М. ; Л., 1950–1983. Т. 4 : Труды по физике, астрономии и приборостроению, 1744–1765 гг. 1955. С. 361–376.

**Стихотворение Ф. А. Бредихина,
посвященное Ришельевскому лицу
в Одессе^[1]**

[1900 г.]⁴

Восплачь, Лицей, взреви коровой —
Телец твой вышел днесь быком,
Хоть трудно из сосца пустого
Питать духовным нас млеком!
Ф. Бредихин

СПбФ АРАН. Ф. 101. Оп. 2. Д. 14. Л. 3. Автограф Ф. А. Бредихина.

^[1] В 1845–1851 гг. Ф. А. Бредихин учился в Ришельевском лицее в Одессе, но оставил его до окончания курса и поступил на физико-математический факультет Московского университета.

**Из протокола заседания
Физико-математического отделения о премии,
учрежденной Ф. А. Бредихиным
в память покойной жены**

3 октября 1901 г.

§ 320. Академик Ф. А. Бредихин читал заявление следующего содержания: «Покойной жене моей Анне Дмитриевне я всецело обязан таким укладом жизни, при котором мне удалось сделать то небольшое, что, — хотя на некоторое время останется после меня в астрономической науке. Продолжение моих работ при усовершенствованных способах наблюдения представляет значительный интерес, а потому я почтительнейше прошу Академию принять от меня денежный вклад (шесть тысяч руб.) для учреждения, по прилагаемому проекту, премии имени почившего друга моего, которая служила бы некоторым поощрением к продолжению упомянутых работ»^[1].

*СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 211. Л. 196. Подлинник. Типограф. печать;
Ф. 705. Оп. 1. Д. 9. Л. 6, 9. Автограф Ф. А. Бредихина.*

^[1] «Положение о премии, учрежденной в Имп. Академии наук академиком Ф. Бредихиным в память своей покойной супруги Анны Бредихиной» было утверждено министром народного просвещения П. С. Ванновским 10 ноября 1901 г. Премия выдавалась «за продолжение трудов академика Бредихина по строгому механическому исследованию развития кометных форм»; ее полное название — «Астрономическая премия жены академика Анны Бредихиной». К соисканию премии допускались как русские подданные, так и иностранцы. Премия выдавалась через год; первое присуждение состоялось в 1906 г., премии удостоился Р. О. Егерман, подготовивший в 1903 г. издание трудов Ф. А. Бредихина о кометах.

---

⁴ Стихотворение приложено к письму М. И. Сухомлинову от 2 января 1900 г.

**Письмо Ф. А. Бредихина в Совет Королевского астрономического общества
в Лондоне с сообщением о вновь учрежденной астрономической премии**

Март 1902 г.

*To the Council of the Royal Astronomical Society
from Th. Bredichine, associate of the Society*

I have the honor to present herewith the Statute of a recently constituted astronomical Prize. Considering that this Prize is fully international, the Council would perhaps find it useful to print the Statute, — in extract or compendiously, in original or translated, — in the Publications of our honorable Society, which are widely spread about⁵.

Very respectfully⁶

Th. Bredichine

St. Petersburg. Poushkinskaja, 14

Помета: Приложить ф[ранцузский] экземпляр⁷.

СПбФ АРАН. Ф. 705. Оп. 1. Д. 9. Л. 5. Черновой автограф Ф. А. Бредихина.

Перевод

*В Совет Королевского астрономического общества
от почетного члена общества Ф. Бредихина^[1]*

При сем имею честь представить Положение недавно учрежденной астрономической премии^[2]. Учитывая, что эта премия является международной, Совет, возможно, посчитал бы полезным напечатать Положение — фрагментарно или в полном виде, в оригинале или в переводе — в изданиях нашего уважаемого Общества, которые широко распространены по всему миру.

С полным почтением,

Ф. А. Бредихин

С.-Петербург. Пушкинская, 14

Перевод Е. Ю. Басаргиной

^[1] Ф. А. Бредихин был избран почетным членом Королевского астрономического общества в Лондоне 12 декабря 1884 г. (СПбФ АРАН. Ф. 705. Оп. 1. Д. 7. Л. 5).

^[2] Положение о премии было напечатано на русском, французском и немецком языках. Образцы см.: СПбФ АРАН. Ф. 705. Оп. 1. Д. 9.

**Некролог Ф. А. Бредихину,
прочитанный А. А. Белопольским на Общем собрании**

4 сентября 1904 г.

Утрата, какую понесли в лице Федора Александровича Бредихина наука, академия, русское общество, — огромная. Это был талант, каких Россия может насчитать лишь единицами, талант блестящий и в то же время чрезвычайно скромный. Та известность

---

⁵ Далее зачеркнуто: *which are very spread everywhere*

⁶ Слово написано вместо зачеркнутого: *respectful and obedient servant*

⁷ Рукой Ф. А. Бредихина в нижней части листа.

и тот почет, которые Ф. А. стяжал у нас в России и за границей, сами по себе достаточно указывают на его научные и личные заслуги: это была звезда первой величины.

Нет возможности здесь подробно перечислять всего, сделанного Ф. А. Достаточно упомянуть, что им всего выпущено до 150 книг и статей, начиная с 1862 года и вплоть до самой его смерти (последняя работа им представлена в заседании 25 февраля с. г.). Тем тяжелее его утрата: его энергия, его интерес к разработке научных вопросов и усидчивость до преклонного возраста, до последнего момента остались такими же, какими я их застал 28 лет тому назад на Московской астрономической обсерватории.

Всем известно, что главным предметом его исследований были кометные формы (хвосты — по прежней, до Бредихина, терминологии). Из множества гипотез (до 200), старавшихся объяснить кометные формы, Ф. А. с самого начала своей деятельности остановился на гипотезе, высказанной Кеплером, математически развитой потом Бесселем в статье, напечатанной в 1839 году^[1]. Всю свою жизнь Ф. А. посвятил подтверждению этой гипотезы, гипотезы о действии отталкивательной силы Солнца на материальные частицы кометы на основании многочисленных наблюдений комет. Едва ли найдутся теперь в архивах науки какие-нибудь наблюдения комет, мало-мальски годных, которых бы Ф. А. не подвергнул обработке.

Можно смело сказать, что именно благодаря Ф. А. эта гипотеза возведена теперь в теорию.

Как следствие упомянутых исследований явился особый отдел — его учение о метеорах, развитое в длинном ряде трудов, из которых наиболее блестящим и замечательным следует считать статью: «Sur l'origine des étoiles filantes», появившуюся в 1890 году. Огромное количество его трудов по этим двум отделам астрономии не ограничивает его научной деятельности. В бытность его директором Московской университетской астрономической обсерватории он ревностно занимался наблюдениями (1873–1890). Наблюдений им произведено очень много при помощи всевозможных инструментов. Особенно ценными в то время и замечательными следует считать наблюдения протуберанцев на Солнце при помощи спектроскопа. В то время, т. е. 35 лет тому назад, лишь весьма редкие ученые занимались этим, и Ф. А. провел свои наблюдения с замечательной настойчивостью в течение целого одиннадцатилетнего периода пятнообразовательной деятельности на Солнце. Там же, в Москве, он делает труднейшие по тому времени спектроскопические наблюдения, и его измерения спектральных линий комет и газообразных туманностей по точности превосходили все тогда известные измерения.

Вообще, это была натура, требовавшая кипучей деятельности. При сотрудничестве лишь двух, трех ассистентов он почти ежегодно печатал по тому анналов, причем каждый содержал до 40 печатных листов^[2].

За что бы он ни брался, во всем проявлялась в высшей степени богато одаренная натура: он являлся то художником — при рисовании подробностей поверхности Солнца и планет, то механиком — при сборке инструментов, то образцовым вычислителем: Ф. А. всегда сам проделывал все многочисленные и кропотливые вычисления, относящиеся к его исследованиям, и никто из сотрудников не мог конкурировать с ним в быстроте и безошибочности вычислений.

Обладая блестящим даром слова, обширной научной фантазией и памятью, громадной эрудицией и даром импровизации, он привлекал в Москве массу студентов и публики своими замечательными университетскими и популярными лекциями по астрономии, и лекции эти сами по себе доставили ему широкую известность в России задолго до приобретения им известности как самостоятельного ученого.

Глубокий знаток и ценитель русского языка и русской литературы, он внимательно следил за ее успехами, отмечал все талантливое и беспощадно критиковал бездарное.

Он даже стихом владел в совершенстве, доказательством чему служат его переводы в стихах итальянских трагедий: «Виргиния» Альфиери, «Герцога Миланского» и «Франчески да Римини»^[3]. Да и древними языками владел он весьма основательно.

Как истинно русский человек он с замечательной для своего времени энергией, можно сказать, против течения, отстаивал научное национальное самосознание; его он всячески старался внушить своим ближайшим ученикам: насколько он был скромен и требовал разумной научной скромности от своих учеников, настолько же он был врагом несправедливого унижения перед Западом в русских людях.

Эта черта с особой силой сказалась при кратковременном управлении им Пулковской обсерваторией: нужно сознаться, что подъем духа тогда у всех сотрудников был совершенно необычайный, и если взглянуть с точки зрения истории развития науки в России, то следует с глубокой благодарностью за честь Ф. А. Бредихину сказанное, как одну из крупных его заслуг перед отечеством.

Ф. А. не любил ездить за границу и был там, кажется, всего два раза, личных знакомств у него там почти не было. Тем не менее его принимает в число почетных членов и ученых-корреспондентов целый ряд ученых учреждений. Наиболее раннее признание его относится к 1883 году, когда он получил звание действительного члена Леопольдино-Каролинской академии; затем он делается почетным членом Королевского астрономического общества в Лондоне, Ливерпульского астрономического общества, членом-корреспондентом Итальянского общества спектроскопистов, Естественноисторического общества в Шербурге. В 1892 году ему поднесен почетный диплом степени доктора философии Падуанского университета, Бюро Долгот в Париже избрало его своим членом-корреспондентом и др.^[4]

В России он был членом-учредителем Московского математического общества, почетным членом Харьковского математического общества, почетным членом Московского общества испытателей природы, в этом обществе он занимал в свое время место председателя; почетным членом Московского университета. В Петербурге он в начале возникновения был президентом Русского астрономического общества^[5].

В 1890 году Ф. А., состоявший ранее членом-корреспондентом Императорской Академии наук, избран ординарным академиком и директором Астрономической обсерватории в Пулкове.

Ф. А. всегда любил молодежь, и всегда она его окружала до самой смерти. От него исходила школа молодых астрономов. Он прямо очаровывал своих учеников своею личностью, своим остроумием, веселой и живой беседой, тонкой наблюдательностью и необыкновенной простотой обращения: в беседе с ним забывалось его высокое научное и общественное положение. Я до сих пор вспоминаю о времени моего пребывания в обсерватории в Москве в его обществе, в его семье как о времени, самом отрадном в моей жизни. Там впервые после университета я понял, что значит труд, одухотворенный идеей, труд упорный, систематический. Там я впервые узнал, что такое научный интерес. Ф. А. заражал своей научной деятельностью, своим примером, и это была истинная школа, истинный университет для начинающего. Интерес же к науке был у Ф. А. огромный. Когда он брался за работу, то забывал и об обществе, и об университете: в это время он манкировал на лекциях и был недоступен для знакомых.

В прошлом году Ф. А., как бы предчувствуя близкую свою кончину, предпринял большой труд: сведение всех своих, разбросанных по различным изданиям, статей в одно целое. И он успешно довел до конца это дело. В отдельном томе сведены, под личным его руководством, работы о кометных формах молодым ученым г. Егерманом (Prof. Dr. Th. Bredichin's Mechanische Untersuchungen über Cometenformen. In systematischer Darstellung von R. Jaegermann. St. Petersburg, 1903).

В другом таком же обширном томе (вместе оба тома составляют 55 с лишком печатных листов) Ф. А. собрал все свои статьи о метеорных потоках (*Études sur l'origine des météores cosmiques et la formation des leurs courants*. St. Petersburg, 1903). Все это издано на личные его средства; он и с начала своей деятельности, в молодых годах не жалел своих средств и щедро тратил их на приобретение научных пособий. Впоследствии эта черта в нем широко развилась, и он еще более щедро стал снабжать своими денежными средствами ученые учреждения и молодых ученых на выполнение научных трудов.

Ф. А. был истинным христианином: в основу его жизни краеугольным камнем входили и любовь к ближним, и горячая любовь к родине, незлобивость и прощение врагов своих, нежные семейные отношения и добрые дела. Он чрезвычайно много выстрадал общественного и семейного горя, и это не озлобило, а еще более развило его природную доброту.

Настоящее трудное для России время утрата Ф. А. вдвойне тяжела. Но эта утрата заставила нас оглянуться на всю его жизнь, внимательнее, чем при его жизни, приглядеться к этой светлой личности и отметить те черты его, которые при жизни проходили мимо незамеченными.

И вот, воспоминание о таком богато одаренном сыне России замечательно высоко поднимает дух, угнетенный было его смертью, и дает нам право бодро глядеть на будущее.

Мир праху твоему, дорогой и незабвенный учитель!

Ар. Белопольский

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 217. Л. 41 об. — 42 об. Подлинник. Типограф. печать;

Р. V. Оп. 1-Б. Д. 190. Л. 2–3. Подлинник. Типограф. печать. Подпись-автограф

А. А. Белопольского.

Опубл.: Извлечение из протоколов Общего собрания // Известия Имп. АН. Сер. V. 1904. Т. 21, № 2. С. I–IV.

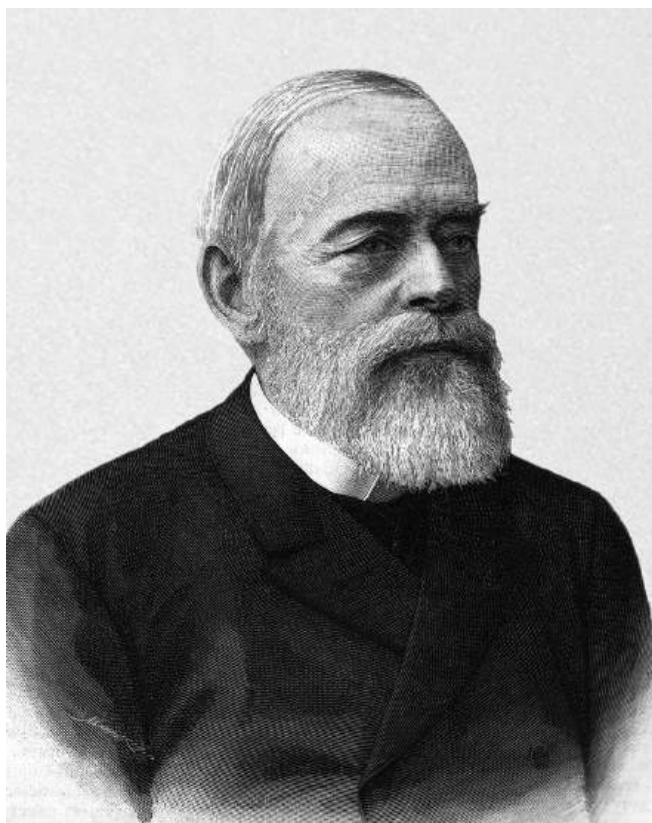
^[1] В 1862 г. Ф. А. Бредихин защитил магистерскую диссертацию «О хвостах комет», а через три года, в 1865 г., по защите диссертации «Возмущения комет, независящие от планетных притяжений» (М., 1864), удостоен был степени доктора астрономии. В магистерской диссертации он обратился к истории изучения хвостов комет и начал свой курс с анализа работы Ф. В. Бесселя: *Bessel F. W. Mémoire sur la constitution physique de la comète de Halley. Connaissance des temps pour 1840*. Paris, 1840.

^[2] Имеются в виду издававшиеся Ф. А. Бредихиным «*Annales de l'observatoire de Moscou*». Две трети их содержания составляли его собственные работы.

^[3] См.: *Бредихин Ф. А.* Литературные переводы / ред. М. Е. Сачков, С. В. Касаткина. Иваново, 2016. В книге собраны стихотворные переводы трагедий западноевропейских авторов: «Виргиния» Витторьо Альфиери, «Франческа да Римини» Сильвио Пеллико, «Герцог Миланский» Филиппа Мессинджера.

^[4] Ф. А. Бредихин был избран членом Леопольдино-Каролинской академии в Германии (28.12.1883); почетным членом Королевского астрономического общества в Лондоне (12.12.1884), Ливерпульского астрономического общества (1884); являлся членом-корреспондентом Итальянского общества спектроскопистов (*Della Societa degli Spettroscopisti Italiani*, 10.02.1889); имел почетный диплом степени доктора философии Падуанского университета (05.12.1892). См.: *СПбФ АРАН. Ф. 705. Оп. 1. Д. 7.*

^[5] В России Ф. А. Бредихин был президентом Русского астрономического общества (1890), почетным членом Харьковского математического общества (1891), почетным членом и председателем Московского общества испытателей природы (1886), почетным членом Московского университета (1897).

Николай Христианович
БУНГЕ
(1823 – 1895)

Николай Христианович Бунге занимал высокие государственные посты по праву одного из лучших экономистов своего времени: он был автором добротных исследований о разнообразных экономических явлениях, но никогда не поддавался искушению являться в роли новатора¹.

Назначение его министром финансов в 1881 г. внесло живую струю во всю деятельность министерства и поставило перед ним новые задачи. Н. Х. Бунге был первым министром финансов, который перешел от решения узких финансовых вопросов к широкой экономической политике. Через шесть лет, в 1887 г., он был назначен председателем Комитета министров.

В 1890 г., находясь в должности премьер-министра, Н. Х. Бунге принял приглашение стать ординарным академиком по политической экономии, но при одном непременном условии: если ему не назначат никакого академического жалованья. Не совсем обычные условия Бунге были, разумеется, приняты. Несмотря на свою занятость государственными делами и почтенный возраст, Бунге участвовал в академической жизни и предложил план издания при Академии наук политико-экономического словаря, но смерть помешала ему осуществить это намерение.

---

¹ Библиографию трудов Н. Х. Бунге см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 69–73.

**Рескрипт императора Александра III
о награждении Н. Х. Бунге
орденом Александра Невского**

5 мая 1883 г.

*Божиею милостию,
мы, Александр Третий,
император и самодержец
Всероссийский, царь Польский,
великий князь Финляндский,
и прочая, и прочая, и прочая.
нашему тайному советнику,
министру финансов, Николаю Бунге.*

Неизменно ревностная и отлично полезная деятельность ваша заслуживает особенную нашу признательность.

Первостепенное, в ряду правительственных задач, дело улучшения финансов, одновременно с близкою сердцу нашему заботою об облегчении тягостей народных, нашло в вас усердного и талантливое исполнителя указаний наших.

При всей трудности достижения этой двоякой цели порученного нами вам управления, мы твердо убеждены, что просвещенным своим участием вы поможете нам, путем поощрения и усовершенствования народного труда, поднять материальные средства правительства на высоту стремлений его к пользе и благоденствию русского народа.

В изъявление особого нашего к вам благоволения, всемилостивейше жалуем вас кавалером императорского ордена нашего святого благоверного великого князя Александра Невского, знаки коего, при сем препровождая, повелеваем вам возложить на себя и носить по установлению.

Пребываем императорскою милостию нашею к вам благосклонны.

На подлинной собственной Его императорского величества рукою подписано:
в Москве
15 мая 1884 г.
Александр

С подлинною верно:
государственный секретарь Половцев
Поверял статс-секретарь

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 44. Л. 77–78. Список. Подпись-автограф А. А. Половцева.

**Записка об ученых трудах Н. Х. Бунге, составленная К. С. Веселовским
для представления его в ординарные академики**

9 января 1890 г.

Из всех русских ученых, составивших себе имя трудами по политической экономике, никто не может быть поставлен в ряду с бывшим профессором Киевского университета, занимающим ныне высокий пост в государственной службе, Николаем

Христиановичем Бунге. Если выдающиеся ученые труды его по означенной науке открыли ему дорогу к важным государственным должностям, то и занятия в этих должностях доставили ему, в свою очередь, счастливую возможность внести в добытые теоретическим путем научные положения те исправления и дополнения, которые могут быть плодом только практического их испытания, применения их к явлениям действительной жизни.

Ученая деятельность Н. Х. началась давно и выразилась таким длинным рядом капитальных трудов, что надлежащая ее оценка могла быть сама по себе предметом целого сочинения. Не задаваясь такой обширной темой, мы считаем достаточным указать здесь лишь на главные труды его по политической экономии и науке о финансах.

Политическая экономия стала главным предметом его занятий с тех пор, как, окончив в 1845 г. курс наук в Киевском университете по юридическому факультету и получив в 1847 году степень магистра за свою диссертацию: «Исследование начал торгового законодательства Петра Великого», он занял в Нежинском Лицее князя Безбородко место профессора законов казенного управления (с 19 дек. 1847 по 31 окт. 1850 г.). Читанному им в лицее курсу этой науки он счастливо придал правильную основу и живое значение введением в теоретическую его часть начал политической экономии, и написанная им в 1849 г. для торжественного акта лицея Речь **о кредите** явилась весьма замечательным исследованием об этой важной отрасли экономической науки. Эта речь была трудом подготовительным к более обширному сочинению **о Теории кредита**, которое доставило ему, по переходе его в 1850 г. в университет Св. Владимира на кафедру политической экономии, докторский диплом (1852) и сразу поставило автора в ряды выдающихся ученых по экономической науке. Этим сочинением вполне определен характер его как ученого и мыслителя, стремящегося установить тесную, органическую связь между теоретическими законами экономических явлений и теми фактами, в которых эти законы обнаруживаются и находят для себя поверку и подтверждение.

Такое плодотворное для науки направление выразилось потом еще полнее и определеннее в целом ряде трудов, вызванных представлявшимися в экономическом развитии России вопросами и явлениями <...>².

Приобретенный этими трудами высокий, всеми признанный авторитет Н. Х. в сфере экономической науки получил для себя высшую, вполне заслуженную санкцию, когда в 1863 г. из всех русских экономистов он был избран как достойнейший для преподавания науки о финансах в Бозе почивающему наследнику цесаревичу Николаю Александровичу, а впоследствии удостоился читать (1886–1889) политическую экономию, статистику и финансы благополучно здравствующему наследнику цесаревичу^[1].

Прибавим к этому, что Академией наук уже давно были признаны ученые заслуги Н. Х., имя которого служило украшением списка наших членов-корреспондентов с 1859 по 1881 год, т. е. до избрания его в почетные члены. Избрание его теперь в действительные члены Академии не только было бы справедливой данью уважения к чрезвычайным ученым заслугам его, но и послужило бы к возвышению значения самого звания академика.

---

² Далее опущены перечень трудов и характеристика отдельных сочинений.

Поэтому, с согласия Его Императорского Высочества Августейшего президента^[2], имеем честь предложить действительного тайного советника Николая Христиановича Бунге, на основании § 34 Устава Академии, в ординарные академики по политической экономии.

Ординарные академики: К. Веселовский, В. Радлов, В. Васильев, А. Наук.

Помета: Приложение к протоколу заседания Историко-филологического отделения Академии 9 января 1890. § 6³.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 189. Л. 148–149. Подлинник. Типограф. печать; Ф. 2. Оп. 17. Д. 71. Л. 2–3. Подлинник. Типограф. печать.

^[1] Имеется в виду будущий император Николай II Александрович.

^[2] Ср. запись в дневнике президента Академии наук вел. кн. Константина Константиновича от 17 ноября 1889 г.: «[Непременный секретарь К. С.] Веселовский написал мне, что по моему поручению был у председателя Комитета министров, чтобы выведать у него частным образом, принял бы он звание академика, и он с радостью согласился. Привлечение такого рода высокопоставленного лица в среду академиков будет важным и в высшей степени полезным приобретением для Академии. Николай Христианович Бунге — первый в России политико-экономист и займет освободившееся у нас кресло покойного В. П. Безобразова. Я давно уже лелеял мечту завербовать его в Академию, и вот моя мечта сбывается» (ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 127–127 об.).

**Записка академиков К. С. Веселовского и Н. Х. Бунге
о необходимости разделить кафедру политической
экономии и статистики на две кафедры**

1891 г.

На основании § 55 Устава Императорской Академии наук по историческим и политическим наукам положено иметь одного академика для политической экономии и статистики. Между тем в настоящее время политико-экономические науки так разрослись, а статистика обнимает столь обширный круг исследований, что едва ли можно найти ученого, который равно был бы специалистом и по политической экономии, как теоретической, так и прикладной (по всем отделам внутреннего экономического устройства и финансов), а в то же время еще и по всем отраслям статистики.

Поэтому казалось бы совершенно соответственным **отделить политическую экономию** с ее прикладными науками **от статистики** и для каждого предмета иметь особого академика.

К. Веселовский
Н. Бунге

*СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4 а. Д. 24. Л. 34. Подлинник. Типограф. печать.
Опубл.: Поступившие от гг. членов Конференции Императорской Академии наук мнения по вопросу о пересмотре Устава Академии. Напечатано по распоряжению Комиссии по пересмотру Устава Императорской Академии наук, под редакцией ее делопроизводителя Вл. Штейна. СПб., 1891. С. 61.*

³ Напечатано в правом верхнем углу первого листа документа.

**Рескрипт императора Николая II о награждении Н. Х. Бунге
орденом Св. Владимира первой степени**

1 января 1895 г.

*Рескрипт, данный на имя члена Государственного совета, председателя
Комитета министров, действительного тайного советника Бунге.*

Николай Христианович. Просвещенное служение ваше, проникнутое непоколебимою верностью долгу и постоянным рвением к пользам государственным, неоднократно удостоено было полного монаршего одобрения.

В 1881 году вы были призваны доверием незабвенного моего родителя к управлению Министерством финансов; причем в трудном деле усиления материальных средств правительства и одновременного облегчения податных тягостей народа неуспынными стараниями вашими достигнуты были значительные успехи. Отличные дарования, обнаруженные вами на сем поприще, в связи с приобретенною обширною опытностью, послужили основанием к назначению вас в 1887 году на высокий пост председателя Комитета министров. Исполняя с тех пор эти ответственные обязанности, вы не перестаете оказывать важные государственные услуги свойственными вам строгою правдивостью и умением сообщать суждениям правильное, вызываемое существом дела, направление. Теми же достоинствами отличаются многосложные занятия ваши по особым поручениям, на вас возлагаемым, а равно стяжавшие вам известность научные труды ваши.

Искренно ценя глубокие познания ваши, примерную добросовестность и беспредельную преданность семье нашей, я, в изъявление душевной моей признательности за достохвальную служебную вашу деятельность, жалую вас кавалером ордена святого равноапостольного князя Владимира первой степени, знаки коего при сем препровождаются.

Пребываю к вам навсегда неизменно благосклонным

На подлиннике собственною Его императорского величества рукою написано: «и сердечно благодарный Николай».

*СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 44. Л. 75–76. Неавторизованная
рукописная копия; Л. 1. Типограф. печать (вырезка из газеты).*

Из книги Н. Х. Бунге «Очерки политико-экономической литературы»

5 апреля 1895 г.

К читателю

Настоящая книга состоит из написанных мною в разное время статей по истории литературы политической экономии. Для того чтобы не обмануть ожиданий читателей, которые могли ожидать от меня разработки практических вопросов или ответа на так называемые злобы дня, я избрал заглавие, устраняющее всякое недоразумение.

Не отказываясь от намерения напечатать со временем, если силы мои позволят, те из моих исследований, которые относятся к некоторым отраслям экономической политики и государственного хозяйства, я ограничился на первый раз областью теоретической, именно потому, что искал отдыха в работе мысли, которая имеет для меня

особую прелесть. Я вспоминал при этом о слушателях, память о которых мне дорога; я вспоминал о прожитой умственной жизни, вспоминал, как в течение многих лет я испытывал на себе влияние некоторых из господствовавших политико-экономических учений, как увлечение проходило, как я убеждался и делил со своими слушателями убеждение, что знание приобретается не верой в догматы теории, выдаваемой за нечто несомненное, а тщательным анализом явлений, правильными выводами из бесспорных основных положений и осторожными обобщениями (заключениями от частных случаев к общему правилу). Я вспоминал, как для меня становилось очевидным, что теории господствуют часто не потому, что в них воплощаются непререкаемые истины, но потому, что они отвечают современному настроению, с неумолимой последовательностью делают выводы из смелых гипотез, нисколько не стесняясь действительностью, или же возводят единичные явления на степень общих статистических фактов. Я вспоминал, как созданные таким образом системы заявляли притязания сказать последнее слово в науке, но не выдерживали первой серьезной критики, и лишь только теоретический чад начинал рассеиваться, а одурение в головах ослабевало, недостатки прославленных учений становились столь же наглядными, как и противоречие их с повседневными, наблюдаемыми нами явлениями.

Я далек от мысли, что все познаваемое нами условно, имеет значение лишь для известной эпохи и при известных обстоятельствах; в каждой науке есть незыблемые истины. Так, уважение нравственного достоинства человека, его личности, понятия о долге и связанной с последним ответственности принадлежат к числу тех аксиом, которые облегчают для нас верное понимание явлений общественной жизни. Но я также далек от мысли, что ошибочные и эфемерные теории имеют одно лишь отрицательное значение: в них всегда есть если не доля истины, то нечто заслуживающее изучения; затем в них воплощаются господствующие стремления и идеалы, а потому они способствуют пониманию данной эпохи. Даже высокомерное пренебрежение, с которым такие теории относятся иногда к прошлому, в особенности же к современному, приносит своего рода пользу. Крайности позволяют им развивать свои мысли с большей ясностью и определенностью и тем самым облегчают задачу критического изучения. При этом слова учения не принимаются уже на веру, но с надлежащим пониманием и с сознанием степени их убедительности, а это существенно важно.

Самая смена теорий не должна смущать нас: в области знания человек в каждую данную минуту, обладая тем, что выработано наукой, никогда не доходит до разрешения всех возникающих в уме его вопросов. Истинное знание, освещая пройденный путь, открывает перед глазами мыслителя непрерывно новые перспективы, и то, что выдавалось за последнее слово, не более как переходная ступень в движении нашей творческой мысли. В каждую данную эпоху всегда, более или менее заметно, мерцает свет будущего.

Развить в себе и в своих слушателях дух исследований и критики, а равно научиться и научить других собирать и обрабатывать материалы, я всегда считал своей задачей. Насколько все это мне удавалось, это другой вопрос. Сознаю, что я всегда оставался и остаюсь неудовлетворенным.

Под влиянием этого неудовлетворенного чувства я кое-что дополнил и переработал в издаваемых «Очерках»⁴. <...> Переработка казалась мне необходимой, потому что не во всем, прежде написанном мной, я нахожу то, что считаю ныне своим.

---

⁴ «Исторический очерк экономических учений» впервые был напечатан в 1868 г. Все дополнения написаны в 1894 г. Приведенный в сноске «краткий отчет о сделанных изменениях» опускается.

Прибавлю в заключение, что я не имею притязания изданием настоящей книги кого-либо переубедить и признаю бесплодность всякой полемики, ибо «вступившие в спор, — по справедливому замечанию Гёте, — противопоставляют только свои взгляды взглядам противника, и таким образом решение вопроса ни на шаг не подвигается вперед». Каждый приискивает доводы скорее в пользу своего, чем для опровержения чужого мнения. Я имею в виду изучающих политическую экономию, и если книга моя сослужит им такую же службу, как и мне, т. е. поможет им избавляться от иллюзий все примиряющих учений и от гнета непримиримых доктринеров, то цель моя будет достигнута вполне.

В такое время, как наше, когда поклонение фетишам, воздвигнутым разными учениями, сделалось чем-то довольно обычным, нельзя не пожелать каждому мыслителю человеку, серьезно относящемуся к жизни и науке, дорасти до того, чтобы

сметь

Свое суждение иметь (Грибоедов)

Н. Х. Бунге

Глава X. Общий обзор оснований социализма и коммунизма и критическая их оценка

1. Основания социализма и критическая их оценка

Социализм, как показывает самое его название, ставит своей задачей общение, союзность — ассоциацию в противоположность индивидуализму, т. е. разрозненной деятельности лиц самостоятельных, свободных, независимых друг от друга, опирающихся единственно на свои силы и находящихся нередко между собой в борьбе. Основа современного общества, по словам специалистов, заключается в положении: “chacun pour soi et Dieu pour personne”⁵, которое провозглашает беззащитность слабого и отсутствие всякого содействия и помощи со стороны других лиц, вследствие индивидуалистического строя общества. Для того чтобы вывести человека из состояния беспомощности, нужна ассоциация — общение людей в производстве, во владении и пользовании имуществом, а также и в потребности.

Несомненно, что соединение сил имущественных и личных в производстве на товарищеских началах может в некоторых случаях увенчаться блестящим успехом, но для этого необходимо, чтобы такое товарищество образовалось сознательно и свободно, чтобы между участниками господствовал дух согласия, предполагающий и достаточно высокий нравственный уровень, и усвоенную дисциплину; затем необходимо, чтобы за пределами товарищеской жизни существовал еще другой мир, в котором человек оставался бы хозяином того, что он приобрел, где он чувствовал бы себя свободным и куда он мог бы уйти из товарищества, если бы оно почему-либо сделалось ему в тягость.

Социалисты не хотят понять, что личная деятельность и частная собственность потому имеют особую цену для человека, что при этих условиях он чувствует себя более независимым от общественной среды, что в семейной жизни он находит средства для нравственного общения, тогда как в ассоциациях, поглощающих все его существование, выбор занятий, пользование имуществом, потребление и образ жизни зависят от общественного строя, в котором личность осуждается на зависимость более тяжкую, чем та, которая создается в современных обществах с так называемым капитализмом

---

⁵ Каждый сам за себя, а Бог ни за кого (фр.).

и свободным соперничеством. Капиталистическое производство, господство соперничества, внушающие социалистам чувства ужаса и ненависти, не лишают, по крайней мере, человека надежды на лучшее будущее и хотя бы на некоторую долю свободы, чего не дают замкнутые ассоциации, вне которых человек лишается даже права на существование.

Эти темные стороны социалистического хозяйства представляются с большей ясностью при характеристике коммунизма, конечной цели социалистического строя.
<... >

Опубл.: Бунге Н. Х. *Очерки политико-экономической литературы*. СПб., 1895. С. I-IV, 61-63.

**Записка Н. Х. Бунге о проекте издания
«Словаря экономических наук»**

[26] апреля 1895 г.

В последние годы в русской политико-экономической литературе заметно значительное оживление. Об интересе, пробудившемся в читающем обществе к этой отрасли знаний, можно судить по числу издаваемых книг и по числу статей политико-экономического содержания, помещаемых в периодических изданиях. В этом движении, однако, более заметно желание удовлетворить возникшей потребности, чем стремление к серьезному изучению текущих вопросов. С одинаковой легкостью превозносятся и осуждаются развитие или сужение финансовой деятельности государства, те или другие способы обеспечения народного продовольствия, восстановления обращения монеты, развития кредитных операций, те или другие формы земельной собственности, начиная от майоратов и оканчивая так называемой «национализацией» земли.

Возникновение противоположных мнений вызывается у нас не столько служением известным интересам, как это часто бывает в Западной Европе, сколько некоторым незнакомством с историей экономических явлений и с основными положениями, выработанными и жизнью, и наукой.

Поэтому казалось бы полезным предпринять издание Словаря экономических наук, заключающего в себе по преимуществу фактическую разработку важнейших предметов, относящихся к народному и государственному хозяйству. Само собой разумеется, что безыдейным такое издание быть не может, но в нем необходимо устранить всякую односторонность в направлении. В этом отношении образцом мог бы служить *Handwörterbuch der Staatswissenschaften* Конрада^[1]. Подобный словарь мог бы сделаться настольной книгой не только для многих служащих, нуждающихся в теоретических и фактических справках, но и для каждого образованного человека, желающего или разъяснить себе известный вопрос, или, приступая к его изучению, найти также и указание литературы предмета.

Предпринимая подобное издание, Академия при даровом участии своих сочленов по политической экономии и статистике могла бы пригласить сотрудников за известную плату из числа ученых и служащих по министерствам: финансов, земледелия и государственных имуществ, внутренних дел, путей сообщения и по государственному контролю. Участие Академии в этом деле послужило бы ручательством относительно серьезного направления издания, а также и того, что последнее будет доведено до конца.

Расходы на издание превысят, конечно, средства, которые могут быть для сего предназначены Академией, но если бы признано было возможным оказать пособие из Государственного казначейства в течение двух или трех лет, в общем итоге примерно в 15 000 рублей, то можно почти утвердительно сказать, что издание словаря было бы обеспечено, конечно, под условием, что отпущенные суммы будут отнесены к специальным средствам Академии, имеющим определенное назначение.

СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 108. Л. 8–9 об. Автограф Н. Х. Бунге.

^[1] Имеется в виду капитальный, в шести томах, общественно-политический словарь, или словарь государственных наук — “Handwörterbuch der Staatswissenschaften” (Жена, 1890–1897), одним из редакторов которого был И. Конрад.

**Письмо Н. Х. Бунге к К. С. Веселовскому о проекте
издания «Словаря экономических наук»**

26 апреля 1895 г.

Глубокоуважаемый Константин Степанович,

Если Вы одобрите прилагаемую записку, то она при случае может быть передана министру финансов. Впрочем, спешить нет надобности. Быть может, лучше передать ее тогда, когда последует официальное сношение.

Душевно преданный Вам,
Н. Бунге

СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 108. Л. 7. Автограф Н. Х. Бунге.

**Письмо Н. Х. Бунге к И. И. Янжулу о проекте
издания «Словаря экономических наук»**

Царское Село. Садовая, 1
12 мая 1895 г.

Искренне уважаемый Иван Иванович.

В моем курорте погода прекрасная — тихо, тепло, более месяца постоянная ясная погода. Пью Киссинген и жду с трепетом, что снега, которыми Вас угостил Мариенбад, пожалуют к нам^[1].

К. С. [Веселовский], вероятно, Вас уже известил, что Вы утверждены академиком с пребыванием в Москве (что даст Вам возможность приобрести право заслуженного профессора) и с назначением от Академии 1800 руб. содержания^[2]. Это мы узнали третьего дня в заседании. Нечего Вам говорить, как мы (К. С. и я) этому рады.

К. С. было приготовил записку для внесения в отделение Академии по поводу словаря, но потом, после совещания со мной, отложил дело до Вашего возвращения. Я постараюсь увидеться с Познером и сообщу ему свое мнение насчет алфавита. Мне казалось бы очень желательным сделать в алфавите некоторые отметки насчет объема статей.

Что касается содержания, то мы будем ждать Вас, чтобы условиться насчет того, насколько необходимо придать словарю характер сборника **самостоятельных статей**, обработанных по источникам. Это мысль К. С. Я опасюсь, что она может несколько затруднить дело, и думаю, что надо воспользоваться тем, что уже сделано.

Посылаю Вам мою книгу. Не взывайте! Это переделка старого. Нового в ней немного, главным образом о социалистах и о Марксе в частности. Предисловие объяснит Вам, что побудило меня издать эту книгу^[2].

Благодарю Вас за рекомендацию соч[инения] Туган-Барановского. Я читал его с увлечением. Знания у него много, но еще более умения работать. Это крупное дарование.

До след[ующего] письма. Желаю Вам здоровья, тепла и отдыха.

Душевно уважающий Вас

Н. Бунге

СПбФ АРАН. Ф. 45. Оп. 2. Д. 145. Л. 37–38 об. Автограф Н. Х. Бунге.

^[1] «Киссинген» — минеральная вода целебных источников курорта Бад-Киссинген в Баварии.

И. И. Янжул много времени проводил на лечении в Мариенбаде (совр. Марианске-Лазне, курортный город в Чешской Республике).

^[2] Имеется в виду книга: Бунге Н. Х. Очерки политико-экономической литературы. СПб., 1895. Выдержки из нее см. выше.

Письмо К. С. Веселовского к И. И. Янжулу с сообщением о смерти Н. Х. Бунге

Гатчина, 4 июня 1895 г.

Глубокоуважаемый Иван Иванович.

Великое несчастье разразилось над нами — вчера, 3 июня, скончался почти внезапно — Николай Христианович Бунге. Он чувствовал себя очень хорошо, был здоров и около 4 часов пополудни отправился в обычную свою прогулку по Царскосельскому парку, но, почувствовав себя нехорошо, скоро вернулся домой. Призван был доктор, который констатировал отек сердца. Затем ухудшение последовало так быстро, что в 8 ч. 55 м. паралич сердца положил конец этой достойной жизни. Не могу выразить, как больно отразилась эта утрата в моем сердце. Я как бы ошеломлен этой громадной потерей. Бунге был 3 или 4 годами моложе меня, и, глядя на его бодрый вид, в котором несколько не было заметно каких-либо признаков дряхлости, я никак не мог вообразить, что переживу его.

Вам хорошо известно, что в нем теряет Россия, особенно в настоящем положении наших экономических дел; но как всякому позволительно думать о ближайших своих интересах, то не могу не заметить с сердечной горечью, каким громовым ударом является эта смерть для наших академических дел, и в особенности для задуманного им же, Бунге, Экономического словаря. Дело это большое, требующее огромных средств, и если мы его затеяли, то **единственно** ввиду мощной поддержки, которой мы ожидали от Н. Хр., а теперь, лишаясь этой поддержки, не знаю, можно ли еще питать какие-либо надежды на осуществление этого дела. Может быть, было бы не лишним, с Вашей стороны, предварить об этом М. В. Познера, чтобы он до поры до времени остановился работою (списка слов для словаря), а пока считать бы данное ему поручение *comme nul et non avenue*⁶.

Не имею духа писать Вам теперь еще что-нибудь о себе — скажу только вкратце, что 14 мая я переехал в Гатчину, где имел удовольствие получить Ваше письмо от 29 м[арта] весьма исправно. На здоровье свое не могу жаловаться, равно как

⁶ Недействительным (фр.).

и надеяться на него не могу. Все, что могу со своей стороны делать для его поддержания, — веду *vitam vegetativam*⁷ — то делаю, а в остальном — Бог волен.

В надежде на Вашу добрую память обо мне, что Вы не оставите меня долгое время без вестей о себе, прошу принять мой дружеский поклон и передать мое нижайшее почтение достойнейшей Вашей супруге.

Преданный Вам душевно

К. Веселовский

СПбФ АРАН. Ф. 45. Оп. 2. Д. 173. Л. 47–48 об. Автограф К. С. Веселовского.

Воспоминания И. И. Янжула о Н. Х. Бунге

Не ранее 1911 г.

<...> Уже давно Н. Х. Бунге в своих беседах и свиданиях с К. С. Веселовским поделились общею мыслью и желанием издания в России политико-экономического словаря. По мнению обоих ученых, уже давно созрела необходимость нам иметь нечто в этом роде, хотя в определении подробностей академики и расходились. Константин Степанович считал, что для России нужен такой же, по возможности, сообразно научным силам, ученый словарь, как знаменитый словарь государственных наук Конрада (“*Handwörterbuch der Staatswissenschaften, herausgegeben von Dr. I. Conrad u. a.*”). Напротив, Бунге думал, что на первый раз достаточно будет, ежели словарь будет значительно сокращенных размеров и иметь характер лишь справочный, вроде известного английского словаря “*Dictionary of Political Economy by R. H. Inglis Palgrave*”, или еще короче^[1].

В 1895 году, когда решился в принципе вопрос о моем избрании в члены Академии и переселении в Петербург, оба почтенных академика с жаром ухватились за осуществление мысли о словаре, вслед за моим переселением. Преклонные годы и слабое здоровье мешали им обоим лично заняться сложным делом издания. Поэтому Николай Христианович и Константин Степанович решили для осуществления мысли воспользоваться моим присутствием и осуществить план о словаре под моей фактической редакцией и, разумеется, при их ближайшем и благосклонном к этому делу участии. Так дело это между нами и было решено. Я еще не был даже утвержден академиком после выборов, а между нами шла довольно деятельная переписка по поводу предполагаемого словаря. Оба старца были так деятельны, что, не откладывая дело в долгий ящик, уже выработали записку по поводу словаря для внесения ее в Историко-филологическое отделение Академии и собрали все необходимые для этого справки.

Министр финансов С. Ю. Витте, у которого по этому поводу зондировал почву Н. Х. Бунге, отозвался о плане очень сочувственно и обещал достать необходимые для словаря деньги. Необходимо было, следовательно, выработать подробности проекта и пустить дело на утверждение Академии. К сожалению, серьезной препоной к успешному ходу дела явился я, против своей воли. Сначала почему-то утверждение мое, уже после сделанных выборов, сильно затянулось, затем к маю я уже был утвержден, но вследствие серьезной болезни, которой страдал всю первую половину этого 1895 года, я по настоянию врачей вынужден был наскоро собраться и ехать за границу для серьезного лечения грязями в Мариенбад, не заезжая в Петербург.

⁷ Вегетарианскую жизнь (*лат.*).

Там я получил письмо от Николая Христиановича от 12 мая из Царского Села, где он проживал, с упоминанием, во-первых, о моем утверждении ординарным академиком, и, во-вторых, что по поводу словаря после совещания с сочувствовавшими этому предприятию лицами было решено ждать моего возвращения из-за границы, так как решение многих вопросов, с этим связанных, без меня было бы затруднительно^[2]. О том же самом уведомил меня скоро и Веселовский, а сверх того Николай Христианович переслал мне записку, ими составленную, для внесения в конференцию Академии <...>⁸.

Двумя неделями позднее я получил еще письмо, увы, последнее, от почтенного Николая Христиановича, где он сообщает о своем житье-бытье и о судьбе нашего общего Словаря:

«Искренне уважаемый Иван Иванович,

Очень обрадовало меня известие, что воды принесли вам пользу. Я тоже пью Киссинген. Встаю в 5 часов и гуляю, но без музыки, только нет, увы, той жизни, которая прельщала меня на водах. Царское Село вообще город с домами, но без жителей, а теперь, кажется, их еще менее.

Императорская чета ведет очень уединенную жизнь, приемов нет, Александровский парк закрыт, так что отсутствие оживления совершенно естественно. В последние две недели я был замучен работой. Витте притянул меня в разные заседания, в том числе и сахарное, которое портит мне много крови, потому что придется опять регламентировать, если не синдикат, то какой-нибудь способ для ограничения производства!^[3].

В сущности, никакой потери не произойдет от того, что дело об издании Словаря будет отложено до Вашего возвращения. Ведь все равно до сентября денег не потребуется, и ничего написано не будет.

Чем более я вдумываюсь в предположение К. С. Веселовского, тем более отдаю справедливости его основной мысли, но тем более сомневаюсь, чтобы она была легко осуществима. Я предпочел бы “справочный” Словарь — ученому, но такая книга, быть может, не для Академии.

Искренне желаю вам полного выздоровления

Сердечно преданный Вам

Н. Бунге»^[4].

Затем наступила некоторая заминка в нашей корреспонденции. Я довольно долго не получал никаких известий, как внезапно прочел в читальне курорта Мариенбада, в русской газете, печальную телеграмму о внезапной кончине Николая Христиановича...

В его лице для России умер один из полезнейших ее граждан, а для меня лично дорогой, можно сказать, покровитель и друг, расположением которого я пользовался много лет без всякой с моей стороны заслуги. И я даже не знаю, имел ли я право на такое доброе, истинно дружеское к себе расположение и внимание?! <...>

Вскоре после кончины Николая Христиановича, повергшей меня в большое уныние и горе, я обратился немедленно к К. С. Веселовскому с выражениями своих по этому поводу чувств, а также и с вопросами о возможном будущем наших общих планов. Ответ от Веселовского, подлинник которого у меня затерялся, получился самый решительный и прискорбный: «Разумеется, на основании хороших знаний наших русских условий, со смертью Бунге мы должны покончить и похоронить также и наши

---

⁸ Текст записки опускается. Полностью документ «Записка Н. Х. Бунге о проекте издания “Словаря экономических наук”» публикуется выше.

планы об издании словаря. Первый, конечно, вопрос о деньгах, но если их даже ввиду категорического, хотя бы и словесного согласия Витте, нам и дадут, то ведь предстоит гораздо более серьезный вопрос о цензуре. Несмотря ни на какие бумажные изъятия и привилегии, цензура нас съест, — буквально выразился почтенный старец, — хотя бы на первой букве А, за слово “анархия”, или второй — Б, за слово “богатство”. Итак, оставим ныне тщетный и бесполезный план, из которого теперь ничего не выйдет, кроме сокращения нашего брэнного существования!».

Таким образом, увы, со смертью Николая Христиановича, чего я сначала не понимал и что мне не входило в голову, рушился в самом зародыше план издания академического Словаря политико-экономических и общественных наук. Я сделался с 1895 года действительным членом Академии наук, но вопрос об Экономическом Словаре уже более не поднимался.

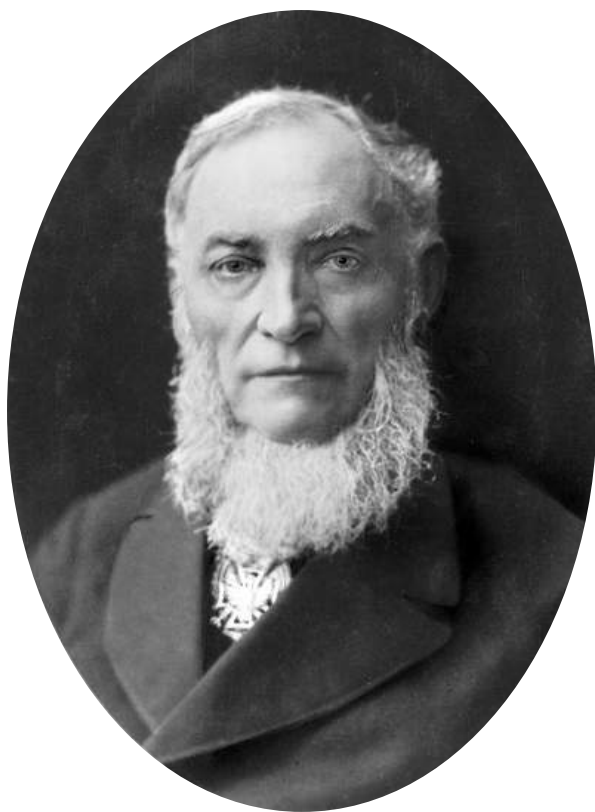
Опубл.: Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. Вып. 2. СПб., 1911. С. 82–87 (гл. VIII).

^[1] Экономическая энциклопедия была подготовлена под редакцией И. Палгрева в трех томах в 1894–1899 гг. — “Dictionary of Political Economy by R. H. Inglis Palgrave”. Начиная с третьего издания (1987) словарь получил название «Новый Палгрев: словарь по экономике» и стал ежеквартально обновляемым справочником по экономике.

^[2] Текст письма см. выше.

^[3] В 1895 г. С. Ю. Витте ввел казенную сахарную нормировку, т. е. ограждение рынка от излишков сахара путем обложения их дополнительным акцизным налогом.

^[4] Письмо датировано 25 мая 1895 г. См.: СПбФ АРАН. Ф. 45. Оп. 2. Д. 145. Л. 40–41 об.

Виктор Яковлевич
БУНЯКОВСКИЙ

(1804–1889)

«Нестором русских математиков» называли современники Виктора Яковлевича Буняковского. Его деятельность составила целую эпоху в истории математики и Академии наук, членом которой он стал в 1828 г. в возрасте 24 лет.

Математическое образование В. Я. Буняковский получил в Париже, где усвоил те принципы математического анализа, которые в свое время развивал в Петербурге Л. Эйлер. В. Я. Буняковский перенес эти принципы на родину и укоренил их своим долгим преподаванием. Основные направления его трудов — теория чисел и теория вероятностей, отдельные вопросы анализа, и среди них — «неравенство Буняковского» (1859), которое является одним из важнейших неравенств математического анализа. В. Я. Буняковский дал оригинальное изложение теории вероятностей и ее приложения к страхованию и демографии, статистике народонаселения, подсчету вероятного контингента русской армии и т. д. С 1858 г. он состоял главным экспертом правительства по вопросам статистики и страхования. Труды ученого отличались ясностью и изяществом изложения и немало содействовали формированию русской математической терминологии¹.

В течение 25 лет В. Я. Буняковский занимал должность вице-президента (1864–1889) и принимал ближайшее участие в делах Академии наук: в подготовке проектов ее устава и разных пояснительных записок для Министерства народного просвещения. Он обладал счастливым характером, умел ладить с коллегами и пользовался их неизменным расположением.

---

¹ Библиографию трудов В. Я. Буняковского см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 73–78.

Статья “Lunule” — «Луночка»
в «Лексиконе чистой и прикладной математики»
В. Я. Буняковского^[1]

Не позднее 7 февраля 1836 г.²

Lunule, или иногда Menisque (см.) (Геом.) Луночка. Плоская фигура, образуемая двумя круговыми дугами, вогнутыми в одну сторону. Таковы на чертеже 17 фигуры AEBG и BDCF.

Гиппократ Хиосский (родившийся за 450 лет до Р. Х.) сделался известным квадратурой луночек, которые и до наших времен сохранили название Гиппократовых.

Он доказал, что если из середин трех сторон AC, AB, BC (черт. 17) равнобедренного прямоугольного треугольника ABC опишутся полукруги AGBFC, AEB, BDC, все в одну сторону, то площади двух луночек AEBG, BDCF будут равняться площади треугольника ABC, или, что все равно, каждая из них будет равна треугольнику ABO или BOC. Это предложение доказывают весьма просто во многих элементарных геометриях, основываясь на том свойстве подобных фигур, по которому их площади пропорциональны квадратам сходственных сторон.

Гиппократовы луночки были первым примером сплющадимости (quadratura) криволинейных фигур; впоследствии нашли, что и некоторые части луночки могут быть превращены в прямолинейные фигуры. Относительно некоторых фигур, ограниченных эллиптическими, гиперболическими и другими дугами, найдено то же самое.

Ныне, при пособии интегрального исчисления, подобные исследования вообще не представляют больших затруднений.

Говоря о луночках, мы должны упомянуть о паралогизме Гиппократа. Вот в чем его суждение состояло. Представим себе два круга A и B (черт. 18); положим, что диаметр LM круга B вдвое больше диаметра IK малого круга A; следовательно, площадь B будет в четыре раза более площади A. Впишем теперь в круг B правильный шестиугольник; его стороны, очевидно, будут равняться диаметру IK. Описав теперь на каждой из сих сторон полукруги, получим шесть луночек a, b, c, d, e, f. Но так как каждый из шести малых полукругов равен половине круга A, то, считая сей последний, получим восемь полукругов, то есть, четыре круга, равных A, или, что все равно, один целый круг B. Следовательно, если отнимешь все сегменты, принадлежащие как большому кругу, так и шести малым полукругам, то остатки будут равны; в таком предположении, от большого круга останется площадь шестиугольника, которая будет равна кругу A, сложенному с шестью луночками a, b, c, d, e, f, и так площадь малого круга A будет равняться шестиугольнику без шести луночек, которые сплющадимы; следовательно, круг A будет сплющадим, и квадратура круга найдена.

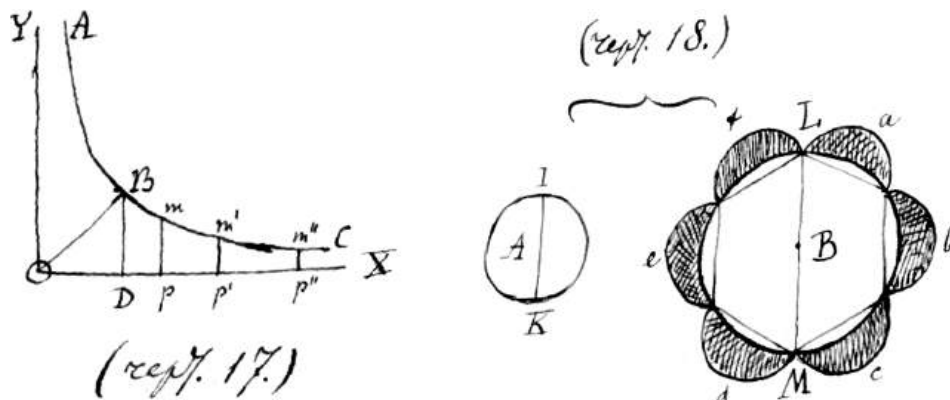
Наши читатели, без сомнения, заметили, что софизм состоит в предположении сплющадимости луночек a, b, c, d, e, f. Сплющадимая луночка составлена из двух дуг, из которых одна равна четверти окружности, а другая — полукругности. В настоящем же случае дуги, служащие основанием луночек a, b, c, d, e, f, составляют только шестую часть окружности и не могут быть точно измерены.

Трудно поверить, чтобы Гиппократ, известный как геометр со столь выгодной стороны, мог впасть в такую грубую ошибку; Бланканий (Blancanus)³, дорожа славою Гиппократа, утверждал, что сей последний не обманывал себя на счет справедливости

² Датировано по записи в конце рукописи: Конец первой части. 7 февраля 1836 года. На титульном листе: Санкт-Петербург, 1837.

³ Loca Mathem. Aristot. § 16. [Blancanus I. Aristotelis loca mathematica ex universis ipsius operibus collecta et explicata. Bononiae, 1615] (Примеч. документа).

приведенного умствования, а предлагал свой софизм математикам, имея только в виду испытать их силы и потешиться над их усилиями. Как бы то ни было, но большая часть писателей, между которыми можно назвать Аристотеля, судит не так выгодно, как Бланканий и Гиппократ, и уверена, что сей последний, не заметив софизма, не сомневался в строгости своего доказательства.

СПбФ АРАН. Р. II. Оп. 1. Д. 280. Л. 368–372. Автограф В. Я. Буняковского.

[1] «Лексикон чистой и прикладной математики» начал издаваться в 1839 г. и имел серьезное значение для науки XIX в. Но по недостатку средств словарь был доведен только до буквы D (названия статей даются в нем на французском языке).

В СПбФ АРАН сохранились наброски для продолжения издания до французской буквы L включительно.

**«Предупреждение» к работе В. Я. Буняковского
«Лексикон чистой и прикладной математики»**

17 апреля 1839 г.

Бедность нашей ученой литературы никогда еще не была так ощутительна, как теперь, несмотря на довольно значительное число оригинальных и переводных сочинений, приобретенных ею в последнее 25-летие. Это кажущееся противоречие объясняется тем, что любовь к положительным знаниям более, нежели когда-нибудь, начинает развиваться в нашем отечестве. Очень естественно, что при таком стремлении настоящего поколения к умственному образованию число существующих у нас учебных пособий и ученых пособий должно было оказаться весьма недостаточным. Любознательность породила новые требования и сделала нас более взыскательными к достоинству произведений, появляющихся в области наук. Может быть, иные скажут, что эта самая взыскательность есть одна из причин скудости нашей современной ученой литературы, и это потому, что не всякий решается обнародовать свой труд, более или менее несовершенный, опасаясь суда знатоков, правда, еще немногочисленных. Но могла ли эта робость и недоверчивость к собственным силам замедлить ощутительным образом нашу литературную деятельность? Будем откровенны и сознаемся, что главная причина нашей бедности по всем отраслям положительных знаний есть незрелость умов, неразлучная с состоянием народа, уже ознаменовавшего себя воинскими и гражданскими доблестями, но недавно вступившего на поприще умственного образования. Это сознание не должно печаливать нас: развитие ума человеческого

подлежит тому же закону строгой постепенности, как и явления в вещественном мире. Если примем в соображение короткий промежуток времени, отделяющий нас от поры невежества русского народа, то утвердительно скажем, что возможное в великом деле просвещения исполнено у нас. И ежели бы чужеземец, считающий столетиями давность образованности своего отечества, упрекнул нас в застое умственного развития, то мы раскрыли бы перед ним наши летописи на тех эпохах, когда Англия озарялась гением Бэкона, Локка, Ньютона, когда Франция гордилась Декартом, Паскалем, Ферматом, Германия — Кеплером, Лейбницем, Италия — Галилеем; он увидел бы, что в те времена едва заводилась у нас типография для печатания церковных книг. Беспристрастное сравнение России XVIII века с Россией XIX столетия вполне убедит его в той истине, что, может быть, ни один народ в такое короткое время не сделал столь быстрых успехов в просвещении, как народ русский.

Сказанное о бедности русской ученой литературы вообще может быть отнесено преимущественно к литературе математической, состояние которой составляет разительную противоположность с особенным влечением нашего юношества к изучению точных наук. Не находя на русском языке удовлетворительных пособий, любители математики по необходимости должны прибегать к иностранным сочинениям; но уразумение книг, написанных не на родном языке, сопряжено для большей части читателей с непреодолимыми затруднениями; с одной стороны, потому что в обыкновенных лексиконах математические термины переданы с большой неточностью, а с другой — по причине недостаточности русской математической номенклатуры.

Можно сказать с достоверностью, что при таких обстоятельствах первая потребность для распространения и усиления математических наук в нашем отечестве есть издание полного курса математики и математического лексикона. Составление хорошего и вместе полного курса чрезвычайно трудно: легко убедиться в этом, приняв в соображение, что на одном языке не существует еще такого руководства, которое не заключало бы в себе важных недостатков или, по крайней мере, пропусков. В ожидании полного курса математики на отечественном языке я предпринял удовлетворить второму требованию изданием лексикона. Повторяю, необходимость такой книги становится у нас со дня на день более и более ощутительной⁴. Специальный лексикон, составленный с добросовестностью и со знанием дела, может заменить в некотором отношении целую библиотеку по излагаемой в нем науке, конечно, не для ученых, но для людей, занимающихся предметом с целью изучить его основательно.

С такими мыслями о потребностях нашей математической литературы я приступил к осуществлению предприятия, которое давно сделалось любимой моей мечтой. Еще на скамьях аудиторий, слушая лекции знаменитых европейских геометров, я замыслил уже математический лексикон. По мере того, как круг наук расширялся передо мной, я более и более убеждался в трудности предприятия; и теперь отложил бы непременно на несколько лет издание моего лексикона, если бы не был уверен, что, несмотря на все его недостатки, он может принести пользу моим соотечественникам. Увлекаясь, с одной стороны, этим убеждением, а с другой — ободряемый некоторыми любителями математики, которые, конечно, судили слишком снисходительно

---

⁴ Чтобы не обвинили меня в умышленном или неумышленном пропуске, я вынужден упомянуть об одном опыте в этом роде: я разумею **Военный и математический словарь** Вельяшева-Волынцева, напечатанный в 1808 году. Но стоит только раскрыть это руководство, чтобы удостовериться в совершенном его ничтожестве в отношении математических наук. Об этой книге можно смело сказать, что если она не причинила вреда своими превратными понятиями о предметах, а также своим искаженным языком, то, наверное, не могла принести и никакой пользы. Сколько мне известно, других опытов на русском языке не было (*Примеч. документа*).

о достоинстве моего труда, я решился приступить к его напечатанию и представляю ныне на суд ученых первый том лексикона.

Считаю необходимым войти в некоторые подробности относительно цели, образа исполнения и средств, которыми я располагал при составлении моего математического лексикона.

Главная цель издания состояла в том, чтобы доставить моим соотечественникам, занимающимся математикой и уже несколько знакомым с ней, такую книгу, в которой они могли бы почерпнуть достаточные сведения обо всех важнейших теориях, как старых, так и новейших. Для этого я объяснил в моем лексиконе все термины **чистого анализа, аналитической и начертательной геометрии, механики, исчисления вероятностей**, значительное число слов из **астрономии, геодезии, прикладной механики, оптики, гномоники**^[1], **опытной и математической физики** и из других наук, более или менее соприкосновенных с математикой.

Второй целью издания было обогащение русской математической номенклатуры, весьма неполной во многих отношениях. Я старался достигнуть этой цели, во-первых, введением новых слов в тех случаях, — и число их довольно значительно, — когда для выражения известных понятий мы не имеем никаких терминов, а во-вторых, уместным употреблением математических речений, получивших уже право гражданства в нашем языке. Когда при переводе какого-либо французского термина выставлено в моем лексиконе несколько русских слов, то вообще первое слово, по моему мнению, должно быть предпочтено другим по каким-либо причинам, например, по своей определенности или потому что оно более свойственно духу русского языка и т. п. Впрочем, иногда слова бывают равносильные; тогда фразеология покажет, в каких случаях должно употреблять одно преимущественно пред другим.

Наконец, третья цель состояла в том, чтобы доставить любителям точных наук, малознакомым с французским языком, возможность читать и понимать французские математические книги. Польза от этого очевидна: утвердительно можно сказать, что ни один народ не имеет такой богатой математической литературы, как французский. Для достижения этой цели я расположил лексикон по французскому алфавиту и перевел все термины на русский язык с надлежащими объяснениями и с присовокуплением фразеологии, по возможности подробнейшей. Надеюсь, что в этом отношении он удовлетворит даже взыскательных читателей. В нем найдут они самый полный свод французских математических слов. Что касается до фразеологии, то меня скорее могут упрекнуть в излишней полноте, чем в противном недостатке. Наконец, для удобства читателей, вовсе не знающих французского языка, будет помещен в конце лексикона полный алфавитный список русских математических слов с их переводом на французский язык. При таком пособии приискивание статей не будет представлять ни малейшего затруднения.

Когда какая-либо теория по значительному объему своему не могла войти в лексикон со всеми подробностями, то я делал ссылки на книги или на отдельные записки, в которых можно почерпнуть полные сведения о том предмете. То же самое наблюдал я вообще и в рассуждении различных отраслей чистой и прикладной математики. Так, например, в статьях: **алгебра, астрономия, исчисление конечных разностей** и проч. читатели найдут указания на лучшие трактаты об этих науках. Впрочем, при изложении статей большого объема я старался по возможности обозначать порядок предложений и ход доказательств так, чтобы читатель, несколько сведущий в математике, мог без труда пополнить сам пропущенное за недостатком места. Подобный способ изложения имеет, без сомнения, весьма полезную сторону, ибо заставляет читателя прибегать иногда к собственным своим силам, а это самое ведет его к более основательному изучению предмета.

В состав лексикона вошла также история различных отраслей математических наук. Равным образом читатели найдут в нем исторические и хронологические

показания о разных теориях и задачах, относящихся к чистому и прикладному анализу. Эти две статьи, весьма важные, по моему мнению, служат необходимым дополнением к курсам математики, в которых, по большей части, вовсе опущены как исторические, так и хронологические сведения.

Я уже сказал, что число новых русских слов, входящих в мой лексикон, довольно значительно. Они не отмечены в тексте особым знаком; читатели, сведущие в русской математической литературе, легко заметят их. Опытность и время покажут, какие из предлагаемых мной нововведений могут быть приняты и которые из них должны быть откинута. Впрочем, я тогда только отступал от номенклатуры и языка русских писателей о математике, когда, по разумению моему, изменения были необходимы.

Для удобнейшего приискания статей, объясняющих чертежи, выставлены на сих последних относящиеся к ним страницы текста.

Что касается до средств, которыми я располагал при составлении моего лексикона, то в этом отношении я не мог терпеть никакого недостатка. С одной стороны, замечания ученых моих сослуживцев по Академии, преимущественно же советы г. Остроградского, а с другой — богатство Библиотеки Императорской Академии наук поставили меня в возможность дать моему труду такую полноту, которой трудно было бы достигнуть, даже нескольким делателям, при обстоятельствах менее благоприятных. Вменяю себе в приятный долг изъявить пред всеми искреннюю благодарность тем гг. академикам, советами которых я пользовался при составлении моего лексикона.

Всякое сочинение как дело человеческое имеет свои недостатки. Я очень знаю, что мой труд более, нежели многие другие, должен по сущности своей подать повод к справедливым критическим замечаниям. Разнообразие предметов, которые для полноты должны входить в состав лексикона чистой и прикладной математики, трудность соразмерить объем статей с относительной их важностью избежать в некоторых случаях повторений, необработанность нашего математического языка, — все это заставляет меня думать, что, несмотря на все мои старания, книга моя далеко еще не удовлетворит условиям хорошего лексикографического руководства. Может быть, отечественные математики найдут также, что некоторые термины и речения переданы не совсем удачно в моем лексиконе; заранее прошу их быть снисходительными к таким недостаткам. До сих пор у нас не было никакого авторитета для русского математического языка; и так, может ли первый опыт установить терминологию науки, в такой степени обширной и многосторонней, как математика?

Сознаваясь с откровенностью в слабых сторонах моего труда, я позволяю себе вместе с тем обратить внимание читателей на полноту моего лексикона в рассуждении числа математических терминов по предмету чистого анализа, геометрии, умозрительной механики и исчисления вероятностей. Смело скажу, что в этом отношении лексикон мой имеет преимущественно пред всеми доселе изданными на иностранных языках математическими словарями, и вот на чем я основываю это утверждение. При составлении алфавитного списка математических терминов я имел в виду почти все математические лексиконы и списки слов на французском и немецком языках⁵. Сверх того, бесперывные справки с Записками главных академий и ученых обществ, а также чтение отдельных сочинений, журналов и диссертаций по разным предметам математических наук доставили мне огромный итог терминов, сводом которых я уже занимаюсь с лишком десять лет. При таких пособиях нетрудно было составить самый полный сборник слов и речений математических. Смею также надеяться, что лексикон мой не отстал и от современного состояния науки.

---

⁵ Перечень сочинений опускается.

Предпринятое мною сочинение будет состоять из **трех** томов: первый подвергается ныне суду отечественных ученых. Для второго и третьего уже собрано у меня очень много материалов; но эти материалы требуют еще тщательной обработки и значительных пополнений. В конце третьего тома будут помещены некоторые дополнения ко всему изданию.

В. Буняковский

Апреля 17 дня 1839 года

Опубл.: Лексикон чистой и прикладной математики, составленный Императорской Академии наук экстраординарным академиком и доктором наук Парижской академии В. Я. Буняковским. Т. 1 : А — Д. СПб., 1839. С. V–X.

[¹] Гномоника — искусство конструирования и изготовления гномонов и солнечных часов.

**Из работы В. Я. Буняковского «О возможности введения
определяющих мер доверия к результатам некоторых наук
наблюдательных и преимущественно статистики»**

1847 г.

<...> Здесь бы следовало заключить статью; но по аналогии предмета да позволено будет мне прибавить несколько слов о другом приложении анализа вероятностей, на которое, кажется, никто еще не указывал^[1]. Новое применение относится к грамматическим и этимологическим исследованиям о каком-либо языке, также к сравнительной филологии. Сколько с первого взгляда такого рода исследования не покажутся чуждыми математическому анализу, однако ж могу с уверенностью сказать, что в этом отношении представляется обширное поле для строгих математических соображений.

Утверждение мое основывается не на предположениях и догадках, более или менее шатких, а на критическом обсуждении предмета, на сделанных уже мною попытках и на аналитических формулах, которые я вывел для определения в **числах** вероятностей разных словопроизводств. Таким образом, мера доверия, например, к какой-либо этимологии может быть определена приблизительно **числом** и по степени близости этого числа к единице, или достоверности, следует судить о предполагаемой ее подлинности.

Здесь теперь не место входить в подробности относительно предмета, на который я покамест желал только указать. Но чтобы прямо обнаружить, каким образом подобные исследования могут войти в область прикладной математики, считаю не излишним в беглых чертах поименовать некоторые из тех численных показаний, или материалов, которые подлежат ее разработке. Когда речь идет об одном языке, то, прежде всего, предположим, что имеем подробное его **арифметическое описание**, или, выразимся так, его **статистику**, т. е. численные показания о полном итоге слов того языка, распределение этих слов по частям речи, по числу букв, по начальным буквам, по окончаниям и проч., и проч. Сюда же будут относиться сведения об общих правилах, об исключениях разного рода, о словах, несомненно заимствованных из других языков, и т. п. Вот численные материалы, строгий разбор которых требует, конечно, соображений математических. Имея подобные статистические данные для двух или нескольких языков, можно сравнить их в разных отношениях, и выводимые результаты облекутся некоторым авторитетом, который в свое оправдание не всегда могут представить филологи при настоящем состоянии науки.

Конечно, составление того, что я назвал **статистикой языка**, весьма утомительно, и, по всей вероятности, филологи назовут такой труд почти потерянным по той причине, что предполагаемый выигрыш со стороны точности заключений о языке не

вознаградит их за потерю времени. Не берем на себя решить вопрос, до какой степени такое утверждение было бы справедливо.

Может быть, при другом случае я издам свои теоретические исследования по предмету, о котором я здесь только упомянул. Что же касается до практических применений общих формул, то за неимением подробных арифметических данных о языках должно будет ограничиться весьма немногими примерами. Впрочем, чтобы придать подобному труду надлежащую степень полноты и основательности относительно филологических условий, само собой разумеется, математик непременно должен вступить в сношения со знатоками этого дела, ему самому более или менее чуждого.

Оубл.: Буняковский В. Я. О возможности введения определительных мер доверия к результатам некоторых наук наблюдательных и преимущественно статистики // Современник. 1847. Т. 3. Отд. II. С. 48–49.

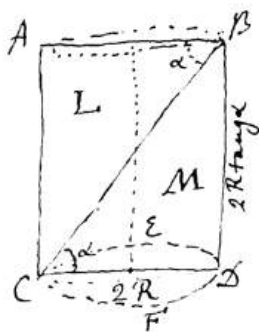
^[1] Статья посвящена приложению «анализа вероятностей» к исследованию вопросов, которыми занимается статистика, и, в частности, к установлению того, что автор называет «мерой доверия к предлагаемому выводу». В ней заключается одно из первых указаний на возможность применения статистического метода к вопросам филологии. В 50-х гг. XX в. возникла математическая лингвистика, занимающаяся математическим описанием не только естественных, но и искусственных языков, в особенности языков программирования.

**Письмо В. Я. Буняковского к Б. С. Якоби
о способе определения объема усеченного цилиндра**

Парголово, 9 августа 1854 г.

Illustre confrère!

Les idées les plus simples viennent toujours les dernières. Pour justifier cette vérité, je vous communique la détermination du volume du **cyindre tronqué**, réduite à une simplicité fabuleuse.

Soit ABCD la section d'un cylindre par un plan passant par son axe, et CB la projection d'un plan coupant le cylindre en deux portions L et M, évidemment égales entre elles. Chacune de ces portions L, M représentera un **cyindre tronqué**, dont nous représenterons le volume par V. On aura donc

$2V =$ volume du cylindre ABCD.
 $=$ à la base du cylindre [C]EDF,
 multipliée par la hauteur BD. (Retournez)

Or, la base du cylindre $= \pi R^2$ la hauteur DB du cylindre, déduite du triangle rectangle CDB est évidemment $= 2R \operatorname{tang} \alpha$.

Done $2V = 2\pi R^3 \operatorname{tang} \alpha = \pi R^2 \times 2R \operatorname{tang} \alpha$
 d'où l'on tire $V = \pi R^3 \operatorname{tang} \alpha$.

Je défie tous les mathématiciens de donner une démonstration plus simple.

Votre tout dévoué
 V. Bouniakovsky
 Pargola
 9 Aout 1854.

СПбФ АРАН. Ф. 187. Оп. 2. Д. 68. Л. 1–1 об. Автограф В. Я. Буняковского. Франц. яз.

Перевод

Знаменитый собрат!

Самые простые мысли приходят всегда последними. Чтобы оправдать эту истину, сообщаю Вам определение объема **усеченного цилиндра**, которое получается баснословно просто.

Пусть ABCD — сечение цилиндра плоскостью, проходящей через его ось, а CB — проекция плоскости, делящей цилиндр на две части L и M, очевидно, равные между собой. Каждая из этих частей L, M представляет **усеченный цилиндр**; объем его обозначим через V. Будем иметь:

$$\begin{aligned} 2V &= \text{объему цилиндра ABCD.} \\ &= \text{основанию цилиндра CEDF,} \\ &\quad \text{умноженному на высоту BD.} \end{aligned} \quad (\text{Проверните})$$

Но основание цилиндра = πR^2 . Высота DB цилиндра, полученная из прямоугольного треугольника CDB, очевидно = $2R \tan \alpha$.

$$\text{Отсюда} \quad 2V = 2\pi R^3 \tan \alpha = \pi R^2 \times 2R \tan \alpha$$

$$\text{И, следовательно,} \quad V = \pi R^3 \tan \alpha$$

Вызываю всех математиков найти более простое доказательство.

Ваш искренно преданный

В. Буняковский

Парголово, 9 августа 1854 г.

Перевод Т. Н. Кладо

СПбФ АРАН. Ф. 956. Оп. 1. Д. 83. Л. 6. Подлинник. Неавторизованная машинопись.

**Письмо В. Я. Буняковского к Б. С. Якоби
о возможности выигрыша в лотерею**

С.-Петербург, 17 июня 1865 г.

Cher et honoré Collegue,

Mille et mille grâces pour le livre que Vous m'avez envoyé. Quant à Votre question relative à la possibilité de gagner tous les prix dans un même tirage, il faut que Vous Vous désillusioniez complètement à cet égard. Quoique le numéro gagnant soit renuis chaque fois dans l'urne, néanmoins il est positivement stipulé que sa nouvelle extraction est comptée comme non-avenue, en conséquence de quoi le même n° ne peut gagner qu'un seul lot dans un même tirage, c'est-à-dire dans l'espace de 6 mois. En tout cas, Vous avez la chance de gagner vos 400 mille roubles en un an, ce que je désire de tout mon cœur.

Votre tout dévoué collègue,

V. Buniakowsky

Mes hommages respectueux à Madame.

СПбФ АРАН. Ф. 187. Оп. 2. Д. 68. Л. 10. Франц. яз.

Перевод

Дорогой и досточтимый коллега,

Тысяча и тысяча благодарностей за книгу, которую Вы мне прислали. Что касается Вашего вопроса о возможности выиграть все выигрыши в одном тираже, то Вы должны

в этом отношении совершенно разочароваться. Если даже выигрышный номер каждый раз возвращается в урну, тем не менее определенно установлено, что новый выход того же номера рассматривается как недействительный, вследствие чего один и тот же номер может выиграть только один раз в одном тираже, т. е. в течение шести месяцев. Во всяком случае, Вы имеете шансы выиграть Ваши 400 000 руб. за один год, чего я Вам от всей души желаю.

Ваш преданный коллега,
В. Буняковский
Мой почтительнейший привет супруге.

Перевод Т. Н. Кладо

СПбФ АРАН. Ф. 956. Оп. 1. Д. 83. Л. 13. Подлинник. Неавторизованная машинопись.

**Циркулярное письмо и. д. неперменного секретаря В. Я. Буняковского
об участии академиков в похоронах Николая I**

25 февраля 1855 г.

Циркулярно.

В исполнение приказания господина вице-президента Академии наук от 25 февраля с. г. за № 55, согласно с прилагаемым у сего предложением Его сиятельства, имею честь известить нижепоименованных господ академиков, что они назначаются в печальную процессию выноса из Зимнего Дворца в Петропавловский собор тела в Бозе почившего императора Николая I.

О порядке, месте и времени явки к церемонии последует особое извещение. Исправляющий должность неперменного секретаря В. Буняковский

Читали: Остроградский. [Остроградский, к душевному прискорбию, не может быть по причине глазной болезни, — однако ж последующее извещение покорнейше просит ему сообщить, ибо он при малейшей возможности явится по назначению]⁶.

Э. Ленц

Гельмерсен: «Долгом полагаю известить, что имею уже приказание явиться в штаб Корпуса горных инженеров для шествия в печальной процессии, в которой мне назначено место с прочими генералами Горного ведомства».

Брандт
Миддендорф болен
Железнов
Рупрехт
Якоби
Устрялов болен
Стефани болен

Веселовский назначен шествовать в печальной процессии в числе чиновников Министерства государственных имуществ.

*СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1855. Д. 12. Л. 9–9 об. Писарская копия.
Подписи-автографы В. Я. Буняковского и еще 11 академиков.*

---

⁶ Заключенный в скобки фрагмент написан в нижней части страницы.

**Записка В. Я. Буняковского и Н. Н. Зинина
о параграфах, посвященных пенсиям, для проекта нового устава**

1 марта 1857 г.

К параграфам о пенсиях, кажется, было бы справедливо прибавить следующие два:
§ 68⁷ Если кому из действительных членов Академии за 25-летнюю службу в учебном ведомстве следует в пенсию полный оклад жалования, то академическая служба не считается препятствием к получению этого оклада, останется ли действительный член на службе в Академии и в учебном ведомстве или выходит по последнему ведомству в отставку.

§ 68⁸ Служба в Академии в звании действительного члена не препятствует получению пенсии, выслуженной действительным членом по какому бы то ни было ведомству.

Параграф 63-й дополнить следующим прибавлением:

Действительным членам Академии наук предоставляется право занимать в университетах места ординарных профессоров, если бы даже они не имели ученой степени, требуемой уставом университетов для получения профессорского места^[1].

В. Буняковский
Н. Зинин

*СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1856. Д. 13. Л. 132–132 об. Писарская копия.
Подписи-автографы В. Я. Буняковского и Н. Н. Зинина.*

^[1] Во второй половине XIX в. было сделано несколько попыток реформировать Академию наук, пересмотреть ее устав и дополнить его новыми статьями. Первый проект устава был подготовлен в 1857 г., в работу по изменению отдельных параграфов устава были вовлечены все академики. Проект предусматривал расширение круга научных задач Академии и включение в него новых научных дисциплин, увеличение численного состава академиков. Окончательная редакция проекта устава была одобрена Общим собранием 30 мая 1857 г. Предложения В. Я. Буняковского и Н. Н. Зинина были учтены, хотя проект не получил поддержки в правительственных кругах, потому что предусматривал существенное увеличение ассигнований. См.: *Басаргина Е. Ю.* Проекты академической реформы 1855–1917 гг. СПб., 2013. С. 138–139.

**«Речь, произнесенная академиком В. Я. Буняковским в заседании
1 мая 1864 г.» при вступлении в должность вице-президента**

Вследствие благосклонного ходатайства Его высокопревосходительства Федора Петровича и по представлению господина министра народного просвещения, Государь Император, как это стало известно, все милостивейше соизволил назначить меня вице-президентом Императорской Академии наук^[1]. С глубокой признательностью, но вместе с некоторой недоверчивостью к моим силам вступаю в эту почетную должность. На высокую честь, выпавшую на мою долю, я не имею никакого права, кроме случайного старшинства моего по службе в Академии. Поэтому я сочту себя нравственно утвержденным в новом звании не прежде, как когда служебная деятельность моя удостоится одобрения моих достопочтенных сослуживцев.

---

⁷ Карандашная помета на полях.

⁸ Карандашная помета на полях.

Теперь лежит на мне лестная обязанность представлять о нуждах Академии, следить за разносторонними ее интересами, в случае надобности быть истолкователем ученых начинаний и предположений гг. академиков пред нашим высокоуважаемым президентом и точным исполнителем его предначертаний. Вполне понимаю, что для достойного выполнения этих требований недостаточно одного усердия с моей стороны; в таком важном деле нужна своего рода опытность, и, может быть, еще в большей степени, тонкое чувство, направляющее наши действия при разных обстоятельствах, в которые ставят нас иногда частные сношения с людьми. Но постоянные доказательства Вашего расположения ко мне, то предупредительное внимание и та приязнь, которые Вам угодно было оказать мне при первом же известии о моем утверждении, ободряют меня, и я с меньшим опасением могу смотреть на предстоящие мне обязанности.

Заботливое попечение нашего президента о благосостоянии и интересах Академии, Ваши советы, милостивые государи, Ваше снисхождение к давнишнему товарищу облегчат дело, равно близкое всем нам, — дело о достоинстве и пользах Академии, понимая эти цели в самом высоком их значении. В Вашем просвещенном и вместе дружеском содействии найду сильнейшую опору, и ревностью моей постараюсь, по мере сил, вознаградить то, чего недостает мне со стороны опытности и других необходимых условий.

Пометы: 1) *Общ. собр. 1 мая 1864. § 65;* 2) *Протокол ОС 1 мая 1864. § 65⁹.*

*СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 37. Л. 7–7 об. Автограф В. Я. Буняковского;
Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 18–18 об. Подлинник. Типограф. печать.*

^[1] Имеются в виду президент Академии наук граф Ф. П. Литке, министр народного просвещения А. В. Головин и император Александр II.

В. Я. Буняковский занимал должность вице-президента с 8 апреля 1864 г. (фактически с 10 августа 1863 г.) по 26 сентября 1889 г. После увольнения с этой должности был удостоен звания почетного вице-президента.

Записка вице-президента В. Я. Буняковского «Об академических степенях»^[1]

29 января 1864 г.

По действующему теперь Уставу 1836 г. и по Положению об Отделении русского языка и словесности, высочайше утвержденному в 1841 г., Академия наук состоит из 21 ординарного академика и 10 адъюнктов по I и III отделениям, и из 16 ординарных академиков и 4 адъюнктов по II отделению; адъюнкты могут быть удостоены звания экстраординарных академиков, число которых не определяется. Эти **три** класса **действительных членов** составляют **академическое собрание**, или **Конференцию**.

Чтобы составить себе полное понятие о значении адъюнктов и экстраординарных академиков в смысле учено-иерархическом, а также по отношению их к ординарным академикам, мы проследим исторически последовательные воззрения на эти звания во все эпохи, в которые организация Академии подверглась каким-либо

⁹ Пометы стоят сверху справа на первых листах рукописного и печатного вариантов документа.

преобразованиям. Самый естественный и верный способ для подобной оценки, без сомнения, состоит в сличении и соображении тех статей всех регламентов и уставов, которые относятся до упоминаемых академических степеней.

Согласно с проектом Петра Великого, деятельность Академии с самого ее основания (1726 года) направлена была к двум целям: к усовершенствованию науки вообще и к трудам учебно-педагогическим. Эта двоякая цель ясно высказана в проекте Академии наук, составленном в начале 1724 г., по поручению и указаниям самого Петра I, лейб-медиком его, известным Блюментростом, а вскоре потом, в проекте Устава Екатерины I, относящемся к концу 1725 года. В 1747 году Регламентом императрицы Елисаветы подтверждается во всей своей силе упомянутое двухстороннее назначение Академии, что можно видеть из *первой* же статьи этого Регламента. Выписываем буквально весь § 1:

«1. Академия собственно называется собрание ученых людей, которые стараются познавать и разыскивать действия и свойства всех на свете пребывающих тел, и чрез свое испытание и науку один другому показывать, а потом общим согласием издавать в народ. Сии люди не только о том стараются, чтоб собрать все то, что уже в науках известно, но и далее трудятся в изобретениях поступать. Видно посему, что такие люди заняты беспрестанным трудом, чтоб делать свои примечания, читать книги и вновь сочинять их; чего ради им времени мало останется на то, чтоб обучать других публично. И так определяются особливые академики, которые составляют Академию и никого не обучают, кроме приданных им адъюнктов и студентов; и особливые профессоры, которые учить должны в университете, о которых под учреждением университета определено будет. Но ежели нужда востребует и время допустит и академику трудиться в университете, в таком случае отдается на президентское рассуждение, чтоб определить он мог и академика по усмотрению для чтения потребных лекций в университете».

Итак, для выполнения учебно-педагогической цели при Академии был учрежден университет; кроме того, существовала при ней и гимназия. В первом назначено было читать публичные лекции «о художествах и науках» одними академиками-преподавателями, или, как называли их тогда, «Академии наук профессорами». Это учреждение существовало только до 1766 года и, по всей вероятности, было упразднено только по причине открытия за несколько лет пред тем Московского университета. Соразмерно с теми средствами, которыми обладал академический университет, он принес возможную пользу: но действия его постоянно были парализованы малочисленностью достаточно подготовленных студентов, от которых при поступлении требовалось знание латинского языка, в то время еще мало распространенного. Некоторые подробности об устройстве академического университета помещены в Елисаветинском Регламенте Академии 1747 года.

В академической гимназии, учрежденной для преподавания начальных оснований наук, учителями были **адъюнкты**, которые, в свою очередь, брали частные уроки у академиков; последним вменялось в непременную обязанность образование адъюнктов, по принадлежности избранных ими предметов, и подготовка способнейших из них в звание академиков. Число адъюнктов при Екатерине I назначено было 48, в том числе 24 из **славянского народа**, между тем как академиков полагалось только 12. В 1803 году новым Регламентом Академии упразднена ее гимназия, как ненужная, по причине учрежденных в то время университетов и губернских гимназий. Бывшие ученики ее, в числе 50, переведены в качестве пенсионеров Академии в С.-Петербургскую губернскую гимназию до окончания воспитания. Эти пенсионеры

назывались **воспитанниками, или элевами**. Наконец, в 1818 году (13 июля) высочайше подтвержден доклад министра духовных дел и народного просвещения об упразднении навсегда класса воспитанников. С этой эпохи совсем прекратилось учебно-педагогическое назначение Академии.

После этих предварительных общих указаний, и чтобы ближе ознакомиться с официальной стороной отношений адъюнктов и экстраординарных академиков к академикам ординарным, приводим касающиеся до них выписки из всех регламентов и уставов, которые были дарованы Академии с самого ее учреждения.

Выписки из проекта Регламента Екатерины I, составленного в конце 1725 года.

«§ 25. И всякий профессор должен будет в употребление студентов своих или целую систему некую сочинить, или, аще сие не весьма нужно быти мнит, особливими толкованиями вымышления свои изъяснить с эфемеридами (с историею), которые впредь от Академии опубликованные в типографии, отныне напечатаны быть имеют».

«§ 36. Каждому профессору один или два студента, от них же преизящного чего Академия надеяться может, придадутся, которые к достижению наук профессора своего всеми мерами да приложатся, в коллегии его тщательно да приходят и без важнейших причин не быти в оных отнюдь да не дерзают, ибо должность их будет, она яже профессор в лекции предложил прилежное слышателям повторять обыкновенно, паки надлежит быти в собраниях публичных и приватных всегда им присутствовать и тщательное юношество каждого в своей науки начатных обучати».

«§ 37. Которого из студентов между сим изрядны в отправлении службы своей труд явится, и кто сицевые виды, которые от профессоров апробованы будут, покажет, таковой с прибавлением жалованья титулом и честью товарища, или экстраординарного профессора почтен будет; к тому же и лекции публичные ему отправляти позволяется, обаче с сим обязательством, да управлению профессора своего себе предустраивает».

Выписываем теперь статьи, относящиеся до адъюнктов, из **Регламента Императорской Академии наук и художеств, утвержденного императрицею Елисаветою 24 июля 1747 года.**

«§ 9. Всяк академик иметь должен при себе адъюнкта, который должность имеет помощника академику; а притом стараться должен как академик об адъюнкте, так и адъюнкт сам о себе, чтоб ему со временем заступить академика своего, по отбытии его, место; чего ради адъюнкт должен в делах до наук касающихся у своего академика и переводчиком служить».

В следующем § 10, в котором говорится о неравномерном назначении жалованья академиком, смотря по обстоятельствам, прибавлено в рассуждении адъюнктов следующее: «отдается на волю и рассуждение президента определение жалованья адъюнктам, **чтоб искусных и прилежных отменить от ленивых и нерадетельных, которым производить жалованье, бравши аттестаты от академиков**».

«§ 14. В начале всякого года, то есть генваря по крайней мере в первых числах академик всякой должен в собрании своем письменно объявить, в чем он будет будущий год трудиться, и по прошествии всякой трети года, а именно, когда время придет жалованье брать, всяк должен на письме подать президенту, что он сделал и как далеко со своим адъюнктом в наставлении его пришел».

В силу § 15 адъюнкты, как и академики, обязаны читать в академических собраниях и сидеть должны у того же стола рядом с академиками.

«§ 47. Студенты производимы могут быть в магистры, адъюнкты, профессоры и академики по примеру, принятому в университетах, как то в регламенте университетском от президента постановлено быть имеет».

«§ 49. Напоследок президент при себе должен всякие четыре месяца, когда репорты принимает от академиков, что они сделали и что их адъюнкты и студенты выучили, экзаменовать учеников в гимназии и студентов в университете, из чего узнать можно бы было труды учащих, а прилежание и успех учащихся. Таким образом интерес государственной и всемилостивейшее попечение ее императорского величества не вотще будет употреблено».

Приведем теперь выписки, касающиеся адъюнктов и экстраординарных академиков, из **Регламента 1803 года**.

«§ 5. Академия должна образовать определенное число молодых людей из российских подданных, которые будут составлять первую степень академическую (воспитанники, элевы) во всех вышеозначенных науках, дабы со временем соделать их достойными принятия в число адъюнктов».

«§ 22. Ординарные академики состоят в 6-м классе, экстраординарные в 7-м, адъюнкты в 8-м классах, если выше чинов не имеют».

«§ 48. Вторая должность академика состоит в том, чтобы руководствовать адъюнкта, называющегося его помощником, допускать его к своим наблюдениям и опытам, и всеми мерами способствовать ему к достижению в его науке нужной степени совершенства, чтобы заслужить достоинство академика».

«§ 49. Каждый академик, имея у себя одного воспитанника, порученного особенно его смотрению, обязан преподавать ему наставления и привести его в состояние быть со временем адъюнктом Академии. Он должен ежегодно доносить Академии об успехах сего воспитанника».

«§ 64. Каждый из числа академиков, означенных в § 46, должен иметь своего адъюнкта; академик же ботаники и минералогии по два, так что число всех адъюнктов имеет простираться до 20. Прослужившие из них с отличным усердием в сем звании 6 лет, производятся в экстраординарные академики».

«§ 65. Должность адъюнктов состоит в том, чтобы помогать академикам в их ученых занятиях, особенно ж в обучении воспитанников, коих начальное образование будет препоручаемо адъюнктам. Руководствуемые советами своих академиков, они сами будут стараться об усовершенствовании себя в науках, коим посвятили себя».

«§ 66. Каждый академик обязан ежегодно представить, по крайней мере, одно рассуждение (академик же два рассуждения), достойное быть помещенным в актах, Академией издаваемых».

«§ 67. Адъюнкты имеют право присутствовать в академических собраниях и подавать свои голоса в ученых суждениях; но не участвуют в выборах».

«§ 72. Как сия академическая степень (степень экстраординарного академика) определяется единственно для открытия дальнейшего пути адъюнктам, то собственно и не бывает никогда вакантного места экстраординарного академика; потому что число их не определено и зависит от числа адъюнктов, заслуживших особенное одобрение своих академиков».

«§ 73. Должности академиков экстраординарных ничем не разнятся от должностей адъюнктов. Посему место адъюнкта, которое было занимаемо академиком экстраординарным, не почитается вакантным, и по производстве одного в академики».

«§ 74. Экстраординарные академики получают прибавку жалованья, означенную в штате, и имеют право подавать голос в выборах».

«§ 102. По принятии (воспитанников) немедленно препоручается каждый из них академику той науки, которой он посвятил себя. Академик, взяв воспитанника под свое управление и непосредственный надзор, преподает ему наставление, вместе со своим адъюнктом, препоручая сему утверждать его в началах науки, и предоставляя себе труднейшие и высшие части оной».

«§ 109. По возвращении из путешествия они (воспитанники) должны выдержать новый экзамен, и если окажется, что они употребили время и средства, Академиею им доставленные в пользу, то производятся в 10 класс и могут искать первой вакансии адъюнкта, какая откроется».

Наконец, в действующем теперь уставе 1836 года значение адъюнктов и экстраординарных академиков определяется следующими статьями:

«§ 5. Академия состоит из 21 ординарных академиков и 10-ти адъюнктов. Последние могут быть экстраординарными академиками, число коих не определяется».

«§ 29. Ординарные академики состоят в 6-м, экстраординарные в 7-м, адъюнкты в 8-м классах, если выше чинов не имеют».

«§ 49. Непременный секретарь избирается всегда из числа академиков».

Итак, в силу этого параграфа адъюнкты и экстраординарные академики не могут быть избираемы в звание неперменного секретаря.

«§ 70. Разряды наук для адъюнктов предварительно не назначаются. Академия, соображая обстоятельства и надобность, избирает их для тех частей, по каким признает сие необходимым и полезным».

«§ 71. К степени адъюнктов удостоиваются молодые ученые (наипаче туземные), не успевшие приобрести себе известности, требуемой для академика. Но ученый, ищущий сей степени, должен быть известен академии отличными познаниями и каким-либо полезным открытием в обрабатываемой им науке; потому и обязанность адъюнктов есть одинаковая с обязанностями академиков. Независимо от сих последних они занимаются усовершенствованием своей науки и исполняют поручения, от Академии на них возлагаемые».

«§ 72. Каждый адъюнкт обязан ежегодно представить по крайней мере одно суждение, достойное быть помещенным в записках, Академиею издаваемых».

По § 57 академик же обязан представить не одну, а две такие диссертации.

«§ 73. Адъюнкты имеют право присутствовать в академических собраниях и давать голос как в ученых суждениях, так и в выборах».

«§ 77. Каждый адъюнкт, по засвидетельствованию Академии отлично прослуживший шесть лет в сем звании, имеет право просить достоинства и выгод экстраординарного академика. Он избирается в сие звание академическим собранием, по большинству голосов».

«§ 78. Как степень экстраординарных академиков определяется единственно для открытия дальнейшего пути адъюнктам, то вакантного места сего рода ни в каком случае не бывает; число экстраординарных академиков зависит от числа адъюнктов, заслуживших особенное одобрение академиков того класса, к коему они принадлежат».

«§ 79. Должность экстраординарных академиков ни в чем не различествует от должности адъюнктов. Посему место адъюнкта, занятое экстраординарным академиком, не прежде почитается вакантным, как по производстве его в академики ординарные».

«§ 80. Экстраординарные академики получают прибавку жалованья, означенную в штате, и чин, присвоенный их званию на основании сего Устава».

Кроме того, в § 12 Положения об избрании в действительные члены Императорской Академии наук (утвержденного министром народного просвещения 11 августа 1849 г.) говорится, что представления при замещении свободной вакансии действительного члена, а также при производстве экстраординарного академика в ординарные, могут быть делаемы от известного числа ординарных академиков, не меньше трех, преимущественно принадлежащих к тому разряду, в который должен поступить предлагаемый кандидат. Следовательно, в силу этого параграфа ни экстраординарные академики, ни адъюнкты не имеют права предлагать кандидатов.

Наконец, в 1841 г. (19 октября) последовало присоединение Императорской Российской академии к Академии наук в виде особого **Отделения русского языка и словесности**. В распространенном таким образом объеме своем Академия наук разделяется теперь, согласно с особым высочайшим рескриптом, на **три** отделения, в числе которых новое занимает второе место.

Отделение русского языка и словесности состоит из 20 членов, именно из 16-ти ординарных академиков и 4 адъюнктов; последние могут быть удостоены звания экстраординарных академиков. Все действительные члены состоят в государственной службе, со всеми обязанностями и преимуществами сих званий в других двух отделениях Академии, но не получают жалованья и пенсий.

Из этого подробного свода сведений об адъюнктах и экстраординарных академиков вытекают следующие общие об них заключения:

1) Первоначальное назначение адъюнктов в Академии было вызвано, с одной стороны, требованиями учебно-педагогическими, а с другой — видами правительства для приготовления ученых из туземцев, которые со временем могли бы занять места академиков. С постепенным уменьшением чисто учебной деятельности Академии, как по силе вещей, так и вследствие распоряжений самого правительства, число адъюнктов, в соразмерности с числом академиков, стало уменьшаться: при основании Академии полагалось 48 адъюнктов на 12 академиков; по Регламенту императрицы Елисаветы общее число тех и других, независимо от членов академического университета, простиралось только до 20, распределяясь поровну между адъюнктами и академиками. Отношение это почти не изменилось и в 1803 году, когда по новому Регламенту личный состав Академии был усилен: число адъюнктов определено было тогда в 20, а академиков в 18. По последнему же Уставу 1836 года и по присоединении в 1841 г. Российской академии к Академии наук относительное число адъюнктов к академикам значительно понизилось: первых полагается теперь 14, в том числе и экстраординарные академики, а вторых 35. Таким образом, число адъюнктов, бывшее первоначально **вчетверо более** (48/12) числа академиков, ныне, напротив того, в **два с половиною раза** (35/14) **менее** противу последних.

2) Значение адъюнктов по предоставляемым им правам постепенно возвышалось. Сначала по положению своему они мало отличались от студентов и находились в полной зависимости от академиков, которые давали им уроки и могли по своему произволу назначать им разные работы, как то: первоначальное обучение учеников, переводы и проч. Академики выдавали им аттестаты, на основании которых **ленивым** и **нерадетельным** адъюнктам уменьшали жалованье. Одним словом, этот третий класс членов Академии был долгое время совершенно под опекою академиков и не имел никакого голоса. При таких стеснительных условиях развитие самостоятельной умственной деятельности почти немыслимо.

Регламентом 1803 года значение адъюнктов ошутительным образом возвышено, хотя они и считаются еще **помощниками** академиков, но школьные отношения их

прекращаются. Академик только **руководствует** адъюнкта, допускает его к своим наблюдениям и опытам и всеми мерами способствует ему к достижению в избранной им науке нужной степени совершенства, чтобы заслужить достоинство академика. В академических собраниях адъюнкт имеет уже право подавать свой голос по ученым вопросам, но еще не участвует в выборах.

Наконец, Уставом 1836 года положение адъюнктов почти сравнено с положением ординарных академиков со стороны ученого их значения. Всякая зависимость первых от вторых отменена. Их обязанность одинакова с обязанностью академиков; независимо от сих последних они занимаются усовершенствованием своей науки, состоя притом нередко представителями штатных кафедр; наконец, они имеют право голоса как по ученым вопросам, так и при выборах. Различие находим в § 12 Положения об избрании в действительные члены, где сказано, что адъюнкты и экстраординарные академики устранены от права представлять кандидатов на имеющиеся вакансии членов. Также маловажное различие видим в § 57 Устава, по которому адъюнкты обязаны представлять ежегодно, по крайней мере, одно рассуждение для напечатания в академических изданиях, тогда как ординарные академики должны представлять две такие диссертации; но на самом деле в очередях чтения и эта отмена теперь не существует: очереди назначаются независимо от академической степени. Затем остались между адъюнктами и ординарными академиками различия только в правах относительно служебных преимуществ, как то: различие классов, в которых состоят те или другие, размеры жалованья и неизбираемость в должность непременно секретаря.

Итак, при полуторавековом почти существовании нашей Академии обнаружилось, что число адъюнктов сравнительно с числом ординарных академиков постепенно уменьшилось, между тем как в то же самое время права их все более и более расширились. Таким образом, значение адъюнктов в ученом отношении прогрессивно стремилось к равенству со значением ординарных академиков, и можно сказать положительно, что такое равенство установилось теперь самою силою вещей. В настоящее время в Академии находятся только два адъюнкта, избранные в конце 1864 года: все прочие повышены в экстраординарные академики и получили это звание вообще гораздо ранее назначенного Уставом шестилетнего срока. Этою мерою, бывшею в распоряжении Академии, она как бы желала выразить признание равноправности всех своих действительных членов. Повторяем, как в полуофициальных, так и в частных сношениях между адъюнктами и академиками последние всячески стараются избегать даже намек на различие взаимных положений.

Рациональность принятия одной **высшей академической степени** — степени **ординарного академика** подтверждается и примером других главных европейских академий. Так Парижская академия, основанная в 1666 году, имела также вначале своих **воспитанников** и **адъюнктов**, которые давно признаны ненужными; ныне все действительные ее академики, или, как они называются, члены института, принадлежат к одному общему разряду¹⁰. То же самое относится к Берлинской, Венской, Брюссельской и другим академиям.

Наконец, одно из существеннейших соображений, заставляющих особенно желать принятия в новом Уставе одной только **старшей академической степени**, состоит в той значительной пользе, которую подобная мера, без сомнения, принесла бы со

---

¹⁰Так называемые вольные академики (*académiciens libres*) не получают никакого содержания от правительства и не обязаны иметь постоянное место жительства в Париже.

временем, возвысив уровень ученых заслуг в личном составе нашей Академии. Степень адъюнкта, предоставляемая действующим ныне Уставом **молодым ученым, не успевшим еще приобрести себе известности, требуемой для академика**, едва ли совместна с достоинством Академии. Она не должна теперь довольствоваться одними надеждами, не всегда сбывающимися, которые подают возникающие таланты. Ей нужны дарования несомненные, испытанные и окрепшая на ученом поприще самостоятельность. Существование одной только высшей степени будет иметь то важное последствие, что Академия сделается еще осмотнительнее и разборчивее, чем теперь, при избрании новых своих членов.

Все, что сказано здесь об адъюнктах, в главных чертах относится и к экстраординарным академикам. Должности лиц по обоим этим званиям ничем не различаются одна от другой (§ 79 последнего Устава). Поэтому переходная степень экстраординарного академика, с упразднением разряда адъюнктов, также должна быть отменена.

Итак, по всем вышеизложенным соображениям, мы считаем крайне необходимою мерою отмену степеней **адъюнктов и экстраординарных академиков**. В случае же такой отмены самое название ординарного академика полагалось бы заменить просто званием **академика**, или **действительного члена** Академии.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1861. Д. 15. Л. 60–73 об. Автограф В. Я. Буняковского.
Опубл.: *Проекты устава и штаты Императорской Академии наук и состоящих при ней музеев*. СПб., 1865. С. 140–144.

Адрес Академии наук В. Я. Буняковскому по случаю 50-летия научной деятельности

19 мая 1875 г.

*Виктору Яковлевичу Буняковскому, ординарному академику
и вице-президенту Императорской Академии наук*

В настоящий день исполнилось пятидесятилетие со времени получения Вами степени доктора математики от Парижского университета.

Императорская Академия наук с живейшей радостью и глубочайшим почтением приветствует в этот день своего вице-президента и старейшего из числа академиков.

Она чувствует в лице Вашем заслуги ученого, обогатившего своими исследованиями различные отрасли математических наук, имевшего целью, при многих из своих изысканий, практическую пользу государства и общества и способствовавшего через свою педагогическую деятельность распространению математических знаний в России.

Академия с гордостью вспоминает, что труды, совершенные Вами в течение полувека, почти все без исключения принадлежат ей и украшают ее издания.

Вместе с тем она не может отказать себе в удовольствии выразить Вам при этом случае свое полное уважение к личному характеру и достоинствам Вашим как человека, свою единодушную признательность за 12-летнее Ваше служение в звании вице-президента Академии, всегда отличавшееся живым вниманием и строгим беспристрастием ко всякому делу и искренним доброжелательством ко всем и каждому.

Принося Вам сочувственное поздравление с полувековой годовщиной первого успеха на ученом поприще, столь плодотворно Вами пройденном, Академия присоединяет

к тому горячее желание, чтобы Вы еще долго и столь же плодотворно действовали на благо науки, Академии и России^[1].

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 45/10. Л. 1. Подлинник. Типогр. печать. Корректурa.

^[1] В Академии наук «В память 50-летнего служения науке» В. Я. Буняковскому была поднесена медаль и учреждена премия его имени за лучшие сочинения по математике.

Речь Я. К. Грота на юбилейном обеде в честь академика В. Я. Буняковского

19 мая 1875 г.

М. г., Виктор Яковлевич. С самого утра мы слышим только похвалы Вашим заслугам и достоинствам; но теперь они уже все исчислены, Вам отдана полная справедливость: пора оставить этот путь; я считаю своим долгом явиться Вашим обличителем и обратит общее внимание на кое-какие грешки, которые водились и за Вами в молодости.

Позвольте на минуту перенести Вас и всех участников прекрасного праздника Вашего в довольно отдаленную эпоху Вашей жизни, когда, сравнительно еще молодой доктор и экстраординарный академик, Вы, увлекаясь поэзией Байрона, возымали поползновение — с важного академического кресла пересест на быстролетного Пегаса и головоломные логарифмы променять на шаловливые рифмы.

Помните ли, как Вы позволили себе перевести из Чайльд-Гарольда прекрасное обращение «К морю»? Выбор отрывка делает честь Вашему вкусу; может быть, тут была бы еще и особая причина — Ваше пристрастие к флоту, в котором, как Вы могли уже предчувствовать, Вам готовилось такое множество друзей и почитателей.

Надеюсь, скромность Ваша простит мне, что я, не спрося Вас, прочту вслух несколько стихов из Вашего перевода:

К морю

Ах! Если бы я мог от смертных отложиться
И с добрым гением в пустыне дни вести,
Делить досуги с ним, душою с ним сдружиться
И к ближним ненависть от сердца отвести.
Там страсти бурные и суеты мирские
Не волновали бы моих забытых дней.
Ужель не властна ты, державная стихия,
Ты, породившая восторг в груди моей,
Переселить меня в заветный край желаний?
Иль, обольщен мечтой, я всеу созидал
Приюты тайные, места очарований
И гениями их по воле населял?..

Как ни привлекательно выражено здесь Ваше тогдашнее желание удалиться в пустыню, позвольте нам порадоваться, что оно не исполнилось и что Вы «всеу созидали приюты тайные, места очарований»: потому что в противном случае мы не наслаждались бы сегодня Вашей беседой и не праздновали бы Вашего докторского юбилея.

Далее следуют в той же пьесе другого рода стихи, которые так удачны, что трудно отказать себе в удовольствии привести что-нибудь и из них:

Ряд мощных кораблей, как стая
Китов огромных на волнах,
Несется, громом поражая
Цветущи грады на берегах.
Народам возвещает горе
И цепи для владык несет:
Но для твоих порывов, море!
Игралище — несметный флот!

.....

Судьбою грозною — державы
В пустыни преобращены!
Но ты в течение тихом, бурном,
Все тот же, мощный исполин!
И на челе твоём лазурном
Века не провели морщин:
Каким ты был в день мироздания,
Таков и есть ...

Эти стихи напечатаны в декабрьской книжке «Маяка» за 1840 год.

Несколькими месяцами ранее появилась в том же издании за подписью: **академик Буняковский** статья в прозе под заглавием: «Мысли неосновательности некоторых понятий, относящихся к общежитию». Здесь автор выражает сожаление, что между людьми, даже так называемыми образованными, слишком мало распространены многие полезные и важные истины, вытекающие из разных отраслей знания и имеющие связь с общежитием. По его замечанию, многие из таких истин должны стать наравне с истинами, математически доказанными, и он мечтает о популярной книге, составленной соединенными силами нескольких ученых, где бы собраны были в систематическом порядке этого рода истины. Вот собственные слова Виктора Яковлевича: «Подобный **Сборник**, или **Руководство к общественной жизни**, должен бы заключать в себе общеприменительные результаты наук физических, нравственных и политических». Для примера он представляет в виде афоризмов несколько истин об играх и лотереях, основывая свои выводы на анализе вероятностей. Мы видим здесь начало применения того метода исчисления, которого разработка впоследствии доставила автору такую громкую и заслуженную известность.

Эти два труда дают нам возможность заглянуть в тогдашнюю внутреннюю жизнь нашего академика: с одной стороны, он украдкой похищает у своих строгих занятий несколько минут для удовлетворения высших потребностей души, с другой — он посреди своих исследований погружен в заботу о применении их к общественной пользе.

Я хотел обличать, но сознаюсь, мм. гг., что не умел выдержать своей роли и поневоле возвращаюсь на прежний путь. Поэзия и математика обыкновенно исключают друг друга и считаются несовместимыми величинами; но наш юбиляр на самом себе доказал, что это не что иное, как предрассудок: он умел примирить их и посреди своих, по-видимому, сухих занятий сохранил всю теплоту любящей и эстетически настроенной души; уравнения и выкладки не помешали ему не только любить поэзию, но и самому быть поэтом.

В прочитанном мною отрывке нельзя не остановиться на желании: «к ближним ненависть от сердца отвести». Вот черта, глубоко характеризующая нашего почтенного юбиляра: это один из тех людей, к которым по всей справедливости применяется

многозначительное название: «человек благоволения». Об этом только один голос, и как не повторить общего свидетельства: кто из обращавшихся к нему не встречал с его стороны теплого участия, ласки и полной готовности помочь всякому и словом, и делом?

Но я боюсь, м[илостивые] г[оспода], утомить ваше внимание. Спешу заключить предложением гостя, чтобы в летописях русской науки чаще и чаще являлись люди, которые бы ей посвящали себя так же всецело, как Виктор Яковлевич, и подобно ему совмещали в себе то, что трудно совмещается, — редкую ученость с нравственным достоинством и чувством изящного, глубину умозрений с постоянным стремлением обращать их на пользу человечества, с соблюдением высокого завета: «плод правды сеется в мире»; чтобы, наконец, по всем отраслям науки Россия видела между своими сынами более и более деятелей, похожих на нашего Буняковского!

Опубл.: Описание празднования докторского юбилея вице-президента Импер. Академии наук, академика В. Я. Буняковского. СПб., 1876. С. 27–30 (Переизд.:

Труды Я. К. Грота. Т. 5 : Деятельность литературная, педагогическая и общественная. Статьи, путевые впечатления, заметки, стихи и детское чтение (1837–1889) / изданы под ред. проф. К. Я. Грота. СПб., 1903. С. 242–244.

**Стихотворение Я. К. Грота,
посвященное 50-летию академической деятельности В. Я. Буняковского**

7 мая 1878 г.

Сегодня минуло полвека,
Как приняла в свой мирный круг
И мудреца, и человека
В Вас Академия наук.

Еще была покрыта мраком
Для Вас даль жизни и труда,
Хотя счастливая звезда
С наукой чисел вечным браком
Уж сочетала Вас тогда.

Но иксы жизненной задачи,
И единицы, и нули
Вас не смущали в той дали,
И вот к решенью Вы пришли,
Не потерпевши неудачи.

Вы к целям выкладок людских
Стремились с толком, с верным вкусом:
Зато теперь в итоге их
Остались Вы с бесспорным плюсом,
С прекрасным плюсом благ прямых, —
В семействе дедушкой маститым,
Средь граждан мужем именитым.

Но жизни Вашей весь итог
Не подведен еще далеко:
О, пусть же Вам поможет Бог
Держать по-прежнему высоко
Хоругви знания и добра
В задачах жизни и пера!

Я. Г.

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 45/11. Л. 1–1 об. Подлинник. Типограф. печать.
Опубл.: Труды Я. К. Грота. Т. 5 : Деятельность литературная, педагогическая
и общественная. Статьи, путевые впечатления, заметки, стихи и детское
чтение (1837–1889) / изданы под ред. проф. К. Я. Грота. СПб., 1903. С. 245.

**Тост Н. И. Кокшарова «на обеде, данном академиками г. вице-президенту
Императорской Академии наук Виктору Яковлевичу Буняковскому
по случаю 50-летнего юбилея его академической службы»**

7 мая 1878 г.

Наш юбиляр когда-то был,
Мы знаем, также и поэтом!..
В нем этот грех нам Грот открыл
И огласил пред целым светом!..
Должно быть, дифференциал
Не прочь жить с рифмою в союзе,
А геометр, взяв интеграл,
Порою — куры строит Музе!..

Как счастлив тот, в ком съединил
Создатель гений и познание,
В ком ум и сердце вместе слил,
Горит в ком к ближним состраданье!
Кто родине своей принес
Своих трудов научных лепту,
Кто имя русское вознес
И сделал пользу всему свету! —
Кто обожаем всюду был,
Навек с кем мы скрепили узы...
И часто, часто кто грешил
Изменой цифре, ради Музы!..

Таков наш вице-президент,
Наш милый, добрый предводитель,
Маститый, мудрый наш учитель —
И юбиляр полсотни лет!
Для нас он служит идеалом,
Ему мы сердцем преданы,
Его здоровье пить должны
Сегодня полным мы бокалом!

Сегодня жить нам суждено
Его примером и делами, —
Даже грешить разрешено
Вице-президентскими грехами!..
Наш задушевнейший привет
Сегодня в рифму облакаю, —
В стихах мой тост провозглашаю, —
Да здравствует наш вице-президент!!!

Н. Кокшаров

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 45/11. Л. 2-2 об. Подлинник. Типограф. печать.

Газетный некролог В. Я. Буняковскому

[1] декабря 1889 г.

Всего лишь несколько месяцев тому назад известный русский математик Виктор Яковлевич Буняковский праздновал 25-летие своей деятельности в Императорской Академии наук в качестве ее вице-президента, — а ныне его уже не стало. Он скончался 30 ноября, восьмидесяти пяти лет от роду, после с лишком 60-летней неутомимой и в высшей степени полезной своей деятельности.

В его лице сошел в могилу один из последних могикан математической науки, для развития которой он сделал так много, работая вполне самостоятельно в области теории чисел и соперничая в своих исследованиях со многими знаменитыми математиками Западной Европы. Его «Основания математической теории вероятностей» (1846), получившие громкую известность и в России, и за границей, представляют труд самый капитальный в русской математической литературе, получивший обширное применение к практической жизни, при решении разных вопросов государственных и общественных. Ранее Буняковского в этой области математики много трудились Коши, Эйлер, Гольдбах и другие; но русский ученый в своем замечательном трактате, дав полный свод всего сделанного по этой части усилиями величайших математиков и присоединив новые решения трудных вопросов, пошел гораздо далее своих предшественников. В этом сочинении, не удовлетворившись черновым наброском своих исследований, Буняковский изложил упомянутый трактат в прекрасной форме, законченной и изящной отделке слога, так что по его чисто специальному сочинению Гаусс и Бине выучились русскому языку.

Не менее замечательны и другие два трактата, “Recherches sur quelques fonctions numériques” (1859) и «Теория параллельных линий» (1853). В первом он исследует различные числовые функции, имеющие огромное значение в теории чисел, в которых наш математик, основываясь на бесконечных рядах особого рода, вывел для доказательства функции множество соотношений или торжеств, вытекающих из одного и того же начала. Во втором исследовании он берет исходной точкой особенно простое начало, которое вытекает из закона однородности величин, после чего доказывает одну из многих характеристических, на которых может быть основана вся теория, а отсюда переходит к свойствам других параллельных линий. Прием Буняковского несравненно проще и нагляднее приема, употреблявшегося ранее, так как благодаря ему устраняется совокупное рассмотрение двух элементов,

т. е. прямолинейной длины и угла, и в доказательство введен собственно лишь первый элемент. На трактате о математической теории вероятностей Буняковский основывал все свои дальнейшие многочисленные работы по приложению этой теории к статистике, изучая законы движения народонаселения в России, смертности и средней продолжительности жизни людей разных возрастов. В этих своих работах, имевших глубокий практический смысл, он предложил более точные и основательные правила для решения относящихся сюда вопросов и пришел к выводам более благонадежным, чем те, какими довольствовались до него.

Когда в середине 50-х годов в Морском ведомстве приступлено было к учреждению эмеритальной кассы, Буняковский разработал ее основания, сделав расчет пенсий и уплат. Насколько верны были основные его вычисления — лучшим доказательством этого служит цветущее состояние названного учреждения. Выработанные им основания для кассы Морского ведомства послужили краеугольным камнем для создания подобных же учреждений в прочих ведомствах, а равно и для контроля действий, для обозрения деятельности различных эмеритальных касс.

В вопросе о жизненности в России он сразу поколебал старые мнения, придя к выводам гораздо более утешительным: его «Опыт исследования о законах смертности в России и о распределении православного народонаселения по возрастам» (1866) показал, что неблагоприятное положение наше относительно законов смертности сравнительно с Западной Европой, которое долго принималось за факт, лишено основания, что жизненные условия нашего отечества не представляют никаких особенных и вредных отступлений и что показания наших метрических книг совершенно ненадежны, и ненадежность эта не подлежит сомнению. Буняковский вывел также эмпирический закон смертности, но избрал совершенно иной путь, чем другие математики, также делавшие попытки выразить закон смертности алгебраически и искавшие непосредственной зависимости между возрастом и числом лиц, доживающих до этого возраста из данного числа новорожденных. Буняковский же вывел этот закон аналитически, приняв в соображение среднюю жизнь человека, ее зависимость от возраста. Благодаря его открытию решение вопросов, относящихся к страхованию капиталов и пожизненных доходов, значительно упростилось.

Учено-литературная деятельность нашего математика выразилась в длинном ряде исследований и статей, напечатанных в специальных, академических и других изданиях и в некоторых литературных журналах. Он перевел и снабдил примечаниями сочинение Коши «Краткое изложение уроков о дифференциальном и интегральном исчислении», издал Лексикон чистой и прикладной математики, остановившийся за недостатком средств на издание на первом томе, поместил весьма интересные статьи: «Мысли о неосновательности некоторых теорий, относящихся к общежитию и преимущественно к играм и лотереям», «О вероятной численности контингентов русской армии в 1883–1885 годах», «О возможности введения определенных мер доверия к результатам некоторых наблюдательных наук и преимущественно статистики», «Антропобиологические исследования и их приложение к мужскому населению России» и составил несколько программ и курсов арифметики, алгебры, геометрии. Многие из его трудов переведены на иностранные языки и не утратили и доньше своего большого научного значения. Буняковский сделал весьма немало для нашего математического языка, упростив и обработав его, выбросив иностранные термины и заменив обороты, чуждые родной речи, чисто русскими, вообще создал ясную, удовлетворительную математическую терминологию, ранее не существовавшую.

Буняковскому принадлежит также несколько изобретений: планиметра-пантографа, инструмента для суммирования квадратов и других облегчающихчисления

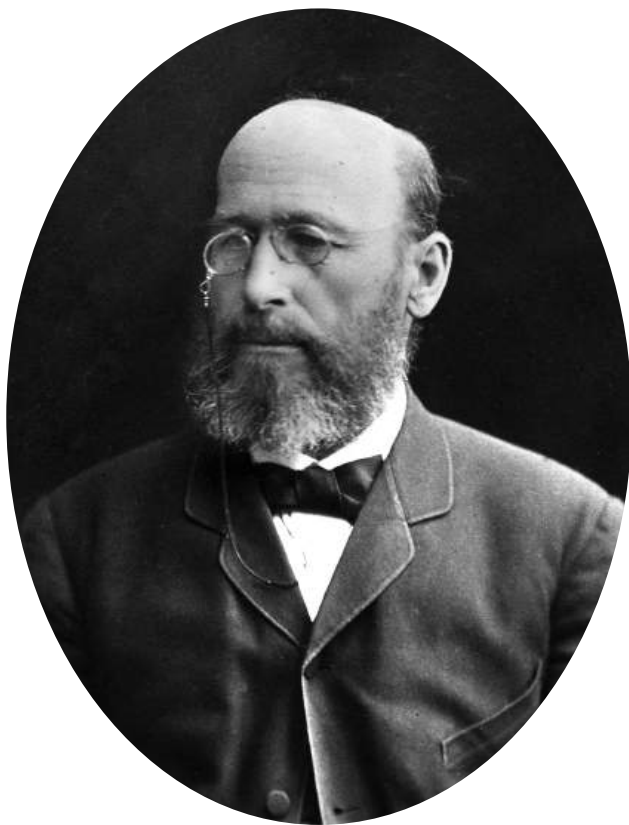
снарядов. В качестве педагога, читавшего высшую математику в разных учебных заведениях, Буняковский также заслуживает глубокого уважения за оказанные им услуги делу распространения математических знаний в России. Ясно, общедоступно и даже до некоторой степени художественно излагая свой сухой предмет, он умел сделать его интересным, придать самым отвлеченным понятиям большую занимательность. Буняковский не чужд был и художественной литературе: в молодости он писал стихи и, между прочим, перевел и напечатал отрывок из байронова «Чайльд-Гарольда», в котором, по замечанию Я. К. Грота, обнаружил замечательный поэтический талант.

Виктор Яковлевич Буняковский родился 4 декабря 1804 года в г. Баре Подольской губернии, где стоял конно-польский уланский полк, в котором служил его отец в чине подполковника. Воспитывался В. Я. в Москве и за границей вместе с сыном графа Торماسова и первую диссертацию защитил в 1825 г.^[1]

Адъюнктом Академии избран в 1828 г. и вице-президентом назначен в 1864 г. На этом посту он проработал много и неутомимо почти до самой кончины. Буняковский совмещал в своей замечательной личности громадную ученость с высокими нравственными качествами и чувством изящного, глубину умозрений с постоянным стремлением обращать их на пользу человечества, с соблюдением высокого завета: «Плод правды сеется в мире» [Иак. 3:18].

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 37. Л. 26. Подлинник. Типограф. печать.

^[1] В. Я. Буняковский в раннем возрасте лишился отца (1809) и воспитывался в доме друга отца графа А. П. Торماسова; вместе с сыном графа он учился сначала в Москве, а потом семь лет за границей. Два года он слушал лекции в Сорбонне и в Коллеж-де-Франс и в 1825 г. по защите диссертации получил диплом доктора математики.

Александр Михайлович
БУТЛЕРОВ
(1828–1886)

Тринадцатилетним мальчиком Александр Михайлович Бутлеров мечтал поступить в университет и своей жизнью доказать своим наставникам, что «их усилия не были тщетными, но дали прекрасные плоды». Юношеские мечты исполнились в полной мере: ученый оставил память о себе как создатель бутлеровского направления в химии и бутлеровской школы русских химиков-органиков.

А. М. Бутлеров совершил прорыв в органической химии, накопившей к середине XIX в. огромный экспериментальный материал, который, однако, содержал много непонятного и напоминал заросли тропического леса. Созданная А. М. Бутлеровым теория химического строения объяснила, что свойства органических веществ обусловлены не только составом молекулы, но и ее структурой, т. е. расположением в ней атомов. Вещества, обладающие одинаковым составом, могут различаться по своим свойствам благодаря различному химическому строению. Отсюда открывалась возможность определять существование еще неизвестных соединений, предсказывать их свойства и способы получения. Именно поэтому теория строения стала неиссякаемым источником больших открытий.

В 1870 г. А. М. Бутлеров был избран в Академию наук и своими эскападами оставил заметный след в ее истории; не раз он ее несправедливо обвинял в противодействии русским ученым и русской науке.

**Письмо А. М. Бутлерова «бесценному папеньке на 1842-й Новый год»
«Мои желания и надежды в будущем»**

Конец декабря 1841 г.

Милый папенька,

примите благосклонно этот маленький подарок от почитающего и любящего Вас всем сердцем сына Александра Бутлерова.

Мои желания и надежды в будущем. Письмо^[1]

Я обещал тебе, любезный друг, в прошедшем письме сообщить мои желания и надежды в будущем; исполняю свои обещания.

Я желал бы, прежде всего, выдержать экзамены и поступить в университет. Там, ведя себя хорошо, удаляясь от всего дурного и учась прилежно, заслужил бы любовь наставников; я желал бы доказать им собою, что их усилия не были тщетными, но дали прекрасные плоды.

Желаю и надеюсь быть утешением родителя моего и родственников, которые видят во мне всю надежду свою и искренне меня любят.

Кончив университетский курс, надеюсь я служить моему отечеству верою и правдою, и если нужно, умереть за него и за все мне драгоценное на поле битвы. Да! Друг мой, неужели кто-либо из истинных сынов России не отважится броситься во все опасности за честь и славу любезного отечества нашего и за веру христианскую; не ляжет за них костями, как сказал мужественный князь наш Святослав Игоревич?

После трудных подвигов в пользу отечества желал бы я наконец успокоиться в тихом приюте моего детства, где в первый раз узнал я сладость жизни вместе с теми, которые драгоценны моему сердцу; жил в мирной тишине, подпорою моего родителя и любящих меня, дни которых да продлит Бог долго и долго!

Наконец, я желал бы встретить старость и смерть мирно, окруженный сельскими занятиями, оставив после себя память добра и пользы ближним^[2].

Падем же на колени, милый друг мой, и будем молить Всевышнего, да продлит Он дни наших родных, наставников и нас самих в Вере, Надежде и Любви к Нему — Всевышнему, Вездесущему и Всемогущему.

Вечно твой А. Б.

СПбФ АРАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 55. Л. 7–10 об. Автограф А. М. Бутлерова.

^[1] В былое время во многих семьях дети по праздникам подносили родителям свои «сочинения». Этот добрый обычай пробуждал в них благородные порывы и высокие стремления. Многие из того, о чем А. М. Бутлеров мечтал в детстве, сбылось.

^[2] Пророчески исполнилось и последнее пожелание ученого: он мирно умер в своем родовом имении Бутлеровка 5 августа 1886 г.

**Письмо Ф. В. Овсянникова к А. М. Бутлерову с приглашением
перейти в Петербургский университет**

[Июнь 1868 г.]

Дорогой Александр Михайлович,

На днях мы послали с Менделеевым Вам телеграмму, в которой говорилось, что факультет выбирает Вас на химию. Так как, однако, по уставу требуется заменить техническую химию, то Вам предлагают ее. Принятие Вами технической химии Вас

нисколько не обязывает ее читать. Вы можете читать чистую, но имеете даже еще отдельную сумму на лабораторию.

Менделеев чрезвычайно интересуется, чтобы Вы перешли к нам, и даже высказал, что он готов снова принять на себя техническую химию, чтобы только иметь возможность иметь Вас в нашем университете. Я полагаю, отчего бы Вам номинально не принять на себя только это название. Положительно не могу Вам сказать, в каком состоянии находится дело. Может быть, обстоятельства и устав заставят дело отложить до сентября или января.

С другой стороны, может быть, выбор состоится и на днях. Время дорого. Поэтому покорнейше прошу Вас, ради Бога, отвечайте по телеграфу, согласны ли принять номинально место орд. проф. технической химии. Торопитесь отправить письмо. Всего более боюсь, что неполучение от Вас согласия было бы причиной проволочки дела^[1].

Искренне Вам преданный,
Ф. Овсянников

СПбФ АРАН. Ф. 22. Оп. 2. Д. 172. Л. 36–37. Автограф Ф. В. Овсянникова.

^[1] С августа 1867 по июнь 1868 г. А. М. Бутлеров находился в заграничной командировке и получил корреспонденцию по возвращении в Казань. В 1854–1868 г. он профессор химии в Казанском университете. В 1868–1886 гг. — ординарный профессор органической химии Петербургского университета. В 1875 г., после 25-летней службы, ему полагалась отставка, но Совет Петербургского университета дважды отодвигал этот срок на пять лет.

Автообзор научной деятельности А. М. Бутлерова

[1869 г.]

Главные работы Б[утлеро]ва могут быть разделены на два отдела. Первый отдел составляют исследования, при которых руководящей идеей служило понятие о способе химической связи паев в частице (о **химическом строении**). Сюда относятся преимущественно работы с третичными алкоголями и их производными. Второй отдел заключает работы над соединениями метилена. К тому и другому отделу примыкают различные исследования, сделанные попутно, а в связи с первым отделом находятся статьи теоретического содержания, касающиеся химического строения (различных тел).

Первый отдел

С точки зрения химического строения, металлоорганические производные являются телами, в которых металл непосредственно связан химически с углеродом радикалов. Поэтому казалось возможным двойными разложениями металлоорганических соединений с различными галоидными производными углеродистых веществ осуществление чистыми (реакциями) двойных разложений синтетической реакции, т. е. перехода к телам с частицей, заключающей большее число непосредственно соединенных между собою паев углерода. Для первых опытов казалось рациональным избрать простейшие углеродистые соединения. Соображения эти привели к ряду опытов над действием металлоорганических соединений цинка, ртути и свинца на хлоругольные эфиры и на хлорокись углерода.

С хлоругольными эфирами обнаружили реакции распада, а с хлорокисью углерода при последовательной обработке получающихся кристаллов водой замечено было образование уксусной кислоты и алкогольной жидкости. Не сомневаясь

в том, что последний продукт, происходящий, как оказалось, из кристаллов, получается в силу действия хлористого ацетила, образующегося сначала, на избыточный цинкметил, было приступлено к изучению взаимодействия этих двух тел. Действительно, удалось найти условия, при которых из хлористого ацетила и цинкметила вместо ацетона происходят те же кристаллы, как и при реакции хлорокиси углерода с цинкметилом. Алкоголь, образующийся из кристаллов при разложении их водою, оказался имеющим состав бутильного алкоголя. Основываясь на происхождении его из хлористого ацетила замещением кислорода метилом, он был принят за триметилкарбинол, или третичный псевдобутильный алкоголь, первый представитель нового ряда алкоголей. Изучение его окисления и других превращений подтвердило вполне эту догадку. Проводя ту же реакцию далее, для других высших гомологов, получены были пропилдиметилкарбинол, метилдиэтилкарбинол и пропилдиэтилкарбинол и изучены продукты их окисления.

Строение триметилкарбинола позволяло предвидеть получение из него (новых изомеров) особых водородистого бутила (тримэтилф[ормена]) и бутилена, имеющих определенное строение. Оказалось, что (изомеры) тела эти, триметилформен и особый бутилен, легко получают подходящими реакциями из иодюров и обладают действительно ожидаемым строением, относительно которого не оставил сомнения переход от них обратно к хлорюру, к иодюру и далее [к] триметилкарбинолу. Строение полученного бутилена заставляло далее ожидать, что, быть может, он окажется способным к превращению его в бутильный алкоголь брожения (изобутильный алкоголь, псейдопропилкарбинол). Присоединением хлорноватистой кислоты и последующим восстановлением получающегося хлоргидрина такое превращение было на самом деле достигнуто, и реакция эта окончательно подтвердила для исследованного бутилена строение, предсказанное теорией. Вышеприведенные мысли относительно возможности синтеза органических в[еществ] при помощи металлорганических соединений были также поводом к исследованию действия цинкметила и цинкэтила на иодюрные эфиры гликоля, полученные при этом впервые в значительном количестве и чистом виде. Опыты (произведенные при помощи студ. Осокина) привели здесь к образованию вторичных псейдопропильного и псейдобутильного алкоголей.

При употреблении для упомянутых опытов металлорганических соединений был найден упрощенный способ приготовления цинкметила, исследовано действие его на алкогольи и его изменение окислением, получен был в чистом состоянии плумбметил и определены его точка кипения, уд. вес, расширение и плотность пара, доказавшие четырехатомность свинца. Для достижения синтеза предполагалось также действовать металлорганическим соединением на охлоренный метильный эфир. Опыты эти не были осуществлены, потому что приготовление упомянутого эфира в чистом состоянии крайне трудно, но при этом было открыто превращение охлоренного метильного эфира в оксиметилен действием воды.

Замеченное при работах с триметилкарбинолом превращение хлористого третичного бутила в алкоголь [под] влиянием воды повело к испытанию действия воды на хлорангидриды некоторых других алкоголей <...>, а переход от бутилена к двум различным алкоголям, к одному — при помощи йодоводорода, к другому — посредством хлорноватистой кислоты, заставил испытать содержание пропилену к тем же реагентам, причем, однако, получился из пропилену в обоих случаях псейдопропильный алкоголь. Кроме других более мелких наблюдений, параллельно с проведением принципа химического строения в опытных исследованиях написан был ряд статей теоретического содержания, относящихся к тому же предмету.

Второй отдел

При испытании действия йода на алкоголяты натрия замечено было образование йодоформа и особого тяжелого масла, оказавшегося йодистым метиленом, тождественным с телом, полученным незадолго до того Брюнингом, но которому Брюнинг приписал ошибочную формулу и содержание кислорода. Наблюдения эти повели к открытию способа образования йодметила действием алкоголята натрия на йодоформ. Йодистый метилен послужил исходом для получения других метиленных соединений: хлористого метилена, уксуснокислого метилена и оксиметилена. Из последнего тела при действии аммиака получена щелочь гексаметиленами, один из редких однокислотных аминов с четырьмя паями азота в составе. Действие щелочей на оксиметилен привело далее к странному синтетическому образованию особого сложного сахароподобного вещества *метиленитана*. Попытка выделения метилена из его йодюра действием металлов показала, что здесь происходит удвоение группы, образование этилена.

При действии алкоголята натрия на йодоформ происходят, как оказалось, кроме йодметила, кислые продукты, ближайшее изучение природы которых определило их как кислоту акрильную и кислоту этиломолочную. Та и другая происходят здесь синтетически на счет групп более простого состава. Природа этиломолочной кислоты определена была, между прочим, превращением ее в молочную действием йодоводорода.

Отдельно от всех упомянутых исследований и прочих были сделаны работы над окисляющим действием осмиевой кислоты на органические вещества и изучено масло растения *Pulegium micranthum*. Наиболее интересный случай окисления при [первой] работе представил переход салицина прямо в салициловую и щавелевую кислоты, а названное масло оказалось изомером обыкновенной камфоры и при окислении его получена как главный продукт кислота уксусная.

СПбФ АРАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–2 об. Автограф А. М. Бутлерова.
Опубл.: Бутлеров А. М. Научная и педагогическая деятельность :
сб. документов. М., 1961. С. 217–219.

Из очерка А. М. Бутлерова «Основные понятия химии»

1886 г.

<...> Человек не в состоянии довольствоваться одним простым знакомством с фактами — неудержимое стремление влечет его от факта к познанию причины; если факт установлен, то является неотразимая потребность найти объяснение — ответ на вопрос: «отчего, почему?». Это восхождение от следствия к причине составляет — можно сказать — привилегию человека как разумного существа.

Во многих случаях один факт объясняется существованием другого, от которого он зависит; ближайшее объяснение здесь дается, следовательно, наблюдениями, свидетельством чувств, но тогда неотразимо является вопрос о причине, порождающей этот другой факт — тот факт, который составляет причину первого. Идя все далее, очевидно приходится, наконец, за недостатком объясняющего факта, остановиться на предположении; чувства бессильны прямо обнаружить нам причину того или другого явления, но запрос на объяснение остается по-прежнему, и мы — зная, что причина, хотя и не наблюдаемая нами прямо, существует — делаем догадку, предположение о ее натуре — ставим **ипотезу**. Ипотеза является обыкновенно для объяснения не

одного отдельного факта, а целого ряда фактов, находящихся во взаимной зависимости и связи. Чем проще и легче объясняет гипотеза фактические знания наши, чем естественнее выводится из нее необходимость существования фактов как непреходящих ее следствий, чем шире круг явлений, объяснимых гипотезой, тем ближе она к истине. При значительной ширине этого круга гипотеза — со всеми ее следствиями, с вытекающими из нее объяснениями и указаниями на зависимость фактов между собою и на причины этой зависимости — становится «**теорией**». Только при посредстве теории знание, слагаясь в связанное целое, становится **научным знанием**; стройное соединение фактического знания с теориями составляет науку. Но как бы ни была совершенна теория, она только **приближение** к истине. Человек, проникнутый духом действительно научного, строгого знания, никогда не упускает из виду, что в основе теории лежит предположение, гипотеза, и **никогда** не забывает существования той ненаполнимой бездны, которая разделяет гипотезу — как бы вероятно она ни казалась — от факта. Да и тому, кто бы был склонен смешать **предположение** с **истиной**, стоит только обратиться к свидетельству истории любой науки, чтобы сознать свое заблуждение.

Гипотеза, допущенная для объяснения известного рода фактов, обыкновенно указывает и на вероятность или даже необходимость существования таких других фактов, которые до того не были наблюдаемы; из теории вытекают известные предсказания. «Если наша гипотеза верна, — говорят обыкновенно, — то кроме тех известных фактов, для объяснения которых она допущена, должно существовать еще то-то и то-то, что до сих пор оставалось неизвестным». Обыкновенно множество предсказаний теории оправдывается на деле: теория крепнет, сумма знаний разрастается, и наука стройно движется вперед; но наступает время, когда теория оказывается бессильной объяснить новые наблюдения, новые факты; это — время отрезвления и для тех, которые увлеклись до того, что смешали теорию с истиной. Для того чтобы приспособить старую теорию к новым фактам, обыкновенно являются сначала новые более частные гипотезы, дополняющие или видоизменяющие в известной мере существующую теорию. Но вместе с необходимостью этих изменений и дополнений слабеет теория, выступает яснее недостаточность ее основной первоначальной гипотезы: очевидно, она неудовлетворительна, если недостаточна сама по себе для объяснения всего ряда известных фактов, — и на смену ее является новая теория. Бросаясь из одной крайности в другую, нередко спешат засудить и совершенно оставить устаревшую теорию, но опыт веков показывает, что как ни далека теория от абсолютной истины, но нередко она все еще остается пригодной в известном смысле и, отживая, входит в виде более или менее измененном как часть в состав новой теории, более обширной. Та зависимость между фактами, которая была указана прежней теорией, подтверждается, расширяется и объясняется еще лучше новой теорией, а те открытия, к которым старая теория привела, остаются прочными памятниками ее заслуг.

Хотя теория, и не будучи вполне истинной, может предвидеть реальную истину, т. е. те или другие факты, но совершенно ясно, что она, оставаясь в своих законных границах, не может и не в состоянии предсказать **несуществование** того или другого явления; построенная для фактов, вмещающихся в известных более или менее тесных пределах, может ли теория, какова бы она ни была, сказать, что нет других фактов за этими пределами? Абсолютная невозможность понятна только в области чистого мышления: невозможно то, что прямо противоречит его законам — тем отвлеченным истинам, аксиомам, которые прирождены нашему разуму, и следствиям, которые необходимо вытекают из этих истин. Знаменитый французский астроном Франсуа Араго сказал, что **неблагоразумен тот, кто вне области чистой математики**

говорит о невозможности чего-либо¹. Нельзя не преклониться пред поучительной верностью этих слов! Но этого мало; такое отрицание не только неправильно, но и вредно: **отрицание тем хуже**, — заключает тот же ученый, — **что оно не ведет ни к наблюдению, ни к опыту**².

<...> Читатель видит, что атомическая гипотеза дает возможность подвести под один общий взгляд немало явлений: она объясняет и определенность, и кратность химических пропорций, и возможность появления элементов в различных видоизменениях. Но существуют ли атомы в действительности, реальны ли они или это только определенное представление о природе вещества, а на самом деле вещество может быть делимо до бесконечности? — Вопрос этот лежит вне области опытной науки: для нее достаточно, что химические явления происходят так, как будто бы атомы существовали действительно, и что до сих пор не известно фактов, прямо противоречащих атомической гипотезе. Да разве и можно судить о явлениях, происходящих, так сказать, в самой сущности материи иначе, как представляя ее себе состоящую из мельчайших частиц? Если этих частиц и нет в действительности, то в известных границах это нисколько не изменит верности наших знаний. Так, геометр умеет придти к совершенно верным, математически строгим выводам относительно свойств какой-нибудь кривой линии, рассматривая ее как состоящую из множества бесконечно малых прямых, соединенных между собою под известными углами.

В начале этого очерка было сказано, что элементами зовутся вещества, которые до сих пор не удалось разложить, но что химическая сложность некоторых из них (хотя и сложность особого порядка) не невероятна. Это значит, что так называемые ныне «атомы» некоторых элементов в сущности, быть может, способны подвергнуться химическому делению, т. е. они не неделимы по своей природе, а неделимы только доступными нам ныне средствами и сохраняются лишь в тех химических процессах, которые известны теперь, но могут быть разделены в новых процессах, которые будут открыты впоследствии! Такое строгое отношение к понятию об атоме вполне отвечает духу точной науки и действительному значению научных теорий. Вспомним еще раз, что в основе каждой теории лежит не фактическая истина, а гипотеза, **предположение**. Теория есть временное, преходящее, представление, но каждое из таких представлений, в известной соответствующей ему фазе развития науки, освещает нам путь, направляет научные наблюдения и опыты. При осторожном, разумном руководстве теорией она предохраняет от заблуждений, но при излишней вере в нее она может, напротив, вести к заблуждениям. Чем прочнее установлена теория, чем больше число фактов, на которые она опирается, удовлетворительно объясняя их, тем с большей осторожностью, с большим скептицизмом должно отнестись ко всякому новому наблюдению и открытию, несогласному с теорией: надо всеми средствами убедиться в реальности явления прежде, чем признать его за факт: Но тщательно следует остерегаться и противоположной крайности. Научное знание должно противопоставляться слепому верованию: догматизм в науке может быть, правда, допускаем иногда, например, при изложении ее начал вновь приступающему к ней, но он чужд ее настоящим адептам, ее двигателям. Тот, кто проникается напрасным убеждением в непогрешимости своей научной теории, возвращается, в сущности, от науки к слепому верованию, т. е. к тому именно,

¹ “Celui, qui en dehors des mathématiques pures prononce le mot impossible, manque de prudence”.

² “Les théories négatives sont même les plus condamnables, puisqu’elles ne provoquent aucun essai, aucune tentative”.

против чего он думал бороться. Так точно люди, ставящие свободу своим знаменем, нередко с полнейшим деспотизмом готовы предписывать другим свои порядки, свои мнения, считая их непогрешимыми и не замечая или забывая, что нарушают в лице этих других свой собственный основной принцип. Верования, лежащие вне области науки, могут иметь на своей стороне ту выгоду, что с ними связано принятие определенных общечеловеческих нравственных принципов, но доверие к научной теории, перешедшее в верование, и превращение положений этой теории в догматы причиняет один вред и не имеет оправданий.

Верование в то, что лежит вне области научного знания, может уживаться рядом с полнейшим признанием реальных истин науки, но слепое верование в непогрешимость научных теорий ведет к ненаучному, не оправдываемому ничем скептицизму и зачастую мешает видеть новые реальные истины, лежащие вне области излюбленных теорий. К тому, кто, поступая ненаучно, впадает в эту последнюю крайность, прилагаются слова Александра Гумбольдта: «кичащийся скептицизм, отрицающий факты без исследования, почти еще вреднее, чем легкое верие, лишенное критики»³.

Опубл.: Бутлеров А. М. *Основные понятия химии*. СПб., 1886. С. 46–51;

Бутлеров А. М. *Сочинения* : в 3 т. М., 1953–1958. Т. 3. 1958. С. 53–55, 63–64.

Результаты баллотирования Д. И. Менделеева в экстраординарные академики

11 ноября 1880 г.

Непременный секретарь Императорской Академии наук имеет честь уведомить, что во вторник 11-го сего ноября, в час пополудни имеет быть обыкновенное заседание Физико-математического отделения Академии, в котором будет произведено баллотирование профессора Д. И. Менделеева в экстраординарные академики по части технологии и химии, приспособленной к искусствам и ремеслам^[1].

Забаллотирован: — 10 черн., — 9 белых.

Очевидно — черные: Литке (2), Веселовский, Гельмерсен, Шренк, Максимович, Штраух, Шмидт, Вильд, Голин

белые: Буняковский, Кочаров, Бутлеров, Фаминцын, Овсянников, Чебышев, Алексеев, Струве (!), Савич

СПбФ АРАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 38. Л. 1. Подлинник. Типограф.
печать с рукописными вставками А. М. Бутлерова.

^[1] А. М. Бутлеров горячо, но безуспешно ратовал за избрание в Академию Д. И. Менделеева, открывшего в 1869 г. Периодический закон химических элементов. Дважды предлагал он как представитель химии в Академии наук кандидатуру Д. И. Менделеева, в 1874 и 1880 гг., и дважды тот был забаллотирован. Много шума наделала статья А. М. Бутлерова «Русская или только Императорская Академия наук в С.-Петербурге?», опубликованная в 1882 г. в газете «Русь», в которой автор обвинял Академию в том, что она ревниво затворяла двери перед русскими талантами. Действия А. М. Бутлерова парализовали процесс выборов; избрания на вакантные места химиков состоялись только после его смерти. См. раздел, посвященный Ф. Ф. Бейльштейну.

³ «Eine vornehmthuende Zweifelsucht, welche Thatsachen verwirft, ohne ergründen, ist fast noch verderblicher als unkritische Leichtgläubigkeit» [Humboldt A. Kosmos].

**Речь вице-президента В. Я. Буняковского памяти А. М. Бутлерова,
произнесенная на Общем собрании**

16 августа 1886 г.

§ 69. По открытии заседания г. вице-президент академик В. Я. Буняковский обратился к собранию со следующей речью:

«Впервые собравшись здесь после перерыва наших заседаний за время летних вакаций, мы должны, прежде всего, с глубоким прискорбием заявить о нескольких утратах, постигших наше учреждение в это время. Одна из них особенно больно отзывается в нашем сердце, как поразившая Академию ближайшим образом, в самой среде ее действительных членов.

5 августа скоропостижно скончался наш многозаслуженный товарищ, ординарный академик Александр Михайлович Бутлеров, в своем имени, сельце Бутлеровке Спасского уезда Казанской губернии. Весть об этой кончине быстро облетела Россию и встречена чувством живейшего горя в ученых кругах и повсюду, где дорожат интересами отечественной науки и просвещения. На нас же она произвела тем более удручающее впечатление, что покойный в течение 16 лет принадлежал Академии и своими трудами способствовал к усилению ее блеска и значения.

С юности посвятив себя химии, Александр Михайлович всю свою жизнь трудился над разработкой этой науки и обогатил ее длинным рядом изысканий, существенно подвинувших вперед и разъяснивших некоторые из самых важных и запутанных ее вопросов. Эти труды доставили ему не только одно из первых мест среди русских химиков, но и громкую известность во всем ученом мире.

Не меньшую услугу оказал наш почивший сочлен России и любимой им науке своей преподавательской деятельностью в качестве профессора сперва Казанского, а потом здешнего университета. Горячо любя молодежь, платившую ему за то взаимностью, и обладая редким талантом передавать другим свои познания, Бутлеров умел возбуждать в учениках своих охоту к химическим занятиям и усердно помогал им советами и указаниями. Для них он издал, между прочим, прекрасный учебник органической химии. Его лаборатория была широко открыта для молодых исследователей, и из нее вышло немало химических работ, исполненных под его руководством или по его идее. Он образовал, можно сказать, не одно поколение русских химиков, из которых одни с честью занимают кафедры в наших университетах, а другие более или менее плодотворно трудятся на том же, что и он, поприще».

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 181. Л. 43–44 об. Подлинник. Типограф. печать.

Афанасий Федорович
БЫЧКОВ
(1818–1899)

Историк, археограф, палеограф, библиограф, лингвист, переводчик, издатель. За этим сухим и далеко не полным перечнем занятий Афанасия Федоровича Бычкова скрываются огромная работа по систематизации, каталогизации, описанию рукописных и старопечатных сокровищ Публичной библиотеки, их неустанное пополнение, создание серийной документальной публикации материалов Петра Великого, исследование и научное издание русских летописей и пр. «Сколько нужно было напряженного внимания, терпения, тонкой наблюдательности и любви к делу, чтобы вести его так, как вел его Афанасий Федорович, — писал В. О. Ключевский о работах А. Ф. Бычкова по изданию и описанию памятников русской истории. — Такой труд не только у нас, но и везде редкое явление»¹.

О всесторонней образованности и высокой компетентности А. Ф. Бычкова хорошо знали академики и пользовались его эрудицией и отзывчивостью, когда искали редкий документ, затруднялись в атрибуции или датировке, уточняли «темные» места в переводе. Понимая исследовательский потенциал А. Ф. Бычкова, члены ОРЯС в 1859 г. дважды предлагали его кандидатуру в действительные члены Академии, добиваясь поддержки у других отделений, но лишь третья попытка, 1865 г., оказалась удачной². С этого времени и до самой смерти А. Ф. Бычков был неотделим от Академии, особенно от ОРЯС, в котором председательствовал последние шесть лет жизни.

¹ Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 104.

² Библиографию трудов А. Ф. Бычкова см.: Там же. С. 105–121.

**Письмо И. И. Срезневского к А. Ф. Бычкову с поздравлением
по случаю избрания в члены-корреспонденты по ОРЯС
и просьбой помочь с чтением текста глаголического письма**

3 января 1856 г.

Был я сегодня у Вас дома и в библиотеке и нигде не удалось мне видеть Вас, чтобы поздравить Вас с новым званием^[1] и воспользоваться Вашим товариществом и обязательностью, добрейший и глубокоуважаемый Афанасий Федорович. Что касается до последнего обстоятельства, то дело вот в чем.

На особенном листке прилагаю верную копию со списка древнего глаголического отрывка, сообщенного мне Шафариком. Этот отрывок, как Вы видите, заключает в себе светильна^[2], собранные вместе; но глаголет Писание: *integra legi non possunt*³, и потому требуется дополнение по рукописям кирилловским. Вероятно, что-нибудь в службах утрени 50-десятницы (?) сохраняются у Вас кирилловские чтения древние (их надобно искать под конец утрени, после канона), если Вы можете указать мне на эти чтения для переписи и сообщения Шафарику (само собой разумеется, от Вашего имени), то много обяжете его, а вместе и меня (мне бы самому хотелось дать место этому отрывку в Известиях)^[3].

Другую просьбу оставлю до личного свидания.

Искренне преданный и уважающий Вас

И. Срезневский.

А с новым годом-то забыл поздравить: поздравляю, желаю Вам скорейшего исполнения желаний.

СПбФ АРАН. Ф. 764. Оп. 2. Д. 729. Л. 1–1 об. Автограф И. И. Срезневского.

^[1] Имеется в виду избрание А. Ф. Бычкова в члены-корреспонденты Академии наук по ОРЯС 3 декабря 1855 г.

^[2] Светильна (светильны; ед. ч. светилен) — православное песнопение.

^[3] Светильны из древней глаголической рукописи И. Срезневского // Известия Имп. АН по ОРЯС. 1856. Т. V, вып. 1. С. 48–50.

**Письмо А. В. Никитенко к А. Ф. Бычкову с поздравлением по
случаю избрания в экстраординарные академики по ОРЯС**

15 января 1866 г.

Милостивый государь Афанасий Федорович.

Спешу поздравить Вас с избранием Вас вчера огромным большинством в экстраординарные академики Академии наук по II-му отделению^[1].

От всей души вместе с товарищами моими рад буду приветствовать Вас как благородного и надежного сотрудника в среде нашей.

Да будет с Вами все благое!

С искренним уважением и преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугой

А. Никитенко.

СПбФ АРАН. Ф. 764. Оп. 2. Д. 518. Л. 4. Автограф А. В. Никитенко.

^[1] В заседании Общего собрания Академии, 14 января 1866 г., прошла баллотировка А. Ф. Бычкова в экстраординарные академики. За него было подано 27 голосов, против — 4. См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 31. Л. 94 («Протокол избрания в действительные члены», 14 января 1866 г.).

³ Не могут быть прочитаны целиком (лат.).

**Письмо А. Ф. Быčkова к И. И. Срезневскому
с кратким перечнем недавних работ**

29 октября [1869 г.].⁴

Хотел было лично передать Вам, многоуважаемый Измаил Иванович, краткий перечень моих трудов за последнее время, но нездоровье, продолжающееся всю эту неделю, лишило меня удовольствия быть у Вас и принуждает отказаться от сегодняшнего присутствия в заседании Отделения.

Кроме прилагаемых при сем двух изданий, которые возникли по моей мысли и своим появлением в свет обязаны почти исключительно мне и которые, если они ускользнули от Вашего внимания, позвольте Вам теперь (немного, правда, поздно) представить, я напечатал: два выпуска указателя к летописям (до буквы Г), содержащие в себе более 2000 статей, из которых иные требовали обширных разысканий; каталог Петровских изданий; описание двух собраний славянских рукописей Карамзина и Гильфердинга (в отчетах Библиотеки), Краткий летописец Свято-Троицко-Сергиева монастыря и несколько статей в сборнике Русского исторического общества, «Русском архиве» и других повременных изданиях. По поручению Отделения наблюдал за печатанием белорусского словаря (текст его окончен), отнимавшего много времени и требовавшего больших трудов, чтобы дать словам более точное и правильное объяснение, написал рецензию на книги Прозоровского и Сергеевича, отзыв об описании рукописей Синодальной библиотеки Горского, статьи о Крылове и Евгении. В непродолжительном времени появится 1-ый выпуск подробного описания сборников Публичной библиотеки и XV том Собрания летописей, в который вошел Литовско-русский летописец⁵ [1].

Извините, что задержал присылку сведений, на доставление которых Вы меня вызвали по Вашей ко мне доброй расположенности. Вследствие непривычки говорить о себе, мне было как-то трудно приняться за перо.

Примите уверение в истинном почтении,
А. Бычков.

СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 5. Д. 98. Л. 16–17. Автограф А. Ф. Быčkова.

[1] См. библиографию названных трудов А. Ф. Быčkова в приложении к записке: Отделение русского языка и словесности. С. 664–668.

**Введение А. Ф. Быčkова к сборнику «Письма Петра Великого, хранящиеся
в Императорской Публичной библиотеке, и описание находящихся в ней
рукописей, содержащих материалы для истории его царствования»**

30 мая 1872 г.

В современной России везде и на всем еще видна зиждательная рука Петра Великого; повсюду еще слышно биение жизни, вызванное в ней творческим гением преобразователя, который тесно связал наше отечество с Западной Европой и ввел его в плодотворный мир науки.

⁴ Год установлен при сравнении указанных А. Ф. Бычковым публикаций с перечнем его работ в записке И. И. Срезневского. См.: Отделение русского языка и словесности. С. 662–664.

⁵ Так в тексте, и те же сведения дал в своей записке И. И. Срезневский: Отделение русского языка и словесности. С. 664. Однако «Литовский летописец» был издан в составе летописного сборника «Летопись Авраамки», в т. XVI ПСРЛ (1889).

Память о подвигах великого государя, подавшего собой живой пример и любви к родине, и неутомимого ей служения, живет до сих пор в народе, который из поколения в поколение передает сложенные им о Петре Великом песни и рассказы. Но не одни только русские благоговейно чтят Петра Великого; все преклоняются в изумлении перед этой личностью, по желанию и воле которой миллионы подданных вступили в семью европейских народов и предались небывалой дотоле деятельности. После этого неудивительно, если царствование державного преобразователя постоянно обращало и обращает на себя внимание писателей; но почти все, до сих пор о нем написанное, по отрывочности обнародованных материалов, по разбросанности их, по невозможности пользоваться многими из них, наконец, по трудности вследствие близости самих событий относиться вполне беспристрастно к историческому деятелю, далеко не дает истинного понятия о изображаемом.

Между тем Петр весь, каким он был: со своими достоинствами и заслугами, но в то же время и с недостатками, неизбежными в каждом человеке, сохранился в своих указах, письмах, наставлениях, резолюциях, заметках. В них он является самым правдивым глашатаем о своих подвигах, верным слугой России, начавшим ей службу солдатом и плотником, ревнивым оберегателем ее достоинства и выгод, мечтающим лишь о том, чтобы свет увидел Россию таковой, каковой он желал бы сам ее видеть: русской по духу и европейской по образованию.

Важность для отечественной истории всего, написанного Петром Великим, несомненна. До сего времени было издано много его писем и бумаг, но еще более остается необнародованных. К сожалению, все, до сих пор изданное, напечатано, большей частью, крайне неисправно и небрежно и разбросано в сотнях томов, причем некоторые письма были повторены по нескольку раз, и каждый раз с новыми ошибками; кроме этого, подлинники некоторых из числа напечатанных писем уже невозвратно погибли или перешли к заграничным собирателям автографов. Ввиду всего этого нельзя не пожелать, чтобы приступлено было к изданию такого собрания писем и бумаг Петра Великого, которое совмещало бы в себе все, что вышло из-под его пера. Подобный памятник «металлов тверже он и выше пирамид»^[1], вполне достойный торжественного дня, празднуемого Россией^[2], будет напоминать отдаленнейшим потомкам величественный образ того, которому Россия была дороже жизни, который смело повел ее, несмотря на тысячи препятствий, из тьмы неведения в свет знания и которому она обязана своим настоящим.

Императорская Публичная библиотека, желая со своей стороны почтить память Петра Великого, который первый положил начало в России благоустроенному книгохранилищу, издает в свет все находящиеся в ней подлинные документы и письма Петра Великого, с присоединением к ним краткого описания имеющих в ней рукописей, которые содержат в себе материалы для истории его царствования. И в этом небольшом сборнике найдутся некоторые черты великого монарха, драгоценные для каждого русского и оправдывающие название **Великого и Отца Отечества**.

Опубл.: Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке, и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования, составленное А. Ф. Бычковым. СПб., 1872. С. I–IV.

[1] Цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Памятник» (1795).

[2] 30 мая 1872 г., когда был написан этот текст, праздновалось 200 лет со дня рождения Петра Великого.

**Письмо А. Ф. Быčkова к И. И. Срезневскому в сопровождение к изданной
«Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку**

26 октября 1873 г.

Препровождаю при сем к Вам, глубокоуважаемый Измаил Иванович, 13 экземпляров типографских и 10 экземпляров фототипических «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку. Продажная цена первым — 3 р. за экземпляр, а вторым — 4 р. за экземпляр.

Следовательно, комиссия^[1], уступая половину цены, должна получить за 23 экземпляра 39 р. 50 коп.

Покорнейше прошу, примите уверение в неизменном моем к Вам почтении и преданности.

А. Бычков.

СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 5. Д. 98. Л. 9. Автограф А. Ф. Быčkова.

^[1] Речь идет об Археографической комиссии, в которой А. Ф. Бычков работал с 7 октября 1840 г. и до конца жизни. См.: Голубева О. Д. А. Ф. Бычков. СПб., 1999. С. 22.

**Речь А. Ф. Быčkова «Воспоминание о С. М. Соловьеве»,
прочитанная в Общем собрании Академии наук**

2 ноября 1879 г.

Месяц тому назад, 4 октября, Россия, отечественная история и Академия наук понесли чувствительную и надолго невознаградимую потерю в лице скончавшегося в Москве нашего сочлена — С. М. Соловьева. Всецело преданный науке, посвятивший ей всю свою деятельность от первых лет цветущей молодости, живший исключительно интересами многовековой жизни нашего отечества, разумно и горячо им любимого, Сергей Михайлович и во время своей предсмертной болезни не расставался мыслью с прошлыми судьбами России: среди физических страданий он мечтал о продолжении своего монументального труда, жалел о невозможности ему посещать архивы и намечать те хранящиеся в них материалы, которые были бы ему нужны для будущих работ и пользоваться которыми на дому он с нетерпением ожидал разрешения. Друзья и почитатели нашего историка надеялись на восстановление его сил, но смерть разом пресекла и их надежды, и мечты самого Сергея Михайловича. Она застала его, можно сказать, за рабочим столом и вырвала из его рук перо, которым он готовился передать нам дальнейшие события блистательного царствования Екатерины II, повествование о котором он начал в четырех последних томах своей истории.

Как некогда с кончиной Карамзина русская историография осиротела на многие годы, и все читавшие «Историю государства Российского» с сожалением расставались с ней на фразе: «и Орешек не сдавался»^[1], так точно и теперь точки, которые поставятся вслед за последней фразой в имеющем выйти в свет 29 томе «Русской истории», долго будут напоминать о постигшей нас утрате^[2].

Еще так недавно на скромном торжестве по случаю выхода в свет 25 тома «Истории России», или, точнее сказать, по случаю четвертьвекового неустанного и плодотворного служения Сергея Михайловича отечественному бытописанию^[3], все друзья науки, и в том числе Академия наук, выражали желание прочесть в его труде правдивое повествование и о многозначительном 1812 г., и о славной защите Севастополя,

но этим желаниям, к прискорбию, не суждено было осуществиться, и мы потеряли навсегда возможность узнавать аккуратно каждый год в стройном порядке рассказ о событиях, совершавшихся в России в ближайшее к нам время.

Не стану перечислять многие и разнообразные труды С. М. Соловьева, о значении которых семь лет тому назад я имел честь читать записку в этой самой зале. Каждый из этих трудов вносил всегда что-либо новое в науку и проливал свет на прошлое России, а все в совокупности содействовали успехам русской истории. Академия наук произнесла им справедливую оценку, избрав покойного единогласно в ординарные академики^[4]. Но не считаю возможным в настоящую минуту пройти молчалием один его труд — «Историю России с древнейших времен», плод близкого знакомства с источниками, многолетних и кропотливых разысканий в архивах, тонких и светлых соображений, наконец, глубокого понимания народной жизни.

«Задача историка, — привожу слова Сергея Михайловича, — состоит в том, чтобы находить живую связь между событиями, объясняя явления их из внутренних причин, а естественное развитие — из самих себя»^[5]. И вот на основании такого разумного взгляда наша древняя история в его труде получила цельный характер, и все решительные за это время эпохи в государственной жизни России, дававшие ей новое направление, поставлены между собой в органическую связь. То же самое мы замечаем и в том отделе его истории, который повествует о событиях, совершившихся в нашем отечестве со времени вступления на престол Петра Великого. Из него мы узнали множество неизвестных фактов, в нем мы подробно ознакомились с целыми эпохами, о которых дотоле имели самое смутное и самое поверхностное понятие. Сергей Михайлович первый беспристрастно осветил преобразовательную деятельность Петра Великого и, показав ее источник в жизни Московской Руси, уже постепенно начинавшей разлагать ее, тем самым определил и необходимость преобразований, и их значение. Своим беспристрастным пером он верно, хотя и с заметной болью, нарисовал безотрадную картину царствований, следовавших за смертью державного обновителя России до вступления на престол его дочери, и не успевшим еще сложиться и окрепнуть новым общественным строем объяснил как причину всех бывших тогда неурядиц, так и появление разных партий и господство бироновщины. Царствованию императрицы Елисаветы Петровны, которое оставалось как бы в тени, Сергей Михайлович дал настоящее значение. Он указал, что вмешательство России во внешние дела Западной Европы того времени было не случайной прихотью, но естественной необходимостью, и поставил Елисаветинское время в тесную связь с царствованием Екатерины II. Наконец, первые годы царствования этой великой монархини, ознаменованные внутренними преобразованиями, учреждением Комиссии об Уложении, борьбой с Польшей, повлекшей за собой ее раздел, и первой Турецкой войной с блистательными победами при Ларге, Кагуле и Чесме, нашли в Сергее Михайловиче не только красноречивого, но и беспристрастного повествователя.

Этот многотомный труд, о значении которого я дал самое слабое понятие и в котором многие страницы написаны чрезвычайно живо и увлекательно, составляет великую, неотъемлемую заслугу Сергея Михайловича перед Россией. Познакомить народ с его исторической жизнью, указать на то, что влияло на движение ее вперед и что останавливало ее поступательный ход, что вызывало благосостояние страны и что навлекало на нее бедствия, — разве это не многотрудная служба, не доблестный подвиг, перед которым нельзя не преклоняться с благоговением?

И когда историк сумеет, как С. М. Соловьев, стать на высоту своего призвания, сумеет быть беспристрастным и правдивым в оценке событий и деятелей, тогда, надеюсь, всякий согласится со мной, что он исполняет священный долг и человека,

и гражданина. Эти завидные качества историка Сергей Михайлович умел воспитать в себе и сохранить до последней минуты. Руководимый им, он одинаково излагал исторические судьбы России и пред царственными слушателями, и в университетской аудитории, и на публичных чтениях, и в своем труде, стараясь везде показать, что в прошлом следует искать наставлений для настоящего, что за пренебрежение уроками прожитого приходится иногда дорого расплачиваться и что каждый, кто захочет и сумеет читать в книге времен и царств, найдет для себя в ней многие руководительные примеры.

Этой светлой стороной своей ученой деятельности, и кроме того отзывчивостью на более важные современные политические вопросы и сочувствием ко всем важным общественным явлениям в отечестве, Сергей Михайлович надолго останется любезным России и русским. К его труду, в который он положил лучшие силы своей души, чтобы проникнуть в сокровенные движения народной жизни, десятки лет будут обращаться все желающие изучать прошлое России.

Подобно Ломоносову, покойный академик верил в великое будущее России и подобно ему осознал, что ей суждено идти вперед не иначе, как при содействии науки, а потому Сергей Михайлович и дорожил успехами умственной жизни в родной стране, от народной школы до Академии включительно, и питал полное, глубокое уважение ко всему совершенному и совершаемому на пользу России. Если ему как историку и приходилось переживать иногда тяжелые минуты, то среди этих нравственных и душевных тревог он утешал себя мыслью, что государство, которое проходит через горнило испытаний, всегда обновляется в жизни, чтобы было более твердым и прочным.

Имя Сергея Михайловича занесено навсегда в историю умственного движения в России, он нераздельно связан с развитием в ней исторической науки. Высказанные им взгляды и мысли будут пополняться и разрабатываться целой школой молодых ученых, на его трудах будут воспитываться целые поколения, но тем не менее позволительно желать, чтобы Академия как можно скорее увидела в среде такого же достойного представителя русской истории, каким был наш знаменитый историк, столь же, как он, неутомимого, столь же добросовестного и правдивого, столь же плодотворного в своих трудах и столь же уважающего и любящего науку и Россию, как наш покойный сотоварищ.

^[1] Н. М. Карамзин умер, не успев довести свой труд по истории России до конца. В его «Истории государства Российского» осталась недописанной глава «Междоусобице 1611–1612», т. XII.

^[2] Том XXIX «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева обрывается на второй главе «Продолжение царствования императрицы Екатерины II Алексеевны» событиями 1768 г., связанными с началом русско-турецкой войны. Текст заканчивается недописанной фразой: «С ухудшением польского дела ухудшались и отношения между Паниным и императрицей; но самый сильный удар был нанесен, когда граф Панин Петр высказал слишком резко свое неудовольствие по случаю взятия Бендер, вышел в отставку, не переставал бранить распоряжения Екатерины, а Никита также сердился и хотел непременно выйти в отставку, если б не удержал его приятель последнего, датский министр Струензе...»

^[3] Том XXV «Истории России с древнейших времен» вышел в 1875 г. Говоря о «четверти века служения Сергея Михайловича отечественному бытописанию», А. Ф. Бычков имел в виду начало работы над «Историей России» в 1850 г.

^[4] С. М. Соловьев был избран в ординарные академики по ОРЯС (специальность «русская история») с 3 марта 1872 г. Автором записки о его ученых трудах также был А. Ф. Бычков. См.: Отделение русского языка и словесности. С. 685–705.

[5] Эта мысль С. М. Соловьева выражена им в предисловии к первому тому «Истории России с древнейших времен»: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм; не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснять каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, — вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда». Цит. по: История России с древнейших времен. Сочинение С. М. Соловьева. 2-е изд. Кн. 1 (Т. I–V). СПб., 1851. Т. I. Предисловие. Стлб. 4.

**Высочайший рескрипт, данный императором Александром III
на имя действительного тайного советника Бычкова**

Гатчина, 7 октября 1890 г.

Афанасий Федорович. Пятьдесят лет тому назад, окончив курс в Московском университете, Вы начали служебное поприще в Археографической комиссии Министерства народного просвещения. Основательные познания Ваши в отечественной словесности и истории открыли Вам вскоре путь к плодотворной деятельности в Императорской Публичной библиотеке, где в течение 46 лет Вы неусыпно трудитесь над усовершенствованием ее устройства и описанием ее сокровищ и Вашими многосторонними научными сведениями существенно содействуете обогащению сего главнейшего отечественного книгохранилища.

Исполняя с особым рвением служебные обязанности, Вы в то же время в качестве члена Императорской Академии наук и многих ученых учреждений и обществ продолжаете, не щадя сил, ученые занятия, посвященные весьма важной для государства отрасли исследования и обнаружения памятников отечественного деписания: глубокими изысканиями и отличным изданием древних русских летописей Вы приобрели себе почетное имя в науке, составленные Вами и под Вашим руководством описания архивов Святейшего Синода и военно-ученого осветили события из истории российской церкви и военного дела, при Вашем постоянном участии комиссия для издания писем и бумаг Петра Великого обнаруговала драгоценные свидетельства отеческих попечений его о благе и возвеличении России^[1].

Почерпнув в изучении прошлых судеб Отечества правильное воззрение на зиждательные начала его развития, Вы были призываемы к участию в комиссиях по устройству судебной части в Империи, по сохранению древних памятников и по организации архивов. Наконец, по близкому знакомству Вашему с учебным делом, в 1888 году было возложено на Вас временно управление Министерством народного просвещения. Отличным исполнением сего поручения Вы заслужили мою благодарность.

Во внимание к сим заслугам Вашим на служебном и ученом поприщах я признал справедливым призвать Вас к участию в высшем правительственном учреждении, назначив Вас членом Государственного совета.

Пребываю к Вам неизменно благосклонный
Александр.

*Опубл.: Правительственный вестник. 9 (21) октября 1890 г. № 220;
СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 31. Л. 20 (вырезка из газеты).*

[1] Комиссия по изданию писем и бумаг Петра Великого образована при Министерстве народного просвещения 10 июня 1872 г. С 1887 г. стали выходить подготовленные ею сборники документального наследия царя. Всего до революции издано шесть томов, вместивших бумаги за 1688–1707 гг. Издание затем было продолжено.

Газетная статья
«Юбилей действительного статского советника
А. Ф. Бычкова»

8 октября 1890 г.

Сегодня, 7 октября, состоялось торжественное чествование директора Императорской публичной библиотеки академика д. т. с. А. Ф. Бычкова по случаю 50-летней государственной его деятельности. Юбилейный акт происходил в Ларинском зале Публичной библиотеки, в которой к 12 ½ часа дня собралось многочисленное общество, представлявшее цвет высшей администрации учебного ведомства, академических, университетских и ученых кружков. На акте присутствовали председатель Комитета министров д. т. с. Н. Х. Бунге, министр народного просвещения статс-секретарь граф И. Д. Делянов, члены Государственного совета генерал-адъютант К. Н. Посьет, д. т. с. Н. И. Стояновский, государственный контролер д. т. с. Т. И. Филиппов, вице-президент Академии наук д. т. с. Я. К. Грот, товарищ министра внутренних дел сенатор т. с. В. К. фон Плеве, управляющий делами Комитета министров статс-секретарь А. Н. Куломзин, обер-прокурор уголовного кассационного департамента А. Ф. Кони, а также многие генералы, сенаторы, академики, профессора и т. п. Особенно много было представителей археологической науки, ученых обществ и изданий. Для чествования почтенного академика многие представители различных ученых учреждений и обществ прибыли из Москвы, университетских и других городов. Среди блестящей, пестревшей мундирами, лентами и орденами публики, которая переполняла зал, уставленный массивными книжными шкафами и портретами, выделялись изящные дамские туалеты.

Маститый юбиляр прибыл в зал в сопровождении ближайших его сотрудников по Публичной библиотеке: Л. Н. Майкова и В. В. Стасова. Как только он занял место за небольшим столиком, граф И. Д. Делянов немного выступил вперед и прочитал Высочайший рескрипт, который публикой был выслушан стоя. Д. т. с. Бычков назначен членом Государственного совета с оставлением в должности директора Публичной библиотеки и во всех званиях.

Проф. В. Д. Смирнов прочитал приветственные телеграммы от Их высочеств великих княгинь Александры Петровны и Елизаветы Маврикиевны.

Лично поздравляя почтенного юбиляра, граф И. Д. Делянов в самых лестных выражениях отозвался о плодотворной и разносторонней деятельности А. Ф. Бычкова и, в частности, вспомнил свою совместную с ним службу по управлению Публичной библиотекой^[1]. А. Ф. Бычков в сердечных словах благодарил за оказанные ему милости и внимание.

Депутация от Академии наук приветствовала своего старейшего сочлена глубокопочтительным адресом, прочитанным академиком т. с. М. И. Сухомлиновым. Генерал-адъютант А. А. Попов приветствовал юбиляра от Общества содействия русской промышленности и торговли. Весьма красноречивый адрес поднесла депутация от персонала служащих Публичной библиотеки.

Кстати сказать, что утром в квартире юбиляра сослуживцы и сотрудники по библиотеке поднесли ему художественный альбом, исполненный в мастерской Хлебникова, в котором вложены фотографические карточки всех штатных служащих под начальством А. Ф. На все указанные адреса растроганный юбиляр отвечал речами и в особенности сердечно благодарил своих сотрудников и сослуживцев, приписывая их усердию и энергии все улучшения и усовершенствования по библиотеке.

Затем А. Ф. Бычкова приветствовали адресами и речами следующие депутации и лица: К. Н. Бестужев-Рюмин от Археографической комиссии Министерства народного просвещения. Первый викарий Санкт-Петербургской епархии преосвященный Антоний, епископ Выборгский, приветствовал юбиляра от Санкт-Петербургской духовной академии, назвав ученость А. Ф. изумительной. Т. с. А. И. Георгиевский приветствовал юбиляра от Совета министра народного просвещения. Д. т. с. Н. И. Стояновский приветствовал юбиляра адресом от Императорского русского археологического общества, в котором А. Ф. состоит вице-президентом^[2]. Сенатор т. с. П. П. Семенов, находящийся во главе депутации Русского географического общества, прочитал адрес от этого общества^[3]. Д. с. с. П. И. Савваитов приветствовал А. Ф. от Императорского общества любителей древней письменности; т. с. Н. М. Аничков — от департамента народного просвещения, в адресе которого с особой благодарностью вспоминается временное управление А. Ф. Министерством народного просвещения^[4]; т. с. Д. Ф. Кобеко — от Русского исторического общества^[5]; проф. А. С. Павлов, приветствовавший юбиляра от Московского университета, поднес ему диплом на звание почетного члена старейшего университета. Сенатор В. К. Плеве — от Санкт-Петербургского общества вспомоществования бывшим студентам Московского университета^[6]; рыбинский городской голова — от местной городской думы^[7]. Т. с. М. И. Семевский приветствовал А. Ф. по поручению Саратовской ученой архивной комиссии. От Санкт-Петербургского университета, избравшего юбиляра своим почетным членом, приветствовала его депутация с и. д. ректора проф. И. В. Помяловским во главе. Казанский университет вместе с поздравительным адресом прислал юбиляру диплом на звание почетного члена. Варшавский университет, поздравляя А. Ф. Бычкова телеграммой, присовокупил, что не имеет права избирать себе почетных членов. Т. с. Хитрово приветствовал юбиляра адресом от Императорского православного палестинского общества; д. с. с. Н. П. Некрасов — от Санкт-Петербургского историко-филологического института; от Общества истории и древностей российских — г. Барсов; т. с. И. Е. Андреевский — от Санкт-Петербургского археологического института^[8]. Второй викарий Санкт-Петербургской епархии преосвященный Николай, епископ Ладожский, находившийся во главе депутации от Санкт-Петербургского епархиального православного братства во имя Пресвятой Богородицы^[9], приветствуя в лице А. Ф. вице-председателя братства, поднес ему икону Казанской Божией Матери художественной работы. Затем юбиляра приветствовали: Комиссия для разбора архива Св. Синода; Постоянная комиссия по устройству народных чтений в Санкт-Петербурге и его окрестностях; Московский библиографический кружок, избравший А. Ф. в почетные члены; Покровская община сестер милосердия; Общий архив Министерства императорского двора и, в заключение, редакция журнала «Русская старина», причем т. с. Семевский произнес глубокопрочувственное приветствие, а старший сотрудник журнала маститый художник Ф. Г. Солнцев поднес длинный свиток с адресом, украшенный его рисунками в древневизантийском стиле.

По окончании поздравлений депутациями были прочитаны приветственные телеграммы: от московского митрополита Иоанникия, от архиепископов — варшавского Леонтия, литовского Алексея и херсонского Никанора; от Московского архива Министерства юстиции; от Московского главного архива Министерства иностранных дел; от д. т. с. барона Бюлера; от ярославской городской думы, избравшей А. Ф. почетным гражданином г. Ярославля; от университета Св. Владимира и новороссийского, избравших юбиляра почетным членом; от Казанской и Киевской духовных академий;

от Демидовского юридического лица^[10]; от рукописного отделения Московского Румянцевского публичного музея; от ученых архивных комиссий: тверской, тамбовской и многих других провинциальных археологических, исторических и т. п. учреждений; от Дерптского университета; от Императорского московского общества любителей естествознания, антропологии, этнографии и многие другие.

В 2 часа на юбилейный акт прибыл августейший президент Академии наук великий князь Константин Константинович, милостиво поздравивший юбиляра и изволивший остаться до конца акта.

Акт окончился в 3 часа дня. Почетные гости и депутации были приглашены в квартиру юбиляра на чай и завтрак.

Опубл.: *Новости*. 8 (20) октября 1890 г. № 277; СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 49. Л. 4 (вырезка из газеты).

^[1] И. Д. Делянов управлял Публичной библиотекой в 1860–1882 гг., с 13 марта 1868 г. (фактически с 1863 г.) А. Ф. Бычков стал его помощником с оставлением во всех других должностях. После ухода И. Д. Делянова с поста директора, с 22 апреля 1882 г., должность перешла к А. Ф. Бычкову.

^[2] А. Ф. Бычков состоял членом Русского археологического общества с 1846 г., с 1885 г. был его вице-президентом (помощником председателя).

^[3] А. Ф. Бычков был членом Русского географического общества с 1850 г., не раз входил в его Совет и комиссии по присуждению медалей.

^[4] А. Ф. Бычков входил в Совет Министерства народного просвещения в 1888–1891 гг. И дважды за это время, в 1888 и 1891 гг., исполнял должность министра.

^[5] А. Ф. Бычков являлся одним из основателей Русского исторического общества в 1866 г. С 1882 г. избирался помощником председателя Общества, редактировал тома «Сборника», в которых были опубликованы бумаги Петра I, Екатерины II, М. М. Сперанского.

^[6] А. Ф. Бычков учился в Московском университете в 1836–1840 гг. Вначале поступил на медицинский факультет, но уже на первом курсе перешел на 1-е отделение философского факультета (был преобразован в историко-филологический). Курс окончил весной 1840 г. со степенью кандидата. На всю жизнь сохранил связь с родным университетом, являясь председателем Петербургского отделения Общества для вспомоществования бывшим воспитанникам Московского университета и членом его совета. См.: *Голубева О. Д.* А. Ф. Бычков. С. 14, 18–19.

^[7] Бычковы были вписаны в дворянскую родословную книгу Ярославской губернии по Рыбинскому уезду, в котором находились их имения. Сам А. Ф. участвовал в уездных съездах и в дворянских собраниях. В адресе от рыбинцев, между прочим, говорилось: «... Городская дума, памятуя Ваше просвещенное содействие, заботы и труды ко благу рыбинского общества и то высокое внимание, с которым Вы, добрейший Афанасий Федорович, всегда относились к пользам и нуждам родного края, постановила: ходатайствовать о Высочайшем соизволении на присвоение Вам звания почетного гражданина города Рыбинска, которое просим принять как знак выражения чувств глубокой признательности к Вам всего городского общества». См.: СПбФ АРАН. Ф. 764. Оп. 3. Д. 2, 5; Р. V. Оп. 1-Б. Д. 49. Л. 11.

^[8] В 1877 г. директором Археологического института был назначен университетский товарищ А. Ф. Бычкова — Н. В. Калачов, который пригласил его к преподаванию. А. Ф. согласился, но из-за большой занятости к лекциям так и не приступил. Тем не менее 7 января 1878 г., в знак признательности научных заслуг, распоряжением Министерства народного просвещения А. Ф. получил звание профессора и еще через пять дней стал почетным членом института и членом его Совета.

^[9] Одним из направлений деятельности Братства во имя Пресвятой Богородицы было устройство церковно-приходских школ. С 1884 г. и до конца жизни А. Ф. Бычков был товарищем председателя этого общества.

^[10] А. Ф. Бычков в 1833 г. был определен в Благодородный пансион при Демидовском высших наук училище в Ярославле. В 1834 г. произошло реформирование училища: его пансион стал частью Ярославской гимназии, а само училище преобразовано в Демидовский юридический лицей. В телеграмме Ярославской городской думы к А. Ф. Бычкову по случаю его 50-летнего научного юбилея говорилось: «Пятьдесят четыре года уже как имя Вашего высокопревосходительства, украшая мраморную доску для записи окончивших курс с отличнейшим успехом питомцев Ярославской губернской гимназии, служит назидательным примером для обучавшегося и обучающегося в ней ярославского юношества. Ввиду такой нравственной связи Вашей с городом Ярославлем, представительница его — Городская дума, искренно и глубоко радуясь успехам на ученом и служебном поприще Вашего высокопревосходительства, старейшего ярославского гимназиста, а ныне академика, спешит принести Вам свое сердечнейшее поздравление...» См.: СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Б. Д. 49. Л. 11.

Карл Максимович
БЭР

Karl Ernst von Baer
(1792–1876)

Естествоиспытатель Карл Максимович Бэр — безусловная величина мирового значения, и вместе с тем его имя составляет гордость российской академической науки. Судьба уберегла его от карьеры уездного лекаря или практикующего хирурга, чтобы открыть перед ним широкие горизонты универсального ученого и философа и показать миру возможности интеллектуальных сил человека.

Предмет его научной деятельности то уместился под микроскопом, то, напротив, представлял собою макрокосмос и охватывал глобальные вопросы истории и теории эволюции человечества. Человека он определил «в особенный порядок», выказав известную долю скепсиса в отношении теории Дарвина. География его исследований простиралась от родной Балтики до берегов Каспия, от Крымского полуострова до Таймыра и безлюдной Новой Земли, где он стал пионером среди натуралистов.

Осознавая «неизмеримость и бесконечность» науки, молодой ученый Бэр сосредоточился на начале начал: открытие яйца млекопитающих сделало его отцом современной эмбриологии. Впоследствии он расширил область своего научного интереса до вопросов этнографии, антропологии, краниологических исследований.

В истории науки известны два «закона Бэра». Один относится к области географии и объясняет асимметрию строения речных русел вращением Земли; другой, биологический, «закон зародышевого сходства», оказал существенное влияние на эволюционные теории.

Академия наук дважды принимала К. М. Бэра в число своих действительных членов. В первый раз он был избран ординарным академиком по зоологии в 1828 г., однако переезд его в Петербург из Кёнигсберга, где он был профессором, не состоялся по семейным обстоятельствам. Вновь привлечь его в Академию удалось в 1834 г. После этого К. М. Бэр отдал ей почти 30 лет непрерывной работы вплоть до своей отставки в 1862 г., когда он отправился на покой в родную Эстляндию и обосновался в Дерпте.

50-летний юбилей ученой деятельности Карла Эрнста фон Бэра, с размахом отмечавшийся 29 августа 1864 г., стал заметным событием в жизни европейского ученого сообщества. Заслуженным итогом творческой судьбы Бэра стало прижизненное признание его научных заслуг. Только избранным выпадает удовольствие и честь учреждения собственной премии, и тем ценнее была для К. М. Бэра возможность обратиться в будущее с назиданием к потомкам¹.

¹ Библиографию трудов К. М. Бэра см.: Райков Б. Е. Карл Бэр, его жизнь и труды. М. ; Л., 1961. С. 465–514.

Речь К. М. Бэра «О трансформации видов» на торжественном заседании Кёнигсбергского университета, посвященном возведению И. Собернгейма в степень доктора медицины

[1831–1832 гг.]²

De transformatione specierum

Protector Magnifice
Professores experantissimi excellentissimi
Commilitones humanissimi dilectissimi
Audit[ores] om[nium] ord[inum] quisque suo loco spectatissimi

Festus est dies hodiernus. Nolo ergo vos, Auditores honoratissimi, longo tenere sermone, nec disquisitione erudita taedium Vobis afferre. Lubet potius fronte serena promotionem nostram inaugurare,³ die quo⁴ animus hilaritate gaudet in regum turribus et pauperum tabernis.

Nec, mente longe perpendens quaenam res digna sit, ut pridie⁵ solemnium natalitium Domini tractetur ullam inveni nisi nativitatem omnis creaturae. Disquisitio vero haec talis indolis est, ut vel brevissime absolvenda⁶ vel summo studio et adhi[bi]tis omnibus scientiae naturalis disciplinis tractanda sit⁷. Jam inde ab eo tempore, quo gens humana cogitare incepit ad hanc quaestionem mentem convertit et ingenue fatemur usque ad⁸ nostra tempora nil fere profecit. Nolo enim loqui de propagatione⁹, in quam multi naturae scrutatores investigaverunt non sine laude et fructu, nec de generatione animalium in ultimo evolutionis gradu versantium, sed de formis magis evolutis. Quomodo factae sunt diversae animalium et vegetabilium superiorum species? Num primitus natae sunt ex¹⁰ materia forma fixa carente, an ex aliis speciebus¹¹ per transformationem?

Haec questio non tantum gravissima est per se, sed omnes fere disquisitiones speciales in organismorum fabricam et vitam ad illam questionem cardinalem referunt. Quo fit ut omnino evitari nequeat. Observationes vero per saeculorum seriem factae nec sufficiunt ad probandam transformationem nec ad intelligendam creationem primariam organismorum perfectiorum.

Alii ergo naturae scrutatorum¹² ex arbitriis potius quam ex rationibus et¹³ mentis propriae indolem secuti ponunt omnes species per se creatas esse, alii transformationes haud firmioribus ratiociniis suffulti dependunt. Veteres primae¹⁴ sententiae magis addicti apes immo etiam animalia vertebrata ex putredine creari posse crediderunt. Nostra aetas ad transformationem magis proclivis est. Quod equidem nec laudo nec vitupero, nam

---

² Датировано по содержанию.

³ Далее зачеркнуто: *nec fert animo, nam mente*

⁴ Далее зачеркнуто: *hilaritur mens*

⁵ Далее зачеркнуто: *die natali Domini*

⁶ Вместо зачеркнутого: *est*

⁷ Далее зачеркнуто: *est*

⁸ Далее зачеркнуто: *haec*

⁹ Далее зачеркнуто: *qua modum et indolem*

¹⁰ Далее зачеркнуто: *forma*

¹¹ Далее зачеркнуто: *ex*

¹² Далее зачеркнуто: *ponunt*

¹³ Далее зачеркнуто: *animi*

¹⁴ Далее зачеркнуто: *illae*

findendum est aliquid hypothesi, si observatio et probatio deest, res opis vero cum aliis disquisitionibus ita cohaeret ut evitari nequeat.

Risum vero movent qui hanc suppositionem ita tractant ac experimentia experta esset. Sic Rousseau, (неразб.) et alii hominem ex simia transformatum esse docuerunt. Professor quidam Rhenanus totam animalium seriem perlustravit et demonstrasse sibi verus est, quomodo altera congeries ex altera non tantum transformata cogitari possit sed re vera transformata sit. Nuperrimis temporibus tandem zoologus juvenis nomine Caup singulis speciebus statuit ex quibus formis mutatae sint et quidem verbis tam positivis ac si transformationi interfuisset. Liceat vobis specimen ex ejus dictis Sybillinis proponere.

Cervorum genus secundum Caupium¹⁵ ex Tetraonibus creatum est. Tetraonis Lagopidis soboles est Cervus Tarandus, Tetraonis Tetricis Cervus¹⁶ Alce. Ex Tetraone urogallo nata est Alce illa fossilis Hybernica ex Tetraone medio Cervus Elaphus, ex Tetrao bonasio Cervus Dama¹⁷. Luce nunc clarius videtur vati nostro, Capreolum Perdici originem debere et sic porro.

Me quidem judice, transformatio Tetraonis cujusdem in Cervum hunc majus esset miraculum ac si Cervum perfectum ex coelo delapsum videremus et sine ullo dubio¹⁸ generatio primitiva Cervi majoris analogia probaveretur quam transformatio avium in pecora. [Si tanta vis transformandi et terna vigeat, quo factum est, ut non omnes ut Tetraonum genus adhuc persistat]¹⁹. Quibus nam argumentis fretus est ille zoologus²⁰? Intendite animum et risum teneatis. Cervos ex Tetraonibus factos esse contendit quia in ambis caro dulcem habet raporem²¹. Tales hypotheses vel potius somnia, qualia vobis proposui, inventa eum in finem tantum esse possint, ne Telluri majorem procreandi vim supponamus quam hodie observamus²². Sed si Tellus²³ non vim habet altiores organismos procreandi, certe non valet tantopere eos transformare, nam creatio nil est nisi transformatio in altiores gradus et transformatio²⁴ tam completa ut nova forma propagetur certe creatio est, ut mox exemplo demonstrabo. Quae si vera sunt, vim²⁵ generatricem Telluris antea majorem fuisse necesse est et si talem majorem vim admittimus analogia organismorum inferiorum suadet etiam superiores organismos promptus creatos et non tantum per mutationem factos esse. De²⁶ vi genetrice Telluris antea majore nullum dubito, quod probare susciperem si tempus sufficeret.

Sed haec hactenus ne nostram creationem obliviscamur²⁷. Quod ut fieri possit, Candidatus noster antea juramentum²⁸ dabit a secretario academico proferendum.

¹⁵ Далее зачеркнуто: *Vatem nostrum*

¹⁶ Далее зачеркнуто: *Elaphus*

¹⁷ Далее зачеркнуто: *Elaphus. Ex Perdice lu*

¹⁸ Далее зачеркнуто: *Nativiter creatio*

¹⁹ Выделенный фрагмент написан на полях.

²⁰ Далее зачеркнуто: *noster*

²¹ Далее зачеркнуто: *Quem in finem tales hypotheses inveniantur, quaerendum est? Sine illo dubio scutatores evitare volunt. Sine ullo dubio vis procreatura Telluris in prima ejus aetate major erat quam nostra aetate (temporibus), quid probare acciperem si tempus sufficeret.*

²² Далее зачеркнуто: *Sed tales transformationes, quas veras creationes*

²³ Далее зачеркнуто: *Non valet*

²⁴ Далее зачеркнуто: *Usque ad*

²⁵ Далее зачеркнуто: *procreatura*

²⁶ Далее зачеркнуто: *Vi g majore vi procreat*

²⁷ Далее зачеркнуто: *Ecquidem enim Vobis, auditores spectatissimi, demonstrabo, quo modo fiat clare et inhibitata creatio nil est nisi transformatio Candidati artis medicinae.*

²⁸ Далее зачеркнуто: *De det necesse est*

Jussu et auctoritate facultatis medicae Academiae Albertinae Ego Carolus Ernestus a Baer m[edicinae] d[occtor] rite promotus, P[rofessorum] P[rofessor] Ord[inarius] in hac Academia

Te Josephum Fridericum Sobernheim Brombergensem

Medicinae et Chirurgiae Doctorem creo, creatum renuncio, renunciatum proclamo. Proclamatum in cathedram superiorem invito ut more majorum symbola gradus doctoralis tradam et eorum valorem et significationem exponam.

Jubent leges academicae ut Tibi summi Hippocratis opera evolvam et Te adhorter ut ea bene cognoscas. Tu vero jam ante meam adhortationem de Hippocratis aphorismis commentationem doctam dedisti immo cum ipso Hippocrate tantam consuetudinem fovisti ut Te nocte visitaret. Nil mihi ergo restat, nisi ab Te petam ut Tu Hippocratem Die non nunquam adeas ne stomachari prae se ferat, si illie nocte ad Te venit. Jubent porro leges academicae ut pileo doctorali caput Tuum decorem. Pileo indicari vult ordo medicus ut inde ab hoc temporis momento liberum te esse deceat, nullius magistri rectatorem, sed virum sui juris in exercenda medicina. Promotione enim emansipatus es, ut ita dicam.

Tu vero jam antea poesi et studio ex servorum et discipulorum turba Te emancipasti, haud inscius apud Musas veram esse libertatem, et liberalium artium cultor scamna praeceptorum nonnunquam reliquisti, ne nimis in verba magistrorum jurares. Annulum nunc digito tuo impono. Annulus finem non habet — refert ergo vinculum sempiternum, quo nunc cum arte medicinali jungis. Optime enim scis quibusnam verbis Hippocrates opera sua inauguraverit. Trita quidem sunt per viginti saecula sed semper vera ponderosa. Ex immo pectore opto ut secundum [adjutum] Galenus Tibi det opes. Honore jam nunc suppeditat ordo medicus; artis partem tradiderunt magistri, majorem partem experimentia dabit. Osculo isto medicinae doctores Te recipui et Te receptum atque recepta Tua coronae ad tanti commendata.

Auditores omnium ordinum! Quis est inter vos qui²⁹ hodierno die sic dicto in Christum natum non dona ferat vel dona probata non accipiat. Ecquidem dona non habeo, quae vobis offeram nisi doctorem neonatum, quem vobis doni do et dedico. Nec Danaus sum ut me dona ferentem timeatis. Commendatissimum potius habeatis doctorem meum. Somniat quidem non nunquam sed somno et somnio didicit, quae antea nescivit uti e. g. differentiam inter carditidem et pericarditidem, somnat ergo in usum aegrotorum.

Antea vobis pollicitus sum me perlaturum creationem et transformationem eandem esse rem. Promissum meum jam evolvi. Creavi enim docorem per transformationem ex studioso et per elevationem in gradum superiorem³⁰. Ubi nunc est Candidatus Sabernheim? Quanta transformatio! Super Vos omnes eminet³¹ spernit lictores academicos cum fasciebus, nec curat judicem academicum atque deposito³² animo humili sidera sublimes fert vertice. Mox vero Philistrorum superbiam et spiritum altiore deponet. Sic quaequa evolutio jam passum est ad decrepitudinem.

Quod felix faustumque esse jubeat Numen supremum, quod ex immo pectore oramus salvum esse velit Regem nostrum clementissimum regni haeredem cum tota Regia domu et Academiam nostram Albertinam.

СПбФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 218. Л. 1–4 об. Черновой автограф К. М. Бэра. Лат. яз.

²⁹ Далее зачеркнуто: *nesciat*

³⁰ Далее зачеркнуто: *Questio est differentis*

³¹ Далее зачеркнуто: *Deposito animo humili sidera sublimes ferit vertice*

³² Далее зачеркнуто: *mente*

Перевод
О трансформации видов

Блистательнейший проректор! Ученейшие профессора!

Любезнейшие коллеги! Почтеннейшие слушатели, граждане всех рангов!

Сегодня праздник! Я не хочу, почтеннейшие слушатели, задерживать вас слишком длинной речью, не хочу навевать на вас тоску учеными рассуждениями. Лучше мы отметим нашу промоцию в счастливом настроении, которое приносит душевную радость и в замки вельмож, и в хижины бедняков.

Я долго размышлял, какой предмет достоин того, чтобы говорить о нем накануне Рождества, и не нашел ничего другого, кроме вопроса о появлении на свет всех земных тварей^[1]. Проблема эта такого рода, что ее можно или решить весьма просто, в немногих словах, или ее нужно весьма долго изучать с помощью всех орудий естественных наук. Уже с тех самых пор, как род человеческий начал мыслить, он обратил внимание на этот вопрос. Признаемся, однако, откровенно, что до наших времен в этом вопросе не достигнуто почти ничего. Я не хочу говорить здесь ни о наследственности, которую изучали многие естествоиспытатели и достигли славы, ни о происхождении животных путем степеней эволюции. Остановлюсь на формах более развитых: каким образом возникли различные виды высших животных и растений? Возникли ли они путем первичного зарождения из неоформленной материи или они произошли от других видов путем трансформации?

Вопрос этот чрезвычайно труден сам по себе, однако все специальные вопросы строения и жизни организмов связаны с этим кардинальным вопросом. Поэтому обойти его никак невозможно. Наблюдения, накопленные веками, оказываются недостаточными ни для утверждения трансформации, ни для принятия учения о первичном зарождении для совершенных организмов.

Таким образом, одни естествоиспытатели, следуя скорее чужим мнениям, чем соображениям своего собственного ума, полагают, что все виды возникли самостоятельно, каждый в отдельности, другие говорят о трансформации, не опираясь, однако, на более прочные доводы. Древние авторы в большинстве придерживались первой из этих теорий и верили, что, например, пчелы и даже позвоночные животные могут возникать из гниющих веществ. Наш век склонился скорее к идее трансформации. Я не хвалю этого и не порицаю, ибо нужно же людям измыслить какую-нибудь гипотезу, если не хватает наблюдений и положительных выводов из них в вопросе, который так тесно связан с другими проблемами науки, что обойти его невозможно.

Нам кажутся забавными рассуждения тех, которые трактуют такие гипотезы как нечто проверенное на опыте. Так, например, Руссо (неразб.) и другие учили, что человек развился из обезьяны. Один рейнский профессор рассмотрел всех животных и не только показал, как можно себе представить трансформацию одной группы в другую, но ему представилось, что они в действительности именно так трансформировались. А совсем недавно молодой зоолог по имени Кауп установил, из каких форм возникли отдельные виды путем изменения, и заявил об этом в выражениях столь определенных, как будто бы он сам присутствовал при их появлении. Если угодно, я приведу образчик его пророческих вещаний. Род оленей, по Каупу, возник из тетеревов. Потомком тетерева *Tetrao lagopus* (белая куропатка) является олень *Cervus tarandus*, а потомком *Tetrao tetrah* (тетерев-косач) — *Cervus alces* (лось). От *Tetrao urogallus* произошел *Alces fossilis* *Hybernica* (ископаемый лось), от *Tetrao medius*

(межняк) — *Cervus elaphus* (благородный олень), от *Tetrao bonasius* (рябчик) — *Cervus dama* (лань). Нашему пророку кажется ясным как день, что дикий козел обязан своим происхождением куропатке, и так далее.

Что касается меня, то трансформация оленя из какого-нибудь тетерева представляется мне не меньшим чудом, как если бы на наших глазах готовый олень упал с неба. (Несомненно, самопроизвольное зарождение оленя легче доказать путем аналогии, чем превращение птиц в рогатый скот). Если тетерев действительно обладает такой трансформационной силой, то почему же не все тетерева превратились в других животных и род их еще существует?

На какие доказательства опирается этот зоолог? Прошу вас слушать внимательно и не смеяться. Олени, утверждает Кауп, произошли от тетеревов, потому что у обоих мясо имеет сладкий запах. Подобные гипотезы, или, скорее, бредни, можно придумать лишь для того, чтобы не приписывать земле большей созидательной силы, чем та, которую мы наблюдаем в настоящее время. Но если земля не в силах создавать совершенные организмы, она, очевидно, не в состоянии и трансформировать их означенным образом, ибо создание есть не что иное, как высшая степень трансформации, и, в свою очередь, трансформация столь полная, что новая форма передается потомству, является, очевидно, созданием, что я скоро и покажу на примере. Если это правильно, то необходимо предположить, что созидательная сила земли в прежние времена была больше, чем в настоящее время. Если мы допустим эту большую силу, то аналогия с низшими организмами убеждает нас, что и высшие организмы также могли возникнуть сразу, а не только развиваться путем трансформации. В том, что земля ранее обладала большей созидательной силой, я не сомневаюсь, и попытаюсь это доказать, если будет время.

Но на этом надо остановиться, чтобы не забыть о нашем сегодняшнем акте творения. Дабы он мог свершиться, кандидат наш сначала принесет присягу, которую прочитает секретарь Академии.

Итак, в добрый час, волею и властью Альбертинской медицинской академии я, Карл Эрнст фон Бэр, доктор медицины *rite promotus* и профессор этой Академии, возвожу тебя, Иосиф-Фридрих Собернгейм из Бромберга, в степень доктора медицины и хирургии, оповещаю и возглашаю о твоём производстве. Приглашаю тебя вступить на сию возвышенную кафедру, дабы вручить тебе по обычаю предков символы докторской степени и изложить перед тобой ее привилегии и отличия. По законам Академии я обязан раскрыть перед тобой труды великого Гиппократ и призвать тебя к ревностному их изучению. Но ты уже и до моего призыва составил ученый комментарий к афоризмам Гиппократ, да и с самим Гиппократом ты знаком так близко, что он посещает тебя по ночам. Итак, мне остается только просить тебя обращаться к Гиппократу иногда и днем, чтобы он не гневался, если придет к тебе ночью.

По законам Академии положено также, чтобы я украсил твою голову докторской шляпой. Эта шляпа указывает на твоё звание, и с того момента ты являешься свободным, не должен следовать за каким-нибудь учителем, но быть мужем самостоятельным в изучении медицины. Эта промоция дает тебе независимость.

Ты уже и раньше выделялся своим поэтическим искусством и ученостью из толпы рабов и учеников, зная, что Музы дают истинную свободу. Почитатель свободных искусств, ты иногда покидал аудитории наставников, чтобы не повторять без конца слова учителей. Теперь я надеваю на твой палец кольцо. Кольцо — бесконечно, оно представляет те вечные узы, которыми ты теперь связываешь себя с медициной. Ты ведь прекрасно знаешь, какими словами Гиппократ начинает свои произведения.

Слова эти уже избиты за двадцать веков повторения, но они всегда сохраняют свое значение. От всей души желаю, чтобы Гален подал тебе помощь и силу, честь ты уже получил тем, что тебе присвоено звание медика, а искусство отчасти передали тебе твои учителя, но больше всего дает тебе собственная практика. Целую тебя и принимаю в число докторов медицины.

Слушатели всех рангов! Кто из вас в этот день, в день Рождества Христова, не подносит или не получает подарков? Я же не имею для вас другого подарка, кроме новоиспеченного доктора, которого я посвящаю в ученую степень и приношу вам в дар. Но я не данаец, чтобы вы боялись меня, приносящего дары. Примите моего превосходнейшего доктора. Правда, иногда он видит сны, но в сновидениях он усваивает то, чего не знал раньше, например разницу между *cardium* и *pericardium*. Следовательно, он и спит во благо своих пациентов.

Я обещал вначале доказать вам, что креация и такая трансформация — одно и то же. Обещание свое я уже выполнил, ибо я показал, как возникает вид докторов. Я создал доктора путем трансформации из студента, я путем эволюции поднял его на высшую ступень. Где теперь кандидат Собернгейм? Вот это — превращение! Он возвысился над всеми вами, он презирает теперь академических лекторов с их прутьями, он не заботится об академическом судье. Устранив из души все низменное, он поднимает к звездам возвышенное чело. Но придет время, и, по обычаю филистеров, он утратит и свою гордость, и свой возвышенный дух. Так всякая эволюция есть уже шаг к обратному развитию.

Да дарует ему Всевышний удачу и счастье, о чем мы молимся от глубины души. Да сохранит Всевышний нашего милостивейшего короля, наследника престола и весь королевский дом, а также нашу Альбертинскую академию^[2].

Перевод Б. Е. Райкова и Ю. Х. Копелевич

СПбФ АРАН. Ф. 893. Оп. 1. Д. 254. Л. 63–70. Подлинник. Неавторизованная машинопись.

^[1] В шуточной форме К. М. Бэр излагает результаты своих научных наблюдений о сходстве зародышей всех позвоночных организмов. Закон зародышевого сходства лег в основу созданной им новой отрасли знания, сравнительной эмбриологии, и является одним из доказательств единства происхождения животного мира.

^[2] Альбертинская академия — Кёнигсбергский университет.

Из речи К. М. Бэра «Взгляд на развитие наук», прочитанной в публичном заседании Академии наук

29 декабря 1835 г.

<...> Когда однажды просили у Наполеона пособия для ученого предприятия, и он медлил своим соизволением, заметив, что считает это делом излишним, то Кювье имел столько духа, что сказал ему: «Государь! Завоевания Александра Великого были утрачены вскоре после его кончины; но творения Аристотеля еще поныне читают каждый день». Наполеон изумился и подписал бумагу. Может быть, в душе его мелькнуло в то время воспоминание об экспедиции в Египет, от коей ничего не сохранилось, кроме славы отважного предприятия и успехов ученой комиссии. И сколь ужасным образом сбылось под конец его поприща вещее слово Кювье! Наполеон не только не оставил и развалин своего царства, как Македонский — его образец,

но еще обречен был видеть при жизни своей восстановление прежних политических отношений. Он сохранил только общую ненависть поработанных им народов, и даже собственная его нация, которую он хотел возвеличить, покинула его.

Но то, что сделано при нем для ученого образования, не погибло. Уже одного «Описания Египта» (“Description de l’Egyppte”, 1809–1829) было бы достаточно, чтобы упрочить для него бессмертие: хотя и прежде некоторые мужи ученые отыскивали следы древнейшего образования в Египте, древней Персии, Индии или Китае, но от преобладавшего в то время так называемого классического учения разыскания сии не могли иметь большого веса в системе общего образования. Седая древность в первый раз вышла из мрака неизвестности, которым она была покрыта, когда Наполеон принял под свою защиту разыскания об египетских памятниках; сии-то разыскания не только привели к новейшим открытиям о Египте, но и оживили ревность к изучению санскритской литературы. Итак, можно сказать, что поход в Египет раздвинул пределы всемирной истории почти вдвое против прежнего.

Министр Кольбер положил основание Академии наук в Париже и Академии надписей и изящной словесности. Он учредил также «Журнал ученых» (“Journal des Savants”), старейшее из всех ныне существующих повременных изданий сего рода. Сокровища, которые он собрал во время своего управления финансами Франции, слишком скоро были расточены небрежливим правительством, но то, что он создал по собственной склонности, сохранилось и возвело Францию на высокую степень в череде образованных народов. И даже в то время, когда вся Европа гнушалась ужасами французской революции, она не могла не внимать назиданиям сих трех голосов, поддерживавших славу Франции. Где тот муж, который может похвалиться, что сделал более для своего народа?

Наука, в сравнении с искусствами, гораздо менее стеснена пространством и временем. И в самом деле, искусство у каждого народа принимает новый вид, тесно сопряженный с его особенностью; оно не только достигает определенной высоты, далее которой уже не может подняться, но можно даже сказать, что художественное произведение вполне нравится только тому народу, в недрах коего оно возникло или которое имеет с ним близкое сродство.

Наука, напротив того, не знает пределов совершенства и беспрестанно стремится вперед: переходя от одного народа к другому, становится общим достоянием. Она связывает между собою тесными узами все образованные народы и некогда, может быть, соединит их в один общий государственный союз. Так, например, арабы с жадностью переняли у греков науку, нимало не пленившись произведениями греческой поэзии.

Но как искусство столь тесно соединено с индивидуальностью народа, то дозволено сомневаться, благотворно ли вообще действует присвоение чуждых художественных произведений на поэтическое развитие народа. В отношении к науке не может быть никакого сомнения. Напротив того, как критика — душа науки — развивается только очень медленно, исподволь отделяя чистый металл от негодных шлаков, то ученая литература народа может подвигаться только веками, если не придет в многообразное соприкосновение с чужою, более успевающею или хотя бы только иначе развившеюся литературою. <...>

Итак, мы видели, что наука, проистекая из вечных начал, не ограничена в своих благотворных действиях ни пространством, ни временем, не измерима по своему объему, бесконечна в своей задаче, не достижима по своей цели. <...>

**Из письма К. М. Бэра к неперемемному секретарю П. Н. Фусу
о достоинствах Новой Земли**

1837 г.

Nowaja Semlja ist das wahre Land der Freiheit, wo jeder thun und lassen kann, was er will. Es ist das einzige Land, wo es keine Polizei und keine Regierung als die des allgemeinen Herrn gibt, die hier freilich strenger ausfällt, als auf den meisten anderen Punkten der Erde. Es hat vor allen cultivirten Ländern den Vorzug voraus. Es ist ferner das einzige Land, Europas wenigstens, wo der Ankommende nicht als Schurke empfangen wird. Betrete ich die sogenannten civilisirten Länder, so empfängt mich sogleich im Namen der Regierung eine Bande von Beamten mit der Frage, ob ich nichts Verbotenes thue, indem ich Verbotenes einführe. Ja, die Bande spricht diese Frage nicht einmal aus, sondern handelt sogleich danach. In Nowaja Semlja wird jeder Ankommende als honnête homme empfangen.

Оубл.: Stieda L. Karl Ernst von Baer. Braunschweig, 1878. P. 124;

Перевод

Новая Земля есть настоящая страна свободы, где каждый может действовать и жить, как он хочет. Это единственная страна, где нет никакой полиции и никакой иной власти, кроме господней. Правда, она здесь сказывается суровее, чем в большинстве других точек земли. В этом ее преимущество перед всеми культурными странами. Далее, это единственная страна, по крайней мере в Европе, где пришелец не встречается как мошенник. Как только я попадаю в так называемые цивилизованные страны, так сей час же меня встречает от имени правительства банда чиновников вопросом, не совершаю ли я чего-нибудь воспрещенного, ввозя воспрещенное. Мало того, банда эта даже не произносит этого вопроса, а сейчас же поступает соответственно этому вопросу. На Новой Земле всякий пришелец принимается как honnête homme^[1].

Оубл.: Соловьев М. М. Переписка академика К. М. Бэра с адмиралом И. Ф. Крузенштерном // Труды Комиссии по истории знаний. Вып. 2. Первый сборник памяти Бэра. Л., 1927. С. 57–58.

^[1] «Новая Земля составляет для русского народа особого рода хартию», — говорил К. М. Бэр. Летом 1837 г. он отправился туда, чтобы определить границу распространения на Земле органической жизни.

**Поздравительный адрес Академии наук К. М. Бэру в связи с 50-летием
его научной деятельности, составленный [А. К. Науком]**

До 29 августа 1864 г.

Viro illustrissimo Carolo Ernesto A Baer diem XXIX mensis Augusti A. MDCCCLXIV quo die ante hos quinquaginta annos medicinae doctor ab universitate Dorpatensi renuntiatus est venerabundi gratulantur Imperialis Academiae Scientiarum Petropolitanae Socii.

Imperiali Academiae scientiarum Petropolitanae duodequadraginta abhinc annos sacra saecularia celebranti et alterum saeculum auspicanti splendidissimum sidus exortum est. Te enim, Vir illustrissime, tunc socium ab epistolarum commercio sibi adiunxit, quem postea per longam annorum seriem eadem Academia socium ordinarium vidit et novissimo tempore socium honoris causa rite elegit Ita contigit ei ut unum ex praestantissimis atque omni laude maioribus viris sibi vindicaret, quales vix singuli per singula saecula nasci

solent. Iam cum dies illuxerit laetissimus, quo Tu ante hos quinquaginta annos ingenii Tui lumen iis literis impertire coeperis, in quibus iuvandis augendis amplificandis studio constanti et splendidissimo successu vitam degisti, non gravabere, si nos collegae Tui, quamvis omnia Tua merita complecti et digno praeconio decorare non liceat, multiplices tamen vias paucis verbis indicare temptarimus, quas aut primus ingressus sis aut nova luce egregie illustraris.

Ac primum animantium cum ceterorum tum hominis naturam diligentissimo studio amplexus, ea quae sunt quomodo nascantur, singulari acumine perspexisti. Detexisti ovum hominis et mammalium genesin, monstravisti leges, secundum quas animalium et superiorum et inferiorum ova mutantur et progrediantur, eaque ratione gravissimam illam biologiae partem, qua docetur quomodo animalia oriantur et paulatim crescant, non excoluisse solum, sed creavisse merito iudicaris.

Abditissima quaeque investiganda ratus generationem animalium illustravisti et varia eius genera constituisti. Deinde ab ortu animalium ad vitam eorum progressus, interiorum hominis et animalium structuram, anatomicam naturam et physiologicam rationem singulorum organorum eorumque relationes indagasti tam in normalibus formis quam in monstrosis, quae ad normas perspicendas solent esse utilissimae.

Animantium structuram et condiciones vivendi rimatus porro acumine admirabili leges repperisti, secundum quas animalia et plantae in terra distributa sint: intellexisti quomodo illa per singulas zonas inde a mediarum terrarum caloribus usque ad glaciales axes et magnitudine et natura differant, et domicilia singulorum animantium, quae ubique aut nunc agnoscimus aut olim fuisse concludimus, ad certas revocasti leges, petitas ex habitu et victu rebusque ad vivendum necessariis.

Inprimis quod attinet ad humani generis varietates in singulis regionibus conspicuas, comparando metiendo ponderando cranologiae firmiora fundamenta iecisti eiusque ope remotissimorum saeculorum res perquirens relationes et cognationes physicas tam superstitem quam extinctarum gentium mira sagacitate revelasti. Denique amplissimum orbem emensus ab iis animantibus quae nunc sunt ad emortuas priorum periodorum formas explorandas ascendisti.

Neque intra animantia substitisti, sed ad quaestiones ipsam tellurem spectantes conversus observatarum rerum nexum insigni acie perspexisti et leges firmas fixasque eximia sagacitate inde derivasti. Solum aqua aer deinceps allexerunt Te ad arcana sua aperienda. Litus maris Baltici et pristini terrae marisque fines, diluviales quae dicuntur rasurae et saxorum septentrionalium migrationes, sal aquae marinae admixtus eiusque vis ad plantarum et animalium marinorum proventum, leges quibus fluminum alvei astricti sint, septentrionalis coeli temperies eiusque ad animalium et plantarum vitam momenta — hae aliquot sunt de multis physicae geographiae quaestionibus, quibus illustratis nunquam perituram Tibi gloriam peperisti. Acerrimo veri investigandi ardore flagrans deserta litora et insulas maris glacialis et candentes Ponti Euxini et Caspii lacus regiones ipse identidem peragrasti et naturam peculiaremque indolem visorum locorum consummata arte descripsisti. In omnes vasti imperii Rossici partes inde a Baltico mari usque ad Pacificum oceanum peregrinantium vestigia secutus, studia illorum et observationes subtili iudicio examinans, novas quaestiones movisti et solvisti. Quae sapientissimi Imperatores, ut Petrus Magnus, ad imperii sui naturam explorandam moliti sunt, prudentissimo consilio ab oblivione vindicasti et clara in luce collocasti.

Denique a natura rerum perscrutanda ad literarum historiam transgressus humani generis status et progressus observasti. Sicut gradus et vicissitudines, quibus animantia formata fuerint, exploravisti, item plurimum contulisti ad mentis humanae naturam et vires perspicendas. Docuisti scientiam hominum criticae artis ope progredi legesque eius

scientiae et terminos ex physiologia esse repetendos. Atque etiam ultra hos fines divinum Tuum ingenium elatum est: rerum universitatem contemplans et ab inanimis corporibus continua serie usque ad hominem ratione praeditum ascendens et progressus in singulis formis manifestos intuens, agnovisti mentem humanam non esse intra huius terrae fines inclusam, sed cum principali universi mundi causa interno quodam vinculo coniunctam. Immortalitatis cogitatio primus Tibi fuit immortalitatis actus. Immortalis Tu, Vir summe, et haberis nobis et habebis, immortale nomen Tuum vigebit gloria perenni et grata posterorum memoria.

Quod superest, optamus ut iuvenilis iste ingenii vigor, quo Tu senex etiam nunc mirum in modum excellis, usque ad extremos vitae humanae terminos incolumis Tibi maneat et literis conducatur. Vale.

СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 120. Л. 13–14 об. Подлинник. Типограф. печать. Лат. яз.

Перевод

Исполненные почтения члены Императорской Академии наук приветствуют славного Карла Эрнста фон Бэра в день, в который 50 лет тому назад он был удостоен Дерптским университетом степени доктора медицины.

38 лет назад Императорская Академия наук в С.-Петербурге отпраздновала свое столетие, и на пороге нового столетия в ней появилась великолепная звезда. Именно тогда Академия избрала Вас, выдающийся муж, своим членом-корреспондентом, а впоследствии в течение долгого ряда лет числила Вас среди своих ординарных членов, а совсем недавно возвела Вас в почетные члены^[1]. Ей посчастливилось приобщить к себе одного из самых выдающихся и достойных людей, кои рождаются единицами, и не каждое столетие. Нынче, когда воссиял счастливый день, в который 50 лет тому назад Вы вступили на научное поприще и с постоянным усердием и блестящим успехом посвятили свой гений науке, Вам не будет в тягость, если мы, Ваши коллеги, хотя невозможно охватить в похвальном слове все Ваши заслуги, постараемся в немногих словах указать те многообразные пути, на которые Вы или вступили первым, или ярко осветили новым светом.

Тщательно изучив вначале природу всего живого и человека, Вы с исключительной остротой усмотрели, что является первоосновой их зарождения. Вы открыли зарождение яйцеклетки человека и млекопитающих, показали законы, согласно которым изменяются и развиваются яйцеклетки высших и низших животных. А потому справедлива оценка, что Вы не только разработали, но и создали важнейшую часть биологии, которая учит, как появляются на свет и постепенно растут животные.

Полагая, что должно исследовать все сокрытое, Вы объяснили происхождение животных и установили различные виды этого происхождения. Затем от зарождения животных Вы перешли к их жизни и изучили внутреннее строение человека и животных, анатомическую природу и физиологию каждого органа и их взаимосвязь, как в нормальных формах, так и аномальных, изучение которых весьма полезно для понимания нормы. С поразительным остроумием исследовав строение и условия жизни живых существ, Вы открыли законы, по которым животные и растения распределены по земле. Вы поняли, как они различаются своим размером и природой в каждом регионе, от жаркой области на экваторе и до полярного круга. Относительно мест обитания отдельных живых существ, которые встречаются повсюду в настоящее время или же были, как мы об этом можем судить, Вы сформулировали четкие законы, относящиеся к привычкам, быту и всему необходимому для жизни.

Прежде всего, это касается разновидностей человеческой расы, встречающихся в отдельных регионах. Сравнивая результаты измерений и взвешивания, Вы заложили прочные основы краниологии, ее методами Вы исследовали отдаленные эпохи и с поразительной проницательностью раскрыли взаимоотношения и физическое родство как ныне живущих, так и вымерших рас. Наконец, Вы изъездили огромные пространства, чтобы исследовать формы, начиная с ныне живущих и до вымерших в более ранние эпохи. Вы не остановились на < изучении > живых существ, но, обратившись к вопросам, касающимся самой земли, вы с завидной прозорливостью увидели связь наблюдаемых явлений и с исключительным остроумием вывели из этой связи твердые и неизменные законы.

Земля, вода и воздух наперебой побуждали Вас открыть их таинства. Берег Балтийского моря и бывшие границы суши и моря, наводнения, которые называются размывами, и сдвиги северных скал, соль, смешанная с морской водой, и ее сила для производства растений и морских животных, законы, по которым образуются русла рек, границы, северный климат и его влияние на жизнь животных и растений — вот некоторые из многих вопросов физической географии, которые Вы объяснили и тем обрели славу, которая никогда не померкнет.

С неистовым рвением стремясь к поиску истины, Вы не раз побывали на пустынных берегах и островах Ледовитого моря, а также в жарких областях Черного и Каспийского морей и с непревзойденным мастерством описали природу и своеобразие этих мест. Вы шли по стопам путешественников во всех обширных областях Российской империи, от Балтийского моря до Тихого океана, и, тщательно изучив их исследования и наблюдения, ставили и решали новые вопросы. По здравому размышлению Вы извлекли из забвения и ярко осветили то, что мудрые императоры, такие как Петр Великий, пытались сделать для изучения природы своей империи.

Наконец, перейдя от исследования природы вещей к истории культуры, Вы проследили изменение состояния и прогресс рода человеческого. Подобно тому, как Вы исследовали этапы и превратности на пути формирования живых существ, так Вы внесли существенный вклад в понимание природы и возможностей человеческого разума. Вы учили, что наука о людях должна продвигаться вперед на основе критического анализа и что законы и пределы этой науки следует выводить из физиологии.

Ваш гений превзошел даже эти пределы: созерцая вселенную вещей и непрерывно поднимаясь от неодушевленных тел к человеку, наделенному разумом, и наблюдая прогресс, проявляющийся в каждой форме, Вы осознали, что человеческий разум заключен не в пределах этой земли, но что он соединен некой внутренней связью с первопричиной всего мира. Мысль о бессмертии стала для Вас первым актом бессмертия. Вы бессмертны, величайший муж, ныне и вовеки, и Ваше бессмертное имя будет пребывать в вечной славе и благодарной памяти потомков.

Остается пожелать, чтобы та юношеская энергия ума, которой Вы в полной мере обладаете даже сейчас, в старости, чудесным образом сохранилась и служила науке до последних пределов жизни. Желаем здравствовать.

Перевод Е. Ю. Басаргиной

^[1] В октябре 1862 г. К. М. Бэр вышел в отставку по состоянию здоровья и переехал в Дерпт. В знак уважения его заслуг ему была назначена пенсия в 3000 руб. и он был произведен в тайные советники. Но его научные связи с Академией наук сохранялись: 2 ноября 1862 г. его избрали почетным членом, с правом присутствия и голоса в заседаниях Академии наук.

**Письмо К. М. Бэра к [непременному секретарю К. С. Веселовскому]
с выражением благодарности министру народного просвещения
А. В. Головнину за поздравление
к 50-летию юбилею научной деятельности**

28 августа 1864 г.

Verehrter Gönner

Nachdem ich einige Zeit an einer oppressio capitis gelitten habe finde ich erst heute die rechte Courage an den Herrn Minister meine Danktragung abzustatten — 24 Stunden vor der Ehrentafel.

Darf ich nun bitten, dass Sie ihm gefälligst den beifolgend[en] Brief, nachdem er die passende Adresse erhalten hat zuschicken wollen, so dass er ihn wenigstens vor der Tafel erhält.

Von ganzem Herzen der Ihrige Bär.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1864. Д. 3. Л. 39. Автограф К. М. Бэра.

Перевод

Милостивый государь

Некоторое время я страдал *oppressio capitis*³³, и лишь сегодня я чувствую себя вполне бодрым, чтобы официально выразить свою признательность господину министру — за 24 часа до торжественного банкета.

Я любезнейше просил бы Вас снабдить приложенное письмо соответствующим адресом и отправить его таким образом, чтобы оно было получено, по крайней мере, до банкета.

Сердечно Ваш Бэр.

Перевод М. Н. Додеус

Газетная статья «Юбилей г. Бэра»

2 сентября 1864 г.

Юбилей г. Бэра. Нашим читателям известно, что 29-го августа назначено было празднование пятидесятилетия нашего маститого академика и европейского ученого, Бэра^[1]. Это был праздник науки в Петербурге. Утром депутации разных ученых учреждений, русских и заграничных, принесли юбиляру поздравления от имени своих учреждений, а в пять часов, как было условлено, многочисленное общество ученых и почитателей г. Бэра собралось в гостинице Демута, где был приготовлен обед в честь юбиляра. За обедом, по поводу тостов, было высказано г. Бэру все то, чем обязаны ему наука вообще и русский ученый мир в особенности. Первый тост был провозглашен г. президентом Академии наук за здоровье Государя императора; затем г. президент [Ф. П. Литке], в немногих энергичных словах, пожелал юбиляру долгого служения на пользу науки и на славу того ученого учреждения, к которому он принадлежит. Юбиляр отвечал на эти пожелания тостом в честь Академии. Г. академик Миддендорф оценил, в общих чертах, значение науки в человеческом обществе и значение г. Бэра в науке. Гг. Розенбергер и Пеликан указали на заслуги юбиляра в области медицины.

---

³³ Мигрень (*лат.*).

Говорили также пастор Фроман, г. Семенов, директор Центрального статистического комитета, и некоторые другие.

В конце обеда г. Бэр благодарил собравшееся общество за все эти доказательства сочувствия к его деятельности. Почтенный юбиляр упомянул, между прочим, что чрезмерная похвала, как и чрезмерное порицание, поставляют того, к кому они относятся, в одинаково затруднительное положение, с тою только разницей, что преувеличенное осуждение пробуждает в человеке сознание его достоинства, а слишком большая похвала порождает ощущение его собственных недостатков. Напомнив об учреждении, с которым связано его имя, г. Бэр благодарил тех, кто способствовал возникновению этого учреждения, и заключил намеком на учение о всемогуществе воли, сказав, что он желал бы продлить свою жизнь еще на полвека, чтобы, в свою очередь, отпраздновать таким же образом юбилей каждого из присутствующих.

Обед заключился кратким приветствием евангелического епископа, г. Ульмана, провозгласившего тост за **Бэра, одного из патриархов истины**.

По поводу юбилея г. Бэра книгопродавец Шмицдорф издает собрание речей, произнесенных юбиляром в ученых собраниях, и разных статей его. На днях вышел первый выпуск этого издания, содержащий речи г. Бэра, с отличным портретом автора.

Опубл.: Санкт-Петербургские ведомости. 2 сентября 1864 г. № 193; СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1864. Д. 3. Л. 55 (вырезка из газеты).

^[1] Отмечалось 50-летие присуждения К. М. Бэру степени доктора медицины в Дерптском университете после защиты им диссертации «Об эндемических болезнях в Эстляндии».

Из воспоминаний К. М. Лингена о торжестве по поводу 50-летнего юбилея научной деятельности К. М. Бэра

1877 г.

NB Ich muss hier noch ein zum Jahre 1864 gehöriges solennes Fest anführen, dass ein allgemeines Interesse erweckt. Am 29. August 1864 feierte Baer sein 50-jähriges Doctorjubilaum:

[am Morgen wurde die Feier eingeleitet durch den Gesang des Chorals: „Nun danket alle Gott“ gesungen von den Familien Gliedern]³⁴

Dann³⁵ war Gratulation der Familie: es waren zum Feste die Söhne Alexander Baer mit Frau Caecilie und Hermann, nebst Frau Aline angereiset, Marie, mit ihrem Säugling Leo, die andern Enkel waren auch dabei, Tante Emilia machte die Konncurs; das war nun eine lieblich-erfreuliche Scene, der Jubilar war ganz gerührt. Dann erschienen zahlreiche Deputationen und Adressen von Academien, Universitäten, gelehrten Gesellschaften des In- und Auslandes, vieler angenehmen Collegen und Privatpersonen.

[auch Professor Grube, früherer Schüler Baers aus der Königsberger Zeit war aus Breslau³⁶ angekommen und hielt eine ergreifende Rede mit Erinnerungen an die von Baer rühmlichst in Königsberg verlebten Jahre]³⁷

³⁴ Выделенный фрагмент написан на полях.

³⁵ Зачеркнуто: *Vormittag*

³⁶ Зачеркнуто: *Dorpat*

³⁷ Вынесено на поля.

Der Empfangssaal wurde während drei Stunden nicht leer, gedrängt voll, der Jubilar antwortete jedem, herzlich, mit kurzen Worten. Die Krone der Festgenossen errang aber der Professor Bidder, der als Rector und Deputirter der Universität Dorpat zum Feste erschienen war, als er vor Baer hintrat, fielen sich beiden Ehrenmänner in die Arme, küssten sich wie Herzensfreunde, drückten sich immer und immer wieder die Hände; endlich nahm sich Bidder zusammen und verlass mit bebender Stimme, die lateinische Adresse der Universität Dorpat, in der der Jubilar mit schwungvollen Worten als der würdigste Sohn der alma mater, als ihr Stolz und ihre Freude gepriesen wurde; nach Verlesung der Adresse, umarmten sich die freudig gerührten alten Freunde nochmals aber auch alle Anwesenden wurde[n] von dieser erhebenden Scene tief ergriffen; Bidder wurde umringt, mit Dank und freundlichen Worten überschüttet, die anwesenden, alten Dorpatenser wollten ihn gar nicht loslassen, man kann sagen, es war auch für ihn ein Festtag, eine Anerkennung seiner eminenten Persönlichkeit, und des Deputirten der Dorpater Universität. Wir gingen in einer weihevollen Stimmung auseinander, der Jubilar sollte ausruhen, denn nun stand ihm das grosse, von der Akademie und seinen vielen Verehrern, ihm zu Ehren veranstaltete Festdiner bevor. Auch das verlief in würdigster glänzender Weise; es war auch unserer Damen gedacht worden, Marie mit den beiden Schwägerinnen und Tante Emilie, fanden in einem Nebenzimmer einen gedeckten Tisch vor, könnten aber das opulente Diner mitgeniessen. Die Stimmung an der grossen Tafel war eine sehr heitre, angeregte, Toaste und Reden folgten nacheinander, Middendorff's recht aus dem Herzen kommend, gefiel mir am besten. Baer antwortete mehrere Mal, und unter anderem stellte er in humoristischem Ton, die allgemein bekannt gewordene Hypothese auf: es liege im menschlichen Organismus keine zwingende Notwendigkeit zum Sterben vor, und somit lade er die Anwesenden ein, nach 50³⁸ Jahren an diesem Datum, zur Wiederholung des Festes zu sich ein; mit allgemeinem stürmischem Applaus wurde die Einladung angenommen. Die Tafel wurde in später Abendstunde aufgehoben, und hinterliess allgemein das Gefühl voller Befriedigung. Dass es Baer in seiner originellen Weise, mit obiger Einladung nicht bloß, um einen Scherz zu tun war, hat er damit bewiesen, dass er offizielle 100 RB Zins auf Zins tragend deponiert hat, mit deren Ertrag nach fünfzig³⁹ Jahren, (1964⁴⁰) einer der dann lebenden Nachkommen Baers, als Stellvertreter des Festators, ein Gedenkfest veranstalten sollte, zu dem alle Glieder und Freunde des Baerschen Geschlechtes einzuladen seien; eine dankenswerthe Hinterlassenschaft für die Epigonen.

[Grossen Eindruck machten, unter andern, die herzlichen, gehaltvollen Ansprachen vom Pastor Fromman, Bischöfe Ulmann, Hofmann in humoristischem Ton. Die ganze Feier ist ausführlich in einer Quartbrochüre beschrieben, von der academie herausgegeben worden]⁴¹

СПбФ АРАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 33. Л. 96–97 об. Автограф К. М. Лингена. Нем. яз.
Опубл.: S.-Petersburger Zeitung. 1877. № 47–53.

Перевод

NB Вспоминая год 1864-й, нельзя не упомянуть также о торжественном банкете, который вызывает всеобщий интерес. 29 августа 1864 года Бэр праздновал 50-летний юбилей присуждения ему докторской степени.

Праздничное утро началось с пения хора: «Славим все Господа нашего» в исполнении членов семьи.

³⁸ Исправлено: 100 на 50.

³⁹ Зачеркнуто: *hundert*

⁴⁰ Исправлено: 1964 на 1914.

⁴¹ Вынесено на поля, крестиком показано место вставки.

Затем последовали поздравления от семьи, на торжество пришли сыновья Бэра, Александр с супругой Цецилией и Герман в сопровождении супруги Алины, Мария с малышом Лео, были и остальные внуки, тетя Эмилия устраивала конкурсы; это была полная радости и счастья картина, юбиляр был очень тронут. Затем появились многочисленные депутации и поздравления от академий, университетов, научных обществ, среди которых были и иностранные, а также от добрых знакомых и коллег. Из Бреслау прибыл также профессор Грубе, в прошлом ученик Бэра кёнигсбергского периода, и произнес трогательную речь с воспоминаниями о самых славных годах Бэра, проведенных в Кёнигсберге.

В течение трех часов банкетный зал не пустел, было много гостей, юбиляр благодарил каждого, тепло, короткими фразами. В центре внимания оказался профессор Биддер, он прибыл как ректор и представитель Дерптского университета. Оказавшись друг напротив друга, почтенные мужи бросились друг другу в объятия, стали целоваться, как закадычные друзья, снова и снова обменивались рукопожатиями. Наконец Биддер взял себя в руки и дрожащим голосом огласил по-латыни адрес Дерптского университета, в котором юбиляра, не скупясь на выразительные эпитеты, прославляли как достойнейшего сына своей *alma mater*, гордость и радость ее. После того как обращение было зачитано, растроганные старые друзья снова обнялись, однако и все присутствующие были глубоко тронуты этой торжественной сценой. Биддера окружили, осыпали благодарностями и добрыми словами, присутствовавшие старые дерптцы никак не хотели его отпускать, можно сказать, что это был и его праздник, признание его выдающейся личности и посланника Дерптского университета.

Мы разошлись в приподнятом настроении, юбиляру пора было отдохнуть, ведь сейчас ему предстоял большой праздничный обед, устроенный в его честь Академией и его многочисленными почитателями. Он также прошел блестяще и самым достойным образом; о наших дамах тоже подумали: для Марии с двумя невестками и тети Эмилии был накрыт стол в соседней комнате, но они могли присоединиться и к главному пышному угощению. Настроение за большим столом было очень веселое, оживленное, тосты и речи сменяли друг друга, более всех мне понравилось поздравление Миддендорфа, оно шло от самого сердца. На некоторые Бэр отвечал и, между прочим, в шутливом тоне выдвинул ставшую известной всем впоследствии гипотезу: человеческий организм не имеет безусловной предрасположенности к смерти, а потому он приглашает к себе всех присутствующих в этот же день через 50 лет этот праздник повторить; приглашение было единогласно принято бурными аплодисментами. Из-за стола встали поздним вечером, с общим чувством полного удовлетворения.

То, что Бэр в своей оригинальной манере не просто пошутил с упомянутым выше приглашением, подтверждалось фактом официального внесения в банк суммы в 100 руб. под проценты, на доход от которой через пятьдесят лет (1914 г.) один из живущих на тот момент потомков Бэра как представитель юбиляра должен будет организовать памятное торжество, на которое следует пригласить всех членов семьи и друзей Бэра; благодарное наследство для эпигонов.

Большое впечатление произвели проникновенные, содержательные речи пастора Фромана, епископов Ульмана и Хофмана в юмористическом тоне. Весь праздник подробно описан в брошюре в $\frac{1}{4}$ листа, изданной Академией^[1].

Перевод М. Н. Додеев

^[1] Имеется в виду издание: Das fünfzigjährige Doctor-Jubiläum des Geheimraths Karl Ernst von Baer, am 29. August 1864. St.-Petersburg, 1865.

Об учреждении премии и медали в честь 50-летия получения К. М. Бэрм
в Дерптском университете докторской степени

1864 г.

Am 29. August dieses Jahres (1864) werden 50 Jahre verflossen sein, dass der Geheimerath K. E. von Baer von der Dorpater Universität den Doktorgrad erhielt. Seine Freunde und Verehrer haben, um dem berühmten Gelehrten ihre Hochachtung zu bezeigen, beschlossen: 1) ihm zu Ehren eine goldene Medaille schlagen zu lassen; 2) durch Sammlungen ein Kapital zusammenzubringen, aus dessen Ertrage ein Preis gestiftet werden könnte, der den Namen des Baer'schen Preises führen und den besten Werken in irgendeinem Gebiete der Naturwissenschaften zuerkannt werden würde. Die Größe des Preises wird von dem Ergebnis der Sammlungen abhängen, die Statuten für die Art und Weise der Verteilung desselben sollen später unter Mitwirkung des Jubilars ausgearbeitet werden. Das zur Feier des Baer'schen Jubiläums unter dem Vorsitz des Präsidenten der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, General Adjutanten Admiralen Fr. von Lütke zusammengetretene Comité hat Herrn [wirklichen Staatsrath Karl G. Ternett] beauftragt, freiwillige Beiträge für die zu schlagende Medaille und den zu stiftenden Baer'schen Preis entgegenzunehmen. Wer nicht weniger als 3 Rub. beiträgt, erhält ein Exemplar der Baer'schen Medaille in Bronze. Zum Hauptkassier der Sammlungen ist der Akademiker wirkliche Staatsrat Otto Böttlingk erwählt worden.

СПБФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1864. Д. 3. Л. 67. Подлинник. Типограф. печать. Нем. яз.

Перевод

29 августа нынешнего, 1864 года исполнится 50 лет с тех пор, как тайный советник Карл Максимович Бэр получил в Дерптском университете докторскую степень. Друзья и почитатели знаменитого ученого, желая выразить ему свое уважение, положили: 1) выбить по сему случаю в честь Бэра особую золотую медаль и 2) собрать некоторую сумму для учреждения, из процентов с оной, премии, которая, нося название премии Бэра, была бы назначена для раздачи за лучшие сочинения по какой-либо отрасли естественных наук^[1]. Величина премии будет зависеть от количества сбора на сей предмет денег, а правила раздачи оной будут определены впоследствии, причем предполагается предоставить самому юбиляру принять участие в составлении сих правил.

Комитет, принявший на себя распоряжение по означенному юбилею Бэра и состоящий под председательством президента Императорской Академии наук генерал-адъютанта адмирала Ф. П. Литке, поручил действительному статскому советнику Карлу Густовичу Тернету собирать от всех желающих денежные приношения для медали и премии Бэра. Лица, которые пожертвуют не менее трех рублей, получают на память о сем юбилее по одному бронзовому экземпляру Бэровой медали. Главным кассиром сборов для сего юбилея избран ординарный академик действительный статский советник О. Н. Бётлингк.

Перевод М. Н. Додеус

^[1] Было собрано 8400 руб., из них 1500 руб. пошли на изготовление медали. На ней был изображен профиль К. М. Бэра, обрамленный надписью "Orsus ab ovo hominem homini ostendit" («Начав с яйца, он показал человеку человека»). Оставшаяся сумма была обращена в государственные процентные бумаги, проценты с этого капитала предназначались на премии имени К. М. Бэра.

**Отношение министра народного просвещения А. В. Головнина
президенту Академии наук Ф. П. Литке об учреждении
премии К. М. Бэра по естественной истории**

2 декабря 1864 г.

Господину президенту Императорской Академии наук.

Государь император, по всеподданнейшему докладу моему, в 30 день минувшего ноября Высочайше соизволил на принятие Императорскою Академиею наук в ее ведение **шести тысяч восьмисот тридцати восьми руб. девяноста восьми коп.**, оставшихся неизрасходованными из капитала, собранного подпискою по случаю празднования 50-летия со дня получения почетным членом Академии, тайным советником Бэром, звания Доктора, для раздачи из процентов с этой суммы наград, с тем, чтобы награды эти носили название «Премий тайного советника Бэра» и были присуждаемы Академиею за лучшие сочинения по части естествознания, на основании правил, которые будут начертаны Академиею и доведены до всеобщего сведения^[1].

О таком Высочайшем повелении имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, в последствие отношения Вашего от 18 истекшего ноября № 2.288, покорнейше прося Вас, милостивый государь, доставить мне вышеозначенные правила, по составлении их, для напечатания оных в «Журнале Министерства народного просвещения».

Министр народного просвещения Головнин.

Пометы: 1) Получ[ено] 3 дек[абря] 1864; 2) Общее Собрание; 3) Заседание 4 дек[абря] 1864 § 162.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1864. Д. 11. Л. 3–3 об.

Подлинник. Рукопись. Подпись-автограф А. В. Головнина.
На бланке Министерства народного просвещения за № 10284.

^[1] 4 декабря 1864 г. правила «Премий тайного советника Бэра», присуждавшихся за сочинения по физиологии и анатомии с предпочтением эмбриологии, были одобрены Общим собранием и опубликованы для всеобщего сведения. Сам юбиляр принял активное участие в составлении проекта правил о премиях своего имени и стал пожизненным председателем конкурсной комиссии. Он широко пользовался своим правом, и зачастую именно его мнение определяло результат конкурса. Награды присуждались с 1867 по 1919 г.

См.: *Маноїленко К. В.* Награды имени академика К. М. Бэра: история основания, значение // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6, № 1. С. 26–47.

**Отношение министра народного просвещения Д. А. Толстого
президенту Академии наук Ф. П. Литке
об учреждении медали им. К. М. Бэра**

Не позднее 25 мая 1874 г.

Господину президенту Императорской Академии наук

Государь император, по всеподданнейшему докладу моему, основанному на представлении Вашего сиятельства, в 14 день сего мая Высочайше соизволил на учреждение и утверждение рисунка медали имени почетного члена Императорской Академии наук тайного советника Бэра за ученые труды по биологии,

с предоставлением Императорской Академии наук права присуждения и раздачи этих медалей чрез каждое трехлетие ученым, обогатившим рядом трудов своих биологические науки^[1].

О таковом Высочайшем повелении, доведенном до сведения Правительствующего Сената и объявленном г. министру финансов, имею честь сообщить Вашему Сиятельству, в разрешение представления от 12 истекшего апреля за № 553.

Копия с Высочайше утвержденного рисунка медали у сего 1 прилагается.

Министр народного просвещения граф Дмитрий Толстой.

Пометы: Получ[ено] 25 мая 1874. На полях: Копия отпр. ... Прав... 11 июня 1874.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1864. Д. 11. Л. 45–45 об. Подлинник. Рукопись.

Подпись-автограф Д. А. Толстого.

На бланке Министерства народного просвещения.

^[1] Учреждалась новая награда имени К. М. Бэра — почетная медаль за научную деятельность (золотая медаль ценностью в 200 руб., выполнена по эскизу медальера Л. Х. Штейнмана). Присуждалась за многолетние труды, существенно продвинувшие анатомию, гистологию, эмбриологию и физиологию человека, животных и растений, систематическую зоологию (с биологической точки зрения) и знакомство с фауной и флорой весьма обширных или еще не исследованных и труднодоступных частей России.

Награды имени академика К. М. Бэра составляли денежная премия за конкретные труды, обогатившие науку, почетная медаль за совокупную научную деятельность и юбилейная медаль ценностью 200 руб. за крупные пожертвования в музеи и Библиотеку Академии.

**Письмо К. М. Бэра
[к неперемемному секретарю К. С. Веселовскому]
о новых правилах премии его имени**

Дертт, 25 июня 1874 г.

Geehrter Herr College!

Den verbindlichsten Dank rage ich für die fünf Exemplare der neuen Statuten des natur-historischen Preises. Die neuen Statuten werden hoffentlich künftig so unliebsame Streitigkeiten vermeiden, wie sie im vorigen Jahre vorgekommen sind. Besonders erfreulich aber ist es, daß man durch die Prägung einer Medaille das Mittel gefunden hat, anhaltende Arbeiten, auch wenn die Einzelnen nicht momentan von großer Bedeutung waren, von Seiten der Academie zu ehren.

Mit vollkommenster Hochachtung

Ihr ergebenster College

Dr. K. E. v. Baer

Помета: Получ[ено] 8 августа 1874 г.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1864. Д. 11. Л. 49. Автограф К. М. Бэра. Нем. яз.

Перевод

Дорогой коллега!

Я хотел бы выразить свою глубочайшую признательность за пять экземпляров новых правил наград по естественной истории. Смею надеяться, что новые правила позволят в будущем избежать тех неприятных споров, каковые мы имели в прошлом

году^[1]. Однако особенно отрадно то, что благодаря изготовлению медали будет найдено средство, которое позволит Академии отмечать долговременные исследования, даже если каждая работа в отдельности не имеет большого значения.

С совершеннейшим уважением

Ваш преданный коллега

Д-р К. Э. фон Бэр

Перевод М. Н. Додеус

^[1] Имеется в виду конфликтная ситуация во время третьего конкурса в 1873 г. На конкурс были представлены сочинения Н. Н. Миклухо-Маклая, И. И. Мечникова и Э. Руссова. Конкурсная комиссия признала, что труды двух последних авторов достойны полной премии. По правилам деление премии допускалось при единодушном согласии всех членов конкурсной комиссии, а оно достигнуто не было. Комиссия приняла решение присудить полную премию ботанику Дерптского университета Э. Руссову, но это решение вызвало протест в сообществе ботаников и стало достоянием гласности. В результате в правила были внесены изменения, и среди прочего учреждена почетная медаль; определялись размеры первой и второстепенной премий.

См.: Отчет о третьем присуждении премии Тайного советника Бэра // Записки Имп. АН. 1873. Т. 22, кн. 2. С. 159–182; О новых правилах, установленных для присуждения наград К. М. Бэра // Записки Имп. АН. 1875. Т. 25, кн. 1. С. 57–64.

Речь Г. П. Гельмерсена «К. М. Бэр»

3 декабря 1876 г.

16 ноября в Дерпте скончался почетный член нашей Академии Карл Максимович Бэр.

Заводя здесь речь о нем, я не намерен представлять вам картину жизни и постепенного хода развития великого человека: такую картину он сам оставил нам в своей автобиографии, которая, как и все его сочинения, отличается гениальностью и может служить образцом для каждого, кто хочет оставить по себе подобное воспоминание современникам и потомству^[1]. Нет, мы желаем только выразить свое уважение, свое удивление, свою благодарность покойному, творения которого не умрут, пока существует наука.

Поступив сорок три года тому назад в действительные члены Академии, Бэр явился сюда с неувядаемым венцом славы, возложенным на его чело целом ученым миром за блистательные результаты его исследований в области сравнительной анатомии и истории развития высших животных. Его дар наблюдательности, его пронизательный критический ум, его глубокое философское образование, его ясное изящное изложение — словом, его гений, сообщили всем его работам, от первой до последней, ту печать монументальности, благодаря которой они никогда не забудутся в науке.

Положение Бэра в Кёнигсберге, вследствие господствовавшей тогда в Германии политической неурядицы, сделалось неприятным; он отклонил от себя приглашение на профессорскую кафедру в Галле и возвратился в отечество, будучи избран в члены нашей Академии.

Вступив в новое звание в полном цвете сил, он посвятил их почти исключительно исследованию России, представлявшей ему обширное поле для работ по этнографии,

зоологии, географическому распределению животных, географии и ее истории. Мы видим Бэра путешествующим в 1837 и 1840 годах на Новую Землю, а впоследствии — к берегам Чудского озера, на Каспийское, Черное и Азовское моря, с целью исследовать рыболовство и мнимое обмеление последнего из этих морей, считавшееся препятствием для судоходства. Свои наблюдения над развитием низших животных он продолжал в двух поездках к Адриатическому и Лигурийскому морям. Таким образом блеском ума своего озарял он явления и далекого севера, и юга древнего света — яркая звезда науки, сиявшая над Северным полушарием, но распространявшая лучи свои далеко и за экватор!

В последние годы своей жизни, богатой подвигами на пользу науки, Бэр с особенною любовью предавался занятиям этнографией, физической географией и историей географических открытий в России. Первым поводом к тому послужили его приготовительные работы по путешествию на Новую Землю. Изданные результаты этих важных исследований свидетельствуют о том патриотическом рвении, с каким он разыскивал новые источники для истории географических открытий русских путешественников и умел выставить заслуги последних или защищать их от неосновательных нападок. Достоинство и честь нашей Академии всегда были дороги его сердцу: он сам был их хранителем и поддержкой.

В критике и полемике Бэр был умерен: никогда не выказывал он своего превосходства над противником оскорбительным для него образом; лишь тогда, когда приходилось опровергать нападения людей не призванных, пускал он иногда в ход всю едкость своего ума, всю колкость своего остроумия.

Поступки и весь образ мыслей Бэра были в высшей степени благородны. Настоящий аристократ, он всегда был одинаков в обхождении как с важными, так и с незначительными лицами, как со знаменитыми людьми, так и с неизвестными. Он привлекал к себе молодые ревностные силы, направлял их на поприще ученой деятельности и облегчал им путь к добросовестной работе. Примеры того найдутся и в нашей среде.

Живую фантазию свою Бэр держал в полном повиновении и никогда не позволял ей преобладать над рассудком. Она только помогала ему быстро находить при разговоре или литературном труде превосходные сравнения и украшать ими свою речь. Иногда, в минуты веселого расположения духа, он давал ей волю проявляться в кратких поэтических излияниях и в шуточных письмах к родным и друзьям. В семейном кругу, точно так же как и в кругу приятелей, Бэр бывал общителен, внимателен и возбуждал охоту к разговору в собеседниках.

Время рождения и юности Бэра совпало с тем периодом прошедшего столетия, когда христианская религия и мирозозерцание нередко подвергались недостойным нападениям из лагеря рационализма и материализма. Как в ту пору, и в наши дни приходится часто слышать мнение, будто изучение естественных наук приводит к материализму. Религиозные убеждения Бэра нам неизвестны; но мы знаем, — потому что он сам открыл нам это, — что через исследование законов природы он дошел до непоколебимого признания единого Творца ее, единого Бога, создавшего вселенную и вложившего во все созданное силу стремиться, по определенным законам, к определенным целям. Это признание Духа Божия и целесообразности в природе составляет вершину великой пользы, которой мы обязаны великому ученому, и, быть может, должно считаться величайшею из побед, одержанных над материализмом.

Кончаю речь свою словами, сказанными одним из моих сочленов над гробом покойного: «Честь имени Бэра — мир его праху»⁴².

Опубл.: *Записки Имп. АН. 1877. Т. 29, № 2. С. 113–115;*
ЖМНП. 1877. Ч. 189. Вып. 2. Отд. 3. С. 115–117.

^[1] Nachrichten über Leben und Schriften des Herrn Geheimraths Dr. Karl Ernst von Baer, mitgeteilt von ihm selbst. SPb., 1865; Braunschweig, 1886; *Бэр К. М. Автобиография* / пер. и коммент. Б. Е. Райкова. Л., 1950.

**Речь В. И. Вернадского «Памяти академика К. М. фон Бэра»,
произнесенная на открытии посвященной ему выставки**

2 января 1927 г.

I

Только что исполнилось столетие со дня выбора в члены-корреспонденты нашей Академии и пятидесятилетие со дня смерти одного из величайших естествоиспытателей, одного из самых замечательных людей прошлого, XIX столетия и одного из создателей духовного уклада нашей Академии, академика Карла Максимовича фон Бэра. Через два года исполнится столетие со дня выбора его в академики. К этому дню Академия предполагает посвятить его памяти и выяснению его значения в истории мысли и в истории нашей культуры особое заседание и особое издание.

Выставка, открываемая сегодня, организована той же Комиссией, которая должна по поручению Академии наук подготовить будущее юбилейное заседание; она имеет задачей уже теперь возбудить интерес к его памяти и к творчеству его личности.

Академия наук приступила загодя к работе над Бэром в полном сознании огромного значения знания хода истории идей, не только как одной из форм выяснения научной истины. Она не может оставлять без внимания то жизненное значение, которое имеет сейчас для нашей страны и для нашего народа выявление научной мысли и творческой научной работы, проникавших их прошлые поколения, их былое.

Это выявление, возможно полное и глубокое, широкий охват этим знанием всего народа имеет первостепенное значение для народного самосознания. А осознанность народом своего бытия есть, может быть, самая большая сила, которая движет жизнь.

II

Мне кажется, что в этом отношении история нашего народа представляет удивительные черты, как будто, в такой степени небывалые.

Совершался и совершается огромный духовный рост, духовное творчество, невидные и несознаваемые ни современниками, ни долгими поколениями спустя.

С удивлением, как бы неожиданно для самого народа, они открываются ходом позднейшего исторического изучения.

---

⁴² Слова академика Л. И. Шренка из речи, произнесенной им 20-го ноября 1876 года при погребении тела К. М. Бэра в Дерпте; кроме Шренка присутствовавшая при этом печальном торжестве депутация состояла из академиков Ф. В. Овсянникова, К. И. Максимова и Ф. Б. Шмидта (*Примеч. документа*).

Первой открылась взорам мыслящего человечества — и осозналась нашим народом — русская литература. Былины были открыты в этом смысле в конце XVIII столетия, частью в среде, близкой к нашей Академии; украинские думы — в начале прошлого века. Но великая новая русская литература вскрылась в своем значении лишь на памяти живущих людей. Пушкин выявился тем, чем он был, через несколько поколений после своего рождения. Еще в 60-х годах один из крупнейших знатоков истории русской литературы, академик П. П. Пекарский, приступая к изучению истории литературы петровского времени, ставил вопрос — имеет ли русская литература вообще какое-нибудь мировое значение, или ее история не может изучаться в одинаковом масштабе с историей великих мировых литератур и — имеет местный интерес, интерес исторически второстепенный. Он решал его именно в этом последнем смысле. Это было после Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Гоголя — в расцвет творческого выявления Толстого, Достоевского, Тургенева. Сейчас взгляд Пекарского, точно выражавшего народное самосознание того времени, кажется анахронизмом. В мире — не у нас — властителем дум, дум молодых поколений, царит Достоевский; глубоко вошел в общечеловеческое миропонимание Толстой. Но мировое значение русской литературы не было создано ее народом; оно не им было введено в другую духовную среду. Когда де Вогюэ обратил внимание Запада, в частности, сперва французского, на мировое значение русской литературы, когда началось ее вхождение в общее сознание — именно этот факт открыл глаза и тому народу, созданием которого она является. Он понял, что он создал.

Еще более ярко это самое свойство проявляется в том еще незаконченном движении, которое сейчас идет в нашем народном самосознании — в понимании нашего творчества в живописи и зодчестве. Я не говорю о том, что творческая работа в этих областях, скажем, в XVIII и в первой половине XIX века открылась благодаря проникновенной научной работе наших современников, одним из вдохновителей которых был безвременно скончавшийся Н. Н. Врангель. В этом проникновении в художественную старину выявилась перед нами совершенно почти забытая, во всяком случае, совершенно неосознанная полоса огромного народного художественного творчества. В русской иконописи и в связанном с ней искусстве открылось явление, длившееся столетия (от XIII до XVII века) — расцвет великого художественного творчества, стоящий наряду с эпохами искусства, мировое значение которых всеми признано. Перед нашим удивленным взором открывается великое творчество того же порядка, как и русская литература XIX столетия — совершенно забытое, восстанавливаемое и оживляющееся так же, как в эпоху Возрождения из земли возвращалось в своих остатках античное зодчество и скульптура. Это древнее русское искусство, как сейчас ясно видно, могло возникнуть и существовать только при условии, что оно было связано в течение поколений глубочайшими нитями со всей жизнью нашего народа, с его высокими настроениями и исканиями правды. И совершенно ясно, что его осознание есть сейчас факт крупнейшего значения в жизни нашего народа.

Сейчас, мне кажется, мы подходим к новому явлению того же характера. Начинает вырисовываться неосознанная новая сторона нашей вековой духовной работы — работы русского народа и русского государства в научном творчестве. Настала пора его выяснения.

К этой работе зовет нас и та скромная выставка, которую мы сегодня открываем. Что, научная работа русского народа является малозаметным явлением в росте знания человечества? Что, русская мысль теряется в мировой работе? Или гений нашей страны и здесь, как и в художественном отражении нас окружающего, выявил новое, богатое, незаменимое, единственное. 87 лет тому назад Карл Максимович фон Бэр,

память которого мы сейчас празднуем, оценивая деятельность крупного ученого, первого русского кругосветного мореплавателя, исследователя южных частей Тихого океана Ивана Федоровича Крузенштерна, поставил ее в историческую обстановку, которая нами обычно забывается^[1].

Он видел в Крузенштерне живого человека, творящего всемирную историю, как он говорил, т. е. человека, работа которого выходит в своем значении за пределы одной страны и одного народа. И он говорит, что Крузенштерн явился здесь прямым продолжателем и теснейшим образом связан с той вековой работой, которую совершили русские землепроходцы открытием северной Азии, северных морей и пролива, отделяющего Евразию от Америки. Несомненно, эта работа старых веков, XV–XVII, была по своим научным последствиям столь же высокой важности научным достижением, как то раскрытие карты мира, какое совершено было моряками Запада XVI–XVIII столетий.

Но в научных достижениях основным является творчество отдельной личности. Какое место здесь должна иметь наша страна?

Лучшим ответом может служить личность того человека, которого мы сегодня вспоминаем.

Кто такой был Бэр? Какое место принадлежит ему в истории научной мысли? Наряду с кем он может и должен быть поставлен?

Достаточно назвать эти имена, имена равных ему биологов его столетия, это — Ламарк, Кювье, Дарвин, а имена более старых: Аристотель, Гарвей, Реди.

Сознавал ли Петербург того времени, в котором он провел более сорока лет жизни, кто жил и работал в его среде? Сознаем ли мы это теперь?

III

Академия наук тогда это понимала. Три человека сейчас выдвигаются из прошлого, из блестящей плеяды творческих умов, проходивших через нее в течение двухсот лет, — Михаил Васильевич Ломоносов, Леонард Эйлер и Карл Максимович фон Бэр.

Они наложили неизгладимую печать на всю ее историю. Все трое были одарены и исключительной работоспособностью, и твердым сознанием жизни как долга, и великим творческим умом. Эйлер был современником Ломоносова, Бэр застал в Академии живую традицию Эйлера. Семья Эйлера восемьдесят семь лет бессменно — три поколения подряд — руководила всей научной работой Академии; она создавала и поддерживала вековую традицию, которой мы живем. Бэр не только застал правнука Эйлера, Павла Николаевича Фуса, непременно секретарем, но он провел с ним большую часть своей академической жизни.

Примат научной работы перед всем, неуклонная и непрестанная творческая научная работа, искание истины, как цель жизни и цель Академии, высокое понимание обязанностей ученого, с одной стороны, и, с другой, работа на пользу России и русского народа как в распространении знаний, так и в приложениях науки к жизни — это был завет и Ломоносова, и Эйлера, и Бэра.

Бэр вошел в среду Академии в знаменательный период ее истории. Она вступала, под влиянием президента Сергея Семеновича Уварова и особенно непременно секретаря Павла Николаевича Фуса, в период расцвета. Она быстро обновлялась в своем составе, и ее значение так же быстро поднималось. В ее среду вошел ряд новых академиков, выбранных правильно, как говорят, — удачно, выбранных вполне сознательно; людей, полных энергии, творческой мысли, понимания долга и серьезности жизни. Академия старалась их в себя вбирать. Она употребила все усилия, чтобы привлечь к себе и удержать у себя и у России Бэра.

Бэр был коренным образом связан с Россией, с Эстляндией. Его семья в течение столетий срослась с этим краем, медленно, поколениями поднимаясь из бюргерских низов Ганзы в его дворянский господствующий класс. Но Карл Эрнст фон Бэр, профессор в Кёнигсберге в Пруссии, казалось, навсегда ушел из своей страны.

Великой заслугой Академии и первым делом П. Н. Фуса было его привлечение; оно удалось не сразу.

Почти сорок лет жизни, непрерывной работы и творчества отдал он Академии. Он работал в среде конгениальной. В ней в его время Герман Иванович Гесс открывал законы термохимии, Эмилий Христианович Ленц, один и вместе с Борисом Семеновичем Якоби, выявлял законы электромагнетизма, сам Якоби открыл гальванопластику. При нем первый Струве, Василий Яковлевич, создавал Пулковку и производил свои бессмертные работы по астрономии, Адольф Яковлевич Купфер организовывал магнитные и метеорологические наблюдения по всей России, Пафнутий Львович Чебышёв творил новые отделы математики, Николай Николаевич Зинин работал в первых рядах творцов органической химии... Это отдельные имена из многих, но они дают понятие о размахе научного творчества. Оно шло с поразительным блеском в самых областях знания. Академия наук в Петербурге 30–60-х годов стояла в первых рядах, на одном из самых первых мест в мировой научной организации по силе, глубине, размаху и интенсивности своих научных достижений.

Но Академия всегда была теснейшим образом связана с жизнью. Академики принимали в это время живейшее участие в культурном строительстве страны, в создании научного преподавания как высшего, так и среднего. Интересы школы, высшей и средней, в их среде играли огромную роль. Жизненная работа в этом направлении Гесса, Ленца, Михаила Васильевича Остроградского, Константина Ивановича Арсеньева, Петра Александровича Плетнева и особенно Фуса нами еще не осознана. В той великой исторической неудаче, тяжелой по своим последствиям, которую пока терпит наш народ в области средней школы, этими людьми сделано больше для лучшего будущего, чем думают. Николай Николаевич Зинин сумел создать небывалый в истории тип высшей школы в Медико-хирургической академии; его создание не устояло, но оставило глубокий след в истории русской культуры.

Все эти вопросы глубоко волновали мысль тех замечательных людей, которые в это время собрались в Академии, и в среду этих интересов вошел сразу и играл в ней, как видно по указаниям современников, большую роль К. М. фон Бэр.

Другой круг общественных интересов Академии был иного характера: это было изучение естественных производительных сил нашей страны. Здесь Бэр, как это легко убедиться и на выставке, оказал огромное влияние.

Достаточно вспомнить, что ему в разруху Крымской войны, когда так называемая «голландская» сельдь заколебалась в своем проникновении в нашу страну, удалось ввести в народное потребление каспийскую селедку, научить ее готовить. Бэр этим на миллионы рублей увеличил национальное богатство. В этой области мы обязаны ему, правда, косвенно, и другим, еще более важным по последствиям предприятием Академии — организацией сибирской экспедиции Александра Федоровича Миддендорфа. Миддендорф был сам одним из крупнейших натуралистов своего времени, человек широкого ума, с государственным охватом. Мы все знаем, какое значение имеют до сих пор его работы; большое будущее ожидает еще впереди многие его недоконченные начинания. Его экспедиция привела к включению в Россию Амурского края. Она была организована при живейшем участии и огромном напряжении воли и мысли Карла Максимовича Бэра.

IV

Академия вошла в связь с Бэром сто лет тому назад и независимо от избрания его в члены-корреспонденты. Сто лет назад он сделал великое открытие, завершившее многовековую работу естествоиспытателей — он открыл *яйцо млекопитающих*, сперва на собаке. Эту свою работу он посвятил нашей Академии наук, не будучи еще ее членом^[2].

Его главная основная заслуга — создание нового отдела знания, эмбриологии позвоночных животных. Другой наш знаменитый сочлен, один из его заместителей, Александр Онуфриевич Ковалевский, довершил эту работу созданием эмбриологии беспозвоночных.

Конечно, натуралист не творит новый отдел науки из своего разума. Он не может даже творить только из своих исследований. Но он, охватывая свой и чужой эмпирический материал, накладывает на него печать своего гения: под его дуновением бесформенный материал превращается в стройную систему, и разрозненные факты оказываются частью единого, не случайного целого — научная работа поколений идет в указанных рамках.

Это сделал Бэр в своей неоконченной основной работе «О развитии животных», вышедшей на немецком языке в 1828–1837 годах; последняя, посмертная часть вышла лишь в конце прошлого столетия. Здесь заложены прочные пути эмбриологии, всего понимания строения многочисленных организмов, в том числе и человека, и в этих путях наука идет по сей час неуклонно^[3].

Через тридцать лет после этой работы Бэр опубликовал — сперва в Астраханских Губернских Ведомостях, так как мысль явилась ему во время его работ в Каспийском море — другое обобщение, так называемый **закон Бэра** — объяснение характера берегов рек вращением Земли. Простая идея, связывающая геологические и географические явления с общими свойствами планеты, имела огромные последствия и была более важной, чем думал сам Бэр^[4].

Два столь разнородных обобщения характерны для его личности. Они не случайны. Они связаны с работой того типа великих естествоиспытателей, какими являлись и Дарвин, и Кювье, и Ламарк, и Гарвей, и Реди, и Аристотель. У всех них найдем такие, кажущиеся нам случайными, разносторонние обобщения и искания.

Они связаны с тем поразительно глубоким чувством единства Природы, единства Космоса, которое проникало всю их личность. Закон Бэра, открытие яйца млекопитающих, законов развития животных для Бэра были проявлением одной Природы, разными формами единого.

Бэр имел свое, ни с кем из современников не сходящееся представление о Природе, о сущем. Он был проникнут до конца глубоким сознанием ее единства и ее значения. Он глубже, чем кто-нибудь до него и, может быть, после него, понимал, понимал всем существом своим связь всего и, в частности, то, что сейчас выявляется нами в геохимии, — связь живого с окружающей косной материей. У Бэра мы должны искать наиболее глубокие проявления тех идей естествознания, которые связаны с идеей «гармонии природы», как тогда говорили, «порядка природы», как мы теперь говорим.

Благодаря этому своеобразию и глубине мысли и сознания целого, работы Бэра не устарели. Его речи, написанные блестящим и своеобразным немецким — родным ему — языком, читаются сейчас с неослабным интересом и дают каждому больше, чем множество новых работ и исследований.

В них много найдет неожиданного каждый, кто к ним обратится.

В своих обобщениях, многие из которых имеют большой философский интерес, Бэр остается всегда естествоиспытателем и ученым. В этом, мне кажется, как раз и заключается их философская значимость.

Человек широчайшего образования, огромной честности в научной работе, мысль которого останется живой столетия, как мысль великих натуралистов — Аристотеля, или Гарвея, или Реди, — Бэр был человеком цельного мировоззрения, и ничто человеческое ему не было чуждо.

Он глубоко интересовался философией. Он всю жизнь проникал в область веры, ею был охвачен. Здесь его личность чрезвычайно интересна. Он жил в эту эпоху, как древний пантеист, так как он не был христианином.

В Петербурге николаевского времени жил великий естествоиспытатель и великий мудрец. Это исторический факт огромного значения в создании нашей культуры, хотя немногие современники это сознавали. Это начинают понимать потомки.

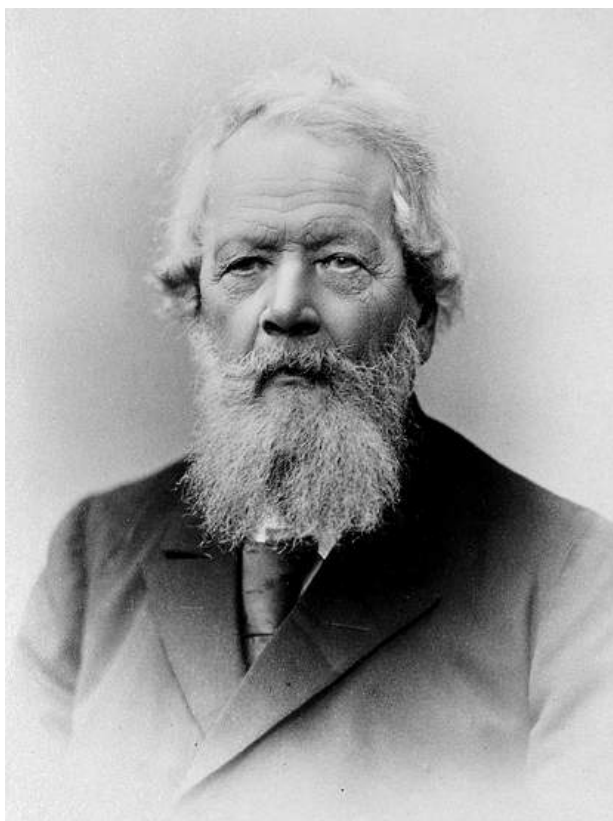
Опубл.: Первый сборник памяти Бэра. Л., 1927. (Труды Комиссии по истории знаний АН СССР ; вып. 2). С. 1–9; Вернадский В. И. 1) Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 250–255; 2) Статьи об ученых и их творчестве. М., 1997. С. 226–230; Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук : сб. документов. СПб., 2003. С. 118–124.

[¹] Имеется в виду статья: *Baer K. E. v. Feier der 50-jährigen Dienstzeit des Vice-Admirals von Krusenstern am 21. Januar 1839 // St. Petersburger Zeitung. 1839. № 28, 30, 32, 34–37.*

[²] Свои эмбриологические открытия Бэр сообщил в трактате, написанном в форме послания в Императорскую Академию наук, с выражением благодарности за избрание его членом-корреспондентом в 1826 г.: *Baer K. E. v. De ovi mammalium et hominis genesi. Epistola ad Academiam Imperialem scientiarum Petropolitanam. Leipzig, 1827.*

[³] *Baer K. E. v. Ueber Entwicklungsgeschichte der Thiere. Beobachtungen und Reflexion. Bd. 1. 1828; Bd. 2. 1837; Bd. 3 : Schlussheft. Königsberg, 1888; Бэр К. М. История развития животных. Наблюдения и размышления : в 2 т. М. ; Л., 1950–1953. Т. 1 / ред. акад. Е. Н. Павловского ; коммент. проф. Б. Е. Райкова. 1950.*

[⁴] *Бэр К. М. 1) Обмеление устьев реки вообще и реки Волги в особенности // Астраханские губернские ведомости. 1856. № 40 (окт.). С. 149–151; 2) Почему у наших рек, текущих на Север или Юг, правый берег высок, а левый низмен // Морской сборник. 1857. Т. 27, № 1. С. 110–126; 3) Дополнение к статье: Почему у наших рек, текущих на Север или Юг, правый берег высок, а левый низмен // Морской сборник. 1858. Т. 35. С. 83–104; Baer K. E. v. Neuer Nachtrag zu Nr. 8 der Kaspischen Studien: Über ein allgemeines Gesetz in der Gestaltung der Flussbetten // Bull. de l'Acad. des Sc. de St.-Pétersb. 1864. Т. 7. S. 311–320.*

Василий Павлович
ВАСИЛЬЕВ
(1818 – 1900)

Воспитанник Казанского университета и Пекинской духовной миссии, Василий Павлович Васильев много сделал для развития китаеведения. Важным вкладом в науку были его исследования литературы, языка, истории и географии Китая, и особенно труд о буддизме. По словам академика П. И. Кёппена, «до Васильева “Буддизма” мы были слепцами»¹. Работы по буддизму, переведенные на немецкий и французский языки, принесли ученому европейскую известность и подняли престиж российского востоковедения².

В. П. Васильев безвыездно прожил в Пекине десять лет (1840–1850) и по возвращении в Казань был назначен профессором Казанского университета по кафедре китайской и маньчжурской словесности. В 1855 г. его перевели в Петербургский университет на восточный факультет, открытие которого пришлось на день падения Севастополя. Своим долгим преподаванием он заложил фундамент школы китаеведения в России.

В. П. Васильев опубликовал лишь незначительную часть своих работ, и его стали ценить только под старость. В Академию наук он попал в 1886 г. в возрасте 68 лет, когда не имел ни сил, ни желания завершить заброшенные труды. С. Ф. Ольденбург назвал его жизнь «драмой ученого»³, а сам В. П. Васильев с горечью заметил однажды, что «русские ориенталисты бродят по русской земле, по индийскому выражению об отшельниках, как единороги...»⁴

¹ *Васильев В. П. Автобиография // С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь... Т. 4, отд. 2. СПб., 1895. С. 152.*

² *Библиографию трудов В. П. Васильева см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 141–143.*

³ *Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах о буддизме // Известия РАН. 1918. С. 538–539.*

⁴ *Цит по: Горбачева З. И., Петров Н. А., Смыкалов Г. Ф., Панкратов Б. И. Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818–1900) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956. С. 249.*

Представление В. П. Васильева на рассмотрение Академии наук
своей работы
«Графическая система китайских иероглифов»

19 февраля 1857 г.

*В Императорскую Академию наук исправляющего должность
ординарного профессора Санкт-Петербургского университета Васильева.*

Чсть имею предоставить на рассмотрение Академии составленную мной новую **Графическую систему китайских иероглифов**^[1]. Академия очень хорошо поймет, что если я осмеливаюсь ее беспокоить просьбой рассмотреть и сделать отзыв о труде, который не входит собственно в круг ее занятий, то чрез это самое мое изолированное положение в кругу ученых нашего отечества становится еще затруднительнее: трудиться с мыслию, что вносишь в науку новый факт, и не иметь в виду надежды на справедливую оценку, вот чего должен ожидать я в случае отказа Академии! Если мое мнение справедливо, то я надеюсь, что система, мной предлагаемая, произведет эпоху в изучении китайского языка; отныне оно будет так же легко и доступно, как и изучение всякого другого языка. Такова претензия моей методы, такова идея, которая мной руководила; однако ж я вовсе не хочу сказать этим, чтобы все было уже кончено. Несмотря на довольно большой труд, я представляю на рассмотрение Академии еще только идею и план, многие частности требуют еще окончательной отделки и продолжительных занятий.

Во введении, или общем обозрении учения об иероглифах, я указываю сам на те стороны языка, которые еще должно исследовать, и, конечно, при дальнейших изысканиях откроется еще много вопросов, теперь нетронутых. В анализе примитивных групп я указываю только на способ, как должно и как можно объяснять каждую черту, каждую формулу или комбинацию, но не⁵ делаю еще самих подробных толкований, хотя в общности все здесь сказанное не лишено значения и вносит на первых порах ознакомления с иероглифами такие сведения, которые не совсем знакомы и самим знатокам китайского языка.

Наконец, самый лексикон, мной представленный в доказательство возможности и удобства моей системы, еще не совсем полон, и в нем слова оставлены без фразеологии и тех объяснений, которые должны быть составлены по образцу анализа; единственное достоинство лексикона есть то, что он в первый раз передает пекинское произношение и первый в России.

Но все эти поправки и улучшения, хотя и требуют еще продолжительных трудов, не могут почтяться уже недоступными; избрание методы, нами представляемой, потребовало гораздо более времени: она стоила шести лет постоянного напряжения и соображения; то, что нами сделано, будет всегда иметь значение для начинающих учиться китайскому языку, потому что для них лучше не загромождать память множеством неважных толкований и вставкой редко встречающихся слов.

Исправляющий должность ординарного профессора
В. Васильев

Помета: № 191 L'a lu 20 février (прочитано 20 февраля) § 29. 19 II 57.

*СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2-1857. Д. 36. Л. 4–5. Автограф В. П. Васильева;
Ф. 1. Оп. 1. Д. 123. Л. 296 об. — 297. Подлинник. Рукопись.*

⁵ Рядом над строкой написано: *потребовала*

^[1] Разработанная В. П. Васильевым «графическая система китайских иероглифов», а также расположенный по этой системе китайский словарь, который мог стать хорошим подспорьем для студентов и всех изучающих китайский язык, были холодно приняты в Академии наук. С отказом Академии наук поддержать издание словаря у В. П. Васильева пропало желание его обрабатывать. Финансовая возможность издать труд «Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря» появилась через десять лет, в 1867 г., и то только в литографированном виде. Впоследствии предложенная В. П. Васильевым графическая система прижилась в отечественной науке и была использована в китайско-русских словарях, изданных во второй половине XX в.

«С. Ф. Ольденбург. Памяти Василия Павловича Васильева»

Апрель 1910 г.

27 апреля исполняется десять лет со дня смерти Василия Павловича Васильева. Так много произошло за эти десять лет, что внешним образом мы как будто стоим бесконечно далеко от 1900 года. Увы, если бы Василий Павлович мог опять появиться среди нас, то он, который так мало, преувеличенно мало придавал значения внешним формам, сказал бы: «все то же». И именно в той области, которая была ему ближе всего, в изучении Востока, особенно Дальнего Востока, он бы убедился лишний раз в том, в чем был уверен, что мы туги на науку. Так и видишь его перед собою, с насмешливо прищуренными глазами и добродушной, но все же ироничной улыбкой: «Вы смеялись надо мною, когда я говорил: изучайте Китай, изучайте Восток: для нас, для России, это жизненный вопрос. Оглянитесь на эти десять лет и спросите себя, неужели я не прав? Впрочем, верно не был прав, потому что все осталось по-старому, и вы теперь так же мало знаете, как и десять лет тому назад. Это я виноват, я говорю не то, что надо!» Так говорил бы Василий Павлович и прибавил бы свое любимое изречение, которое есть и в его автобиографии: «... Какое счастье быть одному дураку и жить между ста миллионами умников. Ну, что если бы одному умнику пришлось жить между ста миллионами дураков!»^[1]

В Германии недавно издан в немецком переводе с примечаниями специалиста-синолога сборник статей Василия Павловича о Китае^[2]. Есть в нем, конечно, и устарелое, но сборник там, за рубежом, не пройдет незамеченным; когда у нас он появился в издании малораспространенного журнала, его никто не заметил, и он уже давно забыт^[3]. Теперь, быть может, когда он проникнет к нам как немецкая книга, на него обратят внимание! Слова немецкого переводчика о том, что ни ученые труды, ни мысли Васильева не нашли себе должной оценки в России, только слишком справедливы. Когда десять лет тому назад нам пришлось в стенах Академии наук помянуть только что почившего ее члена, то, прежде всего, надо было остановиться на трагизме жизни этого большого ученого, который должен был видеть, как на полках его кабинета лежат никому не ведомые труды, плоды долголетней работы, и как затем постепенно на Западе одно за другим являлись исследования, им уже давно сделанные. Когда, наконец, представилась возможность издать этот ценнейший материал, Васильев уже был старик, и сил на обработку и переделку того, что было готово 50 лет тому назад, не осталось.

Слава Васильева как специалиста всемирная, и она основана, главным образом, на одном только его труде, его «Буддизме». Только близкие его друзья знали и знают, что у него был ряд подобных же трудов, готовых или почти готовых к печати, и что все это погубило, как часто у нас бессмысленно гибнет работа долгих лет^[4].

В стенах университета, который Василий Павлович так любил, на факультете восточных языков есть теперь молодые силы, которые отдались изучению Дальнего Востока, продолжая работу Васильева. Они готовы работать, но их надо поддерживать, надо понять то, что всегда говорил Васильев, — что изучение Востока для нас вопрос жизни. Через восемь лет исполнится столетие со дня рождения Васильева. Пусть же в этот день мы сможем сказать: в России изучают и понимают Восток^[5]. Теперь это дело только небольшого кружка людей.

Опубл.: Речь. 28 апреля 1910 г.;
То же. СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-В. Д. 46.

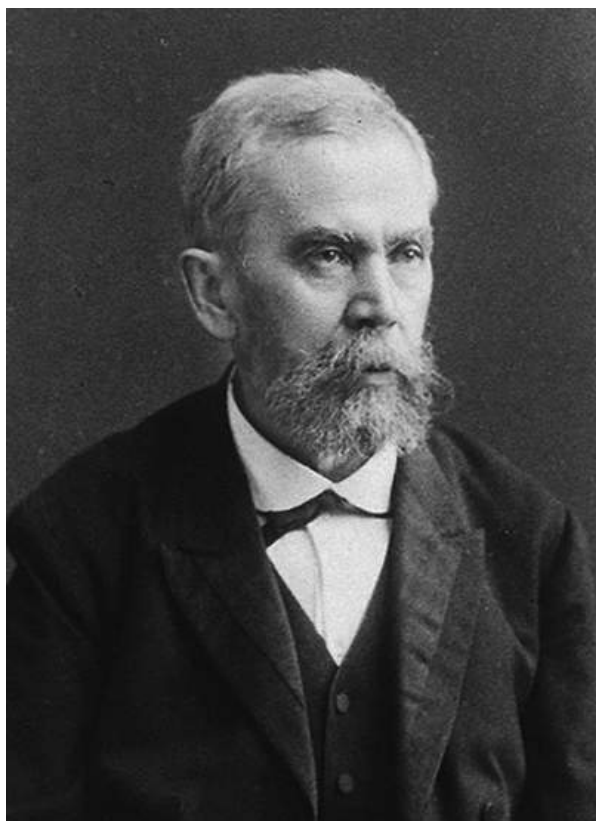
^[1] В автобиографии В. П. Васильев вспоминал, как в Пекине, где ему пришлось пережить немало тяжелых минут, он находил утешение в фантазиях: «И вот мечты о будущем величии России и уносили меня в другой мир — я забывал окружающее меня. Меня спасла любовь к России, а знаете ли вы, господа мыслители, какие чудеса может родить искренняя и бескорыстная любовь к отечеству! Она напрягает умственные силы, творчество фантазии, беспристрастно обсуживая факты, преданна всем сердцем порядку! Вам не понять этого!.. Не забудьте, что человек не камень, что он чувствует, имеет свои убеждения, знает чужие, знает, на чем основывает свои! Вы над ним смеетесь, и вы думаете, что он не знает, что вам ответить! Ответ готов: благодарение небу, ведь какое счастье быть одному дураку и жить между 100 миллионами дураков!» См.: *Васильев В. П.* Автобиография. С. 154.

^[2] По-видимому, имеется в виду издание: *Wassiljew W. P.* Die Erschließung Chinas. Kulturhistorische und wirtschaftspolitische Aufsätze zur Geschichte Ostasiens. Deutsche Bearbeitung von Rudolf Stübe. Mit Beiträgen von August Conrady und 2 Karten. Leipzig, 1909.

^[3] Имеется в виду издание: Открытие Китая и другие статьи академика В. П. Васильева / Издание журнала «Вестник всемирной истории». СПб., 1900.

^[4] Имеется в виду труд: *Васильев В. П.* Буддизм, его догматы, история и литература. СПб., 1857–1869. Ч. 1 и 3; *Wassiljew W.* Der Buddhismus. Seine Dogmen, Geschichte und Litteratur. Th. 1. St. Petersburg, 1860. В конце жизни В. П. Васильев предполагал издать недостающий второй том «Буддизма», но не осуществил своего намерения. Ср. воспоминание В. М. Алексеева: «Васильев, потеряв всякую надежду напечатать свои многотомные и первоклассные материалы по исследованию буддизма, сложил их у себя в кабинете, а прислуга, без ведома его, употребила эти длинные листы на растопку печей. Глупая и страшная трагедия!» См.: *Алексеев В. М.* В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. М., 1958. С. 287–288.

^[5] 5 марта 1918 г. Академия наук посвятила памятное заседание столетию со дня рождения В. П. Васильева. Прозвучавшие здесь речи С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда и А. И. Иванова были опубликованы в «Известиях РАН» (1918. Т. 12, № 7. С. 531–566).

Василий Григорьевич
ВАСИЛЬЕВСКИЙ
(1838 – 1899)

В 1890 г. ординарным академиком по русской и византийской истории был избран Василий Григорьевич Васильевский, с именем которого связан расцвет византиноведения в России¹. Именно он впервые обратился к изучению внутренней истории Византии и в своих работах опроверг популярную в то время идею об особом пути ее развития. Он доказал, что на протяжении всей своей истории Византия составляла часть европейского исторического процесса и постоянно находилась в сложном взаимодействии со странами Европы и Азии. В. Г. Васильевскому принадлежит заслуга открытия и интерпретации византийских памятников, имеющих большое значение для русской истории. За цикл работ о русско-византийских отношениях в IX–XI вв. в 1878 г. Московский университет присвоил ему степень доктора русской истории, и он очень гордился тем, что именно русской.

В. Г. Васильевский служил русскому просвещению как профессор С.-Петербургского университета, где он укоренил византиноведение и создал школу русских византинистов, и как многолетний редактор «Журнала Министерства народного просвещения». Решающую роль в объединении византинистов сыграл созданный в 1894 г. при его ближайшем участии журнал «Византийский временник».

---

¹ Библиографию трудов В. Г. Васильевского см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 136–139; *Васильевский В. Г.* Труды. Т. 1–4. СПб. ; Л., 1908–1930.

Из работы В. Г. Васильевского «Византийский временник за пять лет.
1894–1898. (Памяти А. А. Куника)»^[1]

Февраль — март 1899 г.

В виду свежей могилы академика Ариста Аристовича Куника, которому византийские занятия в России так много обязаны, без предшествовавшей деятельности которого в этой области, вероятно, не существовал бы и самый Временник, мы считаем необходимым повести свою речь несколько издалека — главным образом, с целью помянуть хотя один ряд из заслуг покойного русской науке, так как ни полного обозрения его трудов, ни обстоятельной его биографии мы теперь не в состоянии дать. Пусть посвящение заменит пока обязательный некролог^[2].

Когда у нас стали ученым образом заниматься первоначальной русской историей, а почин в этом деле, бесспорно, принадлежит вызванному из Германии немецким членом открытой после смерти Петра, задуманной и подготовленной им Петербургской академии наук, то на первых же порах оказалась необходимостью обращаться к византийским источникам. Пример подал Байер, родоначальник династии (по негласному литературному усыновлению), насчитывающей до смерти А. А. Куника пять поколений, знаменитый ориенталист, еще в Кёнигсбергском университете изучивший семитические языки, после своими силами достигший такого обладания китайским языком, что мог свободно объясняться с прибывшей в Петербург китайской делегацией, обладавший солидными сведениями в маньчжурской и монгольской литературах, а также и в санскрите, в продолжение 12-летнего пребывания в России наполнял почти один разнообразными статьями третий отдел «Комментариев», издававшихся при Академии на латинском языке. Русского языка он не знал и не старался ему научиться, но зато, еще находясь в Германии, Байер осилил все Парижское собрание византийских историков, изучал средневековых и северных писателей; это дало ему возможность написать несколько исследований, и притом весьма ценных, касающихся не только истории русской территории — о киммерийцах, о скифах и т. д.², но и таких, в которых нельзя было обойтись без русских источников, хотя бы и отправляться от скандинавских и византийских. Сюда принадлежат рассуждения о русской географии в IX в., о варягах (Т. IV), о руссах (Т. VIII), о первом походе их на Константинополь. Последний входит в состав шестого тома, третьей части академических Комментариев.

Вот содержание и заглавие тома и части: “*Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae tomus VI ad annos 1732 et 1733. Classis tertia, continens historica et critica*”:

De literatura mangiurica (о литературе маньчжурской)

De lexico sinico Ca-goeu (о китайском лексиконе Са-гуей)

De prima expeditione Constantinopolitana

Все три статьи принадлежат Байеру. Последняя, конечно, не обошлась без обращения к русским хроникам или, как автор выражается, анонимным хронографам (ниже он автором первоначальной летописи называет игумена Феодосия); он ими пользовался в латинском переводе одного из друзей — не Брюса, как думал покойный А. А. Куник, а, скорее, Тредиаковского³, и, конечно, имеет о них неточные представления. Но всех византийцев и все их тогда напечатанные произведения,

² См. вообще о Байере: Милуков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. С. 55–57 (Здесь и далее — примеч. документа).

³ Ср.: Там же. С. 56.

касающиеся исследуемого факта, он знает хорошо, кроме хроник изучал житие патриарха Игнатия, написанное Никитой Пафлагонским и изданное в собрании соборных деяний (acta Conciliorum) иезуита Гардуэна, он дает, между прочим, такое толкование хронологическому показанию Никиты для соглашения с хрониками и для приурочения события к 964 или 965 году, какое держалось до последнего времени. Байер знает и комментирует также окружное послание патриарха Фотия, в котором говорится об обращении руссов в христианство, обсуждает не только хронологию, но и топографию событий похода. Не его вина, что две беседы Фотия давно затерлись так, что о них в его время и слуху не было. Вообще если бы такая диссертация явилась через сто лет, то и тогда могла бы составить честь автору и не показаться устаревшей, если бы был изменен формат и шрифт. То же нужно сказать и о других статьях в высшей степени даровитого Байера! «Затронутые им сюжеты Байер исчерпал настолько, что, например, по варяжскому вопросу еще Гедеонов пользуется его указаниями и соображениями: его главные доказательства норманнизма до сих пор остаются классическими»⁴. Польза изучения византийцев была наглядно доказана. «Татищев и Шлёцер — эти альфа и омега русской исторической учености прошлого века, не нашли ничего лучшего, как перевести его главные работы по древней русской истории в своих сочинениях»⁵. Самое большое, что мог сделать Шлёцер, — это снабдить извлечение из Байера некоторыми поправками»⁶.

Об историографе Миллере мы говорить не будем, его громадные заслуги в русской истории не соприкасаются с византийскими занятиями, а его знаменитая речь, приготовленная к торжественному заседанию Академии в 1749 году, но не прочитанная, даже осужденная на истребление, «О происхождении народа и имени российского», по содержанию зависит от Байера, что же касается бури, ею поднятой, то в полемике со стороны русских академиков, не исключая и великого Ломоносова, речь шла опять-таки не о византийских варягах или исландских сагах, не об исторических ученых аргументах, а о патриотизме и об унижении для русских людей в производстве их народного имени от враждебных шведов, да еще путем чухонской передачи. Кроме колоссального собрания актов и документов по сибирской и позднейшей русской истории Миллер оказал услугу науке вообще — а в особенности русско-византийским занятиям тем, что он привлек в Россию Шлёцера»⁷.

В ноябре 1761 года приехал в Петербург к Миллеру Шлёцер из Гёттингена, от проф. Михаэлиса; 27-летний уже видный ученый, побывавший в Дании и Стокгольме, успел проникнуться новыми высокими понятиями об исторической критике, не чужд был и знакомства с византийцами. Да и как богослову и филологу, да и вообще ученому — можно было бы проходить равнодушно мимо великолепного Парижского собрания византийских историков, начатого около половины XVII века под покровительством Мазарини и Кольбера, напечатанного в типографии Лувра (typus Duparalis), королевским шрифтом (grecs du roi) и столь богатого содержанием?

⁴ Миллюков П. Н. Т. 1. С. 57.

⁵ 1-й том Российской истории [В. Н. Татищева] и [Allgemeine] Nordische Geschichte (1771) А. Л. Шлёцера.

⁶ Миллюков, там же.

⁷ О Миллере — кроме относящихся сюда отделов в истории Академии Пекарского стоит читать — из другого лагеря — И. Е. Забелина, Историю русской жизни, т. 1, с. 65–87, и, само собой разумеется, Миллюкова, который совсем свободен от предубеждений в ту или другую сторону.

Прежняя историческая критика была для новых свежих умов неудовлетворительная потому, что еще отзывалась старым идолопоклонством перед классиками. Она не простиралась далее слов и отдельных показаний источника, безразлично и одинаково верила авторитету каждого автора, не разбирая того, был ли он очевидцем или только отдаленным передатчиком события, лишь бы он писал по-гречески или по-латыни. Свято верила чуть не каждому слову источника, разве только позволяя себе рационалистическое и рациональное толкование языческих чудес — как рождение детей от бога Марса и т. п., и изредка останавливаясь на противоречиях и разногласиях у одного и того же писателя или у нескольких, когда приходилось делать более или менее удачные попытки согласования; но при этом руководителем служил непосредственный здравый смысл и — личный вкус.

Если положение исторической критики было таково, то, очевидно, нужно считать величайшим открытием применение нового критического метода, к которому, казалось бы, должен был привести еще процесс варварских правд, где обращалось внимание не на частные показания соприсяжника, а на общую достоверность. Этот прием, провозглашаемый Шлёцером, требовал, чтобы разбирали не отдельный только рассказ, а его источник в целостности, и из отношения свидетеля-автора к факту по месту и времени, по степени осведомленности, а, наконец, по общему его характеру и направлению устанавливать степень подходящего ему доверия. Получается некоторая объективная мерка для взвешивания сравнительной ценности противоречивых показаний, и становилось возможным восстановление факта, по крайней мере, в более вероятном виде. Это и была последняя цель изучения; первая — собирание материала, вторая — исследование, *Forschung*, его обработка, третья — исторический рассказ, но он предвиделся только в будущем⁸. И свою критику, и свое знакомство с византийцами Шлёцер тотчас же начал прилагать к русской истории, к русской летописи, к Нестору, с которым он так тесно связал свое имя. Русскому языку он научился скоро и основательно. Чего можно ожидать от византийцев при умении ими пользоваться, Шлёцер показал уже в 1764 году посредством небольшого сочинения, которое было представлено Академии наук: “*Periculum antiquitatis Russicae Graecis collustratae luminibus*” (Опыт объяснения русской древности при свете греческих источников: перепечатано в приложениях к русскому переводу Кеневича автобиографии Шлёцера⁹).

Первое, что узнал Шлёцер из первых строк русского источника, о котором он был слышан еще в Германии, к которому теперь устремился с жадностью, было перечисление стран, разделенных между потомками Ноя. На разборе этих первых строк он уже составил свой взгляд на отношение русской историографии к византийской, он сейчас же предположил, что все это место выписано из византийцев, прежде чем разобрался в нем, ему бросилось в глаза несколько очень грубых искажений в названиях стран, путь к исправлению и восстановлению испорченных мест он нашел в греческом тексте историка Кедрина, так как Георгий монах (Амартол), действительный источник для первоначальной летописи, еще совсем не был известен. Свой опыт (*Periculum*) Шлёцер представил Академии в виде пробы, удостоверяющей его способность к занятию места при Академии, когда просил о временном увольнении для поездки на родину. В автобиографии Шлёцер пишет (перевод Кеневича, с. 184): «Этот *Periculum* заключал почти на четырех листах следующее: I. Nestoris ex Cedreno

⁸ Ср. Милюков.

⁹ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлёцера, им самим описанная / пер. с нем. с примеч. и прил. В. Кеневича // Сборник Отделения русского языка и словесности. 1875. Т. 13. С. 393–418.

restituti specimina (образцы Нестора, восстановленного из Кедрина). II. Отдельные слова в Несторе, которых до сих пор не понимал, также рассуждение о греческом огне. III. *Lingua russica graecissans* и т. д. — Моей главной задачей было неслыханное со времен Байера положение, что исследователь русской истории должен знать по-гречески и, прежде всего, изучать византийских писателей. При Академии едва ли единственный человек, который когда-то, может быть, знал по-гречески — Фишер; Ломоносов и Миллер едва умели читать».

С тех пор до самого заката своей жизни Шлёцер не переставал твердить русским языком своим будущим последователям о необходимости греческого языка и настоятельности изучения византийских источников.

По словам Шлёцера, самый обильный из всех иностранных источников (для древней русской истории), бесспорно, византийская история. Русские летописцы, вполне сообразовавшись с греческими, выписывали и переводили из них целые места слово в слово; брали у них выражения, которые напрасно было бы объяснять из славянского, и потому они искажаются или вовсе опускаются еще древними писцами. Часто они рассказывают одни и те же события, как и византийцы, но с заметными переменами; часто, наконец, об ином умалчивают во вред исторической связи, которую подобно вполне восстанавливают по византийцам. Не упоминаю уже о том, что в истории русской церкви ничего нельзя сделать без византийцев, ни даже понять русского молитвенника без христианских древностей.

Вышеприведенные слова молодого Шлёцера не вполне отличаются определенностью; но нельзя не согласиться с тем, что он в данном случае, как и других, является опередившим свой век. Так или иначе, но прежде чем он (в 1769 году) оставил нашу Академию, ему удалось склонить директора Академии, графа Влад. Григ. Орлова и своих товарищей приступить к исполнению одного проекта, именно, к составлению «Свода известий», встречающихся в византийских летописях о России, о славянских и других народах, некогда обитавших в пределах нынешней России. Этот обширный сборник (*Memoriae populorum*) принес, как и предугадал Шлёцер, огромную пользу историческим исследованиям^[3].

В 1802 и 1805 гг., уже будучи стариком, Шлёцер опять обращается в своем «Несторе» с такими же пожеланиями к русским: «Византийская литература, кажется, совсем заснула в наши дни: а между тем, как она богата писателями в продолжение целого тысячелетия! И содержание этих книг так важно, так поучительно почти для всех отраслей науки, и особенно для истории и политики! Кому ближе всех принадлежит обязанность поднять эту брошенную литературу, как не русскому ученому. В продолжение всего среднего века в России — все византийское: вера и суеверие, науки и искусства, законы и наказания, даже многие обычаи и пороки принесены в Киев из Константинополя. Тем более жаль, что греческого языка до сих пор, сколько мне известно, почти вовсе не знают в России: ни в духовных семинариях, ни в других учебных заведениях не занимаются им даже и с тем усердием, с каким изучается латинский. Кедрина надобно бы всем читать, по меньшей мере, так же, как читают Непота»¹⁰. Наконец, в 1805 г. Шлёцер говорил: «В прекрасной истории византийской

¹⁰Несторъ. [Russische Annalen in ihrer Slavonischen GrundSprache: verglichen, von SchreibFehlern und Interpolationen möglich gereinigt, erklärt, und übersetzt, von August Ludwig von Schlözer, Hofrath und Professor der StatsWissenschaften in Göttingen, des Kaiserl[ichen] Russischen Ordens des heil[igen] Wladimirs 4 ter Klasse Ritter]. Th. II. Göttingen, 1802. S. 149. По русскому переводу. [Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке. Ч. 2. СПб., 1816]. С. 260.

еще необыкновенно много работы: восполнить этот недостаток кому ближе, как не русскому историку?»¹¹

Пока до того не дошло, чтобы у нас стали изучать греческий язык ради Кедрина, когда не действовали другие более сильные мотивы (и Евангелие было написано на том же греческом языке). Русские историки, как не учившиеся в семинариях, так и учившиеся, одинаково не в состоянии были изучать византийские хроники; они хорошо делали, что в своих больших работах ограничивались относительно некоторых вопросов первоначальной русской истории передачей результатов, извлеченных Байером и Шлёцером из тех же самых византийцев, с прибавлением других западных и северных источников, как поступил Карамзин. Не пришла еще очередь для русских природных соперничать с ученостью гёттингенцев и кёнигсбергцев; но даже и те из современников Шлёцера, а также позднейших русских его последователей, которые заявляли приверженность к его критическим принципам, совсем не вдруг научились прилагать их на деле. *Iurare in verba magistri*¹² — это они умели, а если шли дальше его, то часто назад, как пресловутые впоследствии скептики. Да в конце концов, и сам Шлёцер строго применял свой выработанный критический метод к излюбленному Нестору и, конечно, не имел даже возможности применять его к рекомендуемым византийцам.

Продолжателем и преемником Шлёцера явился Филипп Круг (1764–1844) из Галле, немецкий педагог, в 1795 году переселившийся из Польши в Москву в дом графини Орловой (вдовы И. Г. Орлова), которая поручила ему воспитание своего сына, ранее получивший вкус к нумизматике, а теперь заинтересовавшийся старинными русскими монетами, а потом и легендами на них. Ради того, чтобы разбирать эти надписи, он даже научился древнеславянскому языку прежде современного русского, показав при этом почти недоступное русским терпение и настойчивость¹³. Конечно, в том и другом, в чтении славянских монетных легенд и в изучении древнеславянского языка, много помогло ему классическое образование и знание греческого языка, чуждое, по Шлёцеру, воспитанникам даже духовным русских заведений.

Круг сделался ревностным собирателем старинных и древних русских денег и большим знатоком нумизматики. Когда он приехал в Петербург в 1803 году для занятий в Эрмитаже, то здесь уже нашлись лица, сочувствующие его страсти и признавшие глубокие его познания в специальности; были ценители и между академиками. Так как в Академии, за удалением Шлёцера в Германию, не было никого по части истории, то доброжелатели стали думать, что нужно «приобрести для России такой замечательный исторический талант», избрали его сначала помощником по мюнцкабинету, а потом, когда он, по приглашению академика Шторха (политико-эконома), в течение полугода написал сочинение по предмету

¹¹ Несторъ. С. 327.

¹² Клясться словами учителя, т. е. ссылаться на авторитетное мнение (лат. яз.).

¹³ См. биографию Круга, написанную А. А. Куником и помещенную при издании посмертных трудов Круга: *Forschungen in der älteren Geschichte Russlands von Philipp Krug*. [Th. 1. St.-Petersburg, 1848. S. I–CCLVI]. Обширный реферат об этом издании в собрании сочинений К. Кавелина, издание К. Солдатенкова. [Кавелин К. Д. *Forschungen in der älteren Geschichte Russlands von Philipp Krug*. Исследования, относящиеся к древней истории Филиппа Круга. Две части. СПб., 1848 // Сочинения К. Кавелина. Ч. 3: Критические статьи и рецензии. М., 1859]. С. 69–137]. Новое издание, а также статья Биллярского «Очерк биографии академика Круга» (ЖМНП. 1849. Ч. 64. Отд. V. С. 1–78).

своей излюбленной специальности и издал его под заглавием “Einleitung in die Münzgeschichte des Russischen Reich vom Anfange des Staats bis auf Regierung Wladimir des 1-en”¹⁴, в адъюнкты Академии по русской истории (1805). Об отношении к этому труду Шлёцера, от которого по многим причинам нельзя было ожидать, что он присоединится к общему хору ученых похвал, мы не будем говорить, отсылая к до-ступному всем изложению Кавелина¹⁵.

Не докончив начатого труда, даже не издав в свет готового рассуждения о гривне, Круг перешел к другой вспомогательной исторической дисциплине, хронологии. В 1810 году явился второй его капитальный, хотя по объему не очень обширный, труд: “Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie” — Критический опыт к разъяснению Византийской хронологии. Это сочинение, несмотря на все после обнаружившиеся и еще обнаруживающиеся недостатки, уже составляет эпоху в истории наших византийских изучений. От него пошли многие отпрыски, и в последнее время мы встречаем приглашение к продолжению таких работ в программе «Византийского временника». Как ранее наука очень нуждалась в подобных исследованиях, так и теперь в них нуждается. Нужно знать, что труд Круга был частичный и касался только одного периода византийской истории, совпадающего с началом русского государства; центром служило царствование Льва Мудрого (886–912), наиболее подробно обследованное; ради связи признано было необходимым коснуться и его ближайших предшественников, начиная с Феофила, продолжая Михаилом и Василием (842–886). Дюканж, Пажи, Байер, Гиббон, с которыми автор часто расходится, и в особенности Шлёцер — суть признаваемые предшественники Круга.

Современные ему знатоки византийской истории, в числе которых были Шлоссер, автор истории иконоборческих императоров, и эллинист Газе, природный немец, переселившийся в Париж и достигший там своими трудами признания и высокого положения в ученых кругах, отозвались о новом сочинении Круга в самых лестных выражениях¹⁶. Но в отзыве Шлоссера было вложено и маленькое жало. «Г-н Круг должен был бы во главе своей работы поставить вопрос, которым он задается только на с. 275: такого ли качества греческие хроники, чтобы на основании их было возможно с уверенностью определять годы, недели, месяцы, дни событий? Шлёцер, Рейске, многие другие знатоки, а также автор этих строк (Шлоссер), который значительную часть писателей точно сравнивал, отрицают такую возможность, г. Круг ее признает на означенной выше странице, хотя на другой странице (145) он сам проговорился правдивым словом»¹⁷. Сверх того, Шлоссер показывает, что Симеон Магистр (и Метафраст), на которого Круг много полагался, нередко может быть уличен в явной путанице. Написанный по-французски отзыв Газе, уже натурализовавшегося в своем новом отечестве, наполнен одними похвалами. Эти отзывы, равно как и другие, in extenso приведены в биографии Круга, составленной

¹⁴ [Введение в историю нумизматики русского государства от начала государства до великокняжения Владимира I]. По-русски появилось в 1807 г. под заглавием «Критические разыскания о древних русских монетах». СПб.

¹⁵ Рецензия А. Л. Шлёцера появилась в октябре 1806 г. в «Гёттингенских ученых ведомостях» (Götting. gelehrte Anzeige. 1806, 11 Oct. № 163). См. Кавелин: С. 79–82.

¹⁶ Все рецензии на «Византийскую хронологию» перепечатаны А. А. Куником во Введении к Forschungen in der älteren Geschichte Russlands von Philipp Krug. [Th. 1. St.-Petersburg, 1848. S. XCIII–CXXV]. Schlosser F. Ch. Heidelberger Jahrbücher der Literatur. 1812. N 26. S. 401–411; Forschungen... S. CV–CVII.

¹⁷ Forschungen... S. CVII.

А. А. Куником и приложенной к первому тому «Исследований» первого. Заимствуем отсюда и еще несколько данных (ср. Кавелина, который буквально держится своего немецкого подлинника).

Возобновлен был уже ранее объявленный конкурс на академическую премию за составление полной и цельной византийской хронографии, хотя, познав все трудности такой работы собственным опытом, Круг мог бы и не повторять сделанной ошибки, сузив тему. Если в первый раз были представлены неудовлетворительные сочинения, то теперь (в 1815 году) вовсе не было представлено ни одного труда. Академия впоследствии приняла особые меры для поощрения занятий византийской хронологией, виновником которых был А. А. Куник.

Впрочем, результаты дальнейшего изучения византийцев не соответствовали времени и трудам, какие были на них положены, и оказались не представляющими особенной важности. Даже открытие, что источником для первоначальной летописи (для Нестора) был Георгий Амартол, а не Кедрин, не принесло надлежащего плода, так как академическое рассуждение, в котором оно было сообщено, осталось ненапечатанным при жизни автора целые десятки лет и появилось только в посмертном издании его мелких трудов, то есть “Forschungen in der älteren Geschichte Renslands” (I. Theil. S. 161–162). В промежутке этого времени русский ученый П. Строев открыл первоисточник Нестора (Первоначальной летописи) совершенно независимо от Круга и другим путем.

О трудах Круга по вопросам русской истории, не связанным с византиноведением, мы не обязаны говорить здесь, но следует сказать несколько о его отношениях к знаменитому русскому меценату, канцлеру Александровского времени, Н. П. Румянцеву, основателю Румянцевского музея, столь много сделавшему для издания памятников русской и славянской истории и литературы. Познакомившись с канцлером, Круг сделался его другом и советником в ученых делах.

Круг указал на важность византийских источников для древней русской истории. Ученым давно было известно, что в рукописях Парижской национальной (прежде королевской, некоторое время императорской) библиотеки есть сочинение, принадлежащее Льву Диакону и подробно описывающее царствование Никифора Фоки и Цимисхия, следовательно, — вторжение русских в Болгарию и борьбу Цимисхия со Святославом, князем русским. Были приводимы и отрывки на латинском языке, показывающее превосходство оригинального повествования над позднейшими сокращенными, напечатанными в Парижском собрании. По поручению Румянцева Круг вошел в сношения с упомянутым выше эллинистом Газе о скорейшем издании всего творения Льва Диакона (1813–1814). Оказалось, что Газе уже несколько лет занимался с автором с целью издания, — канцлер вызвался взять на себя издержки. Благодаря этому история Льва Диакона явилась в 1819 году в роскошном виде, достойном мазариновских преданий; но, к несчастью, это печатное роскошное издание скоро сделалось большой редкостью, так как назначенные для России экземпляры погибли вместе с кораблем во время бури на Балтийском море. Обыкновенно мы пользуемся немецкой Боннской перепечаткой. Здесь повторены драгоценные примечания Газе с приложенными им же отрывками из византийцев, между прочим, со знаменитым письмом готского топарха (по объяснению А. А. Куника), по мнению Газе, современника крещению князя Владимира в Корсуне^[4].

Далее, поставлен был на очередь Румянцевым и Кругом другой историк, продолжавший Льва Диакона, Михаил Пселл, тоже оставшийся неизданным, несмотря на

свой высокий интерес; у него описывается поход Руси на Константинополь в 1043 году и часто упоминаются варяги. Не был упущен из виду и Георгий Амартол. Назначена была русским сановником и денежная сумма для покрытия издержек и по требованию Газе положена в банк — она простиралась до 18 000 франков; однако, по разным причинам, несмотря на повторяемые напоминания русского академика, Газе долго не принимался за дело; он после сообщил, что поручил труд над Пселлом молодому палеографу и библиотекарю, впоследствии прославившемуся члену Академии надписей, Эммануилу Миллеру (Miller).

Впрочем, благодаря наследникам графа Румянцева, Газе мог считать себя формально свободным от всяких обязательств. Н. П. Румянцев перед смертью в присутствии Круга заставил своего брата, Сергея Петровича Румянцева, дать обязательство о ежегодном отпуске 100 000 рублей ассигнациями для поддержания музея, для содержания дома, в котором он помещался, а также для продолжения начатых ученых предприятий и изданий^[5]. Но через несколько времени дом и музей были переданы в казну. После этого оставалось только ликвидировать и другие денежные ученые дела. С. П. Румянцев явился к Кругу и в разговоре с ним просил посредничества с Газе для того, чтобы покончить дело о византийских изданиях. Устроено было так, что всякие дальнейшие издержки устранены, а раз ассигнованная сумма оставлена в полном распоряжении французов.

Помета на полях на л. 1 синим карандашом: Печатать для мартовской книжки. Васильевский. Это есть добавление и вместе начало к статье, которая уже была набрана для журнала, но приостановлена. Добавление пока и теперь не кончено, пришло завтра утром, а это прошу набрать сегодня. В. В.

СПбФ АРАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 296. Л. 1–21. Автограф В. Г. Васильевского; Л. 22–27. Подлинник. Типограф. печать. Корректурa.

^[1] Публикуемый фрагмент не вошел в окончательный текст работы В. Г. Васильевского. Ср.: *Васильевский В. Г. Византийский временник за пять лет. 1894–1898. Посвящается памяти А. А. Куника // ЖМНП. 1899. Ч. 322. Отд. II. С. 132–154; Ч. 323. Отд. II. С. 471–494.*

^[2] «Обязательный» некролог А. А. Кунику В. Г. Васильевский написал незадолго до смерти. В «Византийском временнике» рядом напечатаны некрологи А. А. Кунику и самому В. Г. Васильевскому. См.: *Васильевский В. Г. А. А. Куник // Византийский временник. 1899. Т. VI. Вып. 3–4. Отд. III. С. 619–632.*

^[3] Имеется в виду труд И. М. Штриттера (Стриттера) на латинском языке «*Memoriae populorum olim ad Danubium Pontum Euxinum*» (1771–1779) — собрание сведений византийских и других авторов о народах, живших в древности на территории России. Извлечения опубликованы в русском переводе: *Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов. Ч. 1–4. СПб., 1770–1775.*

^[4] Парижский эллинист Ш. Б. Газе сотрудничал с Н. П. Румянцевым и подготовил по его поручению и на его средства издание «Истории» Льва Диакона. В ответ на последующую просьбу графа поискать среди византийских рукописей материалы по истории Руси издал «Записки Готского топарха». Только в XX в. было доказано, что это фальшивка, изготовленная мастерской рукой Газе.

^[5] Ф. И. Круг подготовил образцовое издание «Каталога Румянцевского музея». Когда музей поступил в казенное ведомство, С. П. Румянцев предложил Кругу принять на себя его заведование, но Круг отказался и рекомендовал на это место А. Х. Востокова.

Из работы И. М. Гревса «Академик В. Г. Васильевский
(Опыт биографии). 1838–1899»^[1]

[1899 г.]

<...> Пока факультеты и совет до устава 1884 г. имели возможность руководить, хоть отчасти, жизнью студенчества, Василий Григорьевич отстаивал своим голосом систему идейного воздействия на молодежь. Как это ни тяжело было ему, при застенчивой замкнутости его характера, он принуждал себя не раз даже выходить с другими профессорами на сходки, выслушивал студентов и убеждал их. Он не обращался, конечно, с речами к толпе¹⁸, но вступал в беседу с небольшими группами, стараясь аргументами разума успокоить страсть, привести волнующихся к согласию со своим мнением, всегда — верно или ошибочно, но искренно — направленным к их благу. На нелепые или наивно самоуверенные выходки он реагировал добродушным, понимающим снисхождением¹⁹.

Прогрессивные профессора того времени не сочувствовали студенческим беспорядкам, видя, что они ведут лишь к смуте в учебной жизни и к бесплодным жертвам молодых сил полицейскому произволу, желая сохранить юношей для действительного служения родине теми способами, какие им подскажут в будущем их созревшие убеждения. Они вообще осуждали в студенчестве «политиканство», считая его легкомысленной и опасной игрой; не могли профессора признать правильными студенческие попытки произвольно, хаотически вмешиваться в управление университетом. Университет не должен был, по их понятиям, превращаться в арену текущей политической борьбы. Они призывали студенчество уважать неприкосновенность университета как школы науки и доказывали, что серьезное научное образование и внимательное изучение жизни должно лучше всего подготовить молодежь к сознательной общественной деятельности; преждевременная же игра в политику на неблагоприятной для того почве университета ведет к бесполезной растрате юных энергий и к разрушению университета.

Бывали моменты, когда положение университета, раздираемого студенческими волнениями, которые, в свою очередь, разжигались революционными движениями в обществе и репрессиями правительства, становилось безвыходным, и положение профессоров, стоявших за автономию совета и свободу науки, делалось невыносимым. Рисовалось порой одно спасение чести и совести — уйти из университета; но ведь это могло быть лишь единичным актом, и это сопряжено было с жертвой лучшим делом жизни и потерей обеспеченного трудового существования. Веселовский тоже раз во время осложнившегося положения университета (это было в самые мрачные времена царствования Александра III в 1888 г.) почувствовал, что больше не может терпеть фальшивого положения: он подал в отставку, и только упрашиванья министра

¹⁸Толпы он по натуре своей чуждался и не верил целесообразности и разумности ее действий. Перед самой смертью из-за границы по поводу сообщенных ему из России известий о студенческих волнениях и крайностях, в которые вдавалась молодежь, он с печалью констатировал, что «студенты в массе были и останутся панурговым стадом» (в письме к Л. Н. Майкову 10 апр. 1899 г.). (*Здесь и далее под строкой примечание документа*).

¹⁹Помню, как он с волнением, но и доброй усмешкой рассказывал мне в день одного из таких собеседований профессоров со сходкой: «Представьте себе, толстый Аничков стоит во главе толпы, когда ректор исчерпал все силы убеждения и полиция грозит вступить в университет и арестовать всех, стоит и кричит: “Мы на легальной почве”. Эдакий чудак! Что с ним поделаешь?» Е. В. Аничков потом стал ученым романистом, тогда же фигурировал как один из лидеров радикального студенчества.

Делянова, который опасался, что уход такого авторитетного и лояльного профессора воспринят будет в обществе как скандал, побудили его взять прошение обратно и продолжать профессорскую страду²⁰.

В дальнейшем он шел в университетских делах по той же лояльно независимой линии. Василий Григорьевич глубоко и горячо любил университет, не расстался с ним до смерти и всегда, по мере сил, отстаивал его интересы в смысле защиты его научной свободы от власти и от студенческой революции; но за репрессивные меры против студентов никогда не стоял²¹. Он хлопотал за неизвестных ему студентов, попадавших в тиски, старался избавить от преследований более радикально настроенных университетских деятелей²². Предсмертный выезд его за границу (весной 1899 г.) совпал опять с обострившимся университетским вопросом уже в министерство Н. П. Боголепова, и из Флоренции Василий Григорьевич писал, что его тревожит положение университета и, в частности, назначение петербургским попечителем академика Н. Я. Сонина, говорят, замечательного математика, но истинного гасителя академических свобод.

Чтобы быть энергичным представителем профессорской оппозиции против правительственной реакции, Васильевскому не хватало темперамента; натура его была чересчур мягкая и мирная, вообще к практической деятельности склонностями и способностями он не обладал²³; но он всегда определенно сочувственно относился

---

²⁰Он специально говорит об этом эпизоде в письме к другу своему Л. Н. Майкову (22 янв. 1888 г.). Подробности факта не совсем ясны; но я помню, какая была тогда тяжелая атмосфера в университете и кругом. Множество студентов арестовывалось и высылались, министр грозил надолго закрыть университет, исключить всех студентов и оставить за штатом профессоров. Васильевский имел личное объяснение с Деляновым. Он прямо объявил министру, что «не сочувствует политике, которая теперь проводится в университете, ничего хорошего от нее не ожидает и, естественно, потому не может нигде высказываться в ее пользу, а разве напротив». Делянов, по своей манере, старался показать себя «добрым» и успокаивал Василия Григорьевича: «Да мы от Вас почти ничего не требуем или просим очень немногого. Ведь Вы не будете бунтовать студентов? Все, чего мы от Вас ожидаем, это то, что, когда к Вам придут на дом студенты или вообще вступят в разговор, Вы им посоветуете оставаться спокойными и не производить дальнейших беспорядков. Когда ко мне придет Ваше прошение, я пришлю Вам его обратно». Василий Григорьевич поддался настоянию министра, в нем не было воинствующей струны, да и жаль было бы расстаться с профессурой, которая давала ему возможность работать научно (что бы он стал делать без этого?). Университет закрыт не был, может быть, отчасти под давлением протеста таких мирных людей, как он.

²¹Когда я лично уже на четвертом курсе попал под университетский суд за участие в сходке, которая казалась мне нравственно обязательной, Василий Григорьевич отнесся к моему поступку с пониманием и сочувствием, между тем как декан В. В. Бауэр порицал меня и советовал на суде отказать от своего мнения, объяснив, что меня мимолетно совратила с пути темная агитация извне.

²²Он очень заботился, например, об отвращении удара увольнения от профессуры Мищенко в один из моментов гонения на профессоров (письмо к Л. Н. Майкову 31 июля 1884 г.); он очень хлопотал о предотвращении высылки из Москвы П. Н. Милюкова за не понравившиеся властям лекции и подозрение в поддержке университетских беспорядков (письмо тому же зимой 1896–97 года).

²³Ему, именно совершенно непрактичному человеку, даже забавно импонировали обратные свойства в людях. У нас на факультете большим «докою» во всяких практических вопросах был проф. И. В. Помяловский: «Обратитесь к Ивану Васильевичу, он все устроит: это — мудрец, маг и волшебник». Тот, действительно, вообще благожелательный человек, в самом деле, распутывал много узлов.

к прогрессивной политике, так высказывался и в таком направлении держал руль своего поведения. Характер у него был нерешительный, часто не хватало активности, но не было никогда подлаживания, лукавства, ни тем более карьеризма.

Мало есть данных для детальной оценки работы Васильевского как члена факультета. Его не раз обвиняли в недостаточной устойчивости, даже иногда в уступчивости вредным для развития науки течениям в правительственной политике и в самых правых ученых кругах. Может быть, косвенное основание для этих, в сущности неверных суждений давал сам Василий Григорьевич. Он чувствовал себя всегда неловко во всякой большой коллективной организации. Он был вполне сам собой лишь за своим рабочим столом или в тесном собеседовании с учениками, либо в небольшом кругу ученых, например за научным спором²⁴. Где надо было вступать в конфликты по принципиальным вопросам общественного характера, он чувствовал себя не на месте. Нападать он не умел, часто стыдился и самозащиты. Он ощущал себя слабым перед упорством противника или кажущейся непреодолимостью препятствия. Он был не находчив в борьбе, мог сбиться и растеряться перед самоуверенностью возражающего. Такие дефекты проистекали не от отсутствия у него определенных взглядов, равнодушия к их отстаиванию или, тем более, трусости. Это было следствием его болезненности, физической вялости организма, а нравственно — от недостатка веры в свою способность достигнуть победы. Свои слабости он хорошо знал, сам более всего огорчался ими и от них нередко впадал в уныние <...>

СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 362–363 об. Автограф И. М. Гревса;
Д. 22 а. Л. 259–265. Подлинник. Неавторизованная машинопись.

^[1] Данный фрагмент не вошел в опубликованный вариант статьи. Ср.: Гревс И. М. Василий Григорьевич Васильевский, как учитель науки // ЖМНП. 1899. Ч. CCCXIV. Август. С. 27–74.

---

²⁴Так, он с неприятным чувством вспоминал иногда один случай из факультетской истории, именно несправедливое забракование магистерской диссертации В. И. Семевского «Крестьяне в царствование Екатерины II». Диссертация была сначала одобрена профессором К. Н. Бестужевым-Рюминым и напечатана в «Записках историко-филологического факультета». Оставалось только предисловие, которое было представлено автором главному критику несколько дней после события 1 марта 1881 г., когда общественное настроение было потрясено убийством Александра II, а правые круги зывали к суровым мерам. Бестужев нашел направление мыслей предисловия недопустимым, особенно в такой момент, и требовал изменения его текста; автор не соглашался; тогда Бестужев настаивал на отклонении диссертации, раньше принятой по его же отзыву. На попытки некоторых профессоров удержать его от такого самопротиворечия он гневно воскликнул: «Или Семевский, или я». Факультет уступил. Васильевский был тогда секретарем факультета, и он не решился противостать Бестужеву при постановке такой дилеммы. Ему самому пришлось объявить Семевскому о перемене решения. Это был акт явно несправедливый, и у Васильевского осталась тяжелая память о своем хотя бы и пассивном соучастии в нем. Но он был бессилён, чтобы побороть большинство, возмущенное радикализмом автора диссертации или запуганное грозным выступлением революционных сил.

**Владимир Владимирович
ВЕЛЪЯМИНОВ-ЗЕРНОВ**

(1830–1904)

«Страшный любитель» всего восточного, В. В. Вельяминов-Зернов умел сочетать чиновничью службу с учеными работами, главные из которых были посвящены истории народов Востока, входивших в состав России. Получив назначение в Оренбургский край, он начал изучать языки и историю местных тюркских народов. Благодаря его исследованиям казахи и киргизы получили правдивую информацию о своем прошлом, а история отношений России со Средней Азией предстала в новом освещении¹.

Научные труды ученого обратили на себя внимание Академии наук, которая в 1858 г. избрала его своим адъюнктом. Ученый получил долгожданную возможность предаться одной только науке, его академическая деятельность разрасталась и становилась все плодотворнее. Результатом ее стали фундаментальные труды по истории Касимовского царства, издание важнейшего источника по истории курдов «Книга славы» («Шараф-наме», конец XVI в.) и другие работы. Тяжелая болезнь заставила В. В. Вельяминова-Зернова забросить ученые занятия и в 1878 г. выйти из Академии. Поправив за границей здоровье, он вернулся к службе и оставил по себе добрую память как попечитель Киевского учебного округа.

---

¹ Библиографию трудов В. В. Вельяминова-Зернова см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 144–146.

**Из письма В. В. Вельяминова-Зернова к В. В. Григорьеву
с размышлениями о труде ученого^[1]**

[1860 г.]

<...> Работы мои идут по-прежнему: в них я погрузился совершенно, и чем больше тружусь, тем больше втягиваюсь; с трудом отрываюсь от них, работаю с утра до ночи, не хочется оставлять работы, так и тянет к ней. Великая вещь наука, она одна в состоянии наполнить всю жизнь человека и заменить ему все. Отрадно сидеть за работой: чем больше изучаешь предмет, тем горизонт становится обширнее: чувствуешь, как мало знаешь и как много остается еще разведать. Учен тот, кто дошел до того убеждения, что учиться надобно всю жизнь, и в этом именно и находить наслаждение <...>

Оубл.: Веселовский Н. И. В. В. Вельяминов-Зернов (1830–1904): Некролог // ЖМНП. 1904. Ч. 352. С. 204.

^[1] Василий Васильевич Григорьев (1816–1881) — востоковед, впоследствии профессор С.-Петербургского университета; находясь на службе в Оренбургском крае, тесно общался с В. В. Вельяминовым-Зерновым, который называл своего друга совсем по-родственному — отцом и надолго сохранил с ним добрые отношения. Выдержки из писем В. В. Вельяминова-Зернова к В. В. Григорьеву приводит Н. И. Веселовский; сами письма, по-видимому, не сохранились.

**Отношение В. В. Вельяминова-Зернова в канцелярию
Комитета Правления Академии наук о получении
формулярного списка и достоверности сведений в нем**

29 октября 1861 г.

В ответ на сообщение от 28 октября долгом считаю довести до сведения канцелярии, что все статьи препровожденного ко мне формулярного списка нахожу вполне верными и с моей стороны не требующими никакого дополнения, за исключением только того, что в статье об утверждении меня адъюнктом выставлен один год, число же, с которого должно считаться старшинство, не означено^[1].

В. Вельяминов-Зернов

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-В. Д. 11. Л. 2. Автограф В. В. Вельяминова-Зернова.

^[1] «Старшинство» считалось со дня избрания в Общем собрании.

Записка В. В. Вельяминова-Зернова об Азиатском музее

24 ноября 1864 г.

Господину непременно секретарю Императорской Академии наук

Согласно с циркулярным предложением Его высокопревосходительства г. президента Академии от 6 сего ноября, № 2252, честь имею сообщить Вашему Превосходительству мои замечания на присланный мне проект Устава Академии.

Заклучения мои касаются предполагаемого устройства нынешнего Азиатского музея.

В проекте Устава Азиатский музей назван Азиатским отделением Библиотеки^[1].

С правильностью этого названия я не согласен. **Во-первых**, Азиатский музей не состоит исключительно из книг и рукописей, а заключает в себе богатые собрания монет

и древностей, следовательно, библиотекой он назван быть не может. **Во-вторых**, во всяком случае, Азиатский музей, по своей специальности и своей обширности, должен составлять учреждение совершенно независимое от остальной библиотеки, и вверенное ближайшему надзору лица, вполне знакомого с историей и литературой Востока. Сама комиссия, трудившаяся над составлением проекта Устава, признала это, назначив в Азиатское отделение Библиотеки особого директора. К чему же давать тогда музею название отделения, — название, которое в будущем заставляет опасаться слияния его с Библиотекой?

Если Академии, для того чтобы не смешивать Азиатского музея с прочими музеями, которые должны иметь по проекту особый устав и штат, желательно изменить его название, то можно было бы дать ему имя, более соответствующее его прямому назначению. Нельзя, однако же, не заметить при этом, что самая перемена названия Азиатского музея имеет своего рода неудобство. Азиатский музей в ученом мире, в особенности в кругу ориенталистов, занимающихся историей и литературой мусульманских народов, пользуется большой известностью. По богатству находящихся в нем рукописей, монет и предметов древности он стоит наряду с лучшими древлехранилищами Европы. Ученые русские и иностранные привыкли знать его под именем Азиатского музея. Перемена названия, по крайней мере, на первое время затруднит всех ученых и произведет на них неприятное впечатление.

В заключение позволю себе сделать еще замечание следующего рода. По проекту штата назначается директору Азиатского отделения Библиотеки, т. е. Азиатского музея — 200 руб. в год. Вознаграждение это кажется мне весьма недостаточным. Проект Устава (§ 131) требует от директора, чтоб он составлял каталоги предметов, вверенных его надзору, вел опись приобретениям в течение года с показанием цен и представлял ежегодно отделению отчет об ученых работах и приобретениях по общему заведованию. Азиатский музей в настоящую минуту так богат рукописями и монетами и приобретает вообще такие размеры, что одно уже описание хранящихся в нем рукописей и монет обращается в дело многосложное, трудное, требующее, кроме специальных знаний, много усидчивой работы и времени.

В. Вельяминов-Зернов

24 ноября 1864.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1861. Д. 15. Л. 278–279. Автограф В. В. Вельяминова-Зернова.

^[1] В 1860-е гг. готовилась реформа Академии наук и обсуждалось несколько проектов ее нового устава. На одном из этапов возникла мысль воссоединить Азиатский музей, созданный в 1818 г. С. С. Уваровым, с Библиотекой. Однако это предложение не нашло поддержки у востоковедов по причинам, изложенным В. В. Вельяминовым-Зерновым в записке на имя неперменного секретаря К. С. Веселовского. Академическая реформа по ряду причин (прежде всего финансовым) не состоялась, но обсуждение назревших проблем было полезно, и в дальнейшем они решались без ломки привычного строя академической жизни.

Сообщение неперменного секретаря С. Ф. Ольденбурга о смерти В. В. Вельяминова-Зернова

14 февраля 1904 г.

17 января настоящего года скончался бывший попечитель Киевского учебного округа, доктор турецко-татарской словесности, действительный тайный советник Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов.

Он родился в Петербурге 31 октября 1830 года и по окончании курса в Императорском Александровском лицее поступил на службу в Азиатский департамент. В 1850 году он был послан в Оренбург, в распоряжение оренбургского и самарского генерал-губернатора. Здесь он близко ознакомился с местными татарскими наречиями и вскоре выпустил в свет замечательный труд: «Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией»^[1].

Через пять лет он был избран адъюнктом Академии наук по литературе и истории азиатских народов, а в 1861 году — экстраординарным академиком. В конце 70-х годов тяжкая болезнь заставила его оставить Академию и уехать за границу. По возвращении оттуда он посвятил себя службе по выборам и с 1879 по 1888 год состоял малоархангельским (в Орловской губ.) предводителем дворянства.

В 1888 году Владимир Владимирович был назначен попечителем Киевского учебного округа. С 1889 года он был председателем временной комиссии по разбору древних актов в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Ему принадлежит заслуга создания и укрепления в округе «министерского народного училища», в которое охотно определяют детей своих все без различия исповеданий и сословий, в котором объединение производится на почве русского языка, русского влияния, обычаев и пр. и которое, таким образом, имеет громадное государственное значение. Благодаря простоте обращения и доступности удалось ему в короткое время привлечь к делу просвещения симпатии отдельных обществ и лиц, благодаря чему округ обогатился новыми роскошными зданиями как средних, так и низших учебных заведений, собственными домовыми церквями и учебно-воспитательными учреждениями. Из ученых трудов, доставивших ему имя одного из учнейших ориенталистов, особенно замечательны «Исследование о Касимовских царях», «Материалы для истории крымского ханства», «Джагатайский словарь», «История курдов» (на персидском языке), «Монеты бухарские и хивинские» и проч.^[2].

В 1890 году Владимир Владимирович был избран почетным членом Академии.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 217. Л. 11–11 об.
Подлинник. Типограф. печать.
Опул.: Известия Имп. АН. 1904. № 3. С. I–II.

^[1] Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Среднею Азиею со времени кончины Абул-Хайр хана (1748–1765). Т. 1–2. Уфа, 1853–1855.

^[2] Имеются в виду следующие сочинения ученого:

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1–4. СПб., 1863–1887.

Вельяминов-Зернов В. В. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению Императорской Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел. СПб., 1864.

Вельяминов-Зернов В. В. Словарь джагатайско-турецкий. СПб., 1868.

Scheref-Nameh ou Histoire des Kourdes par Scheref, Prince de Bidlis, publiée pour la première fois, traduite et annotée par V. Véliaminof-Zernof. Т. 1–2. St. Petersburg, 1860–1862.

Вельяминов-Зернов В. В. Монеты бухарские и хивинские // Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества. 1859. Ч. 4. С. 328–456.

Константин Степанович
ВЕСЕЛОВСКИЙ
(1819 – 1901)

Константин Степанович Веселовский к моменту вступления в Академию наук в 1852 г. был автором трудов по статистике, истории торговли и финансов в России и на Западе. В 1840-е гг. он едва не подвергся административной ссылке за свои занятия политической экономией. Тогда он прекратил эти занятия и начал изучать климат России и его влияние на человека и быт¹.

В Академии он сделал быструю и успешную административную карьеру ценой почти полного отказа от собственных научных исследований. Больше 30 лет, с 1857 по 1890 г., он был непременным секретарем и имел влиятельный голос в напряженном диалоге Академии наук с правительством и российским обществом о предназначении Академии наук. Он считал необходимым время от времени подводить итоги деятельности Академии наук и представлять их на суд широкой общественности.

После выхода в отставку в 1890 г. К. С. Веселовский надеялся возобновить свои заброшенные ученые занятия и увлекся проектом «Экономического словаря», предложенным Н. Х. Бунге, который, впрочем, не был осуществлен.

На склоне лет он обратился к истории Академии наук в XVIII в. и предался воспоминаниям о добром старом времени, пробуждая «отголоски старой памяти», как он назвал один из листков своих воспоминаний². Свои воспоминания и эссе по истории академической науки он публиковал на страницах журнала «Русская старина», по приглашению редактора журнала академика Н. Ф. Дубровина³.

---

¹ Библиографию трудов К. С. Веселовского см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 164–169.

² *Веселовский К. С.* Отголоски старой памяти: воспоминания и записки непременного секретаря Императорской Академии наук / сост. Е. Ю. Басаргина. СПб., 2018.

³ Подробнее см. в разделе о Н. Ф. Дубровине.

**Представление К. С. Веселовского в ординарные академики,
составленное П. И. Кёппеном**

22 февраля 1859 г.

С возрастающей потребностью действовать сознательно как в кругу администрации, так и по части наук, возрастает и потребность в основательных исследованиях политико-экономических. Одни только действия и результаты изысканий, основанные на незыблемых началах, могут выдерживать критику современников и потомства. С такой настоятельной потребностью увеличивается необходимость в числе деятелей.

Полвека протекло с того времени, когда по представлению Шторха признана была надобность иметь в числе членов Академии наук лицо, посвящающее труды свои политическим наукам. Немало в течение этого времени Академия содействовала к познанию народного быта в его нравственных и физических отношениях; по обширности государства, конечно, сделано было все то, что сделать было можно; но с возрастанием требований со стороны науки и правительства, а вместе с тем и самого объема государства, должно возрастать и число лиц, посвящающих себя исключительно возделыванию статистики и применению ее дознаний к пользам общественным. Невозможность обнять вдруг все ветви политико-экономических наук, все стороны государственного и народного быта давно уже чувствуется возделывателями этих предметов, столь важных в видах благоденствия народов.

Таковы обстоятельства, побуждающие нижеподписавшихся просить об изменении в составе Академии, вместо одного, двух ординарных академиков для политической экономии и статистики. Лицо, способное с честью для Академии поступить в просимую новую должность, к счастью, уже находится в кругу ее членов. Это исправляющий должность неперменного секретаря Академии, статский советник К. С. Веселовский. В какой мере он пользуется уважением и доверием своих сочленов, это доказывает избрание его в настоящую его должность.

Наука же обязана ему капитальными исследованиями, и из них одно: «О климате России» — предмете столь занимательном в отношении к народной жизни — еще недавно удостоилось высшей награды, которой располагать может Императорское Русское географическое общество^[1]. Его-то просим мы возвести в звание ординарного академика, дабы тем иметь возможность расширить круг деятельности по части политических наук и воздать должное полезным трудам уважаемого нами сочлена.

Ординарный академик Петр Кёппен.

*СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 17. Л. 43–44. Подлинник.
Рукопись. Подпись-автограф П. И. Кёппена.*

^[1] За сочинение «О климате России» (СПб., 1857) К. С. Веселовский был удостоен в 1858 г. золотой Константиновской медали Русского географического общества.

«К. С. Веселовский. Краткая записка о жизни и трудах И. Х. Гамеля»

1862 г.

Иосиф Христианович Гамель родился 30 января 1788 г. в Сарепте, где отец его занимал место полицеймейстера; здесь он и получил первоначальное образование. Назначая себя сначала для медицинского поприща, он поступил в 1807 г. в Петербургскую Медико-хирургическую академию, от которой удостоен при выпуске, 20 июня 1811 г., золотой медали. Занятия в академии рано пробудили в нем любовь к другим наукам, особенно к технологии и физике, и еще в бытность свою студентом (4 декабря 1809 г.)

он уже избран был в корреспонденты Вольного экономического общества, а 10 февраля 1810 г., за изобретение дешевой электрической машины, всемилостивейше награжден золотыми часами^[1].

3 июля 1811 года он был определен при Медико-хирургической академии, и ему было поручено заняться повторением гальвано-химических опытов знаменитого сэра Гомфри Деви, касательно разложения тел, дотоле почитавшихся неразложимыми. По этому поводу он придумал для добывания потассия^[2] химический способ, более удобный, чем способ Гей-Люссака и Тенара и заслуживший одобрение самого сэра Гомфри Деви.

13 апреля 1813 года Гамель был произведен в доктора медицины, 25 июня избран в члены-корреспонденты Медико-хирургической академии, 23 июня того же года в члены-корреспонденты Академии наук.

Заметив в нем отличные способности, тогдашний министр внутренних дел О. П. Козодавлев причислил его к своему министерству и 26 мая 1813 года исходатайствовал ему всемилостивейшее дозволение отправиться в Англию для дальнейшего своего усовершенствования в науках.

В Лондоне он лично познакомился с сэром Гомфри Деви, а через него и с другим химиком, известным филантропом, богатым квакером, Виллиамом Алленом, который, быв сам большим другом и щедрым поборником квакера Ланкастера, усовершенствовавшего изобретенный доктором Беллем способ взаимного обучения, первый ознакомил его со школами по этой методе^[3]. Усмотрев в этом способе легчайший путь к распространению в народе грамотности и элементарных познаний вообще, Гамель принялся за тщательное его изучение в школах не только Лондона, но и других частей Великобритании, и издал о нем подробное сочинение на немецком языке⁴, о котором и германские педагоги отзываются, что это есть полнейшее и объективно вернейшее описание метода взаимного обучения и ее истории⁵. Оно было напечатано также на русском и французском языках⁶.

⁴ Заглавие этой книги, посвященной императору Александру I: *Der gegenseitige Unterricht: Geschichte seiner Einführung und Ausbreitung durch Dr. A. Bell, J. Lancaster und andere. Ausführliche Beschreibung seiner Anwendung in den englischen und französischen Elementarschulen, so wie auch in einigen höheren Lehranstalten. Mit 12 Kupfern und Bildnissen von Bell und Lancaster, in Steindruck. Paris, 1818.*

⁵ «Die vollständigste, am meisten objective gehaltene Darstellung beider Systeme und der Geschichte ihrer Erfindung und Ausbreitung bis zum Jahr. 1817». См.: *Encyclopaedie des gesammten Erziehungs- und Unterrichtswesens. Stuttgart, 1858. Pag. 524.*

⁶ Русский перевод издан по высочайшему повелению Министерством внутренних дел от Департамента государственного хозяйства и публичных зданий, под заглавием: *Описание способа взаимного обучения по системам Белла, Ланкастера и других, в коем изложены начало и успехи сего способа в Англии, во Франции и в других странах и подробно изъяснены правила и порядок употребления оного в училищах.* Переведено с немецкого языка тит. сов. Карлом Кнаппе. СПб., 1820. 352 с. с 12 чертежами. Французский перевод, составленный братом знаменитого Гизо, издан под заглавием: *L'enseignement mutuel. Histoire de l'introduction et de la propagation de cette méthode par les soins des Docteurs Bell, J. Lancaster et d'autres. Description détaillée de son application dans les écoles élémentaires d'Angleterre et de France, ainsi que dans quelques autres Institutions.* [Paris, 1818].

Когда в исходе 1816 года великий князь Николай Павлович (впоследствии император), а в 1818 году великий князь Михаил Павлович посетили Англию, то Гамель имел счастье сопровождать их высочества и показывать им главнейшие достопримечательности и заведения по части промышленности в Лондоне и в других местах Англии.

Вообще во все свое пребывание в Великобритании и Ирландии Гамель не пропускал случая к собиранию сведений и к изучению полезных приложений науки к технике: в одной каменноугольной копи, где находилось много воспламеняемого газа, производил опыты с безопасной лампой Деви, а близ берегов Ирландии опускался на дно моря в водолазной машине и по этому поводу первый обратил внимание на действие, производимое гущеным воздухом на ушную барабанную перепонку^[4]. О многих из своих опытов и наблюдений он сообщал статьи как в русских журналах, особенно в Северной Почте, так и в иностранных.

В 1819 году он подробно исследовал устроенную тогда в Париже первую большую выставку предметов промышленности и обозрел некоторые из замечательнейших заведений во Франции, Италии, Швейцарии и Германии. В 1820 году предпринимал с ученой целью восхождение на гору Монблан, но по несчастью, постигнутому его от падения лавины, не успел в своем предприятии.

По возвращении из-за границы Гамель с таким же усердием старался подробно ознакомиться с состоянием мануфактурной промышленности в России. С этой целью он обозревал фабрики и заводы в разных губерниях и напечатал, между прочим, историко-техническое описание тульского оружейного завода⁷, для которого еще в бытность свою в Англии в 1817 г. нанял искусного механика Джонса с тем, чтобы ввести в этом заводе разные существенные улучшения по технической части. В этой книге он описал пришедшее в забвение начало доменного чугуноплавильного производства в России и действия по этой части Демидовых сперва в Туле, а потом в Сибири.

4 марта 1829 года Гамель был назначен в ординарные академики по части технологии^[5], 10 июня того же года он, по поводу отправления тогда на Кавказ со стороны Академии ученой экспедиции, читал статью: *Beschreibung einer im J. 1628 auf Befehl des Zaren Michail Feodorowitsch stattgefunden Sendung an den Kaukasus zur Aufsuchung von Silber und anderen Erzen*⁸. Для публичного заседания Академии того же года он предложил по части технологии задачу, целью которой было ввести в России производство в большом количестве соды, а в день годовичного собрания произнес речь о необходимости распространения в России технологических познаний^[6].

В том же году он, по желанию московского военного генерал-губернатора, отправился в Москву для статистико-технического описания фабрик Московской губернии и много содействовал учреждению и устройству первой в России выставки мануфактурных изделий, бывшей в 1831 году. Как на многих фабриках, особенно в Москве, требуются хромовые составы, которые выписывались из чужих краев, а Гамель знал, что Сибирь изобилует хромовым железом, то он выписал оттуда некоторое количество этой руды и заботился об употреблении ее для выделки тех составов, которые прежде получались из-за границы. В том же году (1831) Гамель прислал Академии составленный при его соучастии Указатель произведений

⁷ Оно носит заглавие: Описание Тульского оружейного завода, в историческом и техническом отношении. С планами и изображениями оружия и машин, на 42-х листах. Издано по высочайшему повелению. М., 1826. В 4 д. л., с. 263 и 69.

⁸ Работа была опубликована и на русском языке: Описание путешествия на Кавказ, предпринятого в 1628 году по приказанию царя Михаила Феодоровича для отыскания серебряной руды // Санкт-Петербургские ведомости. 1829. № 80. С. 441–442; № 81. С. 450; № 83. С. 461–462.

на первой Московской выставке и 22 марта 1833 года читал диссертацию о выделке железа в России в историческом и техническом отношении^[7]. По случаю доставки Академии в 1833 году кошенили с окрестностей Арарата он занялся исследованием этого вещества, употреблявшегося прежде всех других для окрашивания тканей в красный цвет. Сочинение об этом предмете было напечатано в *Mémoires, VI Série. T. III. 2 partie. 1835, p. 9–65*; также отдельно на русском языке под заглавием: *Об Араратской кошенили (Москва, 1835)*^[8].

В 1834 году Гамель существенно содействовал прибывшему сюда из Австрии Герстнеру в исходатайствовании высочайшего соизволения на устройство в России первой железной дороги (из С.-Петербурга в Царское Село и в Павловск). В том же году читал записки: о пользе введения в России искусства гравирования на дереве и наставление к улучшению первоначального обрабатывания пеньки в Орловской, Тульской и некоторых других губерниях^[9]. В 1834 г. и в следующих годах Гамель, с высочайшего соизволения, производил изыскание в разных московских архивах, где сделал некоторые весьма любопытные находки. В 1836 году он, по желанию графа Сергея Григорьевича Строганова, назначен был членом комиссии для проверки показаний в сочинении, изданном под заглавием «Историческое описание Оружейной палаты»^[10], и по этому поводу разъяснил некоторые пункты относительно истории хранящихся в палате древних корон и других регалий.

В 1837 году московский военный генерал-губернатор поручил Гамелю устроить в залах верхнего этажа кремлевского дворца выставку мануфактурных изделий Москвы и Московской губернии для путешествующего тогда по России государя наследника цесаревича, ныне благополучно царствующего императора Александра Николаевича, который удостоил ее три раза своим посещением, а в исходе того же года Гамель имел честь сопровождать государя наследника и его высочество Константина Николаевича на разные фабрики.

В 1839 году Гамель, с высочайшего соизволения, снова отправлен был в Англию для исследования там новейших усовершенствований по части промышленности.

Незадолго пред тем сделано было Ньепсом столь важное по своим последствиям открытие светописи, вскоре потом усовершенствованное Дагерром. Быв лично знаком с обоими, Гамель подробно изучил историю этого изобретения и еще в том же году (1839) доставил Академии обстоятельное об нем донесение, которое было напечатано в *Бюллетене*^[11].

Посещая в Англии разные технические и другие заведения, Гамель не опускал также случаев выписывать в тамошних богатых архивах сведения, относящиеся до России. Занимаясь в Ашмолевом музее, в Оксфорде рассматриванием старинных рукописей, он случайно встретил одну, содержащую в себе описание путешествия по России в 1618 году. По точнейшем исследовании он удостоверился в том, что этот отчет о путешествии посланника сэра Дудлея Диггса, отправленного в сказанном году королем Яковом I к царю Михаилу Федоровичу, был написан одним сопровождавшим посольство любителем и знатоком естественных наук Джоном Традескантом, известным, между прочим, тем, что он был основателем первого в Англии музея натуральной истории, ныне несправедливо носящего имя Ашмолева. Самый дневник этого путешествия, из которого Гамель сделал разные выписки, исполнен любопытных сведений и обличает в авторе человека с необыкновенным даром наблюдательности. Сочинение о Традесканте, вместе с учеными замечаниями Гамеля и полным обзором первых торговых сношений России с Англией, помещено в «*Recueil des Actes*» 1845 г., а извлечение из него в № 2 и 3 «*Журнала Министерства народного просвещения*» за 1856 г.^[12]

Гамелю случайно удалось также отыскать в Лондоне завещание сына Традесканта, в котором он назначает, куда до его смерти должны поступить коллекции музея, основанного отцом его в Лондоне. Из этого завещания оказывается, что суд несправедливо решил отдать их Ашмолю, который предложил их Оксфордскому университету с тем, чтобы для помещения их построено было особое здание и чтобы этот музей носил его имя. Это открытие Гамеля имело то последствие, что монумент Традесканта в Лондоне был возобновлен^[13].

Кроме главного своего труда о Традесканте он написал еще целый ряд статей, связанных с этим предметом, из которых иные имеют особый географический интерес, проливая свет на первые исследования Севера России и некоторых островов Северного океана и на первые посещения голландцев для заведения там торговых связей.

Но любознательность Гамеля не ограничивалась одной только областью промышленности и ее истории; она обращалась и на другие отрасли наук. В 1839 г. привезен был в Лондон обломок кости, найденной в Новой Зеландии. Известный зоолог г. Ричард Овен (Owen) при первом взгляде на него объявил, что это должна быть кость какой-нибудь большой, ныне уже не существующей птицы, и это вскоре подтвердилось на самом деле. Ныне имеется в Лондоне полный скелет самой большой птицы, какая поныне известна, достигавшей 10 ½ футов ростом и получившей название *Dinornis giganteus*. Заинтересовавшись этим любопытным открытием, Гамель доставил Академии сперва гипсовые отливки, а потом и несколько костей этой исполинской птицы, и кроме некоторых предварительных об ней замечаний, помещенных в Бюллетене Академии, подробно и критически исследовал историю птицы Додо, коей в традескантовом музее имелся единственный в Европе экземпляр, ныне же (с 1755 года) остается только голова и одна нога в Оксфорде, и в Копенгагенском музее хранится голова. И этих любопытных остатков Гамель также добыл гипсовые отливки, которые доставил Академии. Сочинение его об этих двух исчезнувших с лица земли птицах, под заглавием “Ueber *Dinornis* und *Didus*”, помещено в “Bulletin Phys. Math.” IV, 49, а статья: “Sur un crane de Dodo du Musée de Copenhague” в “Bulletin Phys. Math.” V, 314^[14].

В 1840 и 1841 годах Гамель занимался в Северной Шотландии выкапыванием окаменелых рыб, коих добыл весьма много, а при этом случае кроме рыб успел достать также большие растения, чего дотоле еще никому не удавалось. Некоторые из этих ихтиолитов доставлены им в Минералогический кабинет Академии и в кабинет Горного корпуса.

Еще Гамель доставил Академии описание больших магнитно-электрических машин, устроенных на заводе гг. Элкinton и Месон в Бирмингеме, для покрытия металлических изделий золотом или серебром. Оно помещено в Бюллетене^[15]. А когда один иностранец предложил нашему правительству проект завести в принадлежащей России части Балтийского моря устриц и морских раков, Гамель доказал, что это несбыточно, а именно потому, что тамошняя вода не имеет достаточной для того солености^[16].

В 1844 году Гамель посетил и подробно исследовал выставку в Париже, а 25 октября 1845 года возвратился в С.-Петербург и участвовал в устройстве мануфактурной выставки 1849 г., напечатав каталог бывших на ней предметов с приложением плана выставки. В том же году он был назначен членом мануфактурного совета, а в следующем (10 марта 1850 г.) членом высочайше учрежденного комитета по Лондонской выставке.

В 1851 году Гамель, по высочайше одобренному предположению Академии наук, отправлен был в Лондон для исследования готовившейся там всемирной выставки в техническом отношении. 16 сентября того же года он присутствовал при удачном

действии первого значительного подводного электрического телеграфа, а именно, между Англией и Францией через Британский канал.

В 1852 году Гамель снова ездил в Великобританию, дабы быть свидетелем подводного электротелеграфного соединения Шотландии с Ирландией, а в следующем году, по высочайшему повелению, отправлен в Ирландию и Северную Америку для обозрения выставок, готовившихся в Дублине и Нью-Йорке. Из Ирландии он доставил свои замечания касательно разных способов обрабатывания там льна, которые были напечатаны в «С. Петербургских Ведомостях»; а в Нью-Йорке он подверг тщательному изучению машину Эриксона, которая должна была действовать вместо пара нагретым воздухом, и убедился, что это изобретение в больших размерах на самом деле не применимо, и отнюдь не может уничтожить пароходство, как надеялся Эриксон. Гамель сделал об этом Академии подробное донесение, которое напечатано в «С. Петербургских Ведомостях».

Сверх того, Гамель доставил Академии описание изобретенных в Америке братьями Го (Ное) скоропечатных машин, из которых ныне самые большие печатают в один час от 20 до 25 тысяч больших листов с одной стороны^[17]. Из Лондона, по его ходатайству перед комиссией о патентах, доставлена сюда полная коллекция — около 35 000 книжек — патентованных в Англии с 1617 года изобретений, с обещанием продолжать эти присылки и впредь.

Последние труды Гамеля по возвращении из этого путешествия (17 июля 1856 г.) преимущественно были посвящены истории телеграфии; так, он 23 декабря 1859 г. читал мемуар о происхождении гальванической и электромагнитной телеграфии, а 18 мая 1860 года дополнительную к тому статью, где он доказал, между прочим, что устроенный бароном Шиллингом в С.-Петербурге телеграф был привезен им в 1835 году в Бонн и Гейдельберг, а оттуда в следующем году перевезен г. Куком (Cooke) в Лондон, где дал повод к устройству ныне столь далеко и во всех направлениях распространенных телеграфических линий и что, следовательно, честь изобретения первого электромагнитного телеграфа принадлежит нашему соотечественнику^[18].

Из этого краткого перечня, в котором, впрочем, исчислены не все, а только главнейшие из трудов Гамеля, можно видеть, что любимой отраслью его деятельности была история промышленности вообще и особливо в России. На этом обширном поле он вращался в самых многообразных направлениях, проливая свет на разные темные его стороны, и хотя, вероятно, по крайней своей добросовестности (потому что он сознавал, сколько бы это потребовало еще копотливых специальных трудов и изысканий), не успел создать ничего целого, однако собрал столько материалов, что всякий, кто впредь захочет заняться историей промышленности России, конечно, не обойдется без его исследований.

Опубл.: Приложение к Отчету за 1862 г. // Записки
Имп. АН. СПб., 1863. Т. 3. С. 189–196.

^[1] Императорское Вольное экономическое общество создано в 1765 г. с целью изучения состояния хозяйственной жизни страны и ее рационализации. Общество проводило конкурсы и объявляло задачи на определенную научную тему. И. Х. Гамель неоднократно принимал в них участие.

Гамель И. Х. Описание весьма выгодной электрической машины // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1811. Ч. 63. С. 1–25.

^[2] Потассий, или калий — металл, открытый в 1807 г. в поташе; металлическая основа золы. См.: Hamel J. On Pyrophorus, and the making of Potassium // Annals of philosophy; or, Magazine of chemistry, mineralogy, mechanics, natural history, agriculture, and the arts. London, 1815. Vol. 5. P. 348–351.

[3] Имеется в виду Белл-Ланкастерская система (Система взаимного обучения) — педагогическая система для бедных детей, сущность которой состояла в обучении старшими и знающими учениками учеников младшего возраста.

[4] См., напр.: *Hamel J.* 1) Einige Nachrichten Davy's Sicherheitslaterne, zum Gebrauche in den Kohlenminen, betreffend // Nordische Blätter für die Chemie. Halle, 1817. Bd. II. S. 114–121; 2) Experiments with Sir H. Davy's Safe-Lamp // The Philosophical Magazine and Journal: Comprehending the Various Branches of Science, the Liberal and Fine Arts, Geology, Agriculture, Manufactures and Commerce. London. July — December 1816. Vol. XLVIII. P. 36–37; 3) On the Diving-Bell, as a Means for Curing Deafness // Ibid. P. 22–24.

[5] И. Х. Гамель состоял чиновником по особым поручениям при московском военном генерал-губернаторе Д. В. Голицыне. Когда он был удостоен избрания ordinary академиком по технологии и химии, приспособленной к искусствам и ремеслам, то по ходатайству Д. В. Голицына вместо штатного оклада ему выплачивались 10 000 руб. ассигнациями в год из Главного казначейства. Поэтому Академия наук считала И. Х. Гамеля сверхштатным академиком и не возлагала на него особых обязанностей; ему позволялось годами жить в Москве или за границей. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 13. Д. 81. Л. 16.

[6] И. Х. Гамель не создал обобщающего труда по истории промышленности, но собранные им материалы имеют непреходящую ценность.

См.: Список сочинений, напечатанных Гамелем в изданиях Академии наук (Приложение к Отчету за 1862 г.) // Записки Имп. АН. СПб., 1863. Т. 3. С. 197–198.

[7] *Гамель И. Х.* 1) Указатель произведений отечественной промышленности, находящихся на первой Московской выставке 1831 года. М., 1831; 2) О выделке в России железа в исторических и технических отношениях. М., 1833.

[8] Армянская кошениль названа в честь И. Х. Гамеля: *Porphyrophora hamelii* (порфиноносная Гамеля). См.: *Hamel J.* Ueber Cochenille am Ararat und über Wurzel-Cochenillen im Allgemeinen // Mémoires de l'Académie Impériale de Saint-Pétersbourg. VIe Sér. 1835. Т. 3. Part. 2. P. 9–65; *Гамель И. Х.* Об араратской кошенили. М., 1835.

[9] *Гамель И. Х.* Предложения к усовершенствованию методов обработки пеньки и льна в России // Журнал мануфактур и торговли. СПб., 1826. № 1. С. 61–77.

[10] См.: СПбФ АРАН. Ф. 85. Оп. 1. Д. 18–19 (Историческое описание древнего Российского музея под названием Мастерской и Оружейной Палаты, в Москве обретающегося / составлено поч. чл. Палаты А. Малиновским. Ч. 2 и 3. С примечаниями И. Х. Гамеля). О древних коронах, находящихся в Оружейной палате, см.: Там же. Д. 15–17.

[11] *Hamel J.* Ueber Daguerre's Heliographie und Abdrücke von seinen heliographirten Platten // Bulletin Scientifique. 1840. Т. VI, № 21. S. 317–336; Документы по истории изобретения фотографии. Переписка Ж. Н. Ньепса, Ж. М. Дагерра и других лиц / ред. и вводн. ст. Т. П. Кравца. М.; Л., 1949. (Труды Архива АН СССР; вып. 7).

[12] *Hamel J.* Tradescant der Aeltere 1618 in Russland. Der Handelsverkehr zwischen England und Russland in seiner Entstehung. Rückblick auf einige der älteren Reisen im Norden // Recueil des Actes de la séance publique de l'Académie de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, tenu le 29 décembre 1845. St.-Pétersbourg, 1847. P. 85–348; *Гамель И. Х.* Начало торговых и политических сношений между Англией и Россией // ЖМНП. 1856. Ч. 89. Январь. Отд. V. С. 57–106; Февраль. Отд. V. С. 107–134.

[13] *Hamel J.* Tradescant's Testament und Ashmole's Museum zu Oxford // Bull. Phys. Math. 1852. Т. 10, № 11. P. 161–174; *Гамель И. Х.* Завещание Традесканта и музей Ашмоля в Оксфорде // ЖМНП. 1853. Ч. 78. Апрель. Отд. II. С. 31–54.

[14] *Hamel J.* 1) Ueber Dinornis und Didus, zwei ausgestorbene Vogelgattungen // Bull. Phys. Math. 1845. Т. 4, № 4. P. 49–68; 2) Sur un crane de Dodo du Musée de Copenhague // Bulletin Phys. Math. 1847. Т. 5, № 6. P. 314–318.

[15] *Hamel J.* Colossale magneto-electrische Maschine zum Versilbern und Vergolden // Bull. Phys. Math. 1847. Т. 6, № 10. P. 145–155.

[16] *Hamel J.* Ueber das Project: Austern, wie auch Hummern, Seekrebse, Krabben und Miesmuscheln im finnischen Meersbusen zu ziehen // Bull. Phys. Math. 1852. Т. 10, № 18–20. P. 307–318.

^[17] См.: Гамель И. Х. Новейшие усовершенствования машин, введенных в Англии и Америке для печатания газет и других периодических изданий // Сын Отечества. 1857. № 16. С. 369–377.

^[18] Hamel J. Die Entstehung der galvanischen und electromagnetischen Telegraphie // Bull. de l'Acad. 1860. Т. 2. Р. 97–136; Гамель И. Х. Исторический очерк электрических телеграфов. СПб., 1886.

«Записка для включения в представление Государственного Совета с проектом устава Академии», составленная непременным секретарем К. С. Веселовским по поручению министра народного просвещения А. В. Головнина^[1]

Конец 1865 г.⁹

История почти всех наук в России начинается с учреждения Академии, и в течение долгого времени вся ученая деятельность в нашем отечестве сосредоточивалась почти исключительно в Академии. Чтобы хоть в кратких словах очертить всю пользу, принесенную Академией наук и России, нужно было бы вдаваться в такие подробности, которые не согласовались бы с пределами настоящей краткой записки, и потому следует ограничиться здесь указанием лишь на те труды Академии, которые имели важное значение в науке и были особенно полезны для русского просвещения или послужили к раскрытию естественных и других богатств нашего отечества.

Прошедшее столетие, особенно в первой половине, было эпохою великих открытий в области математических наук, и наша Академия имела в этих открытиях значительное участие, доставившее ей с первых пор ее существования громкую известность в Европе, достойно поддерживаемую ею и донныне. Труды членов Академии братьев Бернулли, великого Леонарда Эйлера, Н. Фуса, Коллинса, Остроградского, Буняковского, Чебышёва, Сомова не только останутся украшением летописей математики, но приносят и продолжают приносить несомненную пользу России содействием у нас самостоятельных занятий математическими и теми многочисленными, полезными практическими применениями, которые эти труды имели в артиллерии, в инженерном искусстве, в навигации, кораблестроении, геодезии и в технических производствах.

Вообще должно заметить, что благодаря трудам Академии математика привилась у нас столь прочным образом, что занятия математикою продолжают идти весьма успешно и вне стен Академии. Ученики первых академиков, воодушевленные их примером и усвоив себе их выводы и остроумные приемы, сами явились замечательными двигателями науки и главным образом способствовали к образованию у нас целой школы математиков. Во всех главнейших специальных заведениях нашей столицы, в коих читается высшая математика, преподавателями этого предмета были академики или же их ученики, или же лица, образовавшиеся в их школе, так что и ныне большая часть наших специалистов: инженеры, кораблестроители, моряки, геодезисты и проч. обязаны своим математическим образованием преимущественно тем ученым, которых Академия считала или теперь считает в среде своей.

⁹ Датировка основывается на следующих данных: в Государственный совет проект был представлен в начале 1866 г.; в конце 1865 г. были опубликованы «Проекты уставов и штата Императорской Академии наук и состоящих при ней музеев» с объяснительной запиской к ним (СПб., 1865).

По астрономии, независимо от трудов, делающих самую науку, Академия принесла большую пользу теми многочисленными геодезическими работами, которыми она положила прочные основания картографии России. В первой половине XVIII столетия правительство не имело еще удовлетворительных географических сведений о подвластных ему странах. Собираение этих сведений составило предмет попечений Академии, которая вскоре после своего учреждения приступила к составлению первого атласа Российской империи^[2]. Далекие и трудные экспедиции, которые снаряжала Академия для собирания географических данных, не прекратились с приведением упомянутого атласа к окончанию в 1745 году.

Таким образом, уже в 1770 году Академии удалось собрать такое количество географических определений мест, какого не было собрано за тот же период времени в других странах Европы. Но особенную важность для картографии России имели труды академиков Шуберта, Вишневого и в последнее время В. Струве. Первый из них издал руководство по определению географического положения мест, — книгу, которая долго служила необходимым пособием для офицеров Генерального штаба и всех лиц, занимающихся у нас подобными работами, и до сих пор пользуется большим уважением у специалистов^[3]. Второй из названных астрономов с 1805 по 1815 год определил положение около 300 различных мест, рассеянных по всему пространству Российской империи, причем относительно точности определений превзошел все, что было у нас сделано, даже можно было ожидать при средствах, находившихся в его распоряжении^[4].

Блистательный период астрономической деятельности Академии начинается с того времени, когда в ее члены был избран В. Струве, почти одновременно с тем назначенный директором устраиваемой тогда, по предположениям Академии, Главной астрономической обсерватории в Пулковке^[5]. Это учреждение созидалось под надзором и по плану Струве, снабжалось вновь придуманными им или им усовершенствованными инструментами и вскоре было приведено им в такое цветущее положение, что составило предмет удивления и восхищения европейских ученых. Стоя более 20 лет во главе Пулковской обсерватории, Струве многими своими открытиями и исследованиями утвердил за собою известность одного из первых астрономов нынешнего столетия^[6]. Кроме того, он с глубоким знанием дела руководил несколькими большими географическими и геодезическими работами, производившимися для исследования долгот различных мест, в особенности же для колоссального, не имеющего нигде себе подобного измерения градусов меридиана, проходящих от Ледовитого моря до берегов Дуная^[7].

Труды членов Академии по физике и химии представляют непрерывный ряд изысканий, из которых многие повели к полезным практическим приложениям в житейском быту, в искусствах, ремеслах и т. п. Имена Лейтмана, Рихмана, Брауна, Эпинуса, Ловица, Ломоносова, Георги, Шерера, Кирхгофа, Паррота, Гесса и др. связаны в истории науки с замечательными открытиями и усовершенствованиями. Из представителей физики в Академии последнего времени академик Якоби увековечил свое имя изобретением гальванопластики; Ленц, ознаменовав себя многими важными теоретическими исследованиями, кроме того, произвел изыскания над вентиляцией применительно к условиям нашего климата; Купфер своими многочисленными и обширными исследованиями об упругости металлов доставил данные, которые ведут к весьма важным техническим применениям. Заслугу Купфера составляют также труды его по устройству правильной системы метеорологических и магнитных обсерваторий, распределенных по всему пространству России и доставляющих прочные основания как для изучения особенностей русского климата, так и для решения

общих вопросов физики Земного шара^[8]. Вообще честь и первого начала в учреждении у нас метеорологических наблюдений и первой обработки их согласно требованиям науки принадлежит Академии. Такие наблюдения долгое время производились только при Академии или в путешествиях ее членов, и лишь впоследствии, ее стараниями, заведены во многих местах^[9].

Обращаясь к трудам Академии в области естественных наук, нельзя не признать, что нет ни одной Академии, которая сделала бы столько, как наша, для познания естественных произведений страны; этого мало: нет ни одной Академии, которую в этом отношении можно было бы даже сравнивать с нашей.

Многочисленные путешествия и ученые экспедиции, снаряжавшиеся Академиею в разные части империи или в снаряжении коих Академия принимала участие, не только в значительной степени обогатили наши познания о стране и ее жителей, но и имели сильное влияние на успехи многих отраслей наук. Первая замечательная экспедиция, в которой Академия принимала участие, была Камчатская, отправленная при императрице Анне Иоанновне, под управлением Беринга^[10]. В ней находились академики И. Г. Гмелин, которому мы обязаны первым обстоятельным описанием Сибири с точки зрения естествоиспытателя, Стеллер, описавший Камчатку и тогдашних, уже исчезнувших или исчезающих животных Берингова моря, и Крашенинников, составивший столь известное и поныне описание Камчатки^[11].

В царствование Екатерины II Академиею был предпринят целый ряд путешествий по России, доставивших не только важные приращения для всех отраслей знаний, но и материал для возникновения новых наук^[12]. Одни путешествия Палласа, по важности добытых им результатов, столь замечательны, что с ними наряду можно поставить из совершенных впоследствии лишь путешествия Гумбольдта в Америку^[13].

И в нынешнем столетии Академия пользовалась всеми представляемыми случаями для расширения наших познаний о естественных произведениях, жителях и производительных силах разных частей империи и для этого то присоединяла своих членов к экспедициям, которые по разным случаям были снаряжены правительством, то сама снаряжала экспедиции, когда ее денежные средства это позволяли. Так, акад. Ленц, Мертенс и Тарханов обогатили науку многими исследованиями и наблюдениями, произведенными ими во время их кругосветного плавания^[14]. Лангсдорф посетил с научной целью Южную Америку^[15]. Акад. Купфер, Ленц, Мейер, Рупрехт и г. Менетрие исследовали Кавказ и западный берег Каспийского моря^[16], к которому путешествовал ныне акад. Бэр преимущественно для исследования рыболовства^[17]. Путешествия того же академика к берегам Новой Земли повлекли за собою несколько экспедиций на север России^[18], из которых особого внимания заслуживает Сибирское путешествие Миддендорфа. Это путешествие столько же обогатило науку, сколько и принесло пользы России^[19]. Миддендорф, между прочим, впервые проложил путь к познанию края, обратившего на себя вскоре затем столь оживленное внимание; собранные сведения разъяснили остававшиеся дотоле неизвестными отношения между пограничными народами Амурского края — отношения, не вполне согласовавшиеся с письменными трактатами, на основании которых, до этого путешествия, смотрели в России совершенно иными глазами на положение и значение Приамурья. Известия, привезенные об этом предмете г. Миддендорфом, послужили поводом к тем мерам, которые привели к включению Амурского края в пределы государственной границы империи^[20]. Сверх того, первыми естественноисторическими сведениями об Амурском крае наука обязана акад. Шренку и Максимовичу^[21]. Наконец, геологические путешествия акад. Пандера, Гельмерсена и Абиха, а также исследования Гумбольдта, Мурчисона, Вернейля и графа Кейзерлинга, произведенные при содействии Академии,

совершенно преобразовали взгляд на геологию России и содействовали к раскрытию минеральных богатств нашего отечества^[22].

Ученые путешествия, совершаемые от Академии, вообще послужили к развитию у нас занятий естественными науками. Первые сочинения по части зоологии, ботаники и минералогии в России были составлены академиками, и лишь впоследствии, при том пособии, которое представляют сосредоточенные в музеях Академии коллекции предметов, привезенных из путешествий или приобретенных иным путем, явилась возможность и посторонним ученым с успехом заниматься в России естественноисторическими исследованиями.

Русская история явилась впервые наукою только в трудах членов Академии, которой принадлежит заслуга и первого обнаружения важнейших наших исторических памятников, и первой критической обработки источников нашей истории. Занятия Академии по этой части начались уже с первых лет ее существования; Байер в целом ряде рассуждений по древней русской истории, по истории восточных народов, подвластных России или соседственных с нею, дал верное объяснение многих запутанных вопросов о древнейших периодах нашей истории. Академик Миллер отыскал и собрал большое количество материалов для разных эпох этой истории и оказал особенную услугу истории Сибири. Извлеченные им из сибирских архивов выписки составили собою огромное число фолиантов, которые еще и до сих пор служат Археографической комиссии материалом для ее изданий. Имя Шлёцера будет всегда произносимо с признательностью в литературе отечественной истории. Он положил основание критике Нестора и своими трудами по этой части составил эпоху в науке. По его предложению Академия предприняла издание нескольких важных сборников памятников русской истории и права и старалась поощрить исследования в области византийской истории^[23].

Все эти труды приготовили дорогу последующим историкам; без них явление такого сочинения, как история Карамзина, было бы невозможно. В нынешнем столетии весьма важное влияние на развитие у нас исторической науки имел акад. Круг, как своими исследованиями, так и тем участием, которое он принимал в поощрении молодых талантов к историческим занятиям; несколько историков, впоследствии занявших видное место в ученом мире, многим обязаны Кругу^[24].

Канцлер граф Н. П. Румянцев в своих многочисленных предприятиях на пользу отечественного просвещения имел в Круге и ученого советника, и ревностного помощника. В 1826 году он подарил Академии капитал в 25 000 руб. асс. для издания русских летописей. Археологическое путешествие Строева и Берендикова за счет Академии по разным губерниям для отыскания исторических памятников в монастырских архивах и библиотеках было предпринято в 1828 году по плану, одобренному Академией, и имело важные последствия для изучения русских древностей. Одним из результатов этого путешествия было собрание драгоценных историко-юридических актов, значительная часть которых издана Археографической комиссией, учреждение которой было связано с необходимостью обработки материалов, собранных во время означенного путешествия^[25].

Из нынешних представителей русской истории в Академии акад. Устрялов собрал и привел в порядок многочисленные материалы для исторического изучения эпохи Петра Великого, а труды акад. Куника относились преимущественно к критической разработке древнейшего периода русской истории.

Как для разработки отечественной истории труды Академии проложили первые пути, точно так же ее же стараниями положено основание и для разработки отечественной статистики. Ученые путешествия академиков в прошлом столетии доставили весьма важные по тому времени статистические данные. Члены Академии Георги,

Крафт, Б. Герман, К. Герман и Шлёцер, разрабатывая эти данные, обогатили науку многими полезными сочинениями. Кроме того, последний из этих ученых оказал статистике России ту услугу, что много содействовал введению у нас правильного порядка собирания сведений о движении народонаселения. Он подал повод к изданию повеления 11 февраля 1764 года о составлении церковных ведомостей^[26].

Но особенно важны для статистики труды Шторха. Его сочинение — картина Петербурга 1793 года — имело большой успех и было переведено на многие европейские языки. Изданное им вскоре затем статистическое обозрение наместничеств Российской империи доставляет многочисленные данные о народонаселении по 4-й ревизии и о состоянии государства и торговли. Важнейшим же трудом его было историко-статистическое изображение России в конце XVIII века — обширное сочинение, удостоенное перевода на разные европейские языки и представляющее величественную картину успехов, сделанных Россией в политическом, умственном и промышленном отношении^[27].

Плодом трудов акад. Кёппена, посвятившего всю свою долгую и деятельную жизнь изучению древностей, истории, этнографии и статистики России, было огромное число сочинений, которые хорошо известны всем, занимающимся у нас статистикою. По его предложению и с его содействием произведено г. Швейцером, по поручению Академии, самое полное и подробное до сих пор исчисление по карте пространства наших губерний и уездов. По его мысли и под его руководством собраны Академией весьма важные статистические материалы, а именно, списки населенных мест Российской империи; положенное им начало ученой обработки этих материалов послужило для Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел поводом к предпрятию, которым он ныне занимается, — к изданию списка населенных местностей всей империи, при этом издании комитет, между прочим, пользуется и данными, собранными Академией по мысли Кёппена.

Географическое положение России относительно Азии, важность политических и торговых интересов наших на востоке, многочисленность мусульманских племен, обитающих в пределах империи, наконец, то пособие, которое для русской истории представляют восточные писатели, — все это придает изучению ориентального мира особое для нас, русских, значение. И в этой отрасли знания Академия приобрела право на признательность тем, что проложила у нас первые пути к изучению Востока и обогатила науку важными трудами по восточной истории и языкознанию.

Уже с самого своего основания Академия стала трудиться на этом поприще; но наука о Востоке получила в Академии надлежащее развитие лишь с назначением в ее президенты покойного графа Уварова, который постоянно заботился об усилении ее состава достойными представителями разных отраслей восточной лингвистики и литературы. Вступивший при нем в Академию знаменитый Френ прочным образом водворил у нас изучение мусульманского Востока. Он пролил новый свет на арабскую, персидскую и турецкую литературы, заботился об учреждении у нас восточных библиотек и нумизматических собраний; из мусульманской нумизматики он создал целую науку и с ее помощью восполнил много пробелов в истории не только Востока, но и России. По монгольскому периоду восточной истории важны труды акад. Шмидта, для изучения грузинской истории и литературы — труды акад. Броссе, которому удалось пролить новый свет на страну, входящую ныне в состав Российской империи, и которая дотоле была мало известна ученому миру. Академик Дорн разработал по восточным источникам историю и географию кавказских стран и земель, лежащих по южному берегу Каспийского моря. Труды акад. Вельяминова-Зернова, относящиеся к истории татар, имеют неоспоримое значение для русской истории^[28].

Все, что сделано у нас в области исследования языков обширной индогерманской ветви, и вообще для знакомства с языками обитающих в пределах империи финских, татарских и др. племен, исполнено почти исключительно одной Академией или учеными, принадлежавшими и принадлежащими к ее составу, или же такими, которые получили от нее вызов к этим трудам и были ею поддерживаемы.

С самого учреждения Академии началось в ней собирание материалов для познания языков и наречий, и эти труды академиков прошлого столетия проложили дороги к дальнейшему научному их исследованию. По поручению императрицы Екатерины II Паллас издал обширный сравнительный словарь. Только основываясь на этом труде, Клапрот мог издать свою *Asia polyglotta* — сочинение, которое много способствовало успеху позднейших лингвистических исследований^[29].

Но более широкие размеры в отношении языкознания получила деятельность Академии в новейшее время. Сознвая важность для лингвистических исследований санскритского языка, Академия обратила особое свое внимание на этот язык и сродные с ним индогерманские наречия. Из трудов по этой части следует прежде всего упомянуть о санскритском словаре, издаваемом акад. Бётлингком в сообществе профессора Рота, — труде, обратившем на себя внимание европейских филологов, а также о его грамматических исследованиях по языку древних индусов и о сборнике индийских изречений^[30]. По части персидского и афганского языка замечательны сочинения акад. Дорна, по курдскому языку — тексты г. Лерха, по осетинскому — исследования акад. Шёгрена и Шифнера.

Кроме азиатских отраслей индогерманского корня внимание Академии обратило на себя литовско-славянские языки, и она пригласила известного знатока их Шлейхера разъяснить некоторые вопросы о древнем состоянии этих языков, имеющие большую важность, между прочим, и для славянской филологии. Что касается до финских наречий, то почти ни одно из них не ускользнуло от внимания Академии. Академик Шёгрэн, впервые доказавший важность этих наречий для разъяснения истории России, и особенно ее Севера, первый же доставил сведения о строении финского языка и исследовал язык зырян и вымирающий ливский. Эти исследования продолжал акад. Видеман, который, кроме того, составил замечательные грамматические труды по вотяцкому, черемисскому, мордовскому и эстскому наречиям. Языки лапский, пермяцкий, наречия самоедские и другие финские наречия Сибири нашли себе ревностных исследователей в ученых, возбужденных к этим занятиям Академией. Кроме языков европейского и азиатского Севера, имеющих большее или меньшее сходство в своем образовании, в пределах Российской империи есть и такие языки, которых связь с другими еще не раскрыта удовлетворительным образом. И такие языки служили предметом ученых изысканий Академии; наречия остяков и коттов, юкагиров, языки племен, обитающих в русско-американских владениях, а также некоторые наречия Кавказа впервые сделались достоянием лингвистики в трудах Академии.

Исследования академиков по части классической археологии представляют немаловажный интерес для нашего отечества, так как предметом этих исследований по преимуществу служили произведения древнего искусства, надписи и монеты, найденные в русской земле или украшающие отечественные музеи. Некоторые обширные страны, входящие ныне в состав России, были некогда местом процветания деятельной греческой жизни, которая оставила по себе следы в многочисленных памятниках, объяснение которых есть, так сказать, и право, и обязанность России, тем более что они имеют тесную связь с первоначальной историей наших предков.

Поэтому Академиею сделано весьма много, хотя до сих пор она имела в среде своей только двух представителей греческой и римской археологии.

Академик Кёлер остроумным разъяснением известных дотоле надписей и монет положил первое и большей частью прочное основание для истории процветавших некогда на русской почве греческих колоний и возникшего из них Боспорского царства. Кроме того, он занимался объяснением многих памятников древнего искусства, украшающих императорские дворцы; в особенности же составили эпоху в науке его исследования о собрании разных камней Императорского Эрмитажа^[31].

Академик Стефани продолжил с равным усердием и еще с большим успехом трудиться в том же духе. Ученый свет по достоинству оценил великолепное описание древностей Боспора Киммерийского, изданное Императорским Эрмитажем. Текст этого издания, проливающий новый свет на историю южного края империи, составил академик Стефани^[32]. В последние годы деятельность его была сосредоточена на объяснении чрезвычайно важных произведений искусства и надписей, открытием коих в почве России ученый мир обязан Императорской Археологической комиссии^[33]. Отчеты этой комиссии, которых вышло по сие время пять выпусков (1859–1863) и в которых перу г. Стефани принадлежит та часть текста, где представляется ученое объяснение найденных древностей, составляют, по сознанию первых авторитетов науки, важнейшее приобретение классической археологии за последнее время.

Независимо от собственно ученых трудов Академия приносила значительную пользу русскому просвещению заботами по составлению тех обширных и первых в своем роде у нас учреждений, которые, под именем музеев, представляют обильнейшие материалы для познания России и, будучи радушно открыты для всех, занимающихся серьезно наукою, послужили источником для целого ряда разнообразных сочинений, имеющих своим предметом естественные произведения России, а также историю и литературу Востока.

Кроме того, Академия имеет значительное влияние на развитие ученой деятельности в России не только своими изданиями, но и тем, что академики занимаются рассмотрением сочинений, представляемых на суд Академии посторонними учеными. Многие из ученых сочинений в России появились на свет в более совершенном виде потому, что авторы, сообщив их еще в рукописи в Академию, воспользовались сделанными ею замечаниями. Не меньшее число сочинений обязано своим происхождением тому пособию, которое их авторы нашли в личных указаниях академиков.

Наконец, награды, раздаваемые Академиею за лучшие сочинения по разным отраслям науки, высоко ценимые общественным мнением, служили поощрением к полезным трудам, из которых многие без такой поддержки, быть может, не явились бы в свет. К этому должно прибавить, что действие таких наград заключается не в одной материальной поддержке, ими представляемой; истинное значение свое они заимствуют из того обстоятельства, что раздаются первенствующим в империи ученым учреждением, что в них выражается одобрение со стороны ученых, которые приобрели право голоса своими трудами и сами занимают место в науке.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1865. Д. 22. Л. 134–152 об. Подлинник. Типограф. печать.

^[1] В период подготовки и проведения Великих реформ 1860-х гг. русское общество, стряхнув с себя оцепенение тридцатилетнего николаевского царствования, переживало небывалый культурный подъем и потребовало от Академии наук отчета о своей деятельности и реорганизации. В ответ был подготовлен ряд проектов нового устава и штата, но всякий раз камнем преткновения на пути академической реформы становился вопрос об увеличении финансирования. Подготовленные в контексте «уставной» работы исторические

обзоры деятельности Академии наук — едва ли не самый существенный их итог. Записка является выжимкой из труда: *Веселовский К. С. Историческое обозрение трудов Императорской Академии наук на пользу России в прошлом и текущем столетиях // Торжественное собрание Императорской Академии наук 29-го декабря 1864 года. Речи, произнесенные в сем собрании. СПб., 1865. С. 27–64.*

[2] Работы по составлению точных карт России и связанные с ними астрономические и геодезические съемки велись с начала XVIII в., а указом Екатерины I от 30 декабря 1726 г. оказались переданы в ведение Академии наук, где специально для этих работ был создан Географический департамент. Главным событием стало составление в 1745 г. Атласа и Генеральной карты России.

[3] *Lapsus memoriae*. Имеется в виду книга сына академика Ф. И. Шуберта, генерала Ф. Ф. Шуберта: *Schubert T. F. Exposé des travaux astronomiques et géodésiques exécutés en Russie dans un but géographique jusqu'à l'année 1855. SPb., 1858.*

[4] В 1806 г. В. К. Вишневский отправился в экспедицию для определения географического положения некоторых местностей Крыма и только что присоединенных к России районов Польши. В 1807–1815 гг. во время географо-астрономических экспедиций по Европейской России В. К. Вишневский определил положение около 300 городов и географических точек, расположенных в 48 губерниях. В основу этих определений было положено около 20 000 измерений солнечных и звездных покрытий.

[5] Главная астрономическая обсерватория в Пулковке была основана указом Николая I в 1838 г., ее торжественное открытие состоялось 7 (19) августа 1839 г. В. Я. Струве возглавлял обсерваторию с 1839 по 1862 г.

[6] В. Я. Струве создал пулковскую школу фундаментальной астрометрии. Основное направление работ обсерватории состояло в определении координат звезд и в составлении каталогов их точных положений. Самый точный в мире Пулковский фундаментальный каталог звездных положений для эпохи 1845 г. обеспечил обсерватории мировую известность.

[7] Имеется в виду грандиозное предприятие по измерению дуги меридиана от Дуная до Ледовитого океана, которое позволило точно установить размер и форму нашей планеты, что стало важным шагом в развитии наук о Земле и топографического картирования. Названа по имени руководителя работ «дуга Струве».

[8] В другой своей работе К. С. Веселовский пишет об этом подробнее: «Известно, что в 1828 г. по предложению А. Гумбольдта был учрежден Германский союз для магнитных наблюдений с центром в Берлине. Когда в 1829 г. Гумбольдт посетил Петербург, он сделал нашей Академии наук предложение вступить в этот союз, которое подтолкнуло Академию наук к созданию особой магнитной обсерватории. Подобные обсерватории по предложению Академии были устроены в Казани, Николаеве, Ситхе, Пекине, Екатеринбурге, Барнауле и Нерчинске. Организация магнитных исследований была возложена на академика А. Я. Купфера. В 1830-е гг. К. Фр. Гаусс создал абсолютную систему электромагнитных единиц и сконструировал в 1833 г. первый в Германии электромагнитный телеграф, а в 1835 г. основал магнитную обсерваторию при Гёттингенской астрономической обсерватории. Новое направление, данное магнитным наблюдениям Гауссом, побудило Купфера в 1833 г. представить главному начальнику Корпуса горных инженеров гр. Канкрину давно составленный им проект учреждения нескольких обсерваторий для производства не только магнитных, но и метеорологических наблюдений. Этот проект был принят и учреждены постоянные магнитные и метеорологические обсерватории в Екатеринбурге, Барнауле, Нерчинске и некоторых других городах, а в Петербурге при Горном корпусе была учреждена главная обсерватория, которой было поручено снабжать все прочие обсерватории проверенными инструментами и обученным научным персоналом». См.: *Веселовский К. С. Предисловие // О климате России. СПб., 1857. С. IX.*

[9] Ср.: «Как заслугу Академии составляет проложение первых путей к ученому исследованию России в разных отношениях, точно так же и в отношении познания климата ей же принадлежит честь и первого начала в учреждении метеорологических наблюдений, и первой обработки их согласно требованиям науки. До учреждения Академии не было собираемо никаких данных, служащих для изучения нашего климата. Первые метеорологические

наблюдения были произведены в Академии; ими занимались Эйлер, Крафт, Тарханов, Вишневецкий. Драгоценные запасы наблюдений и заметок о климате находим также в путешествиях академиков по России. Путешествовавшие в прошлом столетии по Сибири — Мессершмидт, Гмелин, Фишер, Паллас ознакомили тамошних жителей с употреблением метеорологических инструментов. Академик Лаксман, живший во многих городах Сибири, наиболее содействовал к распространению здесь физических знаний: учредивши в Иркутске в 1784 году первый стеклянный завод, он под своим надзором приготавливал термометры, которые развозились по городам и селениям Иркутской губернии. Но все начинания, сделанные по этой части в прошлом и начале нынешнего столетия, не могут идти ни в какое сравнение с тем, что сделал для климатологии России академик Купфер. Его старания мы обязаны тем, что имеем теперь обширную и правильную систему метеорологических и магнитных обсерваторий, распределенных по всему пространству России и доставляющих драгоценные данные как для изучения свойств русского климата, так и для решения общих вопросов физики земного шара. Приготовленные в прежнее время Академиею запасы климатологических данных и несравненно большая масса их, доставленная науке Купфером, послужили для раскрытия того влияния, какое климат оказывает на растительный мир и животное царство в России. Польза, какую подобные исследования оказывают сельскому хозяйству и промышленности вообще, понятна сама собою». См.: *Веселовский К. С. Историческое обозрение трудов Императорской Академии наук... С. 42–43.*

^[10] В Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга (1725–1730), снаряженной Петром I с целью узнать, существует ли на северо-востоке морской проход между Азией и Америкой или же материки соединены между собой сушей, Академия наук не могла принять участие, так как приступила к своим научным работам только в конце 1725 г. Большая Северная экспедиция (Вторая Камчатская экспедиция) под началом Витуса Беринга (1732–1743) была организована для завершения работ первой экспедиции. В экспедиции приняли участие академические ученые. Вторая Камчатская экспедиция дала ряд ценных сведений по географии Сибири, ее растительному и животному миру, а также населявшим ее народам, были составлены первые карты.

^[11] Имеются в виду труды:

Gmelin J. G. Flora Sibirica sive historia plantarum Sibiriae. Т. 1–4. Petropoli, 1747–1769.

Steller G. W. 1) Ausführliche Beschreibung von sonderbaren Meerthieren, mit Erläuterungen und Nöthigen Kupfern versehen. Halle, 1753; 2) Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart Und Verschiedenen Gewohnheiten. Halle, 1753.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1–2. СПб., 1755.

^[12] «Физические» экспедиции, как их называли в XVIII в., охватывали широкий круг исследований, начиная от естественно-исторических и физико-географических наблюдений и кончая историей, лингвистикой и этнографией. «Физические» экспедиции 1768–1775 гг. являлись дополнением к астрономическим экспедициям, которые Петербургская академия наук снарядила для наблюдения редкого явления — прохождения Венеры по диску Солнца, которое ожидалось 23 мая 1769 г. Весной 1768 г. были сформированы две «физические» экспедиции: Оренбургская и Астраханская. Оренбургская включала три отряда, которые возглавляли П. С. Паллас, И. И. Лепёхин и И. П. Фальк. Астраханская — два отряда под руководством С. Г. Гмелина и И. А. Гильденштедта. По своим результатам «физические» экспедиции имели исключительное значение как первое комплексное обследование почти всей Российской империи.

^[13] П. С. Паллас, уроженец Берлина, в возрасте 25 лет, уже имея докторскую степень, профессорское звание и признание в Европе, был избран адъюнктом Петербургской академии наук (1766). В 1768–1774 гг. он участвовал в Оренбургской «физической» экспедиции и руководил ее основным отрядом, который побывал в центральных губерниях, районах Поволжья, Прикаспийской низменности, Урала, Западной Сибири, Алтая, Байкала и Забайкалья. За шесть лет был собран уникальный материал по зоологии, ботанике, палеонтологии, геологии, физической географии, экономике, истории, этнографии, культуре и быту народов России. Коллекции отсылались в Петербург; многие из них до сих пор хранятся в музеях Российской академии наук, а часть их попала в Берлинский университет.

Во время экспедиции Паллас дал подробное описание более 250 видов животных, он открыл и описал десятки новых видов млекопитающих, птиц, рыб, пресмыкающихся, насекомых. Результаты научного подвига Палласа и его помощников были обобщены им в многочисленных произведениях, опубликованных на латинском, немецком и русском языках в Петербурге и позднее переведенных на английский и на французский. Это в первую очередь "Reise durch verschiedene Provinzen des Rußischen Reichs in den Jahren 1768–1773", или «Путешествие по разным провинциям Российского государства», вышедшее вначале в трех томах на немецком (СПб., 1771–1776), затем на русском (1773–1778) и английском (1802) языках.

^[14] Академия наук оказывала содействие кругосветным путешествиям, снаряжавшимся другими ведомствами. В 1819–1822 гг. адъютант П. В. Тарханов участвовал в организованном Морским министерством кругосветном плавании под командованием М. Н. Васильева на военном шлюпе «Открытие» и правильно определил долготы Рио-де-Жанейро, Гонолулу и координаты многих других пунктов. В 1823–1826 гг. Э. Х. Ленц принимал участие в кругосветном плавании О. Е. Коцебу на бриге «Предприятие». В 1826–1829 гг. адъютант ботаники А. К. Мертенс был прикомандирован к экспедиции адмирала Ф. П. Литке, совершившего кругосветное путешествие на военном шлюпе «Сенявин».

^[15] В 1812 г. экстраординарный академик Г. И. Лангсдорф был назначен консулом в Бразилию и пробыл в этой должности до 1820 г. Вскоре после возвращения в Россию он получил личное назначение Александра I отправиться в Бразилию во главе снаряженной на средства Кабинета Его Величества научной экспедиции, из которой он вернулся в 1829 г. в Европу психически больным. Лангсдорф не смог обработать экспедиционные материалы, и они находились в забвении вплоть до 1914 г., когда их обнаружил сотрудник Музея антропологии и этнографии Г. Г. Манизер.

^[16] Во время русско-турецкой войны 1829–1830 гг. Академия наук снарядила под прикрытием продвигавшихся на Кавказе военных частей под начальством генерала Г. А. Эммануэля естественно-научную экспедицию для обследования окрестностей гор Эльбруса и Кинжала. Для проведения географических, минералогических, зоологических и ботанических исследований района Эльбруса были определены физик Э. Ленц, ботаник К. Мейер, зоолог Э. Менетрие, минералог А. Я. Купфер. В то время как ученые изучали природу края и совершили восхождение на Эльбрус, топографы занимались военной разведкой и составляли карту местности, главный архитектор на Кавказских минеральных водах Дж. Бернардацци выполнял зарисовки. В 1860–1862 гг. академик Ф. И. Рупрехт совершил ботаническую экспедицию в Дагестан.

^[17] Экспедиция академика К. М. Бэра 1853–1857 гг. для исследования условий рыболовства на Каспийском море имела огромные научные и практические результаты: Бэр дал образцовое физико-географическое описание района Нижней Волги и Каспия и на основании своих наблюдений сформулировал географический закон, получивший название «закона Бэра», объяснявший процесс образования характера берегов рек вращением Земли; важное практическое значение имело его указание на пищевую пригодность рыбы бешенки, которая получила широкое применение под именем «астраханской селедки».

^[18] В 1837 г. К. М. Бэр совершил путешествие на Новую Землю, чтобы исследовать условия и характер животной и растительной жизни в крайних северных широтах. Продолжением исследований новоземельской экспедиции явилась экспедиция 1840 г. К. М. Бэра и А. Ф. Миддендорфа в Лапландию. В полном согласии с начатыми экспедициями Бэра исследованиями крайних северных пределов европейской части России находилась экспедиция консерватора Ботанического музея Ф. И. Рупрехта и А. С. Савельева на полуостров Канин и побережье Ледовитого океана до устья реки Печоры в 1841 г.

^[19] Сибирская экспедиция А. Ф. Миддендорфа 1842–1845 гг. положила начало изучению Таймырского полуострова и Приамурского края, содействовала зарождению науки о вечной мерзлоте.

^[20] Сведения, собранные А. Ф. Миддендорфом об Амурском крае, содействовали решению так называемого «Амурского вопроса» — о границе между Россией и Китаем. Согласно Нерчинскому договору 1689 г. граница должна была проходить вдоль Станового хребта, но его положение не было точно известно и на картах граница обозначалась совершенно произвольным образом. Миддендорф впервые исследовал хребет и дал описание местности

вблизи российско-китайской границы. В результате сделанных открытий Миддендорфа произошло окончательное определение пограничной линии между Россией и Китаем на Дальнем Востоке. В 1858 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев заключил с Китаем Айгунский трактат, по которому Амур до самого устья стал границей России с Китаем. За заключение этого договора Муравьев получил титул графа Амурского. Однако само по себе обладание левым берегом Амура являлось недостаточным, пока флот не имел свободного выхода в море. Этот недостаток Айгунского трактата был восполнен в 1860 г. Пекинским договором.

^[21] В 1853–1857 гг. по заданию Академии наук Л. И. Шренк участвовал в кругосветном путешествии и провел в Охотском море и Амурском крае естественно-научные исследования; занимался этнографией народов Дальнего Востока.

К. И. Максимович совершил кругосветное путешествие (1853–1857), во время которого исследовал Амурский и Уссурийский края и по суше через Сибирь возвратился в Петербург, чтобы уже через два года вновь отправиться на Дальний Восток и Японию (1859–1864). Своими трудами он положил начало изучению флоры Дальнего Востока.

^[22] В 1821 г. Х. И. Пандер изучал обнажения кембрийской и силурийской систем Петербургской губернии. В 1825–1881 гг. по заданию и на средства министерств финансов и государственных имуществ Г. П. Гельмерсен совершил более 30 экспедиций, охвативших территорию от Олонечкой губернии до Черного моря и от Урала до Польши, для геологического изучения и определения площадей залегания каменноугольных месторождений. Г. В. Абих отправился в 1854 г. в Тульскую губернию для исследования причин земляного обвала. 1858–1865 гг. он провел на Кавказе, где изучал его геологическое строение. Переписка Абиха с Академией по поводу его возвращения в Петербург закончилась его отказом от звания академика.

^[23] О занятиях русской и византийской историей подробнее см. документы в разделе о В. Г. Васильевском.

^[24] Подробнее см. в разделе о Ф. И. Круге.

^[25] Ср. комментарий самого К. С. Веселовского: «В 1833 году Строев представил Академии 10 томов *in folio*, наполненных копиями с памятников историко-юридического содержания. Получив такой богатый запас нового материала для русской истории, Академия полагала, что настало время позаботиться об издании этого материала, тем более что экономические суммы ее, за выдачей 54 000 руб. ассигн. на Археографическую экспедицию, значительно истощились, и потому уже невозможно было думать о продолжении путешествия по остальным губерниям Средней, Западной и Южной России. Но в конце 1834 года Академия неожиданно для нее самой навсегда была уволена от забот по изданию этого материала: 24 декабря того года высочайше утверждена «Археографическая комиссия» для собрания и издания источников русской истории в обширнейшем размере. Вследствие этого распоряжения Академия передала все материалы, собранные членами Археографической экспедиции Строевым, Бередниковым и проч., в Археографическую комиссию, на учреждение которой обращены были и остальные 21 337 руб. ассигн. Румянцевского капитала, составлявшего в то время 40 000 руб. ассигн.». См.: *Веселовский К. С. Историческое обозрение трудов Императорской Академии наук...* С. 51.

^[26] Издание «Исповедальных ведомостей» церквей было частью секуляризационной реформы 1764 г.

^[27] Имеются в виду исследования:

Storch H. 1) *Gemälde von St. Petersburg.* Bd. 1–2. Riga, 1793–1794; 2) *Statistische Uebersicht der Statthalterschaften des russischen Reichs nach ihren merkwürdigsten Kulturverhältnissen in Tabellen.* Riga, 1795 (исследование выполнено с использованием результатов 4-й подушной переписи («ревизии») 1782 г.); 3) *Historisch-statistische Gemälde des Russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts.* Bd. 1–8. (Suppl. 1–2). Riga ; Leipzig, 1797–1803.

^[28] Ср. более пространный обзор трудов академиков-востоковедов: «В 1817 году вступил в Академию Френ, оказавший по этой части незабвенные услуги. С воодушевлением, подобным тому, какое овладело отличнейшими умами на Западе при возрождении эллинского классицизма, он принялся за водворение в России изучения мусульманского Востока в историческом, географическом и лингвистическом отношениях. Посвятив всю свою жизнь

этому предмету, обладая сам глубокими и обширными познаниями в арабской, персидской и турецкой словесностях, Френ пролил новый свет на всю эту отрасль литературы. Обогадив или даже учредив собственными усилиями восточные библиотеки, собрания восточных рукописей и монет не только при Академии, но и в разных других наших центрах научной деятельности, он облегчил и другим понимание Востока, его народов и их своеобразной словесности. Френ, можно сказать, создал совершенно новую науку — мусульманскую нумизматику и с ее помощью восполнил много пробелов в истории Востока. Важны также услуги, оказанные им отечественной истории и географии изданием известий, почерпнутых из восточных писателей и относящихся до России; таковы в особенности его сочинение о древнейших обитателях России на основании Ибнфослана и других арабских писателей и многочисленные данные, найденные им в арабских рукописях и касающиеся нашей древнейшей истории. Наконец, нельзя забыть и того, что, предаваясь сам с увлечением юноши подобным разысканиям, он поощрял и молодых ученых заниматься историческими и нумизматическими исследованиями по вопросам, решение которых могло пролить новый свет на не совсем еще разъясненные пункты отечественной истории.

Изучением монгольского периода истории Востока занимался академик Шмидт, еще до поступления в Академию приобретший себе известность изданием Сананг-Сеценовой истории восточных монголов и вообще основательным знанием монгольского и калмыцкого языков. Плодом его академической деятельности были не только первая монгольская грамматика и первый монгольский словарь, но и грамматика тибетская и словарь того же языка, отличающийся гораздо большей полнотой, чем подобный труд известного венгерского путешественника-лингвиста Чомы Кэрэшского, которому, впрочем, ученая Европа обязана первыми основательными сведениями о тибетском языке. Шмидту же принадлежит заслуга издания первого обширного тибетского текста. Кроме того, он сообщил на основании монгольских рукописей более удовлетворительные, чем прежде, сведения о догматах буддизма. Труды Шмидта по этому предмету были высоко ценимы знаменитым Бюрнуфом, который, как известно, положил основание ученому исследованию буддизма по индийским источникам.

Для изучения грузинской истории и литературы весьма важны труды М. И. Броссе, которому удалось пролить новый свет на страну дотоле малоизвестную в ученом мире. Вся деятельность его обращена на основательное исследование истории, географии, древностей и всего быта Грузии, равно как и на приведение в известность важнейших памятников армянской истории. — Труды покойного Френа по части мусульманской нумизматики и истории Востока по отношению к России нашли себе продолжателя в академике Дорне, который снижал себе право на признательность своими сочинениями о географии и истории Кавказских стран по восточным источникам, изданием разных мусульманских материалов для истории и географии земель, лежащих по южному берегу Каспийского моря, и многими статьями по пеллевицкой нумизматике. — Труды академика Вельяминова-Зернова преимущественно обращают на себя внимание по тому интересу, который они представляют для русской истории: таковы, например, исследования его о Касимовских царях и царевичах, об источниках для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями, изданные им татарские документы для истории Крымского ханства и пр.» См.: *Веселовский К. С.* Историческое обозрение трудов Императорской Академии наук... С. 53–54.

^[29] Речь идет о словаре, подготовленном по указанию Екатерины II П. С. Палласом: Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы (= *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa; augustissimae cura collecta*). Ч. 1–2. СПб., 1787–1789.

Klaproth J. H. Asia polyglotta. Paris 1823.

^[30] Подробнее см. в разделе о О. Н. Бётлингке.

^[31] После смерти Е. Е. Кёлера академик Л. Э. Стефани по поручению АН предпринял издание его сочинений:

Н. К. Е. Köhler's gesammelte Schriften / hrsg. von L. Stephani. Bd. 1–6. St. Petersburg, 1850–1853.

^[32] *Antiquités du Bosphore Cimmérien.* Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. Т. 1–2. СПб., 1854–1855.

^[33] Созданная в 1859 г. Императорская Археологическая комиссия — государственное учреждение по руководству археологическими изысканиями; ликвидирована в 1919 г.

**Записка К. С. Веселовского «О порядке составления
и печатания протоколов заседаний»**

Не позднее 13 января 1890 г.

С 1859 по 1879 г. существовал следующий порядок составления и подписания протоколов заседаний Физико-математического и Историко-филологического отделений и Общего собрания: тотчас после заседания составленный протокол заседания передавался в типографию для набора, так чтобы тем же набором можно было потом печатать и извлечения из протоколов в Записках Академии. По изготовлении набора корректура по числу членов, присутствовавших в заседании, рассылалась каждому из них на дом, с тем что академик, получивший корректуру, — если находил надобность в каких-либо в ней исправлениях или дополнениях, — отмечал это и возвращал корректуру непременно секретарю в трехдневный срок.

Непременный секретарь, получив от всех членов их замечания на протокол, исправлял его окончательно согласно тем указаниям, для внесения которых не представлялось никаких затруднений. В случае же требования таких изменений, по которым еще необходимы были словесные объяснения в самом заседании отделения, непременный секретарь, приостанавливая печатание протокола, вносил вопрос об этих изменениях на решение отделения. Когда же, как это большей частью случалось, замечания академиков на протокол были чисто корректурного характера, то согласно им протокол непременным секретарем исправлялся и печатался, а затем один экземпляр немедленно рассылался для подписания членам, которым в то же время посылалось по экземпляру окончательно отпечатанного протокола. Поэтому не представлялось надобности еще раз в чтении протокола в начале следующего затем заседания отделения.

Сколь ни значительны были удобства такого порядка, с одной стороны, для самих академиков, которые имели, таким образом, возможность у себя на дому внимательно рассмотреть на досуге проект каждого протокола, так и для ускорения появления извлечений из протоколов в Записках Академии, однако же такой порядок в 1879 году пришлось отменить по следующим соображениям. В протоколах, кроме сообщений и чтений самих академиков и посторонних ученых по разным наукам, помещаются: 1) донесения и отзывы о присылаемых Академии на ее суд или для соискания премий сочинениях, каковыя отзывы, в случае, если они не одобрительны для автора, не подлежат оглашению; 2) списки присылаемых конкурсных сочинений, и такие списки по правилам, принятым во всех академиях, не подлежат оглашению, и 3) суждения по предлагаемым Академии разными правительственными учреждениями вопросам, а равно и по таким делам, которые подлежат разрешению высшей власти, и, наконец, всякие дела внутреннего порядка. Параграфы протоколов, относящиеся ко всем этим делам, само собою разумеется, не подлежат гласности.

Так как при означенном порядке рассылки корректур и затем печатных экземпляров протоколов академикам являлись случаи, когда эти протоколы попадали в редакции газет и служили поводом к газетным на Академию нападкам, то в 1879 году Физико-математическое 15 мая и Историко-филологическое отделение 8 мая положили: «1) прекратить отныне рассылку гг. академиком корректурных оттисков протокола; 2) предлагать к подписанию присутствующих в заседании не печатный, а рукописный протокол одного и 3) затем печатать лишь извлечения из протоколов в Записках Академии».

Ныне, ввиду удобств прежнего порядка составления и печатания протоколов, многие академики считают желательным возобновление этого порядка. При этом можно было бы, конечно, дать в протоколах большее развитие ученым сообщениям для того, чтобы получить через то возможность более скорого сообщения публике

сведений о собственно ученой деятельности Академии. В этих видах представляется полезным принять в руководство при составлении протоколов следующие правила:

§ 1. Академик, представляя в заседании какую-либо ученую работу, свою или сторонних ученых, для помещения в изданиях Академии, представляет вместе с тем на русском языке краткое изложение содержания или главных выводов означенной работы, и это изложение дословно вносится в протокол. Точно так же, если академик делает изустное сообщение по какому-либо ученому вопросу и желает, чтобы о том было внесено в протокол, то для этого в том же заседании представляет письменно о содержании своего сообщения. О тех ученых работах и сообщениях, о которых академиками не будет представлено означенного краткого изложения, в протоколе будет помещено одно лишь заглавие работы.

§ 2. После того как протокол будет в корректурном наборе сообщен каждому из присутствовавших в заседании академиков, непреходящий секретарь ожидает в течение трех дней возвращения этих корректур. Академик, получивший корректуру, возвращает ее в этот срок с отметкою на ней желаемых исправлений, а если в этих последних не встретится надобности, то с надписью, что он с редакцией протокола согласен. Исправленный и одобренный таким образом протокол печатается по распоряжению непреходящего секретаря по числу членов Академии, которым и рассылается в чистых экземплярах, и в то же время протокол в своей существенной части, касающейся ученых сообщений, с опущением §§, не подлежащих оглашению, препровождается от непреходящего секретаря в редакцию Правительственного Вестника для напечатания в этой газете. В этом же виде извлечения из протоколов помещаются и в Записках Академии.

§ 3. Так как при таком порядке каждый из членов Академии имеет протокол в корректуре для просмотра в течение трех дней, то отпечатанный затем начисто протокол рассылается для подписания, в случае надобности, и ранее следующего заседания, так что не представляется надобности в чтении протокола в начале следующего заседания.

§ 4. Так как независимо от существенной части, т. е. ученой, протокол заключает в себе такие §§, которые не подлежат оглашению, то академики, имеющие в своих руках печатные протоколы в полном их виде, обязуются не делать из них какого-либо употребления, ведущего к их разглашению.

§ 5. Директоры музеев, кабинетов и лабораторий Академии, в отношении расходованных на эти учреждения сумм, входят отныне с представлениями непосредственно в Комитет Правления, не внося, как доселе было, счетов, по производимым ими расходам, в Конференцию.

Имея честь представить эти предположения на одобрение Общего собрания, я полагаю, что означенный порядок составления и опубликования протоколов удобно было бы ввести в действие с начала нынешнего года^[1].

Непреходящий секретарь академик К. Веселовский.

Помета: Приложение к протоколу заседания Общего собрания Императорской Академии наук 13 января 1890 г. § 5¹⁰.

*СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2-1890. Д. 1. Л. 15–17 об. Подлинник.
Рукопись, подпись-автограф К. С. Веселовского.*

^[1] На заседании ОС 13 января 1890 г. академики обсудили предложение непреходящего секретаря и баллотировкой шарами (17 голосами из 21 голоса принимавших участие в баллотировке) решили при составлении протоколов ФМО и ИФО следовать правилам, предложенным непреходящим секретарем. См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 189. Л. 10–10 об.

¹⁰ Напечатано в правом верхнем углу первого листа документа.

Президент Академии наук вел. кн. Константин Константинович сделал К. С. Веселовскому выговор за превышение своих полномочий: по уставу непременный секретарь не мог «от себя», без разрешения президента предлагать ОС подобные вопросы. Этот инцидент повлек отставку К. С. Веселовского с должности непременного секретаря.

**Прошение К. С. Веселовского президенту Академии наук
вел. кн. Константину Константиновичу об отставке
с должности непременного секретаря**

31 января 1890 г.

Выше Императорское Высочество.

Сознавая, что при нынешнем состоянии своего здоровья я уже не могу в звании непременного секретаря быть настолько полезен Академии, как бы того требовала важность сопряженных с этим званием обязанностей, я считаю долгом совести почтительнейше просить Ваше Императорское Высочество дать милостиво Ваше согласие на внесение мною в Конференцию Академии прилагаемое при сем представление мое о сложении с меня обязанностей непременного секретаря, с оставлением в звании академика.

С чувствами глубочайшей приверженности имею честь быть
Вашего Императорского Высочества покорнейшим слугою
К. Веселовский

СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 30. Автограф К. С. Веселовского.

**Из протокола чрезвычайного заседания Общего собрания 24 марта 1890 г.
об отставке К. С. Веселовского с должности непременного секретаря**

§ 48. Президент Императорской Академии наук вел. кн. Константин Константинович обратился к Веселовскому со следующими словами:

«Многоуважаемый Константин Степанович.

Вы почти полжизни несли многосложные обязанности непременного секретаря. Теперь, когда Вы пожелали быть уволенным от занимаемой Вами должности, я считаю для себя приятным долгом выразить Вам от лица Академии наук нашу общую благодарность за те многие годы, в которые Вы потратили столько труда и сил на преуспевание Академии. Оставляя Вашу должность, Вы выразили желание посвятить себя исключительно служению науке; поэтому мы, хотя и теряем в Вас непременного секретаря, не можем не радоваться тому, что Академия, в лице Вашем, вновь приобретает опытного и ревностного труженика. Мы все единодушно желаем Вам еще многих лет здоровья и сил для неутомимой работы; да продлится Ваша деятельность на пользу отечества и нашей Академии»^[1].

Академик Веселовский, приняв с почтительною признательностью милостивые слова Его Высочества, заметил, что если бы только зависело от собственного желания, то он счел бы для себя великим счастьем продолжать свои труды для общих интересов Академии — в особенности в настоящее время, когда для Академии открылась новая эра усиления ее деятельности для развития и упрочения серьезных ученых трудов в нашем отечестве. Но чем более он сознает важность обязанностей,

которые отныне будут лежать на неприменном секретаре, тем более он считает долгом совести уступить свое место более молодым и бодрым силам, не чувствуя в себе столько здоровья, сколько было бы необходимо для вполне успешного отправления обязанностей неприменного секретаря при предстоящем расширении деятельности Академии.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 189. Л. 19 об. — 20. Подлинник. Типограф. печать.

^[1] Вел. кн. Константин Константинович признавался: «Я вступил в управление Академией наук 7 месяцев назад и не ожидал, что кроме радостей и удовольствия меня будут ожидать неприятности и заботы. Меня предупреждали, что я часто буду встречать сопротивление со стороны неприменного секретаря Веселовского и сталкиваться с ним. До сих пор я не слышал от него ни малейшего противоречия и стал уже думать, что слухи о его тяжелом нраве и строптивом властолюбии сильно преувеличены» (Великий князь Константин Константинович: Дневник. Май 1889–1894. Т. 1 / ред. С. В. Мироненко ; сост. Е. В. Балущкина. М., 2024. С. 200. Запись 10.12.1889).

Несмотря на разногласия, президент Академии высоко ценил К. С. Веселовского. По его словам, с Веселовским «можно не соглашаться во мнениях, но дело с ним иметь приятно, даже когда видишь упорную борьбу, потому что человек он чрезвычайно умный и воспитанный, не то что Марков, который при всяком недоразумении становится грубее извозчика» (Там же. С. 203. Запись 16.12.1889).

Из воспоминаний академика И. И. Янжула о К. С. Веселовском

[1911 г.]

В 1901 году скончался один из замечательнейших людей России — Константин Степанович Веселовский. В его лице Россия лишилась одного из своих скромных, но даровитейших ученых, а наша Академия наук одного из трудолюбивейших и полезнейших сочленов. Лишь немногие наши ученые даже могут сравниться, по энциклопедичности своего образования и своих трудов, с покойным академиком. Статистика, народное хозяйство, математика, сельское хозяйство, агрономия, астрономия, метеорология, климатология составляли предмет занятий и серьезных трудов этого ученого, которого я имел счастье узнать лишь в позднейшие годы его жизни и которому обязан в значительной степени своим привлечением и выбором в нашу Академию^[1]. Познакомимся сначала с его научной деятельностью, а затем и с личными ко мне отношениями и встречами.

В области экономических наук, которыми К. С. Веселовский наиболее занимался, он оставил, помимо нескольких крупных сочинений, поразительное количество журнальных статей, небольших, но важных монографий и критических работ всякого рода. Знакомясь с его многолетней деятельностью и восстанавливая в памяти им сделанное, я не знал часто, чему больше удивляться, его неистощимому трудолюбию или замечательной разносторонности и энциклопедичности его образования. В области экономических наук он был, прежде всего, по своим вкусам и наклонностям, статистик с хорошей экономической подготовкой, а потому, вероятно, его перу и принадлежит целый ряд очерков и биографий: Эйлера, Никиты Попова и других математиков и членов академии XVIII и начала XIX века^[2].

Интересуясь математикой и будучи статистиком, К. С. Веселовский в то же время был серьезным финансистом и исследователем разнообразнейших экономических и финансовых вопросов, и русская наука обязана ему несколькими прекрасными

по этому вопросу монографиями. Едва ли еще не больше его трудам обязана наука сельского хозяйства: его перу принадлежит несколько огромных работ и обзоров сельскохозяйственной деятельности в России за сто лет, помимо множества разнообразных монографий по разным мелким вопросам сельского хозяйства.

Такова была разнообразная и научная продуктивность Константина Степановича до 50-х годов XIX века. С этого времени по причинам, которые мы будем излагать отдельно, специальность Веселовского изменилась. Его труды, вместо политической экономии, посвященные климатологии и метеорологии России, составили в свое время единственные капитальные по этим вопросам исследования.

Любопытно, что в научных вкусах и влияниях, которым подвергся почетный русский ученый в 40-х и 50-х годах, замечается удивительное совпадение в тех же самых факторах, под влиянием которых начал работать и я, как об этом было мною описано в первой главе моих «Воспоминаний» (см. «Русская Старина», октябрь, 1909 г.), а именно, творения великого бельгийского ученого Адольфа Кетле, воззрения которого произвели целый переворот в области общественной статистики и статистики народонаселения, за 25 лет еще до меня, остались не без сильного влияния также на направление первых трудов и научные вкусы Константина Степановича. В своих сочинениях, появившихся в 30-х и 40-х, в мире личной жизни человека, его действий и всей общественной системы, где, видимо, все совершается по вкусу и капризу индивидов, Кетле внес порядок и на место произвола выставил закономерность социальных явлений. В его «Среднем человеке» он создал тип человека, олицетворяющего социальное тело, которое сохраняется в силу постоянных или периодических действующих причин, отыскание которых и составляет главную задачу статистики, или социальной физики, как он ее назвал, действия которой считались совершенно произвольными или же объяснялись неизвестными еще или неисследованными законами природы^[3]. Его письма о теории вероятности представляют собою попытку применения этой теории и явились первым пособием к изучению новой статистики, им установленной.

Новые идеи Кетле в 40-х годах поразили молодое воображение почтенного академика, так же как сделали это в 60-х годах относительно меня, и Веселовский с жаром принялся за цифры и изучение с помощью их различных общественных явлений. К этому именно периоду относятся два его замечательных исследования под названием: первое «О влиянии времени года на здоровье и жизнь человека» и второе, еще более важное, «Опыты нравственной статистики России»^[4].

В первом труде он исследует, во всеоружии европейских знаний, тогда еще мало затронутый у нас вопрос по медицинской статистике, о заболеваемости и смертности в наших городах, преимущественно в Петербурге, Одессе, сравнительно с Европой, особенно с Берлином и Парижем, причем приходит ко многим самостоятельным и новым для того времени выводам, при своеобразности многих русских условий городской жизни и при сопоставлении их с известными по этому роду данными на Западе. Другой труд, «Опыты нравственной статистики», представляет собой самостоятельную проверку начал гипотезы нового статистического метода, созданного Кетле, в применении к важному, совершенно новому тогда вопросу о самоубийстве, начало целой серии исследований по нравственной статистике, к сожалению, не доведенных до конца по независящим от него обстоятельствам (вероятно, главным образом, цензурным).

Не останавливаясь на многочисленных, как мы упомянули, исследованиях Веселовского по сельскому хозяйству, мы перейдем прямо к важнейшему труду академика, составляющему перелом в его деятельности и положившему начало совершенно новой

его специальности — в области метеорологии и климатологии. Как известно, конец 40-х годов, к которому относится разгар статистической ученой деятельности К. С. Веселовского, принадлежит к эпохам нашей истории, весьма неблагоприятным для свободной научной деятельности в области исследований каких-либо общественных явлений, требовавших свободного и самостоятельного анализа этих явлений. В это именно время, второй половины 40-х годов, было окончено тогда молодым автором важнейшее экономическое исследование его времени «Статистика недвижимых имуществ в Петербурге», основанное на результатах произведенной в 1843 и 1844 годах оценки домов и недвижимых имуществ в Петербурге, для распределения сборов с этих имуществ на городские и имущественные надобности. Часть этих исследований гораздо позднее (на 10 лет) была прочитана автором в Географическом обществе, а небольшой кусок даже был напечатан в «Отечественных записках» того времени (1848 г.)^[5]; что же касается до этого замечательного исследования в целом, то судьба его, как любил некогда выражаться учебник русской истории Кайданова, «покрыта мраком неизвестности», как видно из единственного полного экземпляра этого труда и замечания, сделанного на его полях покойным Константином Степановичем. Нигде более цельного экземпляра не существует, а свой единственный экземпляр, подаренный мне высокочтимым академиком, я счел долгом передать в академическую Библиотеку.

По существу содержания «Статистика недвижимых имуществ» представляет собою не только полный критический разбор добытых указанными переписями данных о недвижимых имуществях Петербурга и интерес с финансовой точки зрения, но еще более представляет важность с общественной — для суждения о зажиточности населения того времени. Этот факт исчезновения невинной по содержанию книги, с большими неприятностями и последствиями для автора, рассказан академиком Веселовским в двух местах: во-первых, когда-то кратко на страницах «Русской Старины» и затем в подробном письме ко мне лично, на мой запрос об этом произведении почтенного академика^[6]. Несомненно, что «Статистика недвижимых имуществ» навлекла на голову молодого тогда автора крупную неприятность и угрожала прекратить его ученую деятельность в начале самым резким образом, и только случайным и счастливым для автора обстоятельствам нужно приписать благополучное для него окончание этой крупной экскурсии в область хозяйственной статистики города Петербурга.

В 1893 году я имел честь познакомиться с Константином Степановичем на обеде у другого нашего знаменитого ученого и общественного деятеля Н. Х. Бунге, где он отнесся ко мне крайне любезно и дружелюбно, заявляя желание иметь полное собрание моих научных работ, так как лишь некоторые ему были знакомы. Я обещал ему немедленно собрать их еще прежде, чем вернусь в Москву, в петербургских книжных лавках и у издателей, но внезапно простудился и заболел, почему поспешил домой в Москву, и уже оттуда выслал ему все обещанное, хотя все-таки с некоторыми дефектами. В ответ получил обширное, на целом большом листе благодарственное письмо, с приложением, в свою очередь, разнообразных трудов академика, и в том числе и **единственный экземпляр** этого произведения о «неподвижных имуществях Петербурга». Письмо это с объяснением по поводу исчезновения книги и сравнением нынешнего времени со «старым добрым временем» я и привожу:

«Взамен личной беседы вы мне дали щедрою рукою другое средство более близкого с вами знакомства: по вашему распоряжению, я получил от Карбасникова в два приема богатое, почти полное собрание ваших для меня в высшей степени интересных и поучительных сочинений — плод целой жизни, отданной науке. Если справедливо,

что всякий писатель вкладывает в свои творения лучшую часть своей души, то это особенно можно сказать именно о ваших сочинениях, которые все имеют один весьма заметный характер, — служить на пользу человечества и, будучи взяты в их совокупности, выражают весьма явственно альтруизм автора. Не знаю, как лучше выразить мою мысль. Некоторые из этих сочинений были мне известны только понаслышке, по газетным статьям, — но я теперь с жадностью принялся за их чтение, особенно обязали вы меня сообщением списка важнейших ученых трудов ваших; он мне именно теперь понадобился, и если бы не ваше любезное сообщение, то я должен был бы употребить не мало времени на составление такого списка по библиографическим указателям и по каталогу академической Библиотеки, которая не может похвалиться порядком.

Но, получив от вас так много ваших сочинений, я остаюсь у вас по уши в долгу. Я послал вам кое-что из последнего напечатанного мною, но потому только, что это еще нашлось у меня под руками, а прочих моих трудов, — одних у меня более нет экземпляров, другие не могли бы для вас иметь интереса, либо по предмету своему (по метеорологии и климатологии), либо как уже очень устаревшие. Вы счастливы, что при той специальности, какую для себя избрали, ваша ученая карьера протекает в эпоху благоприятную у нас для политических наук. Но не такова была моя судьба: избрав в пору неопытной юности эти именно науки, как такие, которые давали возможность трудами в их области быть полезным для соотечественников (“к учености для учености”, к бездушной эрудиции — я не чувствовал симпатии), я работал, сколько позволяли мне разве тогдашние внешние условия, но когда за статью, напечатанную мною в 1848 году, в “Отечественных записках” (часть 57, отд. II, стр. 28) о “Статистике недвижимых имуществ в С.-Петербурге”, я чуть было не подвергся административной ссылке в места не столько отдаленные обширного нашего Отечества (подобно Салтыкову, Костомарову, Надеждину, Данилевскому et tutti quanti¹¹)^[7], то каюсь, не ощутил в себе охоты разыграть роль мученика за идеи и разом повернул на такие исследования, в которых можно было говорить безопасно всю правду, а именно, на исследование климата России и его влияния на человека и его быт¹². Эти же самые причины заставили меня потом принять предложенное мне Академией звание неперменного секретаря, тяготы которого я нес почти 35 лет и которое, если и налагало на меня необходимость почти совсем отказаться от собственных ученых трудов, но зато вполне удовлетворяло моей душевной потребности — быть полезным вообще для науки в нашем Отечестве».

В действительности ученые труды Константина Степановича, несмотря на описанную катастрофу, не остановились, а только видоизменились, так как его перу принадлежит крупный труд по хозяйственной статистике: «Атлас Европейской России», выдержавший в сравнительно короткое время три издания^[8]. Сюда же относится его важная работа для изучения общего хозяйства России, именно, «Почвенная карта Европейской России», которая представляет собою критически обработанный свод лучших сведений, какие в то время возможно было собрать, и служила долго единственным источником для почвопознания России^[9]. <...> Наконец, Константин Степанович, не говоря об его заслугах по климатологии, где долго его сочинения были

¹¹И все прочие (ит.).

¹²Страшная кара постигла было за невинную книгу академика К. С. Веселовского по настоянию так называемого «Негласного (Бутурлинского) комитета», учрежденного в то мрачное время для сугубого надзора за печатным словом (*Примеч. документа*).

единственными в России по этому предмету, был незаурядный художник-живописец и художественный критик. Он оставил после себя не одну картину собственной кисти и несколько рецензий и статей по художественным вопросам^[1].

Подводя итоги всему, что я знал о личности и ученых заслугах почтенного академика Веселовского, нельзя не прийти к заключению, что его пытливому духу было как бы тесно в пределах какой-нибудь одной специальности, как показывают все указанные нами работы. Во всех разнообразных сферах науки и искусства и всех областях их, которых касался его труд, Константин Степанович Веселовский выступал с честью и поистине оставил доброе имя. Как бы памятуя и следуя словам Евангелия, он «таланта в землю не зарывал» и пользовался с выгодой для науки и окружающих всеми разнообразными сторонами своего духа и способностей, не забывая и другого золотого правила — любить людей. Константин Степанович отличался истинным доброжелательством ко всем окружающим и имеющим с ним дело людям. Благодаря его уму и наблюдательности, вместе с опытом его многолетней, долгой жизни, академик Веселовский поистине был «мудрым Улиссом», незаменимым и драгоценным советником во всех вопросах, не только касающихся Академии наук, но и просто в серьезных вопросах практической жизни. Он умел сказать всякому лицу, которое того заслуживало, доброе, ободряющее слово и сообщить умный, вполне идущий к обстоятельствам дела, совет и указание.

Вдобавок ко всему Константин Степанович вплоть до своей смерти сохранил полную ясность ума и даже воображения. Это высокое качество, наряду с многолетним опытом, придавало необыкновенную привлекательность и мягкость всем его суждениям. Так, я припоминаю один случай: однажды, исполняя его желание, я сообщил ему во время частной беседы об одном у нас социальном движении, преимущественно у молодежи, вызывавшем со многих сторон значительную долю осуждения и антипатии. Выслушав мою, может быть, несколько запальчивую речь об их увлечениях и сумасбродных фантазиях, Константин Степанович закончил, как добрый и умный председатель на суде, таким выводом: «А, ведь, несомненно, у них были все-таки добрые намерения, но зачем они так торопятся, так спешат?!» Это в высшей степени меткое и тонкое замечание покойного Константина Степановича мне всегда теперь приходит в голову, когда я слышу или читаю о верных и быстрых способах осчастливить человечество: «Да, да, зачем подобные реформаторы торопятся, зачем не хотят знать истории и, попирая время, пересказывают через столетия?!», — как это верно заметил почтенный академик Веселовский.

Опубл.: Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. Вып. 2. СПб., 1911. С. 70–77.

[1] Список трудов К. С. Веселовского см.: Библиографический список сочинений К. С. Веселовского. СПб., 1894; Веселовский, Константин Степанович // Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 164–169.

[2] К. С. Веселовский собрал обширный материал по истории Академии наук XVIII — начала XIX в., но не все опубликовал. См.: *Веселовский К. С.* Несколько материалов для истории Академии наук, в биографических очерках ее деятелей былого времени. 1. Никита Попов, профессор астрономии, и Мартин Плацман, адъюнкт по математике // Записки Имп. АН. 1893. Т. 73. Прил. № 2. С. 1–80.

[3] А. Кетле ввел понятие «homme moyen» («среднего человека») — не конкретной личности, но типичного члена конкретного сообщества.

[4] *Веселовский К. С.* 1) О влиянии времени года на здоровье и жизнь человека // Журн. М-ва гос. имуществ. 1847. Ч. 23. С. 230–251; 2) Опыты нравственной статистики России. I. Розыскания о самоубийствах // Журн. М-ва внутренних дел. 1847. Ч. 18. С. 179–242.

^[5] *Веселовский К. С.* Статистические исследования о недвижимых имуществах в Санкт-Петербурге // Отечественные записки. 1848. Ч. 57. Отд. 1. С. 1–28; Записки Имп. РГО. 1849. Ч. 3. С. 68–137.

^[6] См.: *Веселовский К. С.* Отголоски старой памяти // Русская старина. 1899. Т. 100. Октябрь. С. 5–23. Переизд.: *Веселовский К. С.* Отголоски старой памяти: воспоминания и записки неперменного секретаря Императорской Академии наук / сост. Е. Ю. Басаргина. СПб., 2018. С. 67–83.

^[7] В 1848 г. М. Е. Салтыков-Щедрин заплатил за повесть «Запутанное дело» восьмью годами ссылки в Вятке. Н. И. Костомаров как организатор и активный деятель тайного Кирилло-Мефодиевского общества в 1848 г., после годичного заключения, был отправлен в ссылку в Саратов, где до 1857 г. служил в статистическом кабинете. Н. И. Надеждин в 1836–1838 гг. за публикацию «Философических писем» П. Я. Чаадаева в журнале «Телескоп» находился ссылке в Усть-Сысольске (совр. Сыктывкар), а потом в Вологде. Н. Я. Данилевский в 1849 г. был арестован по делу Петрашевского и провел более четырех месяцев в Петропавловской крепости, переменял свои взгляды и был освобожден из заключения.

^[8] Хозяйственно-статистический атлас Европейской России, составленный при Департаменте сельского хозяйства. Собрание карт in folio с объяснительным к нему текстом. СПб., 1851; 2-е изд. 1852; 3-е изд. 1857; 4-е изд. 1869.

^[9] Почвенная карта входила в «Хозяйственно-статистический атлас Европейской России». В издании 1857 г. почвенная карта была совмещена с климатической.

^[10] За капитальный труд «О климате России» (СПб., 1857) К. С. Веселовский получил в 1858 г. высшую награду Имп. Русского географического общества — Константиновскую медаль.

См., напр.: *Веселовский К. С.* 1) Современные французские художники. Шарль Жак // Вестник изящных искусств. 1855. Т. 3, вып. 5. С. 414–421; 2) Речь академика К. С. Веселовского, читанная в заседании Общего собрания Императорской Академии наук 19 августа 1895 года [в память Дмитрия Александровича Ровинского]. СПб., 1895; 3) Ровинский и Рембрандт. Речь акад. К. С. Веселовского. СПб., 1896 (отг. из: Публичное собрание Императорской Академии наук в память ее почетного члена Дмитрия Александровича Ровинского 10 декабря 1895 г. СПб., 1896).

К. С. Веселовский сам был художником-портретистом. Возможно, что публикуемый портрет ученого является его автопортретом.

Генрих Иванович
ВИЛЬД

Heinrich Wild
(1833–1902)

Генрих Вильд был приглашен из Швейцарии специально для того, чтобы реорганизовать метеорологическую службу в России. К 35 годам он успел создать сеть метеорологических станций у себя на родине и превратить Бернскую обсерваторию в настоящий научно-исследовательский институт. В Академию наук Г. Вильда сначала рекомендовал дерптский профессор Л. Ф. Кемц, а потом — его научный руководитель в Кёнигсбергском университете профессор Ф. Э. Нейман, который хвалил образованность, талант изобретателя и недюжинные организаторские способности своего ученика.

10 мая 1868 г. Г. Вильд стал экстраординарным академиком и директором Главной физической обсерватории, а через два года его избрали ординарным академиком. Так начался русский этап в жизни швейцарского ученого, который он прошел уже как российский академик Генрих Иванович Вильд, создатель собственной школы в области метеорологии¹.

Г. И. Вильд возглавлял обсерваторию 27 лет, и за это время она превратилась в образцовый научно-исследовательский институт, основная задача которого заключалась в организации и правильной обработке метеонаблюдений. Необходимым условием успешного развития дела Г. И. Вильд считал централизацию метеорологической службы, и в 1871 г. он добился признания в законодательном порядке руководящей роли обсерватории в этой области. Очень скоро благодаря усилиям ученого и его сотрудников вся территория России оказалась покрыта густой сетью метеорологических станций, оснащенных приборами его собственной разработки, образцовая магнитно-метеорологическая обсерватория открылась в Павловске; наблюдения на этих станциях велись по единой методике. Для обработки климатических данных о России Г. И. Вильд начал издавать «Летописи Главной физической обсерватории» и журнал «Метеорологический сборник». Его авторитет среди европейских ученых был исключительно высок, благодаря чему поднялся международный престиж России в метеорологических кругах.

---

¹ Библиографию трудов Г. И. Вильда см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 175–182.

Из письма профессора Л. Ф. Кемца к неременному секретарю
К. С. Веселовскому
с рекомендацией Г. Вильда в академики по физике

Берн, 4 июля 1865 г.

<...> Ich weiß nicht welche Schritte die Academia gethan hat, um die Stelle von Lenz zu besetzen. Ist in dieser Hinsicht noch nichts definitives beschlossen, so erlaube ich mir den bereits obenerwähnten hiesigen Professor Heinrich Wild vorzuschlagen und ich bin fast überzeugt, daß die Academia an ihnen eine gute Acquisition machen würde. Was die äußeren Lebensverhältnisse betrifft, so ist er Schweizer, als Landsmann der Euler und Bernoulli, 32 Jahr alt und evangelischer Confession. Er sowie seine Frau [sind] Umgangs liebenswürdige Persönlichkeiten. Um sich gehörig auszubilden, ging er nach Vollendung seiner Studien in der Schweiz nach Königsberg um² in der dortigen mathematisch-physicalischen Schule, besonders unter der Leitung von Neumann, zu arbeiten. Auf den Vorschlag des letzteren beschäftigte er sich mit einem fast ganz übersehenen Theile der Physik, mit Photometrie. Und mehrere Aufsätze in Poggendorffs Annalen zeigen nicht bloß den genauen Beobachter, sondern auch den feinen Erfinder neuer Beobachtungsarten. An der hiesigen Universität lehrt er Physik und Astronomie, muß daneben auch an der Cantons Schule unterrichten und verliert einen Theil seiner Zeit daß er in Auftrage der Regierung Arbeiten vornehmen muß, die zwar für das Land recht nützlich sind, aber einem wissenschaftlich strebsamen Geiste nicht genügen. So sehet er sich nach einem Wirkungskreise, wo er mehr [von] der Wissenschaft leben kann und die nöthigen Hülfsmittel in größerer Fülle findet als hier. Da er Optik zu seinem speciellen Tun nun gemacht hat, so würde er den mathematischen Theil derselben, welcher in St. Petersburg durch L. Euler auf eine so glänzende Weise begründet wurde, weiter fördern, zumal da er dabei stets die Natur des Lichtes³ berücksichtigen würde, welche [vorher vom großen Maître] nicht immer beachtet wurde.

Es scheint mir dieses umso wünschenswerther, da Parrot und Lenz sich vorzugsweise mit Electricität beschäftigten. Sollte die Academia bei Neumann nachfragen, so wird er gewiss das Gesagte bestätigen. Hr. Prof. Wild will mir [noch ein] Verzeichnis seiner Arbeiten geben, welches ich beilegen werde. Ich bemerke nur noch, daß ich Herrn Professor Wild seit mehreren Jahren persönlich kenne, und daß er mir nach jedem Wiedersehen lieber geworden ist. <...>

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 40. Л. 19 об. — 20 об. Автограф Л. Ф. Кемца. Нем. яз.

Перевод

<...> Мне неизвестно, что сделано в Академии по отношению к замещению вакантного после Ленца места. Если еще ничего не решено, позволяю себе рекомендовать вышеупомянутого здешнего профессора Генриха Вильда; я глубоко убежден, что для Академии это будет хорошее приобретение. Что касается до внешней стороны, он швейцарец, соотечественник Эйлера и Бернулли, 32 лет от роду, евангелического вероисповедания. Он сам и жена его весьма обходительны. Окончив образование в Швейцарии, Г. Вильд для дальнейшего изучения наук отправился в Кёнигсберг, где под руководством Неймана работал в тамошней

---

² Далее зачеркнуто: *unter*

³ Далее зачеркнуто: *vor Augen*

Физико-математической школе. По совету последнего он занялся остававшеюся в полном пренебрежении отраслью физики — фотометрией; в нескольких статьях, помещенных им в «Анналах» Поггендорфа, он является не только тонким наблюдателем, но и изобретателем новых способов наблюдений. В здешнем (Бернском) университете он преподает физику и астрономию; сверх того, он должен преподавать в кантонской школе и теряет часть своего времени на возложенные на него правительством работы, весьма полезные для страны, но не удовлетворяющие высшим стремлениям мысли. Поэтому он ищет круга деятельности, где бы мог себя всецело посвятить науке и где бы он мог пользоваться лучшими вспомогательными средствами для своих научных исследований. Так как он избрал своею специальностью оптику, то он достойным образом продолжал бы развитие математической части этой отрасли, основы которой положены столь талантливо Л. Эйлером в Петербурге, но при этом он принял бы во внимание природу света, которую иногда упускал из виду великий ученый.

Мне кажется это тем более желательным, что Паррот и Ленц преимущественно занимались электричеством. Если Академия обратится к Нейману, последний, без сомнения, подтвердит все сказанное. Профессор Вильд хотел мне дать список своих трудов, который я приложу к этому письму^[1]. Прибавляю, что я лично знаю г-на профессора Вильда уже несколько лет и после каждого свидания все более и более ценю его.

Перевод М. А. Рыкачева

Опубл.: Рыкачев М. А. Исторический очерк Главной физической обсерватории за 50 лет ее деятельности. 1849–1899. Ч. I. СПб., 1899. С. 247–248.

^[1] Обещанный в письме список работ Г. Вильда в деле не сохранился; другой, более полный, перечень Г. Вильд прислал уже в 1868 г. накануне избрания в члены Академии наук вместе с автобиографией и подробным описанием своих занятий. См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 42. Л. 15–16 об. («Список сочинений г-на Вильда» / “Abhandlungen von H. Wild”).

Письмо профессора Ф. Э. Неймана к [непременному секретарю К. С. Веселовскому] с отзывом о Г. Вильде

Кёнигсберг, 22 февраля 1868 г.

Hochgeehrter Herr College!

Wie ungerufen Ihnen die folgenden Aeußerungen in einer für die Akademie wichtigen Angelegenheit auch erscheinen mögen, so hoffe ich doch daß Sie dieselben, mit Rücksicht auf das besondere Interesse, welches mich mit derselben verbindet, freundlich aufnehmen werden.

Die Akademie wird sich nach dem schweren Verlust ihres um die Meteorologie so verdienstlichen Mitglieds, des Professors Kämtz mit der Frage nach der Ausfüllung der entstandenen Lücke zu beschäftigen haben. Meine Absicht ist, hochgeehrter Herr College, Ihre Aufmerksamkeit auf den Professor Wild in Bern zu lenken, und dessen Candidatur Ihrer Erwägung zu empfehlen. Ich werde Ihnen gegenüber mir eine Aufzählung seiner wissenschaftlichen Arbeiten nicht gestalten, die in zahlreichen Abhandlungen vorliegen, worüber Sie selbst urtheilen — ich beschränke mich auf das, was ich aus persönlicher Kenntniß und persönlicher Beziehung zu seiner Empfehlung beibringen kann. Prof. Wild hat,

im Anfang des vorigen Decenniums, hier in Königsberg mehrere Jahre seine physikalischen Studien obgelegen, und seine erste, wichtige, photometrische Arbeit datirt war hier. Ich habe also Gelegenheit gehabt ihn und seine Fähigkeiten kennenzulernen. Er besitzt neben einer ausdauernden Arbeits-Kraft alle Hülfsmittel, welche den Erfolg seiner physikalischen Arbeiten sichern. Mit einer gründlichen mathematischen Durchbildung, die ihm gestattet nicht nur die Fortschritte der Analysis im Dienste der Physik zu verwenden, sondern nach dem Bedürfniß sich selbst neue theoretische Methode zu schaffen, verbindet er einen feinen Takt, und viel Scharfsinn in der Auffindung und Anordnung von experimentellen Methoden und viel Geschicklichkeit und Gewandtheit in ihren Ausführungen. Belege meines Urtheils über Wild werden Sie in allen seinen Arbeiten finden, in **seiner Organisation** des meteorologischen Instituts in Bern, in seiner Vergleichung der Berner Maaße mit den französischen usw.

Nach meiner Ansicht wird aber die volle Aeußerung der wissenschaftlichen Kraft von Wild erst dann zu Tage treten, wenn er aus der beschränkten Sphäre eines kleinen Staats, wo Aufträge und Anforderungen der Verwaltungs-Behörden einen großen Theil seiner Zeit in Anspruch nehmen, eingetreten sein wird in den weiten und freien Wirkungskreis eines Mitglieds der Akademie. Er wird, dessen halte ich mich gewiß, einen wesentlichen Antheil nehmen an der Lösung der großen Aufgaben der Petersburger Akademie. Die Liebenswürdigkeit seines Charakters, seine anspruchslose Bescheidenheit bringen übrigens für ein erfolgreiches Collegialisches Zusammenwirken.

Mit der größten Hochachtung Ihr ergebenster
F. Neumann.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 42. Л. 9–10 об. Автограф Ф. Э. Неймана. Нем. яз.

Перевод

Глубокоуважаемый коллега!

Может статься, что у меня нет права высказываться по важному для Академии делу, и все же я надеюсь, что Вы по-дружески воспримете мои замечания, учитывая тот особый интерес, что связывает меня с этим вопросом.

Тяжелая потеря своего столь заслуженного по части метеорологии члена — профессора Кемца — вынудила Академию решать, как заполнить образовавшуюся пустоту. Я желал бы, глубокоуважаемый коллега, обратить Ваше внимание на профессора Вильда из Берна, чью кандидатуру я и предлагаю Вам принять в рассуждение. Я не стану перечислять Вам его научные работы, которые представлены множеством статей, о чем Вы сами можете судить, а ограничусь тем, что способен сообщить, основываясь на личном знании и личном отношении к его рекомендации. Профессор Вильд в начале прошлого десятилетия здесь в Кёнигсберге больше года прилежно изучал физику, и его первая, важная работа по фотометрии относится именно к этому периоду. А посему у меня была возможность узнать и его самого, и его способности. Помимо большого трудолюбия, он обладает еще всеми дополнительными качествами, которые содействуют успеху его работ по физике. С основательной математической проработкой, которая позволяет ему не только применять достижения анализа в физике, но и по необходимости самому создавать новые теоретические методы, соединяет он тонкий такт и глубокую пронизательность в изыскании и расположении экспериментальных методов, а также большую сноровку и мастерство в их осуществлении. Подтверждение моего мнения о Вильде Вы отыщете во всех его работах, в том, как **он устроил** метеорологический институт в Берне, как соотнес бернские и французские единицы измерения, и т. д.

Но полностью оценить научные силы Вильда, на мой взгляд, удастся лишь тогда, когда из ограниченного пространства небольшого государства, где поручения и запросы административных властей отнимают большую часть его времени, он вступит в широкую и свободную сферу деятельности члена Академии. И я ничуть не сомневаюсь, что он примет самое деятельное участие в решении важных задач Петербургской академии. Кстати, его любезность, скромность и непритязательность способствуют успеху общей работы.

С глубочайшим уважением остаюсь преданный Вам
Ф. Нейман.

Перевод О. А. Кириковой

Записка Г. И. Вильда к Б. С. Якоби
по поводу комиссии для градусного измерения

4 марта 1870 г.

Hochgeehrter Herr College!

Das beiliegende Aktenstück bezieht sich auf die Resolution **der permanenten Commission der europäischen Gradmessung bei ihrer Versammlung in Florenz im vorigen Jahre**. Datum mir unbekannt (wahrsch[einlich] Sept[ember]).

Eine **andere Versammlung (astron[omischer] Gesellschaft)** fand **in Wien** zieml[ich] gleichzeitig **unter O. v. Struve's** Vorsitz statt.

In der bewussten Sitzung habe ich eben das obige Aktenstück gelesen.

Ihr ganz ergebenster
H. Wild.

СПбФ АРАН. Ф. 187. Оп. 1. Д. 265. Л. 18–18 об. Автограф Г. И. Вильда.
Нем. яз. Подчеркивания синим и красным карандашами.

Перевод

Глубокоуважаемый коллега!

Прилагаемый документ касается резолюции **Постоянной комиссии европейского градусного измерения**^[1], принятой во время ее заседания **во Флоренции в прошлом году**. Дата мне неизвестна (вероятно, в сентябре).

Другое собрание (Астрономического общества) состоялось **в Вене** почти в то же самое время под председательством **О. фон Струве**.

В том заседании я как раз прочел названный документ.

Преданный Вам
Г. Вильд.

Перевод О. А. Кириковой

^[1] В 1864 г. по инициативе немецкого геодезиста И. Я. Байера представители Италии, Швеции, Норвегии, Швейцарии и германских государств обсудили международный проект совместных триангуляционных работ. По результатам этой встречи, получившей название «Первой всеобщей конференции», было решено создать общеевропейский союз. С 1867 г. он стал называться «Европейские градусные измерения», в него вошли также Россия, Испания и Португалия.

«Инструкция для заведующего обсерваторией»,
составленная Г. И. Вильдом для сотрудников ГФО

1876 г.

Während der Abwesenheit des Directors leitet der Verweser die Arbeiten und Geschäfte im Observatorium mit Berücksichtigung der speciellen Reglemente.

Die Beobachtungen der Station **Petersburg** leitet unmittelbar Herr Trautvetter⁴, die Bearbeitung und den Druck der Annalen von 1875 Herr **Stelling**, die Arbeiten zur Berechnung der Mitteltemperaturen Russlands Herr **Abels**. Die Verification der meteorol[ogischen] Instrumente besorgt Herr Dohrandt⁵, die **Bibliothek** verwaltet Herr Abels⁶. Die Instrumenten-Sammlung ist der unmittelbaren Aufsicht des Herrn Dohrandt⁷ übertragen. Die Kanzlei-Geschäfte und die Oberaufsicht über das Haus [und die Diener]⁸ leitet Herr **Stelling** und wird ein Letzter von Herrn **Pern** unterstützt. Herr Mechaniker **Scheurer** hat von mir für die Zeit meiner Abwesenheit genügende Arbeit erhalten und soll daher ausser für unmittelbar nothwendige Reparaturen an Beobachtungsinstrumenten möglichst wenig anderweitig und dies jedenfalls nur auf Anordnung des Verwesers in Anspruch genommen werden.

Briefe und Packete⁹, welche direct an Director **Wild** adressirt sind, werden uneröffnet gesammelt und die Briefe von Zeit zu Zeit dem Director **recommandirt** übersendet.

Das Zimmer des Directors bleibt während seiner Abwesenheit geschlossen; ebenso für gewöhnlich der grosse Saal.

Auf die Vorstellung von Herrn **Stelling** und **Pern** hin sind die Diener zu entlassen und anzustellen.

Ausgaben

1. Gegen-Listen des hydrogr[aphie] Departements wie für den Monat **März**.
2. Gegen-Liste für André Pern und die Diener wie ein Monat **März** aus denselben Summen.

3. Gegen-Liste des landwirtschaftl[ichen] Departements für den Monat **März** noch von mir angeordnet; für den Monat **April** werden sämtliche Rechner noch der Vorstellung der betreffenden Chefs auf eine aus der **Drucksumme des Observatoriums** zu bezahlende Liste gesetzt.

4. Gegen-Liste aus dem meteorol[ogischen] Credit für Mai:

- a. Herr Schoerer Überstunde à 30 Kop.
- b. Herr Kolowski fix [30] Rbl.
- c. Kanzlei-Diener fix 30 Rbl.

Kleine Ausgaben werden aus der Avance-Summe von 275 Rbl. bestritten. Die von den Herrn **Stelling** und **A. Pern** gemachten¹⁰ Ausgaben aus dieser Summe prüft der Verweser und stellt die Abrechnung vor.

Ausser diesen Ausgaben sind während meiner Abwesenheit keine zu machen, es sei denn mit meiner besondern Bewilligung.

Einige bauliche Reparaturen in meiner Wohnung wird A. Pern leiten und beaufsichtigen.
H. Wild.

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-В. Д. 19. Л. 18–19. Автограф Г. И. Вильда. Нем. яз.

⁴Фамилия написана карандашом над строкой, в тексте зачеркнуто: *Mielberg*

⁵То же, в тексте зачеркнуто: *Trautvetter*

⁶То же, место вставки показано.

⁷То же карандашом над строкой, в тексте зачеркнуто: *Mielberg*

⁸Взятый в квадратные скобки фрагмент написан над строкой, место вставки показано.

⁹Далее зачеркнуто: *und Instrumente*

¹⁰Слово написано над строкой, в которой зачеркнуто: *vorgestellten*

Перевод

В отсутствие директора заведующий обсерваторией в работе и делах руководствуется особым регламентом^[1].

Наблюдения на станции **Петербурга** ведет непосредственно г-н Траутфеттер, подготовкой и изданием «Летописей»^[2] на 1875 г. занимается г-н Штеллинг, средние температуры по России высчитывает г-н Абельс. За проверку метеорологических инструментов отвечает г-н Дорандт, **библиотекой** заведует г-н Абельс. Непосредственный надзор над инструментами осуществляет г-н Дорандт. Канцелярией, домом и слугами ведаёт г-н Штеллинг, помогает ему г-н Перн. На время моего отсутствия у г-на механика Шёрера есть работа, поэтому надо как можно меньше отвлекать его на что-либо иное, кроме необходимого ремонта наблюдательных инструментов, и то лишь по распоряжению заведующего.

Письма и пакеты, адресованные лично директору Вильду, собираются нераспечатанными и время от времени ему **переправляются**.

В отсутствие директора его кабинет стоит закрытым; то же обычно касается большой залы.

Слуги увольняются и нанимаются на работу по представлению гг. **Штеллинга** и **Перна**.

Расходы

1. Проверочные списки (сверочные ведомости) Гидрографического департамента как для **марта**.

2. Проверочный список (сверочная ведомость) для Андре Перна и слуг как в марте из той же суммы.

3. Проверочный список (сверочная ведомость) Департамента сельского хозяйства на **март** мной составлен; на **апрель** все счетчики по представлению упомянутых директоров на одну из сумм, предусмотренных на издание трудов **Обсерватории**, занесены в платежную ведомость.

4. Проверочный список (сверочная ведомость) из метеорологической ссуды на май:

а. Г-н Шёрер, сверхурочная работа — час / 30 коп.

б. Г-н Коловский — фиксированно 30 руб.

с. Канцелярские служащие — фиксированно 30 руб.

Мелкие расходы оплачиваются из авансовой суммы в 275 руб. Потраченные из нее гг. **Штеллингом** и **Перном** средства заведующий проверяет и делает вычет.

Помимо этих расходов, в мое отсутствие никаких иных трат не производится, разве только с моего особого разрешения.

Ремонт в моей квартире осуществляется под присмотром А. Перна^[3].

Г. Вильд.

Перевод О. А. Кириковой

^[1] ГФО обладала по тем временам значительным штатом: 11 сотрудников, в том числе 6 человек научного персонала. См.: Устав Главной физической обсерватории (1871) // Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до Имп. Академии наук и подведомственных ей учреждений. СПб., 1907. С. 165.

^[2] «Летописи Главной физической обсерватории» — периодическое издание, начатое Г. И. Вильдом первоначально для публикации научных материалов его предшественников по обсерватории: А. Я. Купфера и Л. М. Кемца; с 1868 по 1873 г. он издал девять томов таких «Летописей». С 1874 г. журнал стал выходить в конце года и содержал данные за прошедший год. Печатался он в двух частях: первая отводилась под наблюдения всех обсерваторий за температурой, осадками, скоростью замерзания и оттаивания рек и пр., вторая

часть — под сведения, которые приходили от сети станций. В 1874 г. Международный метеорологический комитет признал форму подачи материала, разработанную Г. И. Вильдом для «Летописей», образцовой.

^[3] Обращает на себя внимание обилие иностранных имен сотрудников. Г. И. Вильда нередко упрекали в том, что он подбирал персонал обсерватории по национальному признаку. Действительно, он больше доверял немцам и полякам и приглашал на службу в обсерваторию питомцев Дерптского университета; ученых из русских университетов он привлекал к работе неохотно, только чтобы избежать обвинений в том, что он отдает предпочтение немцам.

Записка Г. И. Вильда и А. В. Гадолина о необходимости увеличить число академиков по физике

1891 г.

По ныне действующему штату в Академии состоят два члена по физике.

По характеру научных занятий можно физику разделить на три отдела: **физику опытную, физику математическую и метеорологию**, к которой следует причислить земной магнетизм. Уже давно физика опытная и математическая отличались друг от друга по роду познаний, потребных для развития их, настолько, что лишь редко одно и то же лицо могло проявить выдающуюся деятельность по тому и по другому отделу. Ныне же каждый из помянутых трех отделов разросся до такого объема и ставит столь высокие требования, что не только немислимо соединение в одном или двух лицах познаний, необходимых для возможности стоять на современном уровне науки по всем ее отделам, но невозможно даже следить за обширнейшей литературой, быстро разрастающейся с каждым годом.

Надобно также иметь в виду, что одному из членов Академии по физике поручено вне ученых его занятий еще заведование обширным управлением метеорологическими и магнитными наблюдениями по всей России и что на нем лежит значительный труд по сведению этих наблюдений воедино и по опубликованию их. При такой обстановке существенно необходимо усиление состава Академии по физике, и хотя назначение одной новой кафедры по этой науке нельзя считать достаточным, но ввиду ограниченного состава Академии по другим наукам мы в настоящее время не считаем возможным ходатайствовать о более значительном увеличении числа членов по физике.

По нашему мнению, зоология, имеющая четырех представителей, ботаника — двух, геология — двух, математика — трех, астрономия — двух и химия — двух, обставлены гораздо лучше, чем физика. Состав отдела физики из шести членов в Парижской академии наук нельзя считать преувеличенным, причем отделы, прикосновенные с физикой, как то математика, механика, астрономия, химия и минералогия, имеют также по шести членов, а это, в свою очередь, значительно облегчает занятия и по физике, ибо многие вопросы, соприкосновенные к той и другой науке, могут быть рассматриваемы при содействии членов различных отделов. Физика в особенности отличается тем, что она имеет более общего с соприкосновенными науками, нежели эти последние между собой, кроме, разумеется, той общей связи, какая существует между всеми науками математического характера.

А. Гадолин, Г. Вильд.

СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4 а. Д. 24. Л. 48–48 об. Подлинник. Типограф. печать. Указание фамилий академиков без их подписей.

Опубл.: Мнения о пересмотре устава. С. 89–90.

Доклад Г. И. Вильда «Лето 1892 года и зима 1892–1893 года в С.-Петербурге», прочитанный в заседании Физико-математического отделения¹¹

Весна 1893 г.

Погода минувшего лета — июня, июля и августа 1892 года и следовавшей затем зимы — декабря 1892 года, января и февраля 1893 года считается всеми в С.-Петербурге настолько ненормальной, что является потребность исследовать и определить эту аномалию посредством сравнения произведенных в означенные месяцы наблюдений с соответствующими наблюдениями за все предшествовавшие годы.

По наблюдениям, произведенным в Главной физической обсерватории, получаются для каждого из летних месяцев и для всего лета помещенные в следующей таблице месячные средние или суммы тех из метеорологических элементов, которые служат, главным образом, для характеристики погоды. Рядом с этими величинами помещены жирным шрифтом соответствующие средние или суммы, выведенные из многолетних наблюдений, т. е. так называемые нормальные средние или суммы этих элементов.

	Июнь		Июль		Август		Лето		Разность для лета
	1892	Норм.	1892	Норм.	1892	Норм.	1892	Норм.	
Температура	12,0°	14,8°	16,2°	17,7°	14,8°	16,1°	14,3°	16,2°	1,9°
Относительная влажность	74	65	73	71	80	76	76	71	5
Количество осадков	146	46	39	67	124	69	309	182	127
Число дней с осадками	20	11	18	12	20	13	58	36	22
Облачность	75	50	73	56	69	58	72	55	17
Число ясных дней	1	6	0	4	1	3	2	13	11
Число пасмурных дней	16	6	14	7	8	8	38	21	17

В этой таблице температура показана в градусах Цельсия и приведена к истинным суточным средним¹¹. Относительная влажность дана в процентах насыщения водяными парами; количество осадков выражено в миллиметрах, облачность — в процентах небесного свода, так что 50 показывает, что половина всего небесного свода покрыта облаками. Днями с осадками считались такие, в которые выпало не менее 0,1 мм дождя; ясными считались такие, в которые сумма облачности за все три срока (7 часов утра, 1 час и 9 часов вечера) не превышала 50, а пасмурными днями — такие, в которые та же сумма была не менее 250.

Нормальные величины для температуры выведены на основании наблюдений 138 лет; для числа дней с осадками — 140 лет; для количества осадков — 67 лет; для относительной влажности — 20 лет, для облачности — 21 года, и наконец, для числа ясных и пасмурных дней нормальные величины выведены на основании наблюдений 21 года.

¹¹Заседание ФМО 26 мая 1893 г.

Из приведенной выше таблицы видно, что средняя температура во все три летних месяца 1892 года была от 1° до 3° ниже нормальной; влажность во все три месяца была от 2 до 9% выше, число дней с осадками было от 6 до 9 дней больше, облачность от 7 до 25% больше, наконец, число ясных дней от 2 до 5 меньше, а число пасмурных дней от 0 до 10 больше, чем соответствующие нормальные величины. Только количество осадков представляет одно исключение: рядом со значительным перевесом осадков в июне и августе над нормальным мы видим в июле недочет. Если рассмотреть числа, данные для целого лета, то для всех вышеприведенных элементов получается значительное отклонение в ту сторону, которой обыкновенно характеризуют плохую погоду. Так, например, вместо средних 13 ясных дней мы в лето 1892 года имели всего 2, пасмурных же дней за этот самый период мы имели 38, т. е. 17 днями больше, чем бывает в среднем.

Средняя температура прошлого лета была почти на 2° ниже нормальной. Если рассмотреть наблюдения упомянутых 138 лет, то можно найти только 7 лет, в которые температура лета была столько же низка или даже ниже, чем в 1892 году. Это видно из следующей таблицы, в которой перечислены такие годы и даны их средние летние температуры.

1790:	14,1°	1832:	14,1°
1810:	13,7°	1836:	13,8°
1821:	13,4°	1862:	13,7°
1824:	13,6°	1892:	14,3°

Число дней с осадками было на 22 больше, чем нормальное: 36. И тут мы находим из числа 140 лет, на основании которых выведена эта нормальная величина, только пять лет, в которые число дней с осадками летом было равно найденному для лета 1892 года или даже ниже его, а именно:

1777:	57 дней	1869:	54 дня
1788:	56 дней	1881:	56 дней
1790:	59 дней	1892:	58 дней

Таким же образом, между 67 годами, которые послужили для определения нормального количества осадков, мы нашли только два года, в которые, как летом 1892 года, количество осадков было более 300 мм, т. е. на 118 мм больше нормального. Эти годы следующие: 1869 год с 375 мм летних осадков, 1879 год с 307 мм.

Что касается влажности, то она в последние 20 лет только 2 раза была летом так же велика или больше, чем в 1892 г., а именно: в 1871 году средняя влажность лета равнялась 77%, в 1879 году — 78.

Что касается, наконец, облачности, числа ясных дней и числа пасмурных дней, то в течение последних 20 лет мы не имели ни одного лета, в которое облачность была бы столь же велика, число ясных дней столь же мало, а число пасмурных дней столь же велико, как в лето 1892 года.

На основании предыдущего мы вправе сказать, что в С.-Петербурге и его окрестностях погода прошлого лета была не только вообще ненормальной, но просто чуть ли не самой плохой за весь тот более или менее продолжительный период времени,

за который мы имеем постоянные надежные наблюдения существеннейших элементов погоды.

В следующей таблице я сопоставил результаты наблюдений, произведенных в зиму 1892–93 года, с нормальными величинами элементов.

	Декабрь		Январь		Февраль		Зима		Разность
	1892	Норм.	1893	Норм.	1893	Норм.	1892/93	Норм.	
Температура	-10,4°	-6,6°	-15,3°	-9,4°	-17,1°	-8,6°	-14,3°	-8,2°	6,1°
Относит. влажность	88	89	87	88	90	86	88	88	0
Количество осадков	41	30	23	22	32	20	96	72	24
Число дней с осадками, исключит. со снегом	21	13	17	13	23	10	61	36	25
Облачность	88	81	70	81	77	71	78	78	0
Число ясных дней	1	2	4	2	6	3	11	7	4
Число пасмурных дней	22	20	14	20	16	14	52	54	2
Число дней с оттепелью	1	8	0	6	1	4	2	18	16

В эту таблицу, сверх приведенных выше элементов, вошло еще число дней, в которые максимум температуры был выше 0°, т. е. число дней, в которые была **оттепель**. Из таблицы видно, что только по отношению к температуре, к числу дней с оттепелью и к осадкам прошлую зиму должно считать ненормальной, тогда как другие элементы не показывают особенно выдающихся отклонений от нормальных величин.

Средняя температура всех трех месяцев была в прошлую зиму значительно ниже нормальной: на 4–9°C. В течение всех месяцев, сверх того, не наблюдалось значительных колебаний температуры: только 2 декабря и 28 февраля она поднялась выше 0°, так что оттепель была только в самом начале зимы и в последний день ее. Как количество осадков, так и число дней с осадками в каждом из трех месяцев было больше нормального. Однако количество осадков за всю зиму только на 24 мм больше нормального, и что во всю зиму не таяло, то будет понятно, почему выпавший в прошлую зиму снег, количество которого по превращении его в воду оказалось только немногим выше нормального, мог произвести на публику впечатление необыкновенно громадного количества снега. Средняя температура всей зимы — с 1 декабря 1892 года по 28 февраля 1893 года — равняется -14,3°. Она, следовательно, ниже нормальной температуры этого времени года, выведенной на основании 138-летних наблюдений. За все эти 138 лет мы нашли только три зимы, средняя температура которых была еще ниже, а именно:

Зима 1808–1809 г. с температурой -14,9°

— 1819–1820 г. — -15,0°?

— 1870–1871 г. — -14,5°

Средняя температура зимы 1819–1820 года ненадежна и отмечена поэтому во-просительным знаком, так как в 1820 году за время с 3 по 9 января наблюдений не имеется, вследствие чего средняя месячная температура за январь неточна. По этой же причине нельзя с полной уверенностью сказать, что во всю зиму не было ни одного дня, в который не таяло, хотя во все дни, за которые имеются наблюдения, действительно, не было оттепели. Если бы допустить, хотя это и не вероятно, что между 3 и 9 января 1820 года была оттепель, то только что кончившаяся зима была бы в течение последних 138 лет единственной зимой, в которой оттепель была бы только в самом начале и конце. Она была бы единственной зимой, в которой от 3 декабря до 27 февраля температура ни разу не поднялась выше 0°. В зиму 1808–1809 года было в феврале 7 дней с оттепелью, а в зиму 1870–71 года в середине января было 3 дня и в конце февраля 1 день с оттепелью.

Что количество осадков в прошлую зиму не было особенно велико, лучше всего видно из следующих данных:

Количество осадков зимой

1842–43	129 мм
1843–44	105 мм
1845–46	114 мм
1848–49	106 мм
1851–52	127 мм
1863–64	131 мм
1866–67	162 мм
1867–68	105 мм
1871–72	126 мм
1872–73	121 мм
1878–79	88 мм
1884–85	101 мм
1892–93	96 мм

В противоположность этому я не мог найти ни одной зимы, в которую число дней со снегом было бы так же велико, как в прошлую зиму.

Характерным для зимы 1892–93 года оказывается, таким образом, кроме весьма низкой температуры, еще постоянство этой низкой температуры, вследствие чего во всю зиму ни разу не таяло. Подобное явление замечалось за все последние 138 лет всего лишь один раз: в зиму 1819–1820 года, которая была еще холоднее. Благодаря этому отсутствию оттепелей выпавшее количество снега казалось более ненормальным, чем оно было на самом деле.

Опубл.: Записки Имп. АН. Т. 72 (с 8 таблицами и 1 картой). СПб., 1893. С. 92–98.

^[1] Истинная средняя суточная температура — средняя суточная температура, вычисленная по 24 средним значениям каждого часа суток (в отличие от средней суточной температуры, которая устанавливается по наблюдениям, сделанным 3–4 раза в течение суток).

Газетная статья
«Юбилей академика Г. И. Вильда»

12 мая 1893 г.

10 мая исполнилось 25 лет со дня назначения Г. И. Вильда директором Главной физической обсерватории Императорской Академии наук. По этому случаю «Новое время» сообщает о юбилеаре некоторые биографические сведения.

Академик Г. И. Вильд родился в Швейцарии, образование получил в Бернском и Кёнигсбергском университетах под руководством лучших метеорологов. Занимаясь в Швейцарии метеорологией, юбиляр приобрел европейскую известность своими научными трудами. 10 мая 1868 года он, по предложению Императорской Академии наук, поселился в России и занял должность директора Главной физической обсерватории. Под его наблюдением и, главным образом, благодаря его инициативе и энергичной деятельности произведено много ценных метеорологических исследований, особенно по земному магнетизму, устроилась в Павловске Константиновская магнитная и метеорологическая станция^[1] и несколько подобных же станций в других городах Европейской России.

Из его научных трудов особенного внимания заслуживают исследования под заглавиями: «Температура Российской империи» и «Осадки Российской империи»^[2]. Г. И. Вильд состоит почетным членом многих ученых учреждений.

В день юбилея в квартире юбиляра собрались поздравить полезного и неутомимого деятеля представители разных учреждений. Сослуживцы Г. И. во главе с его помощником М. А. Рыкачевым поднесли юбиляру альбом с фотографическими карточками. От Академии наук юбиляра приветствовал Н. Ф. Дубровин и поднес ему фотографии августейшего президента Академии науки и академиков. Затем следовали приветствия сенатора П. П. Семенова от Географического общества, академика Ф. А. Бредихина от Пулковской обсерватории, генерала Лялина от Константиновского межевого института и др. Ф. А. Бредихин вручил юбиляру диплом об избрании Г. И. в почетные члены Московского общества естествоиспытателей, пастор г-н Кротте — серебряный подарок от швейцарской колонии. Телеграмм и приветственных писем получена масса из Москвы, Киева, Одессы,ерна, Парижа, Лондона, Вюрцбурга, Геттингена, Бухареста и других городов. В числе многочисленных присутствовавших находился вице-президент Академии наук статс-секретарь Я. К. Грот.

Чествование юбиляра закончилось завтраком.

*Опубл.: Русская жизнь. 12 (24) мая 1893 г. № 125;
СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-В. Д. 19. Л. 1 (вырезка из газеты).*

^[1] Константиновская магнитная и метеорологическая станция в Павловске была торжественно заложена 21 мая 1876 г. Участок под ее строительство выделил вел. кн. Константин Николаевич, в честь него она и получила свое наименование. В 1878 г. обсерваторией стали вестись регулярные наблюдения.

^[2] О температуре воздуха в Российской империи, на основании критического рассмотрения наблюдений по предложению министра государственных имуществ П. А. Валуева разработал директор Главной физической обсерватории и член Императорской Академии наук Г. Вильд. СПб., 1878 (вып. 1), 1882 (вып. 2); Об осадках в Российской империи: с атласом / обработал Г. Вильд, чл. Имп. Акад. наук и дир. Гл. физ. обсерватории. СПб., 1888.

Газетная статья «Г. И. Вильд»

[1893 г.]¹²

Императорская Академия наук чествовала в мае нынешнего года одного из своих членов — Генриха Ивановича Вильда, директора Главной физической обсерватории при Академии и знаменитого европейского ученого по случаю исполнившегося двадцатипятилетия его научной и служебной деятельности.

За эти четверть века академик Вильд сделал очень много для науки и теоретической, и практической. Его научные работы, относящиеся к оптике, электричеству, метеорологии, земному магнетизму и метрологии, капитальные и многочисленные, известны всему ученому миру, так как переведены на все иностранные языки, а различные инструменты популярны всюду — и в Старом, и в Новом свете. При помощи оптики им устроен поляристрометр — оптический сахарометр — для определения сахара, содержащегося в жидкостях; поляризационный фотометр, прибор, послуживший изобретателю для наблюдений над прозрачностью воздуха и в последнее время преобразованный в спектральный фотометр, а также фотометр для технического дела. Затем он, дав оптический метод сравнения линейных мер, устроил несколько компараторов совершенно нового типа. Область электричества академик Вильд обогатил целым рядом ценных открытий, в том числе открытием термоэлектрических токов в жидкостях и по электролизу, а также определил единицу сопротивления — формула Ома.

В другой области — области магнитных исследований — он произвел настоящий переворот изобретенным им в недавнее время индукционным индикатором — прибором для верного определения магнитногоклонения. Благодаря названному инструменту ошибки в измерениях этогоклонения уменьшились в десять раз, с точности в 30 секунд до точности в 3 секунды. Не ограничившись целым рядом обширных исследований и наблюдений, касающихся температуры воздуха и почвы, влажности, осадков и облачности в пределах России, академик Вильд в области метеорологии и земного магнетизма много потрудился и над улучшением и переделкой заново многих метеорологических инструментов. Таковы, например, его приборы: нормальный барометр, так называемый контрольный барометр Вильда — Фуса, сифонный, весьма удобный для переноски и вполне заменяющий барометр нормальный, весовой эвапорометр и флюгер с доской, самопишущие инструменты и в особенности интересный барограф с компенсацией (т. е. уравнением действенной силы) температуры, атмограф — автоматический измеритель количества паров в воздухе, приборы для абсолютных определений элементов земного магнетизма и для вариационных наблюдений — так называемые вариометры.

Исследования академика Вильда печатались в записках швейцарских обществ естествоиспытателей, в «Летописях Главной физической обсерватории», отчетах по Главной физической обсерватории, «Записках Императорской Академии наук», «Известиях Императорского Русского географического общества», «Метеорологическом сборнике», возникшем по его почину и им же редактируемом, «С.-Петербургских ведомостях» и др. В упомянутых изданиях, а также и отдельно напечатаны, между прочим, следующие сочинения Г. И. Вильда: «О температуре воздуха в Российской империи на основании критического рассмотрения наблюдений», «Осадки Российской империи», «Новая магнитная и метеорологическая обсерватория в Павловске», «Инструкция для метеорологических станций», дополнения к инструкции, «О необыкновенной

¹² Датировано по содержанию. Место публикации установить не удалось.

зиме 1873–1874 гг.», «О метеорологических наблюдениях Чекановского в Восточной Сибири», “Zum Gedächtniss an M. H. von Jacobi”, «О жизни и ученых трудах академика Б. С. Якоби» и пр.

Начав свою полезную и полную энергии деятельность еще в Швейцарии расширением и преобразованием Бернской обсерватории в Метеорологический институт с самопишущими приборами, потом преобразованием швейцарских основных мер, академик Вильд продолжал усердно работать в том же направлении и в нашем Отечестве. Прежде всего он сделал коренные реформы в Главной физической обсерватории Императорской Академии наук, которая и по внешнему виду, и по внутренним богатствам, по распорядкам изменилась до полной неузнаваемости. Деятельность обсерватории стала несравненно обширнее и распространилась на всю Европейскую, а частью и на Азиатскую, Россию; обсерваторией выработана новая инструкция для метеорологических наблюдений, введена метрическая система и астрономические измеренные инструменты, усовершенствованы и исследованы нормальные и метеорологические инструменты, и организована проверка по ним инструментов, разбросанных по России.

Без малого десять лет существует организованная по почину Г. И. Вильда специальная сеть дождевых и грозových станций, число которых простирается до 1000 с лишком, и при обсерватории имеется особый отдел, занимающийся обработкой этих дождемерных наблюдений. Кроме того, учреждено еще отделение, представляющее большую важность, а именно отделение штормовых предупреждений и морской метеорологии. Эти предостережения посылаются в портовые города Балтийского и Черного морей. Главная физическая обсерватория делает предсказание погоды за день, и каждый желающий может получать их по телеграфу за установленную плату. Наконец, при обсерватории учреждена года три тому назад служба предсказания сильных ветров и метелей, рассылающихся по линиям железных дорог. Образцовый порядок и кипучая деятельность царят в этой обсерватории.

По почину академика Вильда возникло и другое подобное же образцовое учреждение — Константиновская магнитная и метеорологическая обсерватория в Павловске, располагающая богатейшими усовершенствованными инструментами. Эти инструменты, а равно и научные приемы, применяемые при исследованиях, привлекают в Константиновскую обсерваторию ежегодно иностранных ученых. По образцу обсерватории в Павловске много таких же учреждений устроено в разных городах Европы и Америки.

Этим еще не ограничиваются заслуги нашего почтенного ученого. Он много способствовал возникновению и поддержанию международных сношений по вопросам, касающимся метеорологии и земного магнетизма, и, будучи близок с лейпцигским профессором Брунсом и венским профессором Елинеком, он с этой целью поднял вопрос о созвании нескольких метеорологических конгрессов. По его же почину основан и постоянный Метеорологический комитет, в котором он состоит президентом, и предприняты международные исследования полярных стран. Будучи избран президентом Международной полярной комиссии, Г. И. Вильд издавал “Mittheilungen der Polar-Commission”^[1].

В настоящее время Генриху Ивановичу Вильду шестьдесят лет. Швейцарец по происхождению, он родился 17 декабря 1833 года в Цюрихском кантоне и высшее образование получил в Цюрихском университете, в котором окончил курс в 1854 году. Затем он занимался физикой в университете Кёнигсбергском под руководством Ф. Неймана и, получив степень доктора, некоторое время работал в Гейдельберге у знаменитых профессоров — химика Роберта Бунзена и физика Густава Кирхгофа. С 1858 года Г. И. Вильд приглашен был в Цюрих читать лекции в университете

и политехникуме, а отсюда переселился в Берн, где занял кафедру физики и место директора Астрономической обсерватории, которую он вскоре преобразовал в метеорологическую и в центральное метеорологическое учреждение Бернского кантона. Здесь же позднее он состоял директором возникшего по его почину Нормального бюро мер Швейцарского союза. Затем Г. И. Вильд приглашен был приехать в Россию, избран был здесь в члены Императорской Академии наук и 10 мая 1868 года назначен директором Главной физической обсерватории в С.-Петербурге. С этого времени и начинается его усиленная и в высшей степени плодотворная деятельность в пользу нашего Отечества.

В 1870 году академик Вильд был избран в члены “Commission International du mètre”, а в 1875 году в члены Международной электрической комиссии. На конгрессе метеорологов в Риме в 1879 году академик Вильд был избран президентом Международного метеорологического комитета, а в следующем году — председателем Международной полярной комиссии, целью которой была посылка экспедиций в полярные страны в 1882–1883 гг. и организация исследований этих стран вообще^[2]. Г. И. Вильд состоит членом-корреспондентом Венской и Берлинской академий наук и почетным и действительным членом Лондонского королевского метеорологического общества, Географического общества в Берлине, Общества естествоиспытателей в Екатеринбурге, Финского ученого общества в Гельсингфорсе, Императорского русского географического общества, Физико-математического общества при Казанском университете и других ученых обществ и учреждений в России и за границей^[3].

П. Б.

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-В. Д. 19. Л. 11. Подлинник. Типограф. печать.

^[1] Созданный в 1879 г. Международный метеорологический комитет заботился о единообразии наблюдений и их издании и о развитии вообще метеорологического дела на всем земном шаре.

^[2] В 1880 г. Г. И. Вильд стал председателем Международной полярной комиссии и сыграл важную роль в выполнении программы первого Международного полярного года (1882–1883), объявленного с целью изучения геофизических процессов в полярных странах Северного и Южного полушарий.

^[3] Полный «Список ученых учреждений и обществ, в которых Г. И. Вильд состоял членом», см.: СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-В. Д. 19. Л. 12–12 об. (II-е приложение к протоколу заседания Общего собрания Академии 7 сентября 1902 г.).

Александр Христофорович
ВОСТОКОВ

Александр Вольдемар Остенек
(1781–1864)

Александр Христофорович Востоков стал действительным членом Академии наук в 1841 г., когда образовалось Отделение русского языка и словесности, но благодаря своим филологическим работам идейно был связан с Академией давно: «целую жизнь» — так описали его научную карьеру коллеги¹. Серьезным исследованиям предшествовали поэтические опыты, в которых, по мнению А. С. Пушкина, он «определил настоящий русский стих с большой ученостью и сметливостью»².

В 1827 и 1830 гг. по поручению Министерства просвещения А. Х. Востоков составил два учебника по русской грамматике: полный курс — для гимназий, краткий — для низших учебных заведений. Учебник для гимназий был признан лучшим и выдержал двенадцать изданий, последнее вышло в 1874 г.

Но главным делом жизни А. Х. Востокова стала работа с древнерусскими текстами. Анализируя их лексические особенности, он установил различия церковнославянского и древнерусского языков и предложил периодизацию истории русского языка. Сравнительно-исторический метод, впервые им примененный в работе 1820 г. — «Рассуждение о славянском языке», и сделанные в результате фонетические и грамматические открытия были подхвачены исследователями будущих поколений.

Все свои теоретические поиски, практический опыт и поэтический дар А. Х. Востоков применил при публикации в 1843 г. памятника общецивровой культуры — «Остромирова Евангелия». Древний текст был передан им с факсимильной точностью, снабжен подробными примечаниями и словариком, благодаря чему это издание не потеряло своего научного значения до сих пор и по-прежнему может считаться «замечательным явлением» русской литературы, «приносящим честь Отечеству и Академии»³.

¹ Повременной указатель научных напечатанных трудов Востокова // И. И. Срезневский. Обзорение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных. СПб., 1865. С. 37–41.

² Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений : в 10 т. Л., 1977–1979. Т. 7 : Критика и публицистика / примеч. Б. В. Томашевского. 1978. С. 205.

³ Тринадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 17 апреля 1844 года. СПб., 1844. С. 13.

**Письмо А. Х. Востокова к Ф. Н. Глинке с благодарностью за избрание
в почетные члены Вольного общества любителей российской словесности**

30 августа 1820 г.

Милостивый государь Федор Николаевич!

Я имел честь получить письмо Ваше от 25-го сего месяца, коим Вы извещаете меня о лестном отличии, какого удостоило меня Вольное общество любителей российской словесности^[1], избранием в свои почетные члены. Сознаваясь в скудости и неважности трудов моих, по коим отнюдь не дерзаю считать себя достойным сего звания, я приемлю избрание меня в оное, как бы вызовом со стороны Общества к усугублению деятельности моей и к показанию успешнейших плодов оной. Я постараюсь отвечать сему вызову, сколько силы мои позволяют.

Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, представить о сих чувствованиях моих Обществу любителей российской словесности, к коему принадлежать я за величайшую себе честь вменяю. Вместе с сим примите уверение в истинном моем к Вам почтении и совершенной преданности, с каковой честь имею быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугой

Александр Востоков.

СПбФ АРАН. Ф. 108. Оп. 1. Д. 185. Л. 26. Автограф А. Х. Востокова.

^[1] Вольное общество любителей российской словесности (Общество соревнователей просвещения и благотворения) было создано в 1816 г. В 1819 г. в его состав вошли некоторые члены «Союза благоденствия», чтобы таким образом содействовать развитию «истинного просвещения», в том числе поэт Ф. Н. Глинка, ставший одним из руководителей общества. Новые члены придали его деятельности патриотический характер, стали приветствоваться произведения, пронизанные гражданскими чувствами. Особое значение придавалось изучению отечественной истории и словесности. См.: Фомичев С. Грибоедов: Энциклопедия. СПб., 2007. С. 89.

А. Х. Востоков

«Мне снилось, на злачных лугах я хожу...»

Не позднее 3 мая 1822 г.⁴

Мне снилось, на злачных лугах я хожу,
Фиалки и розы собирая, вяжу
В пучочек кому-то — не знаю.
И ясное небо алело — и в нем
Каким-то приветным и кротким⁵ огнем
Сверкала звезда золотая⁶.
И в сердце вливалась ко мне.
В ней милое что-то явилось мне
Неведомо как-то — то было во сне.
А что? Я не знаю — то было во сне.

⁴ Датировано по дате письма, на обороте которого написано стихотворение.

⁵ Написано над строкой, в которой зачеркнуто: *Приветным для взора и сердца*

⁶ Ниже зачеркнуто: *И в огне ей*

Довольство небесно объяло⁷ мой дух,
В нем мир водворен безмятежный.
И чьи-то меня обнимающи⁸ вдруг
Объятия чувствую нежны.
И кто-то прижал свое сердце ко мне.
Ах, сколько отрады мне было во сне.
Проснувшись — цветущий тот луч наяву
И ясного неба я зрю синеву,
И та же звезда мне сияет,
Блюдет надо мной⁹, озаряет мой путь.
Я чувствую близь себя матери грудь,
Она-то¹⁰ свои простирает
Объятия нежны с любовью ко мне.
Ах! Счастлива я наяву, не во сне.
О, милая матушка! В день сей прими
Дочерней любви приношенье.
О, если б могла я во все мои дни
Тебе приносить утешенье¹¹!
Быть доброй и кроткой, доколе живу¹²,
Желаю сего не во сне, наяву¹³.

На обороте: Его высокопревосходительству Александру Христофоровичу **Востокову**. Прошу допустить знакомого Вам человека осмотреть находящиеся у Вас в комнате Депо манускриптов валки бумажные и чугунные для печатного стана. Ваш А. Оленин. 3 мая 1822.

*СПбФ АРАН. Ф. 108. Оп. 1. Д. 126. Л. 1–1 об. Подлинник. Автографы
А. Х. Востокова и А. Н. Оленина. Авторская правка.*

Из письма А. Х. Востокова к П. И. Кёппену о происхождении своей фамилии и о школьных годах

*Не ранее 1827 г.*¹⁴

<...> До 7 лет возраста моего я **не имел фамилии** (будучи незаконнорожденным)¹⁵. Перед отправлением меня из Ревеля, где я воспитывался¹⁶, в Петербург придумали мне фамилию: “Er soll Osteneck heißen¹⁷”, — так написано было в письме, которое

⁷Написано над строкой, в которой зачеркнуто: *Казалось мне, будто спокоен*

⁸Слова «меня обнимающи» написаны над строкой, в которой зачеркнуто: *ко мне простираемы*

⁹Слова «надо мной» написаны над строкой, в которой зачеркнуты: *о мне*

¹⁰Сверху зачеркнуто: *И нежны*

¹¹Ниже зачеркнуто: *В том [бог] небо успехов дарует [мне]*

¹²Ниже зачеркнуто: *О том помышлять наяву и во сне*

¹³Ниже зачеркнуто: *К тому да стремлюся, доколь я живу*

¹⁴Датировано по содержанию.

¹⁵Фраза в круглых скобках в рукописи густо зачеркнута и восстановлена В. И. Срезневским в публикации.

¹⁶У В. И. Срезневского: *жил*.

¹⁷Пусть он зовется «Остенек» (нем.).

получила воспитательница моя от отца моего из Арнсбурга. Не знаю, почему-то эта фамилия мне с самого начала не понравилась, и я никогда не мог к ней привыкнуть. Сие было главной причиной, побудившей меня издать в свет первые сочинения мои под русским именем Востокова, которое мне более нравилось. Я продолжал, однако же, еще долго после того и в гражданской службе, и в житейских отношениях прозывать Остенеком, не осмеливаясь сам собою переменить фамилию.

Но вышеписанная мною для сочинений моих русская фамилия мало-помалу совсем вытеснила из употребления немецкую, так что меня даже и по гражданской службе, в Комиссии составления законов, стали писать Востоковым. Тогда уже и я сам не усомнился обменять немецкую вымышленную же фамилию, к коей меня ничто не привязывало, на русскую, под коей я стал известен¹⁸.

Из сих открываемых мной Вам подробностей сообщите Вы г-ну Реке только то, что рассудите за благо. Я бы, конечно, желал, сколько можно менее, слышать о себе толков в публике, коей мало нужды до происхождения моего и до причин, побудивших меня переменить фамилию^[1].

Учился я с 8-ми до 14-ти лет в Сухопутном кадетском корпусе, а с 1794 года переведен оттуда в Академию художеств. В обоих сих заведениях предметы преподавали, как известно, весьма ограничены и не по той части, к какой влекла меня склонность. Я должен был самоучкой достигать некоторого ученого образования, необходимо нужного для моих упражнений¹⁹.

СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 484. Л. 1–2 об. Автографы А. Х. Востокова и П. И. Кёппена.
Опубл.: Срезневский В. И. Заметки А. Х. Востокова о его жизни (с двумя портретами). СПб., 1901. С. 39–40.

^[1] В 1827–1832 гг. вышли четыре тома «Словаря писателей и ученых Лифляндской, Эстляндской и Курляндской провинций» под редакцией И. Ф. Реке и К. Э. Напиерского. Составители выполнили просьбу А. Х. Востокова и в статье о нем привели сведения, которые тот сам сообщил П. И. Кёппену, а также сослались на справочник последнего: «Библиографические листы» (Bibliographische Blätter. 1825. № 4). См.: Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Bearbeitet von Johann Friedrich Recke und Karl Eduard Napiersky. Bd. IV (S — Z). Mitau, 1832. S. 571–573.

**Письмо директора Императорской Публичной библиотеки
А. Н. Оленина к А. Х. Востокову с уведомлением о повышении
в должности до хранителя Рукописного отдела**

28 августа 1828 г.

Г-ну надворному советнику и кавалеру Востокову.

Во уважение отлично усердной службы Вашей в звании помощника хранителя манускриптов Императорской Публичной библиотеки с 1815 года и особенных трудов по заведывании Вами некоторых отделений печатных книг, я определил Вас на основании 6-й статьи Высочайше утвержденного начертания подробных правил для управления библиотекой на имеющуюся в оной вакансию хранителя манускриптов с положенным

¹⁸Здесь заканчивается публикация этой записки в сборнике В. И. Срезневского.

¹⁹Далее на обороте рукой П. И. Кёппена написано: А. Х. Востоков определен в Комиссию составления законов 1804 г. 15 апреля, а в Публичную библиотеку 1815 г. декабря 1.

по штату жалованием по тысяче двести рублей и с производством сверх оного квартирных денег по триста рублей в год, с **1-го числа наступающего сентября** месяца; о чем мною ныне же донесено господину министру народного просвещения в исполнение 7-й статьи помянутого начертания подробных правил, и дано знать библиотеке^[1].

Императорской публичной библиотеки директор тайный советник А. Оленин.

СПбФ АРАН. Ф. 108. Оп. 1. Д. 185. Л. 60. Подлинник.
Рукопись. Подпись-автограф А. Н. Оленина.

^[1] «Начертание подробных правил для управления Императорской Публичной библиотекой» подписано Александром I 23 февраля 1812 г. Упомянутые в письме А. Н. Оленина статьи о следующем:

«6. Все прочие чиновники Библиотеки (помимо директора и его помощника. — *Сост.*) определяются директором и состоят в полном и непосредственном его ведении.

7. Директор обязан при определении чиновников на открывающиеся в Библиотеке вакансии, а равно и при увольнении оных от занимаемых ими должностей, доносить о том министру просвещения».

См.: *Грин Ц. И., Третьяк А. М.* Публичная библиотека глазами современников (1795–1917): Хрестоматия. СПб., 1998. С. 79.

Письмо из Министерства народного просвещения об использовании в гимназиях «Полной российской грамматики» А. Х. Востокова

20 января 1831 г.

Господину коллежскому советнику Востокову.

Комитет устройства учебных заведений, признав внесенную в оный Комитетом рассмотрения учебных пособий составленную Вами «Полную российскую грамматику»^[1] учебной для гимназий книгой и предоставляя издание оной собственному Вашему распоряжению, вместе с тем предоставил Департаменту народного просвещения войти с Вами в сношение об условиях, на которых сочинение сие может быть приобретаемо для гимназий.

Вследствие сего Департамент народного просвещения просит Вас доставить ему сведения для доклада Его светлости господину министру^[2]: к которому времени может быть отпечатана вышепомянутая составленная Вами грамматика, и на каких условиях согласны Вы будете уступить потребное число экземпляров оной для учебных заведений?

Директор <...>²⁰.

Начальник отделения П. Шепилин.

СПбФ АРАН. Ф. 108. Оп. 1. Д. 185. Л. 97–97 об. Подлинник. Рукопись. На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. Отделение IV. Стол I». Заверяющие подписи чиновников.

^[1] В 1827 г. по поручению Министерства народного просвещения А. Х. Востоков составил «Русскую грамматику», а в 1830 г. — ее сокращенный вариант специально для училищ. Оба пособия вскоре были переизданы в новых редакциях: в 1831 г. вышла «Полная российская грамматика», «по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная», которая предназначалась для гимназий; в 1833 г. появилась «Краткая российская грамматика».

^[2] Речь идет о кн. К. А. Ливене. Был министром народного просвещения в 1828–1833 гг.

²⁰ Подпись неразборчива.

**Письмо А. Х. Востокова к директору Департамента народного просвещения
Д. И. Языкову по поводу условий издания «Полной российской грамматики»**

23 января 1831 г.

Милостивый государь Дмитрий Иванович.

Отношением от 20 генваря сего года за № 542 Ваше превосходительство изволили меня уведомить, что Комитет устройства учебных заведений, признав составленную мной «Полную российскую грамматику» учебной книгой для гимназий и представляя издание оной собственному моему распоряжению, предоставил Департаменту народного просвещения войти со мной в сношение об условиях, на которых сочинение сие может быть приобретаемо для гимназий. Вследствие сего Ваше превосходительство желали знать, к которому времени может быть отпечатана означенная грамматика и на каких условиях я согласен буду уступить потребное число экземпляров оной для учебных заведений?

На сие честь имею ответить, что для определения времени, к которому грамматика может быть отпечатана, мне предварительно нужно знать, сколько за один раз потребуется экземпляров в учебные заведения и, следовательно, какое количество оных я должен отпечатать одним тиснением? Ежели не более одного завода (1200 экз.), то книга, заключающая в себе до 20 листов печатных в большую 8-ку, может отпечатана быть к маю месяцу или еще к половине апреля, полагая по два листа в неделю; если ж потребуется напечатать вдруг два или три завода, или более, то книга сия может выйти в свет не ранее июля. Цена, по какой я могу уступить оную Департаменту для учебных заведений, зависит также от количества экземпляров, какое у меня будет требуемо. Если бы требование простиралось более, нежели на три завода (3600 экзмпл.), то я буду довольствоваться 8 копейками с листа; если же менее сего количества требуемо будет, то я полагаю по 10 копеек с листа печатного.

Итак, покорнейше прошу Ваше превосходительство почтить меня уведомлением, какое количество экземпляров «Полной грамматики» мне потребно будет для учебных заведений, дабы я согласно с тем мог распорядиться в печатании и определить цену экземпляров.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего превосходительства всепокорнейшим слугой

А. В.

СПбФ АРАН. Ф. 108. Оп. 1. Д. 185. Л. 98–98 об. Автограф А. Х. Востокова.

**Письмо директора канцелярии обер-прокурора
Св. Синода К. С. Сербиновича к А. Х. Востокову с отзывом
о подготовленном им издании «Остромирова Евангелия»**

29 января 1842 г.

Милостивый государь, Александр Христофорович.

Вследствие просьбы Вашей, милостивый государь, к Его сиятельству господину обер-прокурору Святейшего Синода в ноябре 1840 года об исходатайствовании разрешения на предположенное Вами издание рукописи **Остромирово Евангелие**, рукопись сия рассмотрена была Цензурным комитетом и после того дано об ней особое мнение преосвященным Филаретом, митрополитом Московским и Коломенским.

Сообразив отзывы Комитета и митрополита Московского и находя полезную цель в предполагаемом Вами издании, Святейший Синод положил разрешить Вам, милостивый государь, исполнить Ваше предположение, с тем, однако ж, чтобы Вы сделали по указаниям преосвященного митрополита Филарета дополнение к предисловию издаваемой рукописи, и чтобы дополнение это было представлено на предварительное рассмотрение Святейшего Синода.

Уведомляя Вас о сем и препровождая выписку из мнения митрополита Московского, сообразно которому должно быть сделано дополнение к предисловию, а также полученную от Вас рукопись: Остромирово Евангелие, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, по надлежащем изменении предисловия не оставить возвратить ко мне как рукопись Вашу с дополнением, так и означенную выписку для дальнейшего по просьбе Вашей распоряжения.

При сем по поручению Его сиятельства господина обер-прокурора Святейшего Синода имею честь сообщить Вам, что сверх означенного изменения следует вместо сказанного о том, что Остромирово Евангелие найдено было в гардеробе императрицы Екатерины II-й, сказать, что оно найдено в ее покоях.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугой

К. Сербинович.

Помета: Его высокородию А. Х. Востокову. № 664²¹.

*СПбФ АРАН. Ф. 108. Оп. 1. Д. 186. Л. 103–104. Подлинник.
Рукопись. Подпись-автограф К. С. Сербиновича.*

Из «Предисловия» А. Х. Востокова к «Остромирову Евангелию»

1843 г.

Присужденная в 1835 г. Императорской Академией наук г-ну полковнику Черткову половинная Демидовская премия (2500 р.) за сочинение его: «**Описание древних русских монет**» предоставлена им была в распоряжение Академии наук с изъявлением желанья, чтобы деньги сии были употреблены на издание в свет какой-либо старинной русской летописи или другого сочинения по части отечественной истории по выбору самой Академии^[1]. В декабре 1836 года г-н академик Фил. Ив. Круг предложил Императорской Академии наук поручить мне издание в свет **Остромирова Евангелия**, с назначением мне за труд сей помянутой суммы, пожертвованной г. Чертковым. Предложение сие было одобрено Академией, и с тех пор я занялся приготовлением сего издания.

Остромирово Евангелие, рукопись на пергамене в лист (длиной в 8 вершков, а шириной без малого в 7 вершков), содержит в себе 294 листа красивого уставного письма в два столбца. Это Евангелие найдено было Яковом Александровичем Дружининым в покоях императрицы Екатерины II после ее кончины и поднесено им в 1806 г. императору Александру I, который повелел хранить оное в Императорской Публичной библиотеке. Неизвестно, когда и кем драгоценная рукопись эта была поднесена императрице Екатерине. Но что она прежде находилась в Новгородском

²¹ Написано в левом нижнем углу первого листа (адресат) и последнего (исходящий номер и дата).

Софийском соборе, это доказывается надписью крупным скорописным почерком XVI века на 1 листе, на обороте изображения Евангелиста Иоанна. <...>

Евангелие сие, писанное в 1056 и 57 гг. в Новгороде для посадника Остромира Григорием Диаконем, есть доселе древнейшая рукопись кирилловского письма, с означением года. Хотя писец был русский славянин, как то видно по некоторым особенностям русского наречия, кои будут замечены в своем месте, однако он, вообще, сохранил древнейшее правописание церковнославянского языка, в других позднейших рукописях более или менее измененное, а потому-то рукопись сия особенно достопримечательна как ближайший к началу словенской письменности памятник церковнославянского языка.

Были, без сомнения, памятники языка древнее этого в Киеве и в Новгороде, но они до нас не дошли или не отысканы доселе. По некоторым свидетельствам можно полагать существование таковых памятников еще и в XVI в. <...>

Язык сего Евангелия можно назвать по преимуществу церковнославянским, т. е. тем, который сохранился в церковных книгах славян греко-восточной церкви, какому бы, впрочем, племени ни принадлежал этот язык, болгарскому или паннонскому^[2].

Он, конечно, разнствовал с наречием русских славян, но, сделавшись богослужебным и книжным языком на Руси, имел сильное влияние и на язык народа русского. Таким образом, писец Евангелия не только в тексте наблюдал правописание церковнославянское, но и в заглавиях и в послесловии, где он говорит своим языком. Однако ж в сих местах изредка вырываются у него некоторые, так сказать, обмолвки русского наречия <...>.

Первое известие об Остромировом Евангелии сообщено было публике еще в 1806 г. в периодическом издании «Лицей» Ив. Мартынова, части 2 в книжке 1, стр. 101. Но оно было весьма неполно и не совсем верно. Там было сказано: «Недавно поднесено государю императору статским советником Дружининым славянское Евангелие, писанное церковными буквами на пергамене в 1066 г. по Рождестве Христове». Далее говорится о особенной форме букв сей рукописи, например Н значит в оной И, Е мягкое пишется ю, и пр. В 1816 г. Карамзин во 2 томе «Истории государства Российского», в прим. 114 сообщил выписку из послесловия сего Евангелия об Остромире, а в 1820 г. в XVII части «Трудов Московского общества любителей российской словесности», в моем рассуждении о словенском языке помещены были некоторые подробнейшие известия о Евангелии Остромировом. В 1823 г. Добровский в своей книге «Cyrill und Method der Slaven Apostol» приложил в конце снимок молитвы господней «Отче наш» из Остромирова Евангелия, мной ему сообщенный. Но полнее и удовлетворительнее ознакомил ученых с сей драгоценной рукописью в 1827 г. Петр Иванович Кёппен помещенными в его собрании словенских памятников выписками из Остромирова Евангелия (12-ти Евангельских чтений и послесловия), которые он напечатал особо отлитым для того близким к древнему почерку шрифтом^[3]. П. И. Кёппен позволил и мне при настоящем издании пользоваться сим шрифтом так, как и гравированной таблицей букв и знаков, употребленных в Остромировом Евангелии, за что и будут его благодарить со мной все любители словенских древностей.

Настоящее издание Евангелия предпринято для удовлетворения любопытства ученых исследователей языка, а не для другой какой-либо цели, а потому, ежели в оном есть некоторые несходства с переводом, ныне принятым в православной церкви, то сие, вероятно, никому соблазном не будет. Здесь помещены не все Евангелия и не в обыкновенном порядке евангелистов, а только чтения Евангельские на известные дни и праздники. Так расположены все древнейшие списки Евангелий. Полные же, по евангелистам расположенные Евангелия или Четвероевангелия, большей частью,

сохранились только в списках XV-го и позднейших веков. Мало их встречается, принадлежащих XVI в.

Чтобы доставить читателю удобное сличение словенского перевода с греческим подлинником, я припечатал внизу страниц греческий текст из строки в строку против словенского. Для сего пользовался я двумя изданиями греческого Нового Завета: 1) Приция (*Novum Testamentum ad probatissimos codices studiose revisum, etc. vigiliis et industria Ja. Georgii Pritii. Lipsiae, 1803, in 12°*) и 2) Шольца (*Novum Testamentum graece. Textum ad fidem testium criticorum recensuit, lectionum familias subjecit, etc. Dr. J. Mart. Augustinus Scholz. Lipsiae, 1830, in 4-to*). Из сего последнего выписал я и сборник, или месяцеслов (*Συναξάριον*) везде, где оный был согласен со словенским. Из разных вариантов греческого текста выбирал я те, которые более соответствовали словенскому переводу, почему и греческий текст, внесенный в сию книгу, не есть общепринятый, а особенный, приуроченный к переводу.

В конце приложены грамматические правила, извлеченные из Остромирова Евангелия, и словоуказатель всех встречающихся в оном слове, с показанием, как они выражены в греческом.

Подлинная рукопись перенумерована по листам, а не по страницам, что я соблюл и в печати, но для скорейшего приискания слов на каждом листе я означаю 4 столбца оного буквами **а, б, в, г**. Таким образом, при каждом слове в словоуказателе поставлено число листа и буква столбца, где слово находится.

Формат подлинной рукописи и отчасти форму букв можно видеть из приложенных здесь снимков: лицевой страницы 89 листа, оборота 210 листа и трех изображений евангелистов: Иоанна, Луки и Марка. Четвертого изображения, евангелиста Матвея, недостает в рукописи, хотя и оставлен был для оного чистый пергаменный лист.

В заключение я должен еще предупредить читателя, что представляю здесь памятник древности словенской, как он есть, и объясняю оный только в отношении к языку, а объяснить оный в отношении к богословию и церковной истории представляю занимающимся сими предметами. Греческий текст, избранный мной и несогласный в некоторых местах с общепринятым, отнюдь не выдаю за образцовый, а представляю его только как служащий к объяснению словенского текста. Некоторые места сего последнего могут быть ошибочными <...>. Например, на изображении евангелиста Луки есть надпись <...> подлинно нерассудительная! Но читатель, без сомнения, не примет сие мудрование иконописца XI в. за учение Церкви. Надпись эта допущена в издании с тем только, чтобы печатная книга во всех частях была согласна с рукописью, и чтобы любознательные могли рассматривать здесь и светлую, и туманную сторону древности.

А. Востоков.

Опубл.: Остромирово Евангелие 1056–57 года. С приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843. С. I–VIII.

[1] См.: Отчет Императорской С.-Петербургской академии наук о четвертом присуждении учрежденных камергером П. Н. Демидовым премий за 1834 год, составленный и читанный непременно секретарем Академии в публичном заседании 17 апреля 1835 года. СПб., 1835. С. 14–16.

[2] Паннонский — гипотетический язык славянского населения I тыс. н. э. на территории современной Венгрии до перехода славян на венгерский язык.

[3] Собрание словенских памятников, находящихся вне России. Составлено Петром Кёпеном. Кн. 1 : Памятники, собранные в Германии. СПб., 1827. С. IX–XXXII.

К шрифту, который передал П. И. Кёпшен, для Остромирова Евангелия было вырезано дополнительно еще 70 букв и знаков. В результате издание приобрело вид факсимиле.

**Письмо неперменного секретаря П. Н. Фуса
к А. Х. Востокову о правке, которую нужно внести
в издание «Остромирова Евангелия»**

6 ноября 1843 г.

Милостивый государь Александр Христофорович,

Доставленные ко мне при письме Вашего превосходительства десять экземпляров изданного Вами по поручению Академии «Остромирова Евангелия» я по назначению Вашему раздал гг. членам Историко-филологического отделения и пригласил их, а преимущественно Ф. И. Круга, представить подробную рецензию сего труда, на которой можно бы было основать присуждение Вам вполне заслуженной Демидовской премии^[1].

При сем случае некоторые члены Отделения заметили в предисловии Вашем, по мнению их, довольно ощутительный пропуск, который Вам легко будет пополнить. Отделение желало бы, чтобы до выпуска экземпляров в продажу к предисловию прибавлено было несколько сведений о литературе «Остромирова Евангелия», именно же пояснения по следующим вопросам:

1. какое место между памятниками словенской письменности занимает «Остромирово Евангелие»?

2. какому языку и наречию принадлежит эта рукопись?

3. встречаются ли в рукописи грамматические указания на место или страну рождения писца (Григория Диакона), и какие именно?

4. где напечатано первое сведение об «Остромировом Евангелии»?

5. кто впоследствии говорил об этой рукописи, и какие донныне из нее представлены были отрывки или снимки?

П. И. Кёппен, имея еще в руках своих изданную им в «Собрании словенских памятников» 1827 года медную доску, изображающую начертания букв и разных знаков «Остромирова Евангелия», изъявил готовность свою уступить ее Вам, если Вы пожелаете воспользоваться ею для снятия оттисков к Вашему изданию.

Что касается до краткой записки о важности сего издания и о достоинстве труда Вашего, то она, независимо от рецензии, будет сообщена гг. товарищу министра народного просвещения для поднесения при экземпляре на Высочайшее Его императорского величества воззрение.

С совершенным почтением и преданностью честь имею быть Вашего превосходительства покорнейшим слугой

П. Фус.

Помета: № 1523. С. Петербург²².

СПбФ АРАН. Ф. 108. Оп. 1. Д. 186. Л. 139–139 об. Подлинник. Рукопись. Подпись автограф П. Н. Фуса. На фирменном бланке неперменного секретаря.

^[1] По правилам, члены Академии наук не могли участвовать в конкурсе, но, поскольку А. Х. Востоков во время работы над «Остромировым Евангелием» им еще не был, запрет удалось обойти. В 1844 г. труд А. Х. Востокова по рекомендации ИФО получил полную Демидовскую премию. См.: Тринадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 17 апреля 1844 года. СПб., 1844. С. 5, 7–13.

²²Исходящий номер, место и дата в оригинале внесены в шаблон фирменного бланка неперменного секретаря.

**Из речи, произнесенной Я. К. Гротом в собрании
Императорского Русского исторического общества**

[27 февраля 1892 г.]²³

<...> В Академии наук Востоков должен был принять на себя деятельное участие в словарных работах нового Отделения^[1], что не могло не отвлекать его от прежних исследований над древними рукописями; но были два капитальных труда этого рода, начатые им очень давно и которые ему теперь удалось окончить и напечатать. Для объяснения одного из них мы должны возвратиться к началу 20-х годов, времени приближения Востокова к славному нашему меценату, канцлеру графу Николаю Петровичу Румянцеву. Известно, что этот [незабвенный]^[24] ревнитель просвещения, некогда дипломат и министр, посвятил последние годы жизни важным ученым предприятиям, и особенно изданию исторических памятников. Для совещания по этим предприятиям он привлек к себе некоторых из лучших наших ученых того времени, с которыми любил беседовать и переписываться. Это были: митрополит Евгений, хранитель рукописей в Публичной библиотеке Ермолаев, Бантыш-Каменский, Малиновский, Калайдович и некоторые другие^[25]. Обладая богатейшим собранием драгоценных рукописей, Румянцев искал человека, который взял бы на себя приведение их в порядок и описание.

Митрополит Евгений, оценив необыкновенные достоинства^[26] Востокова, указал на него канцлеру, который писал в ответ: «Давно уже стараюсь я, но без успеха, сблизиться коротким знакомством с г. Востоковым; но он от этого отказывается всегда тем, что, будучи страшный заика, очень страдает с незнакомыми людьми». Через несколько времени, однако ж, Румянцев с неподдельным восторгом делится с Евгением отрадною вестью: «Наконец, мне удалось победить то отвращение, которое г. Востоков имел со мною лично познакомиться, и не однажды уже с ним и с г. Ермолаевым я у себя обедал».

Востоков вошел в кружок Румянцева^[2] и вскоре принял пред канцлером обязательство описать рукописи его собрания, а вслед за тем, по настоянию канцлера, оставил казенную службу и перешел к нему на службу науке в «богатейший рудник древней русской словесности», как назвал сам Востоков знаменитое собрание рукописей канцлера. С 1824 года он принялся за их описание.

Через два года, в январе 1826 года, граф Румянцев, разбитый параличом и совершенно лишенный слуха, скончался, но труд описания рукописей продолжался по приглашению брата и наследника канцлера, графа Сергея Петровича Румянцева. Главная часть работы была уже готова, когда в исполнение воли покойного и по ходатайству его брата собрания книг, рукописей, древностей и редкостей были открыты для общего пользования под названием Румянцевского музея, который до 1861 года помещался в Петербурге, в доме его основателя. При учреждении Музея Востоков был назначен главным его хранителем.

«Описание» Востокова было напечатано в 1842 году по распоряжению^[27] министра народного просвещения гр. Уварова и составило огромный том в 900 страниц^[31]. Недаром покойный канцлер предрекал, что Востоков этим трудом составит себе вечный

²³ Дата заседания Имп. Русского исторического общества, в котором была прочитана речь.

²⁴ Написано над зачеркнутым в строке словом: *достойный*

²⁵ Далее зачеркнуто: *Каченовский*

²⁶ Далее зачеркнуто: *занятий*

²⁷ Далее зачеркнуто: *и на счет бывшей Российской академии*

памятник. Здесь описано около 500 рукописей самым обстоятельным образом, но вместе и в возможно сжатом изложении, с означением не одного только содержания, но и всего²⁸, что может интересовать палеографа, археолога²⁹, историка, с самыми точными выписками³⁰. «Последствия этого издания, — говорит Срезневский, — не могли быть маловажны: с этого только времени можно было начать основательную разработку древней русской литературы и вообще русских древностей».

Через год после описания Румянцевских рукописей, в 1843 году, издано Востоковым Остромирово Евангелие, рукопись которого, как известно, писана была в половине XI столетия для новгородского посадника Остромира и найдена, по смерти Екатерины II, в кабинете императрицы³¹. Император Александр Павлович подарил ее Публичной библиотеке³². Кому неизвестно, как тщательно и с какою богатою научною обстановкой создано издание этой драгоценной рукописи.

Во всех своих ученых трудах Востоков отличался крайнею осмотрительностью, избегая всякого смелого предположения или догадки, которая могла бы не оправдаться. Господствующими свойствами его были необыкновенная скромность, неприязательность и бескорыстие. Как часто бывает, эти черты характера вредили ему в житейских делах. Историк Российской академии, академик Сухомлинов^[4], рассказывал, между прочим: «Щедро награждая второстепенных и третьестепенных писателей, Академия³³ уделяла Востокову самую скромную долю тех сумм, которыми она имела право распоряжаться. Между тем как какой-то³⁴ купец Ертов получил 1000 руб. за издание своего труда и академик Лобанов — 5000 на издание своих (плохих) стихов и трагедий, а непременно секретарю П. И. Соколову “за неутомимые труды и рвение” единовременно выдано 13 000 рублей, Востокову за его филологические труды присуждена та же самая награда, что и 14-летней девочке Шаховой за ее детские стихотворения, именно 500 рублей»^[5]. Да и выдачей этих денег Востоков обязан был не своим научным заслугам, а мелькнувшей надежде избавиться от тяжкого недостатка, которая, однако ж, не оправдалась: 500 руб. были выданы «г. надворному советнику Востокову единовременно из штатной суммы для уплаты врачу»^[6]. Впоследствии, впрочем, Российская академия щедро помогала ему. Самую лестною наградой была для него неожиданная монаршая милость, оказанная ему в 1854 году по поводу его 50-летнего юбилея, когда во время торжественного заседания Академии наук 29 декабря министр народного просвещения А. С. Норов сошел со своего места и надел на него ленту

²⁸ Далее зачеркнуто: *заслуживающего внимания*

²⁹ Далее зачеркнуто: *литератора*

³⁰ Далее зачеркнуто новое предложение: *Особенное достоинство составляет сжатое изложение.*

³¹ О цензурных требованиях к указанию о месте нахождения рукописи см. ранее в письме К. С. Сербиновича к А. Х. Востокову от 29 января 1842 г.

³² Далее зачеркнуто: *Эта рукопись драгоценна и по чистоте, и правильности старославянского языка. Издание ее сделано Востоковым так же тщательно, как и предыдущее. Текст напечатан не только буквально верно по подлиннику, но и строка в строку, столбец в столбец [и т. д.]; под каждым столбцом строка в строку со славянским текстом помещен греческий подлинник чтений, соответствующий славянскому переводу. Весь славянский текст повторен в конце книги в алфавитном словоуказателе, где каждое слово приведено в той же форме, в какой употреблено в тексте, и объяснено подлинным греческим словом. Для изучения языка старославянского по Остромирову Евангелию помещены в издании и грамматические правила, извлеченные из этого памятника.*

³³ Слева на полях зачеркнута недописанная фраза: *бывшая Рос[сийская]*

³⁴ Далее зачеркнуто: *неизвестный*

Станислава 1-й степени. Все присутствовавшие отнеслись с восторгом и умилением к этому торжеству огромного труженика.

Поступив в Академию вскоре после этого^[7], я застал Востокова 75-летним старцем; он был среднего, довольно плотного сложения с массивной, убеленной сединами головой. Он прожил еще около десяти лет; я сидел против него, но почти никогда не слышал его голоса. Последнее время он ходил уже с трудом [и был почти слеп], но все-таки ездил в заседания при помощи проводника.

Востоков умер 8 февраля 1864 года, за [полторы] недели до кончины тогдашнего президента Академии графа Блудова, который еще беседовал со мною о необходимости обеспечить судьбу вдовы знаменитого академика^[8].

Известие о смерти Востокова быстро распространилось по Петербургу; стечение людей на его отпевании в протестантской Петропавловской церкви^[9] и погребение на Волковом кладбище было многочисленно по отношению к специальности трудов его и к тесному кругу его знакомых. Ближайший товарищ его по предмету занятий, академик Срезневский, в произнесенных над его могилой трогательных словах так определил значение утраты, понесенной в нем наукой: «Востоков — это наш Яков Гримм. Одновременно начали они оба свое дело важными открытиями, одновременно в долгую жизнь трудились усердно каждый для своего Отечества, с одинаково чистыми побуждениями, с одинаково требовательностью достоинства в труде и оставили по себе одинаково ценные образцы для трудов последователей. Давно, со времени кончины Карамзина, не раскрывалась могила в земле русской для останков такого могучего деятеля науки»³⁵.

<...> Еще выше этих образцовых изданий стоят словарные и грамматические труды Востокова³⁶. Первой работой его по лексикографии, предпринятой в 1808 году, т. е. в самом начале эпохи перехода его от поэзии к науке, был «Этимологический сравнительный словарь» славянских наречий и других родственных европейских языков. Несколько позже он приступил к составлению «Русского этимологического словаря». Оба эти труда остались неоконченными в бумагах Востокова и не были изданы^[10]. Но, делая постоянно выписки из древних памятников, он не переставал готовить материалы для церковнославянского словаря, который и был напечатан Академией наук в последний период его жизни (1858–1861)^[11].

Задолго до того, именно вскоре по образовании 2-го Отделения Академии, Востоков, по поручению его, приготвил к печати второй том словаря «Церковнославянского и русского языка», вышедшего в 1847 году. Затем около 50-х годов он же по желанию сочленов принял на себя редакцию областного словаря, который и был напечатан под его наблюдением^[12].

Почти одновременно с первым словарным опытом Востокова начались его исследования по русской грамматике, замечательные по своей основательности и новостям выводов. Около 1830 года ему предложено было Министерством народного просвещения заняться составлением грамматики для учебных заведений этого ведомства. В 1831³⁷ появилась сперва его «Сокращенная русская грамматика», а позднее — «Русская грамматика, полное изложение». Та и другая много лет служили обязательным

³⁵ См. в С. Петербургских Ведомостях 1864 г., № 33, «Некролог Востокова», составленный ак. Гротом, и № 34, его же статью: «Похороны Востокова» (*Примеч. документа*). Авторграф Я. К. Грота. Здесь заканчивается текст, опубликованный в «Славянском обозрении» и в «Трудах Я. К. Грота».

³⁶ Начиная с этого предложения весь дальнейший текст написан рукой Я. К. Грота.

³⁷ Далее зачеркнуто: *издана была*

для училищ министерства руководством и пережили большое число изданий. Вторая еще и теперь не потеряла своего значения¹³¹.

По части церковнославянской грамматики существуют также два труда Востокова. При Остромировом Евангелии помещены им правила, извлеченные из этого³⁸ памятника, а в 1863 г., следовательно, меньше, чем за год до кончины маститого филолога³⁹, издана 2-м Отделением Академии его «Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим оного памятникам». Хотя этот последний труд Востокова и явился не в том обширном виде, какой он первоначально предполагал дать ему, и какого ожидали, тем не менее, он представляет неоспоримое достоинство, особенно по своей исторической документальности.

Нет надобности говорить, что все грамматические и лексикографические работы Востокова отличаются тем же превосходством, каким запечатлено всякое произведение его проницательной мысли и глубокой учености. Однако ж нельзя не согласиться с замечанием Срезневского, что в грамматиках Востокова есть слабая сторона, объясняющаяся указанной выше чертой его характера и состоящая в изображении всего, что по ходячим в его время понятиям могло бы казаться слишком новым, слишком резко противоречащим господствовавшим тогда взглядам рутинной грамматики.

Не касаясь здесь многочисленных мелких, но также немаловажных исследований нашего академика, нельзя в заключение пройти молчанием его «Опыта о русском стихосложении», напечатанного сперва (1812) в «С. Петербургских ведомостях», а потом (1817) изданного отдельной книгой. Здесь в первый раз систематически рассмотрено, какие метрические размеры применимы к русскому стиху при замене долготы ударением; особенно же ново рассмотрение русского народного стиха в песнях и сказках, причем показаны существенные его отличия, смотря по большему или меньшему числу встречающихся в нем ударяемых слогов.

Собственно филологические статьи Востокова были собраны Срезневским и изданы в 1873 году особо под названием «Филологических наблюдений». Другим трудом, которым Срезневский почтил его память, было издание его ученой, в высшей степени любопытной переписки с Румянцевым и другими близкими к ним обоим⁴⁰ лицами. <...>

СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–13. Автограф Я. К. Грота в правке и в основном тексте — Л. 12–13.

Опул.: Славянское обозрение. 1892. Т. I, кн. 4 (апрель). С. 455–459; опул. частично : Труды Я. К. Грота: в 5 т. / под общ. ред. К. Я. Грота. Т. III : Очерки из истории русской литературы (1848–1893): биографии, характеристики, критико-биографические заметки. СПб., 1901. С. 336–340.

¹³¹ Имеется в виду Отделение русского языка и словесности (ОРЯС), образованное 19 октября 1841 г. Об учреждении ОРЯС и словарной работе его первых членов см. подробнее: Отделение русского языка и словесности. С. 17–63.

¹³² «Кружок Румянцева», или «Румянцевский кружок» — неформальное объединение ученых и любителей русской истории, названное так по имени мецената гр. Н. П. Румянцева. Возникло благодаря деятельности Комиссии печатания государственных договоров при Московском архиве Коллегии иностранных дел (1811). Членами «Румянцевского кружка» были академики Ф. И. Круг, Х. Д. Френ, П. И. Кёппен. А. Х. Востоков принимал участие в его работе, не будучи еще членом Академии наук.

³⁸ Далее зачеркнуто: драгоценного

³⁹ В строке зачеркнуто: академика

⁴⁰ Далее зачеркнуто: по занятиям

[3] Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842. Каталог был издан в типографии Академии наук за счет Российской академии, что отражено на его заглавном листе: «Печатано по определению Императорской Российской академии от 13 ноября 1837 года».

[4] М. И. Сухомлинов издал многотомный труд: История Российской академии. Вып. 1–8. СПб., 1874–1889.

[5] Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 7. С. 370.

[6] М. И. Сухомлинов поясняет: «Известно, что Востоков страшно заикался, вследствие чего и попал в Академию художеств как в то заведение, в котором “говорить не нужно”». См.: Там же.

[7] Я. К. Грот стал членом Академии наук в июле 1855 г.

[8] После смерти А. Х. Востокова его вдова по закону получала право на половинную пенсию, что составляло 385 руб. 94 коп. в год. Других доходов семья не имела и оказалась в крайне стесненных обстоятельствах, поэтому ОРЯС ходатайствовало о выделении вдове содержания, достойного памяти А. Х. Востокова. Личным распоряжением имп. Александра II ей была назначена пенсия 1000 руб. и единовременное пособие в том же размере. Чтобы поставить памятник на могиле ученого, ОРЯС открыло подписку, и на собранные средства осенью 1866 г. надгробие было установлено. См.: *Никитенко А. В. Дневник* : в 3 т. Т. 2 (1858–1865). М., 1955. С. 407–408; Т. 3 (1866–1877). М., 1956. С. 32; Отделение русского языка и словесности. С. 75, 321, 480–481.

[9] Протестантская Петропавловская церковь — церковь Св. Петра и Павла (Петри-кирхе) на Невском проспекте.

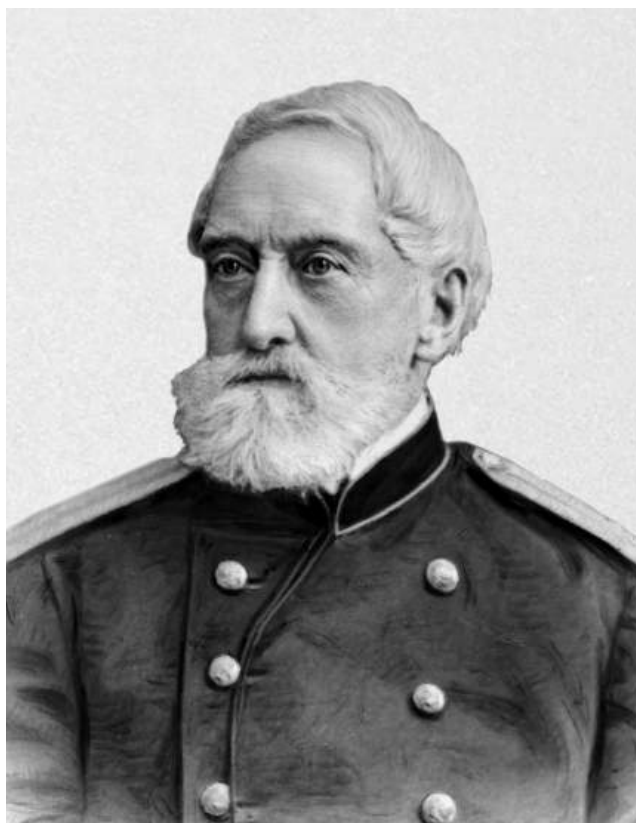
[10] Материалы для составления «Словено-русского этимологического словаря» (черновики, заметки) см. в личном фонде А. Х. Востокова в СПбФ АРАН. Первая черновая работа «Коренные и первообразные слова языка славянского» датируется не позднее 1802 г.: СПбФ АРАН. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1, 2, 3.

Сам «Словено-русский этимологический словарь», помещенный в хронологические рамки 1812–1841 гг., см.: Там же. Д. 5, 6.

[11] «Словарь церковнославянского и русского языка» был издан ОРЯС в четырех томах в 1847 г., переиздан без каких-либо изменений в 1867–1868 гг. Однако в 1850-х гг. предпринимались попытки его усовершенствовать, но они реализованы не были. См.: Отделение русского языка и словесности. С. 58–59.

[12] Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением. СПб., 1852.

[13] «Русская грамматика», составленная А. Х. Востоковым по поручению Министерства народного просвещения, вышла в 1827 г. В 1830 г. появилась ее краткая редакция как учебное пособие для училищ. Обе книги переиздавались. В 1831 г. была выпущена «Полная российская грамматика» для гимназий; как говорилось в предисловии: «...по начертанию его же [Востокова] сокращенной грамматики полнее изложенная».

Григорий Петрович
ГЕЛЬМЕРСЕН

Gregor von Helmersen
(1803–1885)

Геолог и горный инженер Григорий Петрович Гельмерсен — один из блестящих представителей остзейских немцев, вышедших из стен Дерптского университета. Специальную выучку он прошел в Институте Корпуса горных инженеров (с 1866 г. Горного института) и потом всю жизнь был связан с ним, будучи профессором и директором. Его немецкая педантичность была здесь как нельзя кстати: относительно дисциплины служащие «подлежали законам военным», подчиняясь при этом Министерству финансов, которое лучше других осознавало крайнюю необходимость в геологических изысканиях и рациональном освоении природных ресурсов, продиктованную ростом потребностей промышленности.

Экспедиции Г. П. Гельмерсена следовали одна за другой в разных частях России, и в суровых полевых условиях ему выпало работать рядом с такими именитыми исследователями, как М. Ф. фон Энгельгардт и А. фон Гумбольдт. Пристальное внимание Г. П. Гельмерсен уделял анализу каменноугольных месторождений в Донбассе, в Подмосковном каменноугольном бассейне и на Урале.

Г. П. Гельмерсен решил важнейшую и пугавшую до тех пор своим масштабом задачу, впервые составив «Генеральную карту горных формаций Европейской России». Этот труд был отмечен Демидовской премией и представлением автора в экстраординарные академики (1843). Однако Конференция не поддержала единодушный выбор Физико-математического отделения, посчитав, что миновать звание адъюнкта профессору геогнози, несмотря на очевидные заслуги, никак невозможно. Г. П. Гельмерсен довольно быстро прошел путь от адъюнкта (1844) до ординарного академика (1850).

Г. П. Гельмерсен мыслил категориями государственной пользы. Именно поэтому он был назначен в 1882 г. первым директором Геологического комитета, ведавшего изучением недр всей Российской империи. В 1878 г. в честь 50-летнего юбилея научной деятельности Г. П. Гельмерсена Академия наук учредила премию его имени, которая вручалась за выдающийся вклад в развитие геологии¹.

¹ Библиографию трудов Г. П. Гельмерсена см.: Кеппен А. П. Очерк пятидесятилетней ученой деятельности Григория Петровича Гельмерсена // Горный журнал. 1878. Т. 2. Апрель — май. Офиц. отд. С. 20–34.

**Записка Г. П. Гельмерсена о выплате гонорара художнику
Крейгеру за копирование рисунков А. А. Лемана**

28 февраля 1851 г.

Bericht.

Der Zeichner Kreiger hat mit Genehmigung der Conferenz, für das 17-te Bändchen der Beiträge zur Kenntniß des Russischen Reichs (Lehmans Reise) fünf Ansichten von Gebäuden, zuerst nach Lehmanns Originalskizzen gezeichnet und dann auf Stein gestochen. Ich ersuche die Classe ergebenst es genehmigen zu wollen, daß Herrn Kreiger für diese Arbeit, deren Ausführung befriedigend ausgefallen ist, 25 Rubl. Silber ausgezahlt werden.
Helmersen.

Помета: An die erste Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften von dem Akademiker Helmersen

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Г. Д. 10. Л. 18. Автограф Г. П. Гельмерсена. Нем. яз.

Перевод

Докладная записка.

Для 17-го тома Очерков о Российской империи (Путешествие Лемана)^[1] рисовальщиком Крейгером с соизволения Конференции выполнены 5 рисунков архитектурных сооружений (по оригинальным наброскам Лемана), гравированных затем на камне. Покорнейше прошу Отделение одобрить оплату 25 руб. серебром за данную работу, выполненную удовлетворительно.

Гельмерсен.

Помета: В Первое отделение Императорской Академии наук от академика Гельмерсена

Перевод М. Н. Додеус

^[1] Г. П. Гельмерсен поддержал, а позднее взял целиком на себя начинание К. М. Бэра: редакцию и выпуск многотомной академической серии "Beiträge zur Kenntniß des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens" («Очерки о Российской империи и приграничных азиатских государствах»).

Делом чести Академии наук он считал посмертное издание записок о путешествии коллеги А. А. Лемана. В 1839–1840 гг. А. А. Леман исследовал природу Оренбургского края, в 1841–1842 гг. совершил поездку в Бухару в составе специального научного отряда. На обратном пути ученый скоропостижно скончался. Все его научные коллекции, собранные в этих путешествиях, поступили в Академию наук. Здесь над ними трудились, готовя к изданию, лучшие специалисты, среди которых был и Г. П. Гельмерсен.

См.: Alexander Lehmann's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842: nach den hinterlassenen Schriften desselben bearbeitet, und mit Anmerkungen versehen / von G. v. Helmersen ; nebst einem zoologischen Anhang von J. F. Brandt. St. Petersburg, 1852. (Beiträge zur Kenntniß des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens / hrsg. von K. E. v. Baer und Gr. v. Helmersen ; Bd. 17).

**Из статьи, написанной при участии Г. П. Гельмерсена,
«О памятнике в Бозе почивающему императору Николаю Первому»^[1]**

1860 г.

< ... > Конная статуя императора Николая есть произведение знаменитого нашего ваятеля, заслуженного профессора Академии художеств, барона Клодта фон Юргенсбурга. В вышину она имеет восемь аршин два вершка (19 русских футов) (*)²,

² Вдвое выше естественной величины. Голова лошади имеет в длину 1 аршин 12 вершков, или 4 фута (*Примеч. документа*).

имеет весу более тысячи пудов и стоит, держась на одних задних ногах, без всякого другого упора, на подставке из белого итальянского мрамора из Monte altissimo, близ Seravezza. Около этой верхней части пьедестала помещены на четырех углах четыре эмблематические женские фигуры, представляющие Правосудие, Силу, Мудрость и Веру. Проект и модели этих фигур принадлежат скульптору академику Залеману.

Нижняя часть пьедестала, эллиптической формы, составлена из красного кварцевого песчаника, выломанного на западном берегу Онежского озера, близ села Шокши. Многие куски этой породы, способной к прекрасной полировке и принимающей при этом темный кроваво-красный цвет, были когда-то посланы по велению императора Николая в Париж для сооружения памятника Наполеону I в Соборе [Дома] Инвалидов.

Песчаник Шокши хрупок и тверд. Было доставлено около 40 кусков, и из них многие треснули при обработке, хотя ни в каменоломне, ни по привозе в С.-Петербург в них не было замечено ни малейшей трещины. Растрескивание кусков было причиной многих хлопот, стоило большой потери времени и усложнило работу. Зубчатый обод, с большим трудом высеченный на кусках этого камня и имеющий вид превосходно отлитого зубчатого колеса, представляет истинно мастерское произведение каменотесного искусства.

Из четырех бронзовых барельефов, помещенных на сторонах этой нижней части пьедестала, тот, который обращен ко дворцу Ее императорского высочества великой княгини Марии Николаевны, также принадлежит Залеману; остальные три составляют произведение профессора академика Рамазанова.

Цоколь пьедестала устроен из мелкозернистого серого гранита из Сордаваллы, или Сердоболя. Сордавалла лежит на северной оконечности Ладожского озера. Из того же самого прекрасного гранита в С.-Петербурге устроены: быки Николаевского моста, кариатиды на подъезде Эрмитажа императорского Зимнего дворца и две колонны, стоящие при начале Конногвардейского бульвара и украшенные отлитыми в Берлине статуями Победы. Сердобольский гранит необыкновенно тверд и прочен; он несравненно лучше противостоит действию атмосферы, чем крупнозернистый красный и серый гранит Питерлакса, издавна и доныне имеющий в Петербурге обширное употребление. Из этого гранита устроены три ступени, ведущие к цоколю пьедестала.

Питерлакс лежит на несколько почтовых станций к западу от Выборга и доставил С.-Петербургу и Кронштадту огромное количество гранита. Его каменоломни лежат отчасти на материке, отчасти на соседних шхерах, но всегда у самого морского берега, так что куски его легко нагружаются целыми тысячами на транспортные суда.

Александровская колонна на Дворцовой площади, колонны внутри собора Казанской иконы Божьей Матери, наружные колонны Исаакиевского собора, вся береговая одежда Невы и каналов, толстый бык Николаевского моста, цоколи многих больших домов в Петербурге, бастионы Петропавловской крепости и форты в Кронштадте — все это устроено из того же гранита. Его обыкновенно называют Выборгским. Он очень крупнозернист, состоит из больших полевошпатовых кристаллов и из малого количества серого кварца и слюды. К этим трем составным частям в Выборгском граните присоединяется еще и четвертая — олигоклаз, минерал, подобный полевому шпату. Он сероватого цвета и обыкновенно округляет полевошпатовые кристаллы в виде оболочки.

Выборгский гранит, вследствие перемен температуры и разрушительного действия воды, особенно воды замерзающей, легко дает трещины и наконец распадается на

поверхности в мусор. В Финляндии можно видеть не только большие куски, но даже целые холмы гранита, совершенно распавшиеся внутри, так что части их отделяются при малейшем прикосновении к ним. Оттого такой гранит называется в Финляндии «раппакивва», что значит «гнилой гранит».

Таким образом, в памятнике императору Николаю I соединены каменные породы, имеющие свое месторождение на глубоком севере и на дальнем юге Европы, на прямом расстоянии почти 400 немецких миль. Впрочем, все четыре месторождения соединяются с С.-Петербургом удобными водяными путями <...>

Опубл.: Месяцеслов на 1861 год. С изображением памятника в Бозе почивающему императору Николаю I. СПб., [1860]. Приложение. С. 4–5.

^[1] Статья вышла в свет без указания имени автора, хотя в первых строках говорится, что в ее написании участвовал Г. П. Гельмерсен. Сделано это было по просьбе самого ученого, который по какой-то причине пожелал скрыть свое имя. 9 апреля 1860 г. он прямо написал об этом непременно секретарю К. С. Веселовскому, ведавшему всеми академическими изданиями, в том числе «Месяцесловом»: «Милостивый государь Константин Степанович. Имею честь при сем препроводить составленную мною на немецком языке статейку о памятнике Императора Николая для напечатания в календаре 1861 г. Нужно будет ее перевести на русский язык. Я не желал бы, чтобы записка эта была бы напечатана с моей подписью». См.: СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Г. Д. 10. Л. 33–33 об.

Из работы Г. П. Гельмерсена «Современное состояние геологии в России»

1863 г.

<...> Вполне сознавая пользу геологии в материальном отношении, мы несколько не отрицаем и даже не хотим ставить на второй план чисто научные выводы ее. Напротив того, не обращая внимания на одностороннее суждение так называемых практических людей, мы их ставим на первый план, потому что мы твердо убеждены, что всяким горным предприятиям необходимо должно предшествовать научное геологическое исследование.

Разведки и разработки, предпринимаемые без означенных предварительных исследований, никогда не могут быть произведены с точностью и в большей части случаев сопряжены с излишней тратой капиталов и времени. Они не могут привести к положительным результатам, если предпринявший эти работы не будет случайно наведен на искомый им предмет. Справедливость этих слов будет подтверждена ниже, при обзоре состояния геологии в России.

В Западной Европе и Северной Америке давно уже признана вся важность геологии в этом отношении. Там нет более образованных людей, которые бы сомневались в том, что изучение истории земной коры представляет высокую задачу для человеческого разума. История эта как бы написана в самых горных породах божественными письменами. Листами этой громадной книги служат толщи горных пород, письменами же заключенные в них остатки исчезнувших родов животных и растений, распределенных по господствующим группам в определенном и строгом порядке. Земную кору можно сравнить с историческим учебником, но книга эта как

бы положена на заглавный лист, так что первые листы, заключающие изложение древних событий, лежат внизу, тогда как история новейших событий расположена сверху. Земная кора повествует, однако же, преимущественно о временах, предшествовавших сотворению человека.

Геолог, этот историк земной коры, без всяких препятствий может предаваться своим исследованиям в странах Западной Европы. Каждый образованный знает, чего ищет человек, скитающийся с молотком и компасом в руках, если он даже принадлежит к высшему кругу общества. Даже простейший крестьянин и ремесленник не считает путешествующего геолога, как это бывает у нас в России, за искателя кладов и драгоценных металлов, но видит в нем человека, посвятившего себя науке и преследующего положительные цели.

Да будет нам позволено сравнить Западную Европу с ульем науки, в котором тысячи ученых пчел на весьма ограниченном пространстве неутомимо строят соты и наполняют их медом. Весьма небольшая и тесная Западная Европа изобилует учеными, плодами трудов коих пользуются все части света; по направлению к северо-востоку материк быстро расширяется, и вместе с тем число учебных заведений и ученых как абсолютно, так и в отношении к пространству постепенно уменьшается. Наконец мы вступаем в страну, простирающуюся от Ледовитого моря до Кавказа, от Польши до Урала, в которой ученая деятельность развита лишь в отдельных пунктах, распределенных в роде оазисов в обширной пустыне, или же наподобие цветущих островов среди необозримого океана. Мы отнюдь не хотим делать упрека; можно ли более ожидать в стране столь обширной и малонаселенной, как Россия, в которую современное образование проникло лишь 150 лет тому назад? Вряд ли мы найдем в истории второй пример столь быстрого развития образования в высших сословиях, как это видим в России.

Все сказанное нами о науке и ее двигателях вообще относится также к геологии. В Польше и России число геологов сравнительно с пространством столь незначительно, что при равномерном разделении этих стран на долю каждого геолога пришлось бы пространство, равняющееся или даже превышающее величиной Великобританию; в сей же последней находится, по крайней мере, вдвое более геологов и палеонтологов, чем во всей России.

Удивительно ли после этого, что большая часть наших геологов незнакомы лично и даже не переписываются между собой! Не удивительно также, что труды их остаются неизвестными в более удаленных от них обществах. Да и как незначительно в этих обществах число лиц, имеющих первоначальные понятия о геологии; не говорим уже о настоящем понимании этой науки. Во время одного из моих путешествий, на вопрос одного из высших губернских сановников о цели моего путешествия, я сказал, что мне поручено в двух из наших северных губерний определить, не находится ли там каменноугольная формация, на что он мне ответил **«вряд ли вы у нас найдете доброкачественный каменный уголь, ибо здесь в окрестностях растет один лишь сосновый лес»**^[1].

Геология у нас в России представляет науку совершенно чуждую, известную и любимую только в весьма малом числе небольших обществ. В первой трети настоящего столетия Горный кадетский корпус представлял единственное в России заведение, в котором читались полные курсы геологии^[2]. В университетах либо вовсе не читалась геология, или же курсы были весьма недостаточны. Только в Дерптском университете геология читалась с двадцатых годов настоящего столетия, и здесь с того времени образовалось несколько русских геологов. В Академии наук геология имела

представителя в лице одного только члена-минералога. Большая часть геологических исследований прежних времен были вызваны Горным ведомством, находящимся под ведением министра финансов, и произведены горными инженерами^[3]. То же самое мы видим и в настоящее время, с тою только разницей, что теперь некоторые другие министерства и управления, как, например, Министерство народного просвещения, Географическое общество, наместники и главные начальники отдельных областей, часто предпринимают геогностические исследования, к которым ими нередко также призываются горные инженеры.

Исследуя историю геогностических путешествий, помещенных в наших ученых периодических изданиях, должно прийти к таким заключениям: правительство уже с давнего времени щедро жертвовало значительные капиталы для производства геологических исследований; эти капиталы, будучи употреблены с самого начала для систематического исследования России учеными геологами, которые бы действовали по одному общему плану, давно уже послужили бы к достижению точного результата, а именно приведения в полную известность всех частей России, и существовала бы возможность составить более подробную и более верную карту, сравнительно с изданными до настоящего времени. Ниже мы увидим, что неимение хорошей географической карты было одним из препятствий для систематического исследования России; но, кроме того, результат этот не достигнут потому:

а) что при большей части исследований, особенно же предпринятых от Горного ведомства, были преследуемы только местные, так называемые практические цели, и что эти исследования совершенно разрознены, не имея никакого общего между собою отношения;

б) что исследования эти иногда были поручаемы лицам, не имевшим никакого призвания и достаточных познаний в геологии, непременно следствием чего являются неточные определения формаций и горных пород;

с) что при исключительно практическом направлении, которому подвержены столь многие исследования, значительные пространства России оставались неисследованными, потому что не было надежды на открытие в них полезных минералов. Сюда преимущественно относятся обширное поле пермской системы в Восточной и третичная система Южной России, а также и новейшие образования. Напротив того, часто случалось, что одна и та же местность была несколько раз исследуема в различное время, различными лицами и по распоряжению различных ведомств только потому, что о прежних исследованиях ничего не было известно. Ничтожное месторождение бурого угля на речке Берда в Оренбургской Киргизской степи, в 60 верстах от Красногорской станицы, в различное время 9 раз было подвержено геологическим исследованиям и столько же раз признано не стоящим разработки.

Граф Канкрин поручил исследовать казенные горные округа хребта Уральского и составить им геологические карты. Работы эти в свое время, быть может, имели значение, но давно уже признаны неудовлетворительными. Отдельные части хребта Уральского были исследованы, еще чаще месторождения негодного бурого угля на речке Берде; несмотря на то, мы до настоящего времени имеем подробную карту лишь южной части Урала, составленную Меглицким, Антиповым 2-м и Барботом-де-Марни, ибо геологическая карта казенных горных округов хребта Уральского генерала Гофмана еще не окончена, а карта Нижнетагильского горного округа осталась неизданной.

Если бы значительные капиталы и время, употребленные на геологические исследования Уральского края, выпали на долю двух или трех специалистов-геологов, которые работали бы по общему определенному плану, то мы давно уже имели бы материалы для составления специальной карты означенного края. В настоящее время весьма важно было бы иметь подробную карту всего хребта Уральского, для определения мест залегания каменного угля, железных и медных руд, а также и золотоносных россыпей, ибо теперь только, при освобождении крестьян от крепостной зависимости, Урал должен быстро развиваться, и можно надеяться, что он отныне, при энергических действиях со стороны министерства, приобретет настоящее свое значение для государства.

Вместе с наблюдениями, производившимися с промышленной целью, предпринимались также от Горного ведомства чисто научные исследования, наиболее подвинувшие геологическое описание России. Сюда относятся, например: знаменитое путешествие Гумбольдта и его спутников; путешествия Пандера в губерниях Новгородской, Тверской, Московской, Тульской, Калужской, Рязанской и Орловской для исследования образований каменноугольного периода; труды Абиха на Кавказе; девятилетние путешествия Гофмана в казенных горных округах хребта Уральского, в которых он был сопровождаем Барботом и Грюневальдтом; также труды Карпинского об Уральских золотоносных россыпях и исследования Романовского о горном известняке Тульской, Калужской и Рязанской губерний; далее исследования Иваницкого в Донецком горном крае, исследования Меглицкого и Антипова 2-го в Южном Урале, описание рудных месторождений хребта Уральского Антипова 2-го; исследования Озерского в Эстляндии; сюда же относятся многие мною совершенные путешествия^[4].

К этому же разряду должно отнести покровительствовавшие Министерством финансов исследования Мурчисона, Вернейля и графа Кейзерлинга, изложенные в сочинении "The Geology of Russia in Europe and the Ural Mountains", представляющем первое и донныне единственное полное систематическое геологическое описание России. При составлении его Мурчисон обратил также внимание на все произведенные до 1845 года исследования, и несмотря на то, что после издания этого сочинения сделаны некоторые более точные определения и новые открытия, все-таки оно всегда будет иметь весьма важное значение, ибо оно основано на точных данных, изложенных с необыкновенным талантом. Здесь же мы должны упомянуть еще о путешествии графа Кейзерлинга на Печору^[5].

К числу исследований, произведенных с чисто ученой целью, должно отнести также все труды, вызванные университетами и частными лицами, из коих мы упомянем об исследованиях прибалтийских губерний, произведенных Пандером, А. Шренком, Пахтом, Шмидтом, Гревингом, Эйхвальдом и другими^[6]. Все эти исследования в новейшее время соединены Гревингом в один, общий геологический обзор остзейских губерний, к которому приложена также карта этой местности^[7]. Посредством этого труда Дерптский университет первый разрешил задачу Министерства народного просвещения, которое несколько лет тому назад предложило профессорам-геологам наших университетов материальные средства для исследования учебных округов, обнимающих обыкновенно несколько губерний; цель этой задачи состояла в составлении карт и подробных геологических описаний исследуемых местностей. Вследствие этого же распоряжения профессор Вагнер в Казани издал карту Симбирской и Казанской губерний; Куторга карту С.-Петербургской губернии. В Москве, Киеве и Харькове подобные карты еще не

окончены^[1]. Хотя предприятие это весьма полезно, но вряд ли можно надеяться на полный успех оно, потому что как назначенный к тому капитал, так и число лиц, занятых этими исследованиями, слишком незначительны для удовлетворения требованиям. Для выполнения столь обширных задач требуется большее число сведущих лиц, и только действительным государственным геологам, которые бы работали безостановочно и по общему плану, как мы это видим во Франции, Англии, Америке и Австрии, удастся выполнить этот труд, к которому стремятся у нас без достаточных средств.

Особенные обстоятельства заставили меня не упоминать здесь об Академии наук. Академия не обладает собственными средствами для снаряжения ученых экспедиций, и хотя она иногда снаряжала их, но должна была испрашивать на это отдельные суммы из государственного казначейства. Членами Академии наук по части геологии, Абихом и мной, в последние десятилетия были произведены многочисленные исследования; так как оба мы вместе с тем служим также в Горном ведомстве, то и были побуждаемы к этим исследованиям Штабом Корпуса горных инженеров, от которого для сей цели назначались и денежные средства.

Подведомственное Министерству внутренних дел Географическое общество оказало большие заслуги в деле геологического исследования России. Все снаряженные им экспедиции имели чисто научную цель; к ним принадлежат: путешествия Гофмана в Северный Урал; путешествия, совершенные мной и Пахтом для исследования девонской полосы Средней России; труды Ауербаха в горе Богдо; путешествие Фр. Шмидта в Амурскую область и на остров Сахалин^[9].

Объем и цель этой статьи не позволяют подробно упомянуть здесь обо всех геологических исследованиях, донныне произведенных в России. Одно перечисление всех этих трудов могло бы составить отдельную книгу. Я упомянул здесь в виде примеров только о некоторых исследованиях, для показания различного их характера и различных ведомств, вызвавших оные. Ряд примеров заключаю исследованиями, которые были произведены некоторыми другими министерствами, отдельными управлениями и частными лицами. Министерство государственных имуществ предприняло разрешить вопрос: может ли быть заселена область реки Маньча, между Каспийским и Черным морями, или нет? В снаряженной с этой целью экспедиции геологическая часть была поручена Барботу-де-Марни^[10]. <... >

Опубл.: Горный журнал, или Собрание сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящихся. 1863. Кн. VI, ч. II. С. 537–544 (2-я pag.).

^[1] Каменный уголь как раз образуется на месте произрастания лесов.

^[2] Горный кадетский корпус — высшее учебное заведение, действовавшее в 1804–1834 гг. При нем было основано Минералогическое общество (1817), организован музей, с 1825 г. стал выходить специализированный «Горный журнал». В 1834 г. был преобразован в Корпус горных инженеров.

^[3] 8 сентября 1802 г. при Министерстве финансов было образовано Горное учреждение, деятельность которого регламентировалась Горным положением 1806 г.

^[4] В 1829 г. А. фон Гумбольдт в сопровождении Г. Розе и Х. Г. Эренберга исследовал уральские рудные месторождения; в ходе экспедиции на Западном Урале были обнаружены признаки пермской геологической системы, найдены признаки алмазоносности и кристаллы алмаза. Свои наблюдения ученый изложил в фундаментальном труде «Центральная Азия» (1843), отдельная глава которого посвящена геологическим особенностям Урала.

С 1842 г. и до конца жизни (1865) Х. И. Пандер служил чиновником особых поручений по ученой части при Горном департаменте. За время службы он совершил несколько поездок по России с геологической целью, преимущественно для выявления угольных месторождений.

Г. В. Абих сосредоточился на геологии Кавказа, начав с изучения в 1844 г. Закавказья от Тифлиса до турецкой границы, в 1845 г. впервые совершил восхождение на Арарат; в дальнейшем занимался проблемами ледников, геологического строения и полезных ископаемых региона.

Э. К. Гофман в 1828–1829 гг. вместе с Г. П. Гельмерсеном работал на Южном Урале, главным образом изучая залежи золота; в 1847–1850 гг. побывал на Северном Урале; в 1853–1859 гг. — на Среднем Урале.

А. П. Карпинский начал заниматься геологией Урала и его золотых запасов еще в студенческие годы. По собранным материалам в 1868 г. он защитил диссертацию, в которой высказал предположение о различных видах золотых месторождений региона.

Г. Д. Романовский в 1851–1853 гг. изучал геологические особенности Центральной России с целью создания надежной системы снабжения ее питьевой водой.

А. Б. Иваницкий первым обследовал район р. Кальмиус в 1832 г., заложив своими работами основу исследования Донецкого горного бассейна.

Н. Г. Меглицкий и А. И. Антипов в 1854–1855 г. изучали Южный Урал. Материал экспедиции лег в основу монографии «Геогностическое описание южной части Уральского хребта, исследованной в течение 1854 и 1855 годов» (1858).

А. Д. Озерский в 1844 г. опубликовал «Геогностический очерк Северо-Западной Эстляндии».

^[5] *Murchison R. I., Verneuil E., Keyserling A. The Geology of Russia in Europe and the Ural Mountains. Vol. 1 : Geology. London, 1845; Géologie de la Russie d'Europe et des montagnes de l'Oural. Vol. 2 : Paléontologie. Londrés ; Paris, 1845.* То же на русск. яз.: *Мурчисон Р. И., Вернейль Ф. Э., Кейзерлинг А. А. Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского : в 2 ч. СПб., 1849.*

В ходе Печорской экспедиции 1843 г. под руководством гр. А. А. Кейзерлинга впервые было проведено комплексное изучение Печорского края.

^[6] Академик Х. И. Пандер в 1827 г. уволился с академической службы и дальнейшие исследования вел как частное лицо, в том числе изучение геологии прибалтийских территорий, в ходе которых им были открыты силурийские и девонские отложения в бассейне р. Пярун в Эстляндии (1843).

Естествоиспытатель А. И. Шренк, старший брат академика Л. И. Шренка, в 1852 г. защитил в Дерптском университете диссертацию о силурийских слоях на территории Лифляндии и Эстляндии (“Uebersicht des oberen silurischen Schichtensystems von Liv- und Estland”).

Выпускник Дерптского и Лейпцигского университетов, с 1853 г. сотрудник Минералогического музея Академии наук, Р. Пахт изучал девонские отложения в Прибалтике.

В 1855 г. в Дерптском университете была защищена диссертация Ф. Б. Шмидта о силурийской флоре Эстляндии, Северной Лифляндии и о. Эзель (“Flora des silurischen Bodens von Estlad, Nord Livland und Oesel”).

К. И. Гревингк в 1854–1860 гг. изучал геологию прибалтийских провинций и составил геологическую карту территорий, описал найденные в ходе экспедиций орудия труда и останки животных.

Палеонтолог Э. И. Эйхвальд изучал минералогию и палеонтологию Прибалтики.

^[7] *Grewingk C. Geologie von Liv- und Kurland mit Inbegriff einiger angrenzenden Gebiete. Dorpat, 1861.*

^[8] Геогностическая карта Санктпетербургской губернии / сост. проф. С. Куторга. СПб., 1852; Геогностическая карта Казанской губернии / сост. П. Вагнер. [Казань], 1855; Геогностическая карта Симбирской губернии / сост. проф. П. Вагнер. [Казань], 1856.

^[9] Экспедиции, организованные РГО: Э. К. Гофмана на Северный Урал (сейчас — Полярный Урал) в 1847–1850 гг.; Г. П. Гельмерсена 1850 г. для исследования девонской полосы от р. Западная Двина до р. Воронеж; Р. Пахта 1853 г. для изучения девонской формации Средней России и составления карты; И. Б. Ауэрбаха 1854 г. для обзора геологического строения

г. Большое Богдо (самая высокая точка Прикаспийской низменности); Ф. Б. Шмидта в качестве руководителя физического отдела Амурской экспедиции 1859–1862 гг. для изучения растительного и геологического строения Приамурья и Сахалина.

Подробнее см.: *Семенов П. П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества 1845–1895 : в 3 ч. СПб., 1896.

^[10] Маньчжурская экспедиция 1860–1862 гг., которой руководил горный инженер, геолог Н. П. Барбот-де-Марни.

**«Сэр Родерик Импей Мурчисон.
Статья академика Г. П. Гельмерсена, читанная в торжественном
заседании Академии наук 29 декабря 1871 г.»**

11 октября 1871 года³ скончался в Лондоне действительный член Академии сэр Родерик Импей Мурчисон, на восьмидесятом году своей жизни, которая с таким блестящим успехом была посвящена науке. Ученый мир всех частей света с глубоким прискорбием прочел весть об этой кончине; но для нас она еще особенно прискорбна потому, что ученая деятельность сэра Родерика имела близкое отношение к России. Историю его жизни, которая вместе с тем будет поучительной историей и его научного развития, мы ожидаем от его соотечественников. Нам же предстоит почетный долг с глубокою благодарностью помянуть высокие заслуги покойного собственно перед Россией. Наше отечество утратило в нем одного из самых ревностных и преданных друзей своих, наука — одного из своих замечательнейших деятелей.

Сэр Родерик Импей Мурчисон родился 19 февраля 1792 г., в Россшире, в Тарраделе, имении своего отца, мистера Кеннета Мурчисона, от брака его с Барбарой Мекензи, старшею дочерью мистера Кеннета Мекензи. Первоначальное образование получил в Дургемской школе, откуда потом перешел в Королевское военное училище в Марло. Едва успел он достичь пятнадцатилетнего возраста, как пришлось ему взяться за оружие и прямо из школы идти в поход в Испанию, где в то время герцог Веллингтон переносил победоносное британское знамя с одного поля сражения на другое. Мурчисон сначала поступил в 36-й пехотный полк, потом состоял при штабе своего дяди, генерала сэра Александра Мекензи, в Сицилии, и, наконец, в капитанском чине служил в Инискелленском 9-м драгунском полку. Еще не исполнилось ему семнадцати лет, а он успел уже участвовать в трех больших сражениях: при Ролисе, Вимиере, где он нес полковое знамя, и при Корунье^[1].

В 1815 году он покинул военную службу и женился на Шарлоте Гюгонин, единственной дочери генерала Гюгонина. Этот брак имел решительное влияние на всю дальнейшую судьбу его жизни.

---

³ В русском «Горном журнале» за 1872 г. указывается дата 11 октября по юлианскому календарю, в то время как Р. И. Мурчисон родился и скончался в Лондоне, где по григорианскому календарю дата его кончины — 22 октября.

Леди Мурчисон была женщина необыкновенная, и ученый мир обязан ей глубокою благодарностью. Если бы она, как говорит Франк Буклэнд в некрологе этой замечательной женщины^[2], не отвлекла пятьдесят лет тому назад могучий ум своего мужа от простых занятий отставного драгунского капитана и не направила его на поприще науки, Англии не довелось бы гордиться знаменитым баронетом, который с такою неутомимой энергией трудился на пользу геологии, и благодаря которому открытия Англии в этой науке славятся повсюду, и ими пользуется человек везде, где существует цивилизация и где промышленность разрабатывает ископаемые богатства почвы.

В молодых годах, когда дарования сэра Родерика начали развиваться, леди Мурчисон всюду сопровождала своего мужа, вооруженная молотком, записной или рисовальной книжкой; она была неотлучно при нем в его ученых путешествиях по берегам Англии, на Альпах, в Италии, в Германии; она не оставляла его и в мирном кабинете, где он оканчивал свое обширное сочинение о Силурийской системе. Это была женщина, не только обладавшая обширными энциклопедическими сведениями по разным отраслям знания, но и специально ученая по конхилиологии^[3]; кроме того, она отличалась замечательным талантом в рисовании. Многие из рисунков, украшающих сочинения ее мужа, принадлежат ее карандашу; между прочим, наука обязана ей верным изображением открытого в Швейцарии и столь прославленного впоследствии скелета ископаемой лисицы — тем самым изображением, которое дало возможность Кювье определить это животное^[4]. Впоследствии она была для мужа утешительницей и советницей, поддерживая и ободряя его в той тяжелой борьбе, которую пришлось ему испытать для того, чтобы отстоять новые воззрения, вводимые им в геологию. Внешнему миру мало было известно о тех трудностях, препятствиях и колебаниях, которые приходилось выдерживать молодому ученому, и в преодолении которых ему помогала его подруга. «Глубоко должны мы чтить, — восклицает Буклэнд, — жену человека, вознесшегося на такую высоту в ученом мире, так как ей принадлежит весьма существенная доля в том, что совершено им».

Итак, леди Мурчисон удалось отвлечь своего молодого супруга с полей битвы и от военных почестей к мирной деятельности на ученом поприще. После нескольких лет пребывания Мурчисона на Европейском материке мы находим его в 1822 г., в Лондоне, где он, по совету сэра Гумфри Деви, усердно посещает лекции физических наук в Royal Institution^[5]; а немного лет спустя видим его занятым геологическими исследованиями на юге Англии. В 1825 г. он представил в Лондонское географическое общество, которого состоял членом, рассуждение о геологическом строении северо-западной части Суссекса и прилегающих частей Гэмпшира и Суррея. В 1826 г. он исследовал каменноугольные залежи в Сутерлэндшире, причем удостоверился, что они принадлежат к юрской формации; потом, в 1827 г., в сопровождении одного из своих старейших друзей, пастора Адама Седжвика, профессора геологии в Кембридже, он отправился в Шотландские горы, а в 1828 г. вместе с сэром Чарльзом Лайелем обозрел потухшие вулканы Оверни и третичные формации южной Франции. Оба ученых представили тогда важные объяснения относительно образования долин от вымывов. После того Мурчисон исследовал Австрийские и Баварские Альпы и результаты этого исследования издал вместе с Седжвиком в 1829 и 1830 годах^[6].

Таким образом, мы видим Мурчисона, уже при самом начале его ученой деятельности, сотрудником наиболее выдающихся ученых Англии, к числу которых принадлежал и Буклэнд. Седжвик, Буклэнд и сам Мурчисон заметили весьма важный пробел в системе геологии, а именно недостаточность изучения и, вследствие того, шаткость и некоторую сбивчивость классификации и последовательности так

называемых палеозойских формаций, то есть тех осадочных формаций, которые занимают место между кристаллическими сланцами и триасовой почвой. Влиянию Буклэнда должно, по-видимому, приписать то обстоятельство, что Мурчисон и Седжвик посвятили себя изучению этих формаций сперва в своем отечестве, а именно в Южном Уэльсе, Гирфордшире и Шропшире, а потом в Бельгии и Прирейнской области.

Плодом этого изучения было несколько классических сочинений: «Силурийская система», великолепный труд одного Мурчисона, явившийся в свет в 1839 г.⁴, и два других сочинения, написанные им в товариществе с Седжвиком. Из этих последних одно издано в 1837 г. и имеет предметом геологию Девоншира, а именно, состав и деление палеозойского образования названной области, откуда было заимствовано и название девонской системы. Другое сочинение, напечатанное в 1842 г., познакомило нас с составом, распространением и классификацией палеозойских формаций северной Германии и Бельгии. Эти три сочинения вместе с сочинением известного английского палеонтолога Филлипса о древних формациях Великобритании^[7] проложили новый путь в системе геологии. В самом обширном объеме и самым основательным образом они доказали, что совокупность пластов, называвшаяся в прежнее время переходной, или серовакковой формацией, распадается на два резко различающиеся между собою образования, из которых нижнее Мурчисон назвал силурийской системой, а непосредственно за ним следующее верхнее — девонской системой. Столь же резко отделилась девонская система от лежащей на ней каменноугольной формации, за нижний ярус которой был признан горный известняк.

Таким образом, была навсегда устранена шаткость, существовавшая дотоле в этой области: яркий свет рассеял тьму, познанию и исследованию названных формаций было положено прочное основание. Успех был необыкновенный. Геологи Европейского материка, каждый в своем отечестве, немедленно принялись за переисследование палеозойской области. В России, если уже и прежде были люди, приобретшие себе заслуженную известность изучением древнейших осадочных формаций, то сочинения Мурчисона послужили и для них путеводной нитью в дальнейших трудах. В самом Мурчисоне зародилось желание обозреть обширные палеозойские области Европейского материка и в них искать поверки и подтверждения тем делениям и той последовательности формаций, которые были им замечены в Англии, Бельгии и Прирейнском крае. Никакая другая страна не представлялась в такой степени удобной для этой цели, как Европейская Россия. Хотя в ту пору геологическое строение ее было еще недостаточно исследовано, однако из предшествовавших работ Страгвейса, Эйхвальда, Пандера и Густава Розе, а также из сочинения Леопольда фон Буха: «Материалы к определению горных формаций России»⁵, уже было известно, что палеозойские формации в нашем отечестве занимают площадь громадного протяжения. В особенности труды Пандера и Буха возбуждали в Мурчисоне желание

⁴ *Murchison R. I. The Silurian system, founded on geological researches in the counties of Salop, Hereford, Radnor, Montgomery, Caermarthen, Brecon, Pembroke, Monmouth, Gloucester, Worcester, and Stafford; with descriptions of the coal-fields and overlying formations. London, 1839 (Примеч. сост.).*

⁵ *Buch L. v. Beiträge zur Bestimmung der Gebirgsformationen in Russland. Berlin, 1840. То же на русск. яз.: Бух Л. О горных формациях России // Горный журнал. 1840. Ч. 4, № 11. С. 154–203 (Примеч. сост.).*

посетить Россию, так как из них он убедился несомненным образом в том, что на севере России должны оказаться системы, соответствующие силурийской и девонской системам Великобритании.

Окончательно решившись предпринять путешествие в Россию, сэр Родерик сообщил о своем намерении российскому послу при Лондонском дворе, барону Бруннову, и через ходатайство этого сановника, всегда готового содействовать успехам науки, получил от нашего правительства не только согласие на задуманное им исследование, но и содействие оному.

Мурчисон, собственно, был не палеонтолог; специальную область его занятий и исследований составляли преимущественно стратиграфия и учет о последовательности формаций. Поэтому, во всех своих ученых путешествиях, он приглашал себе в спутники специалиста-палеонтолога. На этот раз выбор его пал на г. Вернейля, уже и прежде сопровождавшего его при исследованиях в Бельгии.

В начале лета 1840 года оба путешественника явились в Петербург, куда еще до их прибытия съехались барон Александр Мейендорф, граф Александр Кейзерлинг и ганноверский профессор Блазиус, которым было поручено нашим правительством произвести некоторые исследования в России по части естественной истории и статистики.

Бывший министр финансов граф Канкрин и тогдашний начальник Корпуса горных инженеров К. В. Чевкин поддержали путешественников самым деятельным покровительством своим. Повсюду были разосланы предписания о том, чтобы им было оказываемо всякое содействие, в каком они могли нуждаться для достижения своей цели. Наш почтенный сочлен, тогда еще только поручик Корпуса горных инженеров, Н. И. Кокшаров, был назначен сопровождать Мурчисона.

Исследовав сперва окрестности Петербурга, экспедиция направилась на север, через Вытегру, в Архангельск, отсюда — на Ярославль и Кострому, в Москву и Нижний Новгород; потом спустилась по Волге до Юрьевца, и наконец, через Рязань, Коломну и Москву, возвратилась в С.-Петербург.

В этом первом путешествии членам экспедиции несколько раз приходилось разъезжаться в разные стороны и снова съезжаться, так как различие целей препятствовало им следовать постоянно всем вместе; граф Кейзерлинг присоединялся попеременно то к той, то к другой партии. Хотя это первое путешествие уже привело к весьма важным результатам и хотя Эйхвальд напечатал свое сочинение о силурийской системе Эстляндии, а Дюбуа-де-Монпере геологическое описание Крыма, Кавказа, Волыни и Подолья, хотя ожидалось предпринятое Густавом Розе обнаружение результатов путешествия Гумбольдта^[81], и кроме того существовало уже несколько замечательных геологических работ русских горных офицеров и даже была составлена небольшая общая геологическая карта Европейской России, — однако в произведенных исследованиях, очевидно, недоставало еще слишком многого для того, чтобы построить общую геологическую картину России на более прочных основаниях, чем прежде. В этом убеждении граф Канкрин испросил соизволение государя императора на то, чтобы пригласить сэра Родерика Мурчисона и г. Вернейля предпринять второе ученое путешествие по России. Граф Кейзерлинг, родом из Курляндии, вступил между тем в государственную службу. Он присоединился к путешественникам, для сопровождения которых был опять назначен поручик Кокшаров.

Объехав, в сопровождении графа Кейзерлинга, сначала губернии: Виленскую, Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую, побывав затем в Петербурге, где они

имели счастье представиться государю императору и удостоились самого милостивого приема, Мурчисон и Вернейль, вместе с прочими членами экспедиции, отправились сперва в Тульскую и Калужскую губернии для осмотра простирающейся в них каменноугольной формации, а затем на Урал, в Оренбург, в Киргизскую степь, к горе Богдо, в степи астраханских калмыков, к низовью Волги и, наконец, в Донецкий каменноугольный кряж. На обратном пути были ими исследованы губернии: Харьковская, Курская, Орловская и долина Дона около Воронежа. На этот раз члены экспедиции также разделили между собою труды, потому что только таким образом и при деятельной помощи К. В. Чевкина оказалось возможным, в такое короткое время, достичь тех важных результатов, которые это путешествие доставило науке и нашему отечеству.

Прежде чем мы попытаемся в кратком очерке изложить эти результаты, следует упомянуть, что Мурчисон, для того, чтобы иметь возможность сравнить геологическое строение России со строением смежных с нею стран, объездил в 1842 году значительную часть Германии, Польшу и Карпатские горы, а в 1843 г. — Швецию и Норвегию; граф же Кейзерлинг, летом 1843 г., вместе с флотским офицером П. Крузенштерном, исследовал Печорский край, до которого экспедиция 1840 года не достигала. После того как результаты этих путешествий были представлены в нескольких предварительных отчетах Лондонскому геологическому обществу, мы приобрели, в 1845 г., монументальное сочинение: “The Geology of Russia in Europe and the Ural Mountains”. Первая часть его принадлежит самому Мурчисону; вторая часть, посвященная палеонтологическим исследованиям, была составлена Вернейлем, Кейзерлингом и известным французским палеонтологом Альсидом д’Орбиньи⁶.

Точно так же, как прежде «Силурийская система» Мурчисона проложила новый путь для изучения палеозойских формаций на всем земном шаре, так “Geology of Russia” наших трех знаменитых путешественников сделала переворот в геологических исследованиях России. Постараемся в кратких словах охарактеризовать значение этого сочинения.

Геологическое строение России, бывшее до того времени известным более или менее отрывочно, и графическое изображение которого было, в виде опыта, набросано на двух небольших картах, явилось в названной книге определенными твердыми и ясными чертами. Отдельные наблюдения, произведенные с редкою проницательностью тремя геологами-путешественниками, а равно критически проверенные и исправленные работы некоторых из их предшественников, были сгруппированы вместе, причем каждой группе отведено действительно принадлежащее место, и все они были, со свойственным Мурчисону мастерством, соединены в одну цельную геологическую картину страны.

Хотя приложенная к книге геологическая карта, заключающая в себе не один только Урал, но и Кавказ, Арало-Каспийскую низменность и все побережье Черного моря, представляла весьма мало подробностей, тем не менее, рассматривая ее, можно было совершенно уяснить себе распределение и вероятные границы отдельных формаций. Входящие в состав каждой формации члены представлены очень наглядно

---

⁶ Murchison R. I., Verneuil E., Keyserling A. The Geology of Russia in Europe and the Ural Mountains. Vol. 1 : Geology. London, 1845; Géologie de la Russie d’Europe et des montagnes de l’Oural. Vol. 2 : Paléontologie. Londrés ; Paris, 1845. То же на русск. яз.: Мурчисон Р. И., Вернейль Ф. Э., Кейзерлинг А. А. Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского : в 2 ч. СПб., 1849 (Примеч. сост.).

и метко в двух, помещенных по бокам карты, идеальных профилях, которым немало придает цены еще и то, что при каждом ярусе каждой формации выставлены имена характеризующих его раковин и название местности, где можно наблюдать их. Стоит только отыскать в тексте и в прекрасных виньетках первого тома литологические и стратиграфические условия каждой местности, а во втором томе изображения окаменелостей — и таким образом, не выходя из кабинета, можно совершить весьма поучительное путешествие по всей России.

Как зоологи и ботаники в своих исследованиях по настоящее время опираются на Палласа, так точно геологам и палеонтологам России придется еще долго справляться с великолепным сочинением сэра Родерика.

Во-первых, из него мы узнали тот новый факт, что даже на Крайнем Севере, в Двинском низовье и в Печорском крае, встречаются палеоценовые пласты с хорошо сохранившимися створками раковин, по настоящее время живущих еще в северных морях. Из него же мы почерпнули сведения, что новые третичные напластования Аральско-Каспийской и Черноморской низменностей распадаются на два отдела, которые весьма удачно названы древнейшими и позднейшими каспийскими. В низовье Волги находим мы древнейшие третичные образования.

Во-вторых, то, что еще прежде угадывал Леопольд фон Бух, а именно, что в северной половине России не существует представителей мелового периода, было вполне подтверждено Мурчисоновой «Геологией России».

В-третьих, юрская формация, которая до того времени была известна только в небольших, спорадических рассеянных котловинах, вдруг предстала огромными сплошными поясами и площадями между средним течением Волги и Тиманским горным кряжем, между этим кряжем и западным подножьем Урала, и на северно-восточной окраине Каспийской низменности.

В-четвертых, Мурчисон еще прежде признал, что пестрый песчаник, на который до тех пор смотрели как на нижний ярус триаса, следует отделить от него и отнести к периоду цехштейна, считая его верхним ярусом последнего. Когда он увидел, что это новое воззрение подтверждается громадной формацией, занимающей почти всю восточную половину России и содержащей, у подножья Урала, медные руды, а далее на запад соленые ключи и каменную соль, то он назвал эту формацию «**пермской**», на том основании, что ни в какой другой местности эта формация не встречается в таком громадном развитии, как в древней Биармии^[9]. Здесь кстати будет заметить, что верхнюю часть этой формации, вследствие ее большого сходства в литологическом отношении с девонской системой России, Мурчисон первоначально принимал за эту последнюю; но по более точном исследовании он согласился со своим молодым спутником Кокшаровым, опровергавшим его заключения, так как ему уже было известно гораздо позднейшее происхождение большой восточной формации.

В-пятых, чрезвычайно важна была, даже в практическом отношении, а именно по применению к горному делу, та часть Мурчисонова сочинения, в которой идет речь о каменноугольной формации средней России. Мурчисон и его спутники нашли, что эта формация распадается на два главных яруса, из которых верхний никогда не заключает в себе каменноугольных пластов, а нижний, содержащий каменный уголь, лежит непосредственно на девонских пластах. Каждый из этих отделов так характеристично отличается и сопровождающими его раковинами, и литологическими условиями, что смешивать их между собою невозможно. Этим был прочно определен геологический горизонт, в котором надлежало искать каменный уголь

в средней России, и безошибочная верность указания Мурчисона в этом отношении подтвердилась в сотнях пунктов. Кроме того, Мурчисон уже тогда высказывался в пользу пригодности этих каменных углей для употребления.

В-шестых, весьма важный результат дало также изучение девонских пластов России, ибо только посредством его Мурчисон мог удостовериться, что понятие о составе этой системы, которое он вывел из своих исследований в Англии и в Шотландии, и которое оспаривалось некоторыми геологами, например, Фердинандом Ремером, было единственным действительно верное.

В-седьмых, исследование нижних силурийских пластов Эстляндии вполне подтвердило прежнее предположение, которое Мурчисон особенно отстаивал, что эти пласты содержат в себе остатки первых, а следовательно, древнейших животных, обитавших на земном шаре.

В-восьмых, известный дотоле только по имени Тиманский кряж на западной окраине Печорской низменности был исследован графом Кейзерлингом, и это исследование вполне удовлетворительно определило его направление, протяжение и геологическое строение, так что означенная местность, с ее палеонтологическими особенностями, составляет теперь особый тип в геологии России.

Боюсь переступить за границы краткой беседы, довольствуемся перечислением этих главных результатов. Заметим только еще раз, что “Geology of Russia” Мурчисона открыла новый путь науке; она стала исходной точкой и путеводной нитью для многих позднейших работ наших отечественных геологов.

К сожалению, нельзя не сознаться, что в течение двадцати пяти лет мы не воспользовались примером, который подал нам Мурчисон, и не подвинули вперед задачи, оставленной им для нас. Общую геологическую картину России, подаренную нам великим английским ученым, мы дополнили лишь в немногих отдельных частях, а те громадные пространства нашего отечества, каковы Пермская котловина, обширная третичная область Арало-Каспийской низменности, каменноугольная формация южной России, почти все западные губернии целиком, уже двадцать пять лет напрасно ожидают исполнения этой настоятельной задачи, с которой связано столько интересов России. Впрочем, разрешения ее нельзя ожидать от отдельных лиц или от случайных предприятий; труд этот может осуществить только государственное геологическое учреждение, трудящееся по определенному и обдуманному плану, такое учреждение, какие существуют в каждой образованной стране Европы, какими обладают и Соединенные Штаты Северной Америки, и Британская Индия.

“Geology of Russia” — не единственное сочинение Мурчисона, которым автор принес пользу для геологии России. Другое его сочинение, озаглавленное “Siluria”, явившееся в свет в 1859 году⁷ и недавно напечатанное новым изданием, посвящено исследованию палеозойских формаций Европейского материка и Северной Америки и может считаться образцом сравнительной геологии. В этом сочинении особенно важна для нас характеристика древних формаций России и Уральских золотоносных россыпей.

Мы старались вкратце исчислить заслуги Мурчисона относительно изучения России, но назвав его, в самом начале своей речи, ревностным и преданным другом нашего отечества, мы имели в виду не одно то обстоятельство, что он с такой любовью

---

⁷ *Murchison R. I. Siluria: a history of the oldest known rocks containing organic remains, with a brief sketch of the distribution of gold over the Earth. London, 1854 (Примеч. сост.).*

посвятил России свою ученую деятельность, а разумели также и его искреннее сочувствие к ее обитателям.

Свое благоговение к императору Николаю Павловичу и к Его августейшему наследнику он не раз высказывал и публично, и в кругу друзей своих, с живейшей благодарностью вспоминая истинно монарший и во всех отношениях лестный прием, которым его удостаивали оба государя^[10]. Ему дороги были и внешние знаки этого монаршего благоволения, без которых он никогда не являлся в тех случаях, когда в Лондоне, в торжественных собраниях, приходилось ему приветствовать членов русской императорской фамилии или других знатных русских. И какой радушный прием всегда встречали русские друзья и знакомые Мурчисона, когда, приезжая в Лондон, являлись в гостеприимный дом на Бельгрев-сквер, 16! Письма Мурчисона к его друзьям на Дальнем Востоке полны красноречивых изъявлений непоколебимой и неизменной любви к нашей стране и к народу и искренней преданности им.

Что эти чувства были непритворны — тому мы имеем много самых убедительных доказательств. Во время Восточной войны^[11] сэр Родерик стал во главе немногих англичан, которые имели мужество в своем отечестве публично завести речь в пользу России и против войны с нею. Если в этом случае его голос не был уважен, то в других обстоятельствах старания его увенчались полным успехом. Когда, несколько лет тому назад, Россия была вынуждена двинуть свои победоносные войска в Среднюю Азию, все умы в Англии встревожились^[12]; отовсюду послышались толки о приближении русских к Ост-Индии и об угрожающей ей, будто бы, опасности. Возбуждение было сильное, и буря политических страстей грозила закипеть. Но друг России, сэр Родерик, снова выступил ее защитником и спокойным, беспристрастным разъяснением дела успел потушить волнение.

Но с такою любовью Мурчисон относился не к одним высоким своим покровителям, не к одним своим личным друзьям: он питал ее ко всему русскому народу и сохранил это чувство к нему до самой своей смерти. Радушное гостеприимство и бескорыстное содействие, которые он нашел во всех классах общества, глубоко запечатлелись в его памяти, и навсегда осталось в его душе чувство глубокой благодарности.

«Если мне придется указать на особенно выдающуюся черту в русском народном характере, — говорит Мурчисон в своем предисловии к “Geology of Russia”, — то это будет та твердая, не отступающая ни перед какими препятствиями воля, которая на нетерпеливое “вперед” путешественника всегда весело отвечала всепобеждающим “можно”! Силою этого волшебного слова русские и на Москве-реке, и на Неве соорудили памятники, которые могут соперничать с величайшими произведениями древности и новейшего времени. Для такого народа не существует действительных затруднений. Проваливался ли мост — через несколько времени, как бы по волшебству, возникал на его месте новый. Натыкались ли путешественники на почти безводную речку — она на их глазах, как бы сверхъестественною силою, делалась судоходной, и они могли спускаться по ней в лодках. Там, где не было им возможности плыть, — сильные молодцы с веселой песней переносили лодки на плечах через мели и пороги. В мокроту и сухь, в зной и в стужу никогда не было слышно ропота на их устах, а на все был один ответ: “Можно!”».

«Славному повелителю великого царства, — заключает Мурчисон, — строение которого мы старались описать в нашей книге, и тем из его верноподданных, с которыми приходилось нам иметь дело, приносим мы дань искренней нашей преданности и непоколебимой, вечной признательности»^[13].

Если ко всему сказанному нами присовокупим, что сэр Родерик состоял не только действительным членом нашей Академии^[14], но и почетным членом Русского географического общества, подобно Гумбольдту и Карлу Риттеру, и находился в постоянных сношениях с обоими названными учреждениями, то всякому будет очевидно, что мы имели полное право считать его своим более, чем кого-либо другого из деятелей науки, живущих вне русских пределов.

Таким образом, с глубокою, сердечной благодарностью скажем об этом человеке, столь много потрудившемся на пользу России: мир его праху, честь его памяти!

Опубл.: *Горный журнал*. 1872. № 2. С. 340–352;
Записки Имп. АН. 1872. Т. 20, № 2. С. 176–190.

[1] Речь идет о начале Пиренейских войн — народном возмущении в Испании и Португалии, Мадридском восстании 2 мая 1808 г., вызванном насильственными мерами наполеоновского генерала Жуно. Английское правительство решило воспользоваться беспорядками для усиления своего колониального влияния на Пиренейском п-ове и последующей борьбы с Наполеоном. 12 июля 1808 г. английский экспедиционный корпус, в составе которого находился и 36-й пехотный полк, где Р. Мурчисон служил знаменосцем, был погружен на корабли в Корке (Ирландия) и отправлен к берегам полуострова. Здесь в ходе сухопутных боевых действий в полной мере проявился полководческий талант генерала Артура Уэлсли (впоследствии герцога Веллингтона), личную похвалу которого в одной из атак заслужил юный Р. Мурчисон.

[2] *Buckland F. T. Souvenirs of the life of Lady Murchison // Land and Water*. 13 Feb. 1869.

[3] Конхилиология, или конхиология — раздел зоологии, изучающий раковины.

[4] *Murchison R. I. On a Fossil Fox found at Oeningen near Constance; with an Account of the Deposit in which it was imbedded // Transactions of the Geological Society of London*. Ser. 2. 1832. Vol. 3. P. 277–290. Рисунок ископаемой лисицы на табл. 33.

Подлинный окаменелый скелет ископаемой «лисицы» Энингена, найденный Р. И. Мурчисоном осенью 1828 г. в Швейцарии между Констанцей и Шаффгаузеном и зарисованный его супругой Шарлоттой, согласно последним данным принадлежал собаке и сегодня является экспонатом Лондонского музея естественной истории. В молодости сэр Р. И. Мурчисон, еще до того, как обнаружил у себя интерес к геологии, был весьма искусным охотником на лисиц.

[5] Имеется в виду Королевский институт Великобритании (Royal Institution of Great Britain), основанный в Лондоне в 1799 г. для распространения знаний и содействия практическому применению научных открытий.

[6] Библиографию трудов Р. И. Мурчисона см.: *Geikie A. Life of Sir R. I. Murchison, based on his journals and letters*. London, 1875. Vol. II. P. 353–367; *Шатский Н. С.* Родерик Импей Мурчисон (1792–1871). М., 1941. С. 54–60.

[7] *Phillips J. Figures and descriptions of the Palaeozoic fossils of Cornwall, Devon and West Somerset*. London, 1841.

[8] Здесь Г. П. Гельмерсен перечисляет следующие исследования своих коллег:

Эйхвальд Э. И. О Силурийской системе пластов в Эстляндии. СПб., 1840; *Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Arménie et en Crimée par Frédéric Dubois de Montpéreux*. Vol. 1–6. Paris, 1839–1843.

В 1829 г. профессор Берлинского университета Г. Розе сопровождал А. фон Гумбольдта в путешествии по Уралу, он является автором минералогически-геогностического отдела в научном описании этой поездки. См.: *Rose G. Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspischen Meere auf Befehl Sr. Majestät des Kaisers von Russland im Jahre 1829 ausgeführt von A. von Humboldt, G. Ehrenberg und G. Rose. Mineralogisch-geognostischer Theil und historischer Bericht der Reise*, 2 Bde. Berlin, 1837–1842.

[9] Биармия (Бьярмаланд) — историческая область на севере Восточной Европы, в районе Кольского п-ова.

^[10] В 1841 г. Р. И. Мурчисон дважды встречался с наследником вел. кн. Александром Николаевичем. В 1845 г. ученый приехал в Петербург, чтобы лично представить только что отпечатанный том о геологии европейской части России и Уральских гор императору Николаю I, которому этот труд был посвящен.

^[11] В русской историографии — Крымская война (1853–1856), в которой Россия и Великобритания были противниками.

^[12] Среднеазиатские, или Туркестанские, походы — военные кампании русской армии против среднеазиатских ханств во второй половине XIX в. с целью присоединения их территории к России. В 1850-е гг. экспансия Российской империи в Среднюю Азию, являющаяся ареной геополитического соперничества Британской и Российской империй, вызвала тревогу в Лондоне.

^[13] См.: Murchison R. I., Verneuil E., Keyserling A. The Geology of Russia in Europe and the Ural Mountains. Vol. 1. P. XV–XVI.

^[14] Р. И. Мурчисон попал в список ординарных академиков неожиданно для себя. За сочинение «Геологическое описание Европейской России и Уральского хребта» Академия наук весной 1845 г. представила его в члены-корреспонденты, но по предложению Г. П. Гельмерсена, указавшего на особую важность его работ для России, академики решили избрать Р. И. Мурчисона своим почетным членом.

21 сентября 1845 г. указом Николая I Р. И. Мурчисону были предоставлены права и преимущества ординарного академика по геологии «в награду за выдающиеся его научные работы по геологии и принимая во внимание его местные исследования, как в России, так и в других странах Европейского континента, обогатившие науку новыми исследованиями и открытиями». Впрочем, своими правами российского академика ученый никогда не воспользовался и в Академии числился сверх штата.

См.: Recueil des actes de la seance publique de l'Academie Imperiale des sciences de Saint-Petersbourg, tenue le 29 decembre 1845. St.-Petersbourg, 1847. P. 7–8.

Некролог Г. П. Гельмерсену в “Petersburger Zeitung”

После 3 февраля 1885 г.

Chronik und Lokalnachrichten

Die Beerdigung des Akademikers General-Lieutenant Gregor v. Helmersen fand heute um 1 Uhr von der St. Katharinenkirche aus statt. Die schwarz ausgeschlagene Kirche machte einen feierlichen Eindruck. Der von Kränzen, unter denen einer die livländischen Farben trug, bedeckte Sarg, auf dem die Kasko stand, war von einer militärischen Ehrenwache umgeben. Das Gotteshaus war durch die große Menge der Leidtragenden ganz gefüllt. Unter den Trauernden, die dem Verewigten die letzte Ehre erwiesen, bemerkten wir Seine hohe Excellenz den Minister der Volksaufklärung Deljanow, die Körperschaft der Akademie in Gala-Uniform, den Generalsuperintendenten C. Laaland und mehrere Geistliche, den Kirchenrath der Katharinen-Gemeinde, den H[elmersen] lange Jahre geleitet, Vertreter der Evangelischen Unterstützungskasse und der Bibelgesellschaft, den Landmarschall Baron Meyendorff, den Hofmeister August v. Oettingen, Baron Pahlen-Palms, Graf Lützens, überhaupt zahlreiche Balten ehemalige Mitglieder der Livonia u. v. A[nderen].

Die Trauerrede des H[errn] Pastor Hasenjäger knüpfte an die Worte Eliesers: «Haltet mich nicht auf, denn der Herr hat Gnade zu meiner Reise gegeben. Lasset mich, daß ich zu meinem Herrn ziehe». Der Redner entwarf ein lebendiges Bild von der edlen, glaubensstarken Persönlichkeit des Verstorbenen, wie es genaue Bekanntschaft mit dem inneren Leben des Verewigten, innige Theilnahme an dem Schmerz der Hinterbliebenen

und Verehrung für Helmersen's Person ihm eingeben. Es ist uns unmöglich, den Inhalt der Rede auch nur andeutungsweise hier wiederzugeben. Aber in vielen Herzen wird das Bild des Verstorbenen lebendig bleiben, wie der Redner es zeichnete: ein treuer Diener seines Kaisers, ein livländischer Edelmann vom Scheitel bis zur Sohle, ein unbestechlicher reiner Jünger seiner Wissenschaft, voll und ganz jedem Werk hingegeben, an das er seine Hand legte, in allem Kreuz und aller Trübsal, die ihm auferlegt worden, ein innig gläubiges, seinem Gott und Erlöser dankbares Gemüth — so möge das Andenken Helmersen's unter uns fortleben. Von den Händen liebevoller Freunde emporgehoben wurde der Sarg Helmersen's hinausgetragen aus der Stätte, wo die Steine von seinem Wirken reden könnten, wenn Menschenzungen schweigen. Unendlich lang war der Zug, dem sich auch die dem hohen militärischen Rang des Verewigten gebührende militärische Cortage von Artillerie und Infanterie anschloß. Der Zug bewegte sich zur Baltischen Bahn, die heute Nacht die irdischen Reste des Verewigten nach Dorpat führt, wo er sich selbst den Ruheplatz erwählt hatte. Sein Herz hat ja bis zuletzt nicht aufgehört warm für die alma mater zu schlagen, in der er einst den Grund seiner für Russland so segensreichen wissenschaftlichen Tätigkeit gelegt.

СПБФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Г. Д. 10. Л. 37. Подлинник. Типограф. печать. Нем. яз.

Перевод

Хроника и местные новости

Сегодня в час пополудни в церкви Св. Екатерины состоялось прощание с академиком генерал-лейтенантом Грегором фон Гельмерсеном. Черное траурное убранство церкви производило торжественное впечатление. Гроб был украшен венками, один из которых — в цветах Лифляндской губернии^[1], поверх гроба лежала фуражка, стоял почетный военный караул. Церковь была заполнена скорбящими. Среди провожавших покойного в последний путь были Его превосходительство министр народного просвещения Делянов, академический корпус в парадных мундирах, главный суперинтендант К. Лааланд^[2] и несколько священнослужителей, Церковный совет Екатерининской общины, который Г[ельмерсен] возглавлял в течение многих лет, представители Евангелической вспомогательной кассы и Библейского общества, ландмаршал барон Мейендорф, управляющий Август фон Эттинген, барон Пален-Палмс^[3], граф Литке, и прочие многочисленные представители Балтии, бывшие члены Ливонии и др.

В своей прощальной речи пастор Газенъегер привел слова Элиезера: «Не удерживайте меня, ибо Господь благоустроил путь мой; отпустите меня, и я пойду к господину моему»^[4]. Оратор нарисовал живой образ благородной, стойкой в своих убеждениях личности покойного, будучи лично знакомым с ним при жизни, испытывая искреннее сочувствие к боли близких и глубокое уважение к фигуре Гельмерсена. Мы не приводим здесь подробности содержания этой речи. Но во многих сердцах будет жить образ покойного, каким его увидел оратор: верный слуга своего императора, лифляндский дворянин во всех отношениях, неподкупный и преданный служению своей науке, каждому делу, которого касалась его рука, под грузом всей ответственности и невзгод, который был на него возложен, искренне верующий и благодаривший Господа и Спасителя своего — такой останется память о Гельмерсене среди нас. На руках любящих друзей гроб Гельмерсена был вынесен из церкви, где камни могли говорить о делах его, когда уста человеческие замолчали. Бесконечно долгой была вереница скорбящих, к которой присоединился

подобающий высокому воинскому званию усопшего военный кортеж из артиллерии и пехоты. Процессия двинулась на Балтийский железнодорожный вокзал, откуда сегодня ночью бранные останки покойного отправятся в Дерпт, где он выбрал себе место последнего упокоения. Его сердце до последних дней не переставало радеть за альма-матер, где он когда-то заложил основу своей научной деятельности, принесшей столько блага России^[5].

Перевод М. Н. Додеус

^[1] Вероятно, в цветах герба Лифляндии: красном, синем, желтом и белом.

^[2] Генерал-суперинтендант К. Лааланд с 1877 г. возглавлял Петербургскую евангелическо-лютеранскую консисторию.

^[3] Палмс — родовое имя баронов фон Пален. По-видимому, имеется в виду минералог и палеонтолог Алексей фон Пален.

^[4] Элиезер — слуга Авраама; Быт. 24:56.

^[5] Еще будучи студентом Дерптского университета, в 1823 г., Г. П. Гельмерсен участвовал в нивелировке местности от Дерпта до истоков Волги.

Герман Иванович
ГЕСС

Hermann Heinrich Hess
(1802–1850)

В истории химии и Академии наук с именем Германа Ивановича Гесса связано открытие законов термохимии, в истории отечественного образования — написание русскоязычных учебников по химии¹.

Г. И. Гесс был избран адъюнктом в конце 1828 г. Академия наук быстро оценила его научную деятельность, повысив его до экстраординарного академика в 1830 г. и в 1834 г. — до ординарного. Усилиями Г. И. Гесса в Академии впервые после большого перерыва появилась полноценная химическая лаборатория.

Г. И. Гесс провел множество исследований в области аналитической и органической химии, имевших теоретическое и практическое значение. В поисках запасов брома на территории России он изучил химический состав водных источников Старой Руссы; устанавливая качество уральской платины, экспериментировал с ее каталитическими свойствами; выполняя секретное задание артиллерийского ведомства, нашел способ производства разных типов бумаги.

На страницах его учебного пособия «Основания чистой химии» была введена русская химическая терминология, в большинстве используемая и сейчас, и прозвучали выводы, которые легли в основу закона термохимии о постоянстве сумм тепла. В 1890 г. в серии «Классики точных наук» вышли «Термохимические исследования» Г. И. Гесса. Основатель серии В. Оствальд назвал эту работу Г. И. Гесса «отмеченной гением»².

---

¹ Библиографию трудов Г. И. Гесса см.: Гесс Г. И. Термохимические исследования / ред. ст. А. Ф. Капустинского. М., 1958. С. 184–190.

² Ostwald W. Lehrbuch der allgemeinen Chemie. Leipzig, 1893. Bd. II. S. 54.

Из протоколов Общих собраний за 1829 г.
о намерениях адъюнкта Г. И. Гесса

— обнаружить бром в составе природных вод из Старой Руссы

Понедельник, 8 июля

§ 400. Lu un rapport de M. l'Adjoint Hess, dans lequel il fait part à la Conférence, que le Brome, la dernière des substances simples, dont la Chemie ait été enrichie, n'a encore été cherchée par personne en Russie. M. Hess désirant que ce soit l'Académie, qui soit la première à découvrir cette substance dans le pays, il prie la Conférence de vouloir bien s'adresser au Département des mines et salines, et de le prier de faire évaporer à Staraya Roussa une quantité de 1000 livres d'eau jusqu'à suscité, et de faire passer le résidu à l'Académie³. La Conférence y consentit et en chargea le Secrétaire.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 138 об. — 139.

Подлинник. Рукопись. Фр. яз.

Подписи-автографы присутствовавших
в заседании академиков⁴.

Перевод

§ 400. Читали рапорт г-на адъюнкта Гесса, в котором он сообщает Конференции, что бром, последнее обогатившее химию простое вещество, пока никем не обнаружен в России^[1]. Желая, чтобы именно Академия первой нашла это вещество на территории страны, г-н Гесс просит Конференцию сообразоваться обратиться в Департамент горных и соляных дел^[2] и просить выпарить в Старой Руссе 1000 фунтов воды до образования кристаллов и передать в Академию образовавшийся осадок^[3]. Академия одобрила и поручила вопрос секретарю.

Перевод

О. А. Кириковой⁵

^[1] Бром был открыт в 1826 г. французом А. Ж. Баларом.

^[2] Департамент горных и соляных дел — такое наименование носил Горный департамент Министерства финансов с 12 октября 1811 г. до 15 апреля 1863 г. См.: Соколов А. Р. Управление горным образованием в системе высших и центральных учреждений Российской империи (XIX — начало XX вв.) // Записки Горного института. 2005. Т. 163. С. 98–99.

^[3] Результаты проведенных экспериментов Г. И. Гесс доложил 11 ноября 1829 г. Исследовав маточный (насыщенный) рассол воды из Старой Руссы, он обнаружил в нем содержание брома, который, как предположил ученый, можно было получать «без особого труда и в больших объемах». Заключение и практические рекомендации Г. И. Гесса Академия передала Ученому комитету Департамента горных и соляных дел. См.: Академия на пути обновления. С. 313.

³ Текст протокола дословно повторяет рапорт Г. Гесса, см.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2-1829. Д. 20. Л. 46.

⁴ Далее в этом документе только номера листов.

⁵ Как и перевод последующих фрагментов из протоколов Конференции.

— читать публичные лекции по химии

Понедельник, 2 сентября

§ 494. M. l'Adjoint Hess annonça à la Conférence, qu'il a l'intention de donner un cours public de Chemie, et il pria de Lui permettre, de disposer à cet effet, une fois par semaine, de la Salle où se tiennent les séances ordinaires de l'Académie.

La Conférence approuvant ce projet louable de M. Hess, lui accorda cette permission.

Л. 167.

Перевод

§ 494. Г-н адъюнкт Гесс объявил в Конференции, что имеет намерение читать общедоступные лекции по химии, и по такому случаю просил позволить ему располагать раз в неделю Конференц-залом, в котором проходят ordinарные заседания Академии^[1].

С одобрением встретив сей похвальный проект г-на Гесса, Конференция дала ему свое разрешение^[2].

^[1] Речь идет о Малом конференц-зале: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 81. Л. 167 (§ 627).

^[2] Лекции Г. И. Гесса пользовались успехом у публики, поэтому через год, 15 сентября 1830 г., он просил Конференцию уже о двух днях в неделю, намереваясь читать каждый вечер понедельника и вторника, с октября по апрель. Такое разрешение он получил 23 сентября 1830 г. См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 81. Л. 167 (§ 627); Ф. 4. Оп. 2 (1830–1834). Д. 172 («О дозволении адъюнкту Гессу преподавать курсы химии»).

— измерять атмосферную влажность с помощью
гигрометра собственной конструкции

Понедельник, 16 сентября

§ 524. M. l'Adjoint Hess rapporta à la Conférence, qu'il a inventé un appareil hygrométrique, qui a moyen d'une manipulation très simple, en 4 à 5 minutes de tems donne un résultat rigoureusement analytique sur le degré d'humidité de l'atmosphère contenue dans un volume donné d'atmosphérique.

M. Hess pria la Conférence de l'autoriser de faire construire cet appareil, qui ne coûtera pas plus de 150 R. La Conférence y consentit.

Л. 177.

Перевод

§ 524. Г-н адъюнкт Гесс доложил в Конференции, что он изобрел очень простой в употреблении гигрометрический прибор, который за 4–5 минут дает крайне точный аналитический результат об уровне влажности в атмосфере, содержащейся в данном атмосферном объеме.

Г-н Гесс просил Конференцию позволить ему построить сей аппарат, стоимость которого не превысит 150 руб. Конференция дала свое позволение.

Материалы, относящиеся к созданию в Академии наук
Химической лаборатории

— Рапорт Г. И. Гесса о создании Химической лаборатории
в своей квартире

Не позднее 13 мая 1829 г.⁶

A l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg.

Rapport.

Par le docteur Hess, adjoint pour la Chimie.

Le vif désir de justifier le choix de l'Académie et de me rendre digne d'avoir été nommé son adjoint pour la chimie, m'engage aujourd'hui à la prier de vouloir bien porter son attention sur les points suivants.

1. L'Académie n'ayant point de laboratoire chimique, et le but de l'établissement de même que la possibilité d'être appelée à résoudre des questions qui ne peuvent l'être que par des expériences, exigeant néanmoins de subvenir à cet inconvénient, il ne seroit peut être pas déplacé de proposer un moyen qui éviteroit, pour le moment, les dépenses considérables qu'il faudroit faire à la fois, pour organiser un laboratoire complet.

Ce moyen seroit d'organiser provisoirement un laboratoire domestique, comme l'ont fait ci-devant plusieurs académiciens. Pour cela je pourrois destiner une des chamres que j'occupe, à des travaux chimiques, mais en me bornant même au plus strict nécessaire, ce petit sacrifice ne suffit pas, si je ne peux avoir une chambre à part pour les évaporations. Je pris donc qu'on veuille bien me permettre d'employer à cet effet la cuisine attenante à la chambre que je destine aux travaux chimiques et qu'on m'en ajoute une autre qui est voisine.

2. Quant aux instruments nécessaires dans le laboratoire, on pourroit se les procurer à mesure, en les faisant de manière à ce qu'ils puissent être transportés et employés dans le grand laboratoire dès qu'il sera construit. Je joins ici la note des instruments les plus indispensables pour le moment, sans lesquels on ne peut procéder à aucun travail et que je prie bien de vouloir m'accorder.

Note 1ère pour instruments et matériaux.

- 1) Balance de prix de 250 roubles
- 2) Des poids en platine — 50 r.
- 3) Lampes à double courant — 65 r.
- 4) Trois petites lampes — 20 r.
- 5) Trois statifs — 180 r.
- 6) Quatre dito petits — 70 r.
- 7) Pompe pneumatique — 400 r.
- 8) Six creusets en platine avec couvercle et qui puissent contenir :
№ 1. ½ once
№ 2. une once
№ 3. une once ½
№ 4. deux onces   A tirer du corps des mines.

⁶ Датировано по дню прочтения этого рапорта Г. И. Гесса в Общем собрании.

№ 5. trois onces $\frac{1}{2}$

№ 6. six onces

9) Deux onces de platines en fil d'archal, et six onces de platine en feuille.

10) Appareil pour travailler le verre — 86 r.

11) Flacons, cornues, tubes, entonnoirs — 120 r.

12) Achat des matériaux les plus nécessaires — 350 r.

Somme — 1591 r.

Remarque. Si le montant de la somme surpasse les moyens actuels, on peut le réduire en omettant la pompe pneumatique, qu'on pourroit emprunter au cabinet de Physique et en ne mettant que 50 roubles pour la réparation d'une balance qui m'appartient. Moyennant quoi le total de la somme seroit réduit à 991 roubles.

Dr. Hess.

Note 2e De quelques livres pour la chimie.

1) Traité de chimie appliquée aux arts. Par Mr. Dumas. Paris, 1828.

2) Davy. Eléments de chimie appliqué à l'agriculture 12. Paris, 1823 — 7 roubles.

3) Mackenzie. Mémorial pratique du chimiste manufacturier. 2 vol. 8. 1824 — 14 r.

4) Nouvelles recreations chimiques par Accum. Paris, 1825 — 4 r.

5) Thenard. Traité de chimie élémentaire théorique et pratique. 6e édition. Bruxelles, 1827 — 25 r.

6) Berzélius. Sur l'analyse des corps inorganiques 8. Paris, 1827 — 5 r.

7) Desmarest. Traité des falsifications 12. Paris, 1828 — 6 r.

8) Faraday. Manipulations chimiques, revu par Bussy 8. Paris, 1827 — 19 r.

9) Berzélius. Lehrbuch der Chemie übersetzt von Wöhler. 1. Band — 25 r., 2. Band — 22 r., 3. Band 1ste Abth. Und 2te Abth. — 11 r.

10) Meißner Handbuch der allgemeinen und technischen Chemie — 120 r.

11) Chevreuil. Leçons chimiques appliquées à la teinture. Paris — 32 r.

12) Berzélius. 7 Jahresberichte — ?

Somme — 296 roubles.

Dr. Hess.

3. La Bibliothèque de l'Académie ne possédant aucun des ouvrages indispensables dans un laboratoire, je joins la note de ceux qui sont le plus nécessaire, soit pour la bibliothèque, soit pour le laboratoire.

4. Les travaux du laboratoire exigeant plusieurs ouvrages grossiers et une surveillance continuelle du feu, je prie qu'on y attache un homme, qui ne soit chargé d'aucune autre occupation, parcequ'un ouvrage commencé ne peut souvent pas être interrompu.

Enfin je prie de vouloir bien assigner à ma disposition, une somme annuelle de huit-cents roubles pour l'entretien du laboratoire et dont je rendrois compte conformément à l'ordre introduit.

Moyennant les articles mentionnés ci-dessus, je me croirois en état de faire tous les ouvrages qui pourroient survenir ; me réservant de demander l'achat d'autres instruments à mesure que la nécessité s'en présentera.

Dr. Hess.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1829. Д. 14. Л. 17-20. Подлинник.
Рукой писца, подпись-автограф Г. Гесса. Фр., нем. яз.

Перевод

В Императорскую С.-Петербургскую академию наук.

Рапорт доктора Гесса, адъюнкта по химии.

Горячее желание оправдать выбор Академии и заслужить назначение меня адъюнктом по части химии побуждает меня сегодня привлечь ее внимание к следующим вопросам:

1. Поскольку Академия не располагает химической лабораторией, но обязана и может быть призвана разьяснять вопросы, которые решаются только путем эксперимента, в этой трудной ситуации ей все же необходима помощь, и было бы уместно предложить средство, позволяющее в данный момент избежать значительных трат, которые непременно возникли бы в случае заведения полноценной лаборатории.

Этим средством могло бы стать устройство временной домашней лаборатории, как это ранее уже делали некоторые академики^[1]. Ради такого случая я мог бы отвести одну из занимаемых мной комнат под химические работы, но даже если ограничиться самым необходимым, этой небольшой жертвы будет недостаточно без отдельного помещения для выпаривания. Поэтому я прошу, чтобы мне позволили использовать для этой цели кухню, примыкающую к комнате, которую я планирую использовать для химических работ, и чтобы к ней присоединили еще и соседнюю.

2. Что касается необходимых для лаборатории инструментов, то их можно приобретать постепенно, с тем расчетом, чтобы перевести и использовать их в большой лаборатории, когда она появится. Прилагаю здесь список самых нужных на данный момент инструментов, без которых невозможна никакая работа и которые я прошу мне предоставить.

Список № 1 инструментов и материалов.

- 13) Весы за 250 руб.
  - 14) Платиновый вес — 50 руб.
  - 15) Лампы электрические — 65 руб.
  - 16) Три небольшие лампы — 20 руб.
  - 17) Три штатива — 180 руб.
  - 18) Четыре небольших штатива — 70 руб.
  - 19) Пневматический насос — 400 руб.
  - 20) Шесть платиновых тиглей с крышкой, которые могут содержать в себе:
    - № 1. ½ унции
    - № 2. унцию
    - № 3. унцию ½
    - № 4. две унции   взять в Департаменте горных дел.
    - № 5. три унции ½
    - № 6. шесть унций
  - 21) Две унции платины в латунной проволоке и шесть унций платины в листе.
  - 22) Устройство для обработки стекла — 86 руб.
  - 23) Колбы, реторты, трубки, воронки — 120 руб.
  - 24) Закупка наиболее необходимого материала — 350 руб.
- Сумма — 1591 руб.

Замечание. Если названная сумма превышает имеющиеся средства, то ее можно сократить, исключив из списка покупок пневматический насос, который можно взять на время в Физическом кабинете, и потратив только 50 рублей на ремонт принадлежащих мне весов. Благодаря этому общая сумма уменьшится до 991 рубля.

Д-р Гесс.

Список № 2 книг по химии <...>⁷.

3. В библиотеке Академии наук нет ни одного сочинения, необходимого для лаборатории. Я прилагаю список с указанием книг, в которых наиболее нуждается как библиотека, так и лаборатория.

4. Поскольку в лаборатории проводится много черновых работ и надо постоянно следить за огнем, я прошу, чтобы к ней был приставлен человек, ничем другим не занятый, ибо часто бывает, что начатый уже процесс прерывать нельзя.

И наконец, прошу о выделении мне ежегодной суммы в восемьсот рублей на содержание лаборатории, за что я буду отчитываться согласно установленным правилам.

Посредством вышеперечисленных пунктов я смогу выполнить всю необходимую работу; я оставляю за собой право, в случае необходимости, просить о приобретении других инструментов^[2].

Д-р Гесс.

Перевод О. А. Кириковой

^[1] С тех пор, как пришла в негодность Химическая лаборатория в Боновом доме, которую создал М. В. Ломоносов, и до начала 1830-х гг., пока не заработала Химическая лаборатория в Музейном флигеле, академики-химики трудились в буквальном смысле на дому. Например, Т. Е. Ловиц, сделавший немало наблюдений в области аналитической химии, занимался исследованиями у себя на кухне. К. С. Кирхгоф, чьи работы с крахмалом, позволили наладить отечественное производство патоки и глюкозы, проводил эксперименты в собственной спальне. Я. Д. Захаров также отдал под лабораторию часть своей квартиры и ставил там опыты, «требующие сильного огня». См.: Академия на пути обновления. С. 308.

^[2] Академики полностью поддержали энтузиазм своего молодого коллеги. В протоколе Общего собрания по этому поводу записано следующее: «Конференция дала свое согласие и постановила посредством извлечения из протокола просить Комитет правления о следующем: 1) распорядиться архитектору насчет указания, как следует изменить кухню г-на Гесса, чтобы превратить ее в домашнюю лабораторию, и понять стоимость в общих расходах на ремонтные работы, которые следует произвести в новом доме; 2) определить к г-ну Гессу солдата доброго поведения, который будет занят только в работах по лаборатории; 3) ежегодно назначать г-ну Гессу положенные 800 рублей на текущие расходы из суммы, предусмотренной штатом на содержание лаборатории, вместе со шнуровой книгой, которую он будет обязан ежегодно представлять в Комитет правления для обычной проверки». См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 95 об. — 96.

— Из протокола Общего собрания об отдельном помещении для Химической лаборатории

3 февраля 1830 г.

§ 122. Mr. l'Adjoint Hess présenta un rapport dans lequel il rend compte des travaux dont il s'est occupé l'année passée, avec les moyens que l'Académie lui a fourni et, comme des circonstances domestiques l'obligeaient de disposer autrement des deux pièces de son logement, dont il a fait son laboratoire, il prie la Conférence de lui faire assigner un autre local pour le laboratoire chimique ainsi que d'allouer une somme de 6175 R. pour l'achat des instruments, appareils et matériaux les plus indispensables. Enfin il demande la permission d'engager un laboratoire avec un appointement de 700 R. par an et qui peut être

⁷ Список в переводе не дублируется, см. выше в оригинале.

logé près du laboratoire. Mr. Hess désire : 1) que la Conférence nommat une commission pour discuter les détails de ses proposition ; 2) que dans la Séance prochaine il soit voté pour l'adoption ou la non-adoption du sentiment de cette commission et 3) que MM. Zagorsky et Fuss, connaissant comme membres du Comité d'Administration les moyens de l'Académie soient nommés aussi membres de cette commission.

La Conférence, en rendant justice au zèle louable de Mr. Hess et désirant lui procurer, autant que les circonstances le permettent, les moyens de travailler, nomma une commission composée de MM. Zagorsky, Fuss, Parrot, et Kupffer auxquels M. Hess soumettra son projet et qui en feront leur rapport à la Séances prochane.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 81. Л. 30–30 об. Подлинник. Фр. яз. Подписи-автографы присутствовавших в заседании академиков.

Перевод

§ 122. Г-н адъюнкт Гесс отчитался в работах за прошлый год и в средствах, отпущенных ему Академией. Поскольку домашние обстоятельства вынудили его иначе распорядиться двумя комнатами квартиры, в которых он устроил свою лабораторию^[1], то он просит Конференцию выделить ему другое помещение под химическую лабораторию, а также назначить сумму в 6175 руб. на покупку самых необходимых инструментов, оборудования и материалов. И наконец, он испросил разрешения нанять лаборанта с жалованьем 700 руб. в год и возможностью проживания вблизи лаборатории.

Г-н Гесс высказывает пожелание: 1) чтобы Конференция назначила комиссию для обсуждения деталей его предложения; 2) чтобы в следующем заседании прошло голосование за принятие или непринятие мнения этой комиссии, и 3) чтобы гг. Загорский и Фус, знающие как члены Комитета правления о средствах Академии, также были назначены в эту комиссию.

Конференция, отдав должное похвальному усердию г-на Гесса и желая, сколь того позволяют условия, обеспечить его условиями для работы, создала комиссию в составе гг. Загорского, Фуса, Паррота и Купфера, которым г-н Гесс представит свой проект и которые в следующем заседании сделают доклад в следующем заседании^[2].

Перевод О. А. Кириковой

^[1] 19 апреля 1830 г., т. е. через два месяца после того, как Г. И. Гесс попросил Академию перенести химическую лабораторию из его квартиры в отдельное помещение, у него родится дочь.

^[2] На заседании 10 февраля 1830 г. члены Комиссии заявили, что наиболее подходящее помещение для химической лаборатории (небольшое, проветриваемое, со сводчатыми потолками, расположенное рядом с квартирой Г. И. Гесса) — комнаты коменданта Академии Галактионова в главном здании. Его самого было предложено переселить в свободную квартиру в том же доме, предназначавшуюся ранее для физика Э. Х. Ленца. По решению Комитета Правления от 3 июня 1830 г. ее перепланировали, разделив надвое; большая часть отошла Галактионову, меньшая — лаборанту химической лаборатории Никкельсу. Однако Г. И. Гесс не стал устраивать Химическую лабораторию в Главном здании Академии наук, поскольку уже заканчивались отделочные работы в Музейном флигеле, в котором у лаборатории было несколько комнат. Согласно составленному к 3 ноября 1830 г. общеакадемическому отчету, она уже была полностью укомплектована. Эта Химическая лаборатория действовала до 1859 г., когда вследствие пожара ее закрыли. См.: Академия на пути обновления. С. 315–316, 320.

— Из записки Г. И. Гесса, поданной в Комиссию по составлению штата академических учреждений, о потребностях Химической лаборатории

1830 г.⁸

Pour le laboratoire chimique

Le laboratoire chimique étant de nature à ne pas pouvoir être rendre accessible à tout le monde, ne peut pas non plus prétendre à se voir mis sur le pied des collections. Je crois que tout ce qu'il faut c'est qu'il suffise complètement aux besoins scientifique de celui qui en est le directeur, et le mettre en état de répondre aux questions qui pourroient être adressées à l'Académie. Pour ce but, je crois qu'il seroit convenable le réunir en une seule, le deux sommes de 800 Rbl stipulées dans l'état pour l'entretien de deux laboratoires et de préparateurs — et d'y ajouter encore 1200 Rbl pour l'entretien du préparateur.

La somme annuelle de 1600 Rbl seroit suffisante pour munir le laboratoire de nouveaux appareils, selon que la nécessité s'en présenteroit, et pour couvrir les frais des travaux.

Il est à remarquer que les universités qui ont l'enseignement pour but ont 2000 Rbl pour l'entretien du laboratoire sans y compter celui de préparateur.

Hess.

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Г. Д. 15. Л. 8. Автограф Г. И. Гесса. Фр. яз.

Перевод

О химической лаборатории.

Химическая лаборатория, по природе своей не предназначенная для открытого доступа в нее каждого, не может также претендовать на то, чтобы ее воспринимали как коллекцию. По моему разумению, единственно, что нужно, так это чтобы она полностью отвечала научным потребностям ее директора и могла бы отвечать на вопросы, с которыми обращаются в Академию. Сего ради, я полагаю, следовало бы соединить воедино две штатные суммы по 800 руб., назначенные на выплату жалованья двум лаборантам и препараторам, и добавить еще 1200 руб. на препаратора.

Годовой суммы в 1600 руб. было бы довольно для того, чтобы оборудовать лабораторию новыми приборами по мере надобности и покрывать текущие расходы.

Надо заметить, что университеты, целью которых является образование, на содержание лаборантов имеют 2000 руб., не беря при этом в расчет препаратора.

Гесс.

Перевод О. А. Кириковой

Письмо Г. И. Гесса к президенту Академии наук С. С. Уварову с объяснением своего намерения занять должность инспектора Технологического института

16 июля 1831 г.

Votre Excellence.

Monsieur Fuss vient, conformément à vos ordres, de me faire part de la conversation que vous avez eue avec lui à mon égard. Empêché par l'état de ma santé de me présenter chez votre Excellence, je suis obligé d'avoir recours à la plume, ce que je fais avec d'autant

⁸ Дата написана графитовым карандашом в верхнем правом углу документа.

plus de confiance, qu'ayant toujours vu vos décisions dictées par l'équité et la plus stricte justice, je ne crois pas agir à mon préjudice en vous adressant l'exposé des faits suivants.

Cherchant, comme tout autre, à me procurer une existence indépendante, je crois avoir atteint mon but en acceptant la place d'inspecteur de l'Institut technologique. N'ayant pas de plus vif intérêt à cœur que celui de me faire une réputation bien établie en Russie et de la faire marcher de front avec une carrière scientifique distinguée, j'ai cru, dans cette place où je puis donner de grands développemens à divers travaux chimiques, trouver la voies qui me mèneroit directement à mon but. Je ne m'étendrois pas sur ce point, je n'exposerai point à vos yeux un manuscrit qui va être imprimé et qui fait preuve de mon travail, je ne vous présenterois point ce que je veux lire à l'une des séances prochaine de l'Académie.

Votre Excellence m'a toujours témoigné trop de bienveillance; je vous dois trop de reconnaissance pour croire que vous partagiez l'opinion des personnes qui m'ont dit que je n'as pas ma science à cœur; mais j'ose vous avouer que j'ai la conviction que pour faciliter une réputation, pour l'avancer au moins d'un lustre, il étoit indispensable de voyager, pour connoître ses confrères en personne et c'est un des buts où je tendois, un des moyens que certainement vous regardez comme permis. Voici donc ce que je me proposois; un ouvrage délicat dont je m'occupe depuis six mois de voyage.

L'exemple de Mr Ostrogradsky dont je suis loin d'être l'égal, prouve ipso facto, que ce n'est pas l'Académie qui peut fournir les fraits d'un voyage à un jeune homme! — et tel étoit mon but.

Je ne parlerai point des difficultés que j'ai éprouvées avant d'avoir obtenu la permission d'occuper la place en question; ce n'est qu'après avoir reçu cette permission par écrit que je l'ai présenté au ministère des finances et que je suis entré en fonction.

Il est un point pour lequel je voulois depuis longtemps m'adresser à votre Excellence, le voici: en quittant le logement de l'Académie, je tiens à ce que mon rapport au laboratoire ne soit aucunement changé; je ne puis m'en passer, cela est évident; ce n'est pas dans ce but que j'y ai travaillé; c'est un laboratoire scientifique et le seul sur ce pied dans la ville. Je n'ai nullement eu l'idée qu'on me l'ôta mais je désire en avoir la garantie de votre Excellence. La manière dont j'augmente à mesure ce laboratoire, l'ordre que je mets à insérer dans un livre cordonné tous les instrumens et appareils qui en font partie, prouve assez la différence qu'il y a entre l'ordre qui existe maintenant et celui qui a existé sous mes prédécesseurs. Le plus j'ai fait des dispositions pour y exécuter des ouvrages qui roulent sur les affinités chimiques et qui exigent un endroit où ils se trouvent en repos et que peu de Chimistes sont en état d'exécuter parcequ'il leur manque justement la place. Pour mes travaux journaliers, je n'ai pas accepté la place avant qu'on m'ait donné un espace convenable à côté de mon logement.

Quand à ce que j'abandonne le quartier qui y touche, voici un point qu'il est important de prendre en considération, et qui n'a pas peu contribué à me déterminer dans le temps. Ce quartier est beau, spacieux, commode on ne peut pas plus, mais il est d'un froid insupportable en hiver; Mr Fuss et tout autre Académicien qui ont été chez-moi en hiver peuvent vous attester que le froid du plancher y est excessif et qu'après y avoir passé une heure ils ne pouvoient plus rechauffer leurs pieds, cela a souvent privé ma famille de voir ses amis autrement qu'en passant et influé sur sa santé. Je suis trop jeune à l'Académie pour prétendre à un autre logement et celui-ci pour ne pas être nuisible à la santé exige absolument quelques améliorations.

Tel est l'exposé des faits, veuillez décider et je me conformerai en tout à votre volonté. Quoique le sacrifice subit d'une place de 3 000 R doive nécessairement me mettre dans un embarras dont je ne vois pas encore bien clairement le moyen de sortir,

j'espère que votre Excellence n'a pas eu l'idée que je mettrois l'intérêt pécuniaire en balance avec votre bienveillance. Vous étant attaché par le lien de la reconnaissance que je vous dois, j'ose me flatter, Monsieur, que vous n'avez point eu l'intention de me menacer de me la retirer. Ma manière droite d'agir en tout, même à mon préjudice doit être un garant que vous ne verriez pas de ma part de l'ingratitude comme vous en avez essuyé d'autres personnes.

Si votre Excellence décide que j'abandonne la place en question, je vous prie de m'en faire donner l'ordre précis par le Secrétaire de l'Académie, car ayant cherché une place pendant un an et demi, l'ayant obtenue, je me dois à moi-même, en donnant ma démission de cette place de dire la vérité, ce que je trouve d'autant plus naturel, qu'il est certainement fort indifférent à votre Excellence ce qu'en diront les personnes à qui ma démission doit s'adresser. Votre Excellence verra sans doute au premier abord, quelque empressement que je mette à exécuter ses ordres, et quelque soit le ménagement que j'y mette qu'il est toujours à craindre que l'Académie ne se trouve un peu compromise, ou plus tôt, dans une fausse position.

Si vous voulez bien me permettre de proposer un mezzotermine, le voici:

Il est évident qu'en acceptant cette place j'ai tacitement contracté quelques engagements, ayant contribué à la tournure qu'a reçu le plan d'étude, ayant tâché de donner à cet établissement naissant une direction conforme à l'esprit de la chose, l'abandonner à la veille du jour où on va l'ouvrir, où rien n'est encore consolidé, c'est risquer de manquer ce but qui est d'un intérêt général. Si cet automne j'allois loger à l'institut Technologique, l'Académie ne perd rien en considérant mon quartier comme habité quoiqu'il ne le soit pas. On y feroit les améliorations nécessaires, l'automne suivant j'y rentrerai.

Pendant le courant de la première année l'Institut sera entrain, de sorte qu'en le quittant alors je ne mettrai personne au dépourvu.

Un prétexte de santé ou un autre suffira et tous les dehors seront ménagés.

Je n'ose pourtant point cacher à votre Excellence que ce dernier parti, quoique plus conforme peut-être à mes intérêts pécuniaires, me répugne, en ce qu'il n'est pas tout à fait droit et que je craindrai toujours de me compromettre envers le Ministre des Finances qui m'a traité avec beaucoup de bonté et que j'estime particulièrement.

Que votre Excellence veuille donc bien décider le parti à prendre, en m'en remettant à votre sagesse, je suis assuré de me trouver toujours sur les voies de mon devoir et de la plus stricte probité.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect

De votre Excellence

Le très humble serviteur.

G. Hess.

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Г. Д. 15. Л. 1-3 об. Автограф Г. Гесса. Фр. яз.

Перевод

Ваше превосходительство!

Согласно Вашим распоряжениям, г-н Фус только что уведомил меня о разговоре, который состоялся у Вас с ним на мой счет. Состояние здоровья помешало мне явиться к Вам лично, и я вынужден прибегнуть к перу, ничуть не опасаясь навредить себе нижеследующим изложением фактов, поскольку хорошо знаю, что все Ваши решения основаны на справедливости и неукоснительном соблюдении законов.

Добиваясь, как всякий другой, независимого материального существования, я считаю, что достиг своей цели, получив место инспектора Технологического института^[1].

В глубине души у меня нет большего интереса, чем создать себе в России прочную репутацию и укреплять ее одновременно с научной карьерой, и я рассчитывал найти в этом месте, где я могу способствовать большему развитию различных химических работ, прямой путь к моей цели. Я не собираюсь останавливаться на этом вопросе, не стану показывать Вам рукопись, которая будет опубликована и которая служит доказательством моего труда, и представлять Вам то, что прочту на одном из ближайших заседаний Академии^[2].

Ваше превосходительство всегда были ко мне чрезвычайно добры, и я слишком признателен Вам за это, чтобы поверить, будто Вы разделяете мнение тех, кто говорит, что мне нет дела до науки! Но осмелюсь признаться Вам, что, по моему убеждению, для того, чтобы заработать себе имя, чтобы, по крайней мере, о тебе знали, было необходимо отправиться в путешествие, чтобы лично познакомиться с коллегами, и это — одна из целей, к которой я стремился, одно из средств, которое Вы, безусловно, считаете допустимым. Вот, в чем было мое намерение; тонкая деликатная работа, которой я занимался на протяжении полугода, пока путешествовал^[3].

Пример г-на Остроградского, с которым я не могу себя равнять, наглядно показывает, что молодой человек не может рассчитывать на то, что Академия оплатит его путевые расходы, а такова была моя цель^[4].

Не буду говорить о трудностях, с которыми столкнулся прежде, чем получил разрешение занять вышеупомянутое место; лишь получив это разрешение, я представил его в Министерство финансов и вступил в должность.

Вопрос, с которым я давно хотел обратиться к Вашему превосходительству, таков: съезжая с квартиры в академическом здании, я желаю, чтобы мое отношение к лаборатории ничуть не переменилось. Я просто не смогу без нее обойтись, это очевидно; не для того я трудился. Это — научная лаборатория и единственная в городе, что работает в полную силу. Я совсем не думал, чтобы ее у меня отняли, но мне хотелось бы иметь гарантию от Вашего превосходительства. То, как постепенно, шаг за шагом я приумножал эту лабораторию, то, как вносил в шнуровую книгу новые инструменты и приспособления, в достаточной мере доказывает отличие существующего в ней ныне порядка от того, что был при моих предшественниках. Самое же главное, я приуготовил ее к тому, чтобы в ней велись работы по химическому средству, требующие спокойного места, где бы никто и ничто не мешало; мало кто из химиков может ими заниматься, поскольку действительно негде. Что касается моих повседневных занятий, я согласился на это место только после того, как мне предоставили удобное помещение рядом с моей квартирой^[5].

Если говорить о том, что я покидаю примыкающую к лаборатории квартиру, то есть один вопрос, который важно принять во внимание и который некогда в значительной степени повлиял на мое решение. Эта квартира прекрасна, она просторная, удобная, но зимой в ней невыносимо холодно. Г-н Фус и любой другой академик, который бывал у меня зимой, могут подтвердить Вам, что пол там очень холодный и что через час они уже не могли отогреть ноги; из-за этого мои домочадцы нередко лишались возможности принять у себя друзей, разве только на минутку, и болели. Я слишком мало прослужил в Академии, чтобы претендовать на другую квартиру, а эта требует ремонта, чтобы не нанести вред здоровью^[6].

Таковы факты, прошу Вас принять решение, и я полностью подчинюсь Вашей воле. Жертвуя в одночасье местом в 3000 руб., я неизбежно оказываюсь в затруднительном положении, выхода из которого я пока ясно не вижу, и все же я надеюсь, что Вам не подумалось, что я стал бы сравнивать денежный интерес

с Вашим добрым отношением. Связав Вас узами своей признательности, я льщу себя надеждой, что у Вас никогда не было намерения угрожать отнять у меня лабораторию. Моя открытость во всяком поступке, даже во вред себе, должна служить порукой тому, что Вы не увидели бы с моей стороны той неблагодарности, какую Вы терпели от других.

Если Вы решите, что я должен отказаться от означенной службы, прошу Ваше превосходительство дать мне о том прямой приказ через секретаря Академии, поскольку, полтора года добываясь места, получив его, я обязан, подавая в отставку с этого места, быть честным перед самим собой. Я нахожу это тем более естественным, что Вашему превосходительству, разумеется, абсолютно безразлично, что по этому поводу скажут люди, к которым адресуется моя отставка. Вы, несомненно, сразу увидите, с каким бы рвением я ни исполнил Ваши распоряжения и с какой бы предосторожностью ни действовал, всегда есть опасность, что Академия окажется несколько скомпрометированной либо, скорее, в ложном положении.

Если позволите, я предложу в таком случае следующее компромиссное решение:

Очевидно, что, принимая это место, я по умолчанию взял на себя некоторые обязательства, повлиял на формирование учебного плана, стремясь придать этому зарождающемуся заведению направление в полном соответствии состоянию дел. Отказаться теперь, накануне того дня, когда мы собираемся его открыть, когда все еще так зыбко, означает не попасть в цель, достичь которую в наших общих интересах.

В течение первого года институт будет работать так, что, покидая его, я все же никого не введу в замешательство.

Достаточно сослаться на какое-нибудь недомогание, и все приличия будут соблюдены.

Не скрою, однако, от Вас, что хотя последнее, возможно, материально более выгодно для меня, тем не менее претит моим чувствам, поскольку не совсем честно, и я постоянно буду бояться скомпрометировать себя перед министром финансов, который отнесся ко мне с большой добротой, что для меня особенно важно.

Итак, какое бы решение Вы ни приняли, всецело полагаясь на мудрость Вашего превосходительства, я уверен, что всегда буду следовать своему долгу и чести.

С самым глубоким уважением,
Вашего превосходительства покорнейший слуга Г. Гесс.

Перевод О. А. Кириковой

^[1] 23 декабря 1830 г. Г. И. Гесс был включен в особую комиссию «для начертания плана преподаваний по части теоретической и практической для вновь устроенного в Санкт-Петербурге Технологического института», в 1831–1833 гг. служил в нем инспектором классов. См.: «Формулярный список о службе академика Гесса, 1834 г.» (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 8. Л. 206 об.).

^[2] В это время Г. И. Гесс работал над книгой «Основания чистой химии». О завершении работы над ней он объявил в Общем собрании 6 апреля 1831 г., уведомив коллег, что собирается издать книгу «за свой счет и в свою пользу» (à ses propres frais et à son profit). 7 декабря 1831 г., когда подошел черед Г. И. Гесса выступать в академической конференции, он представил I том «Оснований» и сделал отчет о проделанной в связи с этим работой. Этот экземпляр затем был передан в Библиотеку Академии наук.

21 декабря 1831 г. Г. И. Гесс прочел доклад «О разложении гидрата серной кислоты при нагревании» (“Sur la décomposition de l'hydrate de l'acide sulfurique par la chaleur”).

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 82. Л. 62 (§ 162), 162–162 об. (§ 512), 174 об. (§ 538).

[3] Судя по академическим протоколам, в 1830 и 1831 гг. Г. И. Гесс никуда не отлучался, исправно посещал все заседания и, помимо указанных выше, сделал еще доклады; например, в выпавшую ему 23 марта 1831 г. очередь читал сообщение о свойствах платины (“Sur la propriété que possède le platine très divisée d’opérer la combinaison de l’oxygène avec l’hydrogène, et sur la densité du platine”). Возможно, он имел в виду свою поездку в Лифляндию, которую совершил в 1829 г. См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 82. Л. 50–50 об. (§ 123); Академия на пути обновления. С. 311.

[4] Химик Г. И. Гесс и математик М. В. Остроградский были практически ровесниками (родились с разницей в один год), в Академию наук вступили адъюнктами почти одновременно (первый — 29 октября, второй — 17 декабря 1828 г.) и в один день, 11 августа 1830 г., были произведены в экстраординарные академики.

В этом письме Г. И. Гесс упоминает поездку М. В. Остроградского в Париж в июле 1830 г., куда тот отправился, чтобы иметь возможность ознакомиться с рукописями Ж. Д’Аламбера, А.-К. Клеро, Ж.-Л. Лагранжа и обсудить с французскими коллегами некоторые проблемы электричества и магнетизма.

[5] Вероятно, речь идет о помещении, которое было приготовлено после ходатайства Г. И. Гесса для Химической лаборатории в главном здании Академии наук. См. выше.

[6] В главном академическом здании из-за больших окон на Неву и высоких потолков зимой было холодно, на что жаловались многие, однако квартира Гессов, по-видимому, промерзала особо. В журнале Комитета правления Академии наук сохранилась такая запись: «При том же квартира его сыра и холодна, которую он должен топить гораздо более, нежели кто другой». Следует также учесть, что часть дров, которые отпускались Г. И. Гессу на отопление его жилых комнат, он тратил на нужды находившейся там же в квартире Химической лаборатории. Когда стало известно о его намерении съехать с этой квартиры, непременный секретарь Фус написал ему: «Из приложенного у сего в за-свидетельствованной копии отношения ко мне Его превосходительства г-на президента Академии Ваше высокоблагородие усмотрите, что хотя Конференцией и дозволено было Вам принять предложенное Вам г-ном министром финансов место инспектора классов при Технологическом институте во уважение того, что сие место по собственному удостоверению Вашему не лишит Вас способов предпочтительно заниматься академической Вашей должностью, Его превосходительство, узнав, что с принятием сего места Вы готовитесь оставить занимаемую Вами в доме Академии, возле Лаборатории, квартиру, находит таковое удаление от порученного управлению Вашему заведения несовместимым с званием академика по части химии. И посему поручает мне просить Вас распорядиться при принятии Вами новой должности так, чтобы она не препятствовала Вам оставаться на занимаемой Вами ныне квартире. Узнав же, что квартира Ваша в доме Академии имеет различные неудобства, особенно в зимнее время, Его превосходительство словесно поручил мне уведомить о том Комитет правления с тем, дабы сей последний принял нужные меры к устранению сих неудобств, о чем с моей стороны и сделано уже сообщение Комитету». См.: Академия на пути обновления. С. 310–311, 314; СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Г. Д. 15. Л. 16–16 об.

**Сообщение Г. И. Гесса «Уваровит, новый минерал»,
прочитанное в Общем собрании Академии наук**

29 февраля 1832 г.

On a trouvé, il y a près de deux ans, aux environs de Bissersk, dans l’Oural, un minéral qu’on a généralement pris pour du Diopase, quoique celui-ci n’ait jamais été trouvé que dans une matrice de carbonate de chaux, tandis que celui dont il s’agit ici, se trouve sur du fer chromaté. J’ai essayé cette substance au chalumeau, et j’ai trouvé qu’elle ne contient ni eau, ni oxide de cuivre, et qu’elle se distingue de tous les minéraux connus. Voici comment elle se comporte.

Elle est moins dure que le quartz ; infusible au chalumeau. Le borate de soude ne l'attaque que difficilement, et donne une belle perle verte transparente, à l'exception de la partie du minéral qui reste non dissoute. Le phosphate double de soude et d'ammoniaque ne l'attaque que quand elle se trouve réduite en poudre très fine ; la perle se trouvant saturée, a une belle couleur verte, et laisse entrevoir un squelette de silice. La soude l'attaque avec effervescence, ne la dissout nullement, mais forme une scorie verte infusible.

Cette substance affecte la forme d'un dodécaèdre rhomboïdal, comme le grenat ; il se distingue de celui-ci par sa belle couleur verte, provenant du chrome, et par son infusibilité. Si cette substance appartient au grenat, il est sûr au moins qu'elle formera une espèce particulière. Sa belle couleur, sa transparence, sa dureté et sa stabilité au feu lui assurent une place parmi les pierres précieuses, et il paraît que, si l'on en trouve des échantillons d'une plus grande dimension, elle rivalisera avec la plus belle émeraude. Je propose de donner à cette pierre le nom d'**Ouvarovite** en l'honneur de notre président.

Оубл.: Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Sér. 6. Sciences mathématiques, physiques et naturelles. T. II (1833). Bulletin scientifique. № 3. P. II–III.

Перевод

Около двух лет назад в окрестностях Биссерска на Урале был найден минерал^[1], который приняли за диоптаз, хотя последний всегда обнаруживали только в матрице карбоната кальция, в то время как тот, о котором идет речь, находится в феррохромице. Я испытал это вещество с помощью горелки и обнаружил, что оно не содержит ни воды, ни оксида меди и что оно не такое, как все известные нам минералы. Вот какими свойствами оно обладает.

Оно мягче кварца, не плавится в пламени паяльной трубки. Натрия борат воздействует на него с трудом и дает красивый прозрачный шарик зеленого цвета, за исключением той части минерала, которая остается нерастворенной. Двойной фосфат натрия и аммиака воздействует на него, только если он измельчен до очень мелкого порошка; будучи насыщенным, шарик имеет красивый зеленый цвет и обнаруживает кварцевый каркас. Под воздействием гидроксида натрия он вскипает, но не растворяется, а образует неплавкий зеленый шлак.

Это вещество имеет форму ромбододекаэдра, как у граната, но отличается от него своим красивым зеленым цветом, вызванным содержанием хрома, и своей тугоплавкостью. Если это вещество и относить к гранату, то, по крайней мере, как его особую разновидность. Его красивый цвет, прозрачность, твердость и огнестойкость обеспечивают ему место среди драгоценных камней, и вероятно, если удастся найти более крупные образцы, то он сможет соперничать с самым красивым изумрудом. Я предлагаю дать этому камню название «уваровит» в честь нашего президента^[2].

Перевод О. А. Кириковой

^[1] Уваровит и сейчас считается редким минералом, а ко времени, когда Г. И. Гесс докладывал о нем, вообще известно было только о трех достаточно крупных экземплярах; самый примечательный из них находился в коллекции сенатора и вице-президента Департамента уделов гр. Л. А. Перовского. См.: *Annalen der Physik und Chemie*. Vol. 24 (1832). S. 390.

^[2] Тогда же статьи об уваровите были помещены в научных журналах: *Ouvarovite, nouvelle substance minérale, décrite par Mr. Hess // Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou, par le Directeur G. Fischer de Waldheim*. T. IV (1732). P. 311–312; *Über den Uwarowit, eine neue Mineralspecies, von H. Hess in St. Petersburg // Annalen der Physik und Chemie, hrsg. zu Berlin von J. C. Poggendorff*. Vol. 24 (1832). S. 388–390.

Предисловие к пятому изданию
«Оснований чистой химии» Г. И. Гесса^[1]

20 декабря 1839 г.

Пространное руководство всякой науки представляет большие неудобства для начинающих. Важнейшие между ними суть: невозможность удержать все в памяти, затруднение в выборе предметов и потеря в связи науки. Неудобства увеличиваются еще от образа преподавания, как у нас, так и почти во всей Европе, ныне принятого. Я разумею здесь обыкновенный образ чтения университетских лекций, при котором профессор с кафедры или утомляет слушателей диктовкой, или старается привлечь их внимание красноречивым изложением предмета. Здесь не место доказывать неудобства такой методы; всякий, вероятно, испытал это над собой. Кому не случилось утомляться при благозвучном изложении науки, оставляющем после себя иногда приятное впечатление, но чаще одни только несвязные понятия!

Та метода учения должна почитаться лучшей, успех которой менее прочих зависит от личности преподавателя. Что касается до химии, то первый курс сей науки должен быть в особенности, сколь возможно, сокращен. Его должно ограничить выбором предметов, служащих основанием важнейших положений науки, и предметов, важных по техническому их приложению. Этой мыслью руководствовался я при составлении сокращенного руководства. Книга эта содержит в себе немного предметов, которых бы не надлежало знать всякому, кто хочет учиться химии. Я старался описывать избранные предметы так, чтобы учащиеся могли понимать их без помощи преподавателя.

Книга в сем новом издании пополнена многими понятиями, которыми наука обогатилась в последнее время. Некоторые другие понятия изложены иначе, нежели в прежних изданиях. Поводом к тому служили большей частью замечания моих слушателей. Когда я встречал, что несколько лиц отдельно одно от другого находили затруднение в понятии какого-нибудь предмета, то я был уверен, что это происходило от самого образа изложения, и почти всегда находил другой удобнейший путь.

Первое издание этой книги вышло во 1831 году в двух частях; в нем помещено было описание всех простых тел. Второе издание вышло в сокращенном виде в 1834 году, третье — в 1835, а четвертое — в 1837 году. В настоящем издании помещены тоже описания всех простых тел и главнейших свойств их, потому что я надеюсь еще пополнить ее впоследствии руководством к химическому разложению тел.

Хотя непрерывное употребление этой книги при преподавании химии знакомит меня с ее недостатками, но я сознаюсь, что привычка в сем деле, может быть, более, нежели в каком другом, притупляет свежесть впечатлений. Посему многие недостатки сего руководства должны быть удобнее ощущаемы другими преподавателями, нежели мной. Я буду весьма обязан тем особам, которые почтут меня своими замечаниями.

Опубл.: Основания чистой химии, изданные Г. Гессом. 5-е изд. СПб., 1840. С. I–III.

^[1] Первый том своего учебного пособия Г. И. Гесс издал в 1831 г. на собственные средства. Книга оказалась востребованной, выдержав только при жизни автора семь изданий. В середине XIX в. это был основной учебник по химии для высших учебных заведений, по которому учились Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров и др., его краткая версия стала первым отечественным пособием для изучения химии в школе. Книга замечательна тем, что в ней тщательно продумана связь опыта и теории, материал изложен простым доходчивым языком и намеренно кратко.

Из некролога «Смерть академика Гесса», прочитанного в торжественном собрании Академии наук неперменным секретарем П. Н. Фусом

После 30 ноября — не ранее 29 декабря 1850 г.⁹

Известна прискорбная утрата, понесенная Академией со смертью ее химика Гесса, который 30 минувшего ноября скончался после продолжительной и тяжелой болезни. Принятый нами обычный порядок в наших отчетах обязывает нас, как известно, исчислить сперва перемены, происшедшие в личном составе Академии, и потому, может быть, ожидается услышать от нас жизнеописание, хотя и неполное, нашего достойного собрата, которое, конечно, здесь не может быть неуместно. Но горе наше после неожиданной утраты слишком свежо, скорбь наша слишком глубока, чтобы могло прийти нам в мысль изгладить их обстоятельным изложением жизни столь богатой и столь скоро угаснувшей. Несмотря на то, однако ж, мы попытаемся обозначить здесь главнейшие моменты этой жизни и набросать при обязательной помощи одного из друзей покойного слабый очерк трудов, которыми он обогатил науку и снискал себе почетное место в ее летописях. <...>

Важнейший труд нашего сочлена, которому посвящены были последние десять лет его жизни, бесспорно, представляют его термохимические исследования, которые вместе с подобными трудами г. Дюлона и двух искусных английских химиков: Грэма и Андруса, послужили, как кажется, предметом премии, объявленной Парижской академией^[1]. Гесс, прежде всего, заметил, что водная серная кислота, соединяясь постепенно с различными эквивалентами воды, развивает различные, но постоянно кратные количества теплоты. Посему при наблюдении количеств теплоты, получаемых при соединении многих оснований и кислот, Гесс нашел, что все основания с одной и той же кислотой дают всегда одинаковое количество теплоты. Затем он рассматривал один за другим вопросы о термонейтральности, о составе серноокислых солей вообще и двусерноокислого калия в особенности, о термохимическом составе серноокислого цинка и растворении цинка в кислотах. Количество теплоты, получаемое при соединении азотной кислоты, постепенно смешиваемой с различными эквивалентами воды, было определено точно так же, как и для соединений серной кислоты, причем получены тождественные результаты. Гесс старался определить цифру для эквивалента теплоты, которой различные количества, получаемые при различных исследованиях, должны быть всегда кратными, соответственно, впрочем, с эквивалентами тел, употребляемых при опытах. Нельзя не признать, что наука понесла, действительно, и трудно заменимую потерю вследствие остановки сих исследований, которые производимы были с таким усердием и искусством и уже привели к столь благоприятным результатам.

Нам остается упомянуть еще о замечательной услуге нашего сочлена, которую оказал он Отечеству устройством своего спиртомера, примененного к употребляемой у нас хлебной водке. Инструмент этот, замечательный своим простым устройством, одобрен правительством к употреблению при откупном комиссионерстве, которое, как известно, составляет один из главнейших источников государственных доходов. Как профессор Гесс снискал всеобщее уважение и заслуженную известность: лучшие из учеников его, в свою очередь, обогащают трудами своими науку и с честью занимают кафедры в некоторых из наших университетов и специальных учебных заведений, как-то: в институтах Корпуса путей сообщения и Горном, в Михайловском артиллерийском училище и др. Его руководство в химии, которое скоро явится в свет

⁹ Установлено по датам: смерти и чтения некролога.

седьмым изданием, постоянно считалось лучшим учебником по части этой науки и в особенности замечательно тем, что с ним установилась хорошая русская номенклатура, которой у нас не было и которую Гесс составил при содействии известных наших химиков: Соболевского, Нечаева и Соловьева.

Гесс имел характер прямой и благородный, душу открытую для возвышеннейших человеческих наклонностей; сыновняя любовь до самоотвержения, преданнейшая дружба, глубокая и прочная признательность за оказанные ему благодеяния или простые услуги — вот сердечные качества, которые в нем нам были известны. Будучи слишком восприимчив и скор в своих суждениях, Гесс легко предавался всему, что казалось ему добрым и благородным, с увлечением столь же пылким, как и ненависть, с которой он преследовал порок и которая была чистосердечна и непреклонна. Но справедливость заставляет нас прибавить, что эти благородные порывы иногда были умеряемы припадками нрава неровного и надменного. Гесс имел от природы колкий ум; при пылком темпераменте в соединении, может быть, с чувством своего личного превосходства он иногда выражался жестко, что, нимало не делая его необходимым, между тем отделяло от него людей щекотливых, быть может, особенно достойных его дружбы. Но поспешим сказать, что эти легкие недостатки, к тому же вознаграждаемые отличными качествами, благодаря его непоколебимой силе воли, заметно исчезали в нем с годами; прение с ним становилось постоянно легче, и часто он искренно и с милым чистосердечием отказывался от самых упорных и закоренелых своих предубеждений и от суждений самых пристрастных и резких. В гостеприимном доме его немногие избранные друзья собирались у него вечером по вторникам беседовать о различных ученых предметах. Здесь-то особенно имели мы случай не раз удивляться гибкости, своеобразности и глубине его ума, разносторонности его познаний, правдивости его возражений и искусству, с которым умел он по воле своей направлять и в случае надобности услаждать беседу. Здесь также мы имели случай видеть его в кругу лучших его приближенных как отца счастливого и прекрасного семейства, которого он был украшением и опорой. Воспоминание о человеке добром да будет жить вместе с воспоминанием об Ученом!

Опубл.: ЖМНП. Ч. LXX. СПб., 1851. Отд. III. С. 1–2, 8–10.

^[1] Результаты термохимических исследований Г. И. Гесса не всегда совпадали с выводами других ученых, поэтому в условия одного из конкурсов первой половины 1840-х гг. Парижской академии наук было включено требование найти новые подтверждения работам Г. И. Гесса. См.: Извлечение из отчета по первому и третьему отделениям Императорской Академии наук, читанного 29 декабря 1844 года в публичном собрании Академии неперменным секретарем П. Н. Фусом // ЖМНП. Ч. XLV. СПб., 1845. Отд. III. С. 80–81.

Князь Борис Борисович
ГОЛИЦЫН
(1862–1916)

Князь Борис Борисович Голицын, физик, доктор философии Страсбургского университета, обладал даром научного предвидения, позволявшим ему предвосхищать последующее развитие науки¹. Однако поначалу новые идеи талантливого физика подвергались жестокой критике, и его избрание в Академию наук в 1893 г. не было встречено сочувственно в широких кругах русского ученого мира.

Сегодня с именем Б. Б. Голицына связаны становление сейсмологии как точной науки и организация в нашей стране систематических сейсмических наблюдений. Он сконструировал электродинамические сейсмографы и предложил новый способ записи сейсмических колебаний — гальванометрический, основанный на преобразовании механических колебаний в электрическую форму. Специальные испытания доказали, что сейсмографы Б. Б. Голицына — приборы первоклассные, ими оснастили все русские сейсмические станции. Вскоре его научное изобретение получило распространение не только в России, но и за границей.

В 1906 г. по указанию Б. Б. Голицына была создана Центральная сейсмическая станция в Пулковке. Здесь он нашел решение задачи об определении очага землетрясения по данным одной сейсмической станции. Ученому принадлежит и разработка теории сейсмологии. Всякое землетрясение он уподоблял «фонарю, который зажигается на короткое время и освещает нам внутренность Земли, позволяя тем самым рассмотреть то, что там происходит. Свет этого фонаря пока еще очень тусклый, но не подлежит сомнению, что со временем он станет гораздо ярче и позволит нам разобраться в этих сложных явлениях природы»².

---

¹ Библиографию трудов Б. Б. Голицына см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 215–218; Рукописи Б. Б. Голицына в Архиве Академии наук СССР / отв. ред. Г. А. Князев; сост. Г. П. Блок, М. В. Крутикова. М.; Л., 1952. (Труды Архива АН СССР; вып. 10). С. 83–111.

² Голицын Б. Б. Лекции по сейсмометрии. СПб., 1912. С. 211.

**Записка об ученых трудах экстраординарного академика
князя Б. Б. Голицына, составленная [О. А. Баклундом]
для представления его в ординарные академики**

Конец 1902 г.³

Четыре года тому назад Императорская Академия наук, справедливо оценивая труды своего сочлена, адъюнкта князя Бориса Борисовича Голицына, избрала его в звание экстраординарного академика^[1].

С тех пор Борис Борисович продолжает с неутомимой энергией работать в области физики, обогащая ее важными теоретическими и опытными исследованиями.

В 1899 году вышли в свет подготовленные им ранее его труды: «О метеорологических наблюдениях на Новой Земле» и «Материалы к определению границ Гольфстрима в Северном Ледовитом океане», причем автор воспользовался для них всем имевшимся материалом. Этими трудами завершился целый ряд работ, посвященных всесторонней обработке физических наблюдений, произведенных и организованных Борисом Борисовичем во время астрономической экспедиции на Новую Землю^[2].

В том же году в статье своей “Ueber einen Thermostaten für hohe Temperaturen” он дает подробное описание этого изобретенного им прибора.

В своем труде “Untersuchungen über das Brechungsverhältniss des Aethyläthers in der Nähe des kritischen Punktes”, изданном в том же 1899 году, Борис Борисович продолжает свои исследования по определению критических температур жидкостей. Указав на сомнительные предположения, что при исчезновении мениска плотность пара во всех частях трубки одинакова, и указав на погрешности, к которым приводит такое предположение при определении критической температуры, он задался мыслью проверить на опыте это явление, определяя показатель преломления вещества как в жидком, так и в газообразном состоянии при температурах выше и ниже критической и в различных слоях вещества, что дало возможность точнее определить истинную критическую температуру вещества.

Приступая к этим опытам, князь Б. Б. Голицын дополняет прежде придуманный им способ определения показателя преломления новым, более точным; он применяет также свой термостат для обеспечения получения постоянной температуры и для изменения ее по желанию; делает приспособление для перемешивания жидкости внутри трубки.

Для опытов своих он избрал этиловый эфир. В результате многочисленных и разнообразных наблюдений оказалось, что способ князя Б. Б. Голицына дает возможность определять критическую точку температуры с точностью до $0^{\circ},1$ и $0^{\circ},2$ Ц., при условии пользования хорошим термостатом и при перемешивании слоев внутри трубки, для чего было сделано особое приспособление. При отсутствии этих предосторожностей разница плотностей в разных слоях получилась в крайних случаях до 35%; этим объясняются получавшиеся прежними исследованиями аномалии.

В 1900 году Борис Борисович принимает участие в Международном конгрессе физиков и делает там доклад.

В 1901 году он представляет свой экспериментальный труд о твердости стекла: “Ueber die Festigkeit des Glasses”, в котором были исследованы прочности стекла в трубках различных диаметров, различной толщины и из стекла разного качества, как то: йенское, тюрингенское и проч. В запаянные трубки нагнетался насосом воздух, и увеличивалось постепенно внутреннее давление, пока трубка не лопалась. По максимальному давлению, по размерам трубки и по теоретической формуле он

³ Датировано по содержанию. Записка была прочитана на заседании ФМО 8 января 1903 г.

вычислил коэффициент прочности стекла. Из опытов этих оказалось, что максимальное давление, выдерживаемое стеклом, не зависит от быстроты повышения давления.

Коэффициент прочности одного и того же сорта стекла оказывается не вполне постоянным; он получился несколько различным при разных размерах трубок.

На основании своих опытов Борис Борисович составил таблицы, из которых можно определить, какое максимальное давление трубка данных размеров может выдержать. Эти таблицы послужат важным пособием при производстве опытов.

В особенности важное значение имеют труды Бориса Борисовича, посвященные сейсмометрии. Именно эти труды привели нижеподписавшихся окончательно к убеждению, что теперь вполне своевременно было бы рекомендовать отделению избрать нашего сотоварища в обычные академические.

В последнее время, когда ученые всех стран направляют стремление к изучению колебаний земной поверхности и покрывают для этой цели поверхность земли сетью наблюдательных станций, Борис Борисович обратил свое внимание на способы сейсмических наблюдений^[3]. В январе текущего года он сделал Академии предварительное сообщение о своих исследованиях, сюда относящихся, а затем подробный доклад он напечатал в «Известиях Постоянной центральной сейсмической комиссии» под заглавием “Ueber seismometrische Beobachtungen”.

В этом замечательном труде на основании теоретических исследований он доказывает полную недостаточность существующих способов наблюдений для изучения движения точки земной поверхности и показывает, какого рода шесть приборов необходимы для определения шести неизвестных величин в выведенных им уравнениях.

Весною вышел этот труд, а теперь, по проектированным князем Б. Б. Голицыным планам, уже закончена постройка платформы для опытов и исследований, относящихся к его теории. В заседании отделения 20 ноября минувшего года князь Б. Б. Голицын доложил сделанное им в заседании Сейсмической комиссии сообщение о придуманном им способе затухания колебаний горизонтального маятника с помощью сильного электромагнита, причем периодические колебания его переходят в аperiodические; при известных условиях маятник прямо дает горизонтальное движение, одинаковое с движением частицы земли, подверженной колебанию. Для того чтобы иметь возможность наблюдать столь малое передвижение маятника, автором изобретен способ увеличивать во сколько угодно раз это движение путем магнита и сообщения тока в очень чувствительный гальванометр; свои теоретические изыскания Борису Борисовичу удалось подтвердить и на опыте; в Физическом кабинете он установил горизонтальный маятник с изобретенными им приспособлениями. На приборе этом можно видеть с помощью трубы и шкалы, как периодические колебания маятника можно обратить в аperiodические, так же, как можно малые колебания маятника наблюдать в увеличенном виде в зеркале гальванометра. Едва ли нужно говорить, как велико значение этих теоретических исследований и механических приспособлений для дальнейшего усовершенствования сейсмических наблюдений.

Как член Академии наук князь Б. Б. Голицын принимал самое деятельное и плодотворное участие в многочисленных комиссиях, он рассмотрел также большое число ученых трудов, переданных Академией на его суждение. Его компетентные отзывы служили для выделения ценных работ от недостойных к появлению в изданиях Академии, а иногда его указаниями авторы пользовались для пополнения своих трудов.

Напоминаем, наконец, что князь Б. Б. Голицын продолжает трудиться на пользу Академии в Правлении, членом которого состоит восьмой год.

Таким образом, мы видим, что деятельность Бориса Борисовича не только не ослабевает, но продолжает развиваться, а целый ряд важных научных трудов, им изданных или доложенных за последние четыре года, и все вышеизложенное побуждают нас,

нижеподписавшихся, с разрешения августейшего президента, предложить отделению избрать князя Бориса Борисовича Голицына в ординарные академики.

О. А. Баклунд, Ф. Б. Шмидт, Н. Н. Бекетов, Ф. А. Бредихин, А. П. Карпинский, М. А. Рыкачев, Ф. Н. Чернышев.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215. Л. 99–100. Протокол заседания ФМО 8 января 1903 г., 1-е приложение; Л. 31–32. Протокол заседания ОС 1 марта 1903 г., 4-е приложение. Подлинник. Типограф. печать.

^[1] Научная карьера князя Б. Б. Голицына, талантливого представителя экспериментальной страсбургской физической школы, складывалась непросто. Обсуждение в 1893 г. его магистерской диссертации «Исследования по математической физике», посвященной проблемам теплового излучения, вылилось в конфликт с главой российских физиков А. Г. Столетовым, которому были чужды идеи молодого коллеги. Однако именно при рассмотрении затронутого Б. Б. Голицыным круга вопросов семью годами позже зародилась квантовая физика.

Диссертация Б. Б. Голицына была отклонена, и путь к профессуре для него оказался закрыт. Отсутствие российской ученой степени не стало препятствием к избранию в Академию наук: опального князя поддержал лично знавший его президент Академии наук вел. кн. Константин Константинович. В 1893 г. Б. Б. Голицына избрали адъюнктом, через пять лет он был повышен и стал экстраординарным академиком.

В 1903 г., когда Голицын получил первые впечатляющие результаты теоретических и прикладных разработок по сейсмологии, он был представлен в ординарные академики. Однако математик А. А. Марков посчитал поспешными суждения о значении его исследований и рекомендуемых им приборов для изучения землетрясений и дал отрицательный отзыв о некоторых трудах Голицына (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215. Л. 33–33 об.). В результате этой критики Голицын оказался забаллотирован на заседании Общего собрания 19 апреля 1903 г. (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215. Л. 47 об.). В ординарные академики ученый был избран в 1908 г., когда его заслуги являлись уже общепризнанными.

^[2] В 1896 г. Б. Б. Голицын принял участие в академической экспедиции на Новую Землю для наблюдения полного солнечного затмения 9 (21) августа 1896 г., центральная полоса которого должна была пройти через Южный остров Новой Земли.

^[3] Задачи учрежденной 25 января 1900 г. Постоянной центральной сейсмической комиссии (Сейсмическая комиссия) заключались в организации сейсмических наблюдений, устройстве новых станций, составлении программ и инструкций для производства сейсмических наблюдений, их обработке и публикации. Комиссия создавалась при Академии наук, и ее председателем был назначен академик О. А. Баклунд. В состав комиссии вошли члены Академии наук А. П. Карпинский, М. А. Рыкачев, Ф. Н. Чернышев, Б. Б. Голицын, а также представители других учреждений. С первого года работы комиссии ее главным деятелем стал Б. Б. Голицын, который сделал академический Физический кабинет ее научной базой. Здесь он занялся созданием новой, более совершенной аппаратуры. В 1902 г. комиссия начала издавать «Известия» и «Бюллетень».

**«Кн. Б. Б. Голицын. Краткое сообщение о двух сейсмограммах,
полученных в Пулкове (Prince V. Galitzine (Golicyn).
Sur deux sismogrammes obtenus à Pulkowa)»**

19 марта 1908 г.⁴

Имею честь представить вниманию отделения весьма характерную сейсмограмму, полученную в ночь с 13-го на 14-е марта на сейсмической станции в Пулкове^[1]. Эта сейсмограмма соответствует сильному землетрясению, наблюдавшемуся в Мексике

⁴ Доложено на заседании Физико-математического отделения.

днем 13 (26) марта, причем, на основании телеграфных сообщений, 40 человек получили поранения, и во многих домах обрушились стены. Несмотря на то, что Мексика находится от нас в расстоянии около 100 000 километров, чувствительные пулковские сейсмографы обнаружили громадные колебания и вышли даже из пределов шкалы. Через несколько часов землетрясение повторилось вновь и также со значительной силой. Со времени существования Пулковской сейсмической станции это первый случай таких громадных колебаний сейсмографов.

В телеграмме из Коканда от 12 марта, в 2 ч. 50 мин. утра там ощущалось землетрясение, которому предшествовали подземный гул и толчок; многие дома дали трещины.

Соответствующая сейсмограмма также получена в Пулкове, причем эта сейсмограмма очень богата мелкими колебаниями с короткими периодами, которые, как известно, являются особенно опасными и вызывают наибольшие разрушения.

Академик кн. Голицын

*СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 1. Д. 155. Л. 1. Автограф Б. Б. Голицына.
Опубл.: Известия Имп. АН. Сер. 6. 1908. Т. 2. С. 549.*

^[1] В 1906 г. под непосредственным руководством Б. Б. Голицына и по его указанию была создана сейсмическая станция в Пулкове, удаленном от городского движения. С согласия директора Пулковской обсерватории О. А. Баклунда, который одновременно был председателем Сейсмической комиссии, станция расположилась в подвалах Пулковской обсерватории. В ноябре 1906 г. здесь были проведены успешные испытания сейсмографа Голицына. В конце 1911 г. станция перешла в собственное помещение, построенное на территории Пулковской обсерватории. В 1916 г. при помощи изобретенных Б. Б. Голицыным сейсмографов и инструментов на станции было зарегистрировано около 600 землетрясений.

Введение к работе Б. Б. Голицына «Лекции по сейсмометрии»

Август 1911 г.⁵

Землетрясения делятся, в зависимости от причин их возникновения, на три главных класса: 1) вулканические, вызванные внезапными подземными взрывами в соседстве с вулканами; 2) обвальные, когда в тех пустотах, которые кроются в некоторых местах в недрах Земли, происходят внезапные обвалы или провалы, и 3) тектонические, когда происходит внезапное смещение слоев горных пород вследствие кражеобразовательных процессов.

Во всех трех случаях происходит нарушение условий равновесия внутренних слоев Земли, которое сопровождается возникновением упругих колебаний в горных породах. Эти колебания, достигая поверхности Земли, приводят в сотрясение верхние пласты земной оболочки и вызывают явления, известные под названием землетрясений.

То место внутри земной коры, где первоначально произошло нарушение равновесия слоев, называется очагом землетрясения, или гипоцентром. Ближайшая к гипоцентру точка земной поверхности называется эпицентром. Таким образом, гипоцентр, эпицентр и центр Земли лежат на одной прямой линии. У поверхности Земли самое сильное проявление землетрясения наблюдается в эпицентре.

---

⁵ Дата установлена по рукописи работы. См.: СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 10. Д. 233.

Не подлежит никакому сомнению, что как гипоцентр, так и эпицентр не суть определенные точки; это, несомненно, определенные области, имеющие большее или меньшее протяжение. Однако эти области, которые могут в случае тектонических землетрясений иметь очень растянутую фигуру, расположенную вдоль какой-нибудь сбросовой линии, вообще говоря, настолько малы в сравнении с размерами всей Земли, что мы можем, для простоты изложения, в известном расстоянии рассматривать их до некоторой степени как определенные точки, подразумевая, однако, всегда под эпицентром середину действительной эпицентральной области.

Первые два класса землетрясений наблюдаются сравнительно редко, причем гипоцентр лежит обыкновенно неглубоко. Ввиду этого эти типы землетрясения имеют почти исключительно местное значение и в некотором, сравнительно небольшом, расстоянии от эпицентра вовсе и не ощущаются.

Огромное *большинство* землетрясений тектонического происхождения, причем последние бывают иногда чрезвычайно разрушительны. Когда очаг такого землетрясения лежит глубоко, то землетрясение на поверхности Земли охватывает уже большую область. В этом случае колебание почвы ощущается непосредственно людьми в весьма значительных удалениях от эпицентральной области, а чувствительные сейсмографы могут отметить такое землетрясение в любом пункте на поверхности всего земного шара.

Тектонические землетрясения обязаны своим происхождением тем дислокационным процессам, которые происходят внутри земной коры при постепенном охлаждении и сокращении земного шара. В осадочных горных породах происходят при этом разные сдвиги, смещения, сбросы; образуются интенсивные складчатости слоев, находящихся в состоянии весьма значительного упругого натяжения. Явления эти тесно связаны с процессами горообразования и сильнее всего наблюдаются в областях значительных геосинклиналей^[1] или в соседстве с большими морскими глубинами. Там, где имеется много складчатых гор, или вообще, где имеются значительные и быстрые изменения рельефа земной поверхности, можно ожидать встретить и наибольшие упругие натяжения различных слоев Земли. С течением времени равновесие таких слоев может сделаться чрезвычайно неустойчивым, и тогда достаточно какого-нибудь самого незначительного внешнего импульса, чтобы предел упругости был перейден и произошло бы внезапное смещение одних слоев по отношению к другим, каковое смещение может вызвать тектоническое землетрясение.

Таким образом, внутренние слои Земли, находящиеся в состоянии упругого натяжения, подвержены непосредственно действию различных упругих сил. Когда в какой-нибудь области произойдет от той или иной причины крупное нарушение равновесия слоев, то, в силу основной теоремы о распространении импульсов, другие слои Земли также будут выведены из своего состояния равновесия и будут испытывать известные деформации, и придут при этом в состояние движения. Эти движения будут, однако, значительно менее интенсивны, чем в очаге, и если в этих более удаленных областях предел упругости не будет перейден, то эти движения будут иметь характер лишь более мелких колебаний около определенного среднего положения равновесия. Движения эти обуславливаются исключительно теми силами упругости, которые вызываются деформациями слоев.

Мы видим, таким образом, что учение о землетрясениях как о некотором механическом процессе тесно связано с теорией упругости. Эта теория дает возможность осветить эти явления с совершенно новой точки зрения и дает ключ к уразумению тех сложных колебательных процессов, которые происходят во всей земной коре, когда

в какой-нибудь области произошло, от той или иной причины, крупное нарушение равновесия внутренних слоев Земли.

Этот путь исследования землетрясений чрезвычайно интересный и плодотворный, но, к сожалению, сравнительно мало еще разработанный. Мы по этому пути, тем не менее, пойдем, но для цельности и ясности дальнейшего изложения целесообразно не пользоваться тотчас же готовыми формулами и положениями теории упругости, а посвятить основным началам этого учения отдельную, специальную главу.

Опубл.: Голицын Б. Б. *Лекции по сейсмометрии*. СПб., 1912. С. 3–5;
Переизд.: Голицын Б. Б. *Избранные труды* : в 2 т. Т. 2. М. ; Л., 1960. С. 7–8.

^[1] Геосинклиналь — подвижная зона земной коры, где интенсивно проявляются различные геологические процессы.

Из писем Б. Б. Голицына к жене М. К. Голицыной

*Малые Кармакулы
12 июля 1896 г.*

Дорогой мой Манушок^[1],

Сегодня около 7 часов вечера мы пришли в Малые Кармакулы и стали на якорь^[2]. Ушли мы из Архангельска не 9-го, как я тебе телеграфировал, а 10-го в 7 часов утра, так что на весь переход сюда мы употребили только 2 ½ суток, так как обстоятельства плавания были благоприятные.

Наш отход из Архангельска был отложен до утра 10-го, во-первых, потому что «Самоед» не был совсем еще готов к отправлению, а во-вторых, потому что ветер 9-го был очень свежий, и командир не хотел терять время на борьбу с ним в открытом море. 9-го числа мы, однако, перебрались на «Самоед» и расположились по каютам. Я помещаюсь с Баклундом и командиром в его большой каюте, другие же в малых каютах по двое. Вообще нам на «Самоеде» очень хорошо, и с нами все чрезвычайно мило и любезно. Вечером накануне отхода я играл в винт в морском собрании.

Итак, 10-го рано утром мы вышли из Архангельска и около 10 часов утра были уже в Белом море. Погода была идеальная, теплая, солнечная, и все наши высыпали наверх наслаждаться путешествием по морю. На следующий день около полдня мы прошли Канин Нос и очутились в Северо-Ледовитом океане. Накануне вечером мы пересекли полярный круг, и офицеры потребовали у членов экспедиции контрибуцию, чтоб мы их угостили, и мы заказали крющон. Но только начали все готовить, засвежело несколько, вернее говоря, волнение усилилось, и нас стало качать. Большинство тут же и полегло, а при крющоне остался из наших лишь К. да Гольдберг, и тот довольно бледный.

На следующий день в Ледовитом океане нас также довольно сильно качало, и наши все лежали, за исключением меня. Качка была довольно неприятная, стремительная с большими размахами, так что все пришлось прикрепить. Обедать при таких обстоятельствах дело довольно затруднительное. Я, между прочим, обедаю с Баклундом и командиром, остальные в общей кают-компани. Бедный Баклунд весь день лежал и ничего не ел; крепче всех оказался Гольдберг. Несмотря на качку, можно сказать, что день был прекрасный, ясный, солнечный. По широте судя, мы должны были уже видеть полуночное солнце, но оно вечером было довольно не ясно видно из-за туч.

Эту ночь я не раздевался, так как в каюте было довольно холодно, и я даже прикрывлся полушубком. До сих пор погода нам, в общем, благоприятствовала, но сегодня утром мы очутились в тумане, самая скверная вещь в этих морях, потому что не видишь, куда идешь. Сейчас же уменьшили ход и взяли курс подальше от берега. Если бы такой туман продолжился бы, то мы долго не попали бы в Малые Кармакулы, так как при тумане подходить к берегу Новой Земли немислимо. К нашему счастью, скоро прояснилось, и мы опять взяли подходящий курс. Зоолог наш пробовал драгировать (доставать мешками животных со дна морского на глубине около 60–70 сажен), но неудачно, так как обе спущенные драги оборвались.

В 1 ½ открылся берег Новой Земли, а в семь мы пришли в М. Кармакулы. Погода потом стала идеальная, сравнительно теплая, ясное небо, море тихо, просто прелесть что такое. Масса птиц летала вокруг нашего корабля. Вход в М. Кармакулы очень красив, проходишь мимо крупных островов, местами совершенно усеянных птицами. Самые Кармакулы очень мило расположены, дома выкрашены заново и имеют вполне привлекательный вид. Самоеды встретили нас пушечной пальбой из старой пушки на радости. Вскоре после нас пришел сюда и «Ломоносов» с Казанской экспедицией. Мы съехали на берег и осмотрели тот дом, который нам предоставлен. Дом очень хороший, чистый, прибранный.

Познакомились с монахом, который провел там зиму, отцом Гурьем, которого сменяет отец Иона, прибывший также на «Ломоносове». Познакомился я и с самоедами, которые имеют весьма оригинальный вид. Маленькие самоедские дети в своих оленьих шкурах имеют очень комичный вид, точно медвежата. Самоеды, видимо, и летом ходят в малицах^[3]. Был я и в церкви, которая мне чрезвычайно понравилась, такая хорошая и чистая^[4]. За М. Кармакулами высятся довольно высокие горы, придающие всему становищу довольно красивый вид. Я нарвал на берегу много различных цветов и посылаю тебе их в отдельном конверте как образчик Ново-Земельской флоры^[5].

Сегодня вечером было здесь замечательно тепло, но в самих М. Кармакулах и окрестностях лежит еще много снега; льда на нашем переходе мы нигде не встретили. Остались мы на берегу недолго и вернулись обратно на «Самоед». На обратном пути мы видели великолепнейшую по своей яркости радугу; теперь уже далеко за полночь, и совершенно светло на улице, так как солнце здесь не заходит. Это письмо я хочу отправить тебе с «Ломоносовым», но не знаю, когда ты его получишь <...>

СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 3. Д. 470. Л. 118–121 об. Автограф Б. Б. Голицына;
Ф. 7. Оп. 4. Д. 91 (ч. II). Л. 132–134. Машинописная копия.

^[1] В 1891 г. в возрасте 29 лет Б. Б. Голицын женился на дочери бывшего казанского вице-губернатора К. Н. Хитрово, Марии Константиновне Хитрово, с которой познакомился годом ранее в Москве.

^[2] Речь идет об академической экспедиции на арктический архипелаг Новая Земля для наблюдения полного солнечного затмения. За астрономическую часть отвечал О. А. Баклунд, за физико-метеорологические наблюдения — Б. Б. Голицын.

^[3] Малица — широкая удлиненная меховая рубаха с рукавами и капюшоном у оленеводческих северных народов.

^[4] Иеромонах Иона (Платонов), назначенный к самоедам указом Святейшего синода в 1887 г., обустроил храм Св. Николая Чудотворца в Малых Кармакулах; его миссионерская деятельность оставила глубокий след на Новой Земле.

^[5] Гербарные образцы сохранились. См.: СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 3. Д. 470. Л. 117 а.

Малые Кармакулы
30 августа 1896 г.

Дорогой, милый мой Манушок,

Буду писать тебе немного, так как не знаю, когда это письмо дойдет до тебя, а надеюсь, даст бог, скоро сам тебе все рассказать про наше житье-бытье. К тому же накопилось столько новых фактов, столько впечатлений, что если все это описывать, то пришлось бы писать почти целый день. Замечательно, как у меня здесь мало свободного времени, все приходится распорядиться, хлопотать, устраивать разные вещи.

Мы, слава богу, все здоровы и жили весело; много болтали, шутили, смеялись. Жили в достаточной тесноте и в грязи, но к этому теперь привыкли, и ничего нас теперь не поражает; думаю, что немного одичали. Удалось нам все-таки побывать раз в бане здесь. Баня неважная, но мыться можно.

Теперь главное: затмение удалось, мы его видели и наблюдали, хотя сделали не все, что хотели. Судя по погоде, которая предшествовала затмению, а именно дожди, туманы и пр., мы почти совсем потеряли надежду его увидеть. Солнце, правда, несколько раз светило, но обыкновенно недолго; вообще погода здесь ужасно неустойчивая. Но утро затмения было, как нарочно, ясное, и хотя и набегали облака, но мы, в общем, могли следить за всеми фазами затмения. Явление было чудное, и я был в восторге; корона — это такая прелесть. Я во время хода затмения делал самые разнообразные наблюдения, и в общем накопился у меня довольно многочисленный материал, чему я, конечно, очень доволен <...>. Я здесь устроил метеорологическую обсерваторию, которую и передаю в ведение отца Ионы. Построил специальную будку, установил приборы и пр.^[1].

Там же. Л. 124–125 об. Автограф Б. Б. Голицына; Л. 135–136. Машинописная копия.

^[1] После солнечного затмения Б. Б. Голицын предпринял вместе с некоторыми другими участниками экспедиции девятидневное путешествие внутрь Южного острова Новой Земли. Во время этой экспедиции производились разные астрономические, топографические, магнитные наблюдения. Организованные ученым в Малых Кармакулах метеорологические наблюдения проводились ежечасно в течение месяца; впервые велись магнитные наблюдения; была выполнена фотограмметрическая съемка района Малых Кармакул и собраны зоологические коллекции. Обработка полученных результатов заняла несколько лет.

См.: *Голицын Б. Б. Физико-метеорологические наблюдения во время полного солнечного затмения 9 августа 1896 г. в становище Малые Кармакулы на Новой Земле // Известия Имп. АН. 1897. Т. 6, № 3. С. 203–249; Отчет об экспедиции Императорской Академии наук на Новую Землю летом 1896 г. // Записки Имп. АН по ФМО. 1898. Т. 8, № 1. С. 1–169; Голицын Б. Б. О метеорологических наблюдениях на Новой Земле. Приложение к отчету об экспедиции на Новую Землю летом 1896 г. // Записки Имп. АН по ФМО. 1900. Т. 8, № 3. С. 1–163.*

*Шевенинген (Schéveningue), Голландия
12/25 сентября 1907 г.*

<...> Наш конгресс здесь начался в субботу 8 сентября^[1]. Ты будешь довольна, если я тебе скажу, что ученые разных стран отнеслись ко мне с замечательным вниманием. Видно, что я у них пользуюсь большим авторитетом. Мне несколько раз приходилось говорить, и к моему голосу очень прислушиваются. Выбрали меня председателем очень ответственной Комиссии по исследованию новых приборов^[2]. Участвовал я и в другой комиссии с очень интересными учеными. Председатель

в своей вступительной речи сказал очень много лестного по моему адресу, между прочим: “le prince Golitsin a créé une nouvelle branche de notre science, que je pourrai appeller seismometrie de laboratoire”⁶. Много всяких хороших вещей я наслушался здесь по своему адресу <...> Заграничные ученые знакомы с моими работами и судят обо мне по ним.

Вчерашний мой доклад вышел очень удачным: говорил час, слушали с большим вниманием, однако французы плохо понимали^[3]. Последние захотели даже ввести мои приборы во Франции. Моя последняя работа, которую я корректировал летом, только что вышла из печати, и я мог сегодня ее раздать. Много интересного было говорено на конгрессе, и я познакомился с целым рядом интересных людей. Особенно сошелся с англичанином Schuster’ом из Манчестера и американцем Reid’ом. Мы как-то обедали вместе и перебирали целый ряд научных вопросов. Ты видишь, что я здесь совсем в своем элементе. <...>

Там же. Л. 151–152. Автограф Б. Б. Голицына; Л. 141. Машинописная копия.

^[1] Б. Б. Голицын был представителем России на съезде Международной сейсмологической ассоциации, который проходил в Гааге с 8 (21) по 12 (25) сентября 1907 г. См.: *Голицын Б. Б. Отчет об общем собрании Международной сейсмологической ассоциации в Гааге в сентябре 1907 г. // Известия Имп. АН. Сер. 6. 1907. Т. 1, № 15. С. 636–644.*

^[2] В 1906 г. Международная сейсмологическая ассоциация объявила конкурс на изобретение прибора для исследования близких землетрясений. Для оценки четырех допущенных к конкурсу приборов была создана комиссия под председательством Б. Б. Голицына. Было решено подвергнуть их сравнительному испытанию при искусственных сотрясениях. См.: *Голицын Б. Б. Отчет об общем собрании Международной сейсмологической ассоциации... С. 637–639.*

^[3] Б. Голицын прочел доклад “Seismometrische Studien”, в котором коснулся общих задач точной сейсмометрии и продемонстрировал новый горизонтальный маятник; при этом он внес предложение, чтобы в целях унификации и упрощения сейсмических наблюдений по возможности всюду маятники снабжались затуханием. Доклад опублик.: *Comptes rendus de la 2 réunion de la Commission permanente et de la 1 assemblée générale de l’Association Internationale de sismologie. 1908. P. 185–203.*

*Эскдейльмьюир, Шотландия,
3 июня 1910*

<...> Теперь расскажу про Манчестер. Приехал сюда в пятницу вечером. <...> На другое утро в субботу поехали смотреть физическую лабораторию, где познакомились с знаменитым Rutherford’ом, прославившимся своими наблюдениями над радием.

Теперь про церемонию^[1]. В 11 ½ стали собираться разные ученые силы. Меня одели в красную gown⁷ с желтым наплечником вроде епитрахили. На голову традиционную шапочку. Все профессора были в gown, также студенты и студентки, оканчивающие сегодня курс наук или получающие ученую степень В. А. (бакалавра) или М. А. (магистра). Костюмы были разноцветные и очень живописные. Церемония происходила в чудном готическом зале, где играл орган.

⁶ Кн. Голицын создал новую отрасль нашей науки, которую я мог бы назвать лабораторной сейсмометрией (фр.).

⁷ Мантия (англ.).

Vice-chancellor⁸ был одет в особую мантию и был похож на священника, Lord-mayr⁹ в цепи, перед ним человек с булавой. Вошли мы торжественно в зал под звуки органа. Публики масса, порядок образцовый. Когда дошла очередь до меня, то декан специально взял меня за руку и повел на эстраду и поставил перед vice-chancellor. Зал аплодирует. Затем он говорил краткую речь о моих заслугах, и я был провозглашен доктором Манчестерского университета honoris causa. Vice-chancellor сказал мне несколько прочувствованных слов, но я ничего не слышал из-за шума аплодисментов. После этого я занял место на эстраде лицом к публике. Такая церемония происходила и с другими почетными докторами, их было немного; из них один был Bishop of Lincoln¹⁰. Церемония длилась около 1 ½ ч. (проходили окончившие студенты и студентки), и было все очень торжественно. По окончании опять началось обратное торжественное шествие под звуки органа. Потом я снял свой gown; за то, что я проносил его 2 часа, пришлось заплатить 18 ½ шиллингов, а купить его, надо было заплатить 10 фунтов! Правда, gown очень роскошный. Я его не купил <...>

Там же. Л. 162–164. Автограф Б. Б. Голицына. На бланке “The National Physical Laboratory. The Observatory. Eskdalemuir”; Л. 143–144. Машинописная копия.

^[1] В 1910 г. Манчестерский университет присудил кн. Б. Б. Голицыну степень почетного доктора.

Лондон, 1 июля 1910 г.

<...> В Royal Society (Королевском обществе) я встретил и познакомился со многими выдающимися английскими учеными. <...> В виде почета мне предоставили говорить первым. Когда я взошел на эстраду, меня встретили аплодисментами, точно балетчица. Говорил я недолго и, кажется, хорошо. Слушали очень внимательно. Кончил я, помянув заслуги одного старого англичанина Prof. Milne, который первый поставил сейсмологию на научную основу. Это, видимо, очень понравилось. Совершенно неожиданно для меня Milne оказался тут, и, когда я кончил, он стал говорить о моих заслугах. Milne, оказывается, совсем не старый, а я ожидал встретить старца с седой бородой. Я его впервые видел.

В 6 1 ½ состоялся торжественный обед в клубе Trocadero <...>. Я сидел на почетном месте, направо от председателя, а по другую сторону от меня сидел старик Sir William Crookes, который в конце семидесятых годов открыл ряд явлений в так называемых Круксовых трубках. Очень интересный сосед. Опыты Крукса положили основание последующим открытиям лучей Рентгена, радиоактивных явлений и пр. Крукс еще совсем молодец, бодрый и пьет вино, как другие^[1].

Там же. Л. 166–167. Автограф Б. Б. Голицына. На бланке “Charing Cross Hotel”; Л. 145. Машинописная копия.

^[1] Ср. отчет Б. Б. Голицына о заграничной командировке летом 1910 г.: «17 июня, под председательством Sir Archibald Geikie, состоялось заседание Лондонского Королевского общества, на котором я читал доклад по вопросу об определении абсолютных величин смещения почвы при землетрясениях. Коснулся я при этом и вопроса о значении сильного

⁸Вице-канцлер, или проректор университета (англ.).

⁹Лорд-мэр (англ.).

¹⁰Епископ Линкольна (англ.).

магнитного затухания, о гальванометрическом способе регистрации, об определении азимута эпицентра и описал вкратце мой новый вертикальный сейсмограф. Мой доклад был встречен присутствующими очень сочувственно. На заседании присутствовал и проф. Milne, приехавший для этого нарочно в Лондон из Shide'a на Isle of Wight.

В этот же день состоялся годовой обед членов Королевского общества в Royal Society Club. По принятому обычаю на эти годовые обеды, на которых решаются разные внутренние, организационные дела, посторонние лица вовсе не допускаются. Но для меня было сделано исключение, что дало мне возможность ближе познакомиться со многими выдающимися научными деятелями Англии. За обедом соседом у меня был Sir William Crookes. Это еще совершенно бодрый старик, поныне еще не перестающий научно работать. Интересно было слушать его рассказы и воспоминания о его знаменитом соотечественнике — Faraday'e».

Известия Имп. АН. Сер. 6. 1910. Т. 4, Вып. 13. С. 979.

*Эскдейльмуир, Шотландия
9/22 июля 1911 г.*

<...> Все эти дни я был страшно занят на конгрессе, где я читал четыре доклада, которые вызвали большой интерес; принимал участие в разных прениях, комиссиях и пр. Пришлось также собирать и показывать мой новый прибор, который тотчас же и купили и послали в Eskdalemuir^[1].

Вчера были выборы, и я единогласно избран президентом ассоциации на предстоящие три года^[2]. Это большая честь, потому что избирали меня представители 18 различных государств.

Был у нас и прием у Lord Mayor'a Manchester¹¹ в чудном town-hall garden tea-party¹² у Schuster'a и вчера большой обед в университете. Я говорил две речи по-английски, которые имели большой успех, особенно вторая, где я воздавал хвалу работам Milne'a.

Там же. Л. 169–170 об. Автограф Б. Б. Голицына на бланке "The National Physical Laboratory. The Observatory. Eskdalemuir"; Л. 146. Машинописная копия.

^[1] По словам А. Н. Крылова, «Б. Б. Голицын не патентовал своих приборов и не извлекал никаких выгод из своих изобретений, а считал их чисто научными и предоставлял их в общее пользование; мастерская при Академии наук едва удовлетворяла потребности нашей сейсмической сети, поэтому приборы Голицына стали изготовляться некоторыми заграничными фирмами, между прочим, знаменитой Cambridge Scientific Instrument, руководимой известным физиком Н. Darwin. Это служит одним из лучших подтверждений достоинств приборов Голицына». См.: Крылов А. Н. Б. Б. Голицын // А. Н. Крылов. Воспоминания и очерки. М., 1956. С. 361.

^[2] Б. Б. Голицын был избран на три года президентом Международной сейсмологической ассоциации. С 18 по 24 августа 1914 г. в Петербурге в помещении Академии наук был намечен съезд делегатов ассоциации, в состав которой входили в то время 24 государства, но начавшаяся 1 августа война сорвала это собрание.

¹¹ Лорд-мэр Манчестера (англ.).

¹² В здании муниципалитета чаепитие в саду (англ.).

Кембридж, 12/25 августа 1912 г.

<...> Съезд на конгресс очень большой, свыше 700 человек^[1]. Есть много знакомых: русских также много, даже один мой коллега из Академии — Стеклов и два с Высших женских курсов. В первый день был вечерний прием в St. John's College to meet the vice-chancellor of the University¹³. Было довольно мило. На следующий день было открытие конгресса. Слушаю я здесь разные доклады, многие из которых очень интересные. Вчера я даже был избран председателем секции математической физики на вчерашнее заседание. Это большой почет, принимая во внимание, что я не математик и что здесь столько выдающихся ученых <...>

В пятницу, в общем собрании, я читал свой доклад — ровно час. Было много народа, и все, кажется, остались очень довольны, по крайней мере, мне наговорили много комплиментов, и английским языком остались также довольны. Просили у меня краткий реферат о моей лекции для двух научных изданий. Вечером в пятницу был большой и очень парадный прием в Fitz-William museum to meet Lord Rayleigh¹⁴ [2].

Вчера я завтракал у Master of Christ College¹⁵. Очень интересное старинное здание, и замечательная у него квартира. Обедал у Sir George Darwin'a, где много разговаривал. <...>

*Там же. Л. 176 об. — 177 об. Автограф Б. Б. Голицына.
На бланке "University Arms Hotel. Cambridge"; Л. 147. Машинописная копия.*

[1] В 1912 г. в Кембридже состоялся пятый Математический конгресс, на котором Б. Б. Голицын сделал доклад на тему "The Principles of Instrumental Seismology". См.: Голицын Б. Б. Отчет о заграничной командировке летом 1912 г. // Известия Имп. АН. Сер. 6. 1912. Т. 6, № 14. С. 835–842.

[2] Музей Фицуильяма — музей искусств и истории при Кембриджском университете — образован в 1816 г. по завещанию Ричарда Фицуильяма и состоит из собрания произведений искусства и редких книг.

Речь М. А. Рыкачёва «Памяти князя Б. Б. Голицына»

9 мая 1916 г.

Третьего дня мы схоронили нашего дорогого товарища князя Бориса Борисовича Голицына, скончавшегося так неожиданно в то время, когда он достиг апогея своей кипучей деятельности.

Всемирная война не могла бесследно пройти для такого крупного деятеля! Правда, Борис Борисович работал, главным образом, в области науки, но в наш век наука не менее, чем доблесть армии, необходима для победы.

Тяжело подумать, что мы не увидим его более здесь, не услышим его докладов о достигнутых им успехах в той области, в которой он работал, о расширении деятельности учреждений, им заведываемых. Академия справедливо может гордиться его научными исследованиями, снискавшими ему почетную всемирную известность.

Война застала Бориса Борисовича в разгаре его деятельности по преобразованию службы Николаевской Главной физической обсерватории и ведомственных ей

¹³В Колледже Сент-Джонс / Колледже Св. Иоанна для встречи с проректором университета (англ.).

¹⁴В музее Фицуильяма для встречи с лордом Рейлем (англ.).

¹⁵Глава Колледжа Христа (англ.).

учреждений, согласно новому уставу ее и новым штатам^[1]. Вместе с тем Б. Б. был занят организацией системы сейсмических исследований России по проекту, им выработанному. В самый год начала войны по проекту князя и под его руководством была устроена центральная сейсмическая станция при Пулковской обсерватории; в том же году Б. Б. готовился принимать Международный сейсмологический союз, председателем которого он состоял; в этом же году под его руководством готовились три экспедиции для физических наблюдений во время солнечного затмения; в текущих работах тоже приходилось нагонять в том, что по недостатку средств в предшествующие годы не могло быть выполнено. Если к этому прибавить чтение лекций в Морской академии и на Высших женских курсах, участие Б. Б. в Российском морском союзе, в Правлении Русско-балтийского вагонного завода, где по его инициативе стали строить аэропланы, — и если принять во внимание достигнутые Б. Б. успехи в этом направлении — нельзя не удивляться его энергии и трудоспособности.

Казалось, прибавить к этому еще что-нибудь невозможно; но непреодолимое стремление Б. Б. принести посильную помощь нашей доблестной армии сделало невозможное возможным.

Началось с того, что пришлось озаботиться — как справиться с работами при значительно поредевшем личном составе, из которого многие были призваны, а иные поступили добровольцам в ряды армии. Князь, несмотря на все затруднения обходиться с малым числом сотрудников, не только не препятствовал, но поощрял добровольцев, принимая во внимание, что соответственно подготовленный персонал приносит пользу, в особенности авиации своими наблюдениями над ветром в разных слоях.

С самого начала войны обсерватория посылает в отряды сведения о погоде и ожидаемых переменах. Осенью 1915 г. по желанию военных властей обсерватория предприняла работу по изготовлению климатических обзоров на основании многолетних наблюдений в районах военных действий. Эти обзоры, под заглавием «Климатические условия» в районе такого-то фронта, выходят ежемесячно с таким расчетом, чтобы выпуск за данный месяц выходил в предшествующем месяце. Сначала «Климатические условия» выходили для Северного фронта, но затем такие же обзоры потребовались для Западного и для Южного фронтов^[2]. Но когда помощь метеорологии потребовалась еще при применении удушливых газов, метеорологическая служба в армии настолько осложнилась и расширилась, что потребовалось создание особого Управления военной метеорологической организации, и начальником управления был назначен Б. Б. Ему приходилось ездить в Ставку и к начальнику авиационной части.

Сверх всего этого, для удовлетворения потребностей армии и различных ученых учреждений, Б. Б. принял на себя заботу об устройстве мастерских для изготовления физических приборов, как, например, термометров обыкновенных и медицинских, барометров, теодолитов и других приборов, которые до войны большей частью выписывались из-за границы. Б. Б. получил большие заказы военного ведомства и приступил к устройству мастерских в широких размерах. Это большое и важное дело, которое должно было положить начало освобождению нас от заграничных мастеров, более всего озабочивало Б. Б. в последние дни его жизни.

Надеясь на крепость своего организма, он работал с утра до позднего вечера и тогда, когда простуда уже проявилась в сильной степени при значительном повышении температуры; утомленный напряженной работой и заботами, он вздумал освежиться ночью на охоте, а вернувшись, не ложась, принялся за работу; такого эксперимента не вынес крепкий организм Б. Б.: он заболел, но мог бы еще поправиться, если бы внял настойчивым просьбам княгини лечь в постель; два дня он пересиливал себя и в ненастную, холодную погоду выезжал по неотложным делам. Болезнь приняла острый характер — обнаружилось воспаление легких. И во время

болезни Борис Борисович бредил мастерскими и опасением, что заказы не поспеют. 4 мая в 12 час. 36 мин. дня он скончался на 55-м году жизни.

Не вдаваясь в подробную оценку выдающейся научной и административной деятельности Б. Б., на что потребовался бы более продолжительный срок, я здесь упомяну лишь о наиважнейших результатах его трудов. На первом месте, без сомнения, стоят его работы по сейсмологии, которые составят новую эру в истории этой отрасли; значительный вклад в науку внесли его исследования в области молекулярной физики и спектроскопии; оставил глубокий след Б. Б. и в истории Экспедиции заготовления государственных бумаг, им преобразованной на новых началах; там с благодарностью будут помнить о нем семьи рабочих^[3]. Наконец, напомним о постановке физики в Морской академии и устройстве при ней Физического кабинета. В Главной физической обсерватории им организованы живые научные собрания, на которых обсуждались новые труды служащих. Памятником по себе там же он оставил созданный им новый орган — «Геофизический сборник».

Какое горячее и полезное участие принимал он во всех вопросах, касающихся общих академических дел, как горячо он отстаивал то, что считал справедливым, — у нас останется навсегда в памяти так же, как его доброе товарищеское отношение. Почтим память нашего дорогого товарища, много потрудившегося во славу Академии.

*СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 238. Л. 45–46. Типограф. печать. I Приложение к протоколу заседания Общего собрания Имп. Академии наук 9 мая 1916 г. (к § 100).
Опубл.: Рыкачев М. А. Памяти Б. Б. Голицына (некролог) // Известия Имп. АН. 1916. Т. X, № 13. С. 1147–1149.*

^[1] Штат и бюджет НГФО, отдельный от общеакадемического, был утвержден 24 декабря 1912 г. Были усилены персонал и финансирование; учреждались новые отделения. Закон предусматривал укрепление сети метеорологических станций путем создания в течение пяти лет 50 опорных и 100 постоянных метеорологических станций. Обсерватория по-прежнему сохраняла тесную связь с Академией наук в научном отношении.

Б. Б. Голицын стал преемником М. А. Рыкачёва на посту директора НГФО 1 июля 1913 г. Он предполагал провести коренное преобразование обсерватории и сети метеорологических станций. 28 мая 1914 г. Б. Б. Голицын выступил в Государственной думе с проектом реорганизации метеорологической службы и получил поддержку депутатов. Он добивался для обсерватории права получать кредиты на расширение ее деятельности сверх бюджетных средств, потому что строгие рамки фиксированных штатных ассигнований лишали НГФО возможности быстро отвечать на научно-практические запросы других ведомств и сковывали ее деятельность. Голицын возобновил начатые в 1909 г. Рыкачёвым хлопоты о предоставлении НГФО соседнего с ней земельного участка, который врезался в ее небольшие владения на углу 23-й линии и Масляного переулка. Новый земельный участок требовался для расширения помещений, тем более что вместе с новыми штатами был отпущен кредит на постройку нового дома для НГФО. Однако планы строительства оказались сорваны Первой мировой войной.

^[2] В годы Первой мировой войны Главной физической обсерваторией были заложены организационные основы метеорологического обеспечения боевых действий. Сотрудники обсерватории в 1916 г. подготовили 36 выпусков климатических очерков фронтальной полосы. Спешная подготовка очерков показала, как плохо в обсерватории обстояло дело с климатологическими исследованиями.

^[3] Экспедиция заготовления государственных бумаг была основана в 1818 г. для изготовления ассигнаций и всех бумаг с государственным гербом. Б. Б. Голицын был назначен управляющим экспедицией в 1899 г. За короткий срок были расширены и переоборудованы многие мастерские, куплено современное оборудование. Экспедиция превратилась в крупное бумажно-полиграфическое предприятие, большие средства тратились на социальные нужды рабочих и служащих. Б. Б. Голицын управлял экспедицией до осени 1905 г.

**Некролог А. П. Семенова-Тян-Шанского
«Памяти князя Б. Б. Голицына»**

6/19 мая 1916 г.

Тяжелый ныне выдался год для России. Кроме неизбежных жертв, связанных с великой войной, мы лишились в первые месяцы этого года уже трех ученых, которыми могла гордиться Россия: А. И. Воейкова, М. М. Ковалевского, А. В. Прахова. 4 мая за ними совершенно неожиданно последовал и князь Б. Б. Голицын, скончавшийся в полном расцвете сил, когда родина могла ждать от этого редкого по энергии человека еще многого и многого на свою пользу и славу.

Князь Борис Борисович Голицын родился в 1862 г. Происходил он из славного многоветвистого рода Гедиминовичей, давшего России, начиная с XV столетия, столько выдающихся деятелей на разных поприщах. В 1880 г. покойный окончил курс в Морском кадетском корпусе и вскоре после того прошел курс Морской академии. Здесь, в Морской академии, созрело его влечение к чистой науке. Он увлекся физикой, и для того чтобы специально изучить ее, вышел в 1887 г. в отставку, отправился за границу и прослушал курс Страсбургского университета. В 1891 г. он получил в этом университете степень доктора философии и, вернувшись в Россию, с 1892 г. начал читать лекции по физике в Московском университете на правах его приват-доцента. Таким образом, покойный вместе с князьями Трубецкими, Гагариным и немногими другими был одним из первых представителей нашей родовой аристократии в рядах профессоров и профессиональных ученых.

В 1893 г. кн. Б. Б. Голицын был назначен и. д. экстраординарного профессора Юрьевского университета по кафедре физики, где не успел, однако, приступить к чтению лекций, так как в том же году был избран адъюнктом по физике Императорской Академии наук.

Благодаря существованию в то время должностей адъюнктов наша Академия наук имела возможность (каковой лишила себя позже) вводить в свою среду молодые, свежие силы, которые могли оказывать благотворное влияние на ее деятельность. Результаты избрания в академическую среду молодого ученого сказались тотчас же. Получив в свое заведование Физический кабинет Академии, кн. Голицын поднял его на значительную высоту, личным примером вдохновляя и других к продуктивной научной работе. При нем кабинет начал с успехом вырабатывать, между прочим, точные физические приборы, создавая новые их типы. Как человек в высшей степени энергичный, покойный явился еще в 1890-х годах инициатором целого ряда академических предприятий. Еще будучи адъюнктом, он состоял уже членом Правления Академии, участвовал во многих академических комиссиях, в некоторых из них председательствовал. Везде, где требовалось быстрое и энергичное проведение дела, кн. Б. Б. Голицын был незаменимым человеком. И Академия наша широко пользовалась его изумительной энергией. Начиная с 1896 г., покойный неоднократно исправлял должность постоянного секретаря Академии, даже тогда, когда был завален другим делом. Характерной чертой покойного было — никогда не отказываться от участия в живом деле, для которого он не жалел своих сил. В 1898 г. он был избран экстраординарным, в 1908 г. — ординарным академиком.

В 1896 г. князь Б. Б. явился одним из инициаторов и видных участников академической экспедиции на Новую Землю для наблюдения солнечного затмения. Став во главе одной из ее партий, он проник вглубь Южного острова и собрал там ценные для географии материалы. Благодаря энергии покойного результаты этой экспедиции были обработаны полностью.

В это время деятельность кн. Голицына далеко не ограничивалась одной Академией наук. С 1894 г. он состоял преподавателем (позже профессором) Николаевской морской академии, где он был по день смерти также и членом конференции. С 1897 г. ему была поручена кроме того кафедра опытной физики в Женском медицинском институте; позже он читал физику и на Высших женских курсах. С 1899 по 1905 г. занимал ответственную должность управляющего Экспедицией заготовления государственных бумаг. С 1903 г. был несколько лет гласным Петроградской городской думы. С 1906 г. до самой смерти состоял председателем Ученого комитета Министерства земледелия и последние годы также членом Совета министра. В качестве члена особого комитета по усилению флота на добровольные пожертвования князь Б. Б. явился также одним из учредителей в 1905 г. Российского морского союза и после выхода из его председателей С. В. Рухлова, с 1908 по 1913 г., состоял председателем союза, в котором был раньше товарищем председателя, и по день смерти оставался деятельным членом союза. С 1908 г. состоял в то же время, в течение двух четырехлетий, членом совета Императорского Русского географического общества. В 1911 г. был избран президентом Международной сейсмической ассоциации. Наконец, ровно три года назад покойный был избран Академией наук на должность директора Николаевской Главной физической обсерватории, деятельность которой развилась за краткий период его управления чрезвычайно.

Как ни внушителен этот перечень разнородных должностей и обязанностей, лежавших одновременно на кн. Б. Б. Голицыне, он может оказаться еще неполным. Но для того, чтобы оценить всю плодотворность деятельности покойного, этого мало: надо, хотя бы в самых общих чертах, охарактеризовать результаты этой деятельности.

Как ученый кн. Б. Б. Голицын составил себе европейское имя. Доказательством этого явилось избрание его почетным членом нескольких ученых обществ за границей, присуждение ему в 1910 г. Манчестерским университетом почетной степени доктора физико-математических наук, избрание президентом Международной сейсмической ассоциации. У нас покойный был также почетным членом нескольких ученых обществ и с 1913 г. Морского союза.

Ученые труды кн. Б. Б. Голицына весьма многочисленны. Проявлялись они по большей части в изданиях нашей Академии наук и лишь немногие — за границей. Перечислять даже главнейшие из них я, по недостатку места, здесь не буду; скажу только, что они относятся к разным отделам физики и отчасти — физической географии; многие относятся к изобретенным или усовершенствованным покойным академиком приборам. Главнейшие из последних трудов кн. Б. Б. относятся к области сейсмологии и сейсмометрии.

Без преувеличения можно сказать, что покойным была создана в области сейсмологии новая отрасль знания — точный способ определения эпицентров колебаний земной коры, благодаря чему мы теперь получаем точные данные обо всех землетрясениях земного шара. Для этих наблюдений покойным не только созданы были новые, весьма точные приборы, но и оборудована сейсмографическая станция при Пулковской обсерватории, а также и других, провинциальных.

Будучи поставлен во главе Главной физической обсерватории, покойный академик в короткий срок провел полный переворот в ее внутренней организации и деятельности. Он пришел на новый пост с широкими взглядами на задачи учреждения. Обсерватория эта должна была сделаться по его плану геофизическим институтом, ведающим и изучающим разные физические явления на земном шаре и в окружающей его атмосфере, отвечая в то же время и всем запросам практической жизни.

Не успел покойный провести в жизнь всю эту программу, как надвинулись грозные обстоятельства великой войны, и от покойного князя Голицына потребовалось все напряжение его энергии для служения новому делу. О том, как он поставил это вызванное военной страдой дело, нам расскажет со временем история.

В общественной и государственной деятельности кн. Б. Б. Голицын был незаменимым человеком. При своей кипучей и неисчерпаемой энергии, громадной работоспособности он никогда, как бы ни был завален делом, не имел вида переобремененного человека и всегда был крайне прост в обращении и доступен. Спокойный в речи и движениях, он своим открытым, прямым и добрым взглядом так умел привлечь к себе всякого, ободрить его простым и теплым словом, вдохновить и окрылить. В его неизменном ко всем доброжелательстве, может быть, и заключался секрет того, что он так умел безо всякого принуждения заставлять других работать по своему примеру. Сам же он имел завидную способность прямо и просто подходить к делу и, обходя все ненужное, отбрасывая все мелочно-формальное, быстро добираться до самого «ядра» всякого дела.

Тысячи лиц, входивших в соприкосновение с князем Б. Б. Голицыным, сохраняют о нем навсегда благодарную память. Такие люди, как покойный, у нас еще редки. Это был человек не столько настоящего, сколько будущего России. Надежда на это светлое будущее и может помирить нас с понесенной тяжелой утратой.

Оubl.: Новое время. 6/19 мая 1916 г. № 14426.

**Соболезнование Лондонского королевского общества
в связи с кончиной Б. Б. Голицына**

*Burlington House, London
23 June 1916*

Dear Sir,

The President and Council of the Royal Society have received with deep regret the news of the death of Prince Galitzin, and they desire me to express their sincere sympathy with the Imperial Academy of Science in the loss they have sustained.

The Royal Society have recently had occasion to give expression to their sense of the high value which they attach to Prince Galitzin's scientific work by electing him one of their Foreign Members. Apart from the important services he has rendered to the study of Seismology, his great power of work, his indefatigable industry, and his inspiring devotion to science have gained for him a position in the world of science which will be difficult to fill.

I am, Sir,
Faithfully yours,
D. H. Scott, Foreign Secretary

The Secretary, The Imperial Academy of Science. Petrograd.

*Штамп Канцелярии Конференции РАН с номером и датой получения: № 314.
28.03.1918*

Помета: ОС VII 20 апр. 1918 § 68^[1]

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2-1918. Д. 7. К § 68. Автограф Д. Г. Скотта. Англ. яз.

Перевод

Берлингтон Хаус, Лондон
23 июня 1916 г.

Уважаемый господин,

Президент и Совет Королевского общества с глубоким прискорбием восприняли известие о смерти князя Голицына и просили меня выразить Императорской Академии наук их искреннее соболезнование в связи с постигшей ее утратой.

Королевское общество недавно имело случай выразить свое понимание высокой ценности научной работы князя Голицына, избрав его одним из своих иностранных членов. Помимо важных услуг, которые он оказал изучению сейсмологии, его огромная работоспособность, неутомимое трудолюбие и вдохновляющая преданность науке обеспечили ему положение в мире науки, которое трудно будет восполнить^[2].

Сэр, искренне Ваш,

Д. Г. Скотт, секретарь по международным делам

Секретарю Императорской Академии наук. Петроград.

Перевод Е. Ю. Басаргиной

^[1] Штамп и помета с датой получения письма в 1918 г. свидетельствуют о трудностях международных почтовых сообщений в военное время.

^[2] См.: Boris Galitzin (1862–1916) // Proceedings of the Royal Society, London (A). 1918. Vol. 94. P. XXV–XXXI.

**Из речи А. Н. Крылова «Памяти князя Б. Б. Голицына» на заседании
физического отделения Русского физико-химического общества**

1916 г.

4 мая 1916 г. скончался академик князь Борис Борисович Голицын.

Русская наука лишилась в нем выдающегося ученого, Главная физическая обсерватория — незаменимого директора и организатора, Николаевская морская академия и Высшие женские курсы — ревностного и талантливого профессора, наше Физическое общество — своего давнишнего уважаемого деятельного сочлена.

В кратких словах невозможно очертить деятельность человека такой кипучей энергии, такого трудолюбия, такой работоспособности и производительности на всех поприщах, каким был покойный Борис Борисович. Еще труднее дать даже беглый очерк его весьма разнообразных научных работ, поэтому я не буду и пытаться этого делать, ограничиваясь лишь напоминанием о наиболее выдающихся его трудах, являющихся основными в целой новой научной области — сейсмологии. <... >

<... > Верненское землетрясение повело к учреждению Постоянной сейсмической комиссии^[1]. Борис Борисович был призван к участию в делах ее и вскоре по своим трудам и работам занял в этом деле, по общему признанию, одно из первых мест не только у нас, но и в целом мире.

Борис Борисович, прежде всего, обратил внимание на методы сейсмометрии, т. е. определения движения данного места земной поверхности при землетрясении. Принцип служащих для этого приборов был известен уже много раньше: чтобы получить тело, которое при движении другого тела, служащего ему фундаментом, в этих движениях не участвовало, надо это тело соединить с фундаментом такую упругую

связью, чтобы период его собственных свободных колебаний был велик по сравнению с периодами колебаний фундамента.

На этом принципе основано множество самых разнообразных приборов. Борис Борисович подверг их сперва тщательному изучению с теоретической стороны, затем свои теоретические выводы он проверил опытом, построив специальную платформу. После такого критического изучения всего сделанного до него он начал систематически и последовательно вводить свои усовершенствования как в самое устройство приборов, так и в способы записи их показаний. Переходя постепенно от одного усовершенствования к другому, он разработал и осуществил наряду с оптическим, так сказать, электрооптический, или гальванометрический способ записи, доведя его до изумительной точности, и притом не только для самых перемещений, но и для их скоростей, а затем и ускорений. Приборы Бориса Борисовича считаются классическими: ими снабжаются не только наши станции, но их требуют и за границу. Но этого мало: по его плану создана целая сеть сейсмических станций, на которых ведутся правильные и постоянные наблюдения.

Выработав приборы точной сейсмометрии, Борис Борисович указал и самое замечательное их применение. Сейсмические волны представляют упругие колебания земли как твердого тела, образующиеся в какой-либо, обыкновенно небольшой, области (эпицентр) и расходящиеся от нее. Колебания эти двух родов — поперечные и продольные; скорость их распространения различная и известная для каждого из них. По промежутку времени между моментами достижения места наблюдения волною того и другого рода можно получить расстояние от места наблюдения до источника колебаний, т. е. до эпицентра.

Ясно, что для определения его положения в пространстве надо знать расстояния до трех станций. Борис Борисович выработал приборы и способ, по которому получается не только расстояние до источника, но и направление распространения колебаний; таким образом, по его методу для определения места эпицентра достаточно показаний одной станции.

Замечательно также приложение, которое сделал для своих приборов Борис Борисович к изучению сотрясений зданий, вызываемых работою неуравновешенных поршневых машин по соседству с ними.

Одною из последних работ Бориса Борисовича в этой области было изобретение им прибора, дающего запись быстро изменяющихся давлений или ускорений. Прибор этот может иметь самые разнообразные применения во многих технических вопросах артиллерийского и морского дела, почему, по поручению Морского ведомства, Борис Борисович принял на себя труд построить такой прибор по определенным заданиям, ему сообщенным. Но это ему не было суждено.

Работы эти занимают промежуток времени около 15 лет, и малая их доля составляет огромный фолиант более чем в 2000 стр. По одному объему можно судить, сколько времени потребовало бы обстоятельное обозрение их содержания < ... >.

Опубл.: *Природа*. 1918. № 2/3. С. 178–180;

Перевзд.: Крылов А. Н. *Воспоминания и очерки*. М., 1956. С. 347–350.

^[1] После разрушительного землетрясения в 1887 г. в г. Верном (совр. Алма-Аты, Казахстан) была создана сейсмическая комиссия Русского географического общества (1888). Постоянная центральная сейсмическая комиссия учреждена 25 января 1900 г.

Федор Богданович
ГРЕФЕ

Christian Friedrich Graefe
(1780–1851)

Филолог-классик Федор Богданович Грефе был одним из тех иностранцев, кто отправился в Россию в поисках лучшей доли. В 1810 г. он приехал в Петербург, где на него стали смотреть как на гиганта учености. Н. И. Гнедич, переводчик «Илиады», называл его «нашим прорицалищем». Своей широкой известностью в столичных кругах Ф. Б. Грефе был обязан в первую очередь покровительству С. С. Уварова, которого он в течение 15 лет наставлял в древнегреческом языке. Когда в 1818 г. С. С. Уваров стал президентом Академии наук, то позаботился о том, чтобы его ученый друг стал академиком. Ф. Б. Грефе был первым профессором созданного С. С. Уваровым Петербургского университета, избранным в Академию наук.

Ф. Б. Грефе являлся мастером филологической критики, обладал сильным поэтическим чутьем и был искусным сочинителем стихов на древнегреческом и латинском языках. В 1826 г., к столетнему юбилею Академии наук, он написал по-гречески большую поэму и сам же перевел ее на родной ему немецкий язык. В ней он воспевает Петербург и мощь Невы, которая покоряется Петру Великому и подставляет свою широкую спину его кораблям, с восхищением описывает Академию наук и сокровища академических музеев, возносит неумеренные похвалы президенту Академии и своему патрону С. С. Уварову. Следуя традициям панегирической поэзии и въевшемуся сервиллизму, поэт прославляет членов императорской фамилии, покровительству которых Академия наук с момента основания и на протяжении ста лет была обязана своим благоденствием.

Поэма Ф. Б. Грефе к столетнему юбилею Императорской Академии наук

29 декабря 1826 г.

ΤΗ
ΚΑΙΣΑΡΕΙΑΙ ΠΕΡΙ ΕΠΙΣΤΗΜΩΝ
ΑΚΑΔΗΜΙΑΙ
ΤΗ ΕΝ ΠΕΤΡΟΥ ΠΟΛΕΙ
ΤΗΝ
ΕΚΑΤΟΝΤΟΥΤΙΝ ΕΑΥΤΗΣ ΠΑΝΗΓΥΡΙΝ
ΤΟ ΠΡΩΤΟΝ ΑΓΟΥΣΗ
ΤΗ ΚΘ ΤΟΥ ΔΕΚΕΜΒΡΙΟΥ
ΤΟΥ ΑΩΚΦ ΕΤΟΥΣ^[1]

^[1] В поэме Ф. Б. Грефе, написанной на аттическом диалекте, встречается немало ионийских форм, что придает поэме торжественность и величавость.

Авторский перевод на немецкий язык
**Der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg
bey ihrer ersten Saecular-Feier den XXIX. December MDCCCXXVI^[1]**

Himmliches Licht, geh' auf, dem festlichen Tage zu leuchten,
wie ich ihn nimmer noch sah, wie ich ihn ferner nicht seh';
und du, Sonne, die endlich nach hundert vollendeten Jahren
solch' ein Fest uns bringt, scheine mit mildestem Glanz,
strahlend ob PETERS Stadt, der Säulengetragenen, hehren,
und ob diesem Haus, welches dem Wissen geweiht! —
Freue Dich, Akademie, dass den hundertjährigen Festtag
feiern Du, Glückliche, sollst vor dem Erhabenen ZAAR,
prangend im festlichen Schmuck, in der Hallen erneuetem Glanze,
stolz auf der Wissenschaft reicher versammelten Schatz!
Freuet Euch, Freunde, mit mir, die des Wissens Streben beflügelt
Hier auf dieses Vereins Musenbetreter Bahn;
und ihr, Genossen, wer fern in Russlands weitem Bereiche,
oder auf fremdem Gebieth unser befreundet gedenkt;
auch Du, Sergius, freue Dich hoch: denn solchem Berather
ward solch Jubelfest wahrlich mit Rechte bewahrt. —

Traun! der Zeitgott mag allmählig Gewaltiges schaffen; —
langsam schleicht er, doch fügt immer er neues hinzu, —
und mit dem Gott ein kräftiger Mann; ihm beugt sich das Schicksaal;
seine Gebothe befolgt willig die Menge des Volks.
War es doch, als hier einst kaum haussen der irrende Fischer
mocht', am äussersten Strand, nahe dem tobenden Meer',
in geflochtener Hütt', und langsam ziehend zum Meer sich
schämte den Newastrom, dass er nicht gastlicher kam,
während so gross er, — und dass, den gewaltigsten Schiffen gewachsen,
sonder Lasten er sich über die Niederung goss.

Da sah PETER den mächtigen Strom, da vernahm er des Stromes Sinn, und winkte: „Zur Stadt werde der einsame Strand!“ und sie ward! so gross, wie in zwölfmal zehen der Jahre keine noch, und so schön, wie sie die Sonne nicht sah! Also waren der tapfere GRÜNDER und mit IHM die Völker unablässig bemüht um die zu bauende Stadt. Erst nun die sichernde Burg, dann erbauten sie Häuser und Strassen, Tempel, und mitten im Hain ihres BEHERRSCHERS Pallast. Und es küsste des Strom's vielarmiges klares Gewässer willig die zügelnde Macht seines GEBIETHERS zuerst, beugte geschmeidig den Nacken dem seegelfertigen Schiffe, litt Bollwerk, und trug freudig der Brücke Gewölb. So ward PETERS Sitz alsbald auch eine der Städte, blühend durch friedliche Kunst und das Gewerbe des Markts, gastlich dem Fremden, ein freudiger Stolz für jeglichen Bürger, und durch Flott' und Heer feindlichen Männern ein Schreck. Und es erfreut sich des KAISERS Herz; und dem Wissen gewogen winkt ER: „Der Wissenschaft werde geweiht ein Verein!“ Also winket der KAISER. Doch nicht mehr sollt' ER es enden Selber: denn früher noch gieng heim ER ins himmlische Land. Und es verblieb die Gewähr verspart der Hohen GEMAHLIN, IHR, die in Schlachten und Rath stützte den Hohen GEMAHL. — Also nach unsrer BEHERRSCHER erhabenen Willen erstandest Akademie, Du hier, wo nur unwirthlicher Sumpf. Gleichwie einst zu Athen Akademos sumpfige Wüste Kimon wandelt' in ein Blumenumblihtes Gefild, wo dann Plato den Musen den heiligen Tempel geweiht, und im schattigen Hain lenkte zum Himmel den Sinn.

Augen, was blitzet dort auf? sind des Aethers Pforten geöffnet? sah' ich der Himmlischen Chor oben im ewigen Licht? Seelige zogen vorüber; ein königlich Frauenbild führte, herrlich vor allen, sie an, ähnlich der Pallas zu schau; vor ihr trugen Gesetzestafeln sie her, wie des Solons Tafeln; die Göttin des Siegs folgte mit Kränzen ihr nach; Sie selbst schwebt' in dem hellsten Licht, und führt' an der Rechten eine Heroengestalt, leuchtende Strahlen ums Haupt, höher denn alle, geschmückt mit unaussprechlicher Anmuth, einem, der eben gesiegt, ganz zu vergleichen, der Held; auch nicht schritt' er allein; ihm folgt ein elysisches Wesen, als ein Friedenspfand, haltend die Palm' in der Hand.

Sah' ich es nicht? vom Glanz' ist das sterbliche Auge geblendet, blitzendes Aetherlicht nimmer zu tragen gewohnt. Aber ich hab es erkannt, das Gesicht, die Geister der seel'gen FÜRSTEN, um die noch heiss rinnet die Thräne des Volks. — ALEXANDER, ELISABETH, sey mir geseegnet! Du, FÜRSTIN, die den ENKEL empfieng, sey mir geseegnet mit IHM! —

Ach! dass, seeliger HERRSCHER, Du schiedst in der Blüthe des Lebens,
frühe verblichen, der Du lange noch bleiben gesollt,
lange noch bleiben gesollt den DEINEN, dem Volk', und der Menschheit,
Stolz; des Menschengeschlechts, freundlicher Trost in der Noth.
Ach! wie oft hast Du den Völkern gebracht die Tage der Freiheit,
Fesseln gelöst, und des Kriegs stürmende Woge gebannt,
bis Du zuletzt dem Frieden den ewigen Tempel erbauet
unter uns, auf des Rechts heiligem Himmelsgesetz!
DEINER Beglückungen voll ist die Welt, DEIN Reich und die Stadt hier,
Die DU gefunden von Holz, liessest in Marmor zurück.
Ueberall steht DEIN Mahl, ein Tempel, unzählige Säulen,
auf dem Markt', im Hain, ja! wo nur Schönes erblüht;
Selber so schön und gut auch, hast mit der eigenen Schöne
Du DEIN Erbe geschmückt; Grazien waren mit DIR.
Sage mir an, durchsichtige Fluth der herrlichen Newa,
wer hat solchen Schmück je dir gegeben zum Kranz?
Wer beschwichtigt die Noth, da die Woge des zürnenden Meeres
rückwärts drängend den Strom, über die Stadt sich gestürzt,
und ALEXANDER, die Hände zum heiligen Aether erhoben,
weinet', und in den Strom eine der Thränen IHM fiel,
und es verstummte der Sturm, es verrannen die bitteren Fluthen
wieder zum Meer', es siegt' unter dem HERRSCHER der Strom;
freundlich die Wunden dann alle mit liebenden Händen der KAISER
heilte, so arg des Meers grauseude Fluthen getobt! —
Ja! wie viele der Wellen die ewige Newa dahin rollt,
so viel ewiges Lob trägt ALEXANDERN sie nach;
und wie viele der Zähren der SEINIGEN einst ER getrocknet
lebend, der Thränen wie viel sterbend ER selber erweckt,
so viel Ruhmes wird ewig IHM unter den Sterblichen blühen,
und SEIN Nahme wird nie schau'n der Vergessenheit Nacht.
IHN verherrlicht die Muse: denn Säulenreich ist der Tempel,
den in Russlands Reich einst ER der Muse gebaut.
Dich auch, Akademie, beschützt' ER, Gaben auf Gaben
spendend mit freundlicher Hand, spendend mit freundlichem Sinn. —
Gross stand, wahrlich, ER da, und hochbeglückt, dabey stets
eiteles Scheingepräg' hassend, der Nemesis gleich.
Und, wie gewohnt ER im Leben, nur hingegeben dem Wohlthun,
starb wohlthuend ER auch, nur um die SEINEN besorgt:
Als ER die Hohe GEMAHLIN geführt, wo näher der Lichtquell
anbricht, eilet' ER IHR früher zum Himmel voran.
Da sass SIE bey IHM, und Lippen auf Lippen gepresset,
fieng den schwindenden Hauch SIE von dem Scheidenden auf,
bald zu folgen bereit; ER aber, ER schaute den Tod nicht,
haltend ein Engelsbild, SEINE GEMAHLIN, im Arm.
Auch vor der Zeit nicht schied ER, dieweil ER so Grosses vollendet:
Gott rief IHN zur Ruh' — eh' ER ein Arges gesehn.

Aber es war durch göttlichen Rath die Krone der Reussen
drauf NIKOLAUS bewahrt, ob ER sie gleich nicht begehrt,
und in Bruderliebe das Zepter gesendet dem BRUDER,
KONSTANTIN, der dort über Sarmatia wacht^[2];
Doch auch DIESER nicht nahm's. Da staunte die Welt ob der BRÜDER,
die den erhabensten Streit stritten, die Einer gesehn. —
Seeliger ALEXANDER, Du bist nicht gestorben; im BRUDER,
in NIKOLAUS lebst sichtlich den DEINEN Du nah!
Siehest Du, wie so weise DEIN Herrschertheil ER verwaltet.
Erbe von DEINEM Thron, Erbe von DEINEM Gemüth?
Hat DIR nicht in der Brust DEIN männliches Herz sich gefreuet,
schauend den BRUDER im Glanz unter der Krone von Gott,
die IHM KONSTANTIN mit Bruderhänden gereicht,
ferne von Neid, wie ER gern liebend den BRUDER bedient,
ob er der ältere gleich; wie MICHAEL freudig dabestand,
der dem BRUDER zu Hülf' eilt' im Getümmel so schnell,
jenes Tag's , wo der KAISER den Thron der Väter bestiegen,
und ER die Schlange zertrat, eh' noch ihr Gift sie gespie'n.
Und nun stehet ER da, so hehr und gross vor den Völkern,
als ein begeisterter Held, dessen Gewalt ist von Gott,
gleichwie PETER der Grosse in Erz steht, über die Schlange
sprengend hinweg mit dem Ross, auf dem gewaltigen Fels. —

Russia, ich preise Dich glücklich, dass solch' ein Geschlecht der BEHERRSCHER
Du geschauet, der Welt heilig durch heiligen Sinn;
dreimal glücklich, dieweil in der BRÜDER erhabener Eintracht
eine befestigte Burg lieblicher Ruhe Du fandst.
Wisse denn auch, wohin zu den Fremden der FÜRSTLICHEN SCHWESTERN
EINE gezogen, um fern Herrscherin ihnen zu seyn,
ist SIE geseegnet genaht, und hat bezaubert die Völker,
durch Leutseeligkeit, eine Gesandtin des Lichts;
und es preisen die Sänger SIE, denen in Nahe der FÜRSTIN
lieblicher töneth das Lied, welches die Muse sie lehrt. —
Kein Vergessen bedeckt den Nahmen: der Frömmigkeit Werk lebt
ewig, es leuchtet IHR Bild heilig dem späten Geschlecht.

Sah ich doch selber das Rothe-Gebirg, wo unserer FÜRSTIN
Mahl mit des Morgenroths purpurnen Lichte sich schmückt:
Oben das Heiligthum; Lyäus liebliche Gärten^[3]
rings, wo König und Volk viele der Thränen geweint:
Allda ruht KATHARINA, die KÖNIGIN, heiligen Schlummers;
bist Du ein Russe, so beth': denn es ist Tempel IHR Grab.
Russia, ich preise Dich glücklich ob solchem Geschlecht der BEHERRSCHER,
heilig dem Vaterland, und bey den Fremden so hehr;
MUTTER, am glücklichsten DICH, Du Geseegnete DEINES GESCHLECHTES,
dass von solchem Stamm herrlich DU lebest umblüht,
Dir noch frich sich reget die Kraft, wie einst, da dem hohen
PAUL DU ebenvermählt, bräutlich betrauest dies Haus!

Stille! still', ihr freunde! Was hör' ich tönen von ferne?
irrt' ich mich, oder es jauchzt wirklich die Menge: „Hurrah!“
Kommet und schaut, ihr Freunde! Gedrängt ist die Strasse von Menschen,
und: „der KAISER, hurrah!“ brauset die Menge: „hurrah!“
Wahrlich es kommt der HERRSCHER: wer eilet entgegen dem Hehren,
würdig des hohen Empfangs, und mit geziemendem Maas!
Ehrfurchtsvoll, Gefährten: der KAISER ist's! schweigend und stille!
Einzutreten beginnt schon NICOLAUS, der HERR. —
Sey' uns geseegnet, o KAISER! Wie bist ersehnt Du gekommen!
mögest Du unseren Sitz gnädig betreten, o Herr!

Dein ist hier, was Du siehst, der ERLAUCHTESTEN AHNEN Geschenke,
die des Wissens Schatz eifrig gesammelt um uns. —
Sieh! das ist PETER, der Grosse: den Thron hier weihte dem Gründer,
unter der AHNEN Zahl, heilig verehrender Dank.
Wachs ist das hohe Gebild, wie der weise BEHERRSCHER dem Wachs gleich
Einst die Herzen des Volks hatte zu bilden gelernt,
SELBER gestähleten Sinnes in Mannheit, ähnlich dem Felsen,
der im wogenden Meer, nimmer erzitternd, sich hebt.
Rüstungen hängen umher, SEIN Koller, der schlichtere Leibrock,
wie der KAISER ihn trug, glänzend im hohen Gemüth;
anderes, das IHN ergötzt, auf reisigem Zug IHM gedientet,
all sein Zeug und Geräth, manche Trophäe vom Feind;
SEIN Werkzeug ringsum, der Hand vielfältiges Kunstwerk,
wie so sinnig der ZAAR sich zur Erholung geübt,
Bilder von Schlachten, die einst zu Land und Meer ER geschlagen,
und auch SELBER, der Held, künstlich gegraben in Erz. —

Noch viel and'res ist hier, wo der Nahmenberühmte BEHERRSCHER
uns als Geber erscheint, SELBER es sammelnd vorher.
DER, was irgend zu kennen nur gut war, emsig das Volk hiess
überall sammeln, der Kunst Werke so wie der Natur.
Mancher dann dort und da, im weiten Gebieth der Reussen,
eilte zu bringen dem ZAAR, was er gefunden, erzeugt;

und was an Seltne dem KAISER erhielt, ward später als Erbtheil
durch der FÜRSTEN Beschluss, uns zu besitzen gewährt. —

Wohl auch öffnete man der Erde geheimste Tiefen,
und die Urzeit trat seltsam in Wundern hervor,
Mammuths — Ungeheuer, der Zahngewaltige sichtlich,
wie die Mähr' ihn besagt, ein Elephantengigant.
Schau den Riesen nur an, wie er dasteht unter den Thieren,
dem Pygmäen-Geschlecht, wie es anitzo erwächst.
Ja, noch grössere Häupter und Ribben von allerley Unthier,
uranfänglicher Zeit einzelne Reste sind hier,
als der Erdball einst von unendlichen Wassern bedeckt ward,
unterirdischer Fluth Adern sich rissen entzwey,
und der Strom die Thiere verschlang, dass von den begrabnen,
wie es traf, zu Hauf, neues Gebirg sich erhob.

Solcherley, tief im Schoosse der Erde Verborgenes, deckte
auf der Gräber des Schachts, Phöbus ein Wunder zu schau'n;
wie des Lebens Getrieb' ein Andrer im sterblichien Leibe
stellt an das Licht, das Gebein samt dem Geäder des Bluts,
forschend, als Arzt, ob vielleicht aus dem innern Wesen Errettung
von des Siechthums Noth leuchte für kommende Zeit.
So liegt offen vor uns, was in nächtliches Dunkel gehüllet
von der Natur, als sey's licht von Krystalle bedeckt.

Diess auch sammelte PETER der Hohe: denn nirgend vergass ER,
was zum Heile des Volks frommte, zu ziehen ans Licht.

Allhier schaue, BEHERRSCHER, den Plutus DEINES Gebiethes,
wie sich im köstlichsten Schmuck brüstend der Reiche gefällt;
Gold besitzt er und Silber, und Kupfer in gnüglicher Menge,
und auch Eisen dazu, selbst wie von Himmel es fällt;
Marmor farbigen Spiels, der leuchtenden Steine Gefunkel,
der Krystalle Geschlecht, tausendgestaltiger Art.
Aber was hält in der Hand für herrlichen Schmuck er von Golde,
gleich als hätt' er ein Band goldener Perlen gereiht?
Diess ist das neuste Gold, das die Erde von selber DIR spendet,
Zeichen der Wiederkehr goldener Zeit uns zu seyn.
Dass auch schon ein Band für die KAISERIN, von Diamanten,
für ALEXANDRA, bereit, hat mir geschworen der Gott.

Hier bezahlen den Zoll, nach unserer FÜRSTEN Verordnung,
dem Gedächtniss der Zeit allerley Völker der Welt,
und es ist aufgehäuft viel Gold, des Silbers Genüge,
auch Electrum und Erz, geltend als ältester Schlag.
Fremd ist des Einen Gepräg, barbarisch lautet der Nahme;
Anderem hat die Kunst liebliche Bilder verlieh'n.
Treffend verkündet die Münze Geschlecht, Zeit. Nahmen des HERRSCHERS,
so wie der Stadt, Kunstsinn, Bundesgenossen und Macht.

Allen voran ist der Osten; vor DEINEN Gebothen erzitternd,
eilet er, KAISER, vor DIR niederzulegen den Zoll;
hier der Araber altes Geschlecht, viel Horden Tataren,
manche schon längst Russland dienend und pfllichlig zu Zoll.
Auch Dareiken sind da, die bald in Haufen der Perser
übermüthiger Schach biethen zur Sühne DIR wird,
statt des Stolzes gebeugt, da den Russischen Aar er gesehen,
wie gleich Rehen er leicht scheuchte sein flüchtiges Heer;
denn in den Zeichen des Adlers erkannten die Schaaren, dass immer
NIKOLAUS, der HERR, werde besiegen den Feind.
Dort liegt Indisches Gold, und was die fernsten der Völker,
Japanesen, als Geld, tragen an Schnuren gereiht. —
Doch wir lassen die Münze, die nur Barbaren geprägt,
hassend der schöneren Kunst blumenumblüheten Reitz;
gehen wir, wo Denkmahle der künstlichen Hand der Hellenen

noch manch glänzend Gebild schönern Gepräges uns zeigt,
jener Hellenen, wo einst der Freiheit Sonne geleuchtet,
und die Knechtschaft nur löschte die Fackel der Kunst.
Diess sind Münzen Athens, von wannen die Charis und Muse
einst nach Rom und zu uns brachte die Fackel des Lichts,
wie die Eul' auf den Drachmen der Stadt weit über den Erdkreis
zog in der Pallas Geleit, die in Aegypten erzeugt.
Hier die Schildkröt' ist Aegina's ältestes Zeichen;
Diess Boeotiens Schild; andres der Nachbarn umher.
Sieh nun die Städte, die rings DEIN liebliches Taurien schmücken;
von wo Leukon einst speisste das Attische Land,
DEIN Theodosia, nahmenberühmt; wo Olbia, seines
frühern Reichthums Rest, Kupfer dem Herrscher noch zollt. —
Drauf dann schau'st DU die Pfunde der Römer, die leichteren Asse
späterer Zeit, den Schatz, den sie in Silber gemünzt,
und noch strahlet in Gold manch Bild Ausonischer Kaiser,
ringsumblühet vom Kranz preisenden Lobes umher. —
Nebenan breitet sich aus vielfältig Gepräge der neuern
Fürstengeschlechter, nach Rom's Falle zu herrschen bestimmt,
auch der Russischen ZAAREN, wie einst SIE getheilt in die Lande,
und das gewaltige Reich später dann EINEM gehorcht

Doch in der Mitte von Allen, sieh! leuchtet des BRUDERS,
ALEXANDERS Bild, licht in Kararischem Stein,
gleichwie ein heiliges Göttergebild; und der sämtlichen Andern
herrlichster Preis, er gebührt voll dem Verklärten allein.
Weh mir, ich schweige, damit nicht Jammer mir schliesse die Lippe
und umflorete das Bild schein dem thränenden Blick, —
Vor IHM liegt ein Gelübd' in Gold, das in frommer Gesinnung.
jetzt die **Akademie** PETER dem Hohen und IHM,
ihrem Gründer und Schützer, dieweil der rollenden Jahre
Reihe der EINE begann, DIESER sie führte zum Schluss,
weiht', und DIR dem Dritten, o HERR, der kommenden Aera
Hoffnung und Vorstand freudig DIR gebend anheim.

Was nun hier an Schätzen Du sahst, sind Gaben der AHNHERRN;
doch ALEXANDERS Geboth hat das Ererbte vermehrt.
Wie denn auch ER, Aegyptens urälteste Trümmer, ein Schauspiel,
nimmer noch hier gesehn, uns zu besitzen verlieh.
Staunen ergriff den Nawa-Strom, da das Schiff er erblickte,
das vom Nile, so fremd, nahte mit Todten beschwert,
die, längst über des Acheron Fluthen gesetzt, noch einmal
des Schiffbrüchigen Furcht seegelnd gefürchtet im Meer;
und ihr ewiges Haus in Eil zu verlassen gezwungen,
nach zwey tausend der Jahr' andere Wohnungen sahn,
mit den Ihren hieher versetzt, mit den Göttern der Heimath
ihrem Geräth' und Schmuck, Rollen bezeugender Schrift,
wo sie, lange gerichtet, noch einmal fern von dem Nilthal
vor ein neues Gericht werden von Fremden gestellt.

Und obgleich manch' Zeugniss in Hieroglyphen sie bringen
auch in heiliger Schrift, und in der Sprache des Volks,
wissen wir dennoch nicht klar, wer und von wannen ein jeder,
und der Richter befragt andere Zeugen um sie.
So forscht überall itzt der Männer geschäftiges Streben
nach Aegyptens Kunst, seine verschlossene Schrift.
Wir auch werden es, seit Alexandria Schiffe mit Schätzen
ALEXANDERN jüngst selber zu senden begann.
Ach! diess gab ER, als letztes Geschenk, ein Königlich Denkmal
SEINER uns lassend, erbaut von Pyramidengestein.
Sey uns gnädig der HOHE! SEIN Ruhm wird wurzeln im tiefen
marmornen Grunde der Stadt, die ER mit Schöne geschmückt,
und in der Männerbrust unvergänglicher, als Pyramiden,
deiner Beherrscher, o Nil, ragende Male bestehn!

Pyramiden sind Gräber; doch streben empor sie zum Himmel,
wie von der Erd', als Aar, schwebet die Seele hinauf,
weil vom Himmel sie ist; und es liebt zum heimischen Aether
aufzublicken der Mann, weil er des Lichtes sich freut.
Denn dorthier ist das Wissen und dorthin soll es zurück auch
führen der Sterblichen Sinn, nimmer ermüdenden Flugs.
Siehe! die Kugel mit Sternen, des Weltalls Bildniss, in Händen,
winkt Urania dort hoch auf die Warte hinauf;
Schauet doch freier das Aug' ein Weniges mehr von dem Aether
dort, und die Pracht der Stadt rings um den wogenden Strom.
Traun! Du bist schön, o Stadt, weitstrassige, Säulengeschmückte,
jung zum Liebblingssitz unserer KAISER erwählt,
und viel schöner, denn viele, die anderwärts Könige bauten
an der Donau und Elb' herrlichem Ufergeländ'.
Auf granitenem Fuss erhebt so stolz sie den Nacken;
Tempel mit Kuppeln von Gold, himmelanstrebend Gebäu,
sind ihr Kranz; sieh! längs der grade gebahneten Strassen
zieh'n, ein steinernes Band, weit sich die Pfade hinab.
Mitten hindurch ergiesst der ewige silberne Strom sich,
und vielarmig umschlingt seine Geliebt' er, die Stadt;
Reihen gejocheter Schiffe, die hängenden Werke der Ketten,
und die Bogen von Stein trägt er als sein Diadem,
stolz ob der eigenen Fesseln, so wie ein edleres Ross sich
brüstet und mit dem Gebiss schäumend, dem silbernen, spielt;
und ob Schiff' er auch trägt, stolz beuth er, gleich dem Choaspes,
auch den süssesten Trank seinen BEHERRSCHERN allein.
Hat er dann lange genug geküsst den Fuss des Pallastes
von Granit, dann schwelgt zwischen den Inseln er noch,
bis in das heilige Meer sein süsses Getränk er ergossen;
aus dem See erzeugt, kehret er wieder zur See,
allso vom Anfang gewaltig; so scheint er vergleichlich der Russen
weitem gewaltigen Reich, wie es vom Anfang so gross.

Inseln, von Bäumen umlaubt, in des Stromes weicher Umarmung
ruhend, wie glänzen so schön eure Palläste von fern,
wo rings um der Pfad paradiesisch blumiger Gärten
manche verweilende Spur FÜRSTLICHER Tritte verbirgt
wo im Rosengebüsch die lieblichen KINDER der HERRSCHER
oft mit den Horen und oft mit Charitinnen gespielt.
Die du, o Sonn', am Himmelsgewölbe die leuchtende Bahn gehst,
eile, des Frühlings Reih'n IHNEN zu führen zurück.
Lächelte ewiger Lenz doch dort, wo die MUTTER die schönsten
Hoffnungen auferzieht, künftigen Zeiten zum Trost;
gleichwie ein ewiger Sommer erblüht, wo in FÜRSTLICHEN Gärten
jegliches schönste Gewächs prangt in unendlicher Pracht!

Weiterhin, siehe! da schimmert des Meer's umkränzte Feste
fernher, welche der Stadt so wie der Newa zum Schutz
einmalms PETER erbaut, auf Felsenklippen sie gründend,
sichern Ankergrund seegelnden Schiffen des Meers.
Schon sind oft von dort aus der See und über das Weltmeer
rings um den Erdball herum Russische Seegler geschifft,
allwärts sammelnd des Wissens Geschenk; Urania aber
zeigte die fluthende Bahn über den Rücken des Meeres,
sie, die auf Erden zugleich jedweden Ortes Bestimmung
festigt, im Sternenlauf findend das irdische Maas.
Sag', Urania, — denn du kennst der Erd' und des Himmels
Fernen, und kennst der Reich' älteste Grenzen allein, —
sage mir, gab es ein Reich, so gross, wie zu seyn sich erfreuet
Russlands mächtiges Reich, unseres KAISERS Gebieth?
war Sesostriis so gross? der Macedonier? oder
Roma's Caesar so gross, als anitzt Russia's ZAAR^[4].
ER, der Gewaltige, dem durch des Reichs unermessliche Weite
nimmer ermüdenden Laufs, Titan nicht sinket ins Meer?
Weitumschauende du, die ob allen du wandelst, o Sonne,
mögst du Grösseres nie schauen denn unseren ZAAR,
noch glückseeliger Einen, und lassen erglänzen dein Antlitz
ob ALEXANDRA und IHM, nimmer bewölketen Lichts,
jeglichen Tag fortan, und ob ALEXANDER, des Reichs
keimende Blüthe, so hehr nach dem Verklärten genannt,
rings von zärtlichen SCHWESTERN umspielt, dass immerdar freudig
blühe das Vaterland durch NICOLAI'S Geschlecht. —
Zeig', Urania, mir all deine Gestirn' in dem Aether,
die mit dem lichtesten Glanz schauen auf dieses Gefild;
Zeig mir die freundlichsten deiner Gestirne, wo seelige Geister
wohnen, und heilige Wacht halten ob unserem Geschlecht,
dass zu den himmlischen Thronen ich betend mich wende für Russlands
Heil und unseres ZAARS mächtig erhabenes HAUS.

Sey uns geseegnet, o HERR! mögst lange Du leben, der MUTTER
Stolz, der GEMAHLIN Schmuck, DEINEN ERZEUGTEN nach Wunsch!
KONSTANTIN, MICHAEL, sie stehen DIR immer zur Seite,
und ALEXANDERS Hand schütze von Oben DEIN Haupt!

Viel Jahrzehende lebe dem Volk im gewaltigen Reiche;
viel Jahrzehende, flehn bethend die Völker zu Gott!
Leb' auch uns, die mit DIR die Aera neu wir beginnen,
bis zur spätesten Zeit, immer vom Himmel beglückt.
Bauend auf DICH, wie auf Felsen, sind voll wir freudiger Hoffnung,
höheres Ziel mit DIR kühn zu erstreben bereit.
Denn, wie feierlich schloss mit ALEXANDER die Aera,
knüpft die neuere Zeit hehr an den BRUDER sich an.

Sey mir geseegnet, o HERR! gepriesen werde DEIN Eintritt
in diess Haus fortan, spätern Geschlechtern ein Stolz.
Mögest Du nicht verachten, was ehrerbiethigen Herzens
darzubringen wir DIR Kleines, dem HERRSCHER, gewagt.
Scheide geseegnet von uns! und dass Du so gnädig das Fest uns
hast geschmücket, darob freue DICH DEINER Gewähr.

Hat ER uns schon verlassen? wie war ER so mild und so hehr doch!
seelig ist, wem der ZAAR winkte mit lächelndem Blick. —

Freue Dich, *Akademie*, dass den hundertjährigen Festtag
feiern, Du Glückliche, vor solchem BEHERRSCHER gedurft;
freuet Euch, Freunde, mit mir so viel im Tempel der Pallas
hier ein edler Verein einte zum edelsten Zweck,

Russia's stolzes Gebieth mit der Musen Gabe zu schmücken,
dass es durch Wissenschaft fernhin verbreite sein Licht.
Ja! zum Fackellauf, dess stets sich gefreuet Athene,
sind wir vereint, und den Kampf richtet ein rechtes Gericht.
Lasset uns denn fortan, beflügelt von freudiger Hoffnung,
denn wir gesehen gedenk, laufen den rühmlichen Lauf,
wir, und denen wir einst hinreichen die Fackel des Lebens
wie des Wissens, und so jegliches spät're Geschlecht;
bis hinwiederum einst nach hundert umwandelten Jahren
glücklich den glücklichen Tag führet die Sonne zurück,
wann schon längst lautlos den Mund mir decket die Erde,
und ein anderer singt, mehr von der Muse geliebt.

Перевод Ф. Б. Грефе

*Опубл. на правах рукописи: Der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu
St. Petersburg bey ihrer ersten Saecular-Feier den XXIX. December MDCCCXXVI.
Für wenige aus dem Griechischen übersetzt vom Verfasser. [SPb., 1826].*

[1] Разметка текста сделана по страницам немецкого издания поэмы.

Особенности немецкого оригинала:

Поэма написана элегическим дистихом (элегическими двустопиями), состоящим из нерифмованных строк, первой — гексаметра, второй — пентаметра. Более того, поэт воспользовался ионическим диалектом, на котором были написаны древние эпические поэмы. Особенности греческого текста Грефе — обилие неологизмов, которые для реалий, неизвестных в древности, филолог-классик придумывал на ходу.

Текст на немецком языке является авторским переводом Ф. Б. Грефе. Автор напечатал его отдельной брошюрой с пометой «для немногих» (Für Wenige aus dem Griechischen übersetzt vom Verfasser). «Немногие» — это, прежде всего, августейшие читатели, коллеги по Академии наук (в большинстве своем это немцы), а также европейская ученая публика. Немецкий перевод максимально приближен к оригиналу и является практически дословным.

Автор пользуется разнообразными художественными приемами высокого стиля, собственными одам и поэмам «на случай» и поддерживающими экспрессию и патетику хвалебной песни. Высокий стиль обусловлен синтаксически (анафоры, инверсивный порядок слов, риторические ритмические повторы и др.) — *Erbe von deinem Thron, Erbe von Deinem Gemüth; Marmor farbigen Spiels, der leuchtenden Steine Gefunkel, der Krystalle Geschlecht*, лексически (см. словарь устаревшей и высокой лексики) и фонетически (синкопы, апокопы и иные варианты звукописи) — *begrabnen, gnüiglich, sahn, kommet, geweiht*. Устаревшая орфография оригинала сохранена — *Fluth, Thiere, Heimath, sey, entzwey* и др.

Словарик устаревшей и высокой лексики:

- der Aar* (поэт., уст.) — орел
das Antlitz (поэт.) — лик
(an)ützt (высок., уст.) — теперь, отныне
das Arg (высок.) — зло, фальшь
emsig (высок.) — неустанный, рачительный
ergötzen (высок.) — восхищать, доставлять удовольствие
erlaucht (высок.) — августейший, светлейший
flehen (высок.) — молить, просить
geseegnet (= *gesegnet*; высок., поэт.) — благословенный
geziemend (высок., уст.) — подобающий, приличествующий
der Hain (поэт.) — роща, дубрава
haussen (уст.) — снаружи, вне
hehr (высок., уст., поэт.) — славный, благородный, величественный
die Hülfe (уст.) — помощь
der Koller (уст.) — куртка, первоначально кожаная, с высоким, плотно прилегающим воротником, иногда без рукавов, надевалась под доспехи
der Lenz (поэт.) — весна
die Mähre (уст.) — средневековые германские сказания, предания
nimmer (высок., уст.) — никогда
prangen (высок., уст.) — щеголять, красоваться, блистать
reisig (уст.) — вооруженный, снаряженный
schwelgen (высок.) — блаженствовать
der Trank (поэт.) — напиток, зелье
traun (уст.) — право, в самом деле
wahrlich (высок., уст.) — воистину, поистине
wappen (уст.) — откуда
ward (уст. форма 1,3 Pers., Prät., Sg. от “werden”) — становится
die Zähre (поэт., уст.) — слеза

[2] Вел. кн. Константин Павлович, наместник Царства Польского, назван правителем Сарматии: так во времена поздней античности обозначалась Восточная Европа.

[3] Лизем назван Дионис. Этот поэтический эпитет бога виноделия означает «освобождающий» от мирских забот и земных запретов.

[4] Букв.: «Был Сесострис так же велик? царь Македонский? или цезарь Римский был столь же велик, как велик ныне ЦАРЬ Российский?» Сесострис (зд. нарицательное имя египетского фараона), царь Македонский, цезарь Римский — синекдоха для обозначения верховной власти.

Перевод

«Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге —
на праздник ее первого столетия 29 декабря 1826 г.»

Славный пускай этот день озарится священным сияньем,
Коего я никогда в жизни своей не видал.
Свет свой, солнце, пролей на чудесно явившийся город,
Что был основан Петром, и Академию в нем^[1].
Век существует уже Академия — мать всем наукам.
В новом уборе теперь и в новом доме она^[2].
Рад явлению ее и САМОДЕРЖЕЦ Российский,
Ибо сокровищ полна эта обитель наук.
Все, кто ценит труды Академии мудрых ученых,
Радуйтесь тоже, друзья, верно заботясь о ней.
Рад будь, Сергей, и ты — президент Академии славной
В этот торжественный день — ты ведь достоин его^[3].
Бог, что время вершит, обладает огромною силой:
Медленна поступь его, но всегда обновление несет.
ЦАРЬ — хозяин судьбы, повелитель народов от Бога.
Время подвластно ЕМУ в дерзких свершеньях ЕГО.
Край, где ОН властелин, диким был и пустынным.
Только лишь пришлый рыбак сеть свою в реку бросал^[4].
Стыд, что мучил Неву за угрюмость ее и суровость,
В море мешал ей впадать, радостно волны неся.
Хоть являлась Нева кораблям к судоходству пригодной
И разливалась порой, берег водою покрыв.
ПЕТР услышал мольбу одинокой болотистой речки
И повелел средь болот город создать молодой.
Град прекрасный возник, повинуюсь создателя воле.
Солнце за сотню веков таких не видало нигде.
ПЕТР с народом ЕГО, не жалея трудов своих тяжких,
Чудо смогли сотворить, город построив Петров.
ЦАРЬ сначала воздвиг для защиты от врагов крепость,
Чтобы в спокойствии жить храмам, домам, площадям.
Сад у самой Невы был дворцом САМОДЕРЖЦА украшен.
Вольная тотчас река к ЦАРСКИМ припала ногам,
Дав морским кораблям бороздить свою гладкую спину,
Строить причалы на ней, а также мосты возводить.
Град, творенье ПЕТРА, всему миру стал вскоре известен
Мирной торговлей своей, расцветом различных искусств.
Гость из разных земель находил здесь приятную встречу,
А горожане всегда городом были горды.
Флот и войско страны всем врагам ее ужас вселяли.
В радости ЦАРЬ пребывал, мудро решил ОН тогда:
Быть Академии здесь — такова МОЯ ЦАРСКАЯ воля!
Но не случилось ЕМУ это свершить самому.
ЦАРЬ, по воле судеб, слишком рано был взят небесами,
Правда, СУПРУГА ЕГО мужа достойной была:
Храм науки ОНА для России сумела построить.

Так Академия здесь, в бывшем болотном краю
Волей великой ЦАРЕЙ появилась во славу науки.
Много столетий назад в болоте, что возле Афин,
Грек многомудрый Кимон сад и рощу разбил Академа.
Там богоравный Платон храм музам милый воздвиг
И в колоннадах его он умом к небесам возносился^[5].

Что мерцает вдали? Распахнулись ли врата эфира?
Видел ли я наверху сил божественных хор?
Лик ЦАРИЦЫ проплыл во главе вереницы блаженных.
Можно смотреть на НЕЕ, как на Палладу саму.
Нес Солона столбы перед НЕЮ служитель эфира.
Ника с венками за НЕЙ, словно Победы триумф.
Свет ярчайший на НЕЙ, а по правую руку ЦАРИЦА
С нимбом из ярких лучей героя фигуру ведет.
Всех он выше вокруг, благодатью небесной украшен.
Лишь с победителем он может быть только сравним.
Он предо мной не один: выступает апостолом мира
С пальмовой ветвью в руке райский посланец за ним.
Глаз мой, конечно же, был ослеплен этим светом эфирным,
Все же его я узнал и блаженные духи ЦАРЕЙ,
Что омыты слезами народа, у которого память жива:
ЦАРЬ и ЦАРИЦА ТВОЯ — АЛЕКСАНДР с ЕЛИЗАВЕТОЙ^[6].
Да пребудут вовек имена ВАШИ благословенны.
ЕКАТЕРИНЕ, Господь, благословение дай:
ВНУК достойный ЕЕ был великой ЦАРИЦЕЮ встречен.
Только ПРАВИТЕЛЬ, увы, рано покинул сей мир.
Жить ТЕБЕ, АЛЕКСАНДР, нужно было на благо народа,
Долгие годы ему быть утешеньем в нужде.
ТЫ, при жизни, всегда приносил для народов свободу,
Сбросив оковы вражды, путь преграждая войне.
Храм в честь мира средь нас по закону небес возводил ТЫ
И наполнял этот мир вечным блаженством ТВОИМ.
Здесь держава ТВОЯ и ТВОЙ город, что в мрамор одел ТЫ^[7].
Был деревянным сей град перед приходом ТВОИМ.
След усилий ТВОИХ здесь навеки повсюду остался:
Храм — нет колоннам числа, рынки, сады расцвели.
Добр и хорош ТЫ собой, и СВОЕЙ красотой ТЫ отметил
Миру наследство СВОЕ. Грации были с ТОБОЙ.
Дай ответ мне, Нева, берега твои кто так украсил?
Кто тебя усмирил, когда вспять ты на город пошла?
ЦАРЬ, воззвав к небесам, уронил в ее воды слезинку.
Буря утихла тогда, к морю вернулась Нева.
Так ИМПЕРАТОР рукой исцеляет СВОЕЮ все раны,
Властно стихию смирив разбушевавшихся волн^[8].
Но всегда АЛЕКСАНДР волны вечной Невы восхваляет.
Катит для города их с древности эта река.
Слез, пролитых на смерть ИМПЕРАТОРА, было так много,
Как иссушил и ОН сам в жизни когда-то СВОЕЙ.

Ночь забвенья не даст ЕГО имени среди живущих.
Слава пребудет с ЦАРЕМ в мире во веки веков.
Храм прекрасный для Муз ОН воздвиг на российских просторах,
И непрестанно за то славят все Музы ЦАРЯ^[9].
ОН и нынче хранит Академию щедрой рукою,
Из поднебесья с умом ей посылая дары.
ЦАРЬ велик средь людей СВОЕЙ статью и счастьем безмерным,
Но, с Немезидою схож, грозно карает обман.
Благ при жизни был ЦАРЬ, по привычке делам СВОИМ предан.
В благодати ОН и усоп, только о близких скорбя:
Шел с СУПРУГОЮ ОН по дороге к источнику света.
Только вознес ЕГО рок раньше НЕЕ к небесам.
Вздых последний ЦАРЯ уловила СУПРУГА губами,
Вскоре готовая с НИМ тоже покинуть сей мир.
В час лишь смерть подошла, не увидел ее ИМПЕРАТОР:
Ангела ОН обнимал — образ СУПРУГИ СВОЕЙ.
Все же ушел АЛЕКСАНДР, в СВОЕ время державу покинув —
Ведь завершить ОН успел все, что задумал, дела.
Бог к себе ЕГО взял отдохнуть после славных деяний,
Чтоб не увидел ОН зла, вскоре пришедшего в мир^[10].
Бог провиденьем своим порадел и российской короне:
Принял ее НИКОЛАЙ, сам не желая того.
И, по братской любви, БРАТУ скипетр послал ОН другому,
Чтобы страной КОНСТАНТИН вместо НЕГО управлял.
Тот же корону не взял, занимаясь иными делами.
Мир с изумленьем внимал братскому спору за трон^[11].
Жив благой АЛЕКСАНДР, воплотился ТЫ в БРАТА по смерти,
Чтобы ТЕБЯ НИКОЛАЙ с близкими не разлучал.
Власть ТВОЮ переняв, управляет ОН мудро державой.
Дух ТВОЙ в себя ОН впитал, трона наследником став.
Рад ТЫ теперь в небесах, созерцая правление БРАТА,
Рад и что власть КОНСТАНТИН БРАТУ охотно вручил.
Горд в душе АЛЕКСАНДР, убедившись в согласии БРАТЬЕВ:
Зависть неведома ИМ, помощь окажут всегда.
Чуть беда не стряслась, когда власть перешла к НИКОЛАЮ,
Но растоптал ОН змею, БРАТСКОЙ любовью храним.
Вот теперь, словно ПЕТР, на коне попирающий змея,
Встал пред народами ОН, Богом ведомый герой.
Ты, Россия, гордись, что ВЛАСТИТЕЛЕЙ этих взрастила,
Миру принесших всему чистые мысли СВОИ.
Будь счастливой втройне от единства высокого БРАТЬЕВ,
Давших защиту тебе и благодатный покой.
В край чужой удалясь, там ЦАРИЦЕЮ стала СЕСТРА ИХ^[12].
Очаровала ОНА весь ЕЙ подвластный народ.
Свет осеняет ЕЕ, и певцы воспевают ПРИНЦЕССУ.
Сладко звучит эта песнь — Муза над НЕЮ парит.
Нет забвенья делам благочестивой ПРИНЦЕССЫ.
Образ сияет ЕЕ, к свету потомков ведя.
Сам я видел холмы, что алели под утренним светом,
В пурпур окрасила пир нашей ЦАРИЦЫ заря.

Храм на вершине стоит в окруженье садов Диониса,
Там, где народом с ЦАРЕМ пролито множество слез.
Здесь КОРОЛЕВА лежит. Сон священный не надо тревожить:
Храм ведь гробница ЕЕ. Если ты русский, молись.
Род ИМПЕРАТОРОВ свят, и в отечестве, и в зарубежье.
В этом, Россия, твои слава, заслуга и честь.
МАТЬ! Сколь счастлива ТЫ, если род ТВОЙ цветет так чудесно^[13].
ТЫ еще полная сил, как когда-то, идя под венец,
Ровня вы с ПАВЛОМ во всем. В храм науки вошла ТЫ невестой.
Тихо! Услышьте, друзья: крики несутся «Ура».
Звон как будто плывет — это толпы ликуют народа.
Вышел на улицы он славить ЦАРЯ своего.
ОН навстречу спешит, уваженья народа достойный.
К нам ИМПЕРАТОР идет — сам НИКОЛАЙ ВЛАСТЕЛИН.
Будь всеблагим, ГОСПОДИН, и займи СВОЕ место по праву.
Милость СВОЮ прояви. Как же мы ждали ТЕБЯ!
Все ТВОИ здесь дары славных предков, усердно искавших
И находивших следы знаний, полезных для нас^[14].
Вот, смотрите: САМ ПЕТР, основатель Великий пред нами.
Больше правителей всех мы благодарны ЕМУ.
Воск материей был для создания ЦАРСКОЙ фигуры^[15].
Мудрый ПРАВИТЕЛЬ и сам должен быть в жизни как воск
Для воспитания сердец у людей, ЕГО воле подвластных,
Будучи разумом САМ закаленным подобно скале,
Что средь моря стоит, как утес, непокорный стихии.
Здесь и доспехи ЦАРЯ, и рубаха ЕГО, и камзол.
Их ИМПЕРАТОР носил, СВОИМ духом высоким блистая.
Вещи другие здесь есть, что ЕМУ были нужны.
Есть приборов набор, инструменты и даже трофеи,
Что доставались в бою, в войнах с врагами ЕГО.
Был ОН искусству не чужд: здесь представлены ценные вещи.
Были вручную они сделаны, радуя глаз.
ЦАРЬ с умом проводил СВОЙ досуг за работой такою.
Есть и картины боев — на море иль на земле.
Вот герой здесь и САМ, монумент воплощен ЕГО в бронзе.
Много еще здесь вещей, кои ПРАВИТЕЛЬ дарил.
САМ их вначале искал, к собирательству всех призывая
Всяких природных чудес или создання людей.
И потянулся народ, на просторах России собравший
По повеленью ЦАРЯ редкостей разных дары.
То, что собрать удалось, позже нашим наследием стало:
ЦАРСКИЙ указ ведь велел людям всем этим владеть.
Тайны будто раскрыв, свои недра Земля показала,
И, первобытности сын, — мамонт свой облик явил^[16].
Мощные бивни его и размеры слона-исполина
Прочно в основу легли многих преданий о нем.
Ты на гиганта взгляни: это — чудо животного мира,
Дальний потомок его, слон — словно карлик пред ним.

Здесь ты видишь еще черепа и скелеты животных,
Что населяли собой землю в начале времен.
Рек подземных вода, на поверхность земную излившись,
Всех первобытных зверей смыла потоком своим.
Их останки затем беспорядочно перемешались,
Чтобы основою стать в небо взметнувшихся гор.
Так появилось на свет то, что недра земные скрывали.
Феб разрешил чудеса вскрытых курганов узреть.
А в брэнном теле другой, будто жизни помочь собираясь,
Кости из шахт извлекал, их изучая как врач:
Вдруг возможно спасти жизнь, что в теле когда-то угасла,
Вдруг забрезжит она, существу не давая пропасть.
Тьма открыла для нас то, что было природою скрыто,
Как покровом ночным укрывается свет хрустала.
ПЕТР ВЕЛИКИЙ ценил собрание этих сокровищ,
Чтобы увидело свет то, что на пользу идет.
Вот, ПОВЕЛИТЕЛЬ, взгляни: щеголяет земель ТВОИХ Плутос.
Весь в украшениях он, взятых из недр кладовых.
Недр богатство ТВОИХ составляют, конечно, металлы:
Золото, медь, серебро, есть и железо еще.
Руд достаток в земле, но и с неба оно прилетает.
Мрамор оттенков любых и самоцветов полно.
Что за чудо в руке? Украшенья блестят золотые,
Словно жемчужин набор яркий браслет создают.
ЦАРЬ, прими от Земли это золото новою жертвой
В знак возвращенья для нас лучших времен золотых.
Бог поклялся мне в том, что готов уж браслет для ЦАРИЦЫ,
Чтоб бриллианты смогли радовать вскоре ЕЕ.
Дань тому воздадим, что несет в себе память народов
Самых различных времен и самых разных земель.
Здесь не счесть серебра, также золото есть и электрум.
Руды железные тут, что всех древней из пород.
Вид их странен подчас, и название звучит диковато.
Образ приятен других, ближе для наших он глаз.
Все монеты несут указанье на город и время.
Имя правителя в них, внешнего вида краса.
Всех Восток впереди, пред ТОБОЙ, ИМПЕРАТОР, склоняясь
Спешно, покорный тебе, дань он приносит к ногам^[17].
Здесь и орды татар, и от древних арабов монеты.
Служит и платит нам дань часть народов Востока.
Шах персидский ТЕБЕ предложить в виде выкупа хочет
Дариков древних набор, прочих помимо монет.
Шах, свою гордость смилив, с войском бежал с поля боя,
Только завидев вдали знамя с российским орлом.
ЦАРЬ всегда побеждал всех врагов с этим доблестным стягом.
Индии золото там, носят его на шнурках.
Как монета оно у японцев в их дальних пределах.
Но мы оставим теперь варваров грубый чекан.
Был неведом для них мир искусства, увитый цветами.

Путь наш проложим туда, эллины царствуют где
С их искусной рукой, создававшей шедевры чеканки^[18].
Солнце свободы для них ярко светило с небес.
И лишь рабство, увы, этот факел искусства гасило.
Здесь есть монеты Афин, свет из которых проник
В Рим, и даже до нас донесли этот факел Хариты,
Мир облетела сова, с драхмы афинской слетев.
След замечен ее и в Египте с Афиною вместе.
Есть черепахи чекан, ставшей Эгины гербом.
Вот Беотии щит и другие эмблемы соседей.
Таврии здесь города, той, что любима ТОБОЙ.
Хлеб когда-то она поставляла для Аттики древней.
На Феодосию глянть, Ольвия тоже здесь есть;
Дань еще платит она, хотя прежде считалась обильной.
Римлян монеты здесь есть: прежде велик был их вес.
Асс ее легкий сменил, в дорогом серебре был чеканен.
Есть золотой здесь портрет, символ триумфа на нем:
Был император венком награжден за победу в сраженье.
Рядом чеканка племен, что опрокинули Рим.
Вот монеты, взгляни, всех правителей нашей России,
Княживших как на Руси каждый в уделе своем,
Так и царивших поздней, когда стала единой Россия.
Но посредине, смотри, БРАТА сияет портрет.
Как живой АЛЕКСАНДР, из каррарского мрамора создан.
Жизнью СВОЕЙ заслужил славы и почести ОН.
Пред портретом лежит золотая медаль-посвященье,
От Академии знак тем, кто ее опекал^[19].
ПЕТР основал этот храм, АЛЕКСАНДР продолжал ЕГО дело.
Первый в начале стоял славного века его.
Ну а второй завершил вековую историю храма.
И Академия, вот, третьего просит ЦАРЯ:
Будь, ГОСУДАРЬ, для нее покровителем в новом столетье!
Все наших предков дары волей СВОЕЙ приумножь,
Чтоб чудеса всех времен и народов бы к нам поступали.
ТЫ, ведь, руины для нас древнего царства открыл^[20]:
Мы до сих пор ничего о стране фараонов не знали.
Как изумилась Нева, мертвых увидев корабль.
Он от Нила пришел. Мертвецов к нам привез из Аида,
По Ахерона волнам, к новым приставших домам,
Чтоб через сотни веков упокоиться в городе нашем.
Сонм с ними отчих богов, скарб, одежда при них
И ветхих свитков не счесть — все папирусам этим известно.
Суд был над ними свершен много столетий назад.
Здесь этот древний народ будет новым судом разбираться,
Чтобы чужой им судья тайны узнать их сумел.
Нам не ясно пока, чем прославились все эти люди.
Труд непростой предстоит, чтобы их мудрость постичь,
Часть ответов дадут письмена на папирусных свитках:
Их иероглифы, ведь, сведений ценных полны.

Есть свидетель еще — статуэтки на теле усопших:
Мертвых судили они: как была прожита жизнь?
Мы же стремимся теперь прочитать все священные свитки,
Чтобы культуру постичь канувшей в Лету страны.
Раз прислала ЦАРЮ в дар сокровища Александрия —
Здесь повелел АЛЕКСАНДР тщательно их изучать.
ОН для нас, уходя, чудо-город в подарок оставил —
Памятник царский ему, как скала-пирамида, стоит.
Будь же ТЫ вечно велик, затмевая в веках пирамиды,
Что фараонов тела на нильских хранят берегах.
Ввысь взмывает душа, пирамидам-гробницам подобна,
Ибо она, как орел, в небо стремится сама,
И потому человек рад родному эфиру и свету.
Знание сверху пришло и туда же вернуться должно^[21].
Шар со звездами здесь. Его держит Урания-муза.
Образ Вселенной тот шар, в обсерваторию вход.
Там мы можем узреть чуть побольше эфира и город:
Виден оттуда он весь в дивной своей красоте^[22].
Ширь его улиц, дома ИМПЕРАТОРОВ в нашей столице.
Много прекрасней она прочих столиц на земле.
Так величава, горда на гранитном своем постаменте.
Храмов горят купола золотом, в небо стремясь.
Вниз по течению реки, словно каменный пояс, дороги.
Вдоль этих торных дорог тянутся прямо пути.
Как блестит серебро, так и Невская гладь серебрится,
Чтобы множеством рук город любимый обнять.
Ряд за рядом стоят запряженных судов караваны,
Цепи чугунных оград, арки висят над Невой.
Как диадему она, словно конь свою новую сбрую,
Вольная носит Нева, бурно вперед устремясь.
Вот идут корабли, и Нева тем гордится безмерно,
Что ВЛАСТЕЛИНАМ своим благо приносит она.
Из гранита дворцы, их, лаская, Нева целовала.
Нежилась меж островов перед впадением в залив.
Взяв из моря исток, она к морю же и возвращалась
С самых начальных времен, так же, как Русь, велика.
Как сияют дворцы, острова украшая собою,
А острова прилегли в мягких объятьях Невы.
Там на дорожках в садах, где ходили ЦАРИ на прогулках,
Дивясь неземной красоте, ИХ сохранились следы^[23].
Где в цветущих кустах ДЕТИ ЦАРСКИЕ часто играли,
Нимфы подчас хоровод к НИМ прилетали водить.
Свод украшая небес, в сиянье лучей своих, Солнце,
Снова вернуть поспеши детям на радость весну.
Но только там лишь, где МАТЬ утешенье сердцам обещала,
Вечно сияла весна, людям улыбки даря,
Ну а вечное лето цветет в ИМПЕРАТОРСКИХ чудо-садах,
Где поражают цветы великолепьем своим.

Вот, взгляните, здесь нимб мощной крепости ярко сияет,
Ставшей заслоном воды, буйство ее усмирив.
ПЕТР эту крепость воздвиг, юный город СВОЙ оберегая.
Стал надежным теперь скальный для якоря грунт.
Шар не однажды земной обогнули суда из России,
Чтоб капитаны смогли знаний дары привезти^[24].
Им Урания путь беспокойный в морях освещала,
Та, что по звездам всегда землю измерить могла.
Нам поведай теперь, лучше всех изучив все пределы,
Можно ль с Россией еще державу иную сравнить?
Был ли владыка какой: фараон, или царь, или Цезарь
Так же велик и могуч, как России сегодняшний ЦАРЬ?
ОН обегает страну — безграничной державы просторы
Гипериону под стать: — в Море титан не тонул.
Ты, что паришь выше всех, наблюдая все сущее, Солнце,
Нашего лучше ЦАРЯ пусть не найдешь ты нигде.
Пусть же сияет твой лик ЦАРСТВЕННОЙ нашей ЧЕТЕ
И никогда облака не затмевают тот лик.
ЦАРЬ АЛЕКСАНДР, не зря имя славное гордо носивший,
Словно цветок, ОН пророс в мощной державе СВОЕЙ.
ОН в небесах окружен СВОИХ нежных СЕСТРИЦ хороводом^[25].
Будет Россия цвести и в руках НИКОЛАЕВЫХ ЧАД.
Все свои звезды яви мне, Урания, что с небосвода
Ярко так, чудно горят, освещая России простор,
Где, на которых из них, обитают блаженные духи,
Стоя в дозоре святом, оберегая наш Род.
Я за Россию молюсь, обращаясь к небесным престолом.
Славься, Россия, в веках, как и ЦАРЕЙ ее РОД!
Нас, я прошу, ГОСПОДИН, одари СВОИМ благословеньем.
Долгая лета ТЕБЕ, всей ТВОЕЙ славной семье.
Знай, ТВОИ БРАТЪЯ с ТОБОЙ, постоянно ТЕБЕ ОНИ близки.
И АЛЕКСАНДРА рука сверху простерта к ТЕБЕ.
Пусть живет наш народ, процветая в державе могучей.
Долгие годы народ Бога об этом просил.
ТЕ пусть вечно живут, что с ТОБОЙ новый век начинали.
До окончанья времен небо ИХ благослови.
Как на скалу, на ТЕБЯ опираемся все мы с надеждой.
К цели высокой с ТОБОЙ смело готовы идти.
Век завершал АЛЕКСАНДР, весь деяньями славными полный,
И в новый век НИКОЛАЙ БРАТА достойно сменил.
Ты и меня, ГОСПОДИН, не оставь СВОИМ благословеньем.
Славится пусть ТВОЙ приход и дальнейший ТВОЙ путь в этом доме.
Чтобы правленьем ТВОИМ все потомки в грядущем гордились.
Да не презри, ГОСПОДИН, скромные наши дары.
За снисхождение к нам благословляем ТЕБЯ, наш ПРАВИТЕЛЬ.
Милостью щедрою ТЫ праздник украсил для нас.
ТЫ — покровитель всем нам, благосклонный и неоценимый.
Величием и красотой ТЫ выделялся средь нас.
Взор ТВОЙ улыбкой сиял, и блажен был тот взор уловивший.

Радуйтесь все, посетив Академию в день юбилея.
Дом, где Паллада царит, принял многих гостей благородных,
Чтобы дары принести в это пристанище Муз.
Ибо в России оно знаний свет далеко простирает.
Знаний и мудрости свет миру Афина несет.
Мы этот факел теперь принимаем у древней богини,
Чтобы отныне бежать славной дорогой ее.
Мы свой опыт затем отдадим молодой нашей смене.
Так поступать будут впредь все, кто за нами придет.
Век пронесется стремглав; для счастливых потомков однажды
Солнце начнет новый день, радостных полный надежд.
Я уже буду давно нем тогда под могильной плитою.
Но! Вечная Муза моя новых певцов вдохновит.

*Перевод с нем. яз. М. Н. Додеус
Поэтический перевод Н. В. Головачёвой*

[1] В праздник столетия Академии наук, следуя традициям панегирической поэзии, Ф. Б. Грефе прославляет членов императорского дома, которые ей покровительствовали. Начинает он с Петра Великого, основавшего Академию. Дело Петра продолжила его супруга Екатерина I, хранителями Академии были Екатерина II и ее внук Александр I. На пороге второго столетия Академия возлагала большие надежды на другого ее внука — Николая I.

[2] Празднование столетнего юбилея Академии наук пришлось на начало царствования Николая I. Президент Академии С. С. Уваров старался представить вверенное его заботам учреждение в полном блеске. Спешно приводилось в порядок главное здание. Построенное еще в 1780-е гг. по проекту Дж. Кваренги, здание стояло без внутренней отделки и было необитаемо; помещение для большого конференц-зала не имело пола, так как зал оказался спроектирован ошибочно и без полного переоборудования не мог быть использован. К юбилею строительные работы завершились, конференц-зал, предназначенный для юбилейного заседания, был со вкусом декорирован. Медальер Ф. П. Толстой изготовил юбилейную медаль. Кульминацией праздника стало посещение подновленной Академии наук императором Николаем I и членами царской фамилии. 29 декабря 1826 г. Академия приветствовала блестящее собрание августейших особ.

[3] Имеется в виду президент Академии наук С. С. Уваров.

[4] Сквозным мотивом поэмы проходит петербургская тема. Автор поет гимн молодому городу, родившемуся на пустынных болотистых берегах Невы по воле царя Петра, но не без божьего промысла: высшие силы, безусловно, благоволили созидающему началу. Ф. Б. Грефе подчеркивает градообразующую роль реки, ее исключительное значение в географическом и культурно-историческом ландшафте. Миф об основании Петербурга на пустынном берегу Невы, одиноком рыбаке и Петре-преобразователе, построившем город на болоте, сопровождал историю Санкт-Петербурга изначально, а к столетию города уже сложился в основных чертах в литературе и публицистике и стал частью официальной государственности.

[5] Парафраз фрагмента из биографии Кимона у Плутарха 13.7.5, где сказано, что Кимон благоустроил безводную пустынную местность и превратил ее в рощу с тенистыми аллеями. По преданию, некогда здесь был похоронен герой Академ. В этой роще вели беседы Платон (ок. 387 г. до н. э.) и его ученики, поэтому их школа получила название «Академия».

[6] Повествование построено таким образом, что перед читателем проходят, сменяя друг друга, члены семьи Николая I, который был внуком Екатерины II и сыном Павла I и Марии Федоровны. Его старший брат император Александр I скончался 19 ноября (1 декабря) 1825 г., супруга Александра I Елизавета Алексеевна ненадолго его пережила

и умерла 4 (16) мая 1826 г. В декабре 1826 г. только-только закончился траур по императорской чете.

^[7] При Александре I Петербург преобразился: получили окончательное оформление пространства Дворцовой площади, стрелки Васильевского острова, Невского проспекта, был построен Казанский собор и т. д.

^[8] Речь идет о наводнении 1824 г., во время которого Александр I не только ронял слезы, но лично помогал попавшим в беду людям.

В черный для Петербурга день 7 ноября 1824 г. на шпигеле Адмиралтейства были вывешены фонари, чтобы предупредить жителей о надвигающемся наводнении, а чтобы подчеркнуть неотложность этого предупреждения, начали палить пушки. Вода поднялась почти на четыре метра или даже выше: оценка специалистами высоты наводнения колеблется от 375 см до 410 см над ординаром. Очевидцы отмечали стремительность, с которой прибывала вода. Через день ударили сильные морозы, первые этажи и подвальные помещения покрылись льдом. По самым скромным оценкам, в городе утонуло около 600 человек, не одну сотню людей унесло в Финский залив. Было повреждено или разрушено несколько тысяч различных строений.

В срочном порядке, 11 ноября 1824 г., указом Александра I был создан Комитет о пособиях разоренным наводнением Санкт-Петербурга под председательством действительного тайного советника А. Б. Куракина. Комитет находился в ведении Министерства внутренних дел. Основными его целями являлись обеспечение нуждающихся питанием, жильем, а также выплата пособий, но единовременное пособие не могло превышать 1000 руб. Согласно имеющимся документальным свидетельствам, стихийное бедствие нанесло огромный урон Академии наук и ее служащим. 11 человек утонули, потерпевших от наводнения было 102 человека (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1824. Д. 85. Л. 1 а, 19–21 об., 26 об. — 28).

^[9] Имеется в виду здание Академии наук, внутренняя отделка которого была завершена при Александре I.

^[10] Поэтическим языком рассказывает Ф. Б. Грефе о смерти Александра I и его супруги Елизаветы Алексеевны; намекает на заговор и восстание декабристов 1825 г., память об этих событиях была свежей, еще кровоточащей раной.

^[11] Декабрьское междуцарствие 1825 г. сопровождалось борьбой великодушный двух братьев, Николая Павловича и цесаревича Константина Павловича. Александр I не имел прямого наследника, поэтому престол должен был унаследовать следующий по старшинству его брат — вел. кн. Константин Павлович, но тот заранее отказался от престола. Подписанное им 14 января 1823 г. отречение было в том же году оформлено в виде манифеста Александра I, который следовало огласить после его смерти. Наследником престола становился следующий брат — вел. кн. Николай Павлович. Манифест о престолонаследии был окружен тайной, и только после повторного отречения вел. кн. Константина Павловича, который являлся наместником Царства Польского и проживал в Варшаве, Николай Павлович был провозглашен императором. Период междуцарствия завершился выступлением декабристов 14 (26) декабря 1825 г. — в день, когда была назначена вторая присяга — «переприсяга» Николаю I.

^[12] Имеется в виду любимая сестра Александра I Екатерина Павловна (1788–1819), в первом браке принцесса Ольденбургская (1809–1812), во втором королева Вюртемберга (1816–1819). Выйдя замуж за своего двоюродного брата Вильгельма Вюртембергского, она занималась благотворительностью, покровительствовала искусствам, радела за народное образование. В память о супруге Вильгельм I построил в предместье Штутгарта церковь-усыпальницу в виде античной ротонды, куда в 1821 г. было перенесено тело Екатерины Павловны.

^[13] Мать нового императора, вдовствующая императрица Мария Федоровна, супруга Павла I, в 1776 г. присутствовала на торжествах по поводу 50-летия Академии наук, а через 50 лет участвовала в юбилейных мероприятиях, посвященных столетию Академии.

^[14] Далее следует описание отделов бывшей Кунсткамеры, которые к 1826 г. превратились в самостоятельные специализированные музеи: Зоологический, Минералогический, Ботанический, Нумизматический (Минцкабинет), Азиатский, Кабинет редкостей с этнографической коллекцией и Мемориальный кабинет Петра Великого.

[15] Описываются мемориальные предметы кабинета Петра Великого: восковая персона императора, его личные вещи, трофеи, художественные полотна, инструменты и токарные станки А. К. Нартова, которыми пользовался Петр, любивший помастерить на досуге. В 1848 г. кабинет поступил в Эрмитаж.

[16] Ф. Б. Грефе описывает мамонта — украшение Зоологического музея. Сенсационную находку целого трупя шерстистого мамонта сделал адъютант М. И. Адамс. В 1806 г. он доставил его с берегов р. Лены в Петербург. Одними из первых эту диковинку осмотрели Александр I и его супруга.

Далее следует художественный рассказ о других экспонатах палеонтологической части Зоологического музея, потом Ф. Б. Грефе поэтическим языком излагает геологическую теорию катастроф, рассказывает о металлургии и богатстве полезных ископаемых России, перечисляет наиболее ценные музейные экспонаты, в том числе метеорит. Бог подземного царства богат не только полезными минералами и металлами, его недра вдобавок таят рукотворные произведения. Археологические раскопки приносят обильную жатву.

[17] Речь идет об Азиатском музее — любимом детище президента С. С. Уварова. В 1818 г. он распорядился изъять из библиотеки и архива все находившиеся в Академии наук восточные книги и рукописи. Вместе с коллекцией восточных монет они составили Азиатский музей, директором которого был назначен академик Х. Д. Френ, большой знаток нумизматики мусульманского Востока. К столетнему юбилею Академии наук он опубликовал первый том каталога нумизматического собрания с посвящением его С. С. Уварову как покровителю Азиатского музея и востоковедения.

[18] Ф. Б. Грефе называет наиболее ценные экспонаты вверенного его заботам Минцкабинета (из золота, его разновидности электрума, серебра, меди). Здесь были представлены монеты из разных областей Древней Греции (упоминаются Беотия, о. Эгина, г. Афины в Аттике), персидская золотая монета дарик и медный римский асс, а также монеты Северного Причерноморья (названы греческие имена городов Тавриды). Кроме того, упомянуты медали с изображениями российских царей работы И. Б. Гасса.

В 1823 г. Минцкабинет обогатился систематическим собранием греческих и римских монет (более 10 тыс. предметов) гр. П. К. Сухтелена, который уступил свою коллекцию Академии наук за 50 000 руб. Незадолго до юбилея Ф. Б. Грефе составил каталог этого собрания и всей коллекции кабинета.

[19] Ф. Б. Грефе обращает внимание на «новое поступление» Минцкабинета — медаль, посвященную 100-летию Академии наук. Медаль изготовил Ф. П. Толстой. На ее аверсе был изображен император Николай I, на реверсе на троне восседала Афина и осыпала лавровым венком герму с изображениями Петра I и Александра I с надписью: «Основателю и хранителям».

[20] В 1825 г. большой интерес в просвещенном петербургском обществе вызвало открытие Египетского музея; основанием ему послужило собрание египетских древностей офицера австрийской армии Франсуа де Кастильоне, которое он привез на корабле из Александрии. Внимание к Египту было привлечено египетским походом Наполеона и усилилось после расшифровки иероглифов Ж.-Ф. Шампольоном в 1822 г. Египетские древности прибыли в Петербург в конце 1824 г. при Александре I, который дал разрешение Академии наук на их покупку. В Египетский музей поступили мумии в саркофагах, статуи, ушебти (эти фигурки помещались в захоронения египтян и должны были сопровождать своего хозяина в загробный мир), амулеты, папирусы, сосуды и т. д.

[21] Завершает экскурсию по Кунсткамере посещение астрономической обсерватории, располагавшейся в башне.

[22] Свообразным апофеозом поэмы является гимн Петербургу и Неве, вечному союзу города и могучей реки. Поэтическое описание этого союза строится на противопоставлении мужского и женского начала, подобно тому, как союз Земли и Воды отражен в знаменитой картине П. Рубенса. В древнегреческом и немецком языках слово «река» ὁ ποταμός / der Fluss / der Strom является существительным мужского рода; а слово «город» ἡ πόλις / die Stadt — существительным женского рода. Нева — это «вечный серебряный поток», «обнимающий свою любимую [столицу] множеством рук».

Переводчик стоит перед выбором: следовать оригиналу и сохранить грамматический род для обоих слов, подыскав подходящие эквиваленты (например, город — «метрополия, столица», река — «поток»), или же передать авторский замысел средствами родного языка, противопоставив город — реке. Перекрестная замена рода, а именно на этом приеме остановилась автор поэтического перевода Н. В. Головачёва, позволила сохранить традиционное для нашего уха восприятие — город-он/река-она, однако же образность противопоставления, заложенная автором, при этом отчасти приносится в жертву.

^[23] Дворец на Каменном острове был загородной резиденцией царской семьи.

^[24] Ф. Б. Грефе имеет в виду кругосветные путешествия под руководством И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского (1803–1806), О. Е. Коцебу (1815–1818), Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева (1819–1821). Коллекции, привезенные мореплавателями из дальних стран, дополнили собрания академических музеев.

^[25] «Хоровод нежных сестер», встретивший Александра I на небесах, — это Александра (1783–1801), Елена (1784–1803), Мария (1786–1859), Екатерина (1788–1819), Ольга (1792–1795).

Сообщение президента Академии наук С. С. Уварова Ф. Б. Грефе о «сложении с него долга»

23 ноября 1827 г.

Г. ординарному академику статскому советнику и кавалеру Грефе

Согласно с желанием Вашим я препроводил к г. министру народного просвещения для поднесения государю императору изданных Вами сочинений под заглавием: 1) **Nonni Panopolitani Dionysiaca** и 2) **Pauli Silentarii Descriptio S. Sophiae** и с тем вместе вошел с представлением об исходатайствовании при сем случае все милостивейшего разрешения на сложение достальных считающихся на Вас по кассе Главного Правления училищ в долгу 5000 руб., выданных Вам в 1817 году заимообразно на издание первого из помянутых сочинений^[1].

Ныне г. министр народного просвещения в отношении своем от 21 числа текущего ноября № 7047 уведомил меня, что государь император по докладу его, приняв в уважение достоинства и труды Ваши как литературные, так и по должностям, положенным на Вас в здешнем университете, Академии наук и в Комитете рассмотрения учебных пособий, высочайше повелеть соизволил сложить с Вас помянутые пять тысяч рублей как в возмездие полезных трудов Ваших, так и за давно прошедшим временем, в течение коего не могла быть исполнена Вами сия обязанность^[2].

По представлению г. министра объявляя Вашему высокородию сию высочайшую волю, за нужное считаю присовокупить, что г. министр народного просвещения предложил уже хозяйственному комитету Главного правления училищ об исполнении одного высочайшего повеления и г. попечителю Санкт-Петербургского учебного округа к сведению.

Президент Императорской Академии наук
Сергий Уваров

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Г. Д. 26. Л. 15–16. Подлинник. Рукопись. На бланке канцелярии президента Имп. АН. Подпись-автограф С. С. Уварова.

^[1] Речь идет об издании книг: *Nonni Panopolitae Dionysiacorum libri XLVII. Suis et aliorum coniecturis emendavit et illustravit D. Fridericus Graefe. Vol. 1–2. Lipsiae, 1819–1826; Pauli Silentarii Descriptio magnae Ecclesiae et Ambonis et Joannis Gazaei Descriptio Tabulae Mundi. Ex apographo Anthologiae Graecae-Gothano recensuit F. Graefe. Lipsiae, 1822.*

[2] Издание эпической поэмы «О Дионисе» (Dionysiaka), принадлежащей автору V в. н. э. Нонну из египетского города Панополя, — главный труд жизни Ф. Б. Грефе. Под руководством Грефе огромную поэму Нонна за несколько лет одолел С. С. Уваров и под наблюдением своего наставника составил введение к изданию сочинений этого поэта. Поэтому президенту Академии наук было особенно приятно сообщить своему наставнику монаршую волю.

**Письмо Ф. Б. Грефе в Конференцию о невозможности
присутствовать на заседании**

8 декабря 1830 г.

An die Conferenz der Kais[erlichen] Akademie d[er] Wissenschaften

Ein zur ungewöhnlichen Zeit anberäumtes Dienstgeschäft von Seiten der Universität, dem ich mich nicht entziehen kann, macht es mir unmöglich, der heutigen Sitzung beizuwohnen. Da nun aber in derselben, im Folge des erlassenen Circulars, zugleich die Berathschlagungen über die wissenschaftlichen Anstalten u[nd] Sammlungen der Akademie fortgesetzt werden sollten, so hege ich die Hoffnung, die Conferenz werde die gerechte Bitte stattfinden lassen, u[nd] die Diskussion über die mich angehenden Museen bis zu meiner Anwesenheit den nächsten Montag gefälligst aussetzen. Gegen die beschwerlichen u[nd] ungemäß besuchten Abendsitzungen, oder eine außerordentliche Sitzung am Donnerstag muß ich mich dießmal gleichfalls erklären.

Fr. Graefe

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2-1830. Д. 33. Л. 42. Автограф Ф. Б. Грефе. Нем. яз.

Перевод

В Конференцию Императорской Академии наук

Дела по части Университета, назначенные на внеурочное время, уклониться от коих я не могу, лишают меня возможности присутствовать на сегодняшнем заседании^[1]. Однако поскольку согласно принятому циркуляру на нем должны быть продолжены обсуждения научных учреждений и коллекций Академии, я питаю надежду, что Конференция любезно удовлетворит справедливую просьбу и отложит дискуссию о касающихся меня музеях до моего следующего присутствия в понедельник^[2]. На этот раз та же просьба относится и к неудобным [по времени], а потому плохо посещаемым вечерним заседаниям, и к внеочередному заседанию в четверг.

Фр[идрих] Грефе

Перевод М. Н. Додеус

[1] Ф. Б. Грефе был первым профессором Петербургского университета, удостоенным избрания в Академию наук. Избрание состоялось в 1820 г., когда С. С. Уваров совмещал должности президента Академии наук и попечителя С.-Петербургского учебного округа, и оно подчеркивало значение проводимой президентом-попечителем его новой образовательной программы, где классические дисциплины заняли почетное место. Авторитетом Ф. Б. Грефе поддерживалось изучение классических языков в Петербургском университете на протяжении всей первой половины XIX в., а академическое звание в немалой степени этому содействовало.

^[2] В ноябре и декабре 1830 г. на заседаниях Конференции происходило оживленное обсуждение проблем академических учреждений, в которое были вовлечены все руководители подразделений. Ф. Б. Грефе являлся в то время директором Минцкабинета и Египетского музея.

Коллеги с уважением отнеслись к просьбе ученого и назначили заседание на 5 января 1831 г. На нем обсуждался «Доклад о действительном состоянии ученых принадлежностей Императорской Санкт-Петербургской академии наук и о том, как поднять их до уровня первых институтов Европы». В докладе говорилось, что все учреждения требовали срочных преобразований и достойного материального обеспечения. Но просьбы об увеличении финансирования музеев и лабораторий не нашли отклика у правительства.

Яков Карлович
ГРОТ
(1812–1893)

Яков Карлович Грот, немец по происхождению, по воспитанию и языку был чисто-кровно русским. Питомец и профессор Царскосельского лицея, в течение шести лет (1852–1859) он являлся преподавателем наследника Николая Александровича и вел. кн. Александра Александровича (будущего императора Александра III).

Любимой областью научных интересов Я. К. Грота была русская филология¹. В области истории литературы особое место занимает подготовленное им собрание сочинений Г. Р. Державина (1864–1883, т. 1–9).

Много лет Я. К. Грот занимался научными и практическими вопросами правописания, постоянно расширял поле своих исследований, справедливо полагая, что «оставаться в науке неподвижным может только тот, кто не мыслит или не трудится»². Большую услугу отечественной школе оказала его работа «Русское правописание», составленная по поручению Академии наук в 1885 г. Эта книга содействовала установлению единообразия письма и вплоть до орфографической реформы 1917–1918 гг. служила обязательным руководством для всех школ страны; самые широкие слои русского общества знали, что значит «писать по Гроту».

Академическая карьера Я. К. Грота была быстрой и успешной: в 1855 г. он избран в адъюнкты Отделения русского языка и словесности, в 1856 г. он уже экстраординарный академик, а в 1858 г. удостоен высшей академической степени — ординарного академика. Почти тридцать лет Я. К. Грот был председательствующим в ОРЯС (1866–1893). Почти сорокалетнее служение Грота науке в звании действительного члена Академии и образцовое исполнение обязанностей председательствующего настолько плотно слились с жизнью всего отделения, что в глазах многих людей ученый являлся его олицетворением.

В последние годы жизни (1889–1893) Я. К. Грот занимал почетную должность вице-президента и был правой рукой президента Академии наук вел. кн. Константина Константиновича.

¹ Список трудов Я. К. Грота см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 247–262; Труды Я. К. Грота / под ред. К. Я. Грота. Т. 1–5. СПб., 1898–1903.

² Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания // Труды Я. К. Грота. Т. 2 : Филологические разыскания (1852–1892). СПб., 1899. С. 469.

Стихотворение Я. К. Грота «Е. И. В. государю наследнику
Николаю Александровичу (в альбом)»

Царское Село, 1858 г.

Минутный призрак — жизнь земная,
И блеск, и шум ее — обман;
Но тайна скрыта в ней святая,
И смысл торжественный ей дан.

Тому, что зрит плотское око,
Ты легкой веры не давай,
Но в сокровенное глубоко
Духовным взором проникай.

И ведай: многое, что низко,
Стоит пред Богом высоко,
И часто в жизни то к нам близко,
Чего мы ищем далеко.

И воспитай в себе уменье
В пучине призраков и лжи
Провидеть истины явленья
Очами зоркими души.

СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 1. Д. 92. Л. 116. Автограф Я. К. Грота.

Письмо Я. К. Грота к президенту Академии наук Ф. П. Литке
об «унизительном положении» членов ОРЯС

4 июня 1868 г.

Милостивый государь граф Федор Петрович!

По поводу предположения об увеличении окладов жалованья членам двух отделений Академии наук И. Д. Делянов, частным образом, выразил мне желание узнать подробнее, в каком положении находится Отделение русского языка и словесности. Составив вследствие того записку по этому предмету, считаю обязанностью представить ее и Вашему сиятельству, в твердой надежде, что по чувству справедливости Вы не допустите, чтобы при улучшении состояния 1-го и 3-го отделений, и без того уже находящихся в выгоднейших условиях, 2-ое оставалось в том странном и отчасти унизительном положении, в какое оно поставлено было при первоначальном его учреждении^[1].

С глубочайшим почитанием и преданностью имею честь быть
Вашего сиятельства
Покорнейший слуга
Я. Грот.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1868. Д. 1. Л. 14. Автограф Я. К. Грота.

^[1] Я. К. Грот не мог примириться с приниженным положением ОРЯС в составе Академии наук. Обидным он считал взгляд на отделение президента Академии наук Ф. П. Литке, который, по его мнению, считал настоящей Академией только ФМО и ИФО и смотрел свысока на Второе отделение.

Я. К. Грот. «Мысль для историков Петра Великого»

[1872]

Величие преобразователя России всеми признано, и оно несомненно^[1]. Но при оценке дел Петра, кажется, не довольно обращается внимания на одно обстоятельство — величие и исполинскую силу нации, им прославленной. Герен, рассуждая о борьбе Карла XII с Петром и следствиях ее, говорит очень умно, что Швеция по самой сущности своего политического значения должна была рано или поздно пасть и возвратиться в свое прежнее ничтожество. Он называет ее величие **искусственным** и замечает, что высота, до которой она поднялась, несоразмерна была со слабым и узким основанием этого политического здания. Быстрое возвышение ее со времен Густава Адольфа приписывает он одним случайным причинам^[2]. В самом деле, внезапное расширение Швеции в огромное государственное тело не было плодом обилия внутренних сил и жизненных соков, а произошло более от благоприятных внешних причин. Она должна была рухнуть так же скоро, как поднялась. Нельзя ли этих замечаний, в образном смысле, применить к России? Веками, медленно и долго, скопились ее силы и ждали, чтобы могучая рука направила их к великой цели их назначения.

Наконец, в царствование Алексея Михайловича, когда после долговременных волнений, войн и смут настал внутренний мир, эти силы начали обнаруживаться заметно. Откуда в малообразованной России явились такие люди, как Матвеев, Ордин-Нащокин, Ромодановский, Шереметев и Нарышкины, — Нарышкины, которых уже первая знаменитая представительница, Наталья Кирилловна, еще до рождения Петра замечательным образом нарушала предрассудки века касательно затворничества женщин? Откуда, если не из сокровенного родника исполинских сил нации? Кипели эти силы в том веке, после долгого застоя, и из их же глубины возник внезапно тот, кто ей один не доставал для вступления на достойное ее поприще. Петра, величайшего представителя России и первенца ее нового бытия, нельзя представлять себе отдельно от русской нации. Не будь она велика, не могло бы в ней родиться и такого великого человека. Вокруг него образовался целый круг гениальных сотрудников. Петру принадлежит заслуга их выбора; но такое множество и разнообразие талантов доказывают, что было из чего выбирать.

СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–1 об. Автограф Я. К. Грота.

^[1] 200-летие со дня рождения Петра I побудило Я. К. Грота обратиться к жизни и деяниям «неутомимого поборника высших интересов человечества». К юбилею он подготовил исследование «Петр Великий как просветитель России» и прочитал его в торжественном собрании Академии наук 31 мая 1872 г. Опубл.: Сборник ОРЯС. 1873. Т. 10; переизд.: Труды Я. К. Грота. Т. 4 : Из русской истории. СПб., 1901. С. 82–121.

^[2] По-видимому, имеется в виду труд: *Guérin L. L'Europe, Histoire des Nations Européennes*. Paris, 1846.

Из работы Я. К. Грота
«Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньше.
Филологическое разыскание»

1873 г.

Общие замечания

У всех образованных народов господствует требование, в большей или меньшей степени удовлетворяемое, следовать однообразному, твердо установленному способу изображения звуков языка на письме. Оттуда и самое понятие о **правописании**, и название этого отдела грамматики. Такое требование совершенно правильно и естественно: язык состоит из явлений не случайных, а основанных на законах, которые органически связаны между собою общим, хотя и не всегда ясным единством. Ум человеческий стремится к раскрытию и объяснению этих законов. В устной речи, как непосредственном действии нашего духа, они соблюдаются нами бессознательно; но письмо как результат науки не может происходить надлежащим образом без разумения этих законов или, по крайней мере, без соблюдения точных, преданием или обычаем установленных правил. Мы пишем для того, чтобы другой (а таким станем мы и сами через минуту после начертания звука³) вполне понимал и легко узнавал каждое написанное нами слово.

В отношении к правописанию образованные народы представляют двоякое явление: у одних письмо очень близко выражает звуки языка, у других оно более или менее удаляется от произношения. В первом случае значит, письмо основано на выговоре, или — употребляя научный термин — правописание установилось **фонетическое**, каково, напр., итальянское: нужно только усвоить себе значение итальянских букв и, разумеется, узнать законы ударения, чтобы по книге довольно верно произносить каждое слово. Во втором случае различие между письмом и произношением происходит большей частью от того, что в живом языке произношение отступило от его первоначальных форм, а письмо стремится сохранить их. Таково происхождение **этимологического** правописания. Очевидно, что оно имеет научное значение, что оно — орудие и вместе пособие науки.

В некоторых языках, как, например, в шведском, **фонетика** получила мало-помалу перевес над **этимологией**; в других, особенно во французском, произношение так исказило древние формы слов, что одно правописание сохраняет память их происхождения и дает им смысл. Есть, наконец, такие языки, в которых, хотя они и не потерпели такого фонетического искажения, этимологическое начало правописания все-таки преобладает, как необходимый охранитель и регулятор языка: таковы языки русский и немецкий. В позднейшее время некоторым казалось, что русское правописание могло бы совершенно отбросить производственный элемент и сделаться чисто звуковым; но эта мысль не может устоять перед мало-мальски серьезной критикой.

В русском языке столько не вполне определенных, не вполне явственных звуков, особенно гласных, притом столько видоизменений их в разных местностях, что для множества слов явилось бы по нескольку начертаний, и орфография лишилась бы всякого руководящего начала. Между тем преимущественно этимологическое правописание способствует к уяснению истории языка; оно доставляет нам вернейшее

---

³ *Lefmann S. Ueber Deutsche Rechtschreibung. [Berlin, 1871].*

средство отыскивать смысл в формах речи, правильно судить о развитии или упадке языка, основательно сравнивать родное слово с языками других народов.

Рациональное правописание, путем школы и литературы, имеет несомненное влияние на успехи языка, на употребление его в среде образованных классов, а посредством их это влияние может, в некоторой степени, распространяться и на народ. При таком значении этимологического правописания нельзя не заботиться о поддержании его в той степени, в какой язык, по своему характеру, этого требует, и о том, чтобы основания такого письма более и более очищались наукой от всяких ошибочных толкований.

Из только что сказанного можно заключить, что языки в разной мере имеют надобность в этимологическом правописании. Действительно, не всякий язык равно к нему способен и равно в нем нуждается. У итальянцев звуки так определены, так чисты и просты, что производственное начало почти без борьбы уступило победу фонетическому. Обыкновенно же, чем менее формы языка самобытны, чем более они уклонились от своего первообраза или источника, тем правописание своенравнее, тем более оно основано на многосложных, частью условных правилах, но в то же время тем оно тверже, тем строже соблюдается всеми. Мы замечаем это особенно в языках английском и французском, где тот же звук в одном слове изображается так, в другом иначе, и где, однако же, тот, а не иной способ написания каждого слова совершенно установлен и для всех обязателен.

Напротив, в языках коренных, более или менее сохранивших свои первобытные правильные формы, орфография бывает разнообразнее и труднее устанавливается. Причина тому понятна: при постепенно усиливающемся уразумении состава и форм языка возникает стремление изменять правописание, но улучшения нелегко проникают в общее сознание; с другой стороны, потребность уяснения форм такого языка дает простор произволу в толкованиях, и оттого являются разные способы начертания одних и тех же слов.

В таком положении находятся, в наше время, языки русский и немецкий. Впрочем, частые жалобы на пестроту и неопределенность нашего правописания едва ли не преувеличены. Правда, что у нас многие слова пишутся неодинаково; но, вообще говоря, русское правописание представляет гораздо менее разногласий, нежели немецкое. <... >

Обращаясь затем к нашему правописанию, мы находим (как уже и выше замечено), что оно далеко не представляет тех затруднений, какие существуют в немецком. Встречающиеся у нас различия можно разделить на два разряда: одни происходят только от недоразумений и потому могут быть устранены надлежащим разъяснением; причиной других — неодинакий взгляд на предмет, и тут возможно, конечно, двоякое решение вопроса. <... >

Большая часть этих различий правописания происходит и у нас от встречи в нем двух начал — **фонетического**, или **звукового**, и **этимологического**, или **производственного**. Мы видим, что в некоторых случаях берет перевес первое, а в других второе; например, в начертании слитно употребляемых предлогов *воз*, *из*, *раз*, *низ* перед глухими согласными пишется издавна буква *с*, или: в словах **мягкий**, **где**, **здесь**, **везде** по той же причине пишется *з*, *з* вместо *к*, *с* (**мяккий**, **кде**, **сдесь**, **весде**), как следовало бы писать по их составу; напротив, в словах **кто**, **что**, **сделать**, **сдавать**, произносимых **хто**, **што**, **зделать**, **здавать**, соблюдается закон этимологии. Кто же или что, в таких разнородных явлениях, решает перевес того или другого начала? Обычай или давность?

Но обычай и давность бывают иногда, как удостоверяет опыт, в прямом противоречии с истиной: следовательно, окончательный приговор в этом деле все-таки должен принадлежать высшему суду, и право такого суда может быть признано только за наукой. Ей одной подобает решать, в каких случаях уступки со стороны производственного начала в пользу звукового и вообще в пользу практических удобств письма могут быть допускаемы как разумные и потому законные. Все же беспричинное, неосновательное, а тем более нелепое, хотя и употребительное, должно быть ею строго осуждаемо и по возможности устраняемо из обычая. Употребление языка людьми мыслящими и вообще грамотными должно быть сознательное; каждый пишущий, если он сколько-нибудь образован, чувствует потребность отдавать себе отчет в начертании слов и стремится к достижению в этом возможной последовательности. Отсюда, как уже было замечено, общее требование разумно установленного, единообразного правописания.

Язык есть достояние целого народа, один для всех, кем он употребляется; язык есть дело мысли, следовательно, мысль должна быть присущей в каждый миг его употребления, и нет причины допускать разнообразие в решении вопросов, на которые ответа должно искать в одних и тех же законах. Здесь место повторить умные слова Сумарокова, поставленные нами в эпиграф настоящего труда: «правописание должно быть общее и по естеству дела, и по существу слова». Главным орудием к исполнению этого вполне законного требования должна быть школа, — построенное на правильных основаниях обучение молодежи чтению и письму.

Дело науки — руководить школу. Наука постоянно развивается, и потому естественно, что она должна от времени до времени поверять свои собственные решения, а с другой стороны, не оставляя без исследования и утвердившихся обычаям правил. Мы замечаем действительно, что во всех странах орфография, благодаря успехам науки, постепенно изменялась. <...>

Как бы ни было, в орфографии нашей, несомненно, происходит движение под двойственным влиянием — **науки** (представляющей начало этимологическое) и **практики** (обновляемой нововведениями, иногда наперекор науке). Первого рода движение совпадает с успехами филологии; движение второго рода определяется отчасти развитием живого языка, отчасти не совсем благоприятными случайностями.

Цель настоящего труда заключается вовсе не в каких-либо нововведениях и даже не в окончательном решении всех спорных вопросов нашего правописания (такая задача была бы слишком смела), а в том только, чтобы историческим путем уяснить мыслящему читателю настоящее состояние русской орфографии и способствовать к большему единообразию письма. Возможное приближение к такому единообразию остается весьма желательным не только по теоретическим причинам, но и по чисто практическим соображениям: ясно, как разноречия в правописании неблагоприятны для школы и как они неудобны для типографий.

Мы очень хорошо понимаем, что достигнуть полного соглашения в этом деле, как и в большей части человеческих дел, мало надежды, но вместе с тем полагаем, что всякий беспристрастно ищущий истины охотно воспользуется некоторыми служащими к разъяснению ее указаниями. Мы желаем только облегчить каждому возможность сознательно употреблять то или другое правописание, оставаясь последовательным и всегда верным самому себе. По опыту известно, что насильственные изменения в орфографии не удаются, но отмена некоторых частных злоупотреблений письма, несмотря на долговременную к ним привычку, легко принимается людьми

непредубежденными. Мы готовы сами подать в этом пример и принять в некоторых случаях чужую орфографию, которой до сих пор не держались, если найдем в пользу ее убедительные доводы. <... >

Опубл.: Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Филологическое разыскание. СПб., 1873. С. 3–6, 10–15.

«Из записок академика Я. К. Грота. Празднование полуторавекового юбилея Императорской Академии наук в 1876 году»

29 декабря 1876 года
около 11 часов вечера

Сегодня отпразднован был 150-летний юбилей Академии наук. <... >

29 числа в Академию начали съезжаться уже в 11 часов. Я с женой и старшей дочерью (15-летней Натальей) и М^{ме} Иордан приехали в одной карете в начале 12-го и вышли со стороны двора, где нас уже ждали два сына, которые, не имея билетов, должны были войти одновременно со мной и довольствоваться тем, что могли где-нибудь приткнуться за последним рядом стульев. Я посадил своих дам в шестом или седьмом ряду вопреки г. Сомову, который назначил дамам самые задние ряды, приберегая передние для придворных и других высокопоставленных лиц. Я основывался на том, что накануне сам президент показал мне места, где могут располагаться городские и академические дамы. Сомов в чиновническом усердии поднял даже голос, так что я должен был его попросить не кричать. Скоро зала начала мало-помалу наполняться. Билеты отбирались наверху бухгалтером Яковлевым; были смельчаки, которые с заднего хода явились без билетов и преспокойно расположились в конце залы.

Академики оставались перед нею в проходной комнате, но должны были расположиться двумя рядами: один направо от входа из сеней составляли члены Первого отделения, а другой — члены Второго и Третьего отделений. После приезда президента и министра стали съезжаться и великие князья: два Лейхтенбергские, Ольденбургский, Владимир Александрович с супругой, Константин Николаевич, Александра Петровна и Евгения Максимилиановна. Президент с вице-президентом и непременным секретарем, также и министр народного просвещения ждали на лестнице. Наконец нам объявили, что государь приехал. Он вошел, ведя императрицу под руку, а за ними шел наследник цесаревич со старшим восьмилетним сыном Николаем Александровичем.

По условленному порядку началось от двери направо представление академиков. Президент называл каждого по имени, и государь делал легкий поклон, не вступая, однако ж, в разговор. Дошедши до меня⁴, он сам произнес мое имя, и тотчас оборотясь к императрице, бывшей еще близ входных дверей, сказал ей: “Ma chère voila Grot”⁵. Ее величество подошла ко мне и милостиво разговаривала во все время, пока еще продолжалось представление других академиков⁶. «Как давно я вас не видела;

---

⁴ Я стоял с другого конца комнаты с левой стороны, третьим после архиепископа Макария и Срезневского, далее Бычков и Сухомлинов (Примеч. документа).

⁵ Моя дорогая, это Грот (фр.).

⁶ Это была первая моя встреча с императрицей после того, как я покинул августейших питомцев (Примеч. документа).

но несмотря на то я очень часто вспоминаю о вас, и мы помним все, что вы сделали. Вы совсем не переменились, вы совершенно тот же, каким были тогда, и это несмотря на беспрестанные занятия. Я первый раз в Академии; много раз собиралась, но никогда не удавалось; не бывала никогда и в музеях». Я упомянул о зоологическом. «Не холодно ли там?» Я отвечал, что температура сносная, чему доказательством служит то, что еженедельно один раз залы наполняются публикой. «Сколько всех академиков?» — «Около сорока». — «В этой ли же зале бывают заседания?» — «Нет, в малой конференц-зале, а тут только торжественные собрания».

Я забыл упомянуть, что при входе в комнату, где нас представляли, государь нас поздравил и выразил желание, чтобы Академия и впредь продолжала свое полезное существование.

Вот приветствие государя при представлении ему академиков, записанное Н. И. Кокшаровым.

«Поздравляю вас, гг., с дорогим для вас праздником — 150-летним юбилеем! Желаю Академии полного процветания. Я благодарю Бога, что Он сподобил меня быть сегодня вместе с вами. 50 лет тому назад в этот день я был также здесь, в Академии, вместе с моею бабушкой; но тогда я был в таком же возрасте, как этот молодой человек» (при этом государь выдвинул вперед своего внука и потрепал его по щеке)^[1]. «Итак, желая вам еще раз всего лучшего, я желал бы вместе с тем, чтобы и ему Господь Бог позволил, когда вы будете праздновать ваш 200-летний юбилей, находиться здесь вместе с вами, как я теперь».

По окончании представления он вошел в залу; мы за ним последовали и заняли свои места.

В середине ряда кресел перед кафедрой сели: налево императрица, направо государь, возле него цесаревна, а рядом с нею маленький великий князь, возле императрицы по другую сторону наследник; остальные члены царской фамилии были сзади. Маленький внук государя (восьми же лет, как и он полстолетия тому назад) сидел прямо против меня; я любовался миловидным его личиком и смотрел, как он, сидя все время очень чинно, потирал перчаткой металл и кожу на своей каске. Цесаревна часто с улыбкой на него поглядывала, а иногда взглядывала и на меня. Государь часто обращал свои взоры в разные стороны, как бы отыскивая между академиками знакомые лица.

Граф Литке начал чтение^[2], только что все уселись, но читал вообще слабым голосом, только иногда возвышая его и довольно часто запинаясь или делая ошибки, например, он не раз употреблял единственное число вместо множественного и наоборот, говорил Академия вместо академики, сказал раз Николай Александрович вместо Николай Павлович, а в конце вместо: «После этого краткого обзора **минувших** судеб Академии» прочел: «После этого краткого обзора **литературных** судеб Академии». Странно, что он, несмотря на свои годы и свое положение, оробел и все время не мог хорошенько оправиться. Когда он кончил, государь обменялся несколькими словами с императрицей.

Потом стал читать Веселовский. Наша комиссия при самом начале своих совещаний определила, чтобы речь президента продолжалась не более четверти часа, а речь непременно секретаря от получаса до трех четвертей. Президенту хотелось, чтобы последняя цифра составляла *minimum*; но остальные находили, что получаса довольно. Это мнение получило перевес. Речь Веселовского для первых рядов была достаточно слышна; но более отдаленные ряды после жаловались на невнятность его голоса. Начало ее было почти повторением окончания моей; даже в выражениях было сходство. Особенно остановился он на Пулковской обсерватории и астрономических

трудах; потом воздал щедрые похвалы Гельмерсену и еще Абиху, которого довольно неуместно уподобил Прометею, о чем все после говорили^[3].

После речи он упомянул о розданных в течение года премиях; затем прочел имена всех избранных почетных членов и корреспондентов. Первым почетным членом был упомянут германский император, причем государь сказал, кажется, приветствие сидевшему зади него прусскому посланнику Швеницу, который был приглашен не как дипломат, а как частное лицо, по словам президента. Потом были провозглашены имена Николая и Сергия Александровичей, и все члены Академии вслед за президентом встали, приветствуя новоизбранных: маленький великий князь, кажется, и не заметил, что это приветствие адресовалось к нему.

Потом читались имена частных лиц, избранных в то же звание. При этом я должен сказать несколько слов об избрании их в комиссии. Список им был предварительно составлен Веселовским по совещании с президентом. В числе их был и племянник последнего — товарищ министра иностранных дел Николай Карлович Гирс. При его имени я заметил в комиссии, что едва ли удобно его избрать, так как он еще не довольно известен и недавно занимает пост товарища; с этим согласился и граф. Однако ж решено было еще ближе обсудить дело, и именно переговорить о том во Втором отделении. Здесь Гирс нашел горячего почитателя в Сухомлинове, который, не зная о его родстве с президентом, стал восхвалять его за содействие, когда тот оказал ему, бывши посланником в Берне, когда Сухомлинову нужны были рукописи швейцарца Лагарпа, наставника Александра Павловича. Отделение присоединилось к Сухомлинову, и решено было поддержать избрание Гирса. Менее удачно было другое предложение моих сочленов просить президента об избрании в почетные члены Академии наук императрицы и цесаревны. Когда я после заседания доложил об этом Литке, он нашел это предложение странным и даже назвал его глупостью — потому что ничего подобного прежде не бывало: едва ли, однако ж, он прав был: не все новое негодно; впрочем, ему это предложение было особенно неприятно, потому что угрожало ему новыми хлопотами и перепиской. Кроме того, он решительно отверг мысль отделения избрать в почетные члены князя Черкасского, назначенного в Болгарию для устройства там поземельного владения, по окончании военных обстоятельств. В комиссии предлагалось также избрать министра путей сообщения Поссельта [К. Н. Посьета], как человека, весьма сочувствующего всякой ученой деятельности, всегда готового поддержать умственные труды и притом как автора какого-то морского сочинения, но граф и на это не согласился, следуя пристрастному мнению известной многочисленной партии, нерасположенной к Поссельту, выдающей его за человека недельного и мало смыслящего в администрации своего министерства. Зато приняты были предложенные мною кн. Лобанов-Ростовский и отделением — епископ Антоний Казанский.

После чтений на торжественном собрании Литке стал раздавать лицам императорской фамилии медали. Получив свою, государь подошел к нашему столу и стал рассматривать разложенные тут документы: уставы Академии 1747 и 1803 года; тут подоспел президент и стал объяснять их; особенно интересен был собственноручно писанный по-французски черновой Наказ Екатерины II. Между тем подошла также императрица и вступила со мной в разговор об этих документах. Тогда государь обратил милостивое внимание на Буняковского и Веселовского и спросил их, с какого они времени в Академии, представил Буняковского императрице, а ко мне подошел наследник и спросил, кто сочинял речи, читанные гр. Литке и Веселовским. Я не мог скрыть от него, что составление первой поручено было мне, тем более что и сам президент не скрывал этого и, между прочим, в заседании комиссии при мне сказал

министру: «Не скрою от Вас, что я поручил это дело Я. К. Гроту, и он так добр, что взялся помочь моей старости». Потом наследник спросил, отчего президент читал так дурно и во все время руки у него дрожали. Я сказал, что, вероятно, этому причиной его слабое зрение⁷. Еще государь перед уходом обратился к Гельмерсену и также представил его императрице, которая все время говорила по-русски, исключая, однако ж, разговор с акад. Струве, который вела по-немецки.

Уходя, государь обратился к своему внуку и отцу его и пожелал им через 50 лет также присутствовать на следующем юбилее Академии. Я забыл упомянуть, что прежде удаления от стола, где лежали документы, он обратился к нам — академикам с небольшой речью, благодарил нас за труды и выразил желание, чтобы мы и впредь также усердно трудились на пользу науки для России. После ухода царской фамилии к нам подходили многие лица: кн. Урусов пришел изъяснить свою признательность за избрание его в почетные члены, говоря, что до слез тронут и чувствует, что ничем не заслужил такой чести. Во время провозглашения имен избранных кн. Суворов трунил над министром внутренних дел Тимашевым и, полагая, что он также избран, спрашивал его, за что. Ведь ты ничем не заслужил этого. Ты ничего не смыслишь в науке. Некоторые выражали сожаление, что я ничего не читал, что чтение речи Литке не мне было поручено и проч. Конечно, какое-нибудь чтение в связи с деятельностью нашего отделения было бы желательно, но так как чтений по отделениям не было, а притом наше отделение только 35 лет принадлежит к Академии, то можно было найти, что к такому чтению не было особенного повода. Вот после того, как нашему отделению совершится 50 лет (в 1891 г.), оно более будет вправе заявлять о себе при юбилеях Академии наук. Кстати замечу, что члены нашего отделения, особенно Сухомлинов, были недовольны слишком беглой заметкой неперменного секретаря о присоединении Российской академии к Академии наук, о чем (в своем месте я забыл сказать это) и Государь сам вспомнил, когда ему представляли нас перед заседанием. Что касается до того, чтобы я участвовал в чтениях, то я давно уже заметил, что с некоторой стороны (т. е. попросту со стороны Веселовского) бывает старание устранить меня от этого.

В пять часов назначен был обед по подписке в гостинице Палкина (на углу Владимирской и Невского проспекта). В нем участвовали многие академики и довольно большое число посторонних лиц, корреспондентов Академии и др., например, Галахов, Заблоцкий, П. П. Семенов, адм. Сем. Ильич Зеленый. Президент провозгласил тост за Государя, потом были тосты за президента, за вице-президента, за процветание Академии наук (последний тост провозгласил Зеленый по моему напоминанию), за неперменного секретаря (академик Наук произнес его по-латыни и назвал Веселовского *vir eloquentissimus*⁸). Речей, собственно, не было, если исключить маленький тост Савича в честь одного из академиков и шуточную речь Зеленого — морскую, по его собственному выражению, подобную тем, какие он как моряк имеет обыкновение произносить с маленькими изменениями при всех подобных случаях, применяя к обыкновенным житейским понятиям термины: пуститься в море, поставить значки, поднять флаг, плыть на всех парах, трюм сердца, все орудия моих чувств и пр. Плата за обед каждого, заранее назначенная и собранная, была по 11 рублей. Распорядителями были: Сомов и советник Правления Ланге, которых здоровье также пили. Еще

⁷ Граф Литке ничего так не опасался, как обнаружения своей слепоты, кое-как продолжая читать академические бумаги, он для подписания их употреблял гриф (*Примеч. документа*).

⁸ Красноречивейший муж (*Примеч. документа*).

я забыл упомянуть о прочитанной с бумажки весьма плохой и, к счастью, коротенькой речи нашего, впрочем, доброго и милого кассира Лаврова. <...>

За академическим обедом я сидел между Срезневским и Бычковым, недалеко от президента; тут же были Сухомлинов и Гельмерсен. Последний, между прочим, припомнил стихи Майкова, экспромт, сказанный им лет 10 тому назад на одном академическом обеде 29 декабря:

Академия кутит,
В буйстве силы не жалеет,
Это ясно говорит,
Что она уже русеет.

Дополнения, сделанные после юбилея

Все удивляются, что по случаю юбилея не было рескрипта Академии; винят в том и Литке, и Толстого. Вообще находят, что юбилей имел какой-то мизерный характер: две официальные речи, из которых первой почти никто не слышал, а вторая была суха. Пустых мест в зале было множество; пять последних рядов стульев были почти не заняты, хотя сзади многие стояли между стеной и стульями: из-за чего Сомов так скупился билетами, что даже когда мы, академики, просили их у него для известных лиц, он отвечал, что без начальства не смеет. Видно, совесть была нечиста, потому что много билетов сам раздал людям, которые не имели на это права. Многие не получившие билетов, несмотря на свое домогательство, были очень недовольны, узнав о пустых местах. По поводу требования билетов у приходящих рассказывают несколько анекдотов. Когда пришел прусский посланник Швейниц, у него Яковлев спросил билет. Он ответил по-русски: «Я приглашен государем императором». Сомов показал ему место в задних рядах; он заметил: «Это место не для меня».

Когда на другой день Литке был у государя и благодарил его, Е. В. Александр Николаевич сказал, что все сошло хорошо и гладко, Литке отвечал: «Все, В. В., шло прекрасно, кроме речи президента, которая была прочитана очень дурно». Государь засмеялся. Говорят, он сказал, что со своего места мог почти читать рукопись речи президента.

В заседании Русского отделения Бычков заметил, что жаль, что государя не надумали пригласить академиков к царскому столу, так как честь эта оказывается всякому гвардейскому подпрапорщику, когда празднуется юбилей полка, а нынче даже простые полковые праздники. Государь, верно, дескать, не отказал бы накормить у себя каких-нибудь 30 академиков. Сухомлинов рассказывал, что незадолго перед академическим юбилеем Литке спрашивал, состоится ли по подписке обед, и сказал, что ежели не состоится, то он готов пригласить к себе некоторых из академиков.

Бухгалтер Яковлев несколько раз выражал мне сожаление, что по случаю юбилея не было общих по Академии наград, и рассказывал, что при столетнем юбилее все получили награды, что в бумаге о том сперва исчислены все более значительные лица, а о прочих упомянуто, что все остальные удостоиваются повышения в следующий чин^[4]. <...>

Позднейшая приписка

12 сентября 1882. Вчера получил от Кокшарова записанные им слова государя на юбилее Академии и переписал их выше, где следовало. Я ходил к Кокшарову, чтобы посоветоваться по поводу полученной мною по поводу 50-летнего моего юбилея

вчера же поздравительной телеграммы от герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского, с которым он в близких отношениях. Разговор зашел, между прочим, об академическом юбилее. Кокшаров выражал удивление, что этот юбилей был отпразднован так сухо и мескинно⁹, что от начальствующих зависело бы при этом случае доставить всем академикам награды, как бывало прежде, и т. п. Рассказывали, что вел. кн. Сергей Александрович, присутствовавший на юбилее, заметил ему после: «Нет, сухо было у Вас в Академии. Ваши собрания (т. е. в Минералогическом обществе) бывают куда живее и интереснее». При этом речь зашла и вообще о непременно секретаре Веселовском, и Кокшаров рассказал про его недоброжелательность следующее.

Когда в 1869 г. пересматривали в Государственном совете штат Академии, в Департаменте экономии предполагалось назначить жалованье каждому, соразмерно с получаемым по другим должностям окладом, то Кокшаров в частном разговоре с председателем Департамента экономии К. В. Чевкиным объяснил ему, что лучше было бы, если б правительство поступило великодушнее и просто определило общее академическое жалованье, несмотря на другие должности. Чевкин согласился с этим, находя возможным изменить первое предположение, и выразил желание, чтобы для этого Веселовский побывал у него. Кокшаров нарочно поехал сказать о том непременно секретарю, но этот выслушал его очень холодно и отвечал, что не находит уместным ехать к Чевкину. Так дело и осталось в прежнем виде.

СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Д. 153. Л. 2–18. Автограф Н. П. Грот.
Опубл.: Из записок Я. К. Грота. Празднование полуторавекового юбилея Академии наук в 1876 году // Русский архив. 1911. Вып. 6. С. 261–273.

^[1] Имеется в виду вел. кн. Николай Александрович, будущий император Николай II, который по известным причинам не участвовал в праздновании 200-летия Академии наук в 1925 г.

^[2] Речь к 150-летнему юбилею Императорской Академии наук была составлена Я. К. Гротом и прочитана президентом графом Ф. П. Литке.

См.: Торжественное собрание Императорской Академии наук 29 декабря 1876 года, по случаю празднования ее 150-летнего юбилея. Речь г. президента // Записки Имп. АН. 1877. Т. 29. С. 8–13; Труды Я. К. Грота. Т. 3 : Очерки из истории русской литературы. СПб., 1901. С. 449–453.

^[3] В своей речи К. С. Веселовский сказал следующее: «1838 год останется навсегда особенно знаменательным не только в истории нашей Академии, но и во всемирных летописях науки. Вместо маленькой обсерватории, служившей для занятий академических астрономов в прошлом столетии, и которой остатки до сих пор виднеются над зданием нашей библиотеки как образчик скромных размеров тогдашних ученых пособий, по воле императора Николая возникло на Пулковских высотах величественное учреждение, значительно расширившее круг деятельности Академии и сразу поставившее Россию в число тех наций, которым астрономия наиболее обязана своими успехами. С благоговейной признательностью наука сохранит память о личном участии великого монарха в устройстве Обсерватории, которой сыновья любовь навеки присвоила наименование “Николаевской”. Пожелав даровать Академии обсерваторию, удовлетворяющую всем требованиям науки, император с живейшим вниманием изволил лично рассматривать проекты построек и с поразительной проницательностью выбрал из них тот, который наиболее соответствовал назначению заведения, а также указал самую удобную для него местность в окрестностях Петербурга.

⁹ Мескинно — мелочно, нищенски (Примеч. сост.).

Постройка здания, производившаяся также по личным указаниям государя, и снабжение ее самыми совершенными инструментами были щедро обставлены всем необходимым для того, чтобы это заведение заняло первостепенное место в ряду однородных с ним учреждений Европы. И когда после многократных знаков своего высокого покровительства император (26 сентября 1839 г.) посетил уже готовую и устроенную обсерваторию и осмотрел ее во всех частях, ему было еще угодно обратиться к директору со следующими словами: “Avez vous encore quelque chose à désirer pour le nouvel établissement?...” (Есть ли у Вас еще какие-нибудь пожелания относительно нового заведения?) Эти слова неотразимо чарующей силы благоволения не легли ли в основание всей жизни Пулковка — основание более прочное, чем те миллионы кирпичей, которые заложены в фундамент здания? Камни так и остаются камнями, т. е. внешними условиями и орудиями, а дух, оживляющий всякое ученое учреждение, таится в беспредельной преданности науке, питаемой убеждением, что ученые труды, чрез то внимание, которое нисходит на них с высоты престола, уравниваются с служением на других поприщах деятельности для общественной пользы. Воспоминание о монарших милостях, щедро излитых на обсерваторию при самом ее основании, свято сохраняется в Пулкове и постоянно служит живительным началом для всей ее деятельности.

Спокойно может ожидать Николаевская Главная астрономическая обсерватория приговора себе от строгости истории. Избрав преимущественным предметом для трудов своих ту часть звездной науки, для которой необходимы совершеннейшие приборы и самые точные способы наблюдений, она создала себе завидное положение в области звездной астрономии, исследующей небесные пространства за пределами нашей Солнечной системы. Пулковские основные определения небесных координат служат для всего ученого мира исходной точкой дальнейших разысканий в этой области. Обширные долгие работы и многочисленные открытия, сделанные пулковскими астрономами по части движения в звездных системах, вывели учение об этих системах из того младенческого состояния, в котором оно находилось 50 лет тому назад, и указали ему путь к дальнейшему совершенству. То, что некогда было только догадкой некоторых умов (например, В. Гершеля, В. Струве), стало теперь доказанной истиной. Вечные законы, с такой стройностью управляющие нашей Солнечной системой, Ньютоновские законы тяготения и соображения Канта и Лапласа о возникновении и образовании мировых тел сделались теперь несомненными и в отношении отдаленнейших пределов Вселенной.

Но сколь ни бесконечно небесное пространство, масштаб для его измерения мы должны искать в тесных границах обитаемой нами планеты, и на непосредственных изысканиях о ней основывать свои исследования и заключения о неизмеримо далеких краях неба. Таким образом астроном свойствами своей задачи невольно приводится к изучению фигуры Земли, и наоборот, в наблюдении звезд находит средство к точнейшему познанию земной поверхности. Геодезия и география состоят в теснейшем взаимодействии с астрономией, пополняя друг друга и служа друг другу опорой. Поэтому и деятельность Николаевской Главной обсерватории была посвящена столько же бесконечно отдаленным пространствам, сколько и близким земным расстояниям. Еще гений Петра Великого указал на географию как на главнейший предмет занятий первоначальной академической обсерватории. Но сколь ни важны были работы, исполненные по этой части в прошедшем столетии, они затмеваются поразительными по объему трудами, совершенными в России в последние два царствования.

Академия всегда с особой готовностью предпринимала и поощряла у нас геодезические и географические предприятия, ученое руководство которыми перешло в последнее время на Пулковскую обсерваторию. С гордостью может Россия смотреть на самое обширное из всех градусных измерений, исполненное ее учеными, от Дуная до Норд-Капа, — измерение, которое в отношении величины протяжения будет уступать только производимому, преимущественно русскими же геодезистами, измерению дуги параллели от Атлантического океана до Киргизских степей. Можно указать на несколько тысяч географических определений, которые еще в первые 25 лет существования

Пулковской обсерватории положили прочное основание для точной карты Европейской России. Наконец, в числе последних трудов обсерватории отметим ее участие в наблюдениях недавнего прохождения Венеры перед Солнцем. Многочисленные экспедиции, снаряженные по поводу этого явления в разные пункты Земного Шара, представляли собой разительный пример того соревнования, которое между образованнейшими нациями Европы существует в преследовании чисто ученых целей. На России в этом случае лежало исполнение ее исторического призвания; но представлявшаяся для нее задача была тем затруднительнее, что нынешнее прохождение падало на самое неблагоприятное у нас время года. По ходатайству Академии были дарованы средства для посылки русских наблюдателей в 30 пунктов, избранных на пространстве между Тихим океаном и Средиземным морем. Благодаря этой многочисленности станций и превосходству инструментов русским астрономам удалось собрать богатый материал для вывода точных заключений о расстоянии Земли от Солнца. <...>

Ни одна, может быть, наука не обрекает своих служителей в такой мере на постоянное странствие, как геология, имеющая целью восстановить историю земной коры по обломкам, которые рассеяны по всему лицу Земли как свидетели возмущавших ее переворотов. Поэтому ученое поприще нашего геолога г. Гельмерсена, начавшееся сопутствием Гумбольдту в его знаменитом путешествии по России, было затем как бы непрерывным рядом поездок от Белого моря до Каспия и от обильного янтарем прусско-курляндского берега Балтики до золотосных россыпей Урала, причем внимание академика преимущественно обращалось на исследование пластов земли, скрывающих в себе полезные минералы. История русской промышленности не забудет трудов г. Гельмерсена по отысканию и указанию легчайших путей к разработке тех минералов, железа и каменного угля, которые служат могущественным рычагом народного богатства. Не менее плодотворными в ученом отношении были поездки другого нашего геолога, Шмидта, в Прибалтийский край и в те местности Сибири, где в недрах мерзлой земли сохранились остатки мамонтов. Наконец академик Абих поставил задачей всей своей жизни изучение геологии перешейка, отделяющего Каспийское море от Черного. Отправившись туда по поручению Академии лишь на некоторое время, г. Абих, этот новый Прометей, остался надолго прикованным к скалам Кавказа, томимый жаждой изведать в подробности чудную и своеобразную природу этой страны».

См.: *Веселовский К. С.* О развитии деятельности Академии в последнее пятидесятилетие. Речь неперменного секретаря, читанная в торжественном собрании Академии, 29 декабря 1876 г. // Торжественное собрание Императорской Академии наук 29 декабря 1876 года... С. 13–25.

^[4] Награждение все же состоялось; возможно, не в той мере, как этого хотелось бы бухгалтеру. См.: СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т. 33). Д. 75 : О наградах по Академии за 1876 г.

**Высочайший рескрипт Александра III,
«данный на имя академика, тайного советника Грота»**

6 сентября 1882 г.

Яков Карлович! Сегодня исполнилось 50 лет вашей служебной деятельности, посвященной всецело литературе, науке и преподаванию. Исполняя в течение многих лет обязанности профессора в Гельсингфорском университете, а затем и в Александровском лицее, вы своим постоянством в труде, даром изложения и душевными качествами имели благотворное влияние на учащиеся поколения. Впоследствии вы были призваны преподавать русский язык и словесность в Бозе почившему цесаревичу Николаю Александровичу и мне; неусыпным усердием к делу вы заслужили признательность незабвенных наших родителей. Труды ваши по званию члена Академии наук и Русского исторического общества справедливо оценены по их ученому

достоинству и отличаются сверх других качеств беспристрастием и глубоко нравственным чувством. Мне особенно приятно в столь знаменательный для вас день выразить вам сердечную признательность и пожелать, чтобы силы ваши надолго сохранились для пользы отечественной науки.

Пребываю к вам навсегда благосклонный
и искренно уважающий вас
Александр

СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Д. 8. Л. 4–5. Подлинник.
Рукопись. Подпись-автограф Александра III.

**Речь академика М. И. Сухомлинова в день 50-летия
научной и литературной деятельности академика Я. К. Грота**

6 сентября 1882 г.

Глубокоуважаемый Яков Карлович!

Сочлены Ваши по Второму отделению Академии наук приветствуют вас братским приветом с пройденным вами поприщем, ознаменованным такими важными, такими драгоценными вкладами в русскую науку и литературу. Многие годы Вашего безупречного прошлого посвящены Академии наук, с которой вы сжились и которую, по крайней мере, для нашего поколения, нельзя себе и представить без Вас. Имя Ваше пользуется громкой известностью в ученом мире России. Вашим трудам и заслугам отдавалась должная справедливость именно тогда, когда всего живее выступает потребность почтить заслуги наиболее выдающихся деятелей науки и просвещения. С.-Петербургский университет, празднуя пятидесятилетие своего существования, возвел вас в степень доктора русской словесности, на основании того параграфа устава, по которому возводятся в степень доктора знаменитые ученые^[1]. Московский университет избрал Вас почетным членом при чествовании памяти великого русского поэта девятнадцатого столетия^[2].

Нам, членам Второго отделения, излишне было бы входить в оценку изумительно многочисленных и разнообразных трудов Ваших. Мы постоянно пользуемся ими в наших работах, а потому и нет надобности повторять словами то, что доказывается и подтверждается самим делом. Близкое же знакомство с Вашим благородным образом мыслей и действий налагает на нас обязанность упомянуть о той стороне Вашей деятельности, которая вполне известна только сочленам вашим по Академии наук.

Как в летописи научных трудов и предприятий Академии, так и в летописях академической жизни имя Ваше сохранится навсегда с подобающим ему значением. Право на это Вы приобрели отзывами и заявлениями своими по вопросам академической жизни. Все заявления ваши проникнуты уважением к закону и законности и самой горячей заботливостью о чести и достоинстве Академии. Для достижения существенной цели, с которой учреждена Академия наук, Вы находите необходимым, чтобы академиком не устранили от участия в академических делах и чтобы все вопросы касательно Академии и ее устава, восходящие на решение высшей правительственной власти, предварительно рассматривались в Общем собрании Академии, а не в академической канцелярии, как это бывало в давно минувшие времена Шумахеров и Таубертов. Вы считаете обязанностью русского академика содействовать вступлению в Академию достойных русских ученых и с благородной ревностью заботитесь

о том, чтобы удерживать в Академии тех из русских ученых, которые решаются преждевременно покинуть ее к ущербу и для Академии, и для науки. Суть ваших действий и стремлений можно выразить таким образом: «Академия есть Академия **наук** и существует в **России** и для **России**».

Руководясь этим началом, Вы остаетесь верны и основной мысли Петра Великого, учредившего Академию наук, и лучшим преданиям Академии, связанным с именами Эйлера, Бэра и других светил европейской науки; вместе с тем Вы стоите на твердой почве закона, как это блистательно доказывается достопамятным постановлением Государственного совета, состоявшимся несколько месяцев тому назад.

Гениальный Эйлер, и будучи вне пределов России, предлагал в академики природных русских ученых и считал несправедливостью предпочитать им иностранцев. Знаменитый Бэр и говорил, и писал, что Академия должна иметь в виду, что она находится в России, а не за границей — в Петербурге, а не в Палермо или в Париже.

Государственный совет недавним своим постановлением уничтожил те преграды, которые могли бы возникнуть для вступления русских ученых в Академию. При этом Академия впервые названа дорогим для нее именем, которым она называлась когда-то и которое давным-давно исчезло. Государственный совет называет Академию «русской академией наук» и находит, что «весьма желательно, чтобы доступ в Академию для русских, подвизающихся на ученом поприще, не был ограничен, но, напротив того, подвергся некоторому расширению. Необходимость сего очевидна. В течение прошедших с издания последнего академического устава пятидесяти лет, ознаменовавшихся вообще большими успехами просвещения в нашем отечестве, наука приобрела себе в нем значительное число преданных и талантливых тружеников. Между ними нередко встречаются имена, пользующиеся европейской известностью. Несомненно, что этой национальной нашей силе, более чем кому-либо другому, приличествует место в российской Академии наук»^[3].

Честь и слава русским ученым, потрудившимся для науки и для России в истекшее пятидесятилетие! В ряду этих незабвенных тружеников науки вам принадлежит одно из самых видных мест. Трудом своим Вы проложили путь для последующих поколений русских ученых, соединенных с Вами внутренней, живой связью.

Вы — утром вышли на работу,

Они — в одиннадцатый час^[4].

Мудрый Хозяин вертограда, распределяющий часы работ и жизни человеческой, да сохранит вас для новых трудов на избранном вами поприще. Дай Бог, чтобы Ваши труд и заслуги, Ваши взгляды и мнения встречали всегда и всюду то искреннее, непритворное сочувствие и то безграничное доверие, которым Вы пользовались и пользуетесь в среде ближайших Ваших товарищей — бывших и настоящих членов Второго отделения Академии наук.

*СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Д. 8. Л. 15–16 об. Автограф М. И. Сухомлинова.
Опубл. с купюрами: Сб. ОРЯС Имп. Академии наук. 1883. Т. 32, № 3. С. 40–43.*

^[1] 8 февраля 1869 г. Я. К. Грот был удостоен степени доктора русской словесности.

^[2] Я. К. Грот был избран почетным членом Московского университета в 1880 г., в том же году в Москве был открыт памятник А. С. Пушкину работы А. М. Опекушина (6 июня 1880 г.). Мысль о сооружении памятника Пушкину на народные пожертвования возникла в 1861 г. во время празднования 50-летнего юбилея Царскосельского лицея. Тогда же была объявлена всенародная подписка, и через 20 лет в Москве появился знаменитый памятник. Всеми делами, в том числе и финансовыми, ведал особый комитет под председательством питомца Царскосельского лицея академика Я. К. Грота.

[3] См.: ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 2 (1882). СПб., 1886. № 798. С. 159–160.

[4] Строки из стихотворения П. А. Вяземского «Слово примирения». Двустипшие отсылает нас к притче о виноградаре (Мф. 20:1–16), где сказано: «Ибо много званых, но мало избранных».

Речь академика Я. К. Грота на собрании ОРЯС с выражением благодарности членам ОРЯС за поздравления по случаю 50-летия его ученой и литературной деятельности

9 сентября 1882 г.

<...> Считаю для себя особенным счастьем, что ближайшие мои сотоварищи, непосредственные свидетели моего образа действий в академической сфере, так верно поняли начала, которым я более 25 лет неуклонно следовал в своих отношениях к академии вообще и к нашему отделению в частности.

Действовать открыто и прямо, чуждаться всякой интриги, вести дела коллегиально, законно и беспристрастно, уважать свободу мнений и слова, идти навстречу всякому добросовестному труду, всякому справедливому желанию, наконец, энергично охранять честь учреждения, которому великий его основатель завещал высокую цель служить науке на пользу России и русского народа, — таковы были правила, которые я всегда считал обязательными для каждого честного академика, помня при том святое апостольское слово: «плод правды сеется в мире». Вместе с тем я, однако ж, сознавал, что стремление к миру должно иметь свои пределы, что в делах общественных правда не может быть приносима в жертву миру и что когда предстоит выбор между ними, то предпочтение должно быть без колебания отдаваемо правде.

Знаю, что такой образ мыслей и действий нравится не всем, что часто выгоднее было бы идти путем противоположным. Но ваше гласное одобрение, многоуважаемые товарищи, придает мне новые силы для продолжения моей академической деятельности в том же духе. Горжусь тем, что к ней отнеслось сочувственно и русское общество, все, что в нем есть доброго, честного и благородного <...> [1].

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1882. Д. 174. Л. 36–37. Подлинник. Рукопись.
Опубл.: Извлечения из протоколов Имп. Академии наук. Заседания ОРЯС:
сентябрь 1882 — январь 1883 // Сб. ОРЯС. 1883. Т. 31. С. I–II.

[1] Далее в протоколе собрания указано, что «по выслушании этой записки заявлено желание, чтобы описание юбилея академика Грота было напечатано как в сборнике, так и отдельно брошюрой». Но тогда отдельная брошюра с описанием празднования юбилея Я. К. Грота так и не вышла. В 1913 г. был издан сборник статей и речей, посвященных 100-летию академика Грота. См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1882. Д. 174. Л. 37; Сб. ОРЯС. 1883. Т. 31. С. I–II; Памяти академика Якова Карловича Грота: Торжественное чествование 100-летней годовщины его рождения Императорской Академией наук 16 декабря 1912 г. СПб., 1913.

Борис Андреевич
ДОРН

Johann Albrecht Bernhard Dorn
(1805–1881)

В 1825 г. Бернгард Дорн получил докторскую степень в Лейпцигском университете, который давно считался одним из центров востоковедения в Европе, в 1829 г. — занял кафедру восточных языков в молодом Харьковском университете, привнес в него традиции своей альма-матер. В 1835 г. уже как профессор Борис Андреевич Дорн (так его стали называть в России) перешел на службу в Учебное отделение Азиатского департамента Министерства иностранных дел, занимался здесь историей, географией и нумизматикой Востока.

В Петербурге началась и академическая карьера Б. А. Дорна: в 1835 г. он был избран членом-корреспондентом, в 1839 г. — адъюнктом по восточному разряду, в 1842 г. — экстраординарным и через десять лет — ординарным академиком.

В истории Академии наук имя Б. А. Дорна тесно связано с историей ее Азиатского музея, о котором он заботился без малого сорок лет как директор и фанатично преданный своей науке ученый (1842–1881). Именно Б. А. Дорну музей обязан пополнением и четкой каталогизацией нумизматических, рукописных и книжных собраний, на чьи редкости с «вожделенной завистью взирали» специалисты.

Работу с коллекциями Б. А. Дорн предварил написанием истории их собирания, посвятив этот труд своему предшественнику — создателю Азиатского музея академику Х. Д. Френу, желая тем самым выразить должное уважение коллеге и показать преемственность в работе.

**Из исторического очерка об Азиатском музее
Академии наук, составленного его директором Б. А. Дорном**

1846 г.

Азиатский музей Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге.

Директор [Азиатского музея], доктор Бернгард Дорн, статский советник, академик, кавалер орденов Святой Анны и Святого Станислава 2-й степени, библиотекарь Императорской публичной библиотеки и член нескольких научных обществ.

Санкт-Петербург. Издательство Императорской Академии наук.

Его превосходительству, господину Христиану Мартину фон Френу, действительному статскому советнику и кавалеру орденов Св. Станислава 1-й ст., Св. Владимира 3-й ст., Св. Анны 2-й ст. в бриллиантах; доктору теологии и философии, действительному члену Императорской Академии наук; почетному библиотекарю Императорской публичной библиотеки; почетному члену Императорского Казанского университета, члену Московского общества испытателей природы, Императорского минералогического общества в Санкт-Петербурге, Курляндского общества литературы и искусства в Митаве, Одесского общества истории и древностей, Азиатского общества Бенгалии в Калькутте, Археологического общества в Мадриде, Азиатского общества в Париже и Американского этнологического общества в Нью-Йорке; иностранному члену Датского Королевского общества наук и Копенгагенского общества северных древностей (Русское отделение), королевских научных обществ в Упсале, Лиссабоне и Гёттингене, Королевской Академии изящных искусств, истории и древностей в Стокгольме, Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии в Лондоне, Нумизматического общества там же; члену-корреспонденту Королевской Академии надписей и изящной словесности в Париже, Азиатского общества там же, Королевской Прусской академии наук в Берлине, Королевской Академии истории в Мадриде и Королевской Туринской академии наук автор посвящает эту работу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот труд был написан благодаря Историко-филологическому отделению Императорской Академии наук, выступившему его заказчиком^{1 [1]}. Он призван дать ученому сообществу представление о современном состоянии Музея, процветание которого было бы невозможно без деятельного участия и вклада Его превосходительства, господина президента Академии и министра народного просвещения С. С. Уварова в востоковедение как науку. Академия может по праву гордиться этим прекрасным памятником.

Для меня, посвятившего свою жизнь азиатской науке, исполнение данной миссии, столь же почетной, сколь и своевременной, было делом приятным во многих отношениях. Все предметы этой научной сокровищницы заслуживали моего пристального внимания, и необходимость подвергать каждый тщательному изучению и оценке лишь пополняла копилку ценных толкований, которые множились сами собой.

¹ См. Приложение № 137 а. С. 658 (*Примеч. документа*). Все подстрочные примечания являются примечаниями документа, за исключением заключенных в круглые скобки русских переводов, и далее специально оговариваться не будут.

С другой стороны, не скрою, мне пришлось столкнуться с трудностями; подражать рациональной лаконичности отчетов Френа, которые я принял за образец, непросто, и едва ли возможно достичь ее; время на сбор и систематизацию весьма разрозненных сведений и свидетельств о создании и постепенном становлении Музея, а также публикацию самой работы, превысило все предварительные расчеты. Взявшись за этот труд в конце 1842 г., я не предполагал, что до того момента, когда он увидит свет, пройдет более трех лет.

В мои намерения не входило дать подробнейшее описание всех хранящихся в музее сокровищ. Это колоссальный по своему объему труд, который потребовал бы многих лет и превысил бы возможности одного исследователя. Ни один автор, даже обладающий самыми обширными познаниями, не взялся бы с одинаково исчерпывающей скрупулезностью трактовать и описывать мусульманский, китайский, грузинский, армянский и прочие разделы. Кроме того, отдельные коллекции были уже описаны специалистами, так, например, мусульманский минц-кабинет до 1826 г. — полностью^[2], до новейшего времени — частично, некоторые мусульманские древности, а также большинство грузинских рукописей. В ближайшем будущем будут обработаны и остальные коллекции.

Я поставил перед собой задачу дать полное описание монет Парса, сочинений третьего отдела Музея и мусульманских рукописей; каталог монгольских и тибетских рукописей, предтечей которого, пожалуй, можно считать именной указатель Ганджура, был составлен прошлым летом господами академиками Я. И. Шмидтом и О. Н. Бётлингком и в ближайшее время готовится к изданию^[3]. Ранее такого же внимания удостоились китайские сокровища, и как представитель Китаеведения в Академии наук в недавнем прошлом он [Я. И. Шмидт] не преминет представить общественности собственный взгляд на имеющиеся труды с изменениями и необходимыми комментариями. Благодаря подробному каталогу санскритских рукописей, составленному господином академиком Бётлингком, и его точному указателю хранящейся в музее «Индики» (см. Приложение № 153)^[4] отпала необходимость в намеченном ранее переиздании работ по этому предмету, упомянутых на с. 113–114, и увеличилось число санскритских текстов (80).

Несмотря на то, что настоящая работа представляет собой лишь обзор имеющихся коллекций, были приложены все усилия, чтобы сделать его максимально полным. Для этого в качестве пояснительных источников были добросовестно привлечены не только все известные мне печатные и рукописные протоколы Конференции Академии, важнейшие сведения из музейного архива, но и личные свидетельства Френа, как письменные, так и почерпнутые из наших бесед. Книга написана при живейшем участии Френа, который никогда не отказывался прояснить тот или иной сомнительный момент: его замечания лежат в основе сведений относительно большинства музейных приобретений. Многие из них увидят свет впервые и лучше всего объяснят происхождение хранимых Музеем ценностей, а также послужат доказательством той бескорыстной преданности, с которой Френ более 25 лет служил, заботясь о благополучии музея^[5]. Было бы непроситительно упустить возможность познакомить общественность с таким содержательным материалом. Там, где это уместно, приводятся записки, отчеты Х. Д. Френа, Я. И. Шмидта, М. И. Броссе, вплоть до 1844 г., даже если эти сведения о Музее публиковались где-либо ранее, безусловно, за исключением крупных самостоятельных трудов, незначительных заметок и упомянутых выше указателей к санскритским рукописям; лишь ссылок на эти работы недостаточно; не у каждого обладателя этой книги будет под рукой «Записки» Академии, «Санкт-Петербургские

ведомости» и пр. Изменений и исправлений в приводимых отчетах автор не делал и считает это резонным. Это еще одно обстоятельство в пользу их последующего переиздания.

В качестве вспомогательных материалов, которые, помимо основных фондов Музея, использовались при составлении данного обзора или в которых содержится дополнительная информация о Музее, приведу следующие:

— *Musei Imperialis Petropolitani vol. II. Pars prima qua continentur res artificiales.* 1741. 8°

— *Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg par Jean Bacmeister.* 1776. 8°

— *Versuch über die Bibliothek und das Naturalien- und Kunst-Kabinet der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg.* Aus dem Französischen des Herrn Biblioth. Joh. Bacmeister. St. Petersburg. 1777. 8°

— *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae a. 1726–1746; Novi Commentarii Acad. etc. a. 1747–1775; Acta Academiae Sc. Imp. Petr. a. 1777–1782; Nova Acta a. 1783–1802.* 4°

— Рукописи протоколов Конференции Академии, начиная с 1800 г.

— Доклады Френа Конференции Академии, начиная с 1818 г. (рукописи)

— (Предварительный отчет о значительном поступлении арабских, персидских и тюркских рукописей, пополнивших Азиатский музей Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге в текущем году с комментариями о его создании и о некоторых ценных предметах коллекции. Санкт-Петербург. 1819. 8°). (Приложение № 8)

— Френ. Мусульманский минц-кабинет Азиатского музея Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. Второй предварительный отчет директора Азиатского музея Х. Д. Френа. Санкт-Петербург. 1821. 8°

— *Recensio numerorum Muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae inter prima Academiae Imp. Saecularia edita.* Petropoli MDCCCXXVI. 4°

— Отчеты для представления Конференции Академии наук

— Личные документы, имеющие отношение к музею

Архив Музея:

Отчеты гг. академиков Шмидта, Броссе и Шёгрена, частично изданные в «Санкт-Петербургских ведомостях» или в “Bulletin” Академии.

Recueil des Actes des séances publiques de l'Académie Imp. des Sciences de St. Pétersburg, depuis 1826–1844. 4° (Сборник актов публичных заседаний Императорской Санкт-Петербургской академии наук, с 1826 по 1844 г. 4°).

Bulletin scientifique publié par l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersburg. T. I–X. St. Pétersb. 1836–1842. 4°.

Bulletin de la classe historico-philologique. T. I. II. St. Pet. 1844. 4.

Энциклопедический лексикон. Т. 1. СПб., 1835. С. 284: Азиатский музеум Императорской Санктпетербургской академии наук (Я. И. Шмидт).

Précis du Système, des progres et de l'état de l'instruction publique en Russie. Rédigé d'après des documens officiels par Alex. de Krusenstern. Varsovie, 1837. 8°. S. 150.

В начале исторического обзора уделено внимание и приобретениям, переданным позднее в Этнографический кабинет; их изъятие из коллекции Азиатского музея закономерно^[6]. Однако некоторые другие предметы научного интереса, например два экземпляра «Истории» Абулгази, скорее всего были похищены до 1818 года (сейчас в коллекции музея отсутствуют).

При написании этой книги я старался придерживаться единообразия; тем не менее мною было допущено несколько незначительных отклонений от этого принципа. *Grusinisch* и *Georgisch* согласно местным правилам словоупотребления следует воспринимать здесь как полностью идентичные понятия; разночтения в именах собственных, такие, например, как Ли(ы)сенков и Ли(ы)сенко и др., отражают различные варианты написания, которые обнаружили в моих бумагах. Такие случаи ни в коей мере не являются частыми или существенными. При правописании азиатских и, в частности, мусульманских имен я руководствовался своим собственным видением — при этом существующее единообразие, как я неоднократно замечал, нарушается, поскольку точно воспроизвести аутентичное произношение не представляется возможным. При общении с персами я использую *Firdausy* и *Chosrau*, *Firdewsy* и *Chosrew*^[7] оставляю для турок и татар, так, как принято в их традиции. Некоторые разночтения обнаруживаются и в отчетах Френа, однако длительный период в двадцать восемь лет, который они охватывают, служит достаточным оправданием этого.

Итак, книга эта выходит в свет, чтобы в неполной мере осветить происходящее в стенах Академии наук в области сохранения и развития востоковедческой науки. Надеюсь, мне посчастливится передать коллекции Музея своему последователю в целостности и сохранности, и даже с пополнением, как я имел удовольствие принять их. Традиция будет продолжена, если мой преемник представит обзор, по своей содер­жательности не уступающий тому, что Вы держите в руках.

Санкт-Петербург, 15/27 февраля 1846 года.

Б[ернгард] Д[орн].

* * *

Азиатский музей Императорской Академии наук существует в этом качестве с 1818 года. Хотя большая часть его фондов была собрана и сохранена Академией задолго до этого времени, они размещались в разных местах, в частности в так называемой Кунсткамере — Кабинете редкостей и натуралий, в академической Библиотеке, в Архиве Академии и т. д. Уже в самом начале своего существования, когда специалистам представилась возможность упорядочить ее содержимое, коллекция благодаря своему богатству и разнообразию оказалась столь значительной, что, пожалуй, могла поспорить с аналогичными заграничными собраниями.

Уже невозможно проследить, когда, откуда и каким образом каждый отдельный предмет попал в академические коллекции; но несомненно, что это было время царствования Петра Великого (а именно так следует характеризовать этот период), когда в том числе ростки древа азиатской науки, процветавшего и многие годы спустя, прекрасно прижились на благодатной земле русской, где были заложены основы различных академических коллекций². Всеобъемлющий ум Петра I был полон осознания высокой ценности и важности науки. Под грохот пушек, отгонявший врагов империи, мирные музы были приглашены переселиться на берега Невы.

Петр Великий повелел основать Академию наук³ и с этой целью сосредоточился на приобретении предметов различного рода, представлявших научный интерес. Таким образом по распоряжению Петра был приобретен и определен на хранение в Императорскую библиотеку ряд тангутских и монгольских рукописей, которые были

---

² Vasmeister, Versuch. С. 28, 85.

³ Академия, как известно, была открыта преемницей Петра, императрицей Екатериной I в 1725 г.

найлены в 1720 г. в монастыре Аблай-хит, основанном тайши Аблаем на р. Иртыш в Сибири и позднее разрушенном его братом⁴ [8]. Эта коллекция положила начало многочисленным буддийским экспонатам, которые сегодня являются бесспорным украшением музея. Царь не стал довольствоваться радостью от единоличного владения научным богатством. Он пожелал сообщить о нем другим и получить больше знаний. В 1722 г. он поручил своему библиотекарю Шумахеру предъявить на суд Парижской академии и новую карту Каспийского моря, и несколько свитков из тангутских рукописей, последние для уточнения их содержания. О том, какую сложность представляло собой решение этой задачи в то время, когда о монгольском и тибетском языках едва слышали, живо свидетельствует письмо аббата Биньона, адресованное императору, так что даже оба известных представителя семейства Фурмон при всей своей учености не способны были дать разъяснения относительно загадочных рукописей⁵ [9].

Забота императора о сохранении руин города Булгара, его указы от 1722 года казанскому губернатору о снятии копий с еще сохранившихся там татарских и армянских надписей⁶, его более ранние указы 1720–1721 гг. губернатору Сибири — скупать все золото, которое найдется в тамошних могильных курганах, а также другие редкие и необычные предметы для основанного им Кабинета редкостей и натуральной истории⁷, и по крайней мере отправка Мессершмидта в Сибирь для проведения научных исследований в тех краях⁸, что были еще так мало известны в то время, — это не только свидетельствует о живом интересе, который император проявлял в области науки, но и могло послужить на пользу другим, пробуждая в них то же научное любопытство, которое тогда было не слишком распространено.

Можно предположить, что примерно в это же самое время возник и первый интерес к собиранию китайских рукописей. Резидент русского двора Ланг, отправленный в Пекин при правлении Петра, прислал в 1730 г. ряд китайских и прочих свитков, которые были переданы в Библиотеку Академии⁹ [10]. Еще Френ допускал, что возникновение азиатского минц-кабинета относится к петровскому времени, и наглядно демонстрировал это, приводя тот факт, что поступление монет персидских шахов, которые он обнаружил в Академии в 1817 г., прекратилось как раз со смертью Петра Великого¹⁰.

⁴ См. De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis commentatio Ger. Fr. Mülleri, in Commentar. Acad. Imp. Petr. T. X. Petrop. 1747. С. 420; Bacmeister, Versuch. С. 69, 70; Krusenstern, Précis etc. С. 151.

⁵ Bacmeister, Versuch. С. 70; Essai, С. 49. Cp.: Abel-Rémusat, Nouveaux Mélanges Asiatiques. Ч. II. С. 295; Klaproth, die Ehrenrettung Stephan Fourmonts, in Fundgruben des Orients. 1813. Т. III. С. 41.

⁶ Fraehn, Zweiter vorläufiger Bericht. С. 7.

⁷ Bacmeister, Versuch. С. 89.

⁸ Bacmeister, Versuch. С. 93. См. Commentar., Acad. Sc. Petr. III. 1732. С. 389, где читаем: “postquam Daniel Messerschmidius Gedanensis, Medicinae Doctor, A. C. MDCCXXVII ex Sibiria rediit Petropolin, ut a Petro Magno eas in regiones missus fuerat, ad naturae artisque secreta peruestiganda, ita singulari diligentia conquisita et observata multa Academiae Imperatoriae tradidit” (Вернувшись в 1727 г. в Петербург из Сибири, данцигский уроженец доктор медицины Даниэль Мессершмидт передал Императорской Академии многое из того, что там исследовал и наблюдал, как отправленный Петром Великим в эти края для постижения тайн природы и искусства, так и по собственному почину (*лат.*)).

⁹ Bacmeister, Versuch. С. 75.

¹⁰ Fraehn, Zweiter vorläufiger Bericht. С. 7; Recensio. С. V–VI.

Расчет был таков, что, учитывая многочисленные связи и контакты, которые Россия имела и планировала иметь с Азией, молодой кабинет не останется без новых и ценных поступлений. В действительности так и получилось еще в 1724 г., когда Буксбаум, сопровождавший графа Румянцева в качестве врача при посольстве в Константинополь и затем вернувшийся через Дербент, привез с собой различные восточные редкости¹¹. К сожалению, отсутствие письменных доказательств препятствует дальнейшему установлению этого факта.

Вскоре после этого по указу императрицы Екатерины I Кабинет украсили, как пишет Бакмейстер, «много китайских и татарских диковин»¹².

В 1726 г. коллекция Кабинета пополнилась замечательными восточными предметами из собрания лейб-медика Арескина¹³. Они были обнаружены, скорее всего, не только среди золотой и серебряной утвари, найденной при раскопках близ Астрахани, но и среди 250 предметов из самородного золота, которые происходят из сибирских «татарских» могильников и были переданы в Кабинет в том же году¹⁴.

Нам не известна опись коллекции раритетов, которую Мессершмидт имел возможность составить во время своего восьмилетнего пребывания в Сибири и которая также была отправлена в Кабинет в 1727 году¹⁵. Но прямо упоминается, что среди предметов есть и относящиеся к Азии¹⁶.

В частности, коллекция монет была пополнена в 1728 году за счет более чем 1000 экземпляров старинных русских и татарских (?) монет¹⁷; музея военачальника Брюса, приобретенного в 1736 г.; кроме того, редкости, собранные Миллером и Гмелиным на территориях, населенных азиатскими народами, и присланные из Сибири в 1741 г., также как нельзя лучше подошли для значительного обогащения Кабинета¹⁸.

Между тем научные приобретения Академии аккуратно систематизировались и вносились в каталоги. Было решено опубликовать их обзор в печати и сообщить о различных научных сокровищах первого академического учреждения империи. Описание минц-кабинета и других предметов старины и раритетов было поручено доктору Крузиусу¹⁹. Поскольку сам он не был экспертом по азиатским монетам, он удовлетворился тем, что перепечатал список мусульманских монет, подготовленный, возможно, Кером^[11]. Он вышел в 1745 году и является частью *Musei Imperialis Petropolitani vol. II. pars prima*. Сжатый до одного с четвертью листа, он совершенно не

¹¹ Вacmeister, Versuch. С. 90.

¹² Там же. С. 91–93.

¹³ Там же. С. 91.

¹⁴ Там же. С. 92.

¹⁵ Там же. С. 93.

¹⁶ Comment. Acad. Sc. Petr. III. 1732. С. 393: Exstant in Museo Imperatorio apud Academiam vexilla sepulcrorum seu epitaphia e Dauria aduecta a Messerschmidio, inscripta modo his Brahmanicis litteris, modo Tangutanis etc. (В Императорском Музее при Академии имеются эпитафии, или надгробные флаги, из Даурии, привезенные Мессершмидтом, образцы письма брахми и тангутского письма и т. д. (лат.)).

¹⁷ Вacmeister, Versuch. С. 94.

¹⁸ Там же. С. 98. 99. Вероятно, некоторые восточные редкости азиатского, в особенности этнографического, Кабинета происходят из коллекции, купленной в 1716 г. у аптекаря Себы в Амстердаме, которую он имел возможность составить в обеих Индиях. По крайней мере, по мнению Бакмейстера, она содержала: un recueil de plusieurs pièces artificielles et curieuses (собрание некоторых искусных и любопытных вещей (фр.)). Вacmeister, Essai. С. 149–151, 158.

¹⁹ Там же. С. 99; Вacmeister, Essai. С. 169.

годились для того, чтобы дать четкое представление о ценности и важности 8000 азиатских монет Академии²⁰. Из описания, перепечатанного в Приложении № 1 из упомянутой выше работы, становится понятно, что коллекцию Кунсткамеры с точки зрения наполненности азиатскими предметами можно характеризовать как небогатую.

В 1747 г. Академию постиг трагический случай. Пожар, возникший в одном из ее зданий, грозил научным сокровищам неминуемой гибелью. Тем не менее большую часть последних удалось спасти и вырвать из пасти всепожирающего огня. И хотя подробнее описать утраченное не представляется возможным, но, если говорить о Библиотеке, потери покажутся незначительными²¹, и пережить их стало легче, когда со всех сторон наметилось живое содействие новым поступлениям. Первым таким вкладом стала коллекция старинных золотых, серебряных и медных предметов из сибирских могильников, переданная Академии статским советником Миллером²².

В 1754 г. минц-кабинет пополнился значительным количеством предметов китайской и татарской культур, часть из которых принадлежала наследникам скончавшегося в Иркутске вице-губернатора Ланга, а другая часть по поручению Академии была привезена из Пекина лекарем Елачичем^{23 [12]}.

Коллекция Кабинета немало приросла произведениями азиатского искусства, благодаря усилиям академиков Палласа, Гмелина, Лепёхина, Гюльденштедта и Фалька, путешествовавших по Российской империи в различных направлениях между 1769 и 1774 гг., другое ценное приобретение — превосходное собрание редкостей с Курильских островов²⁴ — относится к 1775 г.

Таким образом, к 1776 г., то есть к моменту написания Бакмейстером его вышеозначенного труда, Академия уже была обладательницей ценного и достаточно полного собрания азиатских предметов. Библиотека, конечно, не могла похвастаться разнообразием печатных экземпляров азиатской литературы, тем не менее это обстоятельство вполне объяснимо реалиями того времени. Азиатская наука не имела своего представителя в Академии; она вообще еще не была предметом особого или всеобщего внимания; так кто мог взять на себя заботы об азиатской библиотеке? И все же нельзя сказать, что совсем не было никаких произведений: было несколько книг на древнееврейском, Кораны Хинкельмана^[13] и Мараччи^[14], история Мовсеса Хоренаци^[15], «Джиханнума» Хаджи Халифы^[16]; среди рукописей: «История возвышения и упадка [Османского двора]» [“Historia incrementorum atque decrementorum Aulae Ottomanicae”] Кантемира^[17], «Бабур-наме» Кера^[18] и некоторые мусульманские рукописи; среди последних — два экземпляра важной истории тюрок Абулгази, которые давно исчезли из Музея и, вероятно, обнаружатся в зарубежных библиотеках^[19]. Мы уже упоминали о тангутских, монгольских и китайских рукописях. Последние составляют 2800 томов; 28 из них были приобретены Лангом в 1730 г., а последующие — при посредничестве иезуитов в Пекине. Составителями каталога явились гг. Россохин и Леонтьев²⁵. В коллекции хранились индийские

²⁰ См. Fraehn, Zweiter vorläufiger Bericht. С. 10. — См. Приложение № 1.

²¹ Bacmeister, Essai. С. 56.

²² Bacmeister, Versuch. С. 102.

²³ Там же. С. 103.

²⁴ Bacmeister, Essai. С. 179.

²⁵ Об этом каталоге ученый мир узнал в 1794 г. в немецком переводе: “Ueber die bei der hiesigen akademischen Bibliothek angesammelten Bücher in sinesischer, mandschuischer, mongolischer und japanischer Sprache“ («О находящихся в здешней академической Библиотеке книгах на китайском, маньчжурском, монгольском и японском языках») // Busse’s Journal für Russland, Th. II. С. 128–134, 216–221, 277–280.

и татарские мечи, турецкие военные трофеи, серебряный ключ от ворот, который был преподнесен императору Петру I при въезде в Дербент в 1722 г., богатое собрание образцов одежды азиатских народов, например киргизов, бурят, тунгусов, татар, монголов и др., а также 80 монгольских божков, привезенных академиком Палласом²⁶. В минц-кабинете насчитывалось более 8000 арабских и татарских (т. е. мусульманских) монет, а сверх того 10 рупий со знаками зодиака, приобретенных за 1000 рублей, китайские, японские и прочие монеты с татарскими и русскими надписями.

Переводчик И. Иериг в 1781–1792 гг. неоднократно присылал описания различных предметов буддийского культа, свидетельства о языке и письменности монгольских народностей и об иных особенностях²⁷, присущих Азии, а в 1783 г. служащий Коллегии иностранных дел Леонтьев передал в дар академической Библиотеке два китайских произведения²⁸; в 1784 г. по распоряжению директора Академии Е. Р. Дашковой были переданы на хранение несколько рукописных тетрадей на разных восточных языках, полученных ею от генерал-поручика Суворова²⁹. Тем же путем в Музее появились высочайшие дары: в 1785 г. 12 серебряных мусульманских монет с сопроводительной запиской Палласа³⁰; а также 78 прочих аналогичных монет, которые были присланы генерал-поручиком князем Мещерским из Казани³¹; в 1786 г. поступила пара золотых серег, найденных в Булгаре³².

Столь же значительными были доказательства благоволения императрицы в виде коллекций, переданных ею Академии в 1791 и 1795 гг. Первую составляли 22 предмета японского происхождения, среди которых 10 рукописей, 2 чернильницы, маленький колокольчик и пять различных видов золотых, серебряных и медных монет, сопровождаемых каталогом³³; в прошлом году аналогичная коллекция японских диковин, которую шведский врач, д-р Бутцер, находившийся некоторое время в Японии, преподнес императрице³⁴ [20]. Среди прочего там были золотые, серебряные и медные японские монеты, японская живопись и карты, планы городов и японских храмов, переводы на японский, сделанные с опорой на переложения разных европейских работ на голландском языке, таких как, к примеру, анатомические таблицы Кульмуса^[21], хирургия Гейстера^[22], трактат о детских болезнях Розенштейна^[23] и др.

Весьма ценными приобретениями Академия обязана и просвещенному монарху, во времена правления которого Азиатский музей был основан как особый отдел Кунсткамеры. Поскольку о приобретениях с момента основания будет еще упомянуто особым образом, здесь позволю себе остановиться лишь на высочайших подарках императора Александра, среди которых предметы китайского и японского костюма (1803)³⁵, коллекция японского оружия, шлемов, луков, стрел и сабель и т. д. (1810)³⁶.

²⁶ Essai. С. 84–87, 120–135.

²⁷ Comment. Ac. pro a. 1782. S. 92; 1783. S. 31–35, 36, 47; 1784. S. 22; 1792. Т. X. S. 9, 21.

²⁸ Nov. Act. I. S. 54.

²⁹ Nov. Act. II. S. 21.

³⁰ Там же. 1785. III. С. 25; Fraehn, Bullet. scient. IX. С. 323; См.: Приложение № 2.

³¹ Nov. Act. III. С. 37.

³² Там же. IV. С. 12.

³³ Там же. IX. С. 37.

³⁴ Там же. XIII. С. 24.

³⁵ Mémoires de l'Acad. Т. I. С. 91; Protoc. d. akad. Conferenz 1803. § 34.

³⁶ Mémoires. Т. III. S. 40; Protoc. 1810. §§ 426, 430.

Были и другие дары, например от г-на Лаксмана в 1794 г. — несколько курильских, алеутских и японских диковин, которые его сын привез из Японии³⁷ [24]; малайская рукопись исторического содержания³⁸, доставленная академиком Шубертом в 1802 г.; серебряная монета халифа Эр-Рады-биллях 326 года = 937,8 из Багдада, найденная в Везьегонском уезде Тверской губернии при раскопках железного рудника³⁹ и поступившая от г-на Ивана Верещагина в 1805 г.; в том же году получено девять татарских монет от казанского профессора Яковкина⁴⁰; от Резанова приняты написанный на русском языке словарь японского языка и руководство по изучению оногo⁴¹ [25]; нельзя не вспомнить и о калмыцком идоле, привезенном майором Алаевым в 1806 году⁴², а также костюмы киргизов и тунгусов.

В 1807 г. киевский ассессор Бунге прислал точную копию жемчужной раковины (*mytilus margaritifera*), найденной в Киеве при земляных работах в одном из подвалов и хранившейся затем в кабинете отправителя. Внутри находилась надпись в виде четырех концентрических кругов, первый из которых по краю раковины представлял собой арабскую вязь. Клапроту удалось расшифровать ее лишь частично, что, однако же, не дало никакого смысла то ли потому, что, согласно предположению, они были плохо воспроизведены, то ли потому, что некоторые слова были неполными из-за обломанных концов⁴³. Эта копия теперь утеряна.

Через некоторое время свою лепту внесли Клапрот и Круг, последний передал две жемчужные раковины с восточными надписями, найденные также в Киеве, и оттиск с надписи третьей раковины, в то время как первый сделал перевод текста, где упоминаются имена пророка Мухаммеда и 12 имамов. Заняться надписями поручили Абу Турабу Везирову, переводчику Коллегии иностранных дел. Его перевод совпадал с переводом Клапрота, относительно же применения подобных раковин он сообщил, что восточные женщины использовали их для растирания средств по уходу за лицом⁴⁴.

Капитан Герман в 1810 г. подарил труды по философии Мэн-Цзы с комментариями, которые в академических собраниях до того момента отсутствовали⁴⁵, также г-н Каменский в 1811 г. передал в дар 20 китайских книг по естественной истории, ботанике, медицине и хирургии⁴⁶. По настоянию Клапрота в 1809 г. путем обмена был приобретен рукописный китайский словарь Франсиско Диаса (*Vocabulario de letra China con la explicacion Caslillan por Fr. Diaz*)⁴⁷, а в 1807 г. переводчиком Коллегии иностранных дел Владыкиным были куплены 7 редких сочинений на китайском языке в 148 томах, 87 из которых были рукописными, а 61 — печатным⁴⁸, в 1809 г. приобретен маньчжурско-китайско-русский словарь⁴⁹. Самим Клапротом из его поездки в Сибирь^[26] было привезено для Академии несколько восточных трудов, среди них три части истории

³⁷ Act. XII. С. 32.

³⁸ Protoc. 1802. § 309.

³⁹ Protoc. 1805. §§ 261, 302.

⁴⁰ Protoc. 1805. § 139.

⁴¹ Mémoires. Т. I. S. 93, 99; Protoc. 1803. § 202.

⁴² Protoc. 1806. §§ 71, 110.

⁴³ Prot. 1807. § 142.

⁴⁴ Prot. 1807. §§ 179, 189.

⁴⁵ Prot. 1810. § 330.

⁴⁶ Mémoires. Т. IV.

⁴⁷ Protoc. 1809. § 94.

⁴⁸ Protoc. 1807. §§ 105, 134.

⁴⁹ Protoc. 1810. §§ 422, 434.

Мирхонда, «Шахнаме», большой китайско-маньчжурский словарь в 15 частях с русским толкованием и два маньчжурских труда по военному искусству⁵⁰.

Свой вклад в виде книг внесли господа граф Уваров⁵¹, Аделунг⁵², Монтуччи⁵³, Ленгли⁵⁴ и Хагер⁵⁵.

Если представить себе, что все вышеупомянутые научные работы и предметы искусства объединены в одно целое и выставлены вместе, можно, пожалуй, утверждать, что, будь Азиатский кабинет основан на исходе прошлого столетия, равно как и в начале нынешнего (пусть даже лишь некоторые разделы его, например, включающие ряд мусульманских рукописей и европейских печатных трудов, относятся к Азии), и тогда он представлял бы собою во многих отношениях явление весьма значительное. Это коллекции китайских, маньчжурских, японских, тибетских и монгольских рукописей, а также японских, китайских, монгольских и других раритетов, таких как орудия труда, предметы искусства и буддийского религиозного культа и т. д., которые сейчас переданы в Этнографический кабинет, но при этом мыслятся неотъемлемой частью Азиатского музея в широком смысле слова, и наконец, значительное количество мусульманских и других азиатских монет, которые заметно выделялись уже в то время.

Между тем до сих пор не хватало ученого, человека, который посвятил бы всю свою деятельность востоковедению, в частности истории Азии, краеведению и археологии, позаботившись о собирании любого рода восточных редкостей, и был бы в силах по достоинству оценить их, систематизировать и описать. Помимо этого, необходимость и особая важность для России изучения материальной культуры Азии тогда еще не были осознаны в полной мере. В этом кроется причина того, что большая часть азиатских сокровищ, которыми обладает Академия, в первую очередь монет, которые мы можем с полным правом выделить, исходя из их числа и научной ценности, нуждается в более подробном описании⁵⁶. Список их, опубликованный в "Museum Petropolitanum", как уже упоминалось, был неполным и имел неточности; по выражению Бакмейстера, «арабские и татарские монеты халифов Самарканда, Андераба, Шаша, болгарских, крымских и азовских ханов, Золотой Орды и т. д.»⁵⁷ заставляли нумизматов лишь догадываться, что им предстоит отыскать среди них. К этому следует прибавить почти полное отсутствие сведений о происхождении большинства мусульманских монет, которые, по неоспоримому предположению Френа, большей частью были найдены внутри самой России⁵⁸. Ситуация изменилась с приходом в Академию ординарного члена, посвятившего себя азиатской и, в особенности, мусульманской науке. С этого момента мы многое узнали о содержании надписей, достоинстве и хождении как имевшихся в коллекции монет, так и приобретенных позднее; теперь нам за редким исключением даже доподлинно известно, откуда и каким образом они поступили в музей, где были куплены или найдены.

⁵⁰ Protoc. 1807. § 51.

⁵¹ Protoc. 1810. § 416.

⁵² Protoc. 1810. §. 149.

⁵³ Там же. §§ 108, 403.

⁵⁴ Protoc. 1810. § 146.

⁵⁵ Protoc. 1811. § 406.

⁵⁶ Как было тогда сложно получить информацию, например о куфических монетах, следует из письма в Академию вышеупомянутого г-на Верещагина. Никто из проживавших в Астрахани (ученых) азиатов так и не смог дать пояснения насчет этих монет. Protoc. 180 d. § 261.

⁵⁷ Fraehn, Zweit. vorl. Ber. С. 6.

⁵⁸ Там же. С. 6.

В 1731 г. в государственную Коллегию иностранных дел из германских земель был приглашен профессор Кер, которому было поручено дать пояснения относительно мусульманских монет⁵⁹. В силу некоторых обстоятельств, прежде всего низкого уровня развития восточной нумизматики, он столкнулся с трудностями, и его усилия не были оценены по достоинству. Составленный им каталог указанных монет на сегодняшний день не найден⁶⁰.

Тем временем о важности таких монет для науки ученые, занимавшиеся историей, такие как Т. З. Байер и Г. Ф. Миллер, хорошо знали. Они использовали монеты по мере своих сил, не избежав при этом простительных для не-востоковедов ошибок⁶¹, в то время как истинные знатоки, к примеру фон Мурр, О. Г. Тиксен и Т. Х. Тиксен⁶², с воодушевлением смотрели на нумизматические богатства Академии, не имея возможности удовлетворить свое желание познакомиться с ними поближе и сообщить о результатах своей оценки другим.

О. Г. Тиксен и его знаменитый ученик Х. Д. Френ выразили готовность (один в 1781 и 1783 гг.⁶³, а другой в 1807 г.⁶⁴) дать описание монетам, до тех пор не описанным. Только и тот и другой ученый находились на известном удалении. Отправка к ним монет была сопряжена с различного рода опасениями и считалась практически невыполнимой задачей, тем более что пересылка предметов искусства и научного интереса из одной страны в другую или просто в далекий край осуществлялась весьма неохотно. Поручение составить полный каталог восточных монет⁶⁵, данное Клапроту

⁵⁹Fraehn, Zweit. vorl. Ber. С. 8. 119.

⁶⁰При Бюшинге этот каталог еще был. См.: Büsching, Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen и т. д. Halle, 1785. Th. 3. С. 23 («В С.-Петербурге, в Библиотеке и Кунсткамере Академии наук хранятся две его (Кера) рукописи, а именно: его перевод с татарского на немецкий язык генеалогической истории татар и описание более чем 8000 арабских и татарских монет, принадлежащих Академии наук. Последнее представляет собой солидный фолиант, который я имел удовольствие пролистать в 1750 г. Я не знаю, по какой причине г-н библиотекарь Бакмейстер не включил его в свой очерк о Библиотеке»).

⁶¹Fraehn. С. 10.

⁶²Там же. С. 11. Act. Acad. Т. IX. С. 15. Protoc. 1800 § 144.

⁶³Fraehn. Там же. С. 12. См. письмо Георги к Ринку 1794 г., в котором написано: «в академическом милицейском кабинете немало татарских и т. д. древних, частично добытых при раскопках, монет. Г-н надворный советник Тиксен (Tychsen) из Ростока предлагал свои услуги в их атрибуции (дешифровке) и описании, но ему отказали, поскольку не рискнули пересылать государственную собственность, а копировать пришлось бы слишком много». des Or. Т. I. S. 131. Ср.: Comment. Acad. 1783. S. 37: «M. le Prof. Géorgi a lu une lettre de M. le Conseiller de Cour Tychsen, datée de Butzow le 5. Avril, qui offre à l'Académie ses services pour déchiffrer et expliquer les monnoyes arabes anciennes, qu'elle possède dans son cabinet, et qui demande que l'Académie les lui envoie pour quelque temps. M. Georghi a été chargé de répondre, que l'Académie ne sauroit aucunement envoyer dehors les pièces qui une fois ont été déposées dans son cabinet; mais que si M. Tychsen vouloit se contenter des empreintes en platre, il pouvoit s'adresser au Surintendant du cabinet, M. le Conseiller de Cour Kotelnikof» (Г-н профессор Георги зачитал письмо г-на надворного советника Тиксена, отправленное из Буцева 5 апреля, который предлагает Академии свои услуги по атрибуции (дешифровке) и описанию древних арабских монет из ее [милицейского] кабинета и просит прислать их ему на некоторое время. Г-ну Георги поручили ответить, что Академия никоим образом не может рассылать предметы, уже попавшие в собрание ее Кабинета; но если г-ну Тиксену будет достаточно гипсовых отпечатков, то он может обратиться к главному смотрителю Кабинета надворному советнику Котельникову (фр.)).

⁶⁴Protoc. 1807 § 414.

⁶⁵Protoc. 1812. § 199.

Академией в 1812 г. по настоянию тогдашнего министра народного просвещения графа Разумовского, если бы оно и было выполнено, вряд ли дало бы удовлетворительный результат. Так прошло еще пять лет, прежде чем монеты, о которых идет речь, нашли того, кто сумел дать им описание. Именно тогда наступил поворотный момент, который открыл России долгий и широкий путь в области востоковедения и в его историческом календаре неизменно будет отмечен особо. И этот прорыв совершили два ученых мужа, головы которых восточная муза уже увенчала неувядающими лаврами.

Каждому живущему в России, как, впрочем, и иностранцу, который не чужд ее истории науки в целом и истории востоковедения в особенности, доподлинно известно, что первый прочный ее фундамент был заложен при блаженном царствовании Александра I. Большая заслуга прославленного монарха состоит в том, что он с просвещенной мудростью и твердой силой воли сделал все, что требовали и позволяли обстоятельства того времени, чтобы азиатское древо познания пустило глубокие корни, которые далеко проросли на молодой почве огромной империи.

Его заботы в этом отношении увенчались большим успехом. Однако же принятые усилия не должны были ограничиваться лишь практическим изучением восточных языков, несмотря на важность этого аспекта для империи с такой протяженностью границ в Азии — они должны были преследовать более высокие цели и способствовать установлению паритета с другими зарубежными государствами. Одно определяет другое, и если наука способна извлечь значительную пользу из практики, то голая практика, не сопровождаемая научными исследованиями, напротив, не сможет противостоять обвинениям в ограниченности.

Поддержать подобное объединение научного и практического направлений планировалось за счет открытия, по крайней мере, одной кафедры восточных языков при каждом высшем учебном заведении империи, и хотя далеко не везде результат такого нововведения соответствовал поставленным задачам, как минимум два из них стоит выделить особо как блестяще исполнившие волю императора⁶⁶ — это Казанский и последовавший за ним Петербургский университеты.

В 1807 г. ныне прославленный член академии Френ был приглашен возглавить только что созданную кафедру восточных языков Казанского университета. Почти в это же самое время Россию полем для своих научных изысканий избрал Клапрот (1805–1812)⁶⁷; оценивая то направление, в котором он работал, и то едва заметное влияние, которое он, как теперь очевидно, оказал на востоковедение в целом^[27], можно с полным правом утверждать, что в России именно Френ положил начало вышеупомянутым регулярным научным штудиям. После ряда академических докладов в Казани и успешной

---

⁶⁶Кафедра восточных языков Дерптского университета включала также библейскую экзегезу; кафедра в Московском университете была занята только раз (Болдыревым). Правда, Харьковский университет уже в 1811 г. собрался было создать должность адъюнкта маньчжурского языка (Протокол 1811 г., §§166–220), но намерение это так и не было исполнено, и автор этих строк занял должность профессора восточных языков лишь в 1829 г. (до 1835 г.).

⁶⁷Protoc. 1804. § 338. В 1804 г. он стал адъюнктом восточных языков и словесности здешней Академии и в 1805 г. приехал в Петербург (Protoc. 1805. § 191). Клапроту было поручено сопровождать российское посольство в Китай и при этом приобрести в Пекине китайские предметы для Академии (§ 192). Он добрался только до Иркутска, откуда он в 1807 г. привез упомянутые работы. В 1810 г. он составил каталог китайских и маньчжурских книг из академической Библиотеки (Protoc. 1810. §§ 242, 410). Последняя его заботами пополнилась рукописями и печатными сочинениями, которые касаются китайской литературы. Ср.: Protoc. 1807. §§ 60, 201, 211 и т. д.

публикации нескольких научных работ в 1817 г. он, будучи учеником О. Г. Тиксена и продолжая его дело, был назначен профессором восточных языков в своем родном городе Росток. Его путь пролегал через Санкт-Петербург. Академия наук не преминула воспользоваться случаем, коим явился визит ученого специалиста в области восточной нумизматики, чтобы, наконец, восполнить пробелы в описании своей огромной коллекции монет. Таким образом, по рекомендации одного из своих членов, господина Круга, Академия решила привлечь Френа к этой работе. Увлеченный порученным занятием, столь соответствующим его любимым интересам, он сначала стал действительным членом Академии по восточным древностям только на срок, необходимый для выполнения данной работы, но, когда президентом этого первого научного учреждения империи стал Его высокопревосходительство граф С. С. Уваров, он уступил его почтительной просьбе не покидать Академию и решил навсегда поселиться на берегах Невы⁶⁸. Так Академия получила достойнейшего представителя науки о Востоке.

Задача Френа была отнюдь не легкой. В течение лета 1817 г. он выполнил классификацию и описание около 20 000 монет, пребывавших в хаотическом беспорядке. Справиться с подобной работой был способен лишь тот, у кого за плечами систематизация, по крайней мере, нескольких сотен монет такого рода. Эта и последующие работы по классификации и описанию нумизматической коллекции были заслуженно признаны как здесь, так и за рубежом⁶⁹.

Во-вторых, в его обязанности входило также взять под свой надзор и попечение и другие предметы восточной культуры, упомянутые ранее; их надлежало объединить и систематизировать, чтобы хотя бы иметь возможность обозреть имеющееся. Однако же затем следует стремиться и к достижению более высокой цели, вдохнуть жизнь в сокровища, лежащие мертвым грузом, и способствовать познанию Востока сообразно его внутренней и внешней сущности, каковой она была и каковой еще является ныне.

⁶⁸См. Protoc. v. J. 1817. §§ 164, 178, 182, 209, 240, 249, 258, 267, 338. v. J. 1818. §§ 2, 130, 200. und St. Petersburg. Senatszeitung 1818. № 10. См. Приложение № 3.

⁶⁹Даже де Саси, который проделал столь титаническую работу в области восточной литературы, публично воздал должное настойчивости Френа. В его сообщении о Prolusio I. (Journ. Asiat. T. II. 1823. С. 16) читаем мы следующее: "Il fallait quelque courage pour se charger de mettre en ordre une collection de près de 20,000 médailles, qui avaient été recueillies et entassées au hasard, et dont l'étude et la classification exigeaient un travail opiniâtre et hérissé de toute sorte de difficultés; mais aussi ou ne pouvait se dissimuler que celui qui l'entreprendrait avec les connaissances et les dispositions nécessaires pour y réussir, et qui aurait assez de constance pour ne point se laisser rebuter par les difficultés et le dégoût d'une tâche aussi pénible, rendrait un service essentiel à la littérature orientale en particulier et en général à la science numismatique etc." (Надо было обладать определенной смелостью, чтобы взяться за приведение в порядок коллекции из почти 20 000 медалей, наугад собранных и сваленных, изучение и классификация которых требовали упорного труда и умения не пасовать перед трудностями; но также нельзя было не признаться себе, что тот, кто возьмется за это со всем знанием и необходимым расположением к предмету, чтобы преуспеть в нем, и у кого достанет настойчивости, чтобы не дать трудностям и отвращению к такому мучительному делу сбить себя с толку, окажет важную услугу восточной литературе в частности и нумизматической науке в целом (*фр.*)). Ср.: Journal des Savants 1819. Juillet. С. 429. Не меньшую благодарность высказали и другие ученые, например Т. Х. Тиксен, Козегартен, Розенмюллер, фон Хаммер, Мёллер и др. Ср.: Götting. gel. Anz. 1819. № 195; 1820. № 7; 1823. № 201; Н. Allg. Lit. 1820. № 286; 1826; 1830. № 140; Ergänз. Bl. № 101. С. 801; Jen. Allg. L. Z. 1822. № 88; Ergänз. Bl. 1821. № 44; Leipz. L. Z. 1822. № 187; Wiener Jahrb. d. Lit. 1827. Bd. 39. С. 59; Classical Journal № LIX. 1824. Sept. С. 184; Сын Отечества. 1821. № 47; Journal de St. Pétersbourg. 1827. № 102–3; Северн. пчела. 1827. № 105, 107, 109, 110 и т. д.

Ведь живое восприятие превосходит все даже самые замысловатые словесные или изобразительные описания. Жизнь Востока столь причудлива и изобилует предметами, о которых европеец, не обладая специальными знаниями, едва ли способен составить себе представление. Если же в Музее он воочию увидит высочайшие достижения наук, ремесленные изделия, предметы быта, религиозного культа и т. д., если в Библиотеке будет иметь доступ к богатому собранию рукописей и печатных изданий, к археологическим и нумизматическим коллекциям, то благодаря такому широкому обзору он обретет свет, который не способны дать все словари, записки о путешествиях и прочие произведения вместе взятые; окутанные ароматом Востока, его исследования о положении дел древнейших времен и современности обретут ту степень достоверности и живости, которая недостижима для иных ценителей Востока, не имевших возможности оказаться в Азии, находясь при этом в Европе. В конечном итоге это только поощряет исследования Азии и идет оным исключительно на пользу. И как могла Россия, которая подобно другим странам имеет полное право и ресурс знать, где находится та самая колыбель человечества во всех ее смыслах, быть причастной к своему собственному научному и культурному наследию, оправдать отсутствие такого музея, если азиатские музеи или аналогичные коллекции, хоть и отличающиеся по своему масштабу, уже имеются в других странах, например в Германии, Англии, Индии⁷⁰, Франции, Италии? Все это не ускользнуло от внимания Френа; в этом отношении он также решил продемонстрировать, на что способны безудержное рвение и неутомимая энергия⁷¹.

И все-таки даже самые серьезные усилия Френа оказались бы, вероятно, тщетными или менее успешными, не найди они должного высокого покровительства и поддержки. И то и другое ему предоставил президент Академии, ставший одновременно министром народного просвещения, С. С. Уваров, чья работа "Projet d'une Académie asiatique", опубликованная в 1810 г., в полной мере свидетельствовала о том, что он целиком осознал значение востоковедения для России. Вступление в должность президента Академии г-на гр. Уварова ознаменовалось переменами, которые открыли новую многообещающую эпоху в той области человеческого знания и деятельности, которая была предметом обсуждения указанной работы.

Благодаря его активным посредническим усилиям Россия приобрела свою первую коллекцию мусульманских рукописей, принадлежавшую Руссо, и по его инициативе и согласованию с тогдашним министром народного просвещения [А. Н. Голицыным] в так называемой Кунсткамере при Академии под названием «Восточный кабинет» был организован и вверен заботам Френа особый отдел хранения восточных рукописей, монет, древностей и т. д. Предписание Академии об основании такого Кабинета, ставшего со временем известным как Азиатский музей, было подписано господином президентом 11 ноября 1818 г.⁷² Таким образом, эта дата считается днем основания

⁷⁰См. Приложение № 4.

⁷¹Я не могу не поделиться в Приложении (№ 5) с читателями этой книги заслуживающими внимания замечаниями, которые высказал в 1823 г. де Саси по поводу основания и назначения Азиатского музея при Парижском азиатском обществе, а также высказываниями других именитых парижских востоковедов, которые относятся к 1831 г., в связи с созданием Этнографического музея. Какое же удовлетворение должны были испытать г-н президент Петербургской академии наук и Френ от того, что благодаря их заботам и стараниям Академия уже имеет то, что эти востоковеды считали крайне важным условием для развития ориенталистики.

⁷²См. Приложение № 6. В моей речи «О высокой важности и заметном развитии азиатских исследований в России» (с. 30), согласно вышеуказанному сочинению Крузенштерна (с. 150), 1825 год приводится как год основания.

Азиатского музея. В 1843 г. — по прошествии 25 лет — это событие было отмечено здесь, как и подобает, в узком кругу.

В соответствии с новым распоряжением назначенный директор получил от Комитета правления Академии указание — принять в свое ведение все находившиеся до того на попечении у академика Шуберта восточные рукописи и нумизматические памятники и выставить их в отдельном кабинете⁷³. То есть ранее было достаточно одной комнаты, чтобы разместить всю имевшуюся на тот момент восточную коллекцию. Ее каталог теперь более не существует; только изучая комментарии к поступлениям последующих лет и вычитая их из нынешнего состава коллекции Музея, можно составить себе представление о тогдашнем объеме Азиатского кабинета и осознать, насколько неумолима была та деятельность, с которой Френ сумел превратить молодые ростки в пышный фруктовый сад, и счастливые стечения обстоятельств этому всячески благоприятствовали.

И все же Музею очень повезло испытать живейшее участие и влиятельное покровительство самого господина президента, который нередко с удовольствием проводил здесь по несколько часов и уделял большое внимание исследованиям. Он поручил двум местным знатокам китайского, служившим переводчиками при Коллегии иностранных дел, Каменскому и Липовцову, подготовить каталог китайских и маньчжурских рукописей из коллекции Музея⁷⁴, поскольку составленный ранее Леонтьевым уже не отвечал потребностям, и добавил новый раздел “Section d’histoire et de philologie” для ученых записок Академии, с тем чтобы среди них нашлось заслуженное место и для востоковедения, примечательные страницы истории которого были связаны с Азиатским музеем⁷⁵.

Френ, вдохновленный в своей научной работе собранной в рамках одного музея коллекцией восточных печатных изданий и рукописей, древних монет и прочих старинных предметов, был полон энтузиазма сообщить о вверенных его попечению богатствах всему миру, прежде описав и разъяснив происхождение оных. Таким образом, в 1819 г. вышел в свет предварительный отчет⁷⁶, в котором бесценный императорский подарок, сыгравший ключевую роль в создании Музея, был представлен в высшей степени подробно, пополнив музейную коллекцию рядом важных и канонических для ислама произведений и сформировав представление о литературе в таких областях, как грамматика, история, география, биографические очерки, поэзия, математика, естественная история, медицина и богословие. Из этого отчета также видно, что, помимо значительного количества китайских, маньчжурских, японских, монгольских, калмыцких и тибетских свитков, в Музее хранился ряд важных документов и рукописей, касающихся восточной филологии, например из наследия Кера, Мессершмидта, Байера, Иерига и др.; кроме того, были доступны превосходные редкие печатные

---

⁷³ См. Приложение № 7.

⁷⁴ Эта работа вышла под заголовком: «Каталог китайским и японским книгам в Библиотеке Императорской Академии наук хранящимся, по препоручению г-на президента оной Академии Сергея Семеновича Уварова вновь сделанный Государственной Коллегией иностранных дел переводчиками коллежским ассессором Павлом Каменским и Степаном Липовцовым». Ср.: Protoc. 1818. § 180.

⁷⁵ Protoc. 1818. § 549.

⁷⁶ Vorläufiger Bericht über eine bedeutende Bereicherung an Arabischen, Persischen und Türkischen Handschriften, die das Asiatische Museum der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg in diesem Jahre erhalten hat, nebst einigen Andeutungen von der Einrichtung und den sonstigen Schätzen desselben (von Fraehn.) St. Petersburg, 1819. 8” — См. Приложение № 8.

произведения. Таким образом, предварительные сведения о монетах были даны уже годом ранее в *Prolusio*⁷⁷, а в последующие годы к ним добавилось описание прочих древних предметов и музейных редкостей, а именно капсуля с Кораном касимовского хана Ураз-Мухаммеда из коллекции графа Брюса (с. 6), лампы развалин Бюлара, металлического зеркала в точной копии, сделанной для музейного хранения⁷⁸.

Перевод М. Н. Додеуц

Опубл.: *Dorn B. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Peterburg. Spb., 1846. С. 4–40.*

^[1] Большую часть объема работы Б. А. Дорна составляют Приложения (всего их 155), первое из которых, наиболее обширное, содержит каталог хранящихся в музее предметов и монет; кроме того, здесь приводятся реестр рукописей на различных языках, а также высочайшие указы и распоряжения, выдержки из протоколов, газет, сообщения о новых поступлениях, генеалогические сведения и пр. Труд завершается двумя объемными именными указателями: дарителей, среди которых отдельно перечислены члены императорской фамилии, и общий именной.

^[2] Имеется в виду указанная ниже работа: *Recensio numorum Muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae inter prima Academiae Imp. Saecularia edita. Petropoli MDCCCXXVI. 4*.

^[3] Ганджур — каноническое собрание Слова Будды, составленное из сутр и тантр, переведенных с санскрита на тибетский язык в VIII–XIII вв.

Б. А. Дорн говорит здесь о работе монголоведа и тибетолога академика Я. И. Шмидта: *Index des Kandjur. Herausgegeben von der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften und bevorwortet von I. J. Schmidt. St. Petersburg, 1845.*

^[4] “*Indica*” — собрание индийских рукописей и древностей в Азиатском музее. См. Приложение № 153. *Verzeichniss der auf Indien Bezueglichen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Von Otto Böhtlingk.*

^[5] Говоря о более чем 25-летней службе Х. Д. Френа, Б. А. Дорн имел в виду, что тот начал заниматься описанием восточных рукописей и монет из собрания Академии наук с 1817 г. Результатом этих занятий стало создание в ноябре 1818 г. Азиатского музея, которым Френ руководил до 1842 г.

^[6] После того как Устав 1836 г. закрепил в структуре академических подразделений Этнографический музей, было решено передать в его состав собрание восточных артефактов из Азиатского музея. Х. Д. Френ не возражал против этого обоснованного требования и изобразил от вещегого фонда как от ненужного балласта.

^[7] В современной русской традиции — Фирдоуси и Хосров.

^[8] Аблай-хит (Аблай-кит) — развалины заброшенного джунгарского укрепленного буддийского храма и монастыря, основанного в 1654 г. к югу от г. Усть-Каменогорска.

^[9] Во время своего пребывания в Париже в 1717 г. царь Петр I посетил Королевскую академию наук, где познакомился с ее президентом аббатом Жаном-Полем Биньоном и был избран в академики «вне всякого ранга». Вклад Петра в уточнение карт Каспийского моря положил начало научным связям между Россией и Францией. После того как в ойратских монастырях Аблай-хит и Семь Палат на Иртыше были обнаружены рукописи с неизвестным тогда в России тибетским письмом, царь решил обратиться к ученым Франции и в 1721 г. отправил один лист для истолкования лично аббату Биньону. Переводом этого листа тибетской рукописи, известной ныне как «Махавайрочана-сутра» буддийского канона из раздела «Гантры», занимались братья Фурмон (Этьен и Мишель): они сделали перевод сначала на латинский, а затем на французский язык. Ж.-П. Биньон сопроводил его своим ответным письмом царю от 21 января (1 февраля) 1723 г.

⁷⁷Ch. M. Fraehnii, Rostochiensis, de Academiae Imp. Scientiar. Petropolitanae Museo Numario Muslemico prolusio prior quo dum confiat accurata descriptio eius copia et praestantia obiter contuenda proponitur. Petropoli 1818. 4” — *Ср. de Sacy, Journ. des Savants 1819. С. 429.*

⁷⁸S. Mémoires de l’Acad. T. VIII.

См.: Порше Ж. Петр Великий и Парижская Королевская библиотека // *Временник Общества друзей русской книги*. Т. IV. Париж, 1938. С. 43–60; *Зайцев В. П.* Перевод с тибетского языка братьев Фурмон (1723). Приложение. Письмо аббата Ж.-П. Биньона русскому царю Петру I от 1 февраля 1723 г. // *Тибетология в Санкт-Петербурге*. Вып. 2. СПб., 2021. С. 75–126.

^[10] Шведский инженер Лоренц Ланг поступил на русскую службу предположительно в 1712 г. и при Петре I дважды посетил Китай: в 1715–1717 гг. вместе с врачом Т. Гарвином и в 1719–1721 гг. в составе посольства Л. В. Измайлова. Впоследствии Л. Ланг еще не раз бывал в Китае с дипломатическими и торговыми поручениями; самая известная его поездка относится к миссии С. Л. Владиславича-Рагузинского 1725–1727 гг. В 1739–1752 гг. являлся иркутским вице-губернатором.

^[11] Х. Крузиус стал адъюнктом в 1740 г., за подготовленное им описание нумизматических коллекций Академии наук в 1746 г. был произведен в профессора древности и истории литературы.

Профессор Лейпцигского университета Г. Я. Кер с 1731/1732 г. служил в России в Коллегии иностранных дел переводчиком с арабского, персидского и турецкого языков, одновременно обучая языкам русских юношей. В 1735–1740 гг. по поручению Академии систематизировал и внес в каталог около 4000 древних «татарских» монет.

^[12] Основой для восстановления коллекций, погибших в пожаре 5 декабря 1747 г., послужили акварельные рисунки экспонатов Кунсткамеры, созданные художниками Академии наук и их учениками в 1730–40-х гг. Уменьшенные копии этих рисунков были собраны в конволют, который взял с собой в 1753 г. в Китай лекарь Ф.-Л. Елачич.

^[13] Немецкий теолог Абрахам Хинкельман в 1694 г. выпустил первое полное издание Корана в Европе (Гамбург) на арабском языке.

^[14] Профессор арабского языка университета «Сапиенца» в Риме Л. Мараччи в 1698 г. опубликовал свой перевод Корана на латинский язык с параллельным арабским текстом и комментариями в двух томах под названием “Alcorani Textus Universus Arabice et Latine”.

^[15] «История Армении» Мовсеса Хоренаци, жившего в V в., содержит сведения о происхождении армянского народа, его дохристианских верованиях, культуре.

^[16] В книге XVII в. Хаджи Халифы (Кятиб Челеби) «Джиханумма» («Зеркало миров») впервые были сопоставлены географические данные европейских и арабских источников.

^[17] Рукопись Д. Кантемира «История возвышения и упадка Оттоманской империи» (“Historia incrementorum atque descrementorum Aulae Ottomanicae”) хранится в Рукописном отделе Института восточных рукописей РАН в С.-Петербурге.

^[18] «Бабура-наме» (т. е. Книга, или Записки Бабура) — автобиография основателя империи Великих Моголов Захир ад-дина Мухаммеда Бабура на узбекском языке, она содержит сведения из истории Средней Азии, Индии и Афганистана конца XV — первой трети XVI в.

Г. Я. Кер переписал этот памятник и частично выполнил его перевод на латинский язык. В настоящее время так называемый «Керов список» вместе с переводом хранится в Рукописном отделе Института восточных рукописей РАН в С.-Петербурге.

^[19] Хивинский хан Абулгази известен как автор «Родословной туркмен» (1661) и «Родословного древа тюрок» (1664).

Возможно, речь идет об исчезновении рукописей истории тюрок Абулгази, привезенных из Сибири Д. Г. Мессершмидтом. Одна из них оказалась в Гёттингене и была опубликована в 1778 г.

См.: *Geschlechtbuch der Mungalisch=Mogulischen oder Mogorischen Chanen und von Abulgasi Bagadur Chan. Aus einer Türkischen Handsch. ins D. übers. vom sel. D. Messerschmid // Historisches Journal. Göttingen, 1778. Th. 12. S. 1–96.*

^[20] Вероятно, при типографском наборе в очерке Б. А. Дорна была допущена опечатка в фамилии дарителя, шведского врача, которого на самом деле звали Stützer (в русской традиции — Штуцер). В 1787–1788 гг. он служил в японской миссии Ост-Индской компании и в 1794 г. преподнес Екатерине II собранную им в Японии коллекцию предметов, которую императрица, в свою очередь, передала в Кунсткамеру.

^[21] «Анатомические таблицы» немецкого врача и анатома И. А. Кульмуса, опубликованные в 1722 г., были переведены на японский язык в 1774 г.

^[22] В 1719 г. в Нюрнберге было издано трехтомное руководство по хирургии профессора Л. Гейстера. Книга содержала рекомендации для врачей, начиная от методов

перевязывания ран до оперативных вмешательств, а также описания различных хирургических инструментов.

^[23] Шведский врач профессор Н. Р. фон Розенштейн выпустил в 1764 г. «Руководство к познанию и врачеванию младенческих болезней».

^[24] Э. Лаксман в 1764–1769 и 1784–1796 гг. занимался изучением истории и природных богатств Сибири. Познакомившись в Иркутске с японским купцом Кодаю, он загорелся идеей наладить торговые отношения России и Японии и представил в Академию наук проект такой экспедиции, но осуществить задуманное смог лишь его сын Адам, возглавивший экспедицию в 1792–1794 гг.

^[25] В 1803 г. Н. П. Резанов был назначен русским посланником в Японию. К месту назначения он добирался вместе с участниками кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерна (1803–1806). В пути Н. П. Резанов начал учить японский язык под руководством японца Дзэнроку. Результатом занятий стали: «Руководство к познанию японского языка» (1803) и «Русско-японский словарь» (1804). Эти сочинения в рукописи Резанов прислал в Академию наук в 1804 г., на следующий год — расширенный вариант словаря.

^[26] Имеется в виду лингвистическая экспедиция адъюнкта Ю. Клапрота в Сибирь в 1805–1806 гг., во время которой он совершил поездку по течению р. Иртыш от Омска до Усть-Каменогорска. За время путешествия он собрал материал о быте и языках тунгусов, башкир, якутов, киргизов, изучал монгольский и маньчжурский языки, приобрел рукописи на тибетском языке. Собранный им лингвистический материал нашел отражение в его главном труде — “Asia polyglotta”.

^[27] В ноябре 1810 г. Ю. Г. Клапрот был командирован на шесть месяцев в Берлин для изготовления китайских литер, но к положенному сроку не вернулся. Резким письмом от 6 февраля 1812 г. он обвинил Академию в недоплате жалованья и уведомил о разрыве с ней. Конференция постановила исключить его «с бесславием», но ввиду того, что император Александр I был занят войной с Наполеоном, указ был подписан только в 1817 г. Таким некорректным поведением, по-видимому, стоит объяснить некоторую предвзятость Б. А. Дорна, поскольку научный вклад Ю. Г. Клапрота в востоковедение весьма значителен.

Представление Б. А. Дорна в ординарные академики, составленное Ф. Б. Грефе

Январь 1852 г.

Vorschlag zur Beförderung des Ak[ademikers] Extraord. Dorn an Stelle des verewigten Frähn

Je mehr die Kais[erliche] Akad[emie] der W[issenschaften] den Verlust fühlt, den sie durch den Tod des Akad[emikers] Frähn, des gelehrtesten u[nd] berühmtesten Repräsentanten seiner Wissenschaft, des Gründers der Oriental[ischen] Numis[matik] u[nd] ihres reichen Museums, erlitten; um so mehr muß ihr daran gelegen seyn, seine Stelle würdig zu besetzen u[nd] das Erbe seines Wissens und seines einzigen Schätze in die treueste u[nd] geeignetste Hand mit voller Überzeugung hinzugeben.

Und wohl mag sie sich glücklich schätzen, daß der Verewigte selbst ihr die sonst schwere Wahl dadurch erleichterte, daß er früh schon einen Mann in seine Nähe zu ziehen bemüht war, der fast in derselben Weise, wie er selbst, wissenschaftlich gebildet, nach damaliger Sitte von den Alttestament-Studien ausgehend, sich⁷⁹ bald der vielseitigern muhamedanischen Litteratur mit seiner ganzen Thätigkeit hingab, auch auf gleiche Weise vom Professor zum Akademiker herangereift war. Keiner unter uns konnte daher auch nur einen Augenblick zweifeln, daß nur Dorn in Frähns Stelle einzurücken berufen sey, er, den

⁷⁹ Слово написано над строкой.

auf Frähns Empfehlung einst die Akademie zu ihrem Adjunkt wählte, wo er von da ab, als bewundernder Zeuge von Frähns unermüdeter Wissenschaftlichkeit immer ihm nahe stand, wo er die neue Wissenschaft der Oriental-Numismatik lieb gewann, und als Frähn alterte, als das Auge seines Meisters, mir der Direction des Numismat[ischen] Museums betraut, sich so in seine[n] Act zu sehen, zu combiniren, grammatische u[nd] historische Studien mit gleichem Schöpfe u[nd] Sicherheit zu erfolgen, unwillkürlich vertraut werden mußte, daß gewiß nur Dorn den Nachlaß Frähns verstehen u[nd] diesen Schatz für die Wissenschaft zu erhalten und genießbar zu machen im Stande seyn kann.

Aber bey all dieser Gleichheit in dem Studiengange zweier gewiß geistig verwandter Männer hat doch die verschiedene Zeit, der sie angehören, jedem seinen eigenthümlichen Charakter, gewiß nicht zum Nachtheil des Jüngern, vielmehr zur eigensten Empfehlung u[nd] ersprießlich für den Fortschritt der Wissenschaft nicht ermangelt auszudrücken. Wenn Frähn, der stricten Observanz der alten Philologie treuer, sich in seinen rein classischen Arabischen Studien vorsätzlich enger abschloß, und⁸⁰ trotz der zahlreichen frühern Bearbeiter, hier⁸¹ immer tiefer zu graben sich bemühte, tat Dorn mit seinen Orientalischen Sprachkenntnissen gewuchert, die schwierigsten u[nd] unbearbeitetsten Gebiete der muhamedanischen Litteratur verfolgt, die dunkle⁸² Sprache der Afghanen u[nd] ihre Geschichte zuerst großwürdig aufgeklärt, dem Alt- und Neu-Persischen u[nd] selbst dem Sanskrit seine Thätigkeit zugewandt, u[nd] so fortschreitend mit dem Geiste der Zeit, ohne Nachtheil für gründliches Wissen, der sprachvergleichenden Mehrseitigkeit sich mit Glück zu nähern, recht wohl verstandenweißlich hat er sich dabey meistens der Englischen Sprache zur Mittheilung bedient, u[nd] so zugleich gezeigt, daß er die unterrichtetsten Beurtheiler auf diesem Felde, die Engländer u[nd] ihre Kritik, nicht zu scheuen brauchte.

Wir können nicht näher in die Beurtheilung der auf dem beyliegenden Blatte verzeichneten zahlreichen und umfassenden Schriften des Hr. Ak. Dorn eingehen, glauben aber, daß das von uns hier angedeutete, und mehr noch, als unsere Worte, die Ueberzeugung der ganzen Classe, hinreichend beweise, wie von allen Seiten würdig Dorn sey, als ordentl[iches] Mitglied der Kais[erlichen] Ak[ademie] d[er] W[issenschaften] nicht nur⁸³ für die Arabische, [sondern für das gesamte muhamedanische Gebiet]⁸⁴ in die Stelle des verewigten Frähn einzutreten.

Fr. Graefe, A. J. Sjögren

Je joins à ce Rapport, un Rapport particulier, comme représentant de la Section des langues orientales. Brosset.

Пометы: 1) Lu le 9 janvier 1852; 2) Approuvé. Le C[om]te Ouvaroff. 9 Janvier 1852⁸⁵; 3) III Cl. N. 20; 4) № 32; 5) Bitte diesen Vorschlag zu Donnerstag früh ins Russische zu übersetzen⁸⁶.

СПБФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 19. Л. 3–4. Автографы Ф. Б. Грефе и М. И. Броссе, подпись-автограф А. М. Шёгрена. Нем., фр. яз. Делопроизводственные пометы.

⁸⁰ Слово написано над строкой.

⁸¹ Слово написано над строкой.

⁸² Слово написано на полях.

⁸³ Слова *nicht nur* написаны над строкой.

⁸⁴ Выделенный фрагмент написан справа на полях, место вставки в основной текст отмечено специальным значком.

⁸⁵ Сogласен. Гр. Уваров (*фр.*). Автограф С. С. Уварова.

⁸⁶ Все пометы размещены вверху документа; последняя написана графитовым карандашом, подпись под ней неразборчива.

Перевод

Представление экстраординарного академика
Б. А. Дорна на замещение вакансии почившего Х. Д. Френа

Чем чувствительнее для Императорской Академии наук потеря⁸⁷, понесенная ею кончиною академика Френа, ученейшего и знаменитейшего представителя своей науки, основателя Восточной нумизматики и богатого ее у нас музеума, тем важнее должно быть для нее⁸⁸ достойно заменить его место и с полным убеждением передать наследие его знаний и собранных им единственных в своем роде сокровищ в самые верные и способные руки.

Академия может почтить себя счастливою тем, что сам усопший⁸⁹ облегчил ей трудный без того выбор, заблаговременно привлеки к себе мужа, который, снискав ученое свое образование почти тем же самым путем, как и он сам, начал, по тогдашнему обычаю, с ветхозаветных учений⁹⁰, потом со всею деятельностью углубился в область⁹¹ мугамеданской литературы⁹² и таким же образом, как и сам Френ⁹³, на поприще университетского преподавателя⁹⁴ созрел к степени академика. А посему никто из нас не мог сомневаться⁹⁵ в том, что только Дорн призван быть преемником Френа⁹⁶ — он, который по рекомендации Френа некогда был избран Академией в адъюнкты, в каковом звании с тех пор оставался в его близости⁹⁷ [восторженным] свидетелем неутомимой ученой его деятельности, полюбил под непосредственным его руководством восточную нумизматику и, когда наставник состарился, по его же ходатайству был введен в управление Азиатским⁹⁸ музеумом. Свыкшись этим путем с образом воззрения на предметы опытного своего руководителя и с его методою соединять рука об руку строгое изучение грамматики и истории, он вместе с тем один только способен понять наследие Френа и как⁹⁹ сохранить, так и передать ученому свету это сокровище науки.

Но при всей одинаковости в ходе образования двух сродных между собою по уму своему ученых различие времени, которому они принадлежат, не преминуло впечатлеть каждому из них свой особый характер, и, конечно, не в ущерб младшего, а напротив того, еще в его пользу и ко благу науки. Если Френ, пребыв верным строгой стезе старинной филологии, не без умысла заключился в пределы чисто классического Арабского учения и, несмотря на большое число знаменитых¹⁰⁰ предшественников на этом поприще, старался все глубже и глубже разрабатывать этот неистощимый рудник, Дорн, обладая разнообразнейшим запасом восточного языкознания, предался обработке труднейших и наименее выделанных отраслей восточной

⁸⁷ Написано над строкой вместо зачеркнутого: *урон*

⁸⁸ Написано над строкой вместо зачеркнутого в скобки: *нас*

⁸⁹ Далее зачеркнуто: *во многом*

⁹⁰ Написано над строкой карандашом вместо поочередно зачеркнутых: *наук, письмен*

⁹¹ Написано над строкой вместо зачеркнутого: *предался изучению прочих отраслей*

⁹² Написано над строкой карандашом, а затем зачеркнуто: *вообще*

⁹³ Написано на полях вместо зачеркнутого: *он*

⁹⁴ Написано над строкой вместо зачеркнутого: *профессора*

⁹⁵ Далее зачеркнуто: *даже одно мгновение*

⁹⁶ Написано на полях вместо зачеркнутого: *заступить место Френа, упраздненное ныне*

⁹⁷ Написано над строкой вместо зачеркнутого: *близким*

⁹⁸ Написано над строкой вместо зачеркнутого: *нумизматическим*

⁹⁹ Слово написано над строкой.

¹⁰⁰ Слово написано над строкой.

литературы, впервые удовлетворительно¹⁰¹ объяснил темный язык афганов и их историю, занялся изучением древне- и новоперсидского языка¹⁰² и даже не упустил из виду санскритских письмен, и, таким образом подвигаясь вперед с духом времени, без вреда основательной науке, вдался в необъятную¹⁰³ область сравнительной филологии. Как средство сообщения ученому свету он при этом не без намерения избирал по большей части английский язык, доказывая тем вместе, что он не страшится наиболее сведущих на этом поле знатоков — англичан и их критики.

Мы не можем войти здесь в ближайшее рассмотрение исчисленных¹⁰⁴ на прилагаемом у сего листе многочисленных и объемлющих сочинений г-на академика Дорна, но полагаем, что выше нами численного, а еще более, нежели слов наших, убеждения всего класса достаточно в доказательство того, что предлагаемый нами сочлен наш вполне достоин поступить на место¹⁰⁵ Френа в звании ординарного академика не только по части арабского языка, но и по всей области мугамеданских наук.

Фр. Грефе, А. И. Шёгрэн

Я присоединяюсь к этому докладу, докладу частному, как представитель разряда восточных языков. Броссе.

Перевод К. Ф. Свенске

Помета: Копия с докл[адной] зап[иски]¹⁰⁶.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 19. Л. 8–9 об.
Автограф К. Ф. Свенске. Черновик. Канцелярская помета.

---

¹⁰¹ Слово написано на полях.

¹⁰² Слово написано над строкой.

¹⁰³ Слово написано над строкой.

¹⁰⁴ Слово написано над строкой вместо зачеркнутого: *доказанных*

¹⁰⁵ Далее зачеркнуто: *покойного*

¹⁰⁶ Написано на полях графитовым карандашом.

Николай Федорович
ДУБРОВИН
(1837 – 1904)

Своим профессиональным уделом военный историк генерал-лейтенант Николай Федорович Дубровин считал научное издание исторических памятников и архивных документов. Богатый фактический материал, извлеченный из архивных источников, содержат его труды по истории войны 1812 г., о покорении Кавказа, Крымской войне, о Пугачевском бунте, по истории российского общества в царствование Александра I.

Н. Ф. Дубровин был официальным историком: кавказский наместник вел. кн. Михаил Николаевич поручил ему составление многотомной истории утверждения России на Кавказе; по личному поручению Александра II и его сына он составил сборник о Севастопольской обороне и описание Крымской войны. Неудивительно, что перед ученым открывались двери даже наглухо закрытых архивов.

В Академию наук Н. Ф. Дубровина выдвинул в 1886 г. неперемный секретарь К. С. Веселовский по желанию президента Д. А. Толстого, но вопреки мнению единственного в то время историка в Академии А. А. Куника, поначалу не одобрявшего трудов ученого как написанных на заказ. Избрание все-таки состоялось, и через несколько лет А. А. Куник во всеулышание признал заслуги своего коллеги, публикаторская деятельность которого напоминала безостановочную работу конвейера.

Работоспособность Н. Ф. Дубровина была столь велика, что он не тяготился даже административными обязанностями и с 1893 г. до конца жизни исполнял хлопотные обязанности неперемного секретаря. Одновременно с 1896 г. он являлся редактором солидного журнала «Русская старина» и побуждал академиков издавать в нем историко-научные этюды и воспоминания о прожитой жизни.

---

¹ Список трудов Н. Ф. Дубровина см.: Материалы для биографического словаря. Ч. 1. С. 268–274.

**Письмо Н. Ф. Дубровина к наследнику цесаревичу
великому князю Александру Александровичу
при представлении книги
«История Крымской войны и славной обороны Севастополя»**

1874 г.

В прошлом году Вашему Императорскому Высочеству угодно было поручить мне составление «Истории Крымской войны и славной обороны Севастополя»^[1].

Осчастливленный столь высоким вниманием и руководимый чувством глубокого уважения к эпохе, памятной для России во многих отношениях, я старался при характеристике лиц и описании совершавшихся событий положить в основание своего труда полное беспристрастие.

В ту эпоху в рядах славной русской армии не было у меня ни друга, ни недруга; не было ни брата, ни свойственника: передо мною были только соотечественники одинаково близкие, одинаково жертвовавшие своею жизнью, достоянием и имуществом.

Каждому из нас памятно то время, когда на долю наших отцов, матерей, братьев и сестер выпала трудная обязанность защиты родины и обновления ее новой жизнью. Богатырские подвиги одних, посильный труд других и родные нам слезы матерей и жен должны быть священны и не опозорены неправдою, ни в осуждении, ни в защите деятелей. Слава последних составляет гордость настоящего поколения, ошибки их — урок для него. Как то, так и другое могут вытекать только из полного беспристрастия и спокойного обсуждения событий, обсуждения, предпринятого без всякой предвзятой идеи порочить лицо или придать ему значение, большее того, которое он сам заслуживал.

Воздавая каждому по заслугам, я излагал события так, как представлялись они мне, по собранным документам и тем материалам, доставленным деятелями славной эпохи, которые Вашему Императорскому Высочеству угодно было приказать передать мне для пользования.

Политический ход вопроса, приведшего нас к столкновению с четырьмя государствами Европы, признан рановременным для обнародования, и потому я вынужден начать рассказ с открытия военных действий.

Напрасно историк Крымской войны стал бы искать причин неудачи только в различных злоупотреблениях, проявившихся в администрации, он погрешил бы против истины и не уяснил бы себе многого. Несомненно, злоупотребления существовали в нашей армии в самых широких размерах, и присвоение казенной собственности считалось делом самым обыкновенным и нисколько не предосудительным. Но несправедливо было бы то мнение, что расхищение казны имело исключительное влияние на исход военных действий. При склонности к пользованию казенною собственностью содержание войск стоило в несколько раз дороже, чем могло бы стоить, но наш солдат в течение всей войны был сыт и одет.

Наши неудачи происходили не от недостатка пищи или одежды, а заключались в совокупности других причин, и прежде всего в ошибочном определении важности пунктов обороны нашей обширной границы. Мы не шли навстречу опасности, а следовали за нею и оттого всегда опаздывали.

Ни одно государство не в состоянии оберегать свою границу с одинаковою силою на всем ее протяжении; оно не имеет даже в этом и нужды, но определение наиболее

важных пунктов обороны, умение сосредоточить на них наибольшее число войск, дабы иметь перевес над неприятелем, составляет всю мудрость военного дела. То же число войск, но разбросанное на значительном расстоянии или вводимое в дело в порядке постепенности, не в состоянии оказать должного сопротивления и не принесет той существенной пользы, которую принесло бы, если бы войска были бы сосредоточены на одном важном пункте.

Крымская война застала нас в период разбросанности; она явилась, когда войска были растянуты на всем протяжении границы от Ботнического залива до Каспийского моря, когда большая их часть была стянута к западной и юго-западной границе и только лишь незначительная доля была назначена для защиты черноморского побережья. Здесь долгое время видели наименьшую опасность, но зато когда она явилась, то не в силах уже были отворотить ее — мы опоздали.

Я не стану опережать события и входить в подробности, составляющие содержание всепреданнейше представляемой «Истории Крымской войны». Повергая ее к стопам Вашего императорского высочества, осмеливаюсь испрашивать милостивого снисхождения к его недостаткам^[2].

С чувством глубочайшего благоговения и беспредельной преданности имею счастье быть В. И. В.

Верноподданный [Н. Ф. Дубровин]

СПбФ АРАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 465. Л. 3–4 об. Отпуск. Автограф Н. Ф. Дубровина.

Оубл. с авторской правкой и дополнениями:

Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1. СПб., 1900. С. XIII–XV.

^[1] По желанию цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III) Военному министерству было поручено выделить автора для составления книги о Крымской войне и героической обороне Севастополя. Таким автором оказался назначен Н. Ф. Дубровин как специалист по этому периоду. Когда работа над книгой подошла к концу, было решено не издавать ее до истечения срока секретности ряда упомянутых в ней документов. Сочинение увидело свет лишь спустя четверть века: *Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1–3. СПб., 1900.*

^[2] В печатном издании данный абзац отсутствует. Вместо него следует текст:

«Крымская война, при всех ее недостатках и ошибках, будет всегда служить для настоящего и будущего поколения поучительным и прекрасным примером того, как следует любить свое отечество и жертвовать за него жизнью. Каждый изучающий ее будет удивлен не обилием стратегических соображений, но обилием героев, проявивших удивительную стойкость и энергию.

Война эта замечательна горячим участием в ней деда Вашего императорского высочества в Бозе почившего императора Николая I, коему принадлежит слава защиты Севастополя, все новое, небывалое в летописях обороны и истории инженерного искусства.

Возможность указать с достаточной подробностью на предназначения почившего императора, составляющие блестящую страницу из деятельности нашей в Севастополе, — была бы лучшей для меня наградой.

Изложение обстоятельств, предшествовавших началу военных действий на Крымском полуострове, и постепенное развитие этих действий — составляет содержание настоящего труда. Повергая начало его вниманию Вашего императорского высочества, осмеливаюсь испрашивать милостивого снисхождения к многочисленным его недостаткам».

См.: *Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1. СПб., 1900. С. XV.*

Доклад неперменного секретаря К. С. Веселовского
президенту Академии наук Д. А. Толстому о предложении
Н. Ф. Дубровина в адъюнкты по русской истории

Не позднее 31 марта 1886 г.²

Не имея в прошлую субботу доклада у Вашего сиятельства и предвидя, что и в субботу наступающей недели доклад мой может не состояться за предстоящим в тот день заседанием Общего собрания Академии, я долгом считаю доложить Вашему сиятельству письменно о положении, в каком ныне находится дело о предложении Дубровина в адъюнкты по русской истории.

Как за смертью Калачова становилось вакантным место **ординарного** академика по русской истории, то на основании Устава надлежало назначить комиссию для составления списка кандидатов на эту вакансию. Такая комиссия и была назначена Историко-филологическим отделением **14 января** из Куника, Безобразова и меня. В заседании этой комиссии **28 января** Куник заявил, что он, не желая предлагать кого-либо на эту вакансию, предоставляет себе сделать письменный доклад лишь о том, по какой части русской истории желателен теперь представитель Академии^[1]. На вопрос Безобразова и мой, когда же он полагает это сделать, он весьма решительно объявил, что он не связывает себя никаким сроком, что доклад свой он сделает, когда найдет это удобным для себя, и что по Уставу комиссия имеет во всяком случае шестимесячный срок для своего дела. Ввиду такого ответа двум остальным членам комиссии не оставалось ничего более, как только ожидать, пока Куник заявит, что доклад его готов, для того, чтобы тогда собраться для его обсуждения. С тех пор прошло полтора месяца, а о докладе Куника ничего до сих пор не слышно. В этом нельзя было не видеть одного лишь желания затянуть и затормозить дело, а между тем усиление состава Историко-филологического отделения еще одним представителем по русской истории, и притом именно по истории последних трех столетий, являлось крайней необходимостью и даже необходимостью неотложной. Так как на отделении лежит обязанность — продолжать важные и обширные, начатые им, по мысли Калачова, архивные изыскания, относящиеся до истории означенных столетий, — а при размножившемся в последние годы числе раздаваемых Академией премий за исторические сочинения рассмотрение большого числа присылаемых конкурсных сочинений этого рода, падающее на обязанность отделения, было бы для него непосильным бременем без усиления его состава лишним членом по русской истории, и это тем более, что единственный представитель теперь этой части в отделении — Куник — специально занимался лишь древним периодом русской истории и не написал ни одного, ни большого, ни малого, сочинения по истории XVI, XVII или XVIII ст., к которым большей частью относятся сочинения, поступающие на рассмотрение отделения для получения премий^[2].

Ввиду этих обстоятельств и желания Вашего сиятельства о том, чтобы был предложен Дубровин, я заготовил предложение о нем с изложением ученых заслуг, подписанное, согласно требованию Устава, тремя ординарными академиками. Так как для замещения вакансии ординарного академика требуется Уставом назначение комиссии, которой для исполнения ее поручения полагается шестимесячный срок, то Куник имеет полную возможность надолго протянуть дело, а между тем замещение адъюнктских вакансий делается, по Уставу, без назначения комиссий, а лишь по предложению трех ординарных академиков, то мне казалось совершенно согласным с Уставом и уж в особенности с интересами Историко-филологического отделения — оставляя за комиссией

² Датировано на основе пометы Д. А. Толстого.

и Куником полную свободу предложить, когда то они признают нужным, кандидата на вакантное место ординарного академика по русской истории, — избрать ныне же, независимо от того, еще одного адъюнкта для того же предмета, предложив на это место Дубровина. В этом смысле и составлено представление, которое я долгом считаю представить при сем на усмотрение Вашего сиятельства.

Имея в виду, что для того, чтобы провести это избрание до начала летних вакансий, представление должно было бы быть внесено в отделение не позже заседания 11 марта, я перед этим заседанием был у Куника, чтобы сообщить ему это представление и предложить ему, буде он пожелает, подписать его. Но Куник принял меня весьма невежливо и, извиняясь нездоровьем, не согласился даже выслушать чтение представления, а придя в тот же день в заседание отделения, заявил, что если я прочту представление, то он подаст протест, а следовательно, предложение о Дубровине не пройдет в отделении, а уже и подавно в Общем собрании. Ввиду этого я, конечно, должен был взять свое представление назад, и оно осталось нечитанным в отделении и неизвестным даже Кунику.

Обо всем этом я долгом считаю довести до сведения вашего сиятельства, присовокупляя к сему, что по милости такого непозволительного образа действий Куника Историко-филологическое отделение находится теперь по отношению к русской истории в критическом положении. 1 мая окончится срок приема сочинений на премии имени Вашего сиятельства по наукам Историко-филологического отделения, и ожидается в их числе немало сочинений по русской истории; уже и теперь, еще за месяц до срока, явилось таких пять, исчисленных в прилагаемом здесь списке. Обо всех их нужно будет составить подробные рецензии, а на Куника в этом случае надежда плохая. Если бы представление Дубровина было читано в отделении 11 марта и последовало бы затем его избрание в установленном порядке, то он еще вовремя поспел бы к нам на помощь для рассмотрения сочинений этого конкурса. Но теперь, когда этот план разбился о сопротивление Куника, я предвижу, что по отношению к предстоящему конкурсу на премии Вашего имени мы будем в большом затруднении^[3].

Докладывая Вашему сиятельству о положении этого дела, я имел в виду довести до Вашего сведения, что я сделал в этом случае все, что от меня зависело, для соблюдения столь дорогих для меня интересов и чести Академии. Теперь, когда мои все старания оказались безуспешными, я не вижу иного средства подвинуть дело о кандидатуре Дубровина, как если бы Вашему Сиятельству угодно было взять это дело в свои руки. Весьма важным обеспечением успеха было бы, например, если бы Вам угодно было присоединить свою подпись к приложенному здесь представлению. Ваши собственные, известные в ученом мире исторические труды дают Вам в вопросах русской истории такой неоспоримый и всеми признанный авторитет, что подпись Ваша под представлением о Дубровине была бы вполне уместна и, конечно, решила бы все дело в желанном смысле^[4].

К. Веселовский.

Помета: Об этом нам нужно будет переговорить. 31 марта³.

СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 1–3 об. Автограф К. С. Веселовского.
Опубл.: Веселовский К. С. *Отголоски старой памяти: воспоминания и записки неперменного секретаря Императорской Академии наук / сост. Е. Ю. Басаргина. СПб., 2018. С. 244–246.*

^[1] Первую публикацию см.: Записка академика А. А. Куника об ученых трудах адъюнкта Академии наук Николая Федоровича Дубровина с 1887 по 1890 год. СПб., 1890. С. 9–11.

³ Карандашная помета Д. А. Толстого слева на полях л. 1.

^[2] Оценка научных трудов всегда была важной обязанностью Академии наук, а с появлением частной благотворительности и учреждением ряда именных премий в области науки ее роль как эксперта научных трудов значительно возросла. Безвозмездное рецензирование работ по своей специальности вменялось в обязанность действительным членам Академии. Однако с увеличением числа премий и поступавших конкурсных сочинений эта нагрузка становилась для них непосильной, поэтому нередко приходилось обращаться к специалистам «со стороны». За проделанный труд рецензенты удостоивались именной медали, а для некоторых (в их числе был Н. Ф. Дубровин) наградой становилось избрание в члены-корреспонденты. По историческим наукам присуждались премии С. С. Уварова, митрополита Макария, Д. А. Толстого. В 1877 г. Н. Ф. Дубровин дал отзыв о сочинении М. И. Богдановича «Восточная война 1853–1856 годов» (СПб., 1876), представленном на соискание Уваровской премии; автор был удостоен малой премии, а рецензент — звания члена-корреспондента (2 декабря 1877 г.). В 1881 г. Дубровин рецензировал поданный на тот же конкурс труд А. Н. Петрова «Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II (1787–1791)» (в 2 т.; СПб., 1880); автор удостоился награды в 500 руб. В 1885 г. состоялось первое присуждение премии митрополита Макария, и Н. Ф. Дубровин был приглашен к рецензированию исследования А. Ф. Петрушевского «Генералиссимус князь Суворов» (в 3 т.; СПб., 1884); автор стал лауреатом (полная премия).

^[3] В 1883 г. была учреждена премия имени президента Академии наук гр. Д. А. Толстого. Награды присуждались ежегодно поочередно ФМО, ОРЯС, ИФО. В 1886 г. состоялся первый конкурс по ИФО. Н. Ф. Дубровин рецензировал труд П. О. Бобровского «Военное право в России при Петре Великом» (ч. II, вып. 2; СПб., 1886); автор получил первую почетную золотую медаль в 300 руб.

^[4] Предложение К. С. Веселовского не имело успеха: Д. А. Толстой не дал под представлением своего имени. См. ниже.

**Письмо Н. Ф. Дубровина
к неперемемному секретарю К. С. Веселовскому
об издании архивных документов
по истории царствования императрицы Елизаветы Петровны**

6 ноября 1886 г.

Милостивый государь Константин Степанович.

До настоящего времени история России, если можно выразиться, изучается скачками: исследованы во многом эпохи Петра I и Екатерины II, а все, что было между этими царствованиями, мало или вовсе неизвестно. Жизнь народа и государства слагается постепенно, и последующие события есть следствие предыдущих. Нужно ли говорить, что царствование императрицы Елисаветы подготовило очень много для блестящего века Екатерины II, а между тем первое царствование почти неизвестно. Вот почему я не мог не обратить внимания на следующее обстоятельство.

В Сенате в настоящее время разбираются дела, и масса весьма важного материала, по всей видимости, в непродолжительном времени будет отправлена в Москву, в тамошний архив Министерства юстиции. Пользование московскими архивами и издание документов, там хранящихся, сопряжено с большими затруднениями, и потому желательно бы было ныне же воспользоваться тем, что есть здесь. Поэтому я позволяю себе предложить, не пожелает ли Академия приступить ныне же к изданию наиболее важных. Я знаю, что средства Академии в этом отношении весьма ограничены, но, быть может, признано будет возможным испросить об отпуске ежегодно особой суммы на издание документов XVIII и XIX столетий, на которую можно бы было выпускать один или два тома в год. Подобным изданием Академия, конечно, оказала

бы огромную услугу в деле изучения нашего ближайшего прошлого, несомненно, отражающегося и на настоящем.

Чтобы ознакомить Вас хотя отчасти с важностью уже разобранных документов, я укажу на следующие: 1) Протоколы и мемории тайной при дворе конференции, бывшей во все царствование императрицы Елисаветы; 2) Сношения наши с Персией в 1742–1747 г.; 3) Сношения с Швециею и война с нею в 1739–1757 г.; 4) Сношения с Китаем в 1754–1765 г.; 5) Делопроизводство комиссии о раскольниках и бумагах их в 1744–1751 г.; 6) О Донском войске в 1753–1755 г.; 7) О бывшей прусской войне в 1760–1761 г. Я не упоминаю здесь о более мелких делах, каковы, например: бумаги царевича Алексея Петровича, Ягужинского, Миниха; огромное следственное дело о башкирцах в 1755–1763 г.; документы и переписка о тарифе и торговле с европейскими и азиатскими государствами. Из этого краткого перечня Вы усмотрите как значение документов, так и то, что издание их составит несколько томов, а следовательно, потребует особого капитала^[1].

Передавая мою мысль и предложение на Ваше усмотрение, прошу принять уверение в глубоком уважении и преданности

Вашего покорнейшего

Н. Дубровина

СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 2. Д. 44. Л. 1–2. Автограф Н. Ф. Дубровина.

^[1] Планам Н. Ф. Дубровина не суждено было осуществиться, но его готовность расширить поле своей и без того беспримерной по интенсивности деятельности примечательна сама по себе. После избрания в Академию к нему перешло наблюдение за предпринятым по инициативе Н. В. Калачова (1819–1885) капитальным изданием «Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого» (т. 3–5; СПб., 1887–1897).

Записка об ученых трудах Н. Ф. Дубровина, составленная К. С. Веселовским для представления его в адъюнкты по русской истории

23 декабря 1886 г.

В числе различных отраслей науки русской истории, конечно, заслуживают в настоящее время особого внимания труды, направленные к разъяснению и основательному изучению трех последних столетий, всестороннее знакомство с которыми, помимо удовлетворения ученой любознательности, столь необходимо и для правильного решения разных вопросов, выдвигаемых на очередь ходом современной бытовой, гражданской и политической жизни нашего отечества.

Правильность этого взгляда признала и Академия избранием в 1883 году Н. В. Калачова в академики по русской истории. Полагаем, что в настоящее время не только нет основания отступить от этого взгляда, но для Академии имеется еще более побудительных причин придерживаться его ввиду лежащего на ней обязательства — продолжать начатые ею, по мысли покойного Калачова, важные исторические предприятия, относящиеся до разыскания новых источников для истории последних трех столетий^[1].

В этом убеждении мы полагаем, что было бы в интересе Академии одну из имеющихся в Историко-филологическом отделении адъюнктских вакансий занять представителем означенной отрасли русской истории, и вследствие сего, с согласия

г-на президента, имеем честь предложить на это место столь много потрудившегося на этом поприще — члена-корреспондента Академии Н. Ф. Дубровина. 25-летняя деятельность его на учено-литературном поприще выразилась целым рядом таких трудов, которыми внесена в науку масса новых данных, впервые извлеченных им из архивов и представленных в строгой критической обработке. Укажем здесь на главнейшие из них с тем, чтобы показать объем и характер деятельности нашего кандидата^[2].

Вскоре после окончания курса в Михайловской артиллерийской академии г. Дубровин посвятил себя всецело и исключительно изучению русской истории и с первых же трудов, выпущенных в свет, явился работником основательным и серьезным. Из числа ранних его самостоятельных произведений, обративших на себя особое внимание, упомянем об исследовании под заглавием «Сербский вопрос в царствование императора Александра I» (Русский вестник. 1863. № 7–8). Написанное по неизданным документам, хранящимся в архивах Военно-ученом и Министерства иностранных дел, это исследование впервые ознакомило нас с документальными фактами высокого и бескорыстного участия России в деле освобождения одного из славянских племен от турецкого ига. Вслед затем и по тому же вопросу в 1864 и 1865 годах появились труды г. Дубровина под заглавием «Материалы для истории царствования императора Александра I. Турецкая война 1806–1812» (Военный сборник. 1864. № 4–12; 1865. № 1, 2, 5–8). Несмотря на скромное заглавие «Материалов», оба этих труда, написанные по первоначальным, неизданным источникам, хранящимся в архивах Военном и Министерства иностранных дел, представляют собой настолько замечательное и самостоятельное исследование, что они тогда же были переведены на сербский язык. О них, между прочим, профессор Богишич при разборе, по приглашению Академии, сочинения Н. Попова «Россия и Сербия», представленного в 1870 году на соискание Уваровских наград, заявил, что в числе монографий о Сербии вышеприведенные труды г. Дубровина заслуживают особого внимания^[3].

Почти одновременно с этими сочинениями появились два других исследования его: «Москва и граф Ростопчин в 1812 году» (Военный сборник. 1863. № 7–8) и «Наполеон и поляки в 1812 г.» (Отечественные записки. 1865. № 11; 1866. № 2), составленные по архивным источникам и давшие новое освещение многим фактам великого года в жизни России. Последний названный труд остается и до сих пор единственным исследованием, касающимся отношений поляков к России в ту эпоху.

В 1868 и 1870 г. Николай Федорович напечатал два однородных исследования: «Князь М. Н. Волконский и его донесения из Польши» (Вестник Европы. 1868. № 11–12) и «Накануне первого раздела Польши» (Вестник Европы. 1870. № 7). В первой статье автор воспользовался документами Московского архива Министерства иностранных дел и семейного архива князя Волконского для описания событий в Польше в 1764 году и для изображения степени участия в них России. При обилии материалов, которыми он пользовался, и при тщательности, с которой изучены им источники, исследование вносит в историю этой важной эпохи новые данные и пополняет пробелы в сочинениях С. М. Соловьева («История падения Польши»), П. К. Щербальского («Французская политика в Польше в 1768 и 1769 г.») и князя П. П. Вяземского («Политика Фридриха Великого»)^[4]. Вторая из названных статей касается событий в Польше в 1770 году, когда русское правительство решилось в первый раз организовать в Польше свою конфедерацию, с тем чтобы противопоставить ее многочисленным конфедерациям, возникшим в первые годы правления Станислава Понятовского. Назначенному с этой целью в Варшаву кн. Волконскому

предстояла трудная задача составить благонамеренную конфедерацию и отдалить от короля родственников его — Чарторыжских. Полагаем, нет надобности говорить, насколько было важно исследование этой эпохи, и в особенности опирающееся на подлинные и до того времени никому не известные архивные источники.

Ученые труды в то время молодого исторического деятеля обратили на себя общее внимание, и еще в 1866 году Его Высочество наместник кавказский просил высочайшее разрешение — поручить г. Дубровину составление покорения и владычества русских на Кавказе. Принимаясь за столь обширную работу, Николай Федорович по собранию материалов в архивах петербургских и московских отправился на Кавказ и извлек там из местных архивов массу новых данных, собрал на месте много преданий, легенд, песен и проч. По возвращении в Петербург он приступил к обработке собранного материала, и плодом его долголетнего и усидчивого труда было издание в 1871 году первого тома (в трех книгах), а в настоящем году — 2, 3 и 4 томов «Истории покорения Кавказа». В этом издании первоклассной важности вся третья книга первого тома посвящена, между прочим, библиографическому обзору литературы Кавказа: здесь приведено содержание 2355 книг и статей, относящихся до Кавказа по всем отраслям знания (истории, географии, этнографии, статистики, торговли, хозяйству, археологии и проч.), так что этот обзор является необходимым пособием для всякого, предпринимającego какую-либо работу о Кавказе.

В 1871 году Его Императорскому Величеству государю императору, в то время наследнику цесаревичу, благоугодно было составить из доставленных ему рукописей о Севастопольской обороне особый сборник. Этот труд Его Величеству угодно было возложить на Н. Ф. Дубровина, с поручением написать и историю Крымской войны для личного сведения Его Величества. Плодами этого поручения были: 1) появление в 1872 году трех томов, с примечаниями и заметками, «Сборника рукописей, представленных Его Императорскому Величеству о Севастопольской обороне»; 2) издание, в промежуток времени с 1871 по 1875 г., четырех томов «Материалов для истории Крымской войны и обороны Севастополя», и наконец, 3) в июне 1876 г. Дубровин представил Его Величеству составленную им «Историю Крымской войны». Написанное с широким пользованием всего архивного материала, не исключая и дел секретных, рукопись эта не могла появиться в печати, и издание ее признается пока преждевременным. Тем не менее Академия наук успела воспользоваться частью этого обширного исследования г. Дубровина и обогатить историческую литературу новыми ценными данными, относящимися к той эпохе. В 1877 г. Академия поручила г. Дубровину разбор представленного на соискание Уваровских наград многотомного сочинения М. И. Богдановича «Восточная война 1853–1856». Рецензия, написанная им вследствие этого и напечатанная в «Записках» Академии, составляет вполне самостоятельный и в высшей степени важный ученый труд, превосходящий по объему самое сочинение генерала Богдановича. Академия не могла не оценить столь неутомимого и выдающегося деятеля на поприще исторической науки и избрала его (в 1877 г.) в свои члены-корреспонденты.

Это отличие послужило для г. Дубровина как бы новым побуждением к усилению, если можно, его деятельности. Среди своих многочисленных занятий он успел собрать в правительственных и частных архивах массу писем, относящихся до знаменательной эпохи царствования императора Александра I, и часть их напечатана в «Записках» Академии (том 43) под заглавием «Отечественная война в письмах современников», другая же часть собрания, также по распоряжению Академии, издана отдельной книгой под заглавием «Письма главнейших деятелей

в царствование императора Александра I». Излишне было бы говорить о важном значении этих писем в смысле исторических документов. Писанные к друзьям, к знакомым и даже к начальникам, но не для печати, эти письма заключают в себе такие подробности, такую оценку событий и характеристику лиц, каких часто не дают документы официальной переписки. Здесь выяснены многие факты, которые до тех пор были или вовсе не известны, или же, за недостатком точных данных, объяснялись историками на основании сухих официальных данных, не всегда достаточно полных. В частной переписке высказываются характеры исторических лиц, их писавших и отчасти тех, к кому они адресованы. Отечественная война рисуется здесь в новом свете, и эти письма всегда будут лежать в основе изучения этой великой эпохи. Заслуга г. Дубровина не ограничивается одним собиранием и изданием этих важных документов: верный характеру своей ученой деятельности, он идет на помощь к следующим за ним деятелям: к его изданию приложен полный и с большим старанием составленный библиографический указатель 1872 статей и 1078 книг, относящихся до этой эпохи. Указатель, расположенный в хронологическом порядке, избавит будущих исследователей от необходимости тратить труд и время на приискание источников. Это собрание писем нашло в современной литературе самую лестную оценку, и в некоторых изданиях оно названо выдающимся явлением в исторической литературе 1882 года.

Рядом с печатанием писем г. Дубровин приводил к окончанию свое весьма важное и обширное исследование «Пугачев и его сообщники». Строго научное направление, характеризующее все труды г. Дубровина, было причиной того, что ему дана была возможность пользоваться следственным о пугачевском бунте делом, к которому до него никому не было открываемо доступа. В изданном им в 1884 году сочинении о Пугачеве (в трех томах) собрано и критически разработано все, что можно было собрать в частных и правительственных архивах; не оставляя без внимания и печатную литературу предмета, автор представил в конце 3-го тома критическую ее оценку. Исследование пугачевского бунта является совершенно новым, в особенности в связи с событиями и с характеристикой тогдашнего общества. Причины бунта разъяснены на основании совокупности самых достоверных фактов, равно как разъяснены не только ход бунта, но и его последствия. Недостаточно расследованный дотоле печальный эпизод в истории царствования императрицы Екатерины II становится теперь ясным и озаряет новым светом внутренний быт тогдашней России. Этот последний труд г. Дубровина составляет капитальное приобретение в русской истории.

В год появления сочинения о Пугачеве г. Дубровин был избран в действительные члены Императорского Русского исторического общества и в том же году издал депеши нашего посланника Я. И. Булгакова (1779–1798) и донесения из Польши в 1792 году. Документы эти составили 47-й том Сборника Исторического общества. Независимо от этого в том же 1884 г. он приступил к изданию на средства Академии наук богатого собрания документов, извлеченных им из разных архивов, о присоединении Крыма к России. Три тома этого важного сборника уже вышли в свет, а остальные печатаются Академией.

В настоящее время г. Дубровин по поручению Исторического общества занят изданием протоколов и указов Верховного тайного совета. При вступлении на престол императрицы Екатерины I, указом 8 февраля 1726 г., был учрежден Верховный тайный совет, в котором сосредоточивалось все высшее управление как внутренними, так и внешними делами государства. Правительствующий Сенат был переименован в «Высокий сенат» и подчинен Верховному тайному совету. Такое положение дел

продолжалось до 4 марта 1730 г., когда Верховный тайный совет был закрыт и восстановлены прежние наименование и значение Правительствующего Сената. Таким образом, протоколы и указы Верховного тайного совета являются как бы продолжением издания, начатого Академией под руководством Н. В. Калачова «Доклады и приговоры Правительствующего Сената в царствование Петра Великого». Поэтому Историко-филологическое отделение избрало г. Дубровина быть продолжателем Калачова по изданию актов петровского Сената и тем, конечно, обеспечило успешное окончание этого важного и обширного предприятия, долженствующего составить эпоху в изучении внутреннего быта России в период великих в ней преобразований, знаменующих собою первую четверть XVIII столетия.

К этому беглому и неполному перечню важнейших трудов г. Дубровина прибавим, что Академия не раз прибегала к его содействию для оценки исторических сочинений, представлявшихся на соискание присуждаемых ею премий, и всякий раз получала от него в форме обширных рецензий такие ученые труды, которые сами по себе были приобретением для науки, внося в нее много новых фактов и взглядов. Таковыми были: обширная рецензия, написанная им в 1881 г. по поводу сочинения г. Петрова «Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II»; еще более обширная рецензия — целая книга, о которой упомянуто выше, на сочинение г. Богдановича «Восточная война 1853–56 г.», такова же обширная его рецензия на сочинение г. Петрушевского «Генералиссимус Суворов»; эта последняя, составляющая вполне самостоятельный ученый труд, заключает в себе результаты исследований его о положении военного дела в России в XVIII столетии и об относительном значении Суворова в преобразовании екатерининской армии.

Длинный ряд трудов, вышедших из-под пера нашего кандидата, позволяет нам составить себе достаточное понятие о характере учено-литературной деятельности этого замечательного исследователя в области русской истории: все они свидетельствуют о его любви к труду, о его серьезном отношении к науке, выражающемся как в важности предметов, на которые простирает он свои исследования, так и в постоянном его стремлении обогащать наши исторические познания — разысканием новых и притом наиболее достоверных фактов, освещаемых осмотрительной и беспристрастной критикой. Чуждаясь более легких работ компилятивного характера, он никогда не боится утомительности и продолжительности архивных поисков, если иметь в виду разъяснить еще мало исследованный вопрос, и при том навыке, какой он многолетними своими работами приобрел в пользовании архивами, он успел извлечь из них огромную массу исторических документов и фактов и в своих сочинениях сделал их достоянием науки.

Прилагая при сем хронологический список сочинений нашего кандидата⁴, мы должны прибавить, что при малочисленности нашего Историко-филологического отделения усиление его присоединением к его составу такого даровитого и опытного деятеля, как Дубровин, представляется, по нашему глубокому убеждению, совершенно своевременным и крайне необходимым. Не говоря уже о лежащей на отделении обязанности продолжать важные, начатые им, по мысли Калачова, архивные разыскания, относящиеся до трех последних столетий, должно заметить, что последние годы в Академии столь значительно размножилось число премий за исторические сочинения, что рассмотрение увеличивающегося числа конкурсных сочинений этого рода, падающее на обязанность отделения, было бы для него непосильным бременем без увеличения его состава лишним членом по части русской истории.

---

⁴ Список трудов опускается.

По всем этим соображениям мы на основании § 12 Положения о порядке избрания в действительные члены Академии имеем честь предложить Н. Ф. Дубровина в адъюнкты по части русской истории, в надежде, что отделение поддержит наше предложение избранием в свой состав такого заслуженного деятеля^[5].

Подписали: К. Веселовский, А. Наука, Ф. Видеман, В. Безобразов^[6].

Помета: Приложение к протоколу заседания ИФО от 23 декабря 1886 г.⁵

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 67. Л. 1–6 об. Автограф К. С. Веселовского, подписи-автографы К. С. Веселовского, А. К. Наука, Ф. Видемана, В. Безобразова; Л. 9–11 об. Подлинник. Типограф. печать.

^[1] Н. В. Калачов, являвшийся с 1865 г. управляющим Московским архивом Министерства юстиции, рассматривал свое избрание в академики как посыл скорее начать интенсивную разработку архивных материалов.

См.: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 1. СПб., 1880; Т. 2. Кн. 1. СПб., 1882; Кн. 2. СПб., 1883; Т. 3. Кн. 1. СПб., 1886.

^[2] Список опубликованных трудов Н. Ф. Дубровина (сост. П. В. Ильин) // Н. Ф. Дубровин. Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007. С. 615–628.

^[3] Имеется в виду сочинение: *Попов Н. А.* Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 г. по 1856 г. Ч. 1–2. М., 1869.

См.: Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия». Профессора В. Богишича // Отчет о тринадцатом присуждении наград графа Уварова. 25 сентября 1870 г. СПб., 1872. С. 88–333. (Приложение № 7 к 61-му тому Записок ИАН). На с. 90 читаем: «Здесь особенно внимания заслуживают статьи Дубровина» (далее следует перечень его трудов).

^[4] Имеются в виду сочинения:

Соловьев С. М. История падения Польши. М., 1863.

Щебальский П. К. Французская политика в Польше. 1768 и 1769 г. // Русский вестник. 1863. Т. 46, вып. 7. С. 207–228.

О политике Фридриха Великого с 1763 по 1775 год / переведено и составлено князем Павлом Вяземским. М., 1868.

^[5] Правила гласили: «§ 11. Если по истечении шестимесячного срока, назначенного для составления списка кандидатов, комиссия такового не представляет, то она закрывается, и место остается праздным впредь до появления способного для замещения той вакансии лица.

§ 12. В таком случае, как равно и в случаях, изложенных в § 34 устава, также при замещении праздных мест на звание адъюнкта (на основании § 76 устава), наконец при производстве адъюнктов и экстраординарных академиков в высшие академические степени, представления могут быть делаемы отделением и не от особых, назначенных на то комиссией, а по взаимном соглашении от известного числа ординарных академиков, не иначе трех, преимущественно принадлежащих к тому разряду, в которое должен поступить предлагаемый кандидат».

См.: Положение о порядке избрания в действительные члены Императорской Академии наук, 11 августа 1849 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2 : 1835–1849. СПб., 1866. Стб. 1063–1068. № 904.

^[6] А. А. Куник не только не подписал представления, он пропустил заседание ИФО, на котором должны были состояться выборы Н. Ф. Дубровина, и они были отложены. Члены отделения получили повторно приглашение следующего содержания: «Непременный секретарь Императорской Академии наук имеет честь уведомить членов Историко-филологического отделения, что назначенная на заседание отделения 20 сего января [1887 г.] баллотировка члена-корреспондента Академии Н. Ф. Дубровина в адъюнкты по русской истории не могла состояться за неприбытием в то заседание необходимого для законности баллотировки числа членов отделения; вследствие чего положено — означенную

⁵ Напечатано в правом верхнем углу первого листа типографского варианта записки.

баллотировку произвести в следующем заседании отделения, имеющем быть 3 февраля сего года» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 67. Л. 14).

На заседании ИФО 3 февраля 1887 г. присутствовали 8 человек, и Н. Ф. Дубровин получил в свою пользу 6 голосов, что составляло «законное большинство», и был допущен к выборам на Общем собрании, где получил 23 избирательных и 5 неизбирательных голосов и был признан избранным (Там же. Л. 15, 17).

В 1890 г. Н. Ф. Дубровин был повышен в экстраординарные академики. Накануне выборов он составил отчет о своих работах за три года, где, в частности, писал: «Три года назад я был избран адъюнктом Академии и потому считаю нравственною для себя обязанностью дать отчет в том, что мною сделано в промежуток этого времени <...> Опираясь таким образом на 11 изданных мною в течение трех лет томов и на 11 представленных Академии рецензий, я с полным убеждением и чистою совестью могу сказать, что не оставался бездеятельным членом Академии» [СПбФ АРАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 504. Л. 18, 20 об.].

А. А. Куник изменил свое отношение к Н. Ф. Дубровину, проникся уважением к его неутомимой деятельности и сам предложил избрать его в экстраординарные академики. Свой отзыв о научной деятельности Н. Ф. Дубровина он завершил словами: «Из предлагаемого Вашему вниманию обзора трудов Николая Федоровича можно легко убедиться, как полезно он употреблял свои досуги со времени избрания в члены нашей Академии. Можно без преувеличения сказать, что наш сочлен в столь короткое время — с 1887 по 1890 год — оказал значительные услуги отечественной истории». См.: Записка академика А. А. Куника... С. 1–4.

Академики В. Г. Васильевский, В. В. Радлов, В. П. Васильев и К. С. Веселовский присоединились к мнению А. А. Куника. Они написали: «На основании прочитанной 2 мая академиком А. А. Куником записки об ученых трудах адъюнкта Н. Ф. Дубровина мы, нижеподписавшиеся ординарные академики, предлагаем ходатайствовать о возведении его в звание экстраординарного академика по кафедре русской истории». В отделении Н. Ф. Дубровин был избран единогласно, на Общем собрании получил 22 голоса за и 2 против [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 67. Л. 33, 35, 37].

В 1900 г. Н. Ф. Дубровин был избран ординарным академиком.

Письма Н. Ф. Дубровина к К. С. Веселовскому об издании в журнале «Русская старина» его очерков по истории Академии наук и воспоминаний⁶

12 июня 1896 г.

Глубокоуважаемый Константин Степанович.

За время моей поездки в Москву накопилось столько работы в Канцелярии и в редакции, что я решительно не имел времени написать Вам нескольких строк, в чем и прошу великодушного прощения. Статью о Домашневе жду с большим нетерпением, и вполне уверен, что только авторская скромность заставляет Вас думать, что она может быть не интересна. Не можете ли вы указать мне, где можно найти портрет Домашнева, я желал бы приложить его при Вашей статье^[1]. Человек он был во всяком случае замечательный, и украсить Р[усскую] Стар[ину] его портретом было бы хорошо.

Желаю вам здоровья и продолжения такого же лета, какое стоит до настоящих дней. Прошу передать мой низкий поклон всем Вашим и не забывать сердечно преданного

Н. Дубровина

СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 2. Д. 44. Л. 7–7 об. Автограф Н. Ф. Дубровина.

[1] Статья вышла без портрета С. Г. Домашнева.

⁶ Письма К. С. Веселовского к Н. Ф. Дубровину не сохранились.

19 июня 1896 г.

Глубокоуважаемый Константин Степанович.

Я прочитал Вашу статью за один присест, не отрываясь, — так она интересна. Я говорю это по чистой совести, но позволю себе просить позволения изменить заглавие на следующее: «Академия наук при директоре С. Г. Домашнев (1775–1782 гг.)»^[1]. Мне кажется, это заглавие будет более соответствовать содержанию статьи и возбудит большее внимание читателей, что не бесполезно для редакции.

Позвольте Вас поблагодарить за доставление статьи и выразить желание на скорейшее получение другой, о которой Вы мне говорили и хотели писать ранее, чем о Домашнев.

Искренно и сердечно преданный
Н. Дубровин

Там же. Л. 8–8 об. Автограф Н. Ф. Дубровина.

^[1] Статья была опубликована под заглавием: *Веселовский К. С. Борьба академиков с директором С. Г. Домашневым (страничка из внутренней жизни Академии наук) (1775–1782 гг.)* // *Русская старина*. 1896. Т. 87. Сентябрь. С. 457–492.

22 июня 1896 г.

Глубокоуважаемый Константин Степанович.

25 июня будет сто лет со дня рождения императора Николая I. Осенью предполагается устроить торжественное собрание Академии по этому поводу или, может быть, соединить его с другим торжественным собранием 6 ноября, по случаю столетия со дня кончины Екатерины II. Во всяком случае, великий князь поручил мне просить Вас не отказать в прочтении речи о состоянии Академии в царствование Николая и тех переменах, которые в ней произошли. К просьбе Его высочества я присоединяю и свою нижайшую, если только она имеет какое-нибудь значение^[1].

Ожидаю от Вас ответа, согласны ли Вы на изменение заглавия Вашей статьи, и прошу не забывать глубоко уважающего Вас

Н. Дубровина

Там же. Л. 9–9 об. Автограф Н. Ф. Дубровина.

^[1] Ни одно из торжественных собраний не состоялось, память императора и императрицы академики почтили на ежегодном торжественном собрании 29 декабря 1896 г.

Речь о Николае I произнес директор Пулковской обсерватории Ф. А. Бредихин:

Памяти императора Николая I, основателя Николаевской (Пулковской) главной астрономической обсерватории, по случаю столетней годовщины со дня его рождения: Речь акад. Ф. А. Бредихина, произнес. в публ. заседании Акад. 29 дек. 1896 г. СПб., 1897.

Несколько слов об отношении Екатерины II к науке и Академии Н. Ф. Дубровин произнес в начале своего отчета за 1896 г.:

Отчет о деятельности Имп. Академии наук по ФМО и ИФО, составленный и читанный непр. секрет. акад. Н. Ф. Дубровиным в публ. зас. 29 декабря 1896 г. СПб., 1896. С. 1–5.

27 июня 1896 г.

Глубокоуважаемый Константин Степанович.

Сердечно благодарю Вас за доставление мелочи и уверен, что, порывшись в своих бумагах, найдете и еще несколько, а Русская Старина будет Вам за то благодарна^[1].

Великого князя я едва ли увижу скоро, и потому вопрос о чтении придется отложить на некоторое время. Грустно мне, что Вы не хотите взять этого на себя, не потому что бы я боялся работы, а потому что не сумею сделать достойным образом. О соединении празднества Пулковской обсерватории с Академиею я скажу велик. кн., быть может, так и устроится.

Желаю Вам здоровья и всего лучшего. Искренне преданный
Н. Дубровин

Там же. Л. 11–11 об. Автограф Н. Ф. Дубровина.

^[1] Имеется в виду публикация материалов о разрешении С. П. Крашенинникову вступить в переписку с Карлом Линнеем: *Веселовский К. С.* Страничка из академической жизни 1750 г. // *Русская старина.* 1896. Т. 88. Октябрь. С. 170.

К. С. Веселовский уступил настойчивым просьбам своего коллеги и друга и поместил в журнале еще несколько историко-научных очерков:

Веселовский К. С. 1) Последние годы прошлого столетия в Академии наук // Там же. 1898. Т. 93. Февраль. С. 225–245; Отношение императора Павла I к Академии наук // Там же. 1898. Т. 94. Апрель. С. 5–18; Т. 95. Май. С. 225–246; 3) О вывозе из Петербурга архива и вещей Академии наук в 1812 г. // Там же. 1900. Т. 104. Ноябрь. С. 300.

23 июля 1896 г.

Глубокоуважаемый Константин Степанович.

Посылаю Вам корректуру и прошу прощения, что позволил себе разделить статью на главы, — это как-то удобнее для читателя. По прочтении не откажите переслать ее или ко мне в канцелярию, или по адресу на бланке, как будет Вам более удобно.

Ну, уж и лето! Совершенно измучился, катаясь каждый день в город. Думаю, что и Вам жара надоела, но все же меньше, чем мне.

Ожидаю того времени, когда увижу Вас и буду иметь возможность лично благодарить Вас за внимание и ко мне, и к журналу.

Искренно преданный и глубоко уважающий,
Н. Дубровин

*Там же. Л. 12–12 об. Автограф Н. Ф. Дубровина.
На бланке редакции журнала «Русская старина».*

27 октября 1899 г.

Глубокоуважаемый Константин Степанович.

Возвращая при сем с благодарностью брошюру о Петрашевском, я точно предчувствовал и привез ее с собой, чтобы сегодня послать ее Вам. Формуляр Петрашевского я постараюсь достать, и сделаю это из собственного эгоизма.

Что касается до «Отголосков», то должен Вам сказать, что они обратили на себя большое внимание^[1]. Я слышал с разных сторон, от лиц литературного и ученого мира, что кроме большого интереса, с которым читаются «Отголоски», они тем важны,

что должны служить примером или образцом, как следует писать воспоминания или записки, т. е. опираясь на документы. Эти отзывы заставляют меня быть настойчивым в своих просьбах и поклонах о продолжении «Отголосков».

Сердечно и искренно преданный

Н. Дубровин

Там же. Л. 16–16 об. Автограф Н. Ф. Дубровина.

^[1] Речь идет о воспоминаниях К. С. Веселовского, которые автор посвятил Н. Ф. Дубровину и которые предварил словами: «Вы так убедительно уговаривали меня сообщить вам кое-что из моих воспоминаний, что я, преодолевая свою неохоту — занимать собою чье-либо внимание, решаюсь поведать вам из запаса своей памяти историю одной моей статистической работы».

Веселовский К. С. Отголоски старой памяти // Русская старина. 1899. Т. 100. Октябрь. С. 5–23 (переизд.: Веселовский К. С. Отголоски старой памяти: воспоминания и записки неперменного секретаря Императорской Академии наук / сост. Е. Ю. Басаргина. СПб., 2018. С. 67–83).

6 ноября 1899 г.

Глубокоуважаемый Константин Степанович.

Правой рукой беру воспоминания о Лицее, а левой — о Петрашевском и, соединив обе руки, держу то и другое вместе и крепко. Прежде выпущу из правой руки, потому что так следует по хронологии, а потом из левой^[1]. Заранее низко кланяюсь за внимание и подарок, и так как до меня дошли слухи, что о Лицее давно уже написано, то надеюсь, что благотворение лица, мне дорогого, последует довольно скоро.

Пишу потому, что не знаю, будете ли сегодня в заседании. О прочтении моей записки не беспокойтесь и для этого не затрудняйте себя.

Всей душой преданный

Н. Дубровин

Там же. Л. 17–17 об. Автограф Н. Ф. Дубровина.

^[1] На деле очерки вышли в обратном порядке: *Веселовский К. С. 1) Воспоминания о некоторых лицейских товарищах. Михаил Васильевич Бугашевич-Петрашевский // Русская старина. 1900. Т. 103. Сентябрь. С. 449–456; 2) Воспоминания о Царскосельском лицее // Русская старина. 1900. Т. 104. Октябрь. С. 3–29. (Переизд.: Веселовский К. С. Отголоски старой памяти... 2018. С. 31–66).*

Некролог Перо [Н. И. Познякова] «Памяти Н. Ф. Дубровина»^[1]

15 (28) июня 1904 г.

Завтра, 15 июня, хоронят Николая Федоровича Дубровина. Краткие некрологи в газетах уже оповестили об его кончине: фактическая сторона жизни его уже известна. Нет сомнения в том, что это был крупный ученый, видный литератор и выдающийся общественный деятель, — вообще, личность далеко не заурядная, утрата которой и для науки, и для общества является весьма тяжелой.

Но я не пишу некролога. Мне мало этих сжатых, напоминающих собою формулярный список сведений о жизни и деятельности человека, потому что я знал его не только, так сказать, с формальной стороны, а именно как человека. В формальной

стороне своей деятельности это был замечательно точный, щепетильно добросовестный человек. За что он брался, то он исполнял не только блестяще, но и с аккуратностью аптекаря, с точностью метронома.

Ему было около 70 лет, но благодаря частью своему неустанному трудолюбию, частью де своему здоровью, несокрушимо никаким даже непосильным трудом, он работал с самого раннего утра и до поздней ночи, — работал, не зная отдыха и не признавая его, никогда не уезжая в отпуск, не пропуская в Академии наук ни одного дня в году, — работал круглый год: и в нашу суровую зиму, и в жаркое лето, — работал не то чтобы вдохновенно, но убежденно, стойко, спорко. Потому у него работа и спорилась, и, хотя он вел параллельно, одновременно несколько дел, он ни в каком деле не отставал, и ни одно из его многочисленных занятий не терпело ущерба оттого, что одновременно с ним он вел и другое.

Он был и непреременный секретарь Императорской Академии наук, ведущий сношения Академии с ученым миром всего света от лица всех ее отделений; после смерти М. И. Семевского он много лет был редактором «Русской старины» — и, кажется, ни разу книжка этого журнала не опоздала выходом в свет; он же состоял членом Военно-ученого комитета при Главном штабе [с 4 ноября 1882 г.], — и сюда он всегда поспевал вовремя; и он же, при всей разнообразной деятельности, находил возможность, время и силы на то, чтобы создавать вековечные, многотомные, требовавшие огромной подготовки архивного материала, исторические труды, которыми он недаром создал себе не только известность, но также и славу первого русского военного историка.

Каждое утро в половине девятого его можно было видеть едущим по Невскому и по Дворцовому мосту в Академию, которою он начинал свой трудовой день. Бывали в Академии дни, когда ему в разные часы приходилось вести как ее непререковому секретарю 4–5 заседаний ... И он никогда не жаловался, не ныл. Только признавался иной раз: «Вот уж пятое заседание, а я еще не завтракал ... Чаю попил с кренделями: отличные баранки на Невском у Андреева»^[2].

Это благодушное признание отлично обрисовывает всю благодушную личность покойного. Я не знаю человека, который бы когда-нибудь худо отозвался о Н. Ф. Искренность и прямота отношений всегда сделают свое. А он таким именно и был. Благодаря своему в высшей степени спокойному, покладистому характеру, не возмущаясь даже возмутительным, он ко всему относился с ровностью поистине умного человека, умеющего дать оценку каждому явлению жизни и каждому поступку человека. Он умел сказать правду и тогда, когда ему было что-либо не по душе и когда он встречал совершенное противоречие его взглядам; но форма выражения этой правды была не такая, как у большинства: ни раздражения, ни повышенного тона, а просто сказал что есть, и как думает, и как надо, и противник, по большей части, соглашался, оставаясь со своим оппонентом в наилучших отношениях, без малейшей тени неприязни.

Особенно ясно выразилось его благодушие, когда он с мая 1895 года — со времени учреждения по воле ныне царствующего императора Постоянной комиссии для пособия нуждающимся литераторам и публицистам при Императорской Академии наук, сделался, по уставу этой комиссии, товарищем ее председателя^[3]. Эта должность дала возможность благородной душе Н. Ф. выказаться в самом выгодном освещении, дала ему применить свое доброе сердце к непосредственному общению с людьми в их трудовой, зачастую безысходно-горькой жизни, и, я думаю, не один из тружеников печати с благодарностью вспомнит теперь открытый, мягкий взгляд его глаз, с которым он выслушивал просителя, ловя каждое слово о нужде, горе, болезни, пожаре, голодных, заброшенных детях и всем том печальном, что гонит сюда тружеников

печатного дела в надежде на помощь. Многим, многим помогал он тут и пособием, и добрым советом, и указанием, а иногда даже предупреждением могущего быть впоследствии нового горя.

Таков был этот человек в своей общественной деятельности. Я знаю, что и в частной жизни он также проявлял свою доброту, и я мог бы (но не считаю себя на это вправе) привести немало примеров, как он доброхотно помогал людям.

*Опубл.: Русские ведомости. 15 (28) июня 1904 г. № 163;
СПбФ АРАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 505. Л. 1 (вырезка из газеты).*

^[1] Под псевдонимом Перо скрывается Н. И. Позняков — делопроизводитель Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам.

См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. М., 1956–1960. Т. 2. 1957. С. 357.

^[2] До конца 1890-х гг. Н. Ф. Дубровин жил на Знаменской ул. (ул. Восстания), д. 35, затем — на Коломенской ул., д. 12. По дороге в Академию наук он мог заходить в булочную-кондитерскую Н. А. Андреева по адресу: Невский пр., д. 6.

^[3] В начале царствования Николая II был создан государственный фонд, из которого на оказание помощи нуждающимся литераторам отпускалось по 50 000 руб. в год. Для распределения этих средств указом от 13 января 1895 г. учреждалась Постоянная комиссия для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам во главе с президентом Академии наук вел. кн. Константином Константиновичем, инициатором учреждения фонда. Вскоре были приняты «Временное положение» постоянной комиссии и «Временные правила», регламентирующие ее деятельность. Исполнение обязанностей председателя комиссии возлагалось на вице-президента, товарищем председателя был непрменный секретарь. Кроме того, в состав комиссии входили выборные члены: два от Академии наук и двое приглашенных президентом Академии из числа известных русских писателей. Председателями комиссии были: с 1895 по 1900 г. — Л. Н. Майков, с 1900 по 1909 г. — П. В. Никитин. Товарищем председателя с 1895 по 1904 г. являлся Н. Ф. Дубровин. Делопроизводителями — служащие Академии наук Н. И. Позняков, В. А. Рышков. См.: Хохлова Н. А. Обзор архива Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 47–76.

Виктор Карлович
ЕРНШТЕДТ
(1854 – 1902)

Виктор Карлович Эрнштедт — филолог-классик с широким ученым кругозором и редким даром критического анализа. Современники говорили о нем: philologus erat, philologicī nil a se alienū putabat (он был филологом и полагал, что ничто в филологии ему не чуждо). Своими трудами В. К. Эрнштедт положил начало изучению в России греческих папирусов. Знаток греческой палеографии, он посвятил себя изданию греческих текстов, классических и византийских; умелой рукой лечил он повреждения древних текстов и превращал бессмысленные отрывки слов в связный текст.

В 1893 г. В. К. Эрнштедт был избран адъюнктом и включился в работу коллегиального учреждения. Царивший в то время в Академии наук корпоративный дух располагал к сотрудничеству ученых близких специальностей. Под влиянием своих старших коллег А. А. Куника и В. Г. Васильевского Виктор Карлович обратился к изучению и изданию византийских памятников, но ранняя смерть помешала ему окончить начатые труды. Выход в свет первого тома сочинений А. С. Пушкина в 1899 г. побудил Эрнштедта перечитать лицейскую лирику поэта, насквозь пронизанную античными мотивами, и ученый предложил исправить испорченный, с точки зрения филолога-классика, текст лицейского стихотворения «Усы».

**«Записка об ученых трудах доктора греческой словесности
Виктора Карловича Эрнштедта», составленная
для представления его в адъюнкты**

Не позднее 10 марта 1893 г.

Указывая на В. В. Латышева как на кандидата, избрание которого в ординарные академики было бы особенно желательно, нижеподписавшиеся признают справедливым рекомендовать вниманию отделения и Конференции еще одного весьма достойного представителя классической филологии — профессора Эрнштедта.

Виктор Карлович Эрнштедт родился в С.-Петербурге в 1854 году. Среднее образование получил в частной гимназии доктора Видемана, а высшее на историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета. Оставленный при университете для приговления к профессорскому званию, летом 1876 года он посетил Лондон, Оксфорд и Кембридж для сличения рукописей аттических ораторов. По возвращении в С.-Петербург поступил преподавателем древних языков в Пятую прогимназию и был приглашен преподавать греческую словесность в университете. Летом 1877 года занимался изучением греческих рукописей в Московской Синодальной библиотеке. В 1880 году, получив степень магистра греческой словесности, был командирован на два года в Грецию, где занимался преимущественно эпиграфикой, а также археологией, средне- и новогреческой филологией и путешествовал по Аттике, Пелопоннесу, Беотии и Фокиде. В 1881 году избран членом-корреспондентом Германского археологического института. В 1882 году был командирован для занятий палеографией в Италию и изучал рукописи библиотек Рима, Неаполя, Флоренции, Милана и Венеции. Осенью 1883 года вновь назначен преподавателем, а в 1884 году экстраординарным профессором С.-Петербургского университета. В 1885 году получил командировку в Скандинавские земли, где ознакомился с греческими рукописями в Стокгольме, Скуклостере, Упсале и Копенгагене. В 1891 году защитил диссертацию на степень доктора греческой словесности и назначен ординарным профессором.

Уже из этого биографического очерка можно видеть, что Виктор Карлович с особенной любовью и постоянством занимался греческой палеографией. Редкому из современных филологов-классиков привелось видеть столько греческих рукописей, сколько внимательно и методически изучено их Виктором Карловичем. Отличные знания и мастерство палеографа он обнаружил в нескольких работах, доказавших вместе с тем, что он прекрасно владеет приемами здоровой критической методы и обладает завидным даром критической проницательности, точным знанием греческого языка и столь же основательным, сколь обширным филологическим образованием.

Уже кандидатская и магистерская его диссертации «*Observationes Antiphontaeae*» и «Об основах текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга» вместе с изданием речей древнейшего греческого оратора Антифонта были ценным приобретением для науки¹. Кобет¹, князь эллинистов второй половины нашего века, приветствовал это «отличное» (*egregia*), по его оценке, издание, как «такое пособие для литературы аттических ораторов, лучше и полезнее которого и пожелать нельзя». После этого издания на Западе одно за другим стали появляться исследования по критике антифонтского текста. В некоторых из них прямо было заявляемо, что такое оживление

¹ [Cobet C. G. De locis nonnullis apud Antiphontem] // Mnemosyne N. S. 1880. T. VIII. P. 269 (...sic Oratorum Atticorum amatoribus novum comparavit instrumentum, quo melius et utilius comparari non posse existimo).

в этой области филологии вызвано было работой русского ученого² и что его критические наблюдения должны быть принимаемы во внимание наравне с примечаниями знаменитого Рейске³. Издавая Антифонта, Эрнштедт вступал в конкуренцию в одном из самых известных ныне немецких филологов — Блассом, издателем греческих ораторов и историком ораторской литературы. Как другие ценители отдавали предпочтение петербургскому изданию перед изданием Бласса⁴, так последний и сам засвидетельствовал уважение к заслугам и достоинствам своего конкурента и для многих вопросов принял его решения как окончательные⁵.

Вернувшись из-за границы с обильным палеографическим материалом, собранным в библиотеках Италии, Виктор Карлович, прежде чем приступить к его обработке, с увлечением отдается исследованию еще нового материала, оказавшегося теперь в самом С.-Петербурге. Разумеется поступившее в Императорскую Публичную библиотеку собрание рукописей епископа Порфирия^[2]. Виктор Карлович участвует в составлении общего описания этого собрания, составляет список датированных рукописей Порфирия, пользуется этим материалом для различных отдельных своих работ и между прочим издает неизвестное прежде стихотворение какого-то христианского автора, замечательное по изысканной искусственности своей формы, а издавая известный отчасти уже ранее прозаический пересказ стихотворения, во множестве случаев исправляет чтения, данные весьма известным немецким палеографом Гардтгаузенем.

При разборе Порфирьевских рукописей Виктору Карловичу досталось на долю вполне заслуженное им счастье сделать и другое открытие, открытие столь важное, что о нем должно будет упоминать всякое научное руководство по истории древнегреческой поэзии.

В сороковых годах в одно из своих путешествий по Востоку знаменитый Тишендорф нашел где-то два лоскутка пергамента, исписанные очень древним греческим шрифтом. Наскоро он сделал с них копию, по которой после его смерти, в 1876 г., эти тексты были изданы Кобетом, узнавшим в них стихи знаменитого греческого комика Менандра. Такая находка вызвала, конечно, живейшее внимание филологов. Самыми выдающимися критиками сделано было несколько попыток исправить, дополнить, объяснить поврежденные тексты. Но чем дальше шла работа, тем

² Hartman J. J. *Studia Antiphontea*. Lugduni Batavorum [Leiden], 1882. P. 5: “Egregia quam nuper Jernstedius curavit Antiphonis editio et alibi et in nostra patria philologorum studia excitavit” (Превосходное издание Антифонта, только что подготовленное Эрнштедтом, оживило труды филологов у нас на родине и в других местах).

³ Ibid. P. 39.

⁴ Hemstege I. H. *Th. Analecta Antiphontea*. Lugduni Batavorum [Leiden], 1892. P. 10: “Multis rebus licet praestantior multoque ad exercendam artem criticam sit aptior editio, quam curavit Jernstedtius, tamen, veritus ne in paucorum manibus sit, locos citabo ex editione Blassii” (Хотя издание под редакцией Эрнштедта во многих отношениях лучше и больше подходит для занятий критикой текста, но из опасения, что оно есть не у всех, я буду приводить цитаты по изданию Бласса).

⁵ *Antiphontis orationes et fragmenta*. Adiunctis Gorgiae, Antisthenis, Alcidamantis declamationibus / edidit Blass. Editio altera. Lipsiae, 1881. P. XXVI: “...verbo saltem commemorandae laudes Petropolitani editoris, qui non minus coniecturis sagacissimis saepeque evidentissimis quam diligentissima collatione codicum et Antiphonti profuit et proderit, modo eveniat quod optamus, aliis oratoribus” (...хотя бы в двух словах воздадим похвалы петербургскому редактору, который остроумными и зачастую совершенно очевидными конъектурами, равно как тщательным сопоставлением кодексов, был и будет полезен для Антифонта, а если понадобится, то и для занятий другими ораторами).

ощутительнее становилось отсутствие твердой документальной для нее основы и необходимость определения степени точности обнаруженной Кобетом копии. Надежались в бумагах Тишендорфа найти если не подлинную рукопись, то более точный ее список. Но и эти надежды не оправдались. Приходилось, по-видимому, думать, что драгоценная рукопись осталась в глуши какой-нибудь из монастырских библиотек Востока и, может быть, потеряна для науки навсегда. Совершенно неожиданно она оказалась в С.-Петербурге: ее нашел В. К. Эрнштедт в собрании Порфирия. — Тишендорф видел только два листка рукописи, Виктор Карлович нашел еще и третий. Вследствие обстоятельств, которые превосходно разъяснены нашим ученым, Тишендорф на каждом из двух своих листков мог читать только одну страницу; Виктору Карловичу удалось прочесть и те страницы, которых немецкий палеограф не видал. Издание и объяснение этих текстов составляет главное содержание книги, называющейся «Порфирьевские отрывки из аттической комедии»^[3]. Виктор Карлович не ограничивается перепечаткой тех начертаний, какие рассмотрел в рукописи, но старается восполнить многочисленные пробелы текста и по ничтожным обрывкам слов, по едва заметным следам букв восстановить целые стихи и сцены. При чтении, восстановлении и объяснении текста ему пришлось вступить в состязание с таким палеографом, как Тишендорф, с такими критиками, как Кобет, Гомперц, Виламовиц-Мёллендорф, и он с честью вышел из этого состязания, исполнив свою задачу с таким успехом, который возможен только при выходящем из ряда критическом таланте, при большой палеографической и критической опытности, при точном и широком знании греческой литературы и при мастерском умении распоряжаться средствами греческой речи и греческого стиха. Западные ученые знают об этой книге нашего соотечественника пока только по лестному отзыву, который дал о ней *Nauck*⁶, немецкий ее перевод готовится, но еще не вышел в свет; русские классические филологи высоко ее ценят и гордятся ею: С.-Петербургский университет присудил за нее автору степень доктора, а Московский — премию имени Боткина^[4].

Из других, более мелких работ Эрнштедта большинство представляет, при обычных для нашего ученого остроумии и убедительности, исправления к поврежденным текстам греческих и частью латинских писателей и надписей, а одна касается политической истории Греции. Сверх того уже несколько лет тому назад при его участии напечатан греческий текст издаваемых В. Г. Васильевским «Советов и рассказов византийского боярина XI века»^[5]; только по случайным причинам это издание пока еще не выпущено в свет.

Нет возможности сомневаться в том, что ученый, обладающий таким талантом и такими знаниями, как Эрнштедт, если бы был привлечен в качестве действительного члена Академии к участию в ее трудах, оказался бы в высокой степени для нее полезным, особенно при работах по изданию греческих текстов. При помощи такого сотрудника эти работы могли бы быть ведены еще в больших размерах, чем теперь, и по более определенному плану.

Так как по числу имеющихся в Историко-филологическом отделении вакансий оказывается возможным одновременное избрание члена-корреспондента Латышева в ординарные академики, а профессора Эрнштедта в адъюнкты по кафедре классической филологии и археологии, то комиссия, ввиду выдающихся заслуг и достоинств

⁶ [*Nauck* A. Bemerkungen zu Kock Comicum Atticorum fragm.] // *Mélanges* [gréco-romains tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg]. 1894. VI. P. 154–157.

предлагаемых ею кандидатов, позволяет себе питать уверенность, что Историко-филологическое отделение и Конференция Императорской Академии наук не откажутся воспользоваться этой возможностью.

Список ученых трудов В. К. Ернштедта⁷

В. Радлов, В. Васильевский, П. Никитин, А. Куник, К. Залеман, барон В. Розен.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 171–172 об. Приложение к заседанию ИФО 10 марта 1893 г. Подлинник. Типограф. печать.

^[1] *Ернштедт В. К.* 1) *Observationes Antiphontaeae* // ЖМНП. 1878. Ч. 198. Июль. С. 1–29; 2) Об основах текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга // ЖМНП. 1879. Ч. 202. Апрель. С. 117–136; Ч. 203. Май. С. 151–192; 3) *Antiphontis Orationes*. СПб., 1880. (Записки Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета ; ч. 5, вып. 2).

^[2] Епископ Порфирий Успенский был первым начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме (1848–1854), много путешествовал по Ближнему Востоку и из своих странствий вывез в Россию обширную коллекцию древних книг и рукописей, которая в 1883 г. была приобретена Публичной библиотекой.

^[3] *Ернштедт В. К.* Порфирьевские отрывки из аттической комедии. Палеографические и филологические этюды. СПб., 1891. (Записки Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета ; ч. 26).

^[4] Премия имени Боткина учреждена в 1871 г. в память о почетном гражданине Москвы, купце 1-й гильдии Василии Петровиче Боткине. Премия присуждалась Московским университетом раз в три года «за лучшее сочинение по классической древности и непременно русскому». См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 5 : Царствование императора Александра II. 1871–1873. СПб., 1877. С. 554.

В 1891 г. В. К. Ернштедт был удостоен премии В. П. Боткина по отзыву А. Н. Шварца.

^[5] Вместе с В. Г. Васильевским В. К. Ернштедт подготовил полное критическое издание двух византийских памятников: наставлений воеводе Кекавмена и советов царю неизвестного автора: *Cesaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus ediderunt V. Wassiliewsky et V. Jernstedt*. СПб., 1896. (Записки Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета; ч. 38).

Статья В. К. Ернштедта «Где драмы тощие Клеона?»

Не ранее 1899 г.

Welcker, Griech. Trag. III. S. 1010 ff.^{8 [1]}

В философической оде Пушкина «Усы», произведении 1816 года, второй куплет гласит:

«Гусар, нет вечного в природе!
Как ода вслед похвальной оде,
Проходят царства и века.
Скажи, где стены Вавилона?
Где драмы тощие Клеона?
Умчала все времен река»^[2].

⁷ В публикации список опускается.

⁸ Вставка в верхней части л. 1 и относится к пассажи, в котором идет речь о Клефонте.

Кроме известного афинского демагога Клеона, мы знаем еще несколько лиц этого имени⁹, в том числе и поэта¹⁰, по крайней мере, одного, но то был лирик и, может быть, эпик, не драматический поэт. Пушкин, надо думать, имел в виду **Клеофон(т)а**, автора десяти трагедий, имена которых перечислены в лексиконе¹¹ Свида^[3]. Отрывков его драм не сохранилось, но Аристотель не раз упоминает об этом¹² поэте, приводя его в пример сухости.

De Soph[isticis] el[enchis] [О софистических опровержениях] 15 p. 174 b. 27
Rhet[orica]. 3, 7 p. 1408 a 11–16.
Poet[ica]. С. 2 p. 1448 a 12; с. 22 p. 1458 a 20

Susemihl ad Ar. Poet. P. 219^[4].

Совсем другое дело, напр., Арист. 1814 XXVI^[5].

[Что это за Клеон? Дело в том, что, ведь, трудно допустить, чтобы это было имя вымышленное, случайное, подобранное для рифмы. Наряду со «стенами Вавилона» (по другой редакции «Илиона») поэт мог поставить для юмористического антитеза имя известного в свое время автора плоховатых драм, но некоторая известность чуть обязательна^[6]. Очевидно, это классический пример забытого ничтожества, подобно тому, как Вавилон классический пример подлинного величия. Конечно, он не мог рассчитывать на то, что читатели его будут знать это имя; но он недаром сам еще был на школьной [скамье]: пример этот был в учебнике и кстати вспомнился]^[13].

Пушкин мог знать о «драмах тощих» Клеофона из какого-нибудь перевода Аристотелевой Пиитики. Но не упоминается ли о них в *Art poétique* Voileau или в какой-нибудь другой Теории словесности? Кто читал в Лицее теорию поэзии? И по какому руководству?^[7]

«Клеона» вм[есто] «Клеофона» (относительно чтения сомневаться нельзя, так как имеется автограф Пушкина), вероятно, *lapsus memoriae*.

Но почему Пушкин взял именно «драмы тощие» Клеона, а не какие-нибудь другие, более добротные и утраченные произведения древности? Очевидно, ради юмористически¹⁴ эффектного антитеза «стенам Вавилона». Но очевидно, и «драмы тощие Клеона» представлялись Пушкину своего рода знаменитостью, из чего тоже можно заключить, что они были излюбленным примером в Пиитике^[8].

СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–1 об. Автограф В. К. Эрнштедта.

^[1] Ссылка на раздел, посвященный Клеофону: Kleophon // F. G. Welcker. Die griechischen Tragödien mit Rücksicht auf den Epischen Cyklus geordnet. Т. 3. Bonn, 1841. S. 1010–1013.

^[2] Стихотворение цитируется по академическому изданию 1899–1900 гг., что и позволяет датировать эту В. К. Эрнштедта этим временем. См.: Сочинения Пушкина. Издание

⁹ Между строк, поверх основного текста написан следующий вариант: *но драматического поэта в том числе нет*. Нельзя, конечно, допустить, чтобы имя было произвольно названо Пушкиным: рядом со «стенами Вавилона» мог фигурировать только известный автор «тощих драм».

¹⁰ Далее зачеркнуто: *одного, а, может*

¹¹ Слово написано над строкой вместо зачеркнутого: *у*

¹² Далее зачеркнуто: *драматическом*

¹³ Выделенный фрагмент написан карандашом в верхней части листа и между строк ниже основного текста.

¹⁴ Слово вписано над строкой.

Императорской Академии наук. Т. 1 : Лирические стихотворения (1812–1817) / приготовил и примечаниями снабдил Леонид Майков. СПб., 1899. С. 172.

Том с лицейской лирикой А. С. Пушкина был подготовлен академиком Л. Н. Майковым по поручению ОРЯС и вышел в свет в юбилейный, 1899 год. Издание было основано на тщательном изучении рукописной традиции и прижизненных изданий произведений поэта, но редакторские приемы Л. Н. Майкова привели к некоторым искажениям текстов стихотворений и вызвали нарекания знатоков. В 1900 г. ученый подготовил переиздание первого тома со многими исправлениями, но и в обновленном виде он не удовлетворил взыскательных читателей.

В прежних (и последующих) изданиях начало второй строфы имеет вид:

«Гусар! все тленно под луною;
Как волны следом за волною,
Проходят царства и века».

Выход в свет первого тома сочинений Пушкина побудил В. К. Эрнштедта перечитать лицейскую лирику, насквозь пронизанную античными мотивами. Филолог-классик обратил внимание на имя древнегреческого государственного деятеля Клеона. Общий контекст определил направление поисков В. К. Эрнштедта, которые привели его к остроумной догадке о том, что Пушкин имел в виду малоизвестного древнего драматурга Клеофонта, но по ошибке написал имя известного политика Клеона.

[3] В. К. Эрнштедт, очевидно, пользовался изданием: *Suidae Lexicon* / ed. I. Bekker. Berolini, 1854. P. 606.

[4] Имеется в виду: *Aristotelous Peri Poiētikēs = Aristoteles über die Dichtkunst: Griechische und Deutsch und mit sacherklärenden Anmerkungen* / hrsg. von Franz Susemihl. 2-te Aufl. 1874. S. 219.

[5] Имеется в виду «Эпиграмма» А. С. Пушкина 1814 г., опубликованная в том же томе лицейских сочинений под номером XXVI, с. 91.

Арист нам обещал трагедию такую,
Что все от жалости в театре заревут,
Что слезы зрителей рекою потекут...
Мы ждали драму золотую.
И что же? Дождались — и, нечего сказать,
Достоинству ее нельзя убавить весу,
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалостну пиесу.

[6] Данный вариант 10-й строки приводит Л. Н. Майков: «В списке Е. И. Якушкина: “Скажи: где стены Илиона?”» (Сочинения Пушкина. Т. 1. С. 226). Предположение В. К. Эрнштедта об альтернативе Клеону другого посредственного драматурга находит подтверждение в неизвестной ему позднейшей редакции стихотворения. Имя Клеона там заменено другим: «Упали драмы Доримона». Луи Доримон (*Dorimon*; 1628–1693) — французский автор «плоховатых» драм, имя которого Пушкин мог слышать на лицейских лекциях (*Пушкин А. С. Полное собр. соч. : в 20 т. Т. 1 : Лицейские стихотворения 1813–1817*. СПб., 1999. С. 359, 677).

[7] Вопросы, поставленные В. К. Эрнштедтом, свидетельствуют о его намерении продолжить исследование и показывают направление будущих поисков. Но ученый переоценивал культурный багаж поэта-лицейца, обширность и глубину лицейского образования: имя Клеофонта не встречается ни в одном из доступных лицейцам руководств (Н. Буало, Ж.-Ф. де Лагарпа, Н. Ф. Кошанского — лицейского профессора словесности). По ввешейся

профессорской привычке он «поспешил на помощь» лицеисту Пушкину, который и слыхом не слыхивал о том, что в древности жил такой драматург — Клеопонт.

^[8] В. К. Ернштедт подошел к тексту Пушкина с позиций филолога-классика без учета общего культурного контекста. Между тем почти все написанное в то время было насыщено полемикой, обильными намеками на литературную современность. Через сто лет пушкинисты нашли объяснение загадочному имени: по их мнению, под маской Клеона скрывается не герой древности, а современный Пушкину поэт А. А. Шаховской.

«Юмористически эффектная антитеза», о которой пишет В. К. Ернштедт, достигается тем, что Вавилон, «классический пример подлинного величия», противопоставляется поэтической бездарности, только в пример берется не «классический пример забытого ничтожества», а современный образчик посредственного поэта, имя которого и труды не замедлят кануть в Лету. См.: *Басаргина Е. Ю.* «Блестящая ошибка» В. К. Ернштедта: комментарий филолога-классика к стихотворению А. С. Пушкина «Усы» // *Philologia Classica*. 2024. Т. 19, № 2. С. 309–320.

Николай Николаевич
ЗИНИН
(1812–1880)

Химик Николай Николаевич Зинин, избранный в 1855 г. в адъюнкты, по своим научным заслугам превосходил требования к кандидату на это академическое звание. Однако Физико-математическое отделение не имело тогда другой возможности привлечь к себе ученого столь высокого уровня, к тому же природного русского, что для Академии наук было чрезвычайно важно. Предлагавшие кандидатуру Н. Н. Зинина академики Э. Х. Ленц, Ю. Ф. Фрицше и Б. С. Якоби особо подчеркивали, что химическая теория служит «ежедневным потребностям жизни и промышленности» и в качестве примера привели открытую ученым реакцию восстановления нитросоединений до аминов. Действительно, это открытие, сразу же ставшее именным и получившее высокую оценку специалистов, лежит в основе производства многих лекарств и красок.

К числу научных «открытий» Н. Н. Зинина с полным правом следует отнести и его учеников: А. М. Бутлерова, А. П. Бородину, Н. Н. Бекетова, которые были благодарны ему за «одухотворяющее, возбуждающее научный энтузиазм влияние». По воспоминаниям, в лаборатории Н. Н. Зинина всегда царила дружеская атмосфера, и ее не могла нарушить полушутливая брань, а то и колотушки за нерадивость, на которую даже дозволялось отвечать, но мало кто из студентов решался, зная, что Н. Н. и здесь возьмет верх.

Не только будущие химики пользовались знаниями и научным руководством Н. Н. Зинина — к нему обращались математики (к ним он был особенно близок по своему университетскому образованию), зоологи, ботаники, медики, минералоги, физики.

Н. Н. Зинин — это еще и Русское химическое общество, в создании которого он участвовал и которым руководил на протяжении первого десятилетия его деятельности, преподавание химии в Медико-хирургической академии и на образованных при ней женских врачебных курсах, участие в различных государственных и научных комиссиях.

Отзывы знавших Н. Н. Зинина людей оставили нам портрет человека сильного духом и телом, острого слова, исследователя, умеющего делить время и силы между аудиторией, кабинетом, канцелярией, одним словом — истинного русского ученого¹.

---

¹ Библиографию трудов Н. Н. Зинина см.: Зинин Н. Н. Труды по органической химии / сост. Г. В. Быков и К. Н. Зеленин. М., 1982. С. 249–257.

Из речи Н. Н. Зинина «Взгляд на современное
направление органической химии»

1847 г.

Милостивые государи, давно ли химия неорганическая образовалась в тело науки — и вот, трудами современных ученых развилась новая отрасль сведений и требует своих прав на звание науки самостоятельной под именем химии органической; эта отрасль сведений, из которой общественная и частная жизнь человека почерпают более, нежели из многих других наук, может сделать легкий упрек в том, что даже основания ее мало вошли в состав умственной жизни общества.

В химии органической мы встречаем два рода истин: одни остаются в ней самой и служат путеводителем при дальнейших исследованиях в ее области, некоторые же, кроме того, применяются прямо к решению вопросов, предлагаемых другими естественными науками. Первые не могут иметь особенной занимательности для не посвятивших себя исключительно занятиям химии, и при настоящем состоянии науки трудно было бы показать общий ход ее в развитии какого-либо частного исследования или в решении отдельного теоретического вопроса. Вторые и по существу их как обнимающие большой круг знаний, и в особенности по применениям к изъяснению явлений жизни более интересны и близки каждому. Чтобы сколько-нибудь видеть отличие нынешнего состояния химии от прошедшего и оценить успехи, сделанные ею в последнее время, мы бросим хоть только беглый взгляд на то прошлое состояние; потом укажем предмет настоящих ее занятий и средства, которыми она владеет, и, наконец, уже приступим к изложению в общих чертах того, что она сделала и имеет теперь возможность или надежду сделать для наук, занимающихся исследованием явлений жизни.

Недалеко еще от нас то время, когда во всех явлениях природы видели одно чудесное в особенном смысле слова: приписывали эти явления произволу или, лучше сказать, прихоти существ разумных, невидимых, не подлежащих чувствам человека, добрых или злых, милующих или карающих; мало этого, и целью наук, занимающихся изучением природы, полагали открытие влияния видимого мира и предполагаемых невидимых существ на судьбу человека и народов; старались при посредстве науки овладеть не только силами, обнаруживающими деятельность свою в наблюдаемых ныне явлениях, но и силами, которые произвели различные тела природы и которых деятельность или вовсе прекращена, или только приостановлена на неведомое для нас время. В самом деле, превратить камень в золото — не все ли равно, что сделать золото из ничего, потому что в камне нет золота; старались покорить своему прихотливому произволу то, что действует по вечно неизменным законам: искали, например, эликсир, делающий старика молодым или даже дарующий человеческому телу бессмертие на Земле. Я говорю, что это время прошло для химии и наук естественных, но, к сожалению, все еще тянется для некоторых естествоиспытателей. Конечно, теперь уже не надеются сделать золото из камня, но еще спрашивают, не в состоянии ли организмы животных и растений производить простые вещества, не принятые ими извне; стыдятся верить явно в лекарство, излечивающее все болезни, а между тем предлагают миллионные доли грана или капли как верные средства избавиться от различных недугов; из опасения прослыть непросвещенными боятся явно утверждать влияние светил небесных и невидимых духов гор и источников на душу и тело человека, а между тем веруют в чудеса животного магнетизма и проповедуют учение о нем во всеулышание; говоря о минеральных водах, утверждают, что искусственные не могут быть по составу их и действию на организм тождественны с естественными.

Стремление к чудесному и несбыточному перестало, наконец, быть общим делом науки, но время тайн и фантастических теорий еще долго длилось: фармацевт или врач открывал случайно какое-нибудь химическое соединение, испытывал действие его против некоторых болезней и содержал способ приготовления в секрете или продавал его за дорогую цену. Начали объяснять явления самые общие, чаще других совершающиеся, и за неимением достаточного числа наблюдений и опытов, не открыв способа для сравнения явлений, думали пополнить недостаток воображаемыми силами и веществами или, вернее сказать, греческими и латинскими терминами, чем, естественно, только затрудняли предмет; так произошли динамическая система, флогистон и прочие подобные теории^[1]. Влиянию мечтательности подверглись даже люди, признанные гениальными, на поприще наук метафизических; по странному забвению логики, столько обязанной их умственной деятельности, логики, запрещающей судить о том, чего не знаем, они строили системы для наук естественных, наук, требующих кроме напряжения умственных способностей еще много терпения и физических трудов. Возьмите натуральную философию Шеллинга, прочтите в энциклопедии Гегеля философию естественных наук, особенно постарайтесь вникнуть в смысл кудрявых речей их последователей — Стеффенса, Реймера и других, вы подумаете, что их книги написаны потомками астрологов, алхимиков, каббалистов, и, что всего прискорбнее, вся эта игра слов, обличающая в совершенном незнании фактов, даже часто в отсутствие здравого смысла, выдавалась и принималась за высшую премудрость, недоступную непосвященному в таинства философии. Теперь каждый, без сомнения, удивится, услышав, что Земля имеет не два полюса, а четыре; что вода не может разложиться на водород и кислород, ибо она, так же как и железо, состоит из углерода и азота; что кислород и водород не составные части воды, а различно наэлектризованная вода; что между Юпитером и Марсом в том месте небесного пространства, где теперь открыто уже 5 малых планет, вовсе не может существовать планет, а после они же говорят, что тут должны существовать планеты небольшой плотности; что формула Кеплера, выражающая постоянство отношений кубов средних расстояний к квадратам времен, названа только Невтоном общим тяготением; что намагниченный прут железа делается удельно тяжелее на одном конце, который потому и стремится к Северному полюсу, что шарики крови образуются только по смерти ее, когда она придет в прикосновение с атмосферным воздухом, — и множество подобных теорий, к которым пришли не вследствие ошибочного наблюдения или опыта, а по строгим правилам мышления, основываясь на открытых законах ума, в силу одного только суждения! И с какой самоуверенностью эти люди берутся не только понять, но и критиковать высшие математические теории без знания элементов этой столь консеквентной науки. Конечно, это странно, но, к сожалению, так было; к сожалению, эти люди увлеклись темной высокопарной речью своей большое число истинных дарований в мир фантазий; еще и теперь при удивительно быстром развитии знаний слышатся от времени до времени отголоски школы превыспренних мечтателей, издавающихся над здравым человеческим смыслом! Все это приведено не к тому, чтобы навести неблагоприятные тени на блестящие светила философии, так мало, впрочем, отдававшие справедливости великим деятелям на поприще других знаний; не к тому, чтобы усомниться в основаниях высокой науки, много им обязанной, но чтобы указать только, как ложный метод исследования опасен в его последствиях.

Естественные науки занимаются исследованием явлений природы вещественной; смотря по свойству явлений, нам представляются только два пути, ведущие к истине: путь непосредственного наблюдения и путь наблюдения, вспомоществуемого опытом. Наблюдение начинается тем, что мы рассматриваем явления или вообще, посредством

внешних чувств, убеждаемся в действительности их, определяем отличительные признаки и располагаем рядами, смотря по сходству, — это первый шаг; более трудное: найти общую меру для каждого ряда явлений или для некоторых из них; мало сказать, что одно явление сходно с другим в таких-то отношениях, отлично в других, надобно дать способ отыскать численное выражение степени сходства или отличия — это второе требование. Если теперь в явлениях все фазы их могут быть выражены числами, то должно стараться открыть причину явлений или общий закон, которому следует все изменяющееся в явлениях, — это высшая степень естествознания, с которой может начинаться аналитический способ изложения науки. Конечно, для духа человеческого кажется и того мало, он стремится дойти до первоначальных причин, от которых проистекают самые законы, спрашивает: почему же явления управляются такими, а не другими законами? Но стремление к решению подобного вопроса можно почесть тогда своевременным, когда мы узнаем законы всех или большей части явлений, а теперь еще чрезвычайно мало из совершающегося в пределах нашего чувственного созерцания подведено под частные законы, и если ум человеческий достиг этой высоты, то разве только в познании движения тел небесных и явлений света.

Немногим более полстолетия, как химия — одна из важнейших отраслей естествознания — отделилась от физики и фармации и сделалась самостоятельной наукой; к этому повело объяснение горения — явления самого обыкновенного и наиболее распространенного^[2]. Открытие кислорода и разложение воды были первым шагом в ее области^[3]; вместе с тем найден способ сравнения химических явлений, этот способ — взвешивание^[4]. Без него химия не могла быть наукой: мы случайно открыли бы многие свойства тел, умели бы делать многие химические соединения, но явления, происходящие в прикосновении тел, изменения составов остались бы необъясненными. Вес есть главное, что в химических явлениях может быть и должно быть сравниваемо; он остается до сих пор почти единственным элементом явлений, который приводит к открытию законов соединения и разложения тел, позволяющих не только объяснять наблюдаемые явления, определять взаимные действия прикосновенных веществ, но предсказывать их вперед и вычислять меру и вес тел, рождающихся или истребляемых в явлениях. С этого времени, составляющего главную эпоху в истории химии, все отрасли ее начали быстро развиваться: анализ — основание всякого химического исследования, начало химических знаний — достиг возможной, почти математической верности. Физические и химические свойства тел имеют большую важность как в отношении чисто химическом, так и в отношении различных применений этой науки; они дают нам средство отличать одно тело от другого, открывать присутствие его в смеси или в соединении, получать его в чистом виде и пользоваться им для различных целей, но только при помощи полного качественного и количественного анализа химик в состоянии сказать, какие вещества и в каком количестве входят в состав различных тел, находящихся на поверхности Земли и в достигаемых человеку недрах ее, и решить, какой материал необходим для образования различных частей растительных и животных организмов. <...>

Опубл.: Зинин Н. Н. Труды по органической химии / сост. Г. В. Быков, Е. Д. Каверзева, К. Н. Зеленин. М., 1982. С. 166–169 (Приложение I)^[5].

^[1] Как предположили составители собрания трудов Н. Н. Зинина, под «динамической системой» он понимал систему Р. И. Бошковича, создавшего оригинальную теорию об атомах как о центрах сил, которые взаимодействуют между собой на основе универсального закона природы и определяют таким образом свойства материи. См.: Зинин Н. Н. Труды... С. 246.

Флогистон (от греч. φλογιστός — воспламеняемый, горючий) — начало горючести, которым, по мнению ученых XVII–XVIII вв., обладали все горючие тела и металлы. Во второй половине XVIII в. теория флогистона была принята повсеместно, под нее оборудовалась Химическая лаборатория М. В. Ломоносова.

^[2] А. Л. Лавуазье первым объяснил процесс горения как химическую реакцию окисления, при которой вещество соединяется с кислородом (или другим окислителем), выделяя в результате тепло и часто свет.

^[3] Официально первооткрывателем кислорода считается Дж. Пристли (1774). Первыми разложили воду на водород и кислород Э. Карлайл и У. Никольсон (1800).

^[4] Включение весов в лабораторный обиход означало, что полученные с их помощью количественные данные можно использовать для химического анализа, который, по мнению Н. Н. Зинина, являлся основой любого химического исследования.

^[5] Впервые эта речь Н. Н. Зинина была издана в 1847 г. в Казани отдельной брошюрой.

**Записка об ученых трудах Н. Н. Зинина,
составленная [Б. С. Якоби²] для представления
его в адъюнкты по химии**

27 апреля 1855 г.

En se référant à leur proposition faite dans une des séances de l'année 1852 et en rapportant à la Classe que cette proposition fait alors, non pas réjetée en suite de circonstances particulières, les soussignés reviennent aujourd'hui à cette proposition et soumettent à la Classe leur désir de voir remplie une des deux nouvelles places d'adjoint, accordées par Son Excellence Monsieur le Prince Vice-Président, par un Chimiste et nomminent par M. Zinine, ancien professeur de l'Université de Casan et actuellement professeur de l'Académie medico-chirurgique de St. Pétersbourg. Il n'est pas besoin de s'étendre plus amplement sur la nécessité, devenue urgente, depuis la mort de notre collègue M. Hess, de voir représentée au sein de l'Académie, la science dont nous parlans, encore par un autren savant. Si même l'importance actuelle de cette science, si même ses fréquente applications aux besoins journaliers de la vie et de l'industrie, sa influence prononcée sur le développement de la richesse nationale, ci même enfin son étendu toujours croissant ne le rendait pas impossible à un seul savant, d'embrasser à la fois toutes les parties de le vaste domaine; les travaux distingués du savant, que nous venons de nommer justifieraient pleinement le désir des soussignés de voir ce savant professeur dorénavant participer aux travaux de l'Académie.

En partant des travaux de M. Zinine les soussignés abreuveront d'abord, qu'il ne s'y agissait pas d'effleurer tantôt un demaine de la science tantôt l'autre; d'aller pour ainsi dire à la chasse des découvertes, pour conquérir le droit de présider au baptême d'un certain nombre de nouvelle combinaisons organiques isolées, et que l'incalculable nombre de ses combinaisons artificielles ou existants même dans la nature, le rend parsqu'impossible de ne pas découvrir; dans les travaux en question nous observons une marche ferme et réfléchie, nous voyons des recherches poursuivies avec persévérance d'après un plan arrêté et scientifiquement conçu.

Précisons autant que possible ce que nous avons anoncé.

---

² Авторство установлено на основании почерка.

Il est connu qu'une toute nouvelle série de nombreuses combinaisons organiques, se forme par la réaction de l'acide nitrique sur différentes substances organiques, combinaisons, dans lesquelles un ou plusieurs atomes d'hydrogène sont remplacés par un nombre correspondant d'atomes d'acide nitreux. Citons comme exemple de cette réaction le Nitrobenzid découvert par Mr. Mitscherlich et qui se forme par l'action de l'acide nitrique sur le Benzot, cette huile éthérée contenue en grande proportion dans le goudron des charbon de terre. Cette réaction est telle qu'elle fait perdre au Benzol un atome d'hydrogène qui dans le Nitrobenzid est exactement remplacé par un atome d'acide nitreux. M. Zinine ayant eu l'heureuse idée de soumettre ces nitro-corps à l'action des substances desoxidantes, telles que l'hydrogène, le sulfure d'hydrogène, le sulfure d'ammoniaque, l'acide sulfureux, etc., réussit de transformer, sans exception, les corps nitrés en nitro-corps basiques et d'obtenir des nitro-corps acides tout un groupe de nouveaux acides, particulièrement remarquables, en ce que leur constitution et leur génération sont soumises à une loi déterminée et générale. Avant l'époque de cette découverte la production des bases organiques artificielles, n'a pu être considérée que comme un fait détaché et les méthodes employées ne s'appliquaient qu'à des corps tout isolés dans les séries chimiques. La méthode de M. Zinine a permis de produire de même toute une série de bases organiques soumises à une pareille loi générale qui régit leur constitution chimique et leur génération. Nous nous d'entrer plus amplement dans le détail des travaux antérieurs de notre candidat, travaux qui d'abord l'ont conduit à la découverte des lois mentionnées et qui lui ont servi en suite à leur confirmation complète; nous le préférons plutôt de signaler des travaux ultérieurs et tout récents.

En s'occupant des phénomènes de substitution en général et particulièrement des substitutions par des groupes carboniques M. Zinine a réussi à vaincre les difficultés que d'autres chimistes avaient trouvées en voulant produire artificiellement, quelques-unes de ces substances connues sous le nom de corps copulés. Nous ne citons que comme exemple la production directe des uns copulés que plusieurs chimistes de haute distinction comme M. Gérard et M. Laurent avaient tentée en vain. Dans les derniers temps M. Zinine ayant dirigé son attention sur les carbures d'hydrogène dont la constitution est analogue à celle du gaz oléfiant, a démontré l'analogie qui existe entre les homologues du groupe éthilique et d'autres groupes organiques. La formule générale de ces premiers étant C_nH_{n+1} représente d'autres groupes jouissant de la même mobilité et produisant des corps analogues aux composés éthiliques tels que les alcools, les éthers etc. Parmi les produits de substitutions de ces groupes on rencontre des substances qui n'étaient connues que comme productions naturelles de l'organisme végétal et qu'il y a espoir de voir dorénavant produites artificiellement. À l'heure qu'il est cet espoir a déjà commencé à se réaliser par la production artificielle de l'huile éthérée de la moutarde qui comme la Classe se rappelle avoir lu dans un Mémoire récemment publié a parfaitement réussi à notre candidat.

Tantfois en regrettant que les difficultés de la terminologie organo-chimique ne nous permet pas de développer ici plus amplement les idées théoriques qui guident M. Zinine dans les travaux et recherches, nous nous flattons d'avoir même par ce bref exposé, suffisamment établi les titres de notre candidat, qui appartenant à notre corps savant ne discontinuera assurément pas d'explorer avec le même esprit scientifique que ses recherches ont manifestés, le riche domaine qu'il cultive.

Nous ajoutons les mémoires et notes publiés par M. Zinine.

E. Lenz, Fritzsche, Jacobi rapporteur.

Перевод

В Физико-математическое отделение
академиков Ленца, Якоби и Фришше доношение³.

Ссылаясь на свое предложение, сделанное в одно из заседаний 1852 года, и припоминая Отделению, что это предложение было тогда не отвергнуто, а только отсрочено вследствие особенных обстоятельств^[1], нижеподписавшиеся, сегодня снова возвращаясь к нему, изъявляют Отделению свое желание видеть одно из двух адъюнктских мест, дарованных нам с разрешения Его сиятельства г-на вице-президента^[2], пополненным в лице одного химика, а именно г-на Зинина, бывшего профессора Казанского университета, ныне же состоящего профессором при здешней Медико-хирургической академии^[3]. Излишне было бы подробно распространяться насчет необходимости, сделавшейся настоятельной со времени кончины нашего сочлена Гесса, видеть химию представленной в недрах Академии еще одним ученым. Если бы даже нынешняя важность этой науки, частые ее приложения к ежедневным потребностям жизни и промышленности, решительное ее влияние на развитие народного богатства и, наконец, непрерывно возрастающая ее обширность не делали невозможность для одного лица вдруг обнимать все части этой пространной области, то отличные труды того ученого, которого мы только что поименовали, вполне оправдали бы желание нижеподписавшихся видеть его приобщенным к среде Академии.

Обращаясь к трудам г-на Зинина, мы заметим, прежде всего, что тут дело не шло о том, чтобы [слегка хватать верхки то в той, то в другой] отрасли науки и, так сказать, гоняться за открытиями из одного честолюбия, прослыть обретателем известного числа новых отдельных органических соединений, на которые изыскатель как бы неизбежно должен был попасть, потому что число таковых искусственных и даже существующих в природе соединений несметно. Нет! В исследованиях, о которых здесь идет речь, замечен ход верный, твердый и рассудительный. Это изыскания, с постоянством преследованные по однажды принятому, систематически задуманному плану.

Но чтобы более объяснить сказанное нами здесь, войдем в некоторые подробности.

Известно, что целый новый ряд многочисленных органических соединений образуется из реакции селитряной кислоты на разные органические вещества, соединения, в которых один или несколько атомов водорода заменяются соответствующим числом атомов селитровой кислоты. Приведем в пример этой реакции нитробензид, открытый г-ном Мичерлихом и образующийся действием селитряной кислоты на бензол, эфирное масло, заключающееся в большом количестве в смоле каменного угля. Реакция эта такова, что заставляет бензол утратить один атом водорода, который в нитробензиде ровно заменяется одним же атомом селитровой кислоты. Г-н Зинин, попав на счастливую мысль подвергнуть эти селитроватые тела действию разокисляющих веществ, каковы водород, серный водород, серный нашатырь, серноватая кислота и пр., успел без исключения преобразовать средние селитряные тела в тела селитроватые (основные) и добыть из кислот селитроватых тел целую группу новых кислот, особенно замечательных тем, что их состав и происхождение подвержены определенному и общему закону. До этого изобретения производство искусственных органических основ почиталось только отдельным фактом и употребляемые при этом способы прилагались только к телам, вовсе изолированным в ряду химических произведений. Способ г-на Зинина позволил вместе с тем добыть целый ряд органических основ, подверженных подобному же общему закону, управляющему их химическим составом и происхождением.

---

³ Эта строка есть только в переводе.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности насчет прежних работ нашего кандидата, — работ, которые привели его к открытию вышеупомянутых законов, а потом послужили к совершенному их подтверждению, мы лучше предпочтем обозначить последующие и новейшие его труды. Занимаясь явлениями подменения вообще и в особенности подменений угольными группами, г-н Зинин успел победить трудности, которые встретили другие химики, пытаясь искусственным путем произвести некоторые из веществ, известных под названиями тел совокупленных. Мы приведем в пример только непосредственное добывание таких совокупленных тел, которые тщетно пытались произвести некоторые отличные химики, как то г-н Гергард и г-н Лоран. В последнее время г-н Зинин, обратив свое внимание на водородные угольные смеси, коих состав сходен с составом маслоторного газа, доказал, что есть сходство между соответственными телами этилической группы и других органических групп. Общая формула первых есть C_nH_{n+1} , а формула C_nH-1 представляет другие группы, пользующиеся той же подвижностью и производящие собой тела, сходные с этилическими смесями, как то алкоголи, эфиры и пр. В числе произведений этих групп встречаются такие вещества, которые дотоле известны были только как естественные произведения растительного организма; но есть надежда, что их можно будет впредь добывать искусственным путем. Таким образом нашему кандидату удалось добыть эфирное горчичное масло, о каковом открытии он недавно сообщил Отделению в особом мемуаре^[4].

Сожалая о том, что трудности органохимической терминологии не позволяют нам подробно развить здесь теоретические идеи, руководившие г-на Зинина в его трудах и разысканиях, мы льстим себе надеждой, что и этого краткого изложения уже будет достаточно для того, чтобы доказать права нашего кандидата на то место, которое мы для него прочим. Нет сомнения, что, вошед в состав нашего ученого сословия, он найдет тем более средств и поощрение к дальнейшей разработке столь любопытной отрасли наук в том же самом духе, который уже столь блистательно проявился в прежних его разысканиях.

Мы приобщаем здесь перечень записок и рассуждений, доселе изданных в свет г-ном Зининым⁴.

Э. Ленц, Фрицше, Якоби (докладчик)⁵.

Перевод XIX в. [К. Ф. Свенске]⁶

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 30. Л. 1–3 об. Подлинник. Автограф [Б. С. Якоби]. Подписи-автографы академиков, поддержавших кандидатуру Н. Н. Зинина. Фр., нем. яз.; Л. 5–7. Автограф К. Ф. Свенске.

^[1] На 1852 г. у ФМО имелись три незанятые адъюнктские вакансии, но в действительности требовалось больше. При этом одна из вакансий могла заполниться уже 24 сентября того года, когда было назначено избрание О. Струве на место адъюнкта по астрономии и географии. Именно разрыв между потребностями и возможностями Отделения и стал причиной выступления академика Э. Х. Ленца, попросившего слово до начала баллотировки. Он обратил внимание коллег на то, что вакансий меньше, чем специальностей, которые хотелось бы заполнить, а именно: 1) астрономия и география, 2) прикладная механика, 3) химия, 4) физиология растений. На эти специальности пока не было кандидатов, но, если бы они вдруг появились, шансов у них уже оказалось бы меньше, поскольку с избранием О. Струве осталось бы только две вакансии. В связи с этим Э. Х. Ленц предложил для начала ранжировать

⁴ Список работ см.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 30. Л. 4.

⁵ Строка с подписями в переводе XIX в. отсутствует.

⁶ Авторство установлено по почерку.

названные специальности по их текущей востребованности и соответственно их заполнять (при этом следовало учитывать важность самого предмета и личные заслуги кандидата).

Предложение Э. Х. Ленца поддержало большинство, поэтому баллотировка О. Струве была отложена до следующего заседания, в котором сначала голосовали вопрос о том, какие из четырех специальностей наиболее востребованны. И только когда по результатам этого голосования астрономия оказалась на первом месте (следом шли химия и физиология растений, механика попала в разряд наименее востребованных), провели баллотировку О. Струве (его избрали единогласно). Таким образом, химики получили гарантированное место, которое желательно было заполнить русским кандидатом.

См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 113. Л. 180 об. — 182 (§ 244 протокола заседания ФМО, 24 сентября 1852 г.), 183–185 («Заключение неперменного секретаря» П. Н. Фуса от 13 августа 1852 г., приложение № 1 к протоколу), 186–188 об. (доклад Э. Х. Ленца), 212 об. — 213.

^[2] Имеется в виду кн. С. И. Давыдов, который был вице-президентом Академии наук с 18 марта 1852 г. по 7 августа 1863 г. Фактически принял на себя управление Академией, когда президент С. С. Уваров отошел от дел, уединившись с 1851 г. в своем подмосковном имении Поречье.

^[3] Н. Н. Зинин служил профессором химии Казанского университета в 1841–1847 гг. С 1848 г. началась его служба в Военно-медицинской академии Петербурга.

^[4] Работа Н. Н. Зинина «Об искусственном получении эфирного горчичного масла» была представлена Ю. Ф. Фрицше в заседании ФМО 12 января 1855 г. Тогда же было решено опубликовать ее в научных записках Отделения (Bulletin). См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 119. Л. 103 (§ 3).

Письма Н. Н. Зинина к А. М. Бутлерову относительно научной работы и академической службы

19 сентября 1858 г.

Вот и собрался написать Вам строчку, Добрый Друг Александр Михайлович, и поблагодарить Вас от всей души за Ваше дружеское ко мне расположение.

Очень жалко, что не удалось мне видеть Вас на возвратном пути из чужих краев и перекинуть словечко другое о том, что мне нужно и важно было бы знать^[1].

Рекомендую Вам подателя этого письма Филиппа Васильевича Овсянникова и советую подружиться с ним; он человек науки в настоящем смысле этого слова, физиолог. Следовательно, Вы можете быть друг другу полезны в ваших научных исследованиях^[2].

Пишите мне, Друг, иногда несколько строчек, я буду Вам за это очень благодарен. Не сердитесь, не взыскивайте, если будете от меня редко получать ответы; я превращен в лъстивого подъячего, пишу и день, и ночь какие-то дела все, а о чем — и сам не знаю.

Прощайте пока. Господь Вас помилуй от письменных дел.
Преданный Вам Н. Зинин.

Помета: Его высокоблагородию Александру Михайловичу Бутлерову от Зинина.

СПбФ АРАН. Ф. 22. Оп. 2. Д. 96. Л. 2–3 об.

Опубл.: *Письма русских химиков к А. М. Бутлерову / под ред. Г. В. Быкова. М., 1961. (Серия «Научное наследство»; т. 4). С. 149.*

⁷ Далее для этих писем указываются только номера архивных листов и страницы в книге. Дополнительно оговаривается автограф, если в письме кроме Н. Н. Зинина есть записи других лиц.

^[1] Речь идет о заграничной командировке А. М. Бутлерова 1857–1858 гг., во время которой он посетил Германию, Швейцарию, Италию, Францию. Отчет о ней так и начинался: «При командировании в чужие края...» См.: Отчет о путешествии за границу проф. Бутлерова // Ученые записки, издаваемые Имп. Казанским университетом. 1859. Кн. III. С. 172–191.

^[2] В сентябре 1858 г. Ф. В. Овсянников, выпускник медицинского факультета Дерптского университета (1853) и начинающий исследователь, по рекомендации академика К. М. Бэра был назначен в Казанский университет профессором физиологии и общей патологии. По-видимому, письмо в Казань к А. М. Бутлерову от 19 сентября 1858 г. Н. Н. Зинин отправил с ним. Судя по сохранившимся в СПбФ АРАН письмам Ф. В. Овсянникова к А. М. Бутлерову, они действительно подружились и старались быть полезны друг другу.

С.-Петербург, 10 февраля 1861 г.

Милостивый государь Александр Михайлович,

Пакет с дипломом, посланный Вами от 30 сентября 1860 года, я получил по причине особенной случайности только что 4 февраля 1861 года^[1].

Благодарю Вас от всей души; внимание, оказанное Вами посильным трудам моим, есть для меня лучшая награда в жизни.

Прошу Вас покорнейше изъяснить и всем господам профессорам Казанского университета мою искреннюю признательность за честь, которой они меня удостоили.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем к Вам уважении и преданности, с которыми я навсегда остаюсь

Вашим покорнейшим слугой,

Н. Зинин.

Л. 4–4 об. С. 149.

^[1] В 1860 г. Н. Н. Зинин был избран в почетные члены Казанского университета.

26 октября 1861 г.

Добрый Друг Александр Михайлович,

Посылаю Вам отгиск работы г. Шмидта. Она не совсем кончена, но, мне кажется, заслуживает внимания, потому что при восстановлении одного нитротела образуется два продукта восстановления (я опускаю анилин, которого происходит мало)^[1].

Работа г. Шмидта с плазмином подвигается и обещает интересный результат, но нелегко возиться с дрянными благовонными телами.

Будьте здоровы, Друг! Не забывайте преданного Вам навсегда Вашего искреннего Н. Зинина.

Л. 7–7 об., С. 149.

^[1] Речь идет о работе Г. А. Шмидта «О продуктах восстановления нитроазоксибензида», которая была написана на основании данных, предоставленных автору Н. Н. Зининым. См.: *Schmidt G. A. Über die Reductionsprodukte des Nitroazoxybenzid's (Sur les produits de la réduction du nitroazoxybenzide) // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences. 1862. T. 4. P. 312–323.*

30 октября 1868 г.

Друг Александр Михайлович,

Как член комиссии по конкурсу на Ломоносовскую премию должен уведомить Вас с самым искренним душевным удовольствием, что по убеждению Комиссии последние химические работы Ваши подходят под § 3 и 5 (что подчеркнуто карандашом) правил, которые прилагаю. Нужно удовлетворить § 4, т. е. или напечатать Ваши работы по-русски и доставить сюда экземпляр, или прислать нам рукопись на русском языке, только нужно, чтобы посылка была здесь никак не позже 1 декабря (срок, указанный § 14, к Вам не относится, потому что работы Ваши могут быть представлены на основании § 7 — что подчеркнуто)^[1].

Ответьте мне, пожалуйста, можете ли удовлетворить § 4, и если да, то что пришлете: печатанную или рукописную статью. Затем тотчас же уведомите меня письмом, какие работы Вы полагаете изложить в Вашей статье (укажите на статьи Ваши в *Annal[en] der Ch[emie] und Ph[armacie]*)^[2], с тем чтобы я мог заблаговременно изготовить доклад для общего собрания Конференции^[3].

С полным уважением искренне преданный Вам
Н. Зинин.

Помета: 1) Мой адрес. Васильевский остров, 8-я линия, дом № 17^[4].

2) Петербург. Васильевский, 8-я линия, № 17. Николаю Николаевичу Зинину. Искренне благодарен много. Могу и высылаю завтра же напечатанные работы. Бутлеров⁸.

Л. 5–6. Автографы Н. Н. Зинина и А. М. Бутлерова. С. 150.

^[1] Пункты, к которым, по словам Н. Н. Зинина, «подходили последние химические работы» А. М. Бутлерова, указывали, что Ломоносовской премией награждаются среди прочих «ученые исследования и открытия, сделанные в России в области физики, химии и минералогии» (§ 3); «принимаются оригинальные сочинения, написанные на русском языке и изданные в России, или же рукописные» (§ 4); «могут быть награждаемы лишь такие труды, которые существенно обогащают науку и приводят к особенно полезным, важным и новым практическим применениям» (§ 5); «принимаются сочинения, присылаемые самими авторами; независимо от сего Академия имеет право присуждать премии и таким сочинениям, которые по каким-либо причинам самими авторами не были представлены к соисканию» (§ 7); «сроком доставления в Академию сочинений на соискание Ломоносовской премии назначается 1 июня конкурсного года» (§ 14). См.: Правила о Ломоносовской премии, составленные Императорской Академией наук и утвержденные г. министром народного просвещения (к протоколу Общего собрания 5 ноября 1865 г.) // Записки Имп. АН. Т. 8. СПб., 1866. С. 104–105, 106.

^[2] А. М. Бутлеров неоднократно публиковался в «*Annalen der Chemie und Pharmacie*».

^[3] На заседании ФМО 10 декабря 1868 г. Н. Н. Зинин, выдвигая А. М. Бутлерова на Ломоносовскую премию, представил свою рецензию на его сочинение «О производных три-мефилкарбинола, об изомерии углеводов предельных и бутиленов и об изобутильном спирте». Комиссия признала это исследование «вполне достойным» Ломоносовской премии. См. рецензию Н. Н. Зинина: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1868. Д. 9. Л. 30–32 об. (Опубл.: Волкова Т. В. Материалы к деятельности А. М. Бутлерова в Петербурге (1869–1886) //

⁸ Автограф А. М. Бутлерова. Эта помета находится в верхней части последнего листа письма Н. Н. Зинина и является, скорее всего, черновиком телеграммы (поэтому из соображений краткости зачеркнуты написанные вначале слова «остров» и «дом»). Слово «работы» написано над строкой, в которой зачеркнуто: «статьи» и «1867 года».

Материалы по истории отечественной химии. Вып. 3. М. ; Л., 1952. С. 12); Отчет Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1868 год. Составлен непременным секретарем академиком К. С. Веселовским и читан в торжественном собрании Академии, 29 декабря 1868. СПб., 1868. С. 43–47.

^[4] На Васильевский остров Н. Н. Зинин переехал в 1866 г., когда на 8-й линии построили здание Химической лаборатории, в которой были предусмотрены две квартиры для академиков-химиков. До этого Н. Н. жил на Петербургской (Петроградской) стороне.

**«Речь, произнесенная директором Императорского
С.-Петербургского минералогического общества
Н. И. Кокшаровым» по случаю смерти Н. Н. Зинина**

12 февраля 1880 г.

6 февраля сего 1880 г., в первом часу пополудни, скончался знаменитый русский химик академик Николай Николаевич Зинин, почетный член нашего общества... Тяжкая утрата для Академии наук, Химического и Минералогического обществ^[1] и, вообще, для всего ученого света, так как работы покойного имели всемирное научное значение и высоко ценились химиками настоящего времени! Последние указывают преимущественно на открытие, сделанное Н. Н. Зининым, того самого способа превращения нитрованных тел в амидопроизводные, которым пользуется ныне с таким успехом отрасль промышленности, касающаяся приготовления анилинов и других подобных красок. Как академик Герман Иванович Гесс положил в России начало новой тогда школы Берцелиуса, так академик Н. Н. Зинин первый перенес на русскую почву учение последовавших затем более новейших школ Либиха, Жерара и Лорана.

Николай Николаевич был замечательным, блестящим профессором. На лекциях своих он быстро овладевал аудиторией и умел поддерживать в ней интерес до самого конца чтения; живая его речь увлекала молодых слушателей и вселяла в них любовь к науке... Неудивительно поэтому, что Н. Н. Зинин оставляет по себе многих учеников, имена которых занимают уже теперь самое почетное место в науке.

Разнообразность знаний и начитанность покойного были поистине изумительны! Трудно найти было предмет, о котором он не имел бы никакого понятия. Занимаясь специально химией, Николай Николаевич, конечно, не мог иметь вполне одинаковых с ней познаний в других науках, но все-таки его разнородные сведения невольно поражали входивших с ним в рассуждения собеседников. Так, например, мне случилось однажды до начала академического заседания разговаривать с покойным академиком Михаилом Васильевичем Остроградским, как вдруг подошел к нам Н. Н. Зинин и, взглянув на мемуар, находившийся в руках нашего знаменитого математика, произнес о нем короткое суждение. Я помню, с каким удивлением обратился тогда ко мне М. В. Остроградский и сказал: «Посмотрите, пожалуйста, несколькими немногими словами он охарактеризовал всю суть одной из самых труднейших задач математики!»

Что касается до меня лично, то я потерял в Н. Н. Зинине доброго сотоварища, [с которым вступил в Академию наук в один и тот же день]. Я сблизился [с ним дружески] преимущественно во время поездки на Урал нашего августейшего президента Его императорского высочества герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского, к [особе] которого Н. Н. Зинин и я имели счастье быть прикомандированными^[2].

Н. Н. Зинин родился в августе 1812 года.

Позвольте мне, милостивые государи, закончить мое краткое воспоминание о высококочтимом всеми нами сочлене заключительными словами речи, произнесенной сегодня 12 февраля 1880 г. в заседании Физико-математического отделения Императорской Академии наук бывшим учеником Н. Н. Зинина, академиком Александром Михайловичем Бутлеровым: «Имя Зинина будут всегда глубоко чтить те, которым дороги и близки к сердцу успехи и величие науки в России»^[3].

Верно. Н. Кокшаров.

СПбФ АРАН. Ф. 766. Оп. 1. Д. 112. Л. 1–2. Подлинник. Неавторизованная рукопись, заверенная Н. И. Кокшаровым. Подпись-автограф и правка Н. И. Кокшарова.
Опубл.: Записки Императорского С.-Петербургского минералогического общества. Сер. 2. Ч. 16. СПб., 1881. С. 304–305.

^[1] Н. Н. Зинин был одним из организаторов и первым президентом Русского химического общества при С.-Петербургском университете (в 1868–1877 гг.; с 1878 г. переименовано в Русское физико-химическое общество). Действительный член Императорского минералогического общества с 8 октября 1865 г., почетный член — с 22 апреля 1875 г.

^[2] Н. И. Кокшаров и Н. Н. Зинин сопровождали герцога Лейхтенбергского в его поездке по Уралу в 1866 г. См.: Бородин А. П., Бутлеров А. М. Николай Николаевич Зинин. Воспоминания о нем и биографический очерк // Н. Н. Зинин. Труды... С. 194 (Приложение II).

^[3] Протокол заседания ФМО от 12 февраля 1880 г. начинается этой речью А. М. Бутлерова. См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 169. Л. 122–124 (§ 44).

Архиепископ
Иннокентий

В миру Иван Алексеевич Борисов
(1800–1857)

«Русский Златоуст», как его называли современники, архиепископ Иннокентий прославился своими проповедями и оставил заметный след в истории русской духовной литературы. Обладая широким кругозором, универсальностью знаний и практическим умом, он верил в возможность солидарности веры и знания, религии и науки. В 1836 г. он был избран в действительные члены Российской академии, а после ее роспуска в 1841 г. утвержден ординарным академиком Академии наук. Полагая, что «мысль и слово находятся между собою в самой тесной связи: и мысль рождает слово, и слово рождает мысль», он избегал употребления иностранных слов, которое замедляет «развитие русского ума, удерживает его от самобытности, самодеятельности, даже от сознания своих сил»¹.

В своей последней проповеди 23 апреля 1857 г. в Симферополе архиепископ Иннокентий говорил: «Главное поле брани для христианина есть его сердце. Внешние враги немного значат для него, если внутри нет мятежа ... И против сего-то домашнего зла должны быть устремлены все силы и мужество»².

---

¹ Палимпсестов И. У. Мои воспоминания об Иннокентии, архиеп. Херсонском. СПб., 1888. С. 161.

² Венюк на могилу Высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического. Собрание воспоминаний о нем с приложением избранных проповедей. М., 1864. С. 16.

**Стихотворение арх. Иннокентия
«Не унывай»**

Когда угодно было Богу,
Чтобы, родившись бедняком,
Ты пролагал себе дорогу
Терпением тяжким и трудом:
То будь покорен, терпелив,
Неутомим и молчалив,
На помощь свыше уповай
И никогда не унывай.

Когда Творцу благоугодно,
Чтоб в поте ты вкушал свой хлеб:
То не ропщи женоподобно
На Бога всяческих судеб;
Пред Ним смиренно преклонись,
Святою верой оградись,
И ею дух свой ободряй,
Но никогда не унывай.

Когда для ревности усердной
Тебе назначен малый круг,
И в рубежах его стесненный
Кипит порывами твой дух —
Себя в делах благих явить,
Их блеском мир сей озарить:
Смирением ревность укрощай,
Но никогда не унывай.

Когда по воле Провиденья,
Трудясь всю жизнь и день и ночь,
Ты не встречаешь ободренья
И труд тебе уже невмочь:
Преодолей строптивый гнев,
И руку к Господу воздев,
Отрады свыше ожидай.
Но никогда не унывай.

И укрепившись благочестием
В твоей страдальческой борьбе,
Не чти падением и бесчестием
Последовать своей судьбе;
Но тщишься в малом верен быть,
Себя для долга позабыть,
Его с любовью исполняй
И в подвигах не унывай.

Есть всеблагое Провиденье,
Свидетель правых дел твоих,
Желаний, помыслов, терпенья:
Оно воздаст тебе за них.
Надейся, веруй и люби,
Труды свои усугуби,
В них все надежды полагай
И никогда не унывай.

В руке Его сердца могущих,
К тебе их силен обратить
Создавший мир сей от несущих,
И через них пути открыть
Для проявления сил твоих
В деяньях творческих, благих:
Сего призванья ожидай
И никогда не унывай.

Когда в твоём уничиженьи
Судьба неволью приведет
Тебя с нечестьем в столкновенье,
Нарушив кротости обет,
Ты истины не премолчи,
Нечестье смело обличи,
Враждой его пренебрегай
И никогда не унывай.

Когда ж по слову Бога-Слова
За правду будешь ты гоним,
Теки вослед за нею снова,
Любовью к ней руководим:
Гонителей своих прости.
И, если можешь их спасти,
От бед и гибели спасай,
Но никогда не унывай.

Когда родня твоя и други
Тебя покинут, ижденут,
Забыв приязнь твою, заслуги,
Тебя забвенью предадут:
За вероломство им не мсти,
Неблагодарность отпусти,
За зло добром им воздавай
И никогда не унывай.

Когда благое Провиденье,
Хранившее тебя от бед,
Пошлет на дом твой искушенье
Среди земных твоих сует,
Лишит тебя жены, детей:
О! реки слез о них пролей,
О них в молитвах вспоминай.
Но никогда не унывай.

И на арене этой жизни,
Каков бы ни был твой удел,
Пожертвуй всем земной отчизне.
На подвиг за Царя будь смел,
Пред Церковью благоговей
И умереть за них умей!..
За гробом есть небесный край:
Награда там, — не унывай!

Когда божественная благодать
Тебя за доблесть наградит,
Подаст тебе здоровья сладость,
Богатством, славой одарит:
Смиреньем кротким ограждаясь
И сердцем к Богу обращаясь,
Ему в щедротах подражай
И в деле сем не унывай.

Когда обилием и силой
В сей жизни будешь обладать:
Клеврета своего помилуй,
Умей врагам своим прощать.
Не презри сиру ты и вдову,
Спеши на помощь к ним без зову,
Их скорби в радость претворяй,
В труде для них не унывай.

Но если спутники счастливых —
Льстецы на двор твой приползут,
Стрелами взоров горделивых
Изгнать ты их не позабудь;
Правдивых в дом твой приведи,
За стол с собою посади,
Суровой правде их внимай
И, внемля ей, не унывай.

*Опубл.: Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского
и Таурического. 2-е изд. Т. 5. СПб., 1908. С. 561–564.*

**Из «Биографической записки
о Преосвященном Иннокентии,
архиепископе Херсонском и Таврическом.
Ординарного академика, Преосвященного Макария,
епископа Тамбовского и Шацкого»**

1864 г.

<...> Знаем, что время для полного и беспристрастного суда о покойном Преосв. Иннокентии еще не настало; но не можем удержаться, чтобы не высказать здесь о нем, по крайней мере, как об ученом и литераторе нашего частного, искреннего мнения. Это был человек, в собственном смысле, гениальный: высокий, светлый, пронизательный ум, всегда богатое, неистощимое воображение, живая и обширнейшая память, легкая и быстрая сообразительность, тонкий и правильный вкус, дар творчества, изобретательности и оригинальности, совершеннейший дар слова — все это, в чудной гармонии, совмещено было в покойном иерархе. При таких необыкновенных талантах он имел и необыкновенное образование: не одни духовные науки, которые известны были ему в совершенстве, он знал, более или менее, весьма многие светские науки, так что мог рассуждать об них со специалистами, и нередко своими меткими, оригинальными вопросами или ответами поражал знатоков дела.

Это был образцовый профессор: своими вдохновенными импровизациями он пробуждал, увлекал, восторгал умы слушателей. Но по самому складу и настроению своих способностей он не произвел и не мог произвести эпохи в науке, которую преподавал; он не подвинул ее вперед, он даже вовсе ее не обрабатывал. Лекции, записанные со слов его воспитанниками, может быть, не всегда верно, и доселе сохраняющиеся в рукописях, суть лекции живые, легкие, часто обаятельные; но не показывают ни широкого, ни самостоятельного взгляда на целую область науки, не везде запечатлены зрелостью и основательностью и вовсе не отличаются богатством положительных сведений.

В лекциях виден богослов со светлым, чрезвычайно гибким, возвышенным умом, богослов-мыслитель; но не видно того, что называется христианским глубокомыслием и богословской ученостью. Судя по историческим сочинениям Иннокентия, он мог быть блестящим повествователем-живописцем, отнюдь не ниже Карамзина, но не обладал собственно историческим талантом, не имел духа исторической критики и вообще всех тех свойств, какие ныне требуются от современного историка^[1].

Нет, не наука, как ни близка она была знаменитому иерарху, а искусство, высокое искусство человеческого слова: вот в чем состояло его истинное призвание! Он был не только отличный знаток, но и гениальный художник отечественного слова, как свидетельствуют и свидетельствовали и его печатные творения, известные всей России, и его академические уроки, и самые его домашние беседы.

Он был великий проповедник, не всегда себе равный, но всегда оригинальный и вдохновенный, всегда общедоступный, всегда производивший магическое влияние на слушателей, великий не столько в печатных своих проповедях, которые не всегда могут выдержать строгую критику, сколько тогда, когда он произносил их; это был гениальный оратор, именно на кафедре церковной... Как писатель русский Преосвященный Иннокентий по справедливости должен занять одно из первых мест в истории русской литературы; а как проповедник он займет одно из первых мест

между духовными витиями, не только нашего времени и отечества, но и всех времен и народов: имя Иннокентия останется бессмертным!

Опубл.: Биографическая записка о Преосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. Ординарного академика, Преосвященного Макария, епископа Тамбовского и Шацкого // Венок на могилу Высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического. Собрание воспоминаний о нем с приложением избранных проповедей. М., 1864. С. 36–38.

^[1] В 1854 г. по поручению Академии наук арх. Иннокентий рецензировал «Православно-догматическое богословие» еп. Макария (Булгакова) и высказался за присуждение автору полной Демидовской премии. См.: 23-е присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград, 28 мая 1854 г. СПб., 1854. С. 29–42.

Из статьи И. У. Палимпсестова «Учитель и ученик»

1896 г.

<...> Я близко знал знаменитого витию и мужа науки Иннокентия; видел его и в беседе с людьми науки, и в обществе светских людей, не раз и не два беседовал с ним один на один. Это была личность, которая невольно подчиняла себе все окружающее или слушавшее ее дивную речь; слова Иннокентия производили необъяснимое обаяние. Мне припоминаются студенты Киевской академии, которые подкупали или подговаривали сторожа, чтобы он не звонил в колокольчик во время профессорских чтений Иннокентия^[1] <...>

Иннокентий даже среди посредственностей обыкновенно давал простор прежде высказаться другим и затем спрашивал: вы кончили? Только при утвердительном ответе начиналась его речь, и что это была за речь? Мало сравнить ее с кристальной влагой, льющейся из золотого сосуда. При этой воодушевленной, теплой, свежей, искрившейся остротами и необыкновенной меткостью выражений речи все предавалось молчанию, все превращалось в слух, дивясь исходившему из золотых уст. Вот вы видите его, как орла, парящего в заоблачной выси, едва следите за высотой размашисто широкого, вольного полета, и вдруг этот орел спускается так низко и высокою свою мысль объясняет таким обыкновенным способом, что вы невольно рассмеетесь. Смех ваш, видимо, понравился витии; он сам утомился парить в далекой выси, и вот пред вами во всей простоте, в одном всеоружии здравого смысла, Орловский (родина Иннокентия) мужичок со всеми исторически сложившимися родными поговорками^[2]. И дивитесь вы: неужели это Иннокентий? Да, это тот же мудрый вития, и вместе русский просто сложившийся человек. Но не думайте, что при чисто народной речи, при различных присказках и поговорках, отмеченных чистейшим юмором, опошливалось что-либо из высокого, чистого, святого для человека³; нет, и здесь вы видите ту же истину, ту же правду, но облеченную в простую речь, в речь притчей, какими так богата русская земля <...>

Еще черта. Иннокентий никогда не возражал, когда говорили явный вздор, и даже не хотел обличать упорно слепотствующих. В 1851 г. он пригласил меня с собой

³ Иннокентий терпеть не мог даже тонких с известным оттенком двусмысленностей; да едва ли, зная высоту его души, позволил бы кто себе что-нибудь в этом роде. (Здесь и далее — примеч. документа).

наблюдать в Бобринце солнечное затмение. Там мы встретили нашу астрономическую знаменитость Савича и самородка-астронома Семенова. По облачности неба мы не видели этого явления^[3]. На другой день одна помещица пригласила владыку к себе в деревню к обеду, куда явился и я. За обедом, где большинство состояло из лиц женского пола, радушная и вместе простодушная хозяйка, между прочим, сказала: как жаль, владыка, что вы третьего дня не были у нас; здесь было такое затмение, что хоть свечи зажигай. Слегка улыбнувшись, Иннокентий отвечал: выходит, что вы, сударыни, счастливее нас⁴.

Оставшись наедине, я спросил Иннокентия, почему он не опроверг такого абсурда⁵. — А что вы бы сказали, — возразил мне мой мудрец, — если бы все эти наблюдательницы объявили, что они видели солнечное затмение собственными глазами и что астрономы часто ошибаются? Не нами, друг, сказано: не отвечай безумному по безумию его^[5]. Этого правила я крепко держусь.

Опубл.: Палимпсестов И. У. Учитель и ученик // Русский архив. 1896. Кн. 1, № 2. С. 271–272.

^[1] 27 августа 1830 г. Иннокентий был назначен ректором и профессором богословских наук Киевской духовной академии. Лекции его, часто импровизированные, «отличались смелостью, даже некоторой самонадеянностью теоретической мысли, новым оригинальным отношением к вопросам богословской науки и живым, часто поэтическим, изложением богословских трактатов, особенно заманчивым после сухого латинского изложения научных систем». См.: *Певницкий В. Ф.* Речь о судьбах богословской науки в нашем отечестве // 50-летний юбилей Киевской духовной академии. Киев, 1869. С. 193.

^[2] Иннокентий был уроженцем г. Елец (Орловская губ.).

^[3] Речь идет о солнечном затмении 16 (28) июля 1851 г. Русское географическое общество, Академия наук, университеты отправили наблюдателей в полосу полного затмения, которая проходила через Польшу, Украину и Кавказ. Члены РГО А. Н. Савич и Ф. А. Семенов были направлены в г. Бобринец (Херсонская губ.); Академия наук обратилась к арх. Иннокентию за содействием в проведении наблюдений, но погода не позволила их провести.

^[4] И. М. Скворцов был наставником И. А. Борисова в Киевской духовной академии, где тот обучался в 1819–1823 гг.

^[5] Притч. 26:4. Синодальный перевод: «Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему».

---

⁴ Между прочим, припомнился мне процесс составления отчета о бывшем солнечном затмении. Отчет этот должен был составить Иннокентий, как он объяснил, для Академии наук. Замечу, что с нами до Бобринца ехал, возвращаясь из Одессы в Киев, известный профессор богословия и философских наук, наставник Иннокентия, И. М. Скворцов^[4]. «Продиктуйте, Иван Михайлович, — сказал Иннокентий, — секретарю о нашем печальном наблюдении». Начал диктовать знаменитый автор «Критики здравого ума»; сначала все шло, как и было, наконец, мы слышим следующие слова: «в момент самого затмения тучи, хотя не грозные, но довольно густые, обложили весь небесный свод, и вдруг тьма блеснула, как молния...»

— Что вы, что вы? — смеясь, сказал Иннокентий.

— Да ведь я диктую в вашем тоне, владыка, — отвечал маститый учитель своему тоже маститому ученику. Конечно, последняя фраза была выброшена.

⁵ Прежде чем ответить мне на этот вопрос, Иннокентий пригрозился на меня пальцем за нерусское слово. Он терпеть не мог иностранных слов и однажды сильно распекал меня за слово **гуманный**, найденное им в одном из моих сочинений. Он слово «гуманный» преобразил в такое слово, которое не принято в печати.

Список иллюстраций

- Абих Г. В. — СПбФ АРАН. Ф. 265. Оп. 4. Д. 71. Л. 1
Анучин Д. Н. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-А. Д. 21
Баклунд О. А. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 467. Л. 1
Бейльштейн Ф. Ф. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 15. Л. 1
Бекетов Н. Н. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 23. Л. 1
Белопольский А. А. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 34. Л. 1
Бётлингк О. Н. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 149. Л. 1
Брандт Ф. Ф. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 62. Л. 1
Зубные кости стеллеровой коровы. — СПбФ АРАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 108. Л. 2–3
Бредихин Ф. А. — СПбФ АРАН. Ф. 18. Оп. 3. Д. 34996. Л. 72
Бунге Н. X. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 44. Л. 3
Буняковский В. Я. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 12. Л. 1
Чертежи 17 и 18 к статье “Lunule” — «Луночка» в «Лексиконе чистой и прикладной математики» В. Я. Буняковского. — СПбФ АРАН. Р. II. Оп. 1. Д. 280. Л. 373
Письмо В. Я. Буняковского к Б. С. Якоби о способе определения объема усеченного цилиндра. — СПбФ АРАН. Ф. 187. Оп. 2. Д. 68. Л. 1.
Бутлеров А. М. — СПбФ АРАН. Ф. 347. Оп. 4. Д. 53. Л. 1
Бычков А. Ф. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 378. Л. 1 (или Д. 78. Л. 2)
Бэр К. М. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 25. Л. 1
Васильев В. П. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 1. Л. 1
Васильевский В. Г. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 42. Л. 1
Вельяминов-Зернов В. В. — СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 4. Д. 70. Л. 1
Веселовский К. С. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 32. Л. 1
Гамель И.-Х. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 17. Л. 2
Вильд Г. И. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 21. Л. 1
Востоков А. X. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-В. Д. 39. Л. 2 (или Ф. 108. Оп. 1. Д. 200. Л. 1)
Гельмерсен Г. П. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 4. Л. 2
Мурчисон Р. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-М. Д. 83. Л. 1
Гесс Г. И. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 14. Л. 1
Голицын Б. Б. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 269. Л. 1
Грефе Ф. Б. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 40. Л. 2
ΤΗΝ ΚΑΙΣΑΡΕΙΑΙ ΠΕΡΙ ΕΠΙΣΤΗΜΩΝ ΑΚΑΔΗΜΙΑΙ ΤΗΙ ΕΝ ΠΕΤΡΟΥ ΠΟΛΕΙ ΤΗΝ
ΕΚΑΤΟΝΤΟΥΤΙΝ ΕΑΥΤΗΣ ΠΑΝΗΓΥΡΙΝ ΤΟ ΠΡΩΤΟΝ ΑΓΟΥΣΗΝ ΤΗΙ ΚΘ ΤΟΥ
ΔΕΚΕΜΒΡΙΟΥ ΤΟΥ ΑΩΚΦ ΕΤΟΥΣ
Грот Я. К. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 31. Л. 1
Дорн Б. А. — СПбФ АРАН. Ф. 95. Оп. 3. Д. 19 а. Л. 7
Дубровин Н. Ф. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Д. Д. 2. Л. 1
Ернштедт В. К. — СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 1. Д. 65. Л. 1
Зинин Н. Н. — СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-З. Д. 20. Л. 2
Иннокентий, арх. (в миру И. А. Борисов) — фототека СПбФ АРАН

Список сокращений

- ад. — адъюнкт
- ГАО — Главная астрономическая (Пулковская) обсерватория
- ГФО — Главная физическая обсерватория
- действ. чл. — действительный член
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- иностр. чл. — иностранный член
- ИФО — Историко-филологическое отделение
- мл. — младший/-ая
- МНП — Министерство народного просвещения
- непрем. секр. — непременный секретарь
- орд. акад. — ординарный академик
- ОРЯС — Отделение русского языка и словесности
- Отделение русского языка и словесности — Отделение русского языка и словесности
Императорской Академии наук за первые 50 лет его деятельности:
1841–1891 гг.: Сб. документов / сост. Е. Ю. Басаргина, О. А. Кирикова.
СПб., 2016.
- поч. чл. — почетный член
- РГО — (Императорское) Русское географическое общество в Санкт-Петербурге
- ст. — старший/-ая
- ФМО — Физико-математическое отделение
- экстр. акад. — экстраординарный академик
- a. St. — alter Stil (alten Stils) — даты по старому стилю

Аннотированный указатель имен*

- Абельс Герман Федорович (Hermann Abels; 1846–1929) — метеоролог, физик; сотрудник ГФО — 280, 302, 303
- Абих Герман Вильгельмович** (Васильевич, Отто Вильгельм Герман, Otto Wilhelm Hermann von Abich; 1806–1886) — геолог; орд. акад. с 8 января 1853 г. по 22 декабря 1865 г. по ФМО (ориктогнозия и минералогическая химия), поч. чл. с 14 января 1866 г. — xxiii, 2, 3, 5–10, 12–21, 255, 263, 314–316, 405, 410, 487
- Аблай (?–1674) — ойратский тайши, сын хошутского тайши Байбагаса, сводный брат и соперник Очирту-Цецен-хана — 420, 431
- Абулгази (Абуль-Гази, Абу-л-Гази) Бахадур-хан (1603–1663) — хан Хивы, историк, поэт; автор «Родословной туркмен» (1661) и «Родословного древа тюрок» (1664) — 418, 422, 432
- Аверов Анастас (Awerow) — греческий купец — 109, 110
- Аделунг Федор Павлович фон (Friedrich von Adelong; 1768–1843) — историк, археолог, лингвист, библиограф; чл.-корр. с 1 ноября 1809 г., поч. чл. с 21 декабря 1838 г. — 425
- Академ — в античной мифологии герой, живший в оливковой роще на окраине Афин — 390
- Александр I (Александр Павлович; Alexander; 1777–1825) — российский император с 1801 г. — x, 247, 262, 296, 298, 303, 372, 373, 383, 384, 387–393, 405, 423, 427, 433, 438, 445–447
- Александр II (Александр Николаевич; 1818–1881) — российский император с 1855 г.; поч. чл. с 29 декабря 1826 г. — 155, 238, 249, 326, 407, 438, 461
- Александр III (Александр Александрович; 1845–1894) — российский император с 1881 г., поч. чл. с 5 ноября 1865 г. — xv, xxvi, 131, 188, 236, 397, 410, 411, 439, 440
- Александр Македонский (Великий; 356–323 гг. до н. э.) — царь Древней Македонии, полководец, создатель мировой державы — 200, 381
- Александра Петровна, великая княгиня (урожд. Александра Фредерика Вильгельмина, принцесса Ольденбургская; в иночестве Анастасия; 1838–1900) — супруга вел. кн. Николая Николаевича — старшего; благотворительница, основательница Покровской общины сестер милосердия в Петербурге, Покровского монастыря в Киеве — 189, 403
- Алексеев Василий Михайлович (1881–1951) — филолог-китаист; чл.-корр. с 1 декабря 1923 г., акад. с 12 января 1929 г. — 225
- Алексеев Николай Николаевич (1827–1881) — математик; ад. с 5 октября 1879 г. по ФМО (чистая математика) — 178
- Алексеев Петр Петрович (1840–1891) — химик, профессор Университета Св. Владимира в Киеве, один из учредителей Русского химического общества — 54, 55
- Алексей (Алексий) (в миру Александр Федорович Лавров-Платонов; 1829–1890) — церковный иерарх, арх. Литовский; богослов, специалист в области канонического права — 190
- Аллен Уильям (William Allen; 1770–1843) — английский ученый и филантроп — 247
- Альфьери (Альфьери) Витторио (Vittorio Alfieri; 1749–1803) — итальянский поэт и драматург — 127, 128
- Амартол — см. Георгий Амартол
- Андокид (ок. 440 г. — после 391 г. до н. э.) — древнегреческий оратор и политический деятель — 458, 461
- Андреевский Иван Ефимович (1831–1891) — юрист, историк, архивист, педагог; директор Императорского Санкт-Петербургского археологического института (с 1885 г.) — 190

---

* Полужирным шрифтом выделены имена «титulyных» ученых, тех, кому посвящены отдельные главы в первой части книги.

- Аничков Евгений Васильевич (1866–1937) — литературовед, литературный критик — 236
- Аничков Николай Милюевич (1844–1916) — педагог, высокопоставленный чиновник Министерства народного просвещения (директор департамента с 1886 г., товарищ министра с 1896 г., и. о. министра в январе — феврале 1898 г.) — 190
- Анна Иоанновна (1693–1740) — императрица Всероссийская с 1730 г. — 255
- Антипов Алексей Иванович (Антипов 2-й; 1833–1913) — геолог, горный инженер, исследователь Южного Урала, Печорского края, организатор системы управления горной промышленностью; в 1907 г. учреждена медаль им. А. И. Антипова, вручалась за особые заслуги в области минералогии до 1917 г. — 313, 314, 316
- Антифонт (480–411 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-софист и оратор — 458, 459, 461
- Антоний (в миру Яков Гаврилович Амфитеатров; 1815–1879) — богослов, арх. Казанский и Свяжский; поч. чл. с 3 декабря 1876 г. — 405
- Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский; 1846–1912) — церковный иерарх, митр. С.-Петербургский и Ладожский; ректор Санкт-Петербургской духовной академии (с 1887 г.); поч. чл. с 4 декабря 1899 г. — 190
- Антонович Владимир Бонифатиевич (1834–1908) — историк, археолог, этнограф; чл.-корр. с 1901 г. — 31
- Анучин Дмитрий Николаевич** (1843–1923) — зоолог, антрополог, географ; орд. акад. с 10 февраля 1896 г. по ФМО (зоология), поч. чл. с 18 апреля 1898 г. — xxvi, 23–33, 487
- Аполлон (Феб; Phöbus) — в античной мифологии бог света, покровитель искусства — 122, 376, 386
- Араго Доминик Франсуа Жан (Dominique François Jean Arago; 1786–1853) — французский астроном, физик; поч. чл. с 9 декабря 1829 г. — 176
- Арескин Роберт Карлович (Robert Erskine (Areskin); 1677–1718) — лейб-медик Петра I, архиятер, президент Аптекарского приказа, основатель и главный хранитель Кунсткамеры и императорской библиотеки — 421
- Аристарх Самосский (ок. 310 г. до н. э. — ок. 230 г. до н. э.) — древнегреческий астроном, математик — 80
- Аристотель (384–322 гг. до н. э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист — 146, 200, 217, 219, 462
- Астен Эмилий Александрович фон — адъютант-астроном Пулковской обсерватории — 40
- Ауэрбах Иван Богданович (1815–1867) — естествоиспытатель, геолог, минералог; проф. Петровской земледельческой и лесной академии (1865) — 316
- Афина (Афина Паллада; Athen) — в древнегреческой мифологии дева-воительница, богиня мудрости и знаний; у римлян Минерва — 372, 377, 380, 383, 387, 390, 392
- Бабур Захир ад-дин Мухаммед (1483–1530) — военный и государственный деятель, основатель империи Великих Моголов (Бабуридов) — 422, 432
- Байер Теофил (Готлиб) Зигфрид (Theophil (Gottlieb) Siegfried Bayer; 1694–1738) — филолог, историк, востоковед; проф. греко-римских древностей с 3 декабря 1725 г. — 228, 229, 231–233, 256, 426, 430
- Байрон Джордж Гордон (лорд Байрон, George Gordon Byron; 1788–1824) — английский поэт — 163
- Бакленд Фрэнсис Тревельян (Буклэнд; Francis Trevelyan Buckland; 1826–1880) — британский хирург, зоолог и писатель-натуралист; сын геолога Уильяма Бакленда — 318
- Баклунд Оскар Андреевич** (Юхан (Йенс) Оскар, Johan Oskar Backlund; 1846–1916) — астроном; чл.-корр. с 4 декабря 1881 г., орд. акад. с 3 декабря 1883 г. по разряду математических наук ФМО (астрономия) — 34, 36, 41, 45–48, 79, 86, 120, 121, 350, 352, 353, 355, 487
- Бакмейстер Иван Григорьевич (Johann Vollrath Bacmeister; 1732–1788) — библиограф, с 1756 г. состоял библиотекарем Академии наук — 418–422, 425, 426

- Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737–1814) — историк, археограф, издатель; служащий (с 1762 г.) и управляющий (с 1800 г.) Московским архивом Коллегии иностранных дел — 302
- Барбот де Марни Николай Павлович (Nikolai Barbot-de-Marny; 1829(31?)–1877) — горный инженер, геолог — 313–315, 317
- Барсов Еллидифор Васильевич (1836–1917) — историк, археограф; секретарь Общества истории и древностей российских (1881–1907) — 190
- Бауер (Бауэр) Василий Васильевич (1833–1884) — историк, специалист по всеобщей истории (в особенности античности), проф. и декан (1880–1882) историко-филологического факультета С.-Петербургского университета — 237
- Безобразов Владимир Павлович (1829–1889) — экономист, статистик; ад. с 4 декабря 1864 г. по ИФО (политическая экономия и статистика), экстр. акад. с 4 августа 1867 г. — 441, 449
- Бейльштейн Федор Федорович** (Friedrich Konrad Beilstein; 1838–1906) — химик; чл.-корр. с 3 декабря 1883 г., орд. акад. с 13 декабря 1886 г. по ФМО (технология и химия, приспособленная к искусствам и ремеслам) — xxv, 39, 50–52, 55–62, 65, 79, 178, 487
- Бекетов Алексей Николаевич (1824–1898) — общественный деятель, участник проведения крестьянской реформы 1861 г., первый председатель Пензенской губернской земской управы (1865–1898); старший брат акад. Н. Н. Бекетова — 75
- Бекетов Андрей Николаевич (1825–1902) — ботаник, ректор С.-Петербургского университета (1876–1883); чл.-корр. с 7 декабря 1891 г. по разряду биологических наук, поч. чл. с 2 декабря 1895 г. по ФМО (ботаника); средний брат акад. Н. Н. Бекетова — 75
- Бекетов Николай Алексеевич (1794–1866) — морской офицер, отец акад. Н. Н. Бекетова — 74
- Бекетов Николай Николаевич** (1827–1911) — специалист в области физической химии; чл.-корр. с 2 декабря 1877 г., орд. акад. с 13 декабря 1886 г. по ФМО — xxv, 39, 64–70, 72 — 75, 352, 466, 487
- Белл Эндру (Andrew Bell; 1753–1832) — британский англиканский священник и ученый-педагог, получивший известность названным по его имени методом обучения — 247, 252
- Белопольский Аристарх Аполлонович** (1854–1934) — астроном, астрофизик; ад. с 13 мая 1900 г., экстр. акад. с 19 апреля 1903 г., орд. акад. с 15 апреля 1906 г. по ФМО (астрономия); вице-директор (1908–1916), директор (1916–1919) ГАО — xxvii, 77–79, 81–83, 86–89, 121, 122, 125, 128, 487
- Берг Лев Семенович (1876–1950) — географ, зоолог-ихтиолог; президент Географического общества СССР с 1940 г.; чл.-корр. с 14 января 1928 г. по Отделению физико-математических наук (биология), акад. с 30 ноября 1946 г. по Отделению геолого-географических наук (зоология, география) — 32, 33
- Бередников Яков Иванович (1793–1854) — историк, археограф; участник Археографической экспедиции П. М. Строева, член и главный редактор Археографической комиссии, библиотекарь АН; ад. с 19 октября 1841 г., экстр. акад. с 3 мая 1845 г., орд. акад. с 6 февраля 1847 г. по ОРЯС — 256, 263
- Беринг Витус Йонассен (Vitus Jonassen Bering; 1681–1741) — полярный мореплаватель, в 1725–1730 и 1733–1741 гг. руководил Первой и Второй Камчатскими экспедициями — 107, 108, 255, 261
- Бернулли Даниил (Daniel Bernoulli; 1700–1782) — математик; проф. физиологии с 5 июля 1725 г., математики с 1727 г., поч. чл. с 23 марта 1733 г. — 256, 276
- Берцелиус Йёнс Якоб (Jöns Jacob Berzelius; 1779–1848) — шведский химик, минералог; поч. чл. с 15 ноября 1820 г. — 334, 477
- Бессель Фридрих Вильгельм (Friedrich Wilhelm Bessel; 1784–1846) — немецкий астроном, ученик К. Ф. Гаусса; поч. чл. с 25 мая 1814 г. — 126, 128
- Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) — историк; чл.-корр. с 8 декабря 1872 г., орд. акад. с 3 марта 1890 г. по ОРЯС (русская история)

- Бётлингк Оттон Николаевич** (Отто Бётлинг, Otto von Böhrling; 1815–1904) — востоковед-индолог, санскритолог; ад. с 5 марта 1842 г., экстр. акад. с 13 декабря 1845 г., орд. акад. с 4 августа 1855 г. по 11 июня 1894 г., поч. чл. с 3 сентября 1894 г. по ИФО (санскритский язык и словесность) — ххii, 91, 92, 94–98, 100–102, 210, 258, 264, 417, 487
- Бидлиси Шараф-хан (Şaraf Hān Bidlīsī; Scheref, Prince de Bidlis; 1543–1601/02) — политический деятель, философ, основоположник курдской историографии — 243
- Биллярский Петр Спиридонович (1817–1867) — филолог-славист; ад. по ОРЯС с 3 июня 1860 г., экстр. акад. с 11 января 1863 г. — 232
- Бине Жак Филипп Мари (Jacques Philippe Marie Binet; 1786–1856) — французский математик, механик и астроном — 167
- Биньон Жан-Поль (Jean-Paul Bignon; 1662–1743) — французский священнослужитель, писатель, библиотекарь короля Людовика XIV — 420, 431, 432
- Бланканий — см. Бьянкани Джузеппе
- Бласс Фридрих Вильгельм (Friedrich Wilhelm Blass; 1843–1907) — немецкий филолог-классик — 459
- Блудов Дмитрий Николаевич, гр. (1785–1864) — литератор, государственный деятель; министр внутренних дел (1832–1838), главноуправляющий Второго отделения (1839–1861), председатель Государственного совета (1862–1864) и Комитета министров (1861–1864); поч. чл. с 20 декабря 1826 г., президент с 26 ноября 1855 г. по 19 февраля 1864 г. — xi, ххiii, 112, 304
- Блюментрост (Блументрост) Лаврентий Лаврентьевич (Laurentius Blumentrost; 1692–1755) — врач, лейб-медик Петра Великого; президент Академии наук с 7 декабря 1725 г. по 6 июля 1733 г. — 156
- Богданов Анатолий Петрович (1834–1896) — зоолог, антрополог; проф. Московского университета с 1867 г.; чл.-корр. с 1 декабря 1890 г. по ФМО (биология) — 24
- Богданов Владимир Владимирович (1868–1949) — этнограф, краевед — 29
- Богданович Модест Иванович (1805–1882) — военный историк, генерал-лейтенант — 443, 446, 448
- Богишич Балтазар (Валтазар Богишић, Baltazar Bogišić; 1834–1908) — сербский юрист, социолог и этнограф, проф. Новороссийского университета (1870–1873) — 445, 449
- Боголепов Николай Павлович (1846–1901) — правовед, ректор Московского университета (1883–1887), министр народного просвещения (1898–1901) — 237
- Бородин Александр Порфирьевич (1833–1887) — военный врач, химик, композитор — 466, 478
- Боткин Василий Петрович (1811/1812–1869) — литературный критик, переводчик, меценат, учредитель премии Московского университета «За лучшее сочинение по русским классическим древностям» — 460, 461
- Бошкович Руджер Иосип (Руджеро Джузеппе Боскович; Ruđer Josip Bošković; Ruggero Giuseppe Boscovich; 1711–1787) — хорватский (итальянский) физик, математик, астроном; поч. чл. с 17 января 1760 г. — 469
- Браге Тихо (Tyge Ottesen Brahe; Tycho Brahe; 1546–1601) — датский астроном — 80
- Брандт Роман Федорович (псевд. Головнин Орест; Robert Ernst Martin Brandt; 1853–1920) — славист; чл.-корр. с 7 декабря 1902 г. по ОРЯС — 114
- Брандт Федор Федорович** (Johann Friedrich von Brandt; 1802–1879) — зоолог, палеонтолог; ад. с 15 декабря 1830 г. по зоологии, экстр. акад. с 16 мая 1832 г., орд. акад. с 14 июня 1833 г.; директор Зоологического музея АН в 1832–1879 гг. — xv, хxi, хxiv, 103–106, 108, 109–117, 153, 309, 487
- Браун Иосиф Адам (Josef Adam Braun; 1712–1768) — физик, метеоролог; проф. философии с 23 января 1748 г. — 254
- Бредихин Федор Александрович** (1831–1904) — астроном; чл.-корр. с 2 декабря 1877 г., орд. акад. с 17 марта 1890 г. по разряду математических наук ФМО (астрономия) — 125–128, 287, 352, 451, 487

- Бредихина Анна Дмитриевна (урожд. Бологовская; 1831–1898) — жена акад. Ф. А. Бредихина — 85, 124
- Брока Поль Пьер (Paul Pierre Broca; 1824–1880) — французский нейрохирург, антрополог — 31
- Броссе Марий Иванович (Marie-Félicité Brosset; 1802–1880) — востоковед, картвеловед; ад. с 2 декабря 1836 г. по словесности и древностям азиатских народов, экстр. акад. с 2 марта 1838 г., орд. акад. с 4 декабря 1847 г. по разряду истории и словесности азиатских народов ИФО — 257, 264, 417, 418, 434, 436
- Брукс Уильям Роберт (William Robert Brooks, 1844–1922) — американский астроном, известен открытиями комет — 121
- Бруннов Филипп Иванович, бар. (Ernst Philipp Graf von Brunnow; 1797–1875) — русский дипломат, действительный тайный советник (1856); посол России в Великобритании (1840–1874 гг., с перерывами) — 320
- Брух Карл Фридрих (Carl Friedrich Bruch; 1789–1857) — немецкий орнитолог — 108, 109
- Брюнинг Адольф (Adolf Brüning) — немецкий химик — 175
- Брюс Яков Вилимович, гр. (James Daniel Bruce; 1669–1735) — сподвижник Петра I, военачальник, дипломат, ученый и коллекционер — 228, 421, 431
- Буало-Депрео Николая (Nicolas Voileau-Despréaux; 1636–1711) — французский поэт — 462, 463
- Бугаев Николай Васильевич (1837–1903) — математик, профессор Московского университета; чл.-корр. с 13 декабря 1897 г. по ФМО (математика) — 85
- Буксбаум Иоганн Христиан (Johann Christian Vuxbaum; 1693–1730) — немецкий естествоиспытатель, исследователь Юго-Восточной Европы, Малой Азии и Кавказа; проф. ботаники и натуральной истории с 1 сентября 1725 г. по 11 августа 1729 г. — 421
- Булгаков Михаил Петрович (еп. Макарий; 1816–1882) — историк церкви, орд. акад. с 4 ноября 1854 г. по ОРЯС — xxiv, 485
- Булгаков Яков Иванович (1743–1809) — дипломат, литератор, переводчик, посланник в Константинополе (с 1781 г.), посол в Варшаве (1790–1792); поч. чл. с 5 марта 1795 г. — 447
- Бунге Николай Христианович** (Nikolai Karl Paul von Bunge; 1823–1895) — экономист, министр финансов (1881–1886), председатель Комитета министров (1887–1895); чл.-корр. с 4 декабря 1859 г. по разряду историко-политических наук ИФО (политическая экономия и статистика), поч. чл. с 4 декабря 1881 г., орд. акад. с 3 марта 1890 г. по ИФО (политическая экономия) — xxv, 130–141, 189, 245, 270, 487
- Бунге Христиан Георгиевич (Григорьевич; Christian Gottlieb von Bunge; 1776–1857) — киевский врач-педиатр, отец академика Н. Х. Бунге — 424
- Бунзен Роберт Вильгельм (Robert Wilhelm Bunsen; 1811–1899) — немецкий химик; проф. химии Гейдельбергского университета (с 1852 г.) — 61, 289
- Буняковский Виктор Яковлевич** (1804–1889) — математик; ад. с 7 мая 1828 г. по чистой математике, экстр. акад. с 24 марта 1830 г., орд. акад. с 8 января 1841 г. по ФМО; вице-президент с 8 апреля 1864 г. по 26 сентября 1889 г. — xi, xxi, 114, 144, 150–155, 164, 167–169, 178, 179, 487
- Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич (1821–1866) — общественный деятель — 272, 452, 453
- Бутлеров Александр Михайлович** (1828–1886) — химик-органик; ад. с 6 марта 1870 г., экстр. акад. с 3 декабря 1871 г., орд. акад. с 18 января 1874 г. по ФМО (химия) — xiii, xxiv, 51, 52, 56, 59, 60, 64–66, 70, 171–173, 175, 178, 179, 345, 466, 474–476, 478, 487
- Бух Христиан Леопольд фон (Christian Leopold Freiherr von Buch; 1774–1853) — немецкий геолог; поч. чл. с 12 декабря 1832 г. — 3, 16, 319, 322
- Бычков Афанасий Федорович** (1818–1899) — историк, археограф, библиотекарь; чл.-корр. с 3 декабря 1855 г., экстр. акад. с 14 января 1866 г., орд. акад. с 5 декабря 1869 г. по ОРЯС — xiv, xxiv, 181–185, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 403, 407, 487

- Бьянкани Джузеппе (Giuseppe Biancani; лат. Josephus Blancanus; 1566–1624) — итальянский астроном и математик — 145, 146
- Бэр Карл Максимович** (Karl Ernst von Baer; 1792–1876) — естествоиспытатель; иностр. чл.-корр. с 20 декабря 1826 г., орд. акад. с 9 апреля 1828 г. по зоологии, иностр. поч. чл. с 28 октября 1830 г., вторично орд. акад. с 11 апреля 1834 г. по 27 октября 1862 г., поч. чл. (с правом присутствия и голоса в заседаниях) с 2 ноября 1862 г. — xv, xxi, xxiv, 104, 110, 116, 117, 193–195, 197, 199–202, 204–220, 255, 262, 309, 412, 475, 487
- Бюлер Федор Андреевич, бар. (1821–1896) — юрист, дипломат, архивист
- Бюффон, гр. (Жорж-Луи Леклерк) (Georges-Louis Leclerc, Comte de Buffon; 1707–1788) — французский натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель, писатель — 105, 107
- Вагнер Петр Иванович (1799–1876) — врач, геолог, минералог — 314, 316
- Ванновский Петр Семенович (1822–1904) — военный и государственный деятель, военный министр (1882–1898), министр просвещения (1901–1902); глава комиссии по исследованию студенческих беспорядков 1899 г.; поч. чл. с 9 декабря 1888 г. — 74, 124
- Василий I (ум. 886) — византийский император с 867 г. — 233
- Васильев Василий Павлович** (1818–1900) — востоковед, монголовед, китаист, буддолог; чл.-корр. с 9 декабря 1866 г. по разряду восточной словесности ИФО, орд. акад. с 11 января 1886 г. по ИФО (история и древности восточных народов) — 221, 222, 224, 225
- Васильевский Василий Григорьевич** (1838–1899) — историк-византист; чл.-корр. с 3 декабря 1876 г. по разряду историко-политических наук (русская и византийская история) ИФО, орд. акад. с 3 февраля 1890 г. — 226, 227, 236, 237, 238, 241
- Везиров Абу Тураб (?–?) — переводчик с персидского языка Коллегии иностранных дел (с 1786 г.) — 424
- Веллингтон, герц. (Артур Уэлсли) (Arthur Wellesley, 1-st Duke of Wellington; 1769–1852) — британский полководец и государственный деятель, премьер-министр Великобритании (1828–1830) — 317, 325
- Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович** (1830–1904) — историк, востоковед (гебраист и тюрколог), лингвист, нумизмат; ад. с 6 июня 1858 г. (по литературе и истории азиатских народов), экстр. акад. с 1 декабря 1861 г. по 15 февраля 1878 г. (мусульманские языки и их литературы), поч. чл. с 1 декабря 1890 г. по ИФО — xxiii, 240, 241, 242, 243, 257, 264, 487
- Вельяшев-Волынцев Иван Андреевич (1737–1795) — военный и педагог — 147
- Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) — геолог, минералог, кристаллограф, геохимик, историк науки; ад. с 4 марта 1906 г. по ФМО (минералогия), экстр. акад. с 5 апреля 1908 г., орд. акад. с 3 марта 1912 г. — 215, 220
- Вернейль (Вернёй) Филипп Эдуард Пуллетье де (Philippe Édouard Poullletier de Verneuil; 1805–1873) — французский геолог и палеонтолог; чл.-корр. с 7 декабря 1856 г. по разряду минералогии и геологии ФМО — 255, 314, 320, 321
- Веселовский Константин Степанович** (1819–1901) — экономист, статистик; ад. с 1 мая 1852 г., экстр. акад. с 1 сентября 1855 г., орд. акад. с 5 июня 1859 г. по ИФО, непрем. секр. с 1 ноября (фактически с 3 мая) 1857 г. по 13 марта 1890 г. — xi, xxiii, 55, 66, 95, 96, 131, 133, 138, 139, 140, 141, 153, 178, 206, 212, 236, 237, 242, 245, 246, 253, 260, 263–273, 276, 277, 311, 404, 405, 406, 408, 410, 438, 441, 442, 443, 444, 449, 450, 451, 452, 453, 477, 487
- Веселовский Николай Иванович (1848–1918) — археолог, востоковед; чл.-корр. с 29 ноября 1914 г. по ИФО (восточная словесность) — 241
- Вестергор Нильс Людвиг (Вестергаард, Niels Ludvig Westergaard; 1815–1878) — датский филолог-востоковед, издатель словаря “Radices linguae sanscritae” («Корни санскритского языка») — 98, 100
- Вёлер Фридрих (Friedrich Wöhler; 1800–1882) — немецкий химик, врач; проф. химии Гёттингенского университета (с 1836 г.); чл.-корр. с 9 декабря 1853 г. по ФМО (физико-химический разряд) — 61, 62, 334

- Видеман Герман Андреевич (Georg Hermann Wiedemann; 1817–1866) — педагог, учредитель и директор частной гимназии в С.-Петербурге — 458
- Видеман Фердинанд Иванович (Видеман-мл., Ferdinand Johann Wiedemann; 1805–1887) — лингвист, чл.-корр. с 2 декабря 1854 г. (лингвистика); экстр. орд. с 10 сентября 1857 г., орд. акад. с 2 октября 1859 г. по ИФО (филология и этнография финских племен) — 258, 449
- Виламовиц-Мёллендорф Ульрих фон (Ulrich von Wilamowitz-Moellendorff; 1848–1931) — немецкий филолог-классик и историк античной культуры; чл.-корр. с 1 декабря 1907 г., поч. чл. с 31 января 1929 г. по ИФО (классическая филология и археология) — 460
- Вильд Генрих Иванович** (Heinrich Wild; 1833–1902) — физик, метеоролог; директор ГФО (1868–1895); экстр. акад. с 10 мая 1868 г., орд. акад. с 1 мая 1870 г. по 16 сентября 1895 г. по ФМО (физика), поч. чл. с 2 декабря 1895 г. — xiv, xv, xxiv, 36, 38, 39, 59, 69, 178, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 287, 288, 289, 300, 487
- Вилькицкий Андрей Ипполитович (1858–1913) — гидрограф, геодезист; начальник Главного гидрографического управления Морского министерства с 1907 г. — 45
- Вильсон Горас Гайман (Хорас Хайман Уилсон; Horace Nauman Wilson; 1786–1860) — английский индолог и санскритолог — 92–94
- Витте Сергей Юльевич, гр. (1849–1915) — государственный деятель; министр путей сообщений (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Кабинета министров (1903–1906), председатель Совета министров (1905–1906); поч. чл. с 4 декабря 1893 г. — 140–142
- Владимир I Святославович (ок. 960–1015) — русский князь из династии Рюриковичей; князь новгородский (ок. 969–978), князь киевский (978–1015) — 233, 234
- Владимир Александрович, вел. кн. (1847–1909) — младший брат императора Александра III; поч. чл. с 5 декабря 1878 г. — 403
- Владыкин Антон Григорьевич (1757–1812) — востоковед, переводчик с китайского и маньчжурского языков, участник седьмой Русской духовной миссии в Пекине — 424
- Вогюэ Мари-Эжен-Мелькиор де (Marie-Eugène-Melchior de Vogüé; 1848–1910) — французский дипломат, археолог, путешественник, литературный критик — 216
- Воейков Александр Иванович (1842–1916) — метеоролог, географ, специалист в области курортологии; чл.-корр. с 4 декабря 1910 г. по ФМО (физический разряд) — 60, 364
- Волконский Михаил Никитич, кн. (1713–1788) — государственный и военный деятель, генерал-аншеф (1762), чрезвычайный посланник и полномочный министр в Речи Посполитой (1756–1758, 1769–1771) — 445
- Вольф Макс (Максимилиан Франц Йозеф Корнелиус, Maximilian Franz Joseph Cornelius Wolf; 1863–1932) — немецкий астрофизик; проф. Гейдельбергского университета с 1893 г.; иностр. чл.-корр. с 6 декабря 1924 г. — 39
- Восток Александр Христофорович** (Александр Вольдемар Остенек; Alexander Woldemar Osteneck; 1781–1864) — филолог-славист; чл.-корр. с 20 декабря 1826 г., орд. акад. с 19 октября 1841 г. по ОРЯС — xxii, 235, 291–298, 300–307, 487
- Врангель Николай Николаевич, бар. (1880–1915) — историк искусства — 216
- Вышинская Мария Федоровна (1860–?) — музыкант; жена А. А. Белопольского — 89
- Вюрц Шарль Адольф (Charles Adolphe Würtz; 1863–1932 (1817–1884?)) — французский химик швейцарского происхождения; проф. химии и зав. химической лабораторией медицинского факультета («Школа медицины») Парижского университета (с 1853 г.); чл.-корр. с 7 декабря 1873 г. по ФМО (физические науки) — 62
- Вяземский Павел Петрович, кн. (1820–1888) — дипломат, литератор — 445, 449
- Вяземский Петр Андреевич, кн. (1792–1878) — поэт, критик; орд. акад. с 19 октября 1841 г. по ОРЯС — 413
- Гагарин Андрей Григорьевич, кн. (1855/1856–1920) — ученый и инженер, организатор высшего образования, первый директор С.-Петербургского политехнического института — 364

- Гадолин Аксель Вильгельмович (Axel Wilhelm Gadolin; 1828–1892) — минералог, кристаллограф; чл.-корр. с 7 декабря 1873 г., экстр. акад. с 5 декабря 1875 г., орд. акад. с 1 декабря 1890 г. по ФМО — 36, 38, 59, 66, 69, 178, 282
- Газе Шарль-Бенуа (Charles Benoît Hase, нем. Carl Benedict Hase; 1780–1864) — французский эллинист немецкого происхождения, чл.-корр. с 27 июня 1821 г. — 233–235
- Газенъегер Роберт Федорович (Robert Friedrich Hasenjäger; 1834–1904) — пастор гимназии Видемана в С.-Петербурге (1860–1870), настоятель латышской лютеранской церкви Христа Спасителя в С.-Петербурге (1872–1875) — 326, 327
- Галактионов Ефим Антонович — комендант Академии наук в 1830-е гг. — 337
- Гален (129 — ок. 216) — древнеримский медик, хирург и философ — 200
- Галилей Галилео (Galileo Galilei; 1564–1642) — итальянский физик, механик, астроном — 71, 80, 147
- Гамель Иосиф Христианович (Karl Joseph Hamel; 1788–1862) — химик-технолог, чл.-корр. по 23 июня 1813 г., орд. акад. с 4 марта 1829 г. по технологии и химии, приспособленной к искусствам и ремеслам — 246–253
- Гарвей Уильям (William Harvey; 1578–1657) — английский биолог, врач, анатом, один из основоположников физиологии и эмбриологии — 217, 219, 220
- Гардтгаузен Виктор Эмиль (Victor Emil Gardthausen; 1843–1925) — немецкий палеограф и археограф — 459
- Гардуэн (Ардуэн) Жан (Jean Hardouin; 1646–1729) — французский филолог-классик, богослов, историк, иезуит; подготовил к изданию материалы всех Церковных соборов (Concilium collectio regia maxima) — 229
- Гарезин Николай Александрович (сер. XIX в.) — военный, археолог-любитель; первый начальник военного Найбучинского поста на Сахалине (1866–1869) — 24
- Гаусс Карл Фридрих (Karl Friedrich Gauss; 1777–1855) — немецкий математик, астроном; чл.-корр. с 31 января 1802 г., поч. чл. с 24 марта 1824 г. — 167, 260
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (Georg Wilhelm Friedrich Hegel; 1770–1831) — немецкий философ — 468
- Гедонов Степан Александрович (1816–1878) — историк, литератор; поч. чл. с 13 декабря 1863 г. — 229
- Гейки Арчибальд, сэр (Sir Archibald Geikie; 1835–1924) — шотландский геолог; член Лондонского королевского общества (президент в 1908–1913 гг.); поч. чл. с 13 декабря 1908 г. — 41, 42, 325, 359
- Гей-Люссак Жозеф Луи (Joseph Louis Gay-Lussac; 1778–1850) — французский химик и физик, член Французской академии наук (1806) — 247
- Гейм Эрнст Людвиг (Хайм; Ernst Ludwig Heim; 1747–1834) — немецкий врач — 115
- Гейне Фридрих Готтлоб (Хайне; Friedrich Gottlob Hayne; 1763–1832) — немецкий ботаник, фармацевт; проф. фармацевтической ботаники Берлинского университета (с 1814 г.) — 115
- Гейстер Лоренц (Lorenz Heister; 1683–1758) — немецкий врач, автор трехтомного руководства «Хирургия» — 423, 432
- Гейтер Иоганн Георг Антон (Johann Georg Anton Geuther; 1833–1889) — немецкий химик — 61, 62
- Геккер Август Оскар Эрнст (August Oskar Ernst Hecker; 1864–1938) — немецкий геофизик и сейсмолог; иностр. чл.-корр. с 1 декабря 1923 г. по Отделению физико-математических наук — 45
- Гельмерсен Григорий Петрович** (Gregor von Helmersen; 1803–1885) — геолог, горный инженер; ад. с 3 февраля 1844 г., экстр. акад. с 5 июня 1847 г., орд. акад. с 2 марта 1850 г. по ФМО (геогнозия и палеонтология) — xiv, xxii, xxiv, 4, 6, 9, 56, 59, 153, 178, 213, 255, 263, 307–309, 311, 316, 317, 325–328, 405–407, 410
- Георг V (Великий; 1865–1936) — король Великобритании (1910–1936) — 41, 42
- Георги Иван Иванович (Иоганн Готтлиб; Johann Gottlieb Georgi; 1729–1802) — химик, медик, этнограф, путешественник; ад. с 15 января 1776 г. по химии, орд. акад. с 13 февраля 1783 г. — 254, 256, 426

- Георгиевский Александр Иванович (1830–1911) — государственный и общественный деятель; основатель Филологического общества; член Совета министра народного просвещения (с 1871 г.), председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения (1873–1901) — 190
- Георгий Амартол (IX в.) — византийский историк, автор «Хроники», охватывающей всемирную историю от сотворения мира до 842 г. — 230, 234, 235
- Гераклид Понтийский (Гераклит; Ἡρακλείδης ὁ Ποντικός; 387–312 гг. до н. э.) — древнегреческий астроном, механик — 80
- Гергард — см. Жерар Шарль Фредерик
- Герен Леон (Léon Guérin; 1807–1885) — французский писатель и журналист, автор трудов по истории военных кампаний — 399
- Герман Иван Филиппович (Benedict Franz Johann Hermann; 1755–1815) — минералог, горный инженер, статистик; иностр. чл.-корр. с 14 января 1782 г., иностр. поч. чл. с 18 сентября 1786 г., орд. акад. по минералогии с 11 февраля 1790 г., поч. чл. с 2 декабря 1801 г. — 257, 424
- Герман Карл Федорович (Carl Theodor Hermann; 1767–1838) — статистик, экономист, историк; ад. с 27 марта 1805 г. по статистике и политической экономии, экстр. акад. с 17 января 1810 г., орд. акад. с 11 декабря 1835 г. — 257
- Герстнер Франц Антон (Franz Anton von Gerstner; 1793–1843) — австрийский инженер, строитель первой железной дороги в России — 249
- Гершель Уильям (William (Friedrich Wilhelm) Herschel; 1738–1822) — английский астроном, оптик; поч. чл. с 29 октября 1789 г. — 409
- Гесс Герман Иванович** (Germain Henri / Hermann Heinrich Hess; 1802–1850) — химик; ад. с 29 октября 1828 г. по химии, экстр. акад. с 11 августа 1830 г., орд. акад. с 16 мая 1834 г. по прикладной химии — xv, xxi, 218, 254, 329–338, 340, 342–347, 470, 472, 477
- Гиббон Эдуард (Edward Gibbon; 1737–1794) — британский историк и мемуарист; автор «Истории упадка и разрушения Римской империи» — 233
- Гильденштедт Иоганн Антон (Гюльденштедт; Johann Anton Güldenstädt; 1745–1781) — естествоиспытатель, медик, путешественник; ад. с 2 октября 1769 г. по натуральной истории, проф. с 8 апр. 1771 г. — 261, 422
- Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) — историк, филолог-славист; чл.-корр. с 7 декабря 1856 г. по ОРЯС — 183
- Гиперион — в древнегреческой мифологии титан, имя которого отождествляется с его сыном — богом Солнца Гелиосом — 389
- Гиппократ (ок. 460 г. до н. э. — ок. 370 г. до н. э.) — древнегреческий врач и философ; заложил основы врачебной этики и традиции принесения клятвы — 145, 146, 199
- Гиппократ Хиосский (Hippocrates; вторая половина V в. до н. э.) — древнегреческий математик и астроном
- Гирс Николай Карлович (1820–1895) — государственный деятель, дипломат, товарищ министра иностранных дел (1875–1882), министр иностранных дел (1882–1895); поч. чл. с 3 декабря 1878 г. — 405
- Глинка Федор Николаевич (1786–1880) — военный, поэт, публицист; один из организаторов Вольного общества любителей российской словесности, его председатель в 1819–1826 гг. — 293
- Гмелин Иоганн Георг (Johann Georg Gmelin; 1709–1755) — естествоиспытатель, врач, химик, ботаник; ад. по химии и естественной истории (не ранее 30 августа 1727 г.), проф. с 22 января 1731 г. по 1748 г. — 255, 261, 421
- Гмелин Самуил Готтлиб (Samuel Gottlieb Gmelin; 1744–1774) — ботаник, путешественник; проф. ботаники с 4 апреля 1767 г. — 261, 422
- Гоголь Николай Васильевич (Яновский; Гоголь-Яновский; 1809–1852) — писатель — 216
- Голицын Борис Борисович**, кн. (1862–1916) — физик, сейсмолог; ад. с 4 декабря 1893 г., экстр. акад. с 5 декабря 1898 г., орд. акад. с 5 апреля 1908 г. по ФМО (физика) — xxvi, 79, 348–353, 355–361, 363–367

- Голицын Дмитрий Владимирович, кн. (1771–1844) — военный и государственный деятель, военный генерал-губернатор Москвы (1820–1844); поч. чл. с 9 января 1822 г. — 252
- Головнин Александр Васильевич (1821–1886) — государственный деятель, министр народного просвещения (1861–1866); поч. чл. с 29 декабря 1861 г. — 155, 206, 211, 253
- Гольдбах Христиан (Christian Goldbach; 1690–1764) — математик; проф. математики с 1 сентября 1725 г. по 1728 г. и с 11 ноября 1734 г. по июль 1742 г., поч. чл. не ранее 18 марта 1742 г. — 167
- Гомперц Теодор (Theodor Gomperz; 1832–1912) — немецкий философ и филолог, историк греческой философии; чл.-корр. с 3 декабря 1883 г. по разряду классической филологии и археологии ИФО — 460
- Горбов Александр Иванович (1857–1939) — химик, проф. Николаевской инженерной академии в 1894–1924 гг. — 61, 62
- Горский Александр Васильевич (1812–1875) — историк, богослов — 183
- Гофман Эрнст Карлович (Ernst Reinhold von Hofmann; 1801–1871) — геолог, минералог, географ, исследователь Полярного, Среднего и Южного Урала, Восточной Сибири — 313–316
- Гревингк Константин Иванович (Constantin Caspar Andreas von Grewingk; 1819–1887) — геолог, минералог, археолог — 314, 316
- Гревс Иван Михайлович (1860–1941) — историк-медиевист — 236, 238
- Грегориус (Gregorius) — шкипер/капитан судна «Braut» (1837) — 108, 109
- Грефе Федор Богданович** (Christian Friedrich Graefe; 1780–1851) — филолог-классик; чл.-корр. с 16 декабря 1818 г., орд. акад. с 8 марта 1820 г. по ИФО (греческая и римская словесность) — хх, 369–371, 380, 381, 390–395, 433, 434, 436
- Григорий, диакон (XI в.) — автор предисловия к Остромирову Евангелию — 299, 301
- Григорьев Василий Васильевич (1816–1881) — востоковед-монголовед, специалист по среднеазиатским языкам; управляющий Областью оренбургских киргизов (1854–1862); проф. С.-Петербургского университета (1863–1878); главный цензор России (1874–1880); чл.-корр. с 9 декабря 1853 г. по ИФО (восточные языки) — 241
- Гримм Якоб (Jacob Ludwig Karl Grimm; 1785–1863) — немецкий филолог, лексикограф, фольклорист; иностр. чл.-корр. с 2 декабря 1854 г. по ИФО (лингвистика) — 304
- Грот Наталья Петровна (урожд. Семенова; 1825–1899) — писатель, журналист, жена акад. Я. К. Грота — 403, 408
- Грот Наталия Яковлевна (1860–1918) — дочь академика Я. К. Грота — 403
- Грот Яков** Карлович (Grot; 1812–1893) — филолог-славист; чл.-корр. с 4 декабря 1852 г., ад. с 2 июня 1855 г., экстр. акад. с 22 декабря 1856 г., орд. акад. с 26 февраля 1858 г. по ОРЯС; вице-президент с 26 сентября 1889 г. по 24 мая 1893 г. — xi, xxiii, 97, 166, 189, 287, 306, 396–399, 403, 412
- Гумбольдт Фридрих Вильгельм Генрих Александр фон (Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander Freiherr von Humboldt; 1769–1859) — немецкий естествоиспытатель, путешественник; поч. чл. с 11 февраля 1818 г. — 3, 10–12, 15–17, 104, 116, 178, 255, 260, 308, 314, 315, 320, 325, 410
- Густав II Адольф (Gustav II Adolf; 1594–1632) — король Швеции с 1611 г. — 399
- Давидов Август Юльевич (1823–1885) — математик, механик, профессор Московского университета — 85
- Давыдов Сергей Иванович, кн. (1790–1878) — государственный деятель; вице-президент в 1852–1863 гг., поч. чл. с 4 декабря 1852 г. — 474
- Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) — публицист, историк, философ, естествоиспытатель — 271
- Дарвин Джордж Говард, сэр (Sir George Howard Darwin; 1845–1912) — английский астроном и математик — 361
- Дарвин Гораций (Sir Horace Darwin; 1851–1928) — физик, инженер — 360

- Дарвин Чарльз Роберт (Charles Robert Darwin; 1809–1882) — биолог, путешественник, публицист; чл.-корр. с 1 декабря 1867 г. по разряду биологических наук ФМО — 194, 217, 219
- Дашкова Екатерина Романовна, кн. (1744–1810) — литератор; директор Академии наук с 24 января 1783 г. по 12 ноября 1796 г. — 423
- Декарт Рене (René Descartes; 1596–1650) — французский философ, математик, естествоиспытатель — 147
- Деянов Иван Давыдович, гр. (1818–1897) — государственный деятель, член Государственного совета с 1874 г., директор Публичной библиотеки (1861–1882), министр народного просвещения (1882–1897); поч. чл. с 1859 г. — 114, 189, 191, 237, 327, 398
- Демидов Павел Николаевич (1798–1840) — предприниматель, владелец уральских чугуноплавильных заводов, меценат и благотворитель, учредитель премии «за лучшие по разным частям сочинения в России»; поч. чл. с 11 мая 1831 г. — xxi, 292, 300, 301, 485
- Державин Гавриил Романович (1743–1816) — поэт, государственный деятель — 184, 397
- Диакон Лев — см. Лев Диакон
- Джонс — английский механик (нач. XIX в.) — 248
- Джонс Уильям, сэр (Sir William Jones; 1746–1794) — английский филолог, востоковед-индолог — 101
- Диард Пьер-Медар (Pierre-Médard Diard; 1794–1863) — французский натуралист, путешественник — 105, 107
- Дик Вальтер Франц Антон фон (Walther Franz Anton von Dyck; 1856–1934) — немецкий математик; с 1884 г. проф., в 1900–1906 гг. директор (ректор) Мюнхенской политехнической школы — 45
- Динарх (ок. 360 г. до н. э. — ок. 290 г. до н. э.) — древнегреческий оратор — 458, 461
- Дионис (Лиэй; Lyäus) — в древнегреческой мифологии бог вина и виноделия — 374, 381, 385, 394
- Дисбах Иоганн Якоб (Johann Jacob Diesbach; ок. 1679–1748) — швейцарский химик, создатель краски «берлинская лазурь» — 60
- Добантон Луи Жан-Мари (Louis Jean-Marie Daubenton; 1716–1800) — французский натуралист; поч. чл. с 1776 г. — 105, 107
- Добровский Йосеф (Josef Dobrovský; 1753–1829) — чешский славист и просветитель — 299
- Допплер (Доплер) Кристиан Андреас (Christian Andreas Doppler; 1803–1853) — австрийский математик и физик — 79, 86
- Дорандт Фердинанд Богданович (Ferdinand Dohrandt; 1846–1878) — метеоролог, физик; старший наблюдатель ГФО с 1 января 1873 г., директор Тифлисской обсерватории с 16 мая 1878 г. — 280, 281
- Дорн Борис Андреевич** (Johann Albrecht Bernhard Dorn; 1805–1881) — востоковед-иранист, семитолог; чл.-корр. с 18 декабря 1835 г., ад. с 1 февраля 1839 г.; экстр. акад. с 4 июня 1842 г., орд. акад. с 6 марта 1852 г. по ИФО (восточные языки); директор Азиатского музея (1842–1881) — xxii, 257, 258, 264, 414–416, 431–436
- Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) — писатель; чл.-корр. с 2 декабря 1877 г. по ОРЯС — 216
- Дружинин Яков Александрович (1771–1849) — государственный деятель, переводчик, литератор; поч. чл. с 21 ноября 1841 г. по ОРЯС — 298, 299
- Дубровин Николай Федорович** (1837–1904) — военный деятель, историк; чл.-корр. с 2 декабря 1877 г., экстр. акад. с 1 сентября 1890 г. по ФМО (историко-политические науки); непрем. секр. с 4 сентября 1904 г. — xi, xxv, 23, 55, 123, 245, 287, 437–453, 455
- Дэви Гемфри, сэр (Sir Humphry Davy; 1778–1829) — английский химик, физик и геолог, один из основателей электрохимии — 252, 334
- Дювосель Альфред (Alfred Duvaucel; 1793–1824) — французский натуралист, путешественник — 105, 107
- Дюканж Шарль (Charles du Cange; 1610–1688) — французский историк и филолог, создатель словарей по средневековой латыни и средневековому греческому языку — 233

- Евгений (в миру Евгений Алексеевич Болховитинов; 1767–1837) — церковный иерарх, митр. Киевский и Галицкий; историк, археограф, библиограф; поч. чл. с 20 декабря 1826 г. — 183, 302
- Евгения Максимилиановна, герцогиня Лейхтенбургская (в замужестве принцесса Ольденбургская; 1684–1925) — член Российского императорского дома, внучка Николая I, супруга принца Александра Петровича Ольденбургского; активно участвовала в общественной и культурной жизни — 403
- Егерман Рихард Освальдович (Richard Oswald Jaegermann; ?–?) — астроном, учитель физики Московского Петропавловского лютеранского училища, издатель трудов Ф. А. Бредихина — 124, 127
- Екатерина I Алексеевна (Марта Самуиловна Скавронская, Екатерина Алексеевна Михайлова; 1684–1727) — императрица Всероссийская с 1721 г., правящая государыня с 1725 г., вторая жена Петра I — 156, 157, 260, 390, 421, 447
- Екатерина II (Екатерина Алексеевна, Екатерина Великая, урожд. София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская; Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Zerbst-Dornburg; 1729–1796) — императрица Всероссийская с 1762 г. — x, 116, 185–187, 191, 238, 255, 258, 264, 298, 303, 383, 390, 408, 432, 443, 447, 448, 451
- Екатерина Павловна (1788–1819) — великая княжна, дочь Павла I и Марии Федоровны, в первом браке принцесса Ольденбургская (1809–1812), во втором — королева Вюртемберга (1816–1819) — 391, 393
- Елачич Франц-Лука (Йеллачич, Эллачич; Franciscus-Lukas Jellatschitsch; ?–?) — штаб-лекарь хорватского происхождения, хирург Московского генерального госпиталя — 422, 432
- Елена Павловна (в замужестве герцогиня Мекленбург-Шверинская; 1784–1803) — великая княжна, дочь Павла I и Марии Федоровны — 393
- Елизавета Алексеевна (урожд. Луиза Мария Августа Баденская; Luise Marie Auguste von Baden; 1779–1826) — российская императрица с 1801 г., супруга императора Александра I — 383, 390, 391
- Елизавета Маврикиевна, великая княгиня (урожд. Елизавета Августа Мария Агнеса Саксен-Альтенбургская; Elisabeth Auguste Marie Agnes von Sachsen-Altenburg; 1865–1927) — супруга президента Академии наук вел. кн. Константина Константиновича — 189
- Елизавета Петровна (1709–1761) — императрица Всероссийская с 1741 г. — 443
- Ермолаев Александр Иванович (1780–1828) — историк, археограф, палеограф; хранитель рукописей Публичной библиотеки (с 1812 г.) — 302
- Ермолов Алексей Сергеевич (1847–1917) — государственный деятель, министр земледелия и государственных имуществ (1894–1905) — 30
- Ернштедт Виктор Карлович** (1854–1902) — филолог-классик, палеограф; ад. с 1 мая 1893 г. по ИФО (классическая филология и археология), экстр. акад. с 5 декабря 1898 г. — xxvi, 456–464
- Ертов Иван Данилович (Давыдович; 1777–1842) — литератор, философ, астроном-любитель — 303
- Железнов Николай Иванович (1816–1877) — ботаник, специалист в области физиологии растений; ад. с 14 мая 1853 г. по ФМО (физиология растений с применением к сельскому хозяйству), экстр. акад. с 7 июня 1857 г. (прикладная ботаника) — 153
- Жерар Шарль Фредерик (Гергард; Charles Frédéric Gérhardt; 1816–1856) — французский химик — 471, 473, 477
- Жилова Мария Васильевна (1870–1934) — астроном, сотрудник Пулковской обсерватории — 48
- Жолли Филипп фон (Йолли; Philipp Johann Gustav von Jolly; 1809–1884) — немецкий физик французского происхождения; проф. физики Мюнхенского университета (с 1854 г.) — 61, 62
- Забелин Иван Егорович (1820–1908) — историк, археолог; чл.-корр. с 1 декабря 1884 г., поч. чл. с 1 декабря 1907 г. по ИФО (историко-политические науки) — 229

- Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфенович (1808–1881/1882) — экономист, статистик, писатель; чл.-корр. с 7 декабря 1856 г. по ИФО (историко-политические науки) — 406
- Зайцев Александр Михайлович (1841–1910) — химик, проф. Казанского университета (с 1871 г.); чл.-корр. с 7 декабря 1885 г. по ФМО (физические науки) — 57, 59
- Залеман Карл Германович (Карл Густав Герман; Carl Gustav Hermann Salemann; 1849–1916) — востоковед-иранист; ад. с 16 августа 1886 г., экстр. акад. с 4 ноября 1889 г., орд. акад. с 4 февраля 1895 г. по ИФО (литература и история азиатских народов) — 461
- Залеман Роман Карлович (Robert Johann Salemann; 1813–1874) — скульптор, мастер монументальной пластики, акад. Имп. Академии художеств (1858); дядя акад. К. Г. Залемана — 310
- Зальцер Теодор (Theodor Salzer; 1833–1900) — немецкий химик, фармацевт — 54, 55
- Зворыкин Николай Алексеевич (1854–1884) — физик, метеоролог — 89
- Зеленой (Зеленый) Семен Ильич (1812–1892) — астроном, специалист по морскому делу, адмирал; поч. чл. с 7 декабря 1873 г. — 406
- Зинин Николай Николаевич** (Zinine; 1812–1880) — химик; ад. с 2 июня 1855 г., экстр. акад. с 2 мая 1858 г., орд. акад. с 5 ноября 1865 г. по Отделению физико-математических наук (технология и химия, приспособленная к искусству и ремеслам) — xv, xxiii, 56, 57, 59, 64–66, 73, 154, 218, 465–467, 469, 470–478
- Зюсс Эдуард (Eduard Suess; 1831–1914) — австрийский геолог, глава австрийской школы геологов; чл.-корр. с 5 декабря 1887 г. по ФМО (физические науки), поч. чл. с 1 декабря 1901 г. — 14
- Ивановский Алексей Арсеньевич** (1866–1934) — географ, антрополог — 28
- Иваницкий Александр Борисович (1811–1872) — горный инженер, способствовал развитию горного дела на Кавказе — 316
- Игнатий (ок. 797–877) — патриарх Константинопольский (857–858, 867–877) — 229
- Иериг Иоганн (Johann Jähric; 1747–1795) — немецкий и российский тибетолог, монголовед, лингвист, переводчик, картограф; составитель первой грамматики тибетского языка — 423, 430
- Ильев Александр Маркович (1860–?) — специалист в области физической химии — 75
- Имшенецкий Василий Григорьевич (1832–1892) — математик, механик; орд. акад. с 4 декабря 1881 г. по ФМО (чистая математика) — 36, 38, 121
- Иннокентий** (в миру Иван Алексеевич Борисов; 1800–1857) — богослов, проповедник, историк церкви; арх. Херсонский и Таврический; орд. акад. с 19 октября 1841 г. по ОРЯС — xxii, 479–481, 483–486
- Иоанн Цимисхий (925–976) — византийский император с 969 г. — 234
- Иоанникий (в миру Иван Максимович Руднев; 1826–1900) — церковный иерарх; митр. Московский и Коломенский (с 1882 г.); богослов, публицист — 190
- Иона (в миру Василий Захарович Платонов; 1844 — после 1912) — иеромонах, проповедник, подвизался на Новой Земле в 1887–1894 г., архимандрит Антониево-Сийского монастыря (с 1904 г.) — 356, 357
- Иордан Варвара Александровна (урожд. Пуцина; 1833–1916) — единоутробная сестра А. В. Плетневой — 403
- Исей (ок. 420 г. до н. э. — ок. 350 г. до н. э.) — древнегреческий оратор — 458, 461
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) — историк, правовед, публицист — 232, 233, 234
- Кайданов Иван Кузьмич (1782–1843) — педагог, историк, писатель; чл.-корр. с 20 декабря 1826 г. — 270
- Калайдович Константин Федорович (1792–1832) — историк, археограф, публицист, педагог; чл.-корр. с 27 апреля 1827 г. — 302
- Калачов Николай Васильевич (1819–1885) — историк, археограф; чл.-корр. с 5 декабря 1858 г. (историко-политические науки), орд. акад. с 3 апреля 1883 г. по ИФО (русская история) — 191, 441, 444, 448, 449

- Калидаса (Kālidāsa; ок. IV–V вв.) — древнеиндийский поэт и драматург; его произведения на санскрите символизируют расцвет классической индийской культуры — 99–101
- Каменский Павел Иванович (архимандрит Петр; 1765–1845) — востоковед, переводчик с китайского и маньчжурского языков, возглавлял десятую Русскую духовную миссию в Пекине (1821–1831); чл.-корр. с 3 ноября 1819 г. — 424, 430
- Канкрин Егор Францевич, гр. (1774–1845) — государственный деятель, министр финансов; поч. чл. с 25 февраля 1824 г. — 7, 260, 313, 320
- Кантемир Дмитрий Константинович (1673–1723) — молдавский и российский государственный деятель, ученый — 422, 432
- Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — писатель, историк, историограф; поч. чл. с 28 января 1818 г. — 101, 183, 185, 187, 232, 256, 299, 304, 484
- Карбасников Николай Павлович (1852–1921) — книгопродавец, владелец книжных магазинов, комиссионер Имп. АН — 270
- Карл XII (Karl XII; 1682–1718) — король Швеции в 1697–1718 гг. — 399
- Карлайл Энтони (Antony Carlisle; 1768–1840) — английский врач, естествоиспытатель, химик — 470
- Карпинский Александр Петрович (1846–1936) — геолог; ад. с 7 февраля 1886 г., экстр. акад. с 4 марта 1889 г., орд. акад. с 17 апреля 1896 г. по ФМО (геология); и. о. вице-президента с 15 мая 1916 г. по 15 мая 1917 г., президент с 15 мая 1917 г. по 15 июля 1936 г. — xxv, 12, 15, 69, 82, 316, 352
- Катрфаж Жан Луи Арман (Jean Louis Armand de Quatrefages de Bréau; 1810–1892) — французский зоолог, этнограф, антрополог — 24
- Каульбарс Николай Васильевич, бар. (Nikolai Reinhold Friedrich Freiherr von Kaulbars; 1842–1905) — военный писатель, картограф, генерал от инфантерии, член РГО — 14
- Кауп Иоганн Якоб (Johann Jakob Kaup; 1803–1873) — немецкий зоолог — 198, 199
- Кауфман Николай Николаевич (1834–1870) — ботаник, проф. Московского университета — 88
- Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) — историк, литературный критик, издатель; ректор Московского университета (с 1837 г.); чл.-корр. с 12 декабря 1832 г., орд. акад. с 19 октября 1841 г. по ОРЯС — 302
- Кедрин Георгий — византийский хронист XI в. — 230–232, 234
- Кейзерлинг Александр Андреевич, гр. (1815–1891) — геолог, палеонтолог, путешественник; чл.-корр. с 5 декабря 1858 г. по разряду физики и химии ФМО, поч. чл. с 5 декабря 1887 г. — 255, 314, 316, 320, 321, 323
- Кекуле фон Штрадонитц Фридрих Август (Friedrich August Kekule von Stradonitz; 1829–1896) — немецкий химик-органик; чл.-корр. с 5 декабря 1887 г. по ФМО (разряд физических наук) — 58
- Кемц Людвиг Мартынович (Людвиг Фридрих; Ludwig Friedrich Kämtz; 1801–1867) — геофизик, метеоролог; директор ГФО (1865–1867), орд. акад. с 5 ноября 1865 г. по ФМО (физика) — xxiv, 275, 276–278, 281
- Кеневич Владислав Феофилович (1831–1879) — переводчик, публицист — 230
- Кеплер Иоганн (Johannes Kepler; 1571–1630) — немецкий астроном и математик — 45, 126, 147, 468
- Кер Георгий Яковлевич (Georg Jacob Kehr; 1692–1740) — востоковед, нумизмат, переводчик Коллегии иностранных дел — 421, 422, 426, 430, 432
- Кетле Ламберт Адольф Жак (Lambert Adolph Jacques Quetelet; 1796–1874) — бельгийский математик, статистик; чл.-корр. с 4 декабря 1847 г. по ИФО (история и политические науки) — 269, 272
- Кёлер Егор Егорович (Генрих Карл Эрнст; Heinrich Karl Ernst Köhler; 1765–1838) — историк, археолог; чл.-корр. с 13 апреля 1803 г., орд. акад. с 3 сентября 1817 г. по литературе и древностям греческим и римским — xxviii, 259, 264
- Кёппен Пётр Иванович (1793–1864) — экономист, статистик, библиограф, этнограф; чл.-корр. с 20 декабря 1826 г., ад. с 27 января 1837 г. по статистике и политической

- экономии, экстр. акад. с 20 декабря 1839 г. по Отделению исторических, филологических и политических наук (статистика), орд. акад. с 1 апреля 1843 г. по Отделению истории и филологии — 222, 246, 257, 294, 295, 299–301, 305
- Кимон (Κίμων; ок. 512 г. до н. э. — 450 г. до н. э.) — древнегреческий полководец и политический деятель; занимался благоустройством Афин — 372, 383, 390
- Кирхгоф Константин Сигизмундович (Gottlib Sigismund Constantin Kirchoff; 1764–1833) — химик; чл.-корр. с 4 ноября 1807 г., ад. по химии с 8 ноября 1809 г. экстр. акад. с 1 апреля 1812 г. по 4 марта 1818 г. — 336, 254
- Клапрот Юлиус Генрих (Julius Heinrich Klaproth; 1783–1835) — востоковед-китаист, путешественник; ад. с 1 сентября 1804 г. по восточным языкам и словесности, экстр. акад. с 11 марта 1807 г. по 15 мая 1817 г. — 12, 258, 264, 420, 424, 426, 427, 433
- Клапрот Мартин Генрих (Martin Heinrich Klaproth; 1743–1817) — немецкий химик; поч. чл. с 18 декабря 1805 г. — 12, 16
- Клеон (ок. 470 г. до н. э. — 422 г. до н. э.) — государственный деятель древних Афин; зд. прозвище А. А. Шаховского — 461–464
- Клеофон(т) (IV в. до н. э.) — афинский трагический поэт — 461–464
- Клодт фон Юргенсбург Петр Карлович, бар. (Peter Jakob Freiherr Clodt von Jürgensburg; 1805–1867) — русский скульптор и литейный мастер — 309
- Кобеко Дмитрий Фомич (1837–1918) — государственный деятель, историк, библиограф; директор Публичной библиотеки (1902–1918); чл.-корр. с 1 декабря 1890 г. по ИФО — 190
- Кобет Карел Габриель (Carel Gabriel Cobet; 1813–1889) — нидерландский филолог-классик; чл.-корр. с 12 декабря 1857 г. по ИФО (филология) — 458–460
- Ковалевский Александр Онуфриевич (1840–1901) — биолог, один из основоположников эволюционной эмбриологии и физиологии — xxv, 25, 27, 219
- Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — историк, социолог, этнограф; чл.-корр. с 4 декабря 1899 г. по разряду историко-политических наук ИФО, орд. акад. с 29 марта 1914 г. по ИФО (государственное право) — 364
- Козодавлев Осип Петрович (1754–1819) — российский государственный деятель, издатель, переводчик; министр внутренних дел (1810–1819) — 247
- Ковцов Павел Константинович (1861–1942) — востоковед-гебраист; ад. с 19 апреля 1903 г. по ИФО (литература и история азиатских народов), экстр. акад. с 15 апреля 1906 г., орд. акад. с 1 июля 1912 г.
- Кокшаров Николай Иванович (1818–1892) — минералог, кристаллограф; ад. с 2 июня 1855 г. по ФМО (кристаллографическая ориктогнозия), экстр. акад. с 24 мая 1858 г. по минералогии, орд. акад. с 4 марта 1866 г. — xxiii, 52, 65, 66, 69, 166, 167, 178, 320, 320, 404, 407, 408, 477, 478
- Коллинс Эдуард Давыдович (Эдуард Альберт Христофор Людвиг; Eduard Albert Christoph Ludwig von Collins; 1791–1840) — математик; ад. с 26 января 1814 г. по математике, экстр. акад. с 26 января 1820 г., орд. акад. с 15 февраля 1826 г. — 253
- Коловский (Kolowski) — сотрудник ГФО (1870-е гг.) — 280, 281
- Кольбе Адольф Вильгельм Герман (Adolph Wilhelm Hermann Kolbe; 1818–1884) — немецкий химик-органик — 58
- Кольбер Жан-Батист (Jean-Baptiste Colbert; 1619–1683) — министр Людовика XIV, основал Академию наук, Академию надписей, содействовал поискам византийских рукописей и изданию произведений византийских историков и хронографов — 201, 229
- Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) — историк-византинист, археолог; чл.-корр. с 5 декабря 1892 г., орд. акад. с 23 мая 1898 г. по ИФО (историко-политические науки), орд. акад. с 5 февраля 1900 г. по ОРЯС — 88
- Кондратьев Александр Александрович (1867–1936) — астроном, ученик акад. О. А. Баклунда, с 1898 г. ученый секретарь, с 1917 г. старший астроном Пулковской обсерватории — 43, 47
- Кони Анатолий Федорович (1844–1927) — юрист, общественный деятель; поч. чл. с 7 декабря 1896 г., поч. акад. с 8 января 1900 г. по ОРЯС (Разряд изящной словесности) — 189

- Конрад Иоганнес (Johannes Conrad; 1839–1915) — немецкий политэконом — 137, 138, 140
- Константин Константинович, вел. кн. (псевдоним К. Р.; 1858–1915) — государственный деятель, литератор; поч. чл. с 5 декабря 1887 г., президент с 3 мая 1889 г. по 2 июня 1915 г. — ix–xi, xv, xxv, 133, 191, 267, 268, 352, 397, 455
- Константин Николаевич, вел. кн. (1827–1892) — государственный и военный деятель, младший брат Александра II и его сподвижник в проведении великих реформ, глава группы либеральных бюрократов, получивших наименование «константиновцев»; председатель Комитета для пересмотра, дополнения и общего свода морских уставов (1850–1853), член Совета военно-учебных заведений (1850–1863), товарищ начальника Главного морского штаба (1852–1855), член (1850–1892) и председатель (1865–1881) Государственного совета; генерал-адмирал; поч. чл. с 7 декабря 1844 г. — 403
- Константин Павлович, вел. кн. (1779–1831) — второй сын Павла I и Марии Федоровны, считавшийся наследником русского престола после Александра I, наместник Царства Польского (1815–1830) — 381, 384, 391
- Коперник Николай (Mikołaj Kopernik; Niklas Koppernigk; 1473–1543) — польский астроном и математик, автор гелиоцентрической системы мира — 71, 80, 81
- Коржинский Сергей Иванович (1861–1900) — ботаник; ад. с 9 января 1893 г., экстр. акад. с 7 декабря 1896 г. по ФМО (ботаника) — xxvi, 27
- Костинский Сергей Константинович (1867–1936) — астроном — 81
- Костомаров Николай Иванович (1817–1885) — историк, этнограф; чл.-корр. с 3 декабря 1876 г. по ОРЯС — 271, 273
- Котельников Семен Кириллович (1723–1806) — математик; ад. с 1 марта 1751 г. по математике, экстр. проф. высшей математики с 14 декабря 1756 г., орд. проф. с 1 января 1760 г. по 16 февраля 1797 г., поч. чл. с 23 февраля 1797 г. — 426
- Коши Огюстен Луи (Augustin Louis Cauchy; 1789–1857) — французский математик; поч. чл. с 14 декабря 1831 г. — 167, 168
- Красильников Андрей Дмитриевич (1705–1773) — астроном, геодезист; ад. с 10 мая 1753 г. по астрономии — 123
- Крафт Георг Вольфганг (Georg Wolfgang Krafft; 1701–1754) — математик, физик; ад. с 1727 г. по астрономии, проф. математики с 1 января, физики с 31 января 1731 г. по 29 мая 1744 г., секретарь с сентября 1730 г. по декабрь 1733 г., поч. чл. с 1 января 1745 г. — 261
- Крафт Логин Юрьевич (Вольфганг Людвиг; Wolfgang Ludwig Krafft; 1743–1814) — физик; ад. с 22 декабря 1768 г. по физике, проф. экспериментальной физики с 8 апреля 1771 г. — 257
- Крашенинников Степан Петрович (1711–1755) — естествоиспытатель, путешественник; ад. с 25 июля 1745 г. по натуральной истории, проф. ботаники и натуральной истории с 11 апреля 1750 г. — 255, 261, 452
- Крейгер (Kreiger; ?–?) — рисовальщик, выполнивший копии архитектурных рисунков с оригиналов А. А. Лемана для издания “Beiträge zur Kenntniß des Russischen Reiches” — 309
- Кропоткин А. С., кн. — кандидат Московского университета, участник экспедиции Д. Н. Анучина в верховья Волги и Западной Двины в 1894–1895 гг. — 29
- Кропоткин [Сергей Сергеевич], кн. (1872–?) — студент Московского сельскохозяйственного института, участник экспедиции Д. Н. Анучина в верховья Волги и Западной Двины в 1894–1895 гг. — 29
- Кротте Эжен Луи Эдуард (Eugene Louis Eduard Crottet; 1839–1905) — швейцарский священник, пастор французской реформатской церкви Св. Павла во вт. пол. XIX в. — 287
- Круг Филипп Иванович (Иоганн Филипп; Johann Philipp Krug; 1764–1844) — историк, нумизмат; ад. с 27 марта 1805 г. по истории, экстр. акад. с 11 марта 1807 г., орд. акад. с 16 августа 1815 г. — xiv, xx, 232–235, 256, 263, 298, 301, 305, 424, 428
- Крузенштерн Александр Иванович (Alexander Gotthard Julius von Krusenstern; 1807–1888) — сенатор, действительный тайный советник, сын адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна — 418, 420

- Крузенштерн Иван Федорович (Adam Johann von Krusenstern; 1770–1846) — русский мореплаватель, руководитель первой кругосветной морской экспедиции (1803–1806); чл.-корр. с 13 апреля 1803 г., поч. чл. с 10 сентября 1806 г. — 202, 217, 220
- Крузенштерн Павел Иванович (Paul Theodor von Krusenstern; 1809–1881) — вице-адмирал, военный и географический исследователь, сын адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна — 321
- Крузиус Христиан Готфрид (Christian Gottfried Crusius; 1715–1767) — историк; ад. с 28 марта 1740 г. по истории, с 1741 по 1745 г. участвовал в составлении каталога академических монет и медалей; проф. с 6 октября 1746 г. по 1 мая 1749 г. по разряду древностей и истории литературной — 421, 432
- Крукс Уильям, сэр (Sir William Crookes; 1832–1919) — английский физик и химик; член Лондонского королевского общества (президент в 1913–1915 гг.) — 359, 360
- Крылов Алексей Николаевич (1863–1945) — математик, физик, специалист в области механики и кораблестроения; чл.-корр. с 3 декабря 1905 г. по ФМО (физика), орд. акад. с 2 апреля 1916 г. по тому же Отделению (математическая физика) — 360, 367, 368
- Крылов Иван Андреевич (1769–1844) — писатель; орд. акад. с 19 октября 1841 г. по ОРЯС — 183
- Кук Уильям Фотергилл (William Fothergill Cooke; 1806–1879) — британский изобретатель и предприниматель, конструктор телеграфных аппаратов — 251
- Куломзин Анатолий Николаевич (1838–1923) — государственный и общественный деятель; специалист в области экономической истории — 189
- Кульмус Иоганн Адам (Johann Adam Kulmus; 1689–1745) — немецкий врач-патологоанатом — 423, 432
- Куник Арист Аристович (Эрнст Эдуард; Ernst Eduard Kunik; 1814–1899) — историк, филолог, нумизмат; ад. с 5 октября 1844 г. по ИФО (русская история), экстр. акад. с 2 марта 1850 г. — xiv, xv, xxii, 228, 232–235, 256, 438, 441, 442, 449, 450, 457, 461
- Купфер Адольф Яковлевич (Адольф Теодор; Adolph Theodor Kupffer; 1799–1865) — химик, минералог, физик; чл.-корр. с 20 декабря 1826 г., орд. акад. с 27 августа 1828 г. по минералогии, с 11 января 1841 г. по физике — xv, xxi, 218, 254, 255, 260–262, 281, 337
- Курганов Николай Гаврилович (1725 или 1726 — 1796) — геодезист, астроном, переводчик, автор российской грамматики («Письмовника») — 123
- Куторга Степан Семенович (1805–1861) — зоолог, палеонтолог, минералог, ботаник — 314, 316
- Кювье Жорж Леопольд (Jean Léopold Nicolas Frédéric Cuvier; 1769–1832) — французский естествоиспытатель, основатель сравнительной анатомии и палеонтологии; поч. чл. с 13 октября 1802 г. — 105, 107, 200, 217, 219, 318
- Лааланд Корнелий (Johann Friedrich Cornelius Laaland; 1824–1891) — лютеранский пастор — 326–328
- Лавров — кассир в Комитете Правления АН в 1870-х гг. — 407
- Лавуазье Антуан Лоран (Antoine Laurent Lavoisier; 1743–1794) — французский естествоиспытатель, химик; государственный и общественный деятель — 50, 470
- Лагарп Жан-Франсуа, де (Jean-François de La Harpe; 1739–1803) — французский писатель, переводчик, теоретик литературы — 463
- Лагарп Фредерик Сезар (Frédéric-César Laharpe (de La Harpe); 1754–1838) — швейцарский государственный деятель, юрист, писатель, педагог; воспитатель Александра I — 405
- Лагермарк Герман Иванович (Berndt Herman Ivar Lagermarck; 1843–1907) — химик-органик; сослуживец акад. Н. Н. Бекетова по Харьковскому университету — 66
- Лайель Чарльз, сэр (Sir Charles Lyell; 1797–1875) — британский геолог — 318
- Лаксман Адам (Эрикович) (1766–1806) — русский офицер, сын академика Э. Г. Лаксмана; возглавил первую русскую миссию в Японии (1792–1793) — 424

- Лаксман Эрик Густав (Кирилл Густавович; Eric (Erich) Laxman; 1737–1796) — российский ученый и путешественник шведского происхождения; проф. натуральной истории с 26 февраля 1770 г., поч. чл. с 18 января 1780 г. — 261, 433
- Лаланд Жозеф Жером Франсуа де (Joseph Jérôme Lefrançois de Lalande; 1732–1807) — французский астроном; поч. чл. с 5 марта 1764 г. — 37, 86
- Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) — филолог-славист, историк; орд. акад. с 15 января 1900 г. по ОРЯС (славянская филология) — 60
- Ламарк, шевалье де (Жан-Батист Пьер Антуан де Моне; Jean-Baptiste Pierre Antoine de Monet, Chevalier de Lamarck; 1844–1929) — французский ученый-естествоиспытатель — 217, 219
- Ламберт Иоганн Генрих (Johann Heinrich Lambert; 1728–1777) — немецкий математик, физик, астроном — 80
- Ланг Лоренц (Лаврентий Ланге; Lorenz Lange; ок. 1690–1752) — шведский инженер, статский советник, иркутский вице-губернатор, участник дипломатических миссий в Китай, Персию, Константинополь — 420, 422, 432
- Ланге Николай Андреевич (1830–1893) — юрист, советник Комитета Правления АН с 1867 г. — 406
- Лангсдорф Григорий Иванович (Georg Heinrich Langsdorff; 1774–1852) — натуралист, дипломат, путешественник; чл.-корр. с 19 апреля 1803 г., ад. по ботанике с 18 июля 1808 г., экстр. акад. по зоологии с 1 апреля 1812 г. по 1831 г. — 255, 262
- Ланкастер Джозеф (Joseph Lancaster; 1778–1838) — английский педагог-новатор; разработал систему взаимного обучения, которая получила его имя — 247, 252
- Лаплас Пьер-Симон (Pierre-Simon de Laplace; 1749–1827) — французский математик, механик, физик и астроном; поч. чл. с 13 октября 1802 г. — 409
- Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) — историк; ад. с 4 декабря 1899 г. по ИФО (история и древности русские), экстр. акад. с 6 апреля 1902 г., орд. акад. с 5 февраля 1905 г. — xxvi
- Лассен Христиан (Christian Lassen; 1800–1876) — норвежский востоковед-индолог; чл.-корр. с 3 декабря 1833 г. по ИФО (восточная литература) — 98, 100
- Латышев Василий Васильевич (1855–1921) — филолог-классик, эпиграфист; чл.-корр. с 1 декабря 1890 г. по разряду классической филологии и археологии ИФО, орд. акад. с 1 мая 1893 г. по ИФО — 458, 460
- Лев Диакон (до 950 — ок. 1000) — византийский хронист, автор «Истории», описывающей события 959–976 гг., затрагивающие Византию, Болгарское царство и Русь — 234, 235
- Лев VI Мудрый, или Философ (866–912) — византийский император с 886 г. — 233
- Лейтман Иоганн Георг (Johann Georg Leutmann; 1667–1736) — механик, оптик, физик; проф. механики и оптики с 25 апреля 1726 г. — 254
- Леман Александр Адольфович (Alexander Adolph Lehmann; 1814–1842) — ученый-натуралист, путешественник — 309
- Ленц Эмилий Христианович (Heinrich Friedrich Emil Lenz; 1804–1865) — физик; ад. с 7 мая 1828 г., экстр. акад. с 24 марта 1830 г., орд. акад. с 5 сентября 1834 г. по ФМО (физика) — xv, xxi, 4, 6, 9, 153, 218, 254, 255, 262, 276, 277, 337, 466, 471–474
- Леонтий (в миру Иван Алексеевич Лебединский; 1822–1893) — церковный иерарх, митрополит Московский и Коломенский, был архиепископом Холмским и Варшавским в 1875–1891 гг. — 190
- Леонтьев Алексей Леонтьевич (1716–1786) — синолог; переводчик Русской духовной миссии в Пекине (1742–1756) — 422, 423, 430
- Лепёхин Иван Иванович (1740–1802) — естествоиспытатель-ботаник, путешественник; ад. с 23 мая 1768 г. по ботанике и натуральной истории, проф. естественной истории с 8 апреля 1771 г. — 261, 422
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) — поэт — 216
- Лёвих Карл Якоб (Carl Jacob Löwig; 1803–1890) — немецкий химик, первооткрыватель брома; проф. химии университета Бреслау/Вроцлава (с 1852 г.) — 61, 62

- Либих Юстус фон (Justus von Liebig; 1803–1873) — немецкий химик-органик, основоположник агрохимии; проф. химии Мюнхенского университета (с 1852 г.) — 61
- Ливен Карл Андреевич, кн. (1767–1844) — государственный и военный деятель; министр народного просвещения (1828–1833); поч. чл. с 20 декабря 1826 г. — 296
- Ликург (ок. 396–323 гг. до н. э.) — древнегреческий государственный деятель и оратор — 458, 461
- Линген Карл Максимович (Carl Alexander von Lingen; 1817–1896) — врач, тайный советник; был женат на дочери естествоиспытателя К. М. Бэра Марии Юлиане — 207, 208
- Литке (Лютке) Федор Петрович, гр. (Фридрих Бенжамен; Friedrich Benjamin Lütke; 1797–1882) — мореплаватель, географ; чл.-корр. с 16 декабря 1829 г., поч. чл. с 3 декабря 1855 г., президент с 23 февраля 1864 г. по 25 апреля 1882 г. — xi, xxiv, 36, 114, 155, 178, 206, 210, 211, 262, 326, 327, 398, 404, 405, 406, 407, 408
- Лихтенштейн Мартин Генрих Карл (Martin Heinrich (Hinrich) Carl Lichtenstein; 1780–1857) — немецкий зоолог, проф. зоологии Берлинского университета (с 1811 г.) — 115
- Лобанов Михаил Евстафьевич (1787–1846) — литератор, переводчик, библиотекарь; член Российской академии (1828); поч. чл. с 21 ноября 1841 г., орд. акад. с 11 января 1845 г. по ОРЯС — 303
- Лобанов-Ростовский Алексей Борисович, кн. (1824–1896) — государственный деятель, дипломат; поч. чл. с 3 декабря 1876 г. — 405
- Ловиц Товий Егорович (Тобиас Иоганн; Tobias Johann Lowitz; 1757–1804) — химик, фармацевт; чл.-корр. с 4 октября 1787 г., ад. по химии с 7 октября 1790 г., орд. акад. с 13 мая 1793 г. — 336, 254
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) — ученый-энциклопедист, поэт; ад. физического класса с 8 января 1742 г., проф. химии с 25 июля 1745 г. — xxiv, 50, 56, 57, 59, 64, 66, 67, 68, 69, 70, 123, 187, 217, 229, 231, 254, 336, 356, 470, 476
- Лопатин Иннокентий Александрович (1839–1909) — горный инженер, путешественник, географ, геолог — 24
- Лоран Огюст (Auguste Laurent; 1807–1853) — французский химик — 471, 473, 477
- Лэнгли Самюэль Пирпонт (Samuel Pierpont Langley; 1834–1906) — американский астроном, физик — 81
- Лялин Михаил Алексеевич (1839–1915) — военный инженер, генерал-лейтенант, директор Константиновского межевого института (1888–1897) — 287
- Мазарини Джулио (Giulio Mazzarino; 1602–1661) — французский государственный деятель, кардинал — 229
- Майков Аполлон Николаевич (1821–1897) — поэт; чл.-корр. с 9 декабря 1853 г. по ОРЯС — 407
- Майков Леонид Николаевич (1839–1900) — историк русской литературы, писатель; чл.-корр. с 3 декабря 1883 г., ад. с 7 января 1889 г., экстр. акад. с 14 апреля 1890 г., орд. акад. с 2 ноября 1891 г. по ОРЯС; вице-президент с 2 ноября 1893 г. до 7 апреля 1900 г. — 189, 236, 237, 455, 463
- Макарий (в миру Михаил Петрович Булгаков; 1816–1882) — историк церкви, митрополит Московский и Коломенский; орд. акад. с 4 ноября 1854 г. по ОРЯС — xxiv, 403, 443, 484, 485
- Максимович Карл Иванович (1827–1891) — ботаник, путешественник; ад. с 8 января 1865 г., экстр. акад. с 16 февраля 1868 г., орд. акад. с 8 января 1871 г. по ФМО (ботаника) — 178, 255, 263
- Малиновский Алексей Федорович (1762–1840) — историк, архивист; служащий (с 1780 г.), помощник управляющего (с 1803 г.) и управляющий (с 1814 г.) Московским архивом Коллегии иностранных дел; член Российской академии (с 1835 г.) — 252, 302
- Мамонтов Савва Иванович (1841–1918) — предприниматель, меценат — 85, 89
- Мараччи Людовико (Ludovico Marracci; 1612–1700) — итальянский теолог, востоковед, переводчик — 422, 432

- Маримо Франческо (Francesco Marimo; Marimò) — итальянский антрополог вт. пол. XIX в. — 26
- Мария Николаевна (урожд. Романова; 1819–1876) — великая княгиня, дочь российского императора Николая I и прусской принцессы Александры Федоровны, супруга Максимилиана де Богарне, герцога Лейхтенбергского; президент Академии художеств (1852–1876) — 310
- Мария Федоровна (урожд. принцесса София Мария Доротея Августа Луиза Вюртембергская; Sophia Dorothea Auguste Luise von Württemberg; 1759–1828) — российская императрица с 1796 г., супруга императора Павла I — 390, 391
- Марс — в античной мифологии бог войны — 230, 468
- Мартынов Иван Иванович (1771–1833) — литератор, переводчик, издатель, педагог — 299
- Матвеев Артамон Сергеевич (1625–1682) — государственный деятель, «ближний боярин» царя Алексея Михайловича — 399
- Меглицкий Николай Гаврилович (1825–1857) — горный инженер, исследователь Южного Урала, впервые применивший методы палеонтологического и структурного геологического картографирования — 313, 314, 316,
- Мейендорф Александр Казимирович, бар. (Christoph Gustav Alexander von Freiherr von Meuyendorff; 1796(98?)–1865) — писатель-экономист, геолог и путешественник, действительный тайный советник — 320
- Мейендорф Фридрих Александрович, бар. (1839–1911) — лифляндский губернский предводитель дворянства (1884–1908); действительный статский советник — 326, 327
- Мейер Карл Андреевич (Карл Антон; Carl Anton von Meyer; 1796–1855) — ботаник; чл.-корр. с 13 декабря 1833 г., ад. с 27 сентября 1839 г. по отделению естественных наук (ботаника), экстр. акад. с 6 апреля 1844 г. по ФМО, орд. акад. с 2 августа 1845 г. — 255, 262
- Мейер Юлиус Лотар (Julius Lothar Meyer; 1830–1895) — немецкий химик; чл.-корр. с 1 декабря 1890 г. по ФМО (физика) — 54, 55
- Менандр (342–291 гг. до н. э.) — древнегреческий комедиограф, мастер новоаттической комедии — 459
- Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) — химик; чл.-корр. с 3 декабря 1876 г. по ФМО (химия) — xiii, 36, 51, 52, 64, 65, 173, 178, 345
- Менетрие Эдуард Петрович (Édouard Ménétries; 1802–1861) — зоолог, хранитель Зоологического музея (1832–1855); чл.-корр. с 3 декабря 1855 г. по разряду биологическому ФМО — 255, 262
- Мертенс Андрей Карлович (Карл Генрих; Karl Heinrich Mertens; 1796–1830) — естествоиспытатель-ботаник, путешественник; ад. с 9 сентября 1829 г. по ботанике, с 5 мая 1830 г. по зоологии — 104, 255, 262
- Мессершмидт Даниэль Готлиб (Daniel Gottlieb Messerschmidt; 1685–1735) — немецкий врач и натуралист, исследователь Сибири (1719–1727) — 261, 420, 421, 430, 432
- Мечников Илья Ильич (1845–1916) — биолог; доктор honoris causa Кембриджского университета (1871); поч. чл. с 1902 г.; лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины (1908) — 26, 27, 213
- Мещерский Платон Степанович, кн. (1713–1800) — генерал-аншеф, генерал-губернатор Казани (1774–1791) — 423
- Мёллер Дидрик Магнус Аксель (Didrik Magnus Axel Möller; 1830–1896) — шведский астроном — 121, 428
- Миддендорф Александр Федорович (Alexander Theodor von Middendorff; 1815–1894) — зоолог, путешественник; ад. с 2 августа 1845 г. по ФМО (зоология), экстр. акад. с 2 марта 1850 г., орд. акад. с 1 мая 1852 г. по 8 марта 1865 г., непрем. секр. с 7 апреля 1855 г. по 4 октября 1857 г., поч. чл. с 5 ноября 1865 г. — xi, xxii, 102, 111, 153, 206, 208, 209, 218, 255, 262, 263
- Миллер (Мюллер) Федор Иванович (Герхард Фридрих; Gerhard Friedrich Müller; 1705–1783) — историк, археограф; ад. с 5 ноября 1725 г. по истории, проф. с июля 1730 г.,

- конференц-секретарь с 1728 г. по июнь 1730 г. и с 7 марта 1754 г. по 21 февраля 1765 г. — 229, 231, 256, 420, 421, 422, 426
- Миллер Эммануил (Бенинь-Эмманюэль-Клеман; Bénigne Emmanuel Clément Miller; 1812–1886) — французский филолог — 235
- Милн (Мильн) Джон (John Milne; 1850–1913) — британский геолог и горный инженер, один из основоположников сейсмологии, изобретатель сейсмографа с горизонтальным маятником; член Лондонского королевского общества с 1887 г. — 359, 360
- Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — историк, политический деятель, председатель ЦК кадетской партии, член Государственной думы, министр иностранных дел Временного правительства (1917) — 228, 229, 230, 237
- Митчерлих Эйльхард (Eilhard Mitscherlich; 1794–1863) — немецкий химик; чл.-корр. с 16 декабря 1829 г. — 5, 7, 58, 471
- Михаил III Мефист (840–867) — византийский император (842–867), сын и преемник императора Феофила — 233
- Михаил Павлович, вел. кн. (1798–1849) — младший сын Павла I и Марии Федоровны, поч. чл. с 29 декабря 1826 г. — 248
- Михаил Федорович (1596–1645) — первый русский царь из династии Романовых (с 1613 г.) — 248, 249
- Михаил Пселл (1018–1096/1097) — византийский политический деятель, философ, историк, автор «Хронографии», охватывающей столетний период византийской истории (976–1077) — 235
- Мищенко Федор Герасимович (1848–1906) — историк античности — 237
- Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский, ок. 410–482) — армянский средневековый историк, автор «Истории Армении» — 422, 432
- Монастырев В. А. — студент Московского технического училища, член экспедиции Д. Н. Анучина в верховья Волги и Западной Двины в 1894–1895 гг. — 29, 30
- Мурчисон Родерик Импи, сэр (Sir Roderick Impey Murchison; 1792–1871) — геолог; поч. чл. с 6 сентября 1845 г., орд. акад. с 21 сентября 1845 г. по ФМО (геология) — 255, 314, 316–324, 325, 326, 487
- Мурчисон Шарлота (урожд. Гюгонин; Charlotte Murchison; 1788–1869) — геолог, жена сэра Р. Мурчисона — 317, 318, 325
- Мэн-Цзы (372 или 371 г. до н. э. / 390 или 389 г. до н. э. — 289 г. до н. э. / 305 г. до н. э.) — китайский философ — 424
- Надеждин Николай Иванович (1804–1856) — философ, журналист, этнограф — 271, 273
- Наполеон I Бонапарт (Napoléon Bonaparte; 1769–1821) — полководец, государственный деятель, император французов (1804–1814, 1815) — хх, 200, 201, 310, 325, 392, 433, 445,
- Наталья Кирилловна (урожд. Нарышкина; 1651–1694) — вторая супруга (с 1671 г.) царя Алексея Михайловича, мать Петра I — 399
- Наук Август Карлович (Иоганн Август; Johann August Nauck; 1822–1892) — филолог-классик; экстр. акад. с 6 июня 1858 г., орд. акад. с 2 июня 1861 г. по ИФО (классическая филология) — xiv, xv, xxiii, 114, 133, 202, 406, 449
- Нейман Франц Эрнст (Franz Ernst Neumann; 1798–1895) — немецкий физик; орд. проф. Кёнигсбергского университета (с 1829 г.); чл.-корр. с 21 декабря 1838 г. по ФМО — 275–279, 289
- Некрасов Николай Петрович (1828–1914) — филолог-славист; проф. С.-Петербургского историко-филологического института (с 1882 г.); чл.-корр. с 1 декабря 1890 г. по ОРЯС — 190
- Немезида — в древнегреческой мифологии богиня возмездия за коварство и обман — 373, 384
- Нестор (ок. 1056–1114) — летописец, считается одним из составителей «Повести временных лет», возникшей ок. 1113 г. — 92, 93, 230–232, 234, 256

- Никанор (в миру Александр Иванович Бровкович; 1826–1890) — церковный иерарх, арх. Херсонский и Одесский; богослов, педагог — 190
- Никита Пафлагон (кон. IX — нач. X в.) — византийский философ — 229
- Никитенко Александр Васильевич (1805–1877) — историк русской литературы, критик; чл.-корр. с 9 декабря 1853 г. по ОРЯС, орд. акад. с 20 января 1855 г. — 97, 182, 306
- Никитин Петр Васильевич (1849–1916) — филолог-классик; ад. с 2 апреля 1888 г. по ИФО (классическая филология и археология), экстр. акад. с 22 августа 1892 г., орд. акад. с 18 апреля 1898 г., вице-президент с 12 июля (фактически с 1 июня) 1900 г. по 5 мая 1916 г. — xi, xxv, 455, 461
- Никифор Фока (ок. 912–969) — военачальник, византийский император с 963 г. — 234
- Николай Андрей Львович, фон (Генрих Людвиг; Heinrich Ludwig von Nicolay; 1737–1820) — государственный деятель; президент с 15 апреля 1798 г. по 6 февраля 1803 г. — xi
- Николай (в миру Николай Александрович Налимов; 1852–1914) — церковный иерарх, еп. Ладожский; викарий Петербургской епархии (1890–1892), председатель совета Братства Пресвятой Богородицы — 190
- Николай Александрович (1843–1865) — цесаревич, старший сын Александра II — 397, 398, 410
- Николай II Александрович (1868–1918) — российский император с 1896 г. по 2 (15) марта 1917 г.; поч. чл. с 29 декабря 1876 г. — 74, 133, 134, 403, 405, 408, 455
- Николай Максимилианович, кн. Романовский, герц. Лейхтенбергский (1843–1891) — член Российского императорского дома; военный, геолог, минералог; президент Имп. Минералогического общества (с 1861 г.) — 403, 408, 477, 478
- Николай I Павлович (1796–1855) — российский император с 1825 г., поч. чл. с 29 декабря 1826 г. — x, xii, xxi, 248, 309, 311, 324, 326, 374, 376, 384, 385, 389–392, 404, 408, 440, 451
- Никольсон Уильям (William Nicholson; 1753–1815) — английский инженер-изобретатель, естествоиспытатель, химик, издатель, государственный и общественный деятель — 470
- Нобель Эммануил Людвиг (Emanuel Ludvig Nobel; 1859–1932) — нефтепромышленник, меценат, член попечительского совета Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого; с 1918 г. жил в Швеции — 41
- Норов Авраам Сергеевич (1795–1869) — писатель, языковед; поч. чл. с 21 ноября 1841 г., орд. акад. с 1 ноября 1851 г. по ОРЯС — 112, 303
- Ньютон Исаак (Невтон; Isaac Newton; 1642–1727) — английский физик, математик, механик, астроном — 39, 409, 147, 468
- Овсянников Филипп Васильевич (1827–1906) — биолог, физиолог, медик; ад. с 2 марта 1862 г., экстр. акад. с 2 августа 1863 г., орд. акад. с 14 августа 1864 г. по ФМО (анатомия и физиология) — 27, 52, 172, 173, 178, 215, 474, 475
- Озерский Александр Дмитриевич (1813–1880) — военный геолог, горный инженер, переводчик; томский губернатор (1857–1864) — 314, 316
- Оленин Алексей Николаевич (Аленин; 1763–1843) — государственный деятель, историк, директор Имп. Публичной библиотеки (с 1811 г.), президент Имп. Академии художеств (с 1817 г.); поч. чл. с 25 января 1809 г. — 83, 294–296
- Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) — востоковед-индолог; ад. с 5 февраля 1900 г., экстр. акад. с 19 апреля 1903 г., орд. акад. с 1 ноября 1908 г. по ИФО (литература и история азиатских народов); непрем. секр. с 4 октября 1904 г. по 30 октября 1929 г. — 35, 46, 222, 224, 225, 242
- Ольденбургский Петр Георгиевич, принц (1812–1881) — военный и государственный деятель, внук Павла I; поч. чл. с 19 декабря 1834 г. — 403
- Оппольцер Теодор (Theodor Egon Ritter von Oppolzer; 1841–1886) — австрийский астроном — 121
- д'Орбigny Альсид Шарль Виктор Мария Дессалин (Alcide Charles Victor Marie Dessalines d'Orbigny; 1802–1857) — французский палеонтолог — 321

- Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (1605–1680) — государственный деятель, глава Посольского приказа (1667–1671) — 399
- Орлов Владимир Григорьевич, гр. (1743–1831) — государственный деятель; поч. чл. с октября 1766 г. (?), главный директор (с правами административного руководителя Академии) с 5 октября 1766 г. по 5 декабря 1774 г. — 231
- Орлов Иван Григорьевич, гр. (1733–1791) — офицер, помещик — 232
- Орлов Федор Евплович (1843–1892) — механик, математик, профессор Московского университета — 85
- Орлова Елизавета Федоровна, гр. (урожд. Ртищева; 1750–1834) — жена гр. И. Г. Орлова — 232
- Осокин М. Я. (?–?) — химик-органик; соавтор А. М. Бутлерова — 174
- Остенек — см. Востоков Александр Христофорович
- Остроградский Михаил Васильевич (1801–1861) — математик; ад. с 17 декабря 1828 г. по прикладной математике, экстр. акад. с 11 августа 1830 г., орд. акад. с 21 декабря 1831 г. по прикладной математике, по чистой математике с 15 июня 1855 г. — xv, xxi, 149, 153, 218, 253, 341, 343, 477
- Остромир — новгородский посадник (1054–1057) — 292, 297–301, 303, 305
- Павел I Петрович (1754–1801) — российский император с 1796 г. — 374, 385, 391, 452
- Павлов Алексей Степанович (1832–1898) — юрист, историк права; проф. юридического факультета Московского университета (с 1876 г.); чл.-корр. с 7 декабря 1873 г. по ОРЯС — 190
- Пажи Антуан (Antoine Pagi; 1624–1699) — французский церковный историк и религиозный деятель — 233
- Палгрев Роберт Гарри Инглис (Robert Harry Inglis Palgrave; 1827–1919) — британский экономист, создатель первого словаря по экономике — 142
- Пален Александр, бар. (Пален-Палмс; Alexander Pahlen-Palms; 1819–1895) — государственный и общественный деятель, предприниматель — 326–328
- Палимпсестов Иван Устинович (1818–1901) — агроном и духовный писатель — 480, 485, 486
- Палкин Константин Павлович (1820–1886) — представитель династии трактирщиков Палкиных, купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин С.-Петербурга — 406
- Паллада — см. Афина (Афина Паллада)
- Паллас Петр Симон (Peter Simon Pallas; 1741–1811) — естествоиспытатель, путешественник; проф. естественной истории с 1767 г. — 116, 255, 258, 261, 262, 264, 322, 422, 423
- Пандер Христиан Иванович (Христиан Генрих; Christian Heinrich Pander; 1794–1865) — зоолог, эмбриолог, палеонтолог, анатом; ад. с 7 июня 1820 г. по зоологии, экстр. акад. с 29 января 1823 г., орд. акад. с 1 февраля 1826 г. по 23 августа 1827 г. по естественной истории — 104, 255, 263, 314, 316, 319
- Панин Никита Иванович, гр. (1718–1783) — государственный деятель, дипломат, наставник вел. кн. Павла Петровича — 187
- Панин Петр Иванович, гр. (1721–1789) — военный и государственный деятель — 187
- Панини (Pāṇini; предположительно V в. до н. э.) — автор санскритской грамматики — 98–101
- Паррот Егор Иванович (Георг Фридрих; Georg Friedrich Parrot; 1767–1852) — физик; чл.-корр. с 4 декабря 1811 г., орд. акад. с 26 апреля 1826 г. по прикладной математике, с 24 марта 1830 г. по кафедре физики, поч. чл. с 18 декабря 1840 г. по ФМО — 254, 276, 277, 337
- Паррот Иван Егорович (Иоганн Якоб Фридрих Вильгельм; Johann Jakob Friedrich Wilhelm Parrot; 1791–1841) — естествоиспытатель, физик и врач; чл.-корр. с 11 сентября 1816 г.; первым совершил восхождение на Большой Арарат — 16
- Паскаль Блез (Blaise Pascal; 1623–1662) — французский математик, механик, физик, литератор, философ — 147
- Пахт Раймунд (Raimund Hugo August Wilhelm Pacht; 1822–1854) — геолог, минералог, палеонтолог — 314–316

- Пекарский Петр Петрович (1827–1872) — историк, археолог, литературовед; ад. с 11 января 1863 г. по ОРЯС, экстр. акад. с 1 мая 1864 г., орд. акад. с 4 октября 1868 г. — 216, 229
- Пеликан Венцеслав Венцеславович (Вацлав Вацлавович; Waclaw Pelikan; 1790–1873) — ученый-медик, хирург, педагог, организатор военного и гражданского здравоохранения, возглавлял университет в Вильно — 206
- Перн Андрэ (André Pern) — сотрудник ГФО (1870-е гг.) — 280, 281
- Перо — см. Позняков Н. И.
- Перовский Лев Алексеевич, гр. (1792–1856) — государственный деятель, археолог, коллекционер; поч. чл. с 29 декабря 1852 г. — 344
- Петр I Алексеевич (Петр Великий; 1672–1725) — царь с 1682 г., император Всероссийский с 1721 г. — ix, 108, 116, 132, 156, 181, 183, 184, 186, 188, 191, 205, 228, 256, 261, 370, 371, 372, 374–377, 379, 382, 384–387, 389–392, 399, 400, 403, 409, 412, 419, 420, 423, 431, 432, 443, 444, 448
- Петрашевский — см. Буташевич-Петрашевский М. В.
- Петров Андрей Николаевич (1837–1900) — военный историк, генерал-лейтенант — 443, 448
- Петрушевский Александр Фомич (1826–1904) — военный историк, генерал-лейтенант — 443, 448
- Планк Макс Карл Эрнст Людвиг (Max Karl Ernst Ludwig Planck; 1858–1947) — немецкий физик-теоретик, создатель квантовой физики; чл.-корр. с 7 декабря 1913 г. по разряду физического ФМО, поч. чл. с 2 января 1926 г. — 55
- Платон (Plato; 428/427–348/347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, основатель афинской Академии — 372, 383, 390
- Платонов — см. Иона
- Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) — юрист, государственный деятель — 189, 190
- Плетнев Петр Александрович (1792–1865) — поэт, литературный критик; орд. акад. с 19 октября 1841 г. по ОРЯС — 218
- Познер М. В. — сотрудник Министерства финансов, помощник Н. Х. Бунге — 138, 139
- Позняков Николай Иванович (псевд. Перо; 1856–1910) — писатель, переводчик, педагог, журналист; архивариус и зав. книжным складом (1888–1907), делопроизводитель Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам (1895–1905) — 453, 455
- Покровский Константин Доримедонтович (1868–1944) — астроном; зам. директора ГАО (1930–1932); чл.-корр. с января 1927 г. — 87, 120
- Поленов Василий Дмитриевич (1844–1927) — художник — 89
- Половцев Александр Александрович (Половцов; 1832–1909) — промышленник, государственный и общественный деятель, государственный секретарь (1883–1892) — 131
- Помяловский Иван Васильевич (1845–1906) — филолог-классик; декан историко-филологического факультета С.-Петербургского университета (с 1887 г.), и. о. ректора в 1890 г.; чл.-корр. с 1 декабря 1890 г. по ИФО (классическая филология) — 190, 237
- Понс Жан-Луи (Jean-Louis Pons; 1761–1831) — астроном, открывший 37 комет — 39
- Понятовский Станислав II Август (Stanisław August Poniatowski; 1732–1798) — король польский и великий князь литовский (1764–1795) — 445
- Попов Андрей Александрович (1821–1898) — военный и общественный деятель; адмирал, член Совета торговли и мануфактур и Общества содействия русской промышленности и торговли — 189
- Попов Никита Иванович (1720–1782) — астроном, математик; ад. с 19 января 1748 г. по астрономии, проф. с 1 марта 1751 г. по 5 августа 1768 г. — 268, 272
- Попов Нил Александрович (1833–1891) — историк-славист, архивист; чл.-корр. с 3 декабря 1883 г. по ИФО (историко-политические науки) — 445, 449

- Порфирий (в миру Константин Александрович Успенский; 1804–1885) — еп. Чигиринский; византист, коллекционер и палеограф — 459–461
- Поссельт — см. Посьет
- Посьет Константин Николаевич (1819–1899) — военный и государственный деятель; министр путей сообщения (1874–1888); член Государственного совета (1888); поч. чл. с 7 декабря 1879 г. — 189, 405
- Прахов Адриан Викторович (1846–1916) — искусствовед, художественный критик, археолог; проф. С.-Петербургского университета — 89, 364
- Прахов Мстислав Викторович (1840–1879) — филолог, литературовед, переводчик; проф. Дерптского университета — 89
- Пристли Джозеф (Joseph Priestley; 1733–1804) — английский естествоиспытатель, химик; поч. чл. с 11 сентября 1780 г. — 470
- Приций Иоганн Георг (Johann Georg Pritius; 1662–1732) — немецкий богослов (пиетист), педагог, переводчик — 300
- Прозоровский Дмитрий Иванович (1820–1894) — историк, палеограф, нумизмат — 183
- Пселл — см. Михаил Пселл
- Пугачев Емельян Иванович (1742–1775) — донской казак, предводитель восстания 1773–1775 гг. — 438, 447
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) — поэт — 216, 292, 412, 457, 461–464
- Радлов Василий Васильевич (Friedrich Wilhelm Radloff; 1837–1918) — востоковед-тюрколог, этнограф; орд. акад. с 7 ноября 1884 г. по ИФО (история и древности азиатских народов) — xv, xxv, 133, 450, 461
- Разумовский Алексей Кириллович, гр. (1748–1822) — государственный деятель, министр народного просвещения (1810–1816) — 427
- Рамазанов Николай Александрович (1817–1867) — русский скульптор и рисовальщик, акад. (1849) и проф. (1858) Императорской Академии художеств — 310
- 1781–1826) — британский государственный деятель, натуралист, путешественник — 105, 107
- Реди Франческо (Francesco Redi; 1626–1698) — итальянский врач, биолог, естествоиспытатель — 217, 219, 220
- Резанов Николай Петрович (1764–1807) — глава Российско-американской компании, русский дипломат, камергер императорского двора (1803), путешественник, участник первой кругосветной морской экспедиции (1803–1806), посол России в Японии — 424, 433
- Резерфорд Эрнест (Ernest Rutherford; 1871–1937) — британский физик, «отец ядерной физики»; чл.-корр. с 2 декабря 1922 г. по разряду физических наук (физика) Отделения физико-математических наук, поч. чл. с 3 января 1925 г. — 358
- Рейд Гарри Филдинг (Harry Fielding Reid; 1859–1944) — американский геофизик — 358
- Реймер Георг Андреас (Раймер; Georg Andreas Reimer; 1776–1842) — немецкий издатель, общественный деятель — 468
- Рейске Иоганн Якоб (Johann Jacob Reiske; 1716–1774) — филолог-классик, византист, арабист — 233, 459
- Рейсс, кн. (Генрих VII Рейсс-Кёстрицкий; Heinrich VII. Reuß zu Köstritz; 1825–1906) — немецкий дипломат, первый посол Германской империи в России — 114
- Реке (Рекке) Иван Федорович (Иоганн Фридрих; Johann Friedrich von Recke; 1764–1846) — архивист, историк, публицист; чл.-корр. с 16 декабря 1829 г. — 295
- Репин Илья Ефимович (1844–1930) — художник — 85, 89
- Риттер Карл (Karl Ritter; 1779–1859) — немецкий географ; поч. чл. с 18 декабря 1835 г. — 3, 16, 325
- Рихман Георг Вильгельм (Georg Wilhelm Richmann; 1711–1753) — физик; ад. с 15 апреля 1740 г. по физике, проф. с 20 февраля 1741 г. — 254
- Розе Густав (Gustav Rose; 1798–1873) — немецкий минералог, геолог; чл.-корр. с 16 декабря 1829 г. — 5, 7, 315, 319, 320, 325

- Розен Виктор Романович, бар. (1849–1908) — востоковед-арабист; ад. с 16 февраля 1879 г. по 8 марта 1882 г. по ИФО (мухамеданские языки и словесность), экстр. акад. с 1 декабря 1890 г. по ИФО (история литературы азиатских народов), орд. акад. с 20 января 1901 г., и. д. вице-президента с 7 апреля по 12 июля 1900 г. — 461
- Розенбергер Карл Оттович (1806–1866) — военный врач, выпускник Дерптского университета, доктор медицины, генерал-штаб-доктор флота (с 1860 г.) — 206
- Розенмюллер Эрнст Фридрих Карл (Ernst Friedrich Karl Rosenmüller; 1768–1835) — немецкий ориенталист, проф. восточных языков в университете г. Лейпцига — 428
- Розен-Розенштейн Нильс фон (Nils Rosen von Rosenstein, 1706–1773) — шведский врач; в 1728–1756 гг. занимал кафедру в университете в Упсале; автор «Руководства к познанию и врачеванию младенческих болезней» (1764) — 423, 433
- Романовский Геннадий Данилович (1830–1906) — геолог, горный инженер, палеонтолог — 314, 316
- Ромодановский Федор Юрьевич (ок. 1640–1717) — государственный деятель, «ближний стольник» при царе Алексее Михайловиче — 399
- Россохин (Рассохин) Иларион Калинович (1707(1717?)–1761) — китаевед, переводчик с китайского языка; в 1730-е гг. сотрудник Русской духовной миссии в Пекине — 422
- Рот Рудольф фон (Walter Rudolf von Roth; 1821–1895) — немецкий филолог, санскритолог; проф. Тюбингенского университета (1848), член Прусской АН (1861); совместно с О. Н. Бётлингом принимал участие в составлении санскритского словаря (1852–1875) — 91, 93–97, 99
- Румянцев (Румянцов) Николай Петрович, гр. (1754–1826) — государственный деятель, канцлер Российской империи; меценат, финансировавший научные проекты отечественных и зарубежных ученых — 234, 235, 256, 302, 305, 306
- Румянцев (Румянцов) Сергей Петрович, гр. (1755–1838) — дипломат, министр уделов (1798–1799) — 235, 302, 421
- Рупрехт Франц Иванович (Франц Иосиф; Franz Joseph Ruprecht; 1814–1870) — ботаник; ад. с 5 февраля 1848 г. по ФМО (ботаника), экстр. акад. с 5 ноября 1853 г., орд. акад. с 11 января 1857 г. — 153, 255, 262
- Руссо Жан-Жак (Jean-Jacques Rousseau; 1712–1778) — французский философ, мыслитель, писатель эпохи Просвещения — 429
- Руссо Луи Франсуа Эммануэль (Emmanuel Louis François Rousseau; 1788–1868) — французский медик и физиолог — 196, 198, 213
- Рухлов Сергей Васильевич (1852–1918) — государственный деятель, министр путей сообщения (1909–1915), один из инициаторов создания и первый председатель Российского морского союза (1904–1908) — 365
- Рыкачев Михаил Александрович (1840–1919) — метеоролог, физик; чл.-корр. с 5 декабря 1892 г., экстр. акад. с 17 апреля 1896 г., орд. акад. с 5 февраля 1900 г. по разряду физических наук ФМО (метеорология); директор ГФО (1896–1913) — 79, 277, 287, 352, 363
- Рышков Владимир Александрович (1865–1938) — чиновник особых поручений в Канцелярии Правления АН, с 1 июля 1912 г. казначей АН, делопроизводитель Комиссии по сооружению памятника А. С. Пушкину, один из организаторов Пушкинского Дома — 42, 455
- Рье Шарль Пьер Анри (Charles Pierre Henri Rieu; 1820–1902) — швейцарский востоковед, изучал санскрит, персидский, арабский; хранитель восточных рукописей в Британском музее; проф. Кембриджского университета — 99, 100, 101
- Рэлей (Рейли) Джон Уильям, лорд (John William Rayleigh; фамилия до получения титула лорда Рэрея (1873) — Стретт (Strutt); 1842–1919) — британский физик; чл.-корр. с 7 декабря 1896 г. по разряду физическому ФМО — 361
- Савваитов Павел Иванович (1815–1895) — историк, археолог, этнограф; чл.-корр. с 8 декабря 1872 г. по ОРЯС — 190

- Савельев Александр Степанович (1820–1860) — физик и метеоролог; вместе с Ф. И. Рупрехтом совершил путешествие на о. Колгуев и в Малоземельскую тундру (1841) — 262
- Савич Алексей Николаевич (1810–1883) — астроном; чл.-корр. с 4 декабря 1852 г. по ФМО (разряд математических наук), экстр. акад. с 1 июня 1862 г., орд. акад. с 10 мая 1868 г. по ФМО (астрономия) — 37, 59, 178, 406, 486
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (наст. фам. Салтыков, псевд. Н. Щедрин; 1826–1889) — писатель, редактор — 271, 273
- Святослав Игоревич (между 920 и 942 — 972) — князь новгородский и великий князь Киевский с 945 г. — 172, 234
- Седжвик Адам (Adam Sedgwick; 1785–1873) — британский геолог — 318, 319
- Семевский Василий Иванович (1848/1849–1916) — историк, общественный деятель; основатель и редактор журнала «Голос минувшего» — 238
- Семевский Михаил Иванович (1837–1892) — историк, журналист, общественный деятель, основатель журнала «Русская старина» — 190, 454
- Семенов Петр Петрович (Семенов-Тянь-Шанский; 1827–1914) — географ, ботаник, путешественник; проименование «Тянь-Шанский» получил в 1906 г. за описание Тянь-Шанских гор; поч. чл. с 7 декабря 1873 г.; сенатор с 1882 г. — 33, 190, 207, 287, 317, 364, 406
- Семенов Федор Алексеевич (1794–1860) — астроном-самоучка, метеоролог; чл.-корр. РГО — 486
- Сербинович Константин Степанович (?–1874) — государственный деятель, цензор, журналист; поч. чл. с 19 октября 1841 г. — 297, 298, 303
- Сергеевич Василий Иванович (1832–1910) — историк права — 183
- Сергей Александрович, вел. кн. (1857–1905) — военный деятель; поч. чл. с 29 декабря 1876 г. — 405, 408
- Силинич Иван Петрович (1868–1940-е) — географ — 29
- Симеон Магистр (Симеон Метафраст) — византийский писатель X в.; великий логофет, магистр при константинопольском дворе, в конце жизни монах — 233
- Скворцов Иван Михайлович (1795–1863) — священнослужитель, философ, один из основателей киевской религиозно-философской школы — 486
- Скотт Дьюкинфилд Генри (Dukinfield Henry Scott; 1854–1934) — британский ботаник; член (1894) и секретарь по международным делам (1916) Лондонского королевского общества — 366, 367
- Скрябин Александр Николаевич (1871/72–1915) — пианист, композитор, педагог — 89
- Слудский Федор Алексеевич (1841–1897) — математик, механик, профессор Московского университета — 85
- Смирнов Василий Дмитриевич (1846–1922) — востоковед-тюрколог; сотрудник Публичной библиотеки (с 1874 г.), проф. С.-Петербургского университета (с 1884 г.) — 189
- Собернгейм Иосиф Фридрих (Joseph Friedrich Sobernheim; 1803–1846) — немецкий врач — 195, 199, 200
- Соболевский Алексей Иванович (1856–1929) — филолог-русист, славист, этнограф; чл.-корр. с 4 декабря 1893 г. по ОРЯС, орд. акад. с 7 октября 1900 г. по ОРЯС — 31
- Соболевский Петр Григорьевич (1782–1841) — химик; чл.-корр. с 8 декабря 1830 г. — 347
- Соколов Алексей Петрович (1853–1910) — астроном, сотрудник ГАО (старший астроном в 1890–1891 гг., вице-директор в 1891–1905 гг.) — 89
- Соколов Алексей Петрович (1854–1928) — физик, проф. Московского университета — 89
- Соколов Петр Иванович (1764–1835) — литератор, издатель, библиотекарь; непрем. секр. Российской академии (1802–1835) — 303
- Солдатёнков Козьма Терентьевич (1818–1901) — предприниматель, книгоиздатель — 232
- Солнцев Федор Григорьевич (1801–1892) — художник, реставратор, историк — 190
- Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) — историк; чл.-корр. с 4 декабря 1864 г. по ИФО (историко-политические науки), орд. акад. с 3 марта 1872 г. по ОРЯС (русская история) — 185–188, 445, 449

- Соловьев Михаил Федорович (1785–1856) — физик, химик; чл.-корр. с 20 декабря 1826 г., поч. чл. с 21 ноября 1841 г. по ОРЯС — 347
- Солон (Solon; между 640 и 635 гг. до н. э. — ок. 559 г. до н. э.) — древнегреческий политик, законодатель, поэт; свод написанных им законов был размещен на кирбах — «столбах» и выставлен на всеобщее обозрение — 372, 383
- Сомов Осип (Иосиф) Иванович (1815–1876) — математик, механик; чл.-корр. с 4 декабря 1852 г. по разряду математических наук ФМО, орд. акад. с 2 марта 1862 г. по тому же отделению (чистая математика) — 253, 403, 406, 407
- Сонин Николай Яковлевич (1849–1915) — математик; чл.-корр. с 7 декабря 1891 г., орд. акад. с 1 мая 1893 г. по ФМО (чистая математика) — 39, 79, 237
- Сперанский Михаил Михайлович, гр. (1772–1839) — государственный и общественный деятель — 191
- Срезневский Всеволод Измайлович (1867–1936) — историк литературы, палеограф; чл.-корр. с 2 декабря 1906 г. по ОРЯС — 294, 295
- Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) — филолог-славист, палеограф, этнограф; ад. с 3 февраля 1849 г., экстр. акад. с 1 ноября 1851 г., орд. акад. с 14 ноября 1854 г. по ОРЯС — xxiii, 97, 182, 183, 185, 303–305, 403, 407
- Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) — историк искусства, критик; поч. акад. с 1 декабря 1900 г. по ОРЯС (изящная словесность) — 189
- Стеллер (Штеллер) Георг Вильгельм (Georg Wilhelm Steller; 1709–1746) — естествоиспытатель, врач, путешественник; ад. с 7 февраля 1737 г. по естественной истории — 105, 107, 108, 255, 261
- Стефани Лудольф Эдуардович (Ludolph Eduard Stephani; 1816–1887) — историк античности; орд. акад. с 7 сентября 1850 г. по ИФО (греческие и римские древности) — 153, 259, 264
- Стеффенс Хенрик (Генрих; Henrik / Heinrich Steffens; 1773–1845) — норвежский геолог, естествоиспытатель, философ, литератор — 468
- Столетов Александр Григорьевич (1836–1906) — физик, профессор Московского университета — 85
- Стояновский Николай Иванович (1821–1900) — юрист, государственный и общественный деятель — 189, 190
- Строганов Сергей Григорьевич, гр. (1794–1882) — государственный деятель, археолог, коллекционер, московский генерал-губернатор, попечитель Московского учебного округа (1835–1847) — 249
- Строев Павел Михайлович (1796–1876) — историк, археограф; чл.-корр. с 20 декабря 1826 г., ад. с 19 октября 1841 г., экстр. акад. с 6 февраля 1847 г., орд. акад. с 3 февраля 1849 г. по ОРЯС — 234, 256, 263
- Струве Василий Яковлевич (Friedrich Georg Wilhelm von Struve; 1793–1864) — астроном, геодезист; чл.-корр. с 9 января 1822 г., поч. чл. с 20 декабря 1826 г. по 18 января 1832 г. и с конца 1861 г., орд. акад. с 18 января 1932 г. по 21 декабря 1861 г. по астрономии; первый директор Пулковской обсерватории — xv, xxi, 218, 254, 260, 406, 409
- Струве Оттон Васильевич (Отто Вильгельм; Otto Wilhelm von Struve; 1819–1905) — астроном; ад. с 4 декабря 1852 г., экстр. акад. с 10 февраля 1856 г. по астрономии, орд. акад. с 2 июня 1861 г. по 16 декабря 1889 г. по ФМО (астрономия и география); директор Пулковской обсерватории (1862–1889) — 36, 43, 85, 122, 178, 279, 473, 474
- Струензе Иоганн Фридрих фон (Johann Friedrich, Graf von Struensee; Johan Frederik, Greve af Struensee; 1737–1772) — датский государственный деятель — 187
- Суворов Александр Аркадьевич, кн. (1804–1882) — государственный, военный, общественный деятель, санкт-петербургский военный генерал-губернатор (1861–1866), внук А. В. Суворова — 406
- Суворов Александр Васильевич (1729/1730–1800) — военный и государственный деятель — 423, 443, 448

- Суземиль Франц (Franz Susemihl; 1826–1901) — немецкий филолог-классик — 462, 463
- Сухомлинов Михаил Иванович (1828–1901) — историк, историк литературы; чл.-корр. с 3 декабря 1855 г., экстр. акад. с 3 ноября 1872 г., орд. акад. с 6 февраля 1876 г. по ОРЯС — 97, 114, 123, 124, 189, 303, 306, 403, 405–407, 411, 412
- Сухтелен Петр Корнилович, бар. (1812), гр. (1822) (Jan Pieter van Suchtelen; 1751–1836) — военный и государственный деятель, коллекционер; поч. чл. с 22 августа 1804 г. — 392
- Тарханов Павел Васильевич (1787–1839) — астроном; ад. с 9 октября 1822 г. по астрономии, экстр. акад. с 26 апреля 1826 г. — 255, 261, 262
- Татищев Василий Никитич (1686–1750) — государственный деятель, историк, географ, экономист — 229
- Тенар Луи Жак (Louis Jacques Thénard; 1777–1857) — французский химик — 247
- Тихсен (Тихсен) Олаф Герхард (Oluf Gerhard Tychsen; 1734–1815) — немецкий востоковед, гебраист, палеограф — 426, 428
- Тихсен (Тихсен) Томас Христиан (Thomas Christian Tychsen; 1758–1834) — немецкий востоковед, богослов — 426, 428
- Тилло Алексей Андреевич (1839–1899) — географ, картограф, геодезист, топограф, климатолог; чл.-корр. с 5 декабря 1892 г. по ФМО (математические науки) — 28–30
- Тимашев Александр Егорович (1818–1893) — государственный деятель, министр внутренних дел (1868–1877) — 406
- Тишendorf Константин фон (Lobegott Friedrich Konstantin von Tischendorf; 1815–1874) — геолог и библеист, путешественник, коллекционер — 460
- Толмачева-Карпинская Евгения Александровна (1874–1963) — геолог, историк науки, библиограф, переводчик; старшая дочь акад. А. П. Карпинского — 8, 15
- Толстой Дмитрий Андреевич, гр. (1823–1889) — государственный деятель; министр народного просвещения (1866–1880); поч. чл. с 9 декабря 1866 г., президент с 25 апреля 1882 г. по 25 апреля 1889 г. — xi, xxv, 36, 211, 212, 407, 438, 441–443
- Толстой Лев Николаевич, гр. (1828–1910) — писатель; чл.-корр. с 7 декабря 1783 г. по ОРЯС, поч. акад. с 8 января 1900 г. по Разряду изящной словесности того же Отделения — 216
- Толстой Федор Петрович (1783–1873) — скульптор, медальер, живописец — 390, 392
- Томсон Елизавета — американская меценатка, пожертвовавшая А. А. Белопольскому средства на создание астрономического инструмента для наблюдения эффекта Доплера — 86
- Топпинар Поль (Paul Topinard; 1830–1911) — французский медик, антрополог — 26, 27
- Тормасов Александр Петрович, гр. (1752–1819) — военачальник, генерал от кавалерии, в доме которого получил первоначальное образование В. Я. Буныковский — 169
- Традескант Джон (младший; John Tradescant the Younger; 1608–1662) — английский натуралист, ботаник — 250, 252
- Традескант Джон (старший; John Tradescant the Elder; ок. 1570–1638) — английский натуралист, ботаник, хранитель королевских садов, коллекционер и путешественник — 249, 250
- Траутфеттер (Trautvetter) — научный сотрудник ГФО в 1870-е гг. — 280, 281
- Тредиаковский Василий Кириллович (1703–1768) — поэт, проф. красноречия (элоквенции) с 25 июля 1745 г. по 30 марта 1759 г. — 228
- Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919) — экономист, социолог; акад. Всеукраинской академии наук (1918); политик и государственный деятель Украинской Народной Республики — 139
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) — писатель; чл.-корр. с 2 декабря 1860 г. по ОРЯС — 216
- Тютчев Федор Иванович (1803–1873) — поэт, дипломат; чл.-корр. с 28 декабря 1857 г. по ОРЯС — 216

- Уваров Алексей Сергеевич, гр. (1825–1884) — археолог; чл.-корр. с 7 декабря 1856 г. по ОРЯС, поч. чл. с 12 декабря 1857 г. — 31
- Уваров Сергей Семенович, гр. (1786–1855) — государственный деятель; поч. чл. с 16 января 1811 г., президент с 12 января 1818 г. по 4 сентября 1855 г. — xi, xiii, xx, xxi, xxiii, 10, 98, 110, 217, 242, 257, 302, 338, 370, 390, 392–394, 416, 425, 428–430, 434, 443, 449, 474
- Уваровский Афанасий Яковлевич (1800–1860) — литератор — 102
- Ульман Карл Христиан (Karl Christian Ulmann; 1793–1871) — орд. проф., ректор Дерптского университета (1839–1842); епископ, вице-президент Генеральной евангелическо-лютеранской консистории (1856–1868) — 207–209
- Урания (Urania) — в античной мифологии муза астрономии — 378, 379, 388, 389
- Урусов Сергей Николаевич, князь (1816–1883) — государственный деятель, главноуправляющий II Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии; поч. чл. с 3 декабря 1876 г. — 406
- Усов Сергей Алексеевич (1827–1886) — зоолог, издатель, популяризатор естественных знаний; проф. Московского университета — 31
- Устрялов Николай Герасимович (1805–1870) — историк; ад. с 13 января 1837 г. по русской истории и древности, экстр. акад. с 4 июня 1842 г., орд. акад. с 5 октября 1844 г. по ИФО — 153, 256
- Фальк Иоганн Петер (Юхан; Johan Peter Falck; 1732–1774) — шведский путешественник и ботаник, директор Аптекарского огорода (1745), участник академической экспедиции по России (1768–1774) — 261**
- Фаминцын Андрей Сергеевич (1835–1918) — ботаник-физиолог; ад. с 1 декабря 1878 г., экстр. акад. с 4 февраля 1884 г., орд. акад. с 9 марта 1891 г. по ФМО — xxiv, 27, 74, 75, 178
- Фарадей Майкл (Michael Faraday; 1791–1867) — английский физик, химик; поч. чл. с 8 декабря 1830 г. — 334, 336
- Феб — см. Аполлон
- Федотова Гликерия Николаевна (1846–1925) — актриса — 89
- Феодосий (Печерский) (ок. 1008 или ок. 1036–1074) — основатель общежительного монастырского устава и родоначальник монашества на Руси, один из основателей и игумен Киево-Печерского монастыря; ему приписывают более 20 произведений — 228
- Феофил (ок. 813–842) — византийский император с 829 г. — 233
- Ферма(т) Пьер (Pierre de Fermat; 1607–1665) — французский математик — 147
- Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1782–1867) — еп. Русской православной церкви, митр. Московский и Коломенский, государственный и общественный деятель; член Российской академии с 1818 г.; поч. чл. с 19 декабря 1827 г., орд. акад. с 19 октября 1841 г. по ОРЯС — 297, 298
- Филиппов Третий Иванович (1826–1899) — государственный деятель, публицист и исследователь в области церковной истории; государственный контролер (с 1889 г.) — 189
- Филлипс Джон (John Phillips; 1800–1874) — британский геолог, палеонтолог — 319, 325
- Фирдоуси Хаким Абулькасим (940 — ок. 1020) — персидский поэт, автор поэмы «Шахнаме» («Книга царей») — 431
- Фишер Иоганн Эбергард (Johann Eberhard Fischer; 1697–1771) — историк, филолог; ад. с 22 сентября 1732 г. по истории и древностям, проф. с 28 ноября 1747 г. — 231, 261
- Фортунатов Филипп Федорович (1848–1914) — лингвист, специалист по сравнительному языкознанию; чл.-корр. с 3 декабря 1895 г. по ОРЯС, орд. акад. с 7 марта 1898 г. по ОРЯС — xxvi
- Фосс Леопольд (Leopold Voss) — немецкий предприниматель, работавший по контракту с Академией наук в середине XIX в. — 110, 111
- Фотий (ок. 820–896) — богослов, патриарх Константинопольский (858–867 и 877–886) — 229

- Френ Христиан Данилович (Христиан Мартин; Christian Martin Frähn; 1782–1851) — востоковед (арабист, тюрколог); орд. акад. с 24 сентября 1817 г. по восточным древностям; директор Азиатского музея (1818–1842) — хх, 257, 263, 264, 305, 392, 415–420, 425–431, 433–436
- Фрише Юлий Федорович (Карл Юлий; Carl Julius Fritzsche; 1808–1871) — химик; ад. с 24 августа 1838 г. по химии, экстр. акад. с 6 апреля 1844 г. по Отделению физико-математических наук, орд. акад. с 10 апреля 1852 г. — 4, 6, 9, 466, 471–474
- Фроман Георгий Карл Людвиг (Georg Carl Ludwig Gottlieb Frommann; 1809–1879) — немецкий теолог, пастор церкви Св. Петра в С.-Петербурге, вице-президент С.-Петербургской евангелическо-лютеранской консистории (1868–1877) — 207, 209
- Фурмон Клод-Луи (Claude-Louis Fourmont; 1703–1780) — французский востоковед, племянник братьев востоковедов Этьена и Мишеля Фурмонов — 420
- Фурмон Мишель (Michel Fourmont; 1690–1746) — французский востоковед, младший брат востоковеда Этьена Фурмона — 420, 431, 432
- Фурмон Этьен (Étienne Fourmont; 1683–1745) — французский востоковед, старший брат востоковеда Мишеля Фурмона — 420, 431, 432
- Фус (Фусс) Егор Николаевич (Георг Альберт; Georg Albert Fuss; 1806–1854) — астроном, директор академической обсерватории в Вильно — 288
- Фус (Фусс) Николай Иванович (Nikolaus Fuss; 1755–1825) — математик; ад. по математике с 15 января 1776 г., орд. акад. по высшей математике с 13 февраля 1783; непрем. секр. с 17 сентября 1800 г. по 23 декабря 1825 г. — xi, 253
- Фус (Фусс) Павел Николаевич (Paul Heinrich Fuss; 1798–1855) — математик; ад. с 10 июня 1818 г., экстр. акад. с 29 января 1823 г., орд. акад. с 15 февраля 1826 г. по чистой математике; непрем. секр. с 11 января 1826 г. (фактически с 23 декабря 1825 г.) — xi, 9, 108–110, 202, 217, 218, 301, 337, 340, 341, 343, 346, 347, 474
- Хаджи Халифа (Катиб Челеби; 1609–1657) — османский ученый-энциклопедист, историк, географ, философ — 422, 432
- Хинкельман Абрахам (Abraham Hinckelmann (Hinkelmann); 1652–1695) — немецкий теолог, востоковед — 422, 432
- Хитрово Василий Николаевич (1834–1903) — государственный и общественный деятель; основатель и почетный член Императорского православного палестинского общества — 190
- Хитрово Константин Никанорович (1828–1890) — казанский вице-губернатор (1889–1890) — 356
- Хитрово Мария Константиновна (в замужестве кн. Голицына; 1866–1942?) — жена акад. Б. Б. Голицына — 356
- Хлебников — владелец фотоателье (?) в С.-Петербурге вт. пол. XIX в. — 189
- Хосров I Ануширван (531–579) — персидский шах из династии Сасанидов — 431
- Хоум (Номе; ?-?) — натуралист XVIII в. — 105, 107
- Хофман Теодор (Theodor Wilhelm August Hoffmann; 1865–1919) — пастор евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра в Риге — 208, 209
- Цераский Витольд Карлович (1849–1925) — астроном; проф. Московского университета и директор университетской обсерватории; чл.-корр. с 29 ноября 1914 г. по ФМО (математические науки) — 88, 89
- Чебышёв Пафнутий Львович (1821–1894) — математик, механик; ад. с 14 мая 1853 г., экстр. акад. с 3 августа 1856 г., орд. акад. с 6 февраля 1859 г. по ФМО (прикладная математика) — xxiii, 38, 52, 121, 178, 218
- Чевкин Константин Владимирович (1803–1875) — генерал от инфантерии, специалист в области военного и горного дела, председатель департамента экономии Государственного совета (1863–1872); поч. чл. с 3 декабря 1855 г. — 320, 321, 408

- Чекановский Александр Лаврентьевич (Alexander Piotr Czekanowski; 1833–1876) — российский геолог польского происхождения, исследователь Сибири — 289
- Чернай Николай Александрович (1849–1912) — химик, проф. химии Харьковского университета и Харьковского технологического института — 67
- Чернышев Феодосий Николаевич (1856–1914) — геолог, палеонтолог; ад. с 11 января 1897 г. (геология), экстр. акад. с 4 декабря 1899 г., орд. акад. с 2 мая 1909 г. по ФМО (геогнозия и палеонтология) — 42, 352
- Чертков Александр Дмитриевич (1789–1858) — военный, историк; чл.-корр. с 3 декабря 1842 г. по ИФО (история и древности) — 298
- Шафарик Павел Йозеф (Pavol Jozef Šafárik; 1795–1861) — чешский филолог-славист, поэт; директор библиотеки Пражского университета с 1848 г. — 182**
- Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) — филолог-лингвист, историк древнерусской культуры; ад. с 12 ноября 1894 г. по ОРЯС, экстр. акад. с 3 мая 1897 г., орд. акад. с 4 декабря 1899 г. — xxvi**
- Шахова Елизавета Никитична (1821–1899) — поэтесса — 303
- Шаховской Александр Александрович (1777–1846) — поэт, драматург — 464
- Швейниц Ганс Лотар фон (Hans Lothar von Schweinitz; 1822–1901) — прусский генерал и дипломат, германский посол в Петербурге (1876–1892) — 407
- Швейцер Богдан Яковлевич (Kaspar Gottfried Schweizer; 1816–1873) — астроном, географ; сотрудник Пулковской обсерватории (1841–1845), орд. проф. и директор обсерватории Московского университета (с 1856 г.) — 257
- Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (Friedrich Wilhelm Joseph Schelling; 1775–1854) — немецкий философ — 468
- Шепилин П. — чиновник Министерства народного просвещения в 1830-е гг. — 296
- Шереметев Петр Васильевич (большой; ?–1690) — военный и государственный деятель — 399
- Шереметевский Владимир Петрович (1834–1895) — филолог, педагог, преподаватель русского языка и словесности II московской гимназии — 88
- Шерер Александр Иванович (Александр Николаус; Alexander Nicolaus Scherer; 1771–1824) — химик, философ; чл.-корр. с 20 июля 1797 г., ад. с 27 марта 1805 г. по химии, экстр. акад. с 11 марта 1807 г., орд. акад. с 16 августа 1815 г. — 254
- Шёгрэн Андрей Михайлович (Андреас Йоганн; Andreas Johann Sjögren; 1794–1855) — языковед, историк, этнограф, путешественник; чл.-корр. с 19 декабря 1827 г., ад. с 30 сентября 1829 г. по истории, экстр. акад. с 9 марта 1831 г. по русской истории и древностям, орд. акад. с 5 октября 1844 г. по ИФО (филология и этнография финских и кавказских народов в России) — 258, 418, 434, 436
- Шёрер (Schoerer) — механик ГФО в 1870-е гг. — 280, 281
- Шинц Генрих Рудольф (Heinrich Rudolf Schintz; 1777–1861) — швейцарский врач, зоолог; проф. естествознания Цюрихского университета (с 1833 г.) — 108, 109
- Ширинский-Шихматов Платон Александрович, кн. (1790–1853) — государственный деятель, писатель, археолог; министр народного просвещения (1850–1853); поч. чл. с 15 декабря 1837 г., орд. акад. с 19 октября 1841 г. по ОРЯС — 114
- Шифнер Антон Антонович (Franz Anton Schiefner; 1817–1879) — филолог, востоковед, директор иностранного отделения Библиотеки Имп. АН (1862–1879); ад. с 29 октября 1852 г., экстр. акад. с 15 июня 1854 г. по ИФО — 258
- Шлёцер Август Людвиг (August Ludwig (von) Schlözer; 1735–1809) — историк, статистик, филолог; ад. с 1 июня 1762 г. по истории, проф. истории и статистики с 3 января 1765 г., иностр. поч. чл. с 1 июля 1769 г.; занимался изучением древнерусских летописей, их связи с византийскими источниками; автор пятитомного труда «Нестор» (Гёттинген, 1802–1809) — 229–233, 256, 257
- Шлоссер Фридрих Кристоф (Friedrich Christoph Schlosser; 1776–1861) — немецкий историк — 233

- Шлотман Константин (Christoph Wilhelm Constantin Schlottman; 1819–1887) — немецкий геолог и востоковед; секретарь Немецкого восточного общества — 96, 97
- Шмидт Г. А. (Schmidt G. A. ?–?) химик середины XIX в., публиковавшийся в академическом “Bulletin” — 475
- Шмидт Федор Богданович (Karl Friedrich Schmidt; 1832–1908) — геолог, палеонтолог, ботаник; ад. с 7 янв. 1872 г. по ФМО (палеонтология), орд. акад. с 13 апр. 1885 г. по геологии и палеонтологии — xv, xxiv, 27, 69, 178, 215, 314–317, 352, 410
- Шмидт Яков Иванович (Isaak Jacob Schmidt; 1779–1847) — востоковед-монголовед, тибетолог; иностр. чл.-корр. с 25 октября 1826 г., ад. с 28 января 1829 г. по литературе и древностям Востока, экстр. акад. с 9 марта 1831 г., орд. акад. с 14 июня 1833 г. — 257, 264, 417, 418, 431
- Шольц Иоганн Мартин Августин (Johann Martin Augustin Scholz; 1794–1852) — немецкий богослов, переводчик — 300
- Шренк Александр Иванович (Alexander Gustav von Schrenk (Schrenck); 1816–1876) — геолог, минералог, ботаник, путешественник, поэт; старший брат акад. Леопольда Ивановича Шренка — 314, 316
- Шренк Леопольд Иванович (Leopold von Schrenk (Schrenck); 1826–1894) — зоолог, путешественник; первый директор Музея антропологии и этнографии (с 1879 г.); ад. с 2 марта 1861 г., экстр. акад. с 2 августа 1863 г., орд. акад. с 4 июня 1865 г. по ФМО (зоология) — 25, 59, 178, 215, 255, 263, 316
- Штаммер Карл (Karl Stammer; 1828–1893) — немецкий химик и популяризатор науки — 54, 55
- Штеллинг Эдуард Васильевич (Eduard Reinhold Stelling; 1850–1922) — физик, метеоролог; ассистент на метеорологической станции С.-Петербурга, секретарь ГФО (1870-е гг.), директор магнитно-метеорологической станции в Иркутске (1885–1894), директор физической обсерватории в Тифлисе (1894–1897), директор Николаевской физической обсерватории (1897–1912); чл.-корр. с 1 декабря 1901 г. по ГФО (физика) — 280, 281
- Штида Людвиг (Стида; Christian Hermann Ludwig Stieda; 1837–1918) — немецкий биолог, анатом; проф. и декан медицинского факультета Кёнигсбергского университета; чл.-корр. с 4 декабря 1904 г. по ФМО (биология) — 202
- Шторх Андрей Карлович (Генрих Фридрих; Heinrich Friedrich von Storch; 1766–1835) — экономист, статистик; чл.-корр. с 7 апреля 1796 г. по политической экономии и статистике, орд. акад. с 1 февраля 1804 г., вице-президент с 8 ноября 1830 г. по 1 ноября 1835 г. — xviii, 233, 246, 257, 263
- Штраух Александр Александрович (Alexander Strauch; 1832–1893) — зоолог; ад. с 7 апреля 1867 г. по ФМО (зоология), экстр. акад. с 1 мая 1870 г., орд. акад. с 2 ноября 1879 г., непрем. секр. с 24 марта 1890 г. по 14 августа 1893 г.; директор Зоологического музея (1879–1890) — xi, xv, xxiv, 109, 110, 117, 178
- Штриттер Иван Михайлович (Иоганн Готгильф Штриттер; Johann Gotthilf Stritter; 1740–1801) — историк; ад. с 10 октября 1779 г. по истории, поч. чл. с 27 сентября 1787 г. — 235
- Шуберт Федор Иванович (Фридрих Теодор; Friedrich Theodor von Schubert; 1758–1825) — математик, астроном, геодезист; акад. с 18 июня 1786 г. по математике, с 1 июля 1803 г. по астрономии — 254, 260, 424, 430
- Шуберт Федор Федорович (Теодор Фридрих; Theodor Friedrich von Schubert; 1789–1865) — военный деятель, геодезист — 260
- Шумахер Иван Данилович (Johann Daniel Schumacher; 1690–1761) — деятель русской науки эльзасского происхождения, секретарь Медицинской канцелярии, библиотекарь и секретарь Академии наук — 420
- Шустер Франц Артур Фридрих, сэр (Sir Franz Arthur Friedrich Schuster; 1851–1934) — британский физик — 358, 360
- Шуф Александр Карлович (1837–1884) — юрист, публицист, преподаватель истории II московской гимназии, сослуживец отца А. А. Белопольского — 88

Щебальский Петр Карлович (1810–1886) — историк и публицист — 445, 449

Эйлер Леонард (Leonhard Euler; 1707–1783) — математик, механик, физик; ад. с 17 декабря 1726 г. по физиологии, проф. физики с 1 января 1731 г., высшей математики с 15 июня 1733 г. по 5 июня 1741 г., поч. чл. с 4 мая 1742 г., вторично проф. с 26 апреля 1766 г. — xi, 167, 217, 253, 261, 268, 276, 277, 412

Эйхвальд Эдуард Иванович (Johann Karl Eduard Eichwald; 1795–1876) — естествоиспытатель-анатом, зоолог, минералог; чл.-корр. с 20 декабря 1826 г. — 314, 316, 319, 320, 325
Энгельгардт Мориц Федорович фон (Otto Moritz Ludwig von Engelhardt; 1778–1842) — геолог; чл.-корр. с 31 января 1816 г.; проф. минералогии и геологии Дерптского университета (1820–1841) — 16, 308

Энке Иоганн Франц (Johann Franz Encke; 1791–1865) — астроном; поч. чл. с 9 декабря 1829 г.; в честь него названа комета — 35, 37–41, 44, 47

Эпинус Франц Ульрих Мария Теодор (Franz Ulrich Maria Theodor Aepinus; 1724–1802) — физик; проф. физики с 1756 г. — 254

Эренберг Христиан Готфрид (Christian Gottfried Ehrenberg; 1795–1876) — немецкий натуралист, геолог; иностр. чл.-корр. с 1829 г., поч. чл. с 1840 г. — 105, 107, 315, 325

Эттинген Августин Александрович фон (August Georg Friedrich von Oettingen; 1823–1908) — юрист, губернатор Лифляндии (1862–1868) — 326, 327

Эшмол Элиас (Elias Ashmole; 1617–1692) — английский антиквар, алхимик и астролог; считается основателем музея в Оксфорде — 252

Ягич Игнатий Викентьевич (Ватрослав; Vatroslav Jagić, 1838–1923) — филолог-славист, иностр. чл.-корр. с 13 декабря 1868 г. по ОРЯС, экстр. акад. с 2 мая 1880 г. по ОРЯС (славянская филология), орд. акад. с 4 декабря 1881 г. — xiv, xxv

Языков Дмитрий Иванович (1773–1844) — историк, литератор, переводчик; директор департамента Министерства народного просвещения, непрем. секр. Российской академии (1835–1841); поч. чл. с 8 декабря 1830 г., орд. акад. с 19 октября 1841 г. по ОРЯС — 297

Якоби Борис Семенович (Мориц Герман; Moritz Hermann von Jacobi; 1801–1874) — физик, специалист в области электротехники и гальваноластики; чл.-корр. с 21 декабря 1838 г. (физика), ад. с 29 ноября 1839 г. (практическая механика и теория машин), экстр. акад. с 7 мая 1842 г. (прикладная математика), орд. акад. с 6 марта 1847 г. (технология и прикладная химия), с 21 сентября 1865 г. по ФМО (физика) — xxii, 4, 6, 9, 151–153, 218, 254, 279, 289, 466, 470–472, 473

Яковин Илья Федорович (1764–1836) — проф. истории, географии и статистики и ректор Имп. Казанского университета (1805–1813) — 424

Яковлев — бухгалтер АН — 403, 407

Янжул Иван Иванович (1846–1914) — экономист, чл.-корр. с 4 декабря 1893 г. (историко-политические науки), орд. акад. с 4 марта 1895 г. по ИФО (политическая экономия и наука о финансах) — xxvi, 138–140, 142, 268, 272

Abels — см. Абельс Герман Федорович

Abich — см. Абих Герман Вильгельмович

Alexander — см. Александр I

Alexejew — см. Алексеев Петр Петрович

Ashmole — см. Эшмол Элиас

Athen — см. Афина

Awerow — см. Аверов Анастас

Baer — см. Бэр Карл Максимович

Bernoulli — см. Бернулли Даниил

Berzelius — см. Берцелиус Йёнс Якоб

Boileau-Despréaux — см. Буало-Депрео Николая

Bruch — см. Брух Карл Фридрих
Buffon — см. Бюффон, гр. (Жорж-Луи Леклерк)
Bunsen — см. Бунзен Роберт Вильгельм

Cobet — см. Кобет Карел Габриель
Conrad — см. Конрад Иоганнес
Cooke — см. Кук Уильям Фотергилл
Crookes — см. Крукс Уильям
Cuvier — см. Кювье Жорж Леопольд

Darwin George — см. Дарвин Джордж Говард
Darwin H. — см. Дарвин Гораций
Daubenton — см. Добантон Луи Жан-Мари
Davy — см. Дэви Гемфри
Diard — см. Диард Пьер-Медар
Dohrandt — см. Дорандт Фердинанд Богданович
Dorn — см. Дорн Борис Андреевич
Duvaucel — см. Дювосель Альфред

Ehrenberg — см. Эренберг Христиан Готфрид
Euler — см. Эйлер Леонард

Faraday — см. Фарадей Майкл
Frähn — см. Френ Христиан Данилович
Fritzsche — см. Фрицше Юлий Федорович

Geikie — см. Гейки Арчибальд
Grewingk — см. Гревингк Константин Иванович
Gérhardt — см. Жерар Шарль Фредерик
Geuther — см. Гейтер Иоганн Георг Антон
Golitsin — см. Голицын Борис Борисович
Graefe — см. Грефе Федор Богданович
Gregorius — см. Грегориус
Grot — см. Грот Яков Карлович

Hasenjäger — см. Газенъегер Роберт Федорович
Helmersen — см. Гельмерсен Григорий Петрович
Hess — см. Гесс Герман Иванович
Hoffmann — см. Хофман Теодор
Home — см. Хоум
Humboldt — см. Гумбольдт Фридрих Вильгельм Генрих Александр

Jacobi — см. Якоби Борис Семенович
Jaegermann — см. Егерман Рихард Освальдович
Jolly — см. Жолли Филипп фон

Kālidāsa — см. Калидаса
Kämtz — см. Кемц Людвиг Мартынович
Kimon — см. Кимон
Klaproth — см. Клапрот Юлиус Генрих
Kolowski — см. Коловский
Kotelnikof — см. Котельников Семен Кириллович
Kreiger — см. Крейгер

Krug — см. Круг Филипп Иванович
Krusenstern — см. Крузенштерн Иван Федорович
Krusenstern Alex. — см. Крузенштерн Александр Иванович
Kupffer — см. Купфер Адольф Яковлевич

Laaland — см. Лааланд Корнелий
Lancaster — см. Ланкастер Джозеф
Lassen — см. Лассен Христиан
Laurent — см. Лоран Огюст
Lehmann — см. Леман Александр Адольфович
Lenz — см. Ленц Эмилий Христианович
Liebich — см. Либих Юстус фон
Löwig — см. Лёвих Карл Якоб
Lütke — см. Литке Федор Петрович
Lyäus — см. Дионис

Marimo — см. Маримо Франческо
Meyendorff — см. Мейендорф Фридрих Александрович
Meyer — см. Мейер Лотар Юлиус
Middendorff — см. Миддендорф Александр Федорович
Miller — см. Миллер Эммануил
Milne — см. Милн Джон
Mitscherlich — см. Митчерлих Эйльхард
Müller — см. Миллер (Мюллер) Федор Иванович
Murchison — см. Мурчисон Родерик Импи
Murchison, lady — см. Мурчисон Шарлота

Nemesis — см. Немезида
Nestor — см. Нестор
Neumann — см. Нейман Франц Эрнст
Nikolaus — см. Николай I Павлович

Oettingen — см. Эттинген Августин Александрович
Osteneck — см. Востоков Александр Христофорович

Pahlen-Palms — см. Пален Александр, бар.
Pallas — см. Афина (Афина Паллада)
Pāṇini — см. Панини
Parrot — см. Паррот Егор Иванович
Paul — см. Павел I Петрович
Pern — см. Перн Андрэ
Peter — см. Петр I Алексеевич
Phillips — см. Филлипс Джон
Phöbus — см. Аполлон (Феб)
Plato — см. Платон
Pritius — см. Приций Иоганн Георг

Raffles — см. Раффлз Томас Стэмфорд Бингли
Rayleigh — см. Рэлей Джон Уильям
Reid — см. Рейд Гарри Филдинг
Rieu — см. Рье Шарль Пьер Анри
Rose — см. Розе Густав
Roth — см. Рот Рудольф фон

Rousseau — см. Руссо Луи Франсуа Эммануэль

Rutherford — см. Резерфорд Эрнест

Salzer — см. Зальцер Теодор

Schintz — см. Шинц Генрих Рудольф

Schmidt — см. Шмидт Г. А. и Шмидт Яков Иванович

Schlottman — см. Шлотман Константин

Schlosser — см. Шлоссер Фридрих Кристоф

Schlözer — см. Шлёцер Август Людвиг

Schoerer — см. Шёер

Scholz — см. Шольц Иоганн Мартин Августин

Schubert — см. Шуберт Федор Федорович

Schuster — см. Шустер Франц Артур Фридрих

Scott — см. Скотт Дьюкинфилд Генри

Sesostris (Сесострис) — зд. нарицательное имя египетского фараона

Sjögren — см. Шёгрэн Андрей Михайлович

Solon — см. Солон

St. Martin — см. Сен-Мартен Луи Вивьен де

Stammer — см. Штаммер Карл

Steller — см. Стеллер (Штеллер) Георг Вильгельм

Stelling — см. Штеллинг Эдуард Васильевич

Stieda — см. Штида Людвиг

Storch — см. Шторх Андрей Карлович

Susemihl — см. Суземиль Франц

Thomas Aquinas — см. Фома Аквинский

Thomas Cantuarensis — см. Фома Кентерберийский

Trautvetter — см. Траутфеттер

Tychsen — см. Тихсен (Тихсен) Олаф Герхард

Ulmann — см. Ульман Карл Христиан

Urania — см. Урания

Voss — см. Фосс Леопольд

Welcker — см. Велькер Фридрих Готлиб

Wöhler — см. Вёлер Фридрих

Würtz — см. Вюрц Шарль Адольф

Zinine — см. Зинин Николай Николаевич

Научное издание

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ
АКАДЕМИКОВ XIX ВЕКА

Сборник документов и материалов
А — И

Составители:

*Екатерина Юрьевна Басаргина,
Мария Николаевна Додеус,
Ольга Александровна Кирикова*

Редакторы:

*Ирина Владимировна Тункина,
Екатерина Юрьевна Басаргина*

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Дизайн обложки *Е. Б. Кудина*
Корректор *Д. А. Гаврилов*
Оригинал-макет *С. В. Красильнюк*

Подписано в печать 13.10.2025. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 46,3. Тираж 300 экз. Печать цифровая.
Заказ № 261